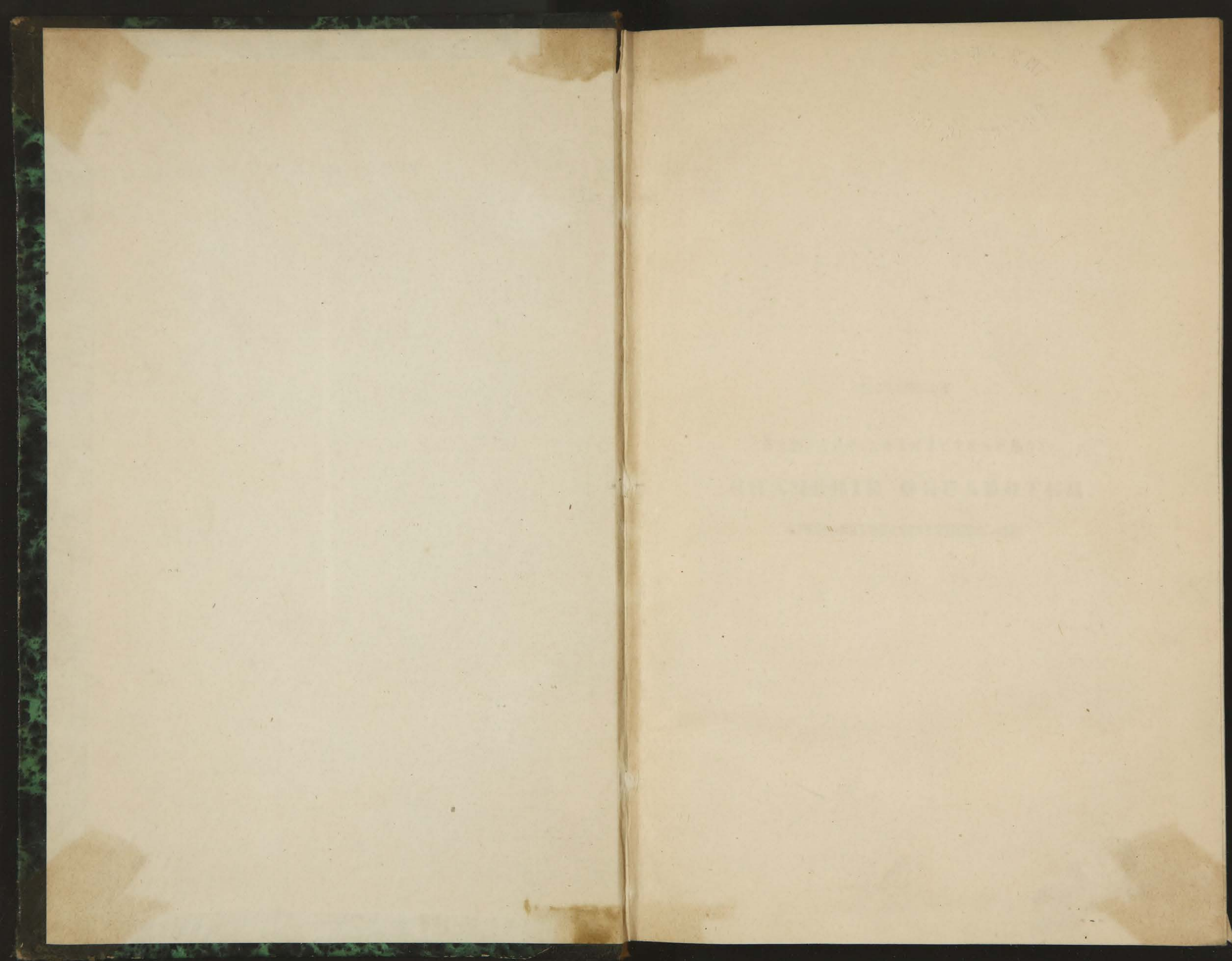

6433

ИСТОРИЧЕСКОЕ
И
НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ
ЗНАЧЕНИЕ ОБРАБОТКИ
КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ.

ANALYTICAL CHEMISTRY

BY J. H. VAN SICKLE

SEVENTH EDITION

NEW YORK

1914

THE McGRAW-HILL BOOK COMPANY

Copyright 1914 by J. H. Van Sickle
Printed in the United States of America

64333
~~3877~~
ИСТОРИЧЕСКОЕ

И

НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ

ЗНАЧЕНІЕ ОБРАБОТКИ
КРЕСТЬЯНАМИ - СОБСТВЕННИКАМИ.

СОЧИНЕНІЕ

МИХАИЛА ВОЛЬСКАГО.

3888 J

Издание К. Солдатенкова.

ЦѢНА 2 Р. 50 К.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМЦ.

1865.

39

Библиотека ИИФ СССР

11

3877

Печатать дозволяется по опредѣленію юридическаго факультета Импера-
торскаго Московскаго Университета, 23 февраля 1865 года.

Деканъ В. Лешковъ.

6 3938

LIBRARY OF THE
IMPERIAL UNIVERSITY OF MOSCOW
1865

ВВЕДЕНИЕ.

*Καλῶς δὲ καὶ κακῶς εἶωεν, ὅς ἔφη τὴν γε-
ωργίαν τῶν ἄλλων τεχνῶν μητέρα καὶ τρο-
φὴν εἶναι. Ξενοφ.*

Человѣкъ связанъ съ землею самыми неразрывными узами. Неумолимыя потребности его природы принуждаютъ его постоянно наклоняться къ землѣ и въ потѣ лица извлекать изъ нея средства для поддержанія своего существованія. Изучая исторію постепеннаго развитія человѣческихъ обществъ, мы видимъ, что способы, посредствомъ которыхъ народы удовлетворяютъ своимъ физическимъ потребностямъ, вслѣдствіе различія мѣстныхъ и климатическихъ условій, различія ступеней образованія и умственнаго развитія, представляютъ чрезвычайное разнообразіе. Одни народы извлекаютъ свое скудное пропитаніе изъ даровыхъ произведеній природы, изъ звѣриной и рыбной ловли; другіе удовлетворяютъ своимъ нуждамъ посредствомъ скотоводства, третьи посредствомъ земледѣлія, промышленности и торговли. Тотъ или другой способъ удовлетворенія главныхъ человѣческихъ потребностей обуславливаетъ собою всю совокупность общественныхъ отношеній, опредѣляетъ бѣольшую или меньшую степень богатства и благосостоянія народонаселенія, оказываетъ вліяніе на его физическое сложеніе, красоту и силу, порождаетъ тѣ или другія нравственныя качества, возбуждаетъ враждебныя или дружескія отношенія, вліяетъ наконецъ на самую дѣятельность духа и на общее раз-

витіе умственныхъ способностей. Отсюда очевидно, какъ велико значеніе вещественнаго народнаго производства въ дѣлѣ развитія человѣческихъ обществъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между различными отраслями народнаго производства наиболѣе важное мѣсто принадлежитъ земледѣлію. Всѣ вѣка, всѣ государства, гдѣ когда-либо процвѣтала цивилизація, признавали великое значеніе этого благодѣтельнаго искусства. Въ восемнадцатомъ вѣкѣ школа физиократовъ полагала даже, что земледѣліе составляетъ единственный производительный источникъ народнаго богатства. Но если подобнаго мнѣнія и нельзя допустить, не впадая въ односторонность, то во всякомъ случаѣ можно съ полною достовѣрностью утверждать, что земледѣліе составляетъ первую и главную основу всякой образованной жизни, потому что доставляетъ народонаселенію почти всѣ предметы для пропитанія и одежды, вліяетъ на количество народонаселенія и степень благосостоянія его, опредѣляетъ наконецъ существованіе, развитіе и процвѣтаніе всѣхъ прочихъ отраслей, вызываемыхъ постепеннымъ развитіемъ человѣческихъ нуждъ. Понятно, почему развитіе богатства, силы и могущества народовъ повсюду шло параллельно съ развитіемъ земледѣлія. Нѣтъ страны, которая развивалась и процвѣтала бы, когда земледѣліе падало или оставалось въ застоѣ; нѣтъ народа, который возрасталъ бы въ числѣ и довольствѣ, если земледѣльческое производство не становилось въ то же время болѣе обильнымъ и богатымъ. Этимъ объясняется громадное значеніе земледѣлія въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ. Только съ появленіемъ его положена первая прочная основа цивилизаціи и открыто широкое поле для дальнѣйшаго развитія. Въ самыхъ грубыхъ начаткахъ земледѣлія представляется уже высшая ступень общественной жизни, нежели какую обусловливаетъ пастушескій и звѣроловный бытъ. У поселенцевъ, предающихся земледѣлію, мы находимъ первые

зародыши для будущаго государственнаго устройства: покой, миръ, умѣренность, кротость и любовь къ людямъ. Не даромъ Церера считалась у Грековъ родительницею законовъ. Земледѣліе требуетъ осѣдлой и мирной жизни въ обществѣ и государствѣ, требуетъ большаго обезпеченія собственности, правильнаго общественнаго устройства, крѣпкихъ общественныхъ связей. Люди, обезпеченные относительно существованія, перестаютъ жить одною животною жизнью; у нихъ появляются болѣе высокія потребности, вызываемыя досугомъ; наука и богатство замѣняютъ прежнее невѣжество и бѣдность; они начинаютъ предаваться промышленности и искусствамъ, начинаютъ изучать явленія окружающей природы и своего внутренняго міра. Напротивъ безъ этого благодѣтельнаго искусства народы навсегда обречены были бы влачить жалкое и ненадежное существованіе среди грубости и невѣжества, подъ вѣчнымъ опасеніемъ недостатка, голода и насильственной смерти. Они должны были бы существовать, подобно туземцамъ Австраліи, разсѣянными небольшими группами среди первобытныхъ лѣсовъ и по берегамъ морей, или, подобно монгольскимъ племенамъ, вѣчно скитаться по безграничнымъ степямъ. Не удивительно, что истинная исторія человѣчества началась только съ появленіемъ земледѣлія, которое, обезпечивъ удовлетвореніе главныхъ матеріальныхъ потребностей, повело къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Страны, гдѣ впервые развилась цивилизація, были тѣ, гдѣ земледѣліе составляло главное занятіе, и древнія преданія Китайцевъ, Индійцевъ, Египтянъ, Персовъ, Грековъ и Римлянъ свидѣтельствуютъ намъ, какую важную роль играло земледѣліе въ государственныхъ дѣлахъ, въ царскихъ торжествахъ, въ религіозныхъ символахъ и обрядахъ этихъ первыхъ очаговъ просвѣщенія. Но не только эти преданія, вся остальная исторія точно также свидѣтельствуетъ, что вліяніе земледѣлія постоянно от-

ражалось въ экономическихъ и политическихъ судьбахъ народовъ. Недостатокъ средствъ пропитанія всегда сопровождался страшными бѣдствіями и общественными переворотами, вслѣдствіе которыхъ не разъ падали троны, уничтожались власти, измѣнялись учрежденія.

Но, не вдаваясь въ подробное опредѣленіе историческаго значенія земледѣлія, достаточно бросить бѣглый взглядъ на современныя общества, чтобы убѣдиться въ великой важности и громадности вліянія, оказываемаго этою отраслью промышленности на народное благосостояніе и процвѣтаніе обществъ. Во всѣхъ государствахъ оно составляетъ преобладающую дѣятельность и интересы его глубоко связаны со всею совокупностью народной жизни. Удовлетворяя самымъ главнымъ потребностямъ человѣка, доставляя сырой матеріалъ для прочихъ отраслей промышленности, оно служитъ главнымъ источникомъ, изъ котораго народъ почерпаетъ большую часть своихъ силъ и капиталовъ, главною основою, на которой развивается промышленная дѣятельность самой многочисленной и здоровой части народонаселенія. Во всѣхъ нынѣ существующихъ государствахъ, земледѣльческое населеніе составляетъ преобладающее большинство. Исключеніе, повидимому, составляетъ одна Англія, пользующаяся особенно выгоднымъ положеніемъ относительно промышленности и торговли; но даже и въ самой Англіи ни одинъ классъ въ отдѣльности не можетъ сравниться съ земледѣльческимъ, составляющимъ около трети всего народонаселенія. Въ другихъ же государствахъ земледѣльческое населеніе повсюду преобладаетъ. Въ Пруссіи и Франціи оно составляетъ около $\frac{6}{10}$, въ Австріи около $\frac{7}{10}$, въ Россіи около $\frac{9}{10}$, или точнѣе 84 % всего народонаселенія.

Уже одни эти статистическія данныя достаточно показываютъ, какъ тѣсно связана съ земледѣльческою промышленностью участь большинства народонаселенія, такъ что, безъ

преувеличенія можно сказать, что благосостояніе земледѣльческаго класса почти равносильно благосостоянію цѣлаго общества. При такой важности земледѣлія для благосостоянія человѣческихъ обществъ, понятно, какъ важно и необходимо изученіе и изслѣдованіе всего, что касается этой отрасли промышленности, всего, что имѣетъ вліяніе на ея производительное могущество, на ея процвѣтаніе и развитіе. Отчего же зависитъ это процвѣтаніе, чѣмъ обусловливается это развитіе? Повидимому ближе всего отвѣтить: отъ условій природы, отъ свойствъ климата, отъ качествъ почвы. Въ этомъ заключается извѣстная доля истины. Дѣйствительно, трудно отвергать могущество вліянія природныхъ дѣятелей въ дѣлѣ земледѣльческаго производства. Но какъ ни велико, повидимому, значеніе природы, тѣмъ не менѣе достаточно небольшого размышленія, чтобы убѣдиться, что участіе ея никакъ нельзя считать главнымъ, опредѣляющимъ элементомъ. Постоянный опытъ показываетъ, что земледѣліе процвѣтаетъ и достигаетъ наибольшаго развитія не въ странахъ наиболѣе одаренныхъ природою, но въ странахъ, наилучше управляемыхъ и наиболѣе дѣятельныхъ, такъ что нельзя не согласиться съ словами Монтескье, который говоритъ, что воздѣлываніе земель идетъ не соразмѣрно съ ихъ плодородіемъ, но соразмѣрно съ свободою ихъ жителей. Сколько примѣровъ передъ нашими глазами, что и самая роскошная и изобильная природа, дурно направленная, слабо поддерживаемая человѣческою дѣятельностью, вмѣсто щедрой матери, оказывается скупою и злою мачихою, и наоборотъ, какъ часто страны съ тощею, неплодородною почвою, съ неблагопріятнымъ климатомъ, вслѣдствіе неутомимой и разумной дѣятельности человѣка становятся центрами изобилія и богатства! Съ другой стороны, не представляютъ ли намъ однѣ и тѣ же страны въ различныя эпохи своего развитія различныя ступени богатства, смотря по характеру общест-

веннаго устройства, по степени развитія цивилизаціи, по мѣрѣ большей или меньшей разумности и энергіи труда? Очевидно, что состояніе земледѣльческаго производства, процвѣтаніе и паденіе его зависятъ не столько отъ свойствъ самой природы, сколько отъ гражданскихъ и соціальныхъ условій, опредѣляемыхъ общественнымъ устройствомъ. Личная свобода трудящихся, справедливое вознагражденіе труда, миръ и безопасность, справедливое раздѣленіе земли и вообще богатствъ, очевидно, имѣютъ несравненно болѣе громадное значеніе, нежели вліяніе природныхъ условій. Природа является не болѣе, какъ пассивнымъ дѣятелемъ, который возбуждается и оплодотворяется только при помощи человѣческаго труда. Въ этомъ трудѣ, руководимомъ разумомъ, заключается главный источникъ производительнаго могущества почвы, главное условіе успѣшности производства, такъ что по степени его энергіи, могущества и разумности можно судить о самомъ могуществѣ земледѣльческаго производства. Отсюда необходимость изучить, чѣмъ опредѣляется характеръ труда и степень его интенсивности. Но не нужно большихъ соображеній, чтобы увидѣть, что хотя положеніе труда обусловливается разнообразными причинами, тѣмъ не менѣе главнымъ образомъ зависитъ отъ характера экономическаго устройства общества. Та или другая экономическая организація, обусловливая взаимныя общественныя отношенія членовъ, характеръ владѣнія поземельною собственностью, матеріальное и общественное положеніе трудящихся лицъ, опредѣляетъ самую степень энергіи и разумности труда, и вмѣстѣ съ тѣмъ систему производства и распредѣленія богатствъ вообще, а также способъ земледѣльческаго производства и распредѣленія въ частности.

Народы въ своей исторической жизни проходятъ различныя ступени хозяйственнаго развитія. Каждому періоду соотвѣтствуетъ извѣстная экономическая организація, обусловлива-

емая совокупностью мѣстныхъ, историческихъ и экономическихъ причинъ. Но какъ ни разнообразны эти организаціи, тѣмъ не менѣе, на основаніи господствующаго въ нихъ начала, ихъ можно подвести подъ двѣ главныя основныя формы, изъ которыхъ первую можно назвать патріархальною въ широкомъ смыслѣ, вторую же свободною или договорною. Отличительная черта первой заключается въ томъ, что различныя отношенія между лицами, составляющими общество, основываются на началѣ власти или подчиненія, какъ это мы видимъ въ патріархальныхъ обществахъ, гдѣ начало власти вытекаетъ изъ естественныхъ, кровныхъ узъ, а также въ обществахъ, основанныхъ на рабствѣ и крѣпостномъ правѣ, гдѣ начало власти вытекаетъ изъ завоеванія и насилія. Большая часть народонаселенія при этой системѣ не пользуется свободою и находится въ большей или меньшей зависимости отъ другой части народонаселенія, которая руководитъ ея дѣятельностью, распоряжается ея участію и тою долею общественныхъ богатствъ, которая производится при помощи ея труда. Напротивъ, отличительная черта второй формы организаціи, которую нѣкоторые экономисты называютъ естественною въ противоположность первой, по ихъ мнѣнію искусственной, заключается въ томъ, что при господствѣ ея, каждое лице, достигшее совершеннолѣтія, пользуется полною гражданскою и экономическою свободою и независимо распоряжается какъ своимъ собственнымъ трудомъ и своею участію, такъ и тою долею богатства, которую пріобрѣтаетъ онъ прямо или посредствомъ мѣны при помощи своего труда. Въ обществахъ, основанныхъ на подобномъ началѣ, взаимныя отношенія между лицами покоятся на договорахъ, вытекающихъ изъ свободной воли лицъ, обусловливаемой личными расчетами и побужденіями каждаго. Но хотя эта организація основывается на свободной волѣ лицъ, тѣмъ не менѣе начало власти, проявляется и здѣсь, огра-

ничиваясь впрочемъ болѣе тѣсною сферою, опредѣляя только формы наслѣдованія, обезпечивая каждому пользованіе его имуществомъ, личною безопасностью, а также наблюдая за исполненіемъ договоровъ.

Таковы двѣ главныя формы общественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическаго устройства, опредѣляющія различные способы производства и распредѣленія богатствъ, — формы, подѣ которыя подходятъ всѣ остальные, которыя суть не что иное, какъ различные комбинаціи этихъ двухъ основныхъ способовъ. Тѣ же двѣ главныя формы повторяются и въ области земледѣльческаго устройства, которое составляетъ не болѣе, какъ часть общей экономической организаціи. Здѣсь также различные формы устройства могутъ быть или патріархальныя, основанныя на началѣ власти, или свободныя, основанныя на личной самостоятельности каждаго. Всѣ прочія формы устройства земледѣльческаго производства, встрѣчаемыя у различныхъ народовъ, какъ въ настоящій моментъ ихъ существованія, такъ и въ теченіе предшествовавшей исторической жизни, подходятъ подѣ эти два главные разряда.

Эти двѣ главныя формы земледѣльческаго устройства представляютъ въ свою очередь множество отдѣльных видовъ, смотря по тому въ какомъ отношеніи находятся три всеобщихъ дѣятеля производства: земля, трудъ и капиталъ. Какъ извѣстно, совокупное дѣйствіе этихъ трехъ дѣятелей необходимо для всякаго производства, а слѣдовательно и для производства земледѣльческаго. Въ самомъ неразвитомъ первоначальномъ земледѣліи, при самомъ зародышѣ его, для производства земледѣльческихъ продуктовъ необходима во первыхъ — земля, какъ первоначальный элементъ всякаго производства, необходимъ трудъ, чтобы воспользоваться произведеніями земли, наконецъ необходимъ капиталъ, хотя бы въ видѣ тѣхъ продуктовъ, которые потребны для существованія трудящагося до

времени сбора произведений, не говоря уже о необходимости сѣмянъ, скота, орудій и т. д. Разсматривая съ этой точки зрѣнія различныя организаціи земледѣльческаго производства, мы видимъ, что какъ при патріархальной, такъ и при свободной системѣ, эти три дѣятеля могутъ представлять различныя сочетанія. Вслѣдствіе различія общественныхъ организацій и различныхъ историческихъ условій, они могутъ быть сосредоточены въ рукахъ одного лица, могутъ быть раздѣлены между двумя и тремя лицами. Изучая характеръ земледѣльческаго производства въ первоначальную эпоху народной жизни, когда народъ только что начинаетъ свое земледѣльческое существованіе, мы видимъ, что всѣ эти три дѣятеля соединены въ рукахъ одного юридическаго лица: семьи, рода, племени или общины. Народъ безсознательно живетъ еще въ простотѣ быта, основаннаго на естественныхъ, кровныхъ узахъ. Во главѣ лицъ, связанныхъ узами родства, стоитъ глава, распоряжающійся трудами и дѣятельностью отдѣльныхъ членовъ, общимъ производствомъ и распредѣленіемъ богатствъ. Всѣ лица предаются земледѣлію подъ руководствомъ родоначальника, старѣйшины; раздѣленіе труда почти не существуетъ; земля находится въ общемъ пользованіи; капиталъ играетъ самую незначительную роль; обработка производится съобща; раздѣленіе продуктовъ также основывается на началѣ власти и совершается родоначальникомъ. Такова первоначальная организація земледѣльческаго производства. Это форма патріархальная по преимуществу. Она господствуетъ у полукочевыхъ народовъ. Черезъ нее проходили всѣ народы. Воспоминаніе о ней сохранилось въ историческихъ преданіяхъ народовъ Индіи, Евреевъ, Грековъ, Римлянъ, Скиѳовъ, Кельтовъ, Германцевъ, Галловъ, Славянъ. Ее еще нынѣ можно наблюдать у Арабовъ, Башкировъ, Киргизовъ и другихъ полукочевыхъ племенъ, разбросанныхъ въ различныхъ частяхъ земнаго шара.

Но существованіе этой первоначальной земледѣльческой организаціи, представляющей соединеніе всѣхъ трехъ дѣятелей производства въ рукахъ одного юридическаго лица, рѣдко бываетъ продолжительно во всей ея первоначальной чистотѣ. Вслѣдствіе увеличенія средствъ пропитанія, обусловливаемого переходомъ къ земледѣльческому быту, увеличивается народонаселеніе и этотъ первоначальный, естественный бытъ, основанный на кровныхъ связяхъ, мало по малу измѣняется. Мирное родовое сожителство нарушается. Люди приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ; войны и завоеваніе разрушаютъ первоначальное равенство родоначальниковъ; одни племена подчиняются другимъ; побѣдители становятся господствующими; побѣжденные поколѣнія — служащими. Начинается господство силы; порождается неравенство; появляется не-свобода, угнетеніе. Народонаселеніе дѣлится на два класса: побѣдителей и побѣжденныхъ. Первые захватываютъ власть и богатство, начинаютъ господствовать надъ вторыми, налагаютъ на нихъ извѣстныя обязанности, руководятъ ихъ дѣятельностью, распоряжаются распредѣленіемъ богатствъ. Смотря по различію мѣстныхъ и временныхъ историческихъ условій, эти новыя отношенія принимаютъ разнообразный характеръ, болѣе или менѣе насильственный, и представляютъ рядъ ступеней зависимости, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ рабства и различныхъ видовъ крѣпостнаго права. Такимъ образомъ съ развитіемъ народной жизни прежнія кровныя отношенія уничтожаются и замѣняются отношеніями насильственными или покровительственными. Патріархальная система принимаетъ характеръ насилія: отцовская власть превращается въ господскую. Въ основѣ обществъ по прежнему лежитъ начало власти, но это начало не смягчается уже тѣми естественными отношеніями, которыя господствуютъ въ первоначальную эпоху и перерождается въ угнетеніе. Таковъ характеръ

патріархальной системы во второй моментъ ея развитія. Эту систему можно назвать системою покровительственной. Поземельная собственность при подобной организаціи въ силу завоеванія является исключительнымъ достояніемъ господствующаго класса лицъ; трудъ совершается по принужденію подъ болѣе и менѣе непосредственнымъ руково.ствомъ привилегированныхъ сословій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжаются распредѣленіемъ богатствъ. Такимъ образомъ въ однихъ рукахъ господствующаго сословія сосредоточивается и поземельная собственность и капиталы; на долю же подвластныхъ лицъ достается только трудъ и притомъ трудъ, совершаемый не по доброй волѣ, не по сознанію необходимости и полезности его, но по принужденію, по волѣ другихъ лицъ, распоряжающихся не только трудомъ, но и всѣми плодами его. Обработка земли при подобныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на подчиненіи однихъ другимъ, можетъ производиться различнымъ образомъ. Пользованіе чужимъ несвободнымъ трудомъ для земледѣльческаго производства возможно на различныхъ основаніяхъ. Землевладѣлецъ предприниматель можетъ находить иногда выгоднымъ пользоваться всѣмъ временемъ подвластнаго ему чело.вѣка, давая ему только необходимое содержаніе для поддержанія его силъ, нужныхъ для производства. Такова рабская обработка, преимущественно господствовавшая въ древнихъ государствахъ, въ особенности въ Греціи и Римѣ, гдѣ она достигла небывалыхъ размѣровъ; такова обработка, господствующая нынѣ въ нѣкоторыхъ государствахъ Америки. Но существованіе и значительное распространеніе этой обработки, къ счастію для человѣчества, возможно только при исключительныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находились въ этомъ отношеніи древнія государства и нынѣшнія колоніи Европейцевъ въ Америкѣ. Въ другихъ же государствахъ, при подобныхъ отношеніяхъ, но при иныхъ экономическихъ условіяхъ,

землевладѣльцы, вмѣсто того, чтобы содержать на свой счетъ несвободныхъ работниковъ, находятъ необходимымъ или болѣе выгоднымъ уступить или оставить имъ въ пользованіе извѣстную часть земли для ихъ собственнаго хозяйства, требуя въ замѣнъ произведеній или опредѣленнаго количества труда. Такова крѣпостная барщинная обработка, игравшая въ средніе вѣка весьма важную роль во всѣхъ государствахъ Европы: въ Англіи, Франціи, Испаніи, господствовавшая почти повсемѣстно въ Германіи до нынѣшняго столѣтія и составлявшая отличительную черту нашего земледѣльческаго устройства до недавняго освобожденія крестьянъ.

Но кромѣ этихъ двухъ главныхъ видовъ непосредственнаго пользованія несвободнымъ, принужденнымъ трудомъ, при господствѣ патріархальныхъ отношеній, порождаемыхъ насиліемъ и завоеваніемъ, возможны еще иные способы извлеченія доходовъ изъ подвластныхъ лицъ посредствомъ инаго земледѣльческаго устройства. При извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ, землевладѣльцы, пользующіеся несвободнымъ трудомъ, вслѣдствіе различныхъ побужденій могутъ отказаться отъ непосредственнаго управленія земледѣльческимъ производствомъ, предоставить его подвластнымъ лицамъ, требуя отъ нихъ опредѣленной доли сбора произведеній или обложивъ ихъ различными натуральными повинностями, денежными оброками и нѣкоторыми личными службами. Отсюда различные виды патріархальной арендаторской системы: система половничества или система раздѣла произведеній, система оброчная или фермерская, связанная съ основными чертами крѣпостнаго права. Эти послѣдніе виды обработки земли составляютъ уже переходныя формы къ свободнымъ обработкамъ. Они существуютъ и при свободной организаціи общества, но существенное различіе заключается въ томъ, что при патріархальной системѣ, вслѣдствіе личной зависимости земледѣльцевъ отъ землевла-

дѣльцевъ, обязанности и повинности первыхъ опредѣляются произволомъ вторыхъ, или, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, обычаемъ и закономъ; между тѣмъ какъ во второмъ случаѣ, при свободной организаціи общества, они опредѣляются договоромъ свободныхъ лицъ, обоюдныя выгоды которыхъ побуждаютъ ихъ заключить условіе, обезпечивающее однимъ доходъ отъ ихъ поземельной собственности, другимъ возможность приложенія своего труда и капитала.

Таковы главные виды обработокъ, существующихъ при господствѣ патріархальной организаціи, въ основѣ которой, какъ мы сказали, лежитъ начало власти, преобладаніе однихъ сословіи, окруженныхъ привилегіями, подчиненіе и угнетеніе другихъ. Начинаясь почти съ первыхъ эпохъ народной жизни, эти патріархальныя обработки обнимаютъ собою бѣольшую часть жизни человѣчества и донынѣ были господствующими и преобладающими способами земледѣльческаго производства почти у всѣхъ народовъ. Начало власти, вытекающая изъ естественныхъ отношеній дѣтей къ ихъ родителямъ, въ дальнѣйшемъ своемъ историческомъ развитіи принимаетъ характеръ насилія, угнетенія, порождаетъ рабство и крѣпостное право, устанавливаетъ отношенія, основанныя на господствѣ однихъ и на подвластности другихъ. Но вслѣдствіе постепеннаго развитія народовъ измѣняются общественныя и экономическія отношенія: увеличивается народонаселеніе, распространяется образованіе, накапливаются капиталы, порождаются промышленность и торговля, возникаютъ города, увеличивается внутренняя и внѣшняя безопасность, и патріархальныя системы обработки становятся неудовлетворительными и недостаточными. Необходимость увеличенія производства, требуя бѣольшей энергіи и искусства, заставляетъ народъ измѣнить свою экономическую организацію, побуждаетъ его дать бѣольшій просторъ труду, бѣольшую свободу человѣческой дѣятельности, и та-

кимъ образомъ постепенно возникаетъ иная организація общества, основанная на свободѣ труда и собственности, на личной самостоятельности каждаго отдѣльнаго члена.

Такой переходъ отъ патріархальной организаціи къ свободной, представляющій величайшее событіе въ исторіи человѣческихъ обществъ, составляетъ главнымъ образомъ достояніе новаго времени, плодъ долговременнаго историческаго развитія, слѣдствіе непрерывныхъ завоеваній человѣка надъ природою. Обыкновенно переходъ этотъ совершался при помощи усиленія государственной власти. Общежитіе для соблюденія общаго блага вызываетъ существованіе одной высшей власти. Слабая и недостаточно развитая при первоначальномъ своемъ появленіи, съ постепеннымъ увеличеніемъ общественнаго богатства, она пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе значенія и наконецъ наступаетъ моментъ, когда она становится достаточно крѣпкою и могущественною, чтобы ограничить произволъ и насиліе отдѣльныхъ лицъ и сословій, достаточно развитою, чтобы доставить покровительство слабымъ и угнетеннымъ. Когда общественная власть достигла подобнаго развитія, тогда прежнія патріархальныя и покровительственныя отношенія перестаютъ быть необходимыми. Каждый можетъ найти достаточную защиту и покровительство для своей личности и собственности въ общемъ для всѣхъ законѣ, и потому является возможность сожитія, основаннаго на личной самостоятельности каждаго лица. Такимъ образомъ осуществленіе свободной экономической организаціи возможно только тогда, когда въ обществѣ надъ сильными и слабыми возникаетъ высшая власть, представляющая общій элементъ, который подчиняетъ себѣ частные, заставляетъ ихъ служить общей цѣли и приводитъ къ гармоническому единству. И такъ какъ это необходимое условіе существованія свободной экономической организаціи начало въ достаточной степени осуществляется только у наи-

болѣ развитыхъ народовъ въ послѣднюю эпоху жизни челоѣчества, то этимъ главнымъ образомъ объясняется недавнее появленіе этой организаціи. Въ иныхъ государствахъ она водворялась въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, вслѣдствіе постепеннаго смягченія отношеній, порожденныхъ завоеваніемъ и насиліемъ при помощи обычая, этого главнаго защитника слабыхъ при несовершенствѣ общественныхъ отношеній; въ другихъ же мѣстахъ переворотъ этотъ совершался въ болѣ короткій срокъ времени, благодаря прямому вмѣшательству общественной власти, которая, опираясь на примѣръ предшествовавшихъ вѣковъ, съ большею увѣренностью и смѣлостью шла по этому благодѣтельному пути, проложенному исторіей.

Такимъ образомъ эта организація составляетъ совершенно новое явленіе въ исторіи. Только въ послѣднія столѣтія начала она свое существованіе въ широкихъ размѣрахъ. Новый порядокъ только что родился и, можно даже сказать, что нигдѣ еще не проявился во всей своей полнотѣ. Насъ со всѣхъ сторонъ окружаютъ остатки не вполне исчезнувшей прежней патріархальной системы. Власть вездѣ проявляется то въ законодательныхъ распоряженіяхъ, то въ обычаяхъ, опредѣляющихъ хозяйственныя отношенія. Въ самыхъ развитыхъ государствахъ, мы не видимъ еще полнаго приложенія принципа промышленной свободы во всемъ ея объемѣ; устройство поземельной собственности во многихъ государствахъ носитъ на себѣ еще слѣды своего феодальнаго происхожденія. Поэтому мы съ полною справедливостью можемъ сказать, что опытъ нашъ въ этого рода организаціи только что начался и что въ будущемъ ему предстоитъ новое развитіе.

Вмѣстѣ съ этою новою экономическою организаціею появилась также новая организація земледѣльческаго производства, основанная на свободѣ труда и свободѣ договора, на личной самостоятельности каждаго отдѣльнаго лица, на неограничен-

номъ правѣ личной собственности. Эта земледѣльческая организація можетъ представлять также разнообразныя виды, смотря потому въ какомъ отношеніи находятся три общихъ дѣятеля производства: земля, трудъ и капиталъ. Въ нѣкоторыхъ странахъ мы видимъ, что эти три дѣятеля производства распределены между тремя классами лицъ. Въ рукахъ одного находится поземельная собственность; другой классъ является представителемъ капитала и промышленной предприимчивости, третій содѣйствуетъ общему дѣлу своимъ трудомъ. Сообразно съ участіемъ этихъ трехъ дѣятелей въ производствѣ совершается и распределеніе общаго земледѣльческаго дохода, получаемого помощью совокупнаго дѣйствія этихъ элементовъ. Одна часть, подъ именемъ поземельнаго дохода, идетъ на долю землевладѣльца въ уплату за участіе въ производствѣ принадлежащей ему земли и того капитала, который постепенно былъ затрачиваемъ для приданія ей условій необходимыхъ для производства: другая часть достается на долю капиталиста-предпринимателя, распоряжающагося земледѣльческими трудами и соразмѣряется съ величиною капитала имъ затраченнаго и со степенью его энергіи, дѣятельности и знаній, и наконецъ третья, подъ именемъ заработной платы, достается на долю труда.

Произведенія, извлекаемыя изъ земли не остаются у производителей въ ихъ первоначальномъ видѣ. Удержавши необходимое для своего пропитанія, они уступаютъ остальное другимъ лицамъ въ обмѣнъ на произведенія городской промышленности, и такимъ образомъ получаютъ средства существованія та часть народонаселенія, которая предается промышленности, торговлѣ, искусствамъ и наукамъ. Наконецъ, сверхъ того, правительство годъ видомъ различныхъ налоговъ беретъ часть доходовъ землевладѣльца, барышей предпринимателя и заработной платы работника, и такимъ образомъ доставляетъ до-

ходъ и средства существованія классу лицъ, занимающемуся отправленіемъ правосудія, соблюденіемъ внутренняго порядка, защитой страны отъ внѣшнихъ враговъ и т. д.

Таково распредѣленіе трехъ дѣятелей производства и соотвѣтствующаго имъ дохода въ нѣкоторыхъ наиболѣе развитыхъ обществахъ. Но подобное полное раздѣленіе трехъ дѣятелей производства не составляетъ необходимаго условія поземельнаго богатства и, какъ общее правило, встрѣчается только въ Англіи и Шотландіи; въ другихъ же мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Бельгіи, Голландіи, Италіи, Франціи, Испаніи, Германіи оно встрѣчается уже болѣе, какъ исключеніе. Тамъ несравненно чаще видимъ мы, что это распредѣленіе представляетъ другія комбинаціи и сочетанія. Такъ въ иныхъ мѣстахъ всѣ три дѣятеля производства сосредоточены въ рукахъ одного и того же лица, безъ всякой потери для народнаго богатства, какъ напр. это бываетъ въ томъ случаѣ, когда самъ землевладѣлецъ вмѣстѣ съ тѣмъ работникъ и капиталистъ, то-есть, когда онъ обрабатываетъ свой собственный участокъ земли и употребляетъ свои собственные орудія и скоть. Въ другихъ мѣстахъ землевладѣлецъ является въ то же время предпринимателемъ, ведетъ дѣло на свой собственный капиталъ и подъ своимъ личнымъ надзоромъ, но, вслѣдствіе обширности хозяйства, для исполненія работъ употребляетъ уже работниковъ, нанятыхъ по свободному договору, такъ что здѣсь въ земледѣльческомъ производствѣ и въ распредѣленіи дохода принимаютъ участіе два класса лицъ, изъ коихъ одинъ является представителемъ земли и капитала, другой представителемъ труда. Наконецъ землевладѣлецъ, не желая заниматься производствомъ, можетъ на основаніи договора уступить свою землю другому лицу, которое будетъ обрабатывать ее при помощи собственнаго труда и капитала, уплачивая за пользованіе землею опредѣленную долю произведеній или опредѣлен-

ную денежную плату, такъ что тутъ является также два класса лицъ, но одинъ представляетъ уже только землю, другой же трудъ и капиталъ.

Таковы различныя сочетанія трехъ дѣателей производства при господствѣ свободной экономической организаціи. Соотвѣтственно имъ обыкновенно совершается и распредѣленіе земледѣльческаго богатства при помощи свободнаго соперничества. Эти различныя сочетанія трехъ дѣателей производства и соотвѣтственное имъ распредѣленіе богатства, мы называемъ обработками земли или различными формами устройства земледѣльческаго труда.

Значеніе этихъ различныхъ обработокъ, порождаемыхъ разнообразіемъ мѣстныхъ, историческихъ и экономическихъ причинъ, необыкновенно важно въ народной жизни. Различныя формы обработки земли касаются самыхъ важныхъ, жизненныхъ и существенныхъ интересовъ общества. Они оказываютъ вліяніе на народное производство, обуславливая бѣольшую или меньшую степень энергіи труда, болѣе или менѣе разумное пользованіе землею и производительными силами ея. Они опредѣляютъ болѣе или менѣе сильное и правильное размноженіе народонаселенія, то содѣйствуя его развитію, то полагая ему преграды. Они опредѣляютъ характеръ распредѣленія богатствъ, болѣе или менѣе справедливый и благодѣтельный для развитія общества и для благосостоянія членовъ его. Ими обуславливается степень общественнаго значенія различныхъ производительныхъ классовъ, положеніе и отношеніе предпринимателей и работниковъ, степень самостоятельности первыхъ, степень зависимости вторыхъ. Они вліяютъ наконецъ на всѣ общественныя отношенія, на характеръ общественнаго устройства, на нравы, обычаи, степень силы и могущества государствъ, словомъ на все матеріальное, нравственное и умственное развитіе народовъ.

Такъ различные способы обработки, опредѣляя собою производство и распредѣленіе земледѣльческихъ богатствъ, обуславливаютъ всѣ проявленія народной жизни. Такое сознаніе важности этого вопроса особенно проявилось въ нашу эпоху. Нынѣ всѣ согласны, что земледѣльческій трудъ составляетъ главную основу народного хозяйства, что благосостояніе земледѣльческаго класса есть благосостояніе цѣлаго общества и что исторія этого класса есть исторія развитія человѣческаго общества. Отсюда понятно то участіе и тотъ интересъ, съ которымъ въ настоящее время изслѣдуются всѣ вопросы, касающіеся этого предмета. Участь земледѣльческаго класса, столь долго угнетеннаго и подавленнаго, сдѣлалась предметомъ тщательныхъ изысканій историковъ и экономистовъ, предметомъ дѣятельнѣйшихъ заботъ со стороны просвѣщенныхъ правительствъ. Поднять массу земледѣльческаго населенія изъ униженія, въ которомъ она пребывала въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, поставить ее въ болѣе благопріятное положеніе относительно труда, обезпечить ей личныя и гражданскія права и доставить свободный доступъ къ поземельной собственности — такова задача послѣдняго времени, характеристическая черта современной эпохи, указывающая, что назначеніе нашего столѣтія по преимуществу заключается въ разрѣшеніи вопроса, касающагося земледѣлія и земледѣльческаго класса.

Желая изслѣдовать и изучить значеніе каждой обработки, намъ предстоитъ разрѣшить бездну разнообразныхъ и въ высшей степени интересныхъ и многозначущихъ для благосостоянія человѣческихъ обществъ вопросовъ, и именно: въ чемъ состоитъ сущность и отличительныя черты различныхъ видовъ земледѣльческаго производства, каково было ихъ историческое значеніе, какія причины вызываютъ существованіе ихъ и обуславливаютъ различіе, замѣчаемое въ нихъ, какое вліяніе различные организаціи оказываютъ на благосостояніе жителей,

на производство и распредѣленіе богатствъ, на сколько они содѣйствуютъ или препятствуютъ нравственному и умственному развитію народа, какъ наконецъ вліяютъ на гражданское устройство и государственное могущество страны.

Тщательно изучивши вліяніе различныхъ обработокъ, можно сравнить ихъ и, на основаніи этого сравненія, опредѣлить внутреннее достоинство ихъ, опредѣлить какая организація земледѣльческаго труда и при какихъ условіяхъ наиболее въ состояніи содѣйствовать благосостоянію и развитію человѣчества. И такъ какъ матеріальное и нравственное благосостояніе обществъ обуславливается, безъ всякаго сомнѣнія, съ одной стороны, способъ производства богатствъ, опредѣляющимъ болѣшую или меньшую массу производимаго богатства, съ другой стороны — способъ распредѣленія богатствъ, обуславливающимъ долю cadaго, то очевидно что самая лучшая система обработки будетъ та, которая содѣйствуетъ наибольшему производству и наиболее равномерному распредѣленію его. Съ этою цѣлью, разбирая вліяніе различныхъ системъ обработокъ, необходимо обращать постоянное вниманіе на то, какое вліяніе имѣетъ каждая система на производство и распредѣленіе богатствъ, на бытъ и положеніе земледѣльческаго класса, на способъ производства земледѣлія, на размноженіе народонаселенія, на развитіе промышленности и торговли, и т. д.

Громадность этого предмета во всей его цѣлости и множество непредвидѣнныхъ затрудненій, встрѣченныхъ нами при изученіи различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ этимъ предметомъ, побудили насъ ограничиться на первый разъ изученіемъ одной формы обработки, именно обработки земли крестьянами собственниками, въ надеждѣ представить со временемъ полный обзоръ различныхъ обработокъ, встрѣчаемыхъ у всѣхъ народовъ въ различныя эпохи ихъ существованія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Г Л А В А I.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ.

Обработка земли крестьянами-собственниками, составляющая характеристическую черту настоящего времени, представляет особый интересъ для изученія какъ по широкому распространенію ея въ европейскихъ государствахъ, такъ и по значенію ея для будущаго развитія образованныхъ обществъ. Съ нею связано множество любопытныхъ и живыхъ вопросовъ, наиболѣе волнующихъ современныя общества, какъ напр. вопросы о наилучшемъ устройствѣ и распредѣленіи поземельной собственности, о различныхъ размѣрахъ хозяйствъ, о способѣ наслѣдствъ, о значеніи земледѣльческихъ ассоціацій и т. д. Ей, по всей вѣроятности, суждено имѣть громадное значеніе въ земледѣльческомъ хозяйствѣ Россіи по окончательномъ выкупѣ крестьянами земель въ ихъ полную собственность. Отсюда очевидно, какъ важно для насъ не только съ общей научной, но и съ практической точки зрѣнія, изученіе историческаго, экономическаго, общественнаго и политическаго значенія этой обработки.

Разсматривая во первыхъ эту форму обработки относительно производства земледѣльческихъ богатствъ, мы видимъ, что главная отличительная черта ея въ этомъ отношеніи заклю-

чается въ томъ, что всѣ три дѣятеля, необходимые для всякаго производства: земля, трудъ и капиталъ сосредоточены здѣсь въ рукахъ одного и того же лица, которое одновременно является владѣльцемъ земли, капиталистомъ предпринимателемъ, обрабатывающимъ ее на свой страхъ и рискъ, наконецъ работникомъ, непосредственно исполняющимъ всѣ земледѣльческія работы.

Разсматривая ее далѣе относительно распредѣленія богатствъ, мы видимъ, что вся масса продуктовъ, извлекаемыхъ изъ земли на опредѣленномъ пространствѣ, которая при другихъ организаціяхъ земледѣльческаго производства дѣлится между двумя или тремя разрядами лицъ, при настоящей обработкѣ безраздѣльно принадлежитъ одному и тому же лицу, собственноручно обрабатывающему свою землю, такъ что при подобной организаціи не существуетъ видимаго различія между рентою, барышомъ и заработной платою.

Таковы характеристическія черты, отличающія обработку крестьянами-собственниками отъ прочихъ обработокъ.

Сисмонди называетъ этотъ способъ воздѣлыванія земли также патріархальною обработкою, сливая подъ этимъ названіемъ два различныхъ, по нашему мнѣнію, вида обработокъ, именно обработку крестьянами-собственниками, господствующую въ современныхъ обществахъ, а также ту родовую и общинную обработку, которая господствуетъ въ началѣ народной жизни, когда народъ только что совершаетъ свой переходъ отъ кочевой жизни къ земледѣльческой. Дѣйствительно въ эту эпоху народной жизни у многихъ народовъ мы видимъ способъ земледѣльческаго производства, повидимому, весьма близкій по экономическому характеру своему къ обработкѣ крестьянами-собственниками. Онъ также представляетъ совокупное состояніе трехъ дѣятелей производства, соединенныхъ въ рукахъ одного юридическаго лица: рода или общины. Но несмотря на

это наружное сходство, между этими двумя обработками существует значительная разница, не позволяющая смѣшивать ихъ въ одинъ общій видъ. Земля въ первоначальную эпоху земледѣлія, вслѣдствіе своего изобилія и простоты способовъ земледѣльческаго производства, не составляетъ еще личной собственности, а принадлежитъ, какъ общее достояніе, цѣлому племени въ совокупности, которое пользуется ею сообща, не присвоивая въ частную личную собственность; напротивъ, при современной обработкѣ крестьянами-собственниками, земля раздѣлена между различными членами общества и составляетъ ихъ полную, неотъемлемую собственность. Съ другой стороны, общественное и экономическое устройство въ первоначальныя эпохи земледѣлія основывается на кровныхъ, родственныхъ отношеніяхъ, обусловливающихъ собою какъ весь характеръ общественнаго сожитія, такъ и способъ производства и распредѣленія богатствъ; напротивъ при господствѣ современной обработки крестьянами-собственниками общественныя отношенія представляются болѣе сложными и разнообразными и основываются главнымъ образомъ на договорахъ и учрежденіяхъ, обеспечиваемыхъ силою государственной власти. Поэтому, принимая во вниманіе это различіе, обусловливаемое характеромъ общественнаго сожитія и способомъ устройства поземельной собственности, намъ кажется основательнѣе удерживать названіе патріархальной обработки въ тѣсномъ смыслѣ для формы земледѣльческаго производства, господствующей на зарѣ народной жизни; названіе же обработки крестьянами-собственниками исключительно придавать обработкѣ, свойственной болѣе развитымъ эпохамъ, когда земля перестаетъ считаться общимъ достояніемъ и становится полною собственностью лицъ, собственноручно обрабатывающихъ ее.

Эта послѣдняя форма обработки составляетъ, можно сказать, отличительную черту и почти исключительное достояніе но-

вѣйшей эпохи человѣчества. Въ предшествовавшіе періоды исторіи земля обрабатывалась рабами, крѣпостными, половниками, фермерами, рѣдко крестьянами-собственниками. Въ большей части европейскихъ государствъ въ теченіе долгаго ряда среднихъ вѣковъ и отчасти новыхъ повсемѣстно господствовало среднее вѣковое устройство, основанное на искусственномъ сосредоточеніи поземельной собственности въ рукахъ привилегированныхъ сословій, на искусственной организаціи труда, заключеннаго въ тѣсныя предѣлы крѣпостнаго права. Это общественное устройство служило непреодолимою преградой для развитія свободной крестьянской обработки. Если эта обработка и существовала въ эти эпохи, то въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, въ видѣ рѣдкаго исключенія, обусловливаемаго необыкновеннымъ сочетаніемъ счастливыхъ обстоятельствъ. Мелкая обработка крестьянами-собственниками, болѣе нежели какая-либо другая, нуждается въ твердой и могущественной опорѣ государственной власти, достаточно сильной для обузданія произвола и насилія, для обезпеченія свободы личности и неприкосновенности собственности. Въ эпохи же отсутствія безопасности и прочнаго внутренняго устройства, при господствѣ произвола и насилія могущественныхъ лицъ, мелкая обработка крестьянами-собственниками существовать не можетъ. При подобныхъ условіяхъ нѣкоторою безопасностью и самостоятельнымъ существованіемъ могли пользоваться только большіе землевладѣльцы, достаточно сильные, чтобы вооружить и содержать значительное количество вассаловъ для защиты своихъ правъ и своего имущества собственными средствами. Мелкій же свободный собственникъ, окруженный сильными и могущественными сосѣдями, постоянно подверженный притѣсненіямъ, насиліямъ и нападеніямъ, долженъ былъ по необходимости искать себѣ защиты и покровительства у могущественныхъ лицъ и отказываться отъ сво-

ей самостоятельности и свободы. Если какой-нибудь сильный сосѣдъ бросалъ завистливый взглядъ на владѣнія мелкаго собственника, то сопротивленіе было тщетно и несравненно лучше и разумнѣе было отказаться отъ полной собственности, подчиниться его власти и сохранить свое владѣніе подъ извѣстными зависимыми условіями, нежели подвергаться постояннымъ притѣсненіямъ, грабежу и рано или поздно лишиться его совсѣмъ. Этимъ объясняется, почему такъ много вѣковъ должно было пройти прежде, нежели эта обработка успѣла укорениться въ европейскихъ государствахъ и получить нѣсколько широкое развитіе и распространеніе. Она начала развиваться только съ тѣхъ поръ, когда средневѣковое общественное устройство, порожденное историческими и экономическими потребностями извѣстной эпохи народнаго развитія, начало падать вслѣдствіе новыхъ экономическихъ условій, содѣйствовавшихъ водворенію новой общественной и экономической организаціи, основанной на свободѣ личности, на свободѣ труда и собственности. Благодаря этому новому устройству, земледѣлецъ получилъ наконецъ возможность пріобрѣтать поземельную собственность, столь долго ускользавшую изъ рукъ его, въ свое полное распоряженіе. При нынѣшнихъ общественныхъ условіяхъ, подъ защитою сильной государственной власти, онъ можетъ пользоваться тою же степенью безопасности, какою въ средніе вѣка пользовался только владѣлецъ громаднхъ помѣстій. Онъ можетъ свободно развивать свою дѣятельность, увеличивать свое благосостояніе, не опасаясь, что могущественный сосѣдъ воспользуется плодами труда его и лишитъ его законно пріобрѣтенной собственности. Не удивительно, что при подобныхъ благопріятныхъ условіяхъ, мелкая крестьянская собственность, особенно съ конца прошлаго вѣка, съ каждымъ годомъ дѣлала новыя завоеванія и пріобрѣтала постоянно возрастающее значеніе въ народномъ хозяйствѣ. Быстрому

распространенію ея особенно содѣйствовала французская революція, имѣвшая громадное вліяніе на искорененіе феодальной системы въ большей части европейскихъ государствъ. Съ той поры повсюду замѣчается стремленіе уничтожить средне-вѣковое устройство поземельной собственности и сдѣлать ее болѣе доступною для всѣхъ лицъ, уменьшая такимъ образомъ общественное неравенство, содѣйствуя образованію и возвышенію низшихъ классовъ, поощряя ихъ предусмотрительность и дѣятельность и значительно уменьшая бѣдность, страданія и преступленія.

Но хотя средне вѣковой порядокъ относительно поземельной собственности можетъ считаться нынѣ повсемѣстно уничтоженнымъ въ Европѣ, тѣмъ не менѣе вліяніе послѣдствій долговременнаго существованія его продолжается и нынѣ. Не говоря уже о фиденкомиссахъ, майоратахъ, субституціяхъ, продолжающихъ еще существовать въ различныхъ государствахъ, въ нѣкоторыхъ странахъ многія семьи владѣютъ еще громадными помѣстьями, приобрѣтенными не покупкою и другими способами, соотвѣтствующими свободной экономической организаціи, но благодаря происхожденію ихъ отъ средне-вѣковыхъ завоевателей, благодаря средне-вѣковой организаціи и постоянному преемству наслѣдствъ при помощи фиденкомиссовъ, субституцій и другихъ способовъ, не имѣющихъ хозяйственного основанія и обусловленныхъ политическими требованіями и соображеніями минувшаго времени, давно потерявшими всякій смыслъ и значеніе. Съ другой стороны, въ самомъ устройствѣ крестьянскаго быта, особенно въ странахъ, гдѣ недавно уничтожено крѣпостное право, встрѣчаются многія черты, напоминающія предшествовавшій порядокъ вещей. Поэтому при обсужденіи значенія обработки крестьянами собственниками не должно забывать, что эта система только что начала свое существованіе и далеко не успѣла проявить всѣхъ

своихъ благодѣтельныхъ послѣдствій, такъ какъ большая часть европейскихъ государствъ находится въ настоящее время въ переходномъ періодѣ развитія и отношенія поземельной собственности и обработки далеко еще не соответствуютъ вполнѣ новому экономическому принципу промышленной свободы.

Желая изучить общій характеръ и значеніе обработки крестьянами собственниками въ нынѣшней земледѣльческой организаціи европейскихъ обществъ, намъ прежде всего предстоитъ рассмотретьъ ея историческое значеніе и нынѣшнее положеніе въ различныхъ государствахъ. Это историко-статистическое изслѣдованіе, показавши намъ постепенное развитіе этой обработки, роль, которую она играла въ исторіи, слѣдствія, которыми сопровождалось ея развитіе, нынѣшнее значеніе ея, послужить намъ твердою опорою для дальнѣйшихъ выводовъ и доставить богатый матеріалъ для обсужденія ея экономическаго и общественнаго значенія. Опираясь такимъ образомъ на твердую почву историческихъ фактовъ, мы будемъ имѣть возможность съ полною достовѣрностью опредѣлить вліяніе этой обработки на всѣ условія, содѣйствующія производству богатствъ, вліяніе ея на матеріальное, нравственное и умственное развитіе народовъ, вліяніе ея на правильное размноженіе народонаселенія и распредѣленіе его по различнымъ занятіямъ, косвенное вліяніе ея на промышленность и торговлю и наконецъ, вліяніе на общественное устройство и на политическую силу государствъ. Уяснивши такимъ образомъ экономическое, общественное и политическое значеніе ея, намъ легко уже будетъ разрѣшить нѣкоторые практическіе вопросы народно-хозяйственной политики и опредѣлить значеніе нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ, касающихся этой обработки. Такимъ образомъ мы обнимемъ всѣ вопросы, относящіеся къ этой обработкѣ, и на основаніи тщательнаго и усерднаго изученія ихъ, будемъ въ состояніи сдѣлать общее заключеніе о будущемъ значеніи

ея и о роли, которую суждено ей играть въ производствѣ богатствъ и въ общественномъ устройствѣ.

Г Л А В А II.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ДРЕВНОСТИ.

Вслѣдствіе несовершенства общественной организаціи, свободная обработка земли крестьянами-собственниками не могла существовать и развиваться въ древнихъ государствахъ Востока. Государства эти, большею частью основанныя на завоеваніи, представляли полное сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ неограниченныхъ властителей, стоявшихъ во главѣ народа, или въ рукахъ высшихъ привилегированныхъ классовъ, рѣзко отдѣленныхъ отъ прочихъ сословіи. Такъ въ древнемъ Египтѣ, по Діодору, вся земля была раздѣлена на равныя части между фараономъ, жрецами и воинами, которые обрабатывали ее посредствомъ земледѣльцевъ, уплачивавшихъ оброкъ опредѣленною долей произведеній. Такое же пользованіе землею господствовало и въ Индіи. Вообще низшіе классы, лишенные не только свободной поземельной собственности, но весьма часто даже личныхъ правъ, являлись только временными пользователями земли и находились въ строгой зависимости отъ высшихъ сословіи.

Повидимому нѣсколько иное поземельное устройство представляетъ первоначальная исторія Евреевъ, по крайней мѣрѣ сколько можно судить по скуднымъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ объ этомъ предметѣ. Когда Евреи, послѣ долгаго кочеванья въ пустынѣ, достигли береговъ Іордана и заняли Ха-

наанскую землю, жители которой были отчасти истреблены, отчасти изгнаны, отчасти обращены въ рабство, то обѣтованная земля была раздѣлена, по повелѣнію Моисея, Іисусомъ Навиномъ между свободными Израильтянами на равныя части, сообразно качеству земли и составу семействъ. По изчисленію нѣкоторыхъ тогда считалось около 600,000 землевладѣльцевъ, изъ коихъ каждый владѣлъ отъ 5 до 8 десятинъ ¹⁾. Но это владѣніе не было полное. Земля считалась собственностью Бога. Сыны Израилевы суть рабы Іеговы и земля Израиля его собственность. Поэтому народъ и его колѣна, семейства и его члены считались только временными пользователями земли и не могли вполнѣ произвольно располагать ею. «И земля да не продается во утвержденіе, Моя бо есть земля». Для сохраненія земли въ рукахъ потомковъ, для предупрежденія неравенства имуществъ и сосредоточенія земли, ближайшимъ родственникамъ было предоставлено право выкупа наследственной земли; если она даже не была выкуплена, то при наступленіи каждаго юбилейнаго года всѣ продажи и отчужденія поземельной собственности уничтожались, и земля возвращалась къ первоначальнымъ владѣльцамъ или наследникамъ ихъ, вполнѣ свободная отъ всякихъ обязательствъ. Такимъ образомъ были приняты всѣ мѣры, чтобы установить равномерное распределеніе поземельной собственности и поддержать въ отдѣльныхъ семьяхъ прочное владѣніе въ постоянной наследственности. Единственное неравенство состояло въ томъ, что старшій сынъ получалъ двойную часть; прочее же дѣлилось поровну между сыновьями, а за неимѣніемъ ихъ между дочерями, которыя въ такомъ случаѣ не могли выходить замужъ внѣ своего племени и брали обыкновенно мужей изъ числа своихъ родственниковъ. При раздѣлѣ помѣстья между многими братьями и сестрами

¹⁾ Moreau de Jonnés «Statistique des peuples d'antiquité», t I, p. 127.

соблюдалось притомъ, чтобы помѣстье было достаточно велико для прокормленія человѣка.

Но всѣ эти мѣры, стремившіяся обезпечить благосостояніе и дорого прибрѣтенную независимость еврейскаго народа посредствомъ возможно равнаго распредѣленія имуществъ, не успѣли достигнуть предназначенной цѣли. Они не могли устоять передъ разнообразными требованіями человѣческой природы, столь неравной относительно силъ, страстей и способностей и потому съ теченіемъ времени потеряли всякое значеніе и оказались безсильными доставить еврейскому народу то благосостояніе, которое хотѣлъ ему обезпечить законодатель. Правда, законодательство это, повидимому, имѣло сначала благотворное вліяніе, ибо пока оно соблюдалось, бѣдность была неизвѣстна. Но это благопріятное вліяніе продолжалось недолго. При царяхъ господствовало уже страшное неравенство и бѣдные стонали подъ игомъ богачей. Первоначальныя учрежденія потеряли свою силу, собственность сосредоточилась, количество землевладѣльцевъ уменьшилось, количество безземельныхъ лицъ возрасло. Еврейскій народъ распался на два класса: богачей и бѣдняковъ, и огромное число людей, безъ собственности, въ странѣ лишенной всякой промышленности, должно было работать въ качествѣ поденщиковъ и слугъ на тѣхъ же поляхъ, на которыхъ предки ихъ жили владѣльцами¹⁾. Моисеево законодательство сдѣлалось недостаточнымъ для защиты бѣдныхъ крестьянъ, права которыхъ были часто нарушаемы. Примѣръ Ахава, по всей вѣроятности, не былъ исключеніемъ. Богатые землевладѣльцы тѣснили бѣдныхъ, отнимали у нихъ женъ, дома и собственность и, по словамъ пророка Исаіи (ст. 8), присоединяя одно поле къ др. гому, становились един-

¹⁾ Duncker «Geschichte des Alterthums», 2 Aufl. B. I. ст. 504, 532 и 538. — Reynier «De l'économie publ. et rurale des Arabes et des Juifs». 1820. Genève ст. 378 и сл.

ственными владѣльцами земли. Вмѣстѣ съ этимъ сосредоточеніемъ поземельной собственности все болѣе и болѣе развивалась неизвѣстная дотолѣ бѣдность ¹⁾, и какъ послѣдствіе ея въ древнихъ государствахъ—рабство. Іеремія своимъ могущественнымъ словомъ тронулъ на время сердца соотечественниковъ. Седекія и весь народъ рѣшились отпустить единоплеменныхъ рабовъ, но скоро раскаялись въ своемъ минутномъ увлеченіи и снова наложили иго на побѣжденныхъ. Тогда Іеремія разразился грознымъ пророчествомъ о близкомъ плѣнѣ Вавилонскомъ (Іереміи XXXIV, 8, 22).

Подобное же явленіе замѣчаемъ мы и въ государствахъ Греціи. Во времена Ликурга, по словамъ Плутарха, въ Спартѣ существовало уже сильное неравенство. Большая часть народонаселенія, лишенная всякихъ занятій и доведенная до крайней бѣдности, была бременемъ для города; между тѣмъ какъ всѣ богатства были сосредоточены въ рукахъ небольшого числа лицъ. Желая положить конецъ борьбѣ, порожденной такимъ положеніемъ дѣлъ, Ликургъ старался достигнуть этого посредствомъ равномернаго распредѣленія поземельной собственности и раздѣлилъ земли въ Лаконіи на 39,000 участковъ (*κληροῖ*), изъ коихъ 30,000 крестьянскихъ раздалъ сельскимъ жителямъ (*періэкамъ*), а 9,000 Спартанцамъ. Для поддержанія этого равномернаго распредѣленія собственности между гражданами, онъ постановилъ неотчуждаемость раздѣленныхъ родовыхъ участковъ, которые постоянно должны были оставаться въ одномъ и томъ же числѣ и переходить по наслѣдству въ видѣ майоратовъ къ старшему сыну. Продавать и раздроблять свое имущество считалось позорнымъ; только бездѣтные могли дарить и завѣщевать свои земли и притомъ тѣмъ, которые не имѣли земли. Если въ семействѣ сосредото-

¹⁾ Thornton «Plea for peasant-proprietors», ст. 60.

точивались многія помѣстья, то сыновья дѣлили ихъ между собою. Если же помѣстье было одно, то прочіе члены семьи жили общимъ имуществомъ. Дочери, выходящія замужъ, не получали никакого приданнаго за исключеніемъ нѣкотораго количества денегъ и движимости, въ случаѣ же, если онѣ были единственными наслѣдницами; то получали отцовское наслѣдство не иначе, какъ вступивши въ бракъ съ лицами, не имѣвшими земли.

Все эти распоряженія въ пользу неотчуждаемости земли, казалось бы, должны были служить достаточнымъ ручательствомъ за прочность существованія Ликургова поземельнаго законодательства, но несмотря на то, съ теченіемъ времени здѣсь также, какъ и въ другихъ государствахъ древности, возникла самая рѣзкая противоположность владѣній. Предсказаніе древняго оракула, что Спарта должна погибнуть отъ сосредоточенія имуществъ, исполнилось. Во время Агиса III, по словамъ Плутарха, считалось уже только 700 природныхъ Спартіатовъ, изъ которыхъ только 100 сохранило свою наслѣдственную собственность. Богатыя наслѣдницы, въ рукахъ которыхъ сосредоточилось не менѣе $\frac{2}{5}$ поземельной собственности, имѣли самое позорное вліяніе на государство. Безпрерывно повторявшіяся смуты и борьба между одною частью дворянства, снова несоразмѣрно разбогатѣвшею и другою, лишенною всѣхъ средствъ, сначала разрѣшалась высылкою колоній, но наконецъ чрезмѣрное сосредоточеніе поземельной собственности, содѣйствуя постояннымъ внутреннимъ переворотамъ, привело къ окончательной гибели государственнаго устройства ¹⁾.

Нѣсколько иначе была устроена поземельная собственность

¹⁾ Duncker «Gesch. des Alterth», ч. 3. ст. 367. — Carl Ottfried Müller «Gesch. der Hellenischen Stämme und Städte», III. 189 и сл.

въ Атикѣ, гдѣ во время процвѣтанія Аѳинъ, въ противоположность первоначальному лакедемонскому устройству, господствовало величайшее разнообразіе относительно поземельныхъ владѣній, равный раздѣлъ наслѣдства между сыновьями и свободное дробленіе земли. Все это содѣйствовало значительному распространенію поземельной собственности между большинствомъ сельскаго населенія, тѣмъ болѣе, что по закону Солона гражданамъ запрещалось пріобрѣтать свыше определенной мѣры земли ¹⁾. Дробленіе поземельной собственности, повидимому, достигло крайней своей степени въ теченіе Пелопонезской войны. Наслѣдственное имѣніе Алкивіада составляло всего около 27 десятинъ ²⁾. Даже по заключеніи мира, который стоилъ Аѳинянамъ столь многихъ отдаленныхъ участковъ, только 5000 гражданъ, т. е. одна четвертая часть всѣхъ не владѣла поземельною собственностью ³⁾. Но, начиная съ этой эпохи, поземельная собственность сосредоточивается все болѣе и болѣе. Во времена Демосѳена господствуютъ уже крупныя владѣнія. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ свидѣтельствуетъ, что многіе покупаютъ столь обширныя помѣстья, о какихъ и не снилось прежнимъ правителямъ ⁴⁾; въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что владѣніе около 40 стадій въ окружности не было еще достаточно большимъ для того, чтобы владѣлецъ его могъ считаться въ числѣ 300 богачей ⁵⁾. Полибій при своемъ возвращеніи нашелъ уже во всей Греціи преобладаніе большихъ помѣстій ⁶⁾. Эти громадныя пространства обрабатывались

¹⁾ Aristoteles, Polit. II 4

²⁾ Platon Alcib. I. 123.

³⁾ Dionys de Lysia. 32.

⁴⁾ Demosth. in Arist.

⁵⁾ Demosth. in Phaen.

⁶⁾ Roscher «System der Volkswirtschaft», B. II. 1860. ст. 375.— Во время Цицерона весь островъ Кефалонія принадлежалъ одному собственнику. Strabo. X. 2. 15.

рабами; малыя помѣстья не могли соперничать съ ними и не вознаграждали болѣе труда, такъ что большая часть землевладѣльцевъ бросала свои поля и стекалась въ города, гдѣ увеличивала собою толпу нищихъ. «Въ Аѳинахъ», говоритъ Исократъ, «прежде ни одинъ гражданинъ не терпѣлъ нужды и не позорилъ государства, прося милостыни у проходящаго; теперь же нищихъ болѣе, нежели людей государственныхъ, такъ что надо быть снисходительнымъ, видя, какъ мало они заботятся о дѣлахъ общественныхъ; довольно уже имъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ» ¹⁾. Такимъ образомъ здѣсь также повторається то же общее явленіе, что въ періодъ упадка на ряду съ паденіемъ государства совершается сосредоточеніе поземельной собственности, влекущее за собою неравенство и бѣдность большинства ²⁾.

Еще болѣе поучителенъ примѣръ Рима. Онъ представляетъ особенный интересъ для изученія поземельныхъ отношеній, показывая какъ проявляются и дѣйствуютъ законы хозяйственнаго міра при извѣстныхъ условіяхъ общественной жизни. Древнее римское государственное устройство главнымъ образомъ основывалось на крестьянскомъ сословіи, которое по величинѣ своей поземельной собственности несло военную службу и отправляло государственныя повинности. Первые Римляне были по преимуществу земледѣльцы, собственноручно обрабатывавшіе свои наслѣдственные участки при помощи дѣтей и слугъ. Образъ жизни былъ самый простой и естественный; земледѣліе считалось самымъ почетнымъ занятіемъ. Кто плохо обрабатывалъ свое поле, подвергался цензорскому осужденію ³⁾. Самые знаменитые граждане и полководцы, сенаторы

¹⁾ Isocr. Areop. 38.

²⁾ Boeckh «Die Staatshaushaltung der Athener», B. I. ст. 40 и сл.

³⁾ Agrum male colere, censorium probum judicabantur. Plin. VIII. 3.—Si quis agrum suum passus fuerat sordescere eumque in-

и консулы не пренебрегали плугомъ и нерѣдко послѣ славныхъ побѣдъ и завоеваній снова возвращались къ своему полю и клали лавры на колосья пшеницы, посѣянной и собранной ихъ руками ¹⁾. «Сѣящимъ нашли Серана ново-возложенныя почести, откуда и произошло его прозвище; пашущему свои четыре югера на холмѣ Ватиканскомъ Цинциннату принесъ вѣстникъ диктатуру, и притомъ, какъ рассказываютъ, онъ былъ нагъ и пыль наполняла его ротъ» ²⁾. Обезпечивъ общественное спасеніе, его побѣдоносныя руки съ тою же простотою оставили оружіе для плуга ³⁾. Катонъ Цензоръ своими руками обрабатывалъ свое поле, сосѣднее съ полемъ Манія Курія, побѣдителя Самнитянъ. По примѣру этихъ великихъ гражданъ большая часть древней римской знати жила въ деревняхъ и нерѣдко собственноручно обрабатывала свои поля. Сельская жизнь считалась почетнѣе городской ⁴⁾. Когда старики наши, говоритъ Катонъ, хотѣли похвалить хорошаго человѣка, они называли его добрымъ земледѣльцемъ и добрымъ селяниномъ — *bonum agricolam bonumque colonum*.

Такимъ образомъ свободная крестьянская обработка составляла въ древнемъ Римѣ господствующую форму земледѣльческаго труда, и только изрѣдка и въ самомъ незначительномъ количествѣ употреблялись рабы и слуги, которые дѣлили трудъ и жизнь господина среди патріархальной простоты нра-

diligenter curabat ac neque araverat, neque purgaverat, sive quis arborem suam vineamque habuerat derelictui non id sine poena fuit: sed erat opus censorium, censoresque aerarium faciebant. Aug. IV, 12.

¹⁾ Cicer. pro Rosc. Am. c. XVIII.

²⁾ Plin. Hist. Natur.

³⁾ Tit. Liv. III. 26.

⁴⁾ *Ipsorum tunc manibus imperatorum colebantur agri. Plin. Hist. Nat. XVIII, 3.—Rusticae tribus laudatissimae. Ibid.—In agris erant tunc senatores. Cicer. de senect. XVI.*

вовъ. Поземельная собственность была ограничена и раздроблена. Первоначальныя преданія Рима приписываютъ Ромулу первое раздѣленіе земли по два югера (около полудесятины нашей казенной мѣры) въ наследственную собственность (*heredium*) каждому гражданину ¹⁾. Эти два югера составляли, по всей вѣроятности, только одну усадьбу, какъ предполагаетъ Моммзенъ ²⁾. Въ послѣдствіи, по изгнаніи царей, это количество было увеличено до семи югеровъ ³⁾. Маній Курій, побѣдитель Пирра, отказался отъ 50 югеровъ, которые народъ предложилъ ему въ благодарность за его услуги и объявилъ опаснымъ гражданина, которому эта мѣра была недостаточна ⁴⁾. Таково же было пространство полей Регула, Фабриція, Корунканія, Эмилія Папа и великаго Фабія Кунктатора, бывшаго два раза диктаторомъ и пять разъ консуломъ ⁵⁾. Для того, чтобы отецъ семейства былъ хорошимъ хозяиномъ своего поля, желали, чтобы пространство не превосходило его силъ ⁶⁾. Впрочемъ, кромѣ этихъ участковъ, составлявшихъ наследственную собственность земледѣльцевъ, существовали еще общественныя земли, принадлежавшія государству и называвшіяся *ager publicus*. На этихъ общественныхъ земляхъ граждане имѣли право пасти свой скотъ за опредѣленную, весьма умѣренную плату (*scriptura*). Сверхъ того, они могли также, по мѣрѣ силъ и средствъ, распаивать ее въ какихъ угодно размѣрахъ, и въ

¹⁾ Bina tunc jugera populo Romano satis erant, nullique majorem modum attribuit Romulus. Plin. Hist. XVIII.

²⁾ Mommsen «Römische Geschichte», 1861. I. 183.

³⁾ Plin. Hist. Nat. XVIII.—Varro «De re rust.» I. X. 2.—Val. Max. IV, III. 5.

⁴⁾ Plin. XVIII. IV: «perniciosum intelligi civem, cui septem jugera non essent satis».

⁵⁾ Columella, I. III. c. 3.—Val. Max. IV. IV. 6.—Dureau de la Malle. т. 2 стр. 287.

⁶⁾ Columella, De re rustica. III. 9.

такомъ случаѣ земли эти переходили въ ихъ временное пользованіе. Владѣльцы подобныхъ земель могли отчуждать ихъ, получать и передавать по наслѣдству; тѣмъ не менѣе государство сохраняло на нихъ право собственности, не нарушаемое никакою давностью. Это право временнаго пользованія, *possessio*, было защищаемо отъ всякаго третьяго лица, но не отъ государства. Право это принадлежало только исключительно кореннымъ гражданамъ-патриціямъ, которые впрочемъ должны были вносить за это пользованіе умѣренную повинность: именно десятину хлѣбнаго урожая и пятину сбора плодовъ и винограда. Количество подобныхъ государственныхъ земель, незначительное въ началѣ, постоянно возрастало по мѣрѣ завоеваній и расширенія предѣловъ римскаго государства, потому что Римляне имѣли обыкновеніе обращать часть покоренной земли въ общественное поле. Это постепенное расширение общественныхъ полей въ скоромъ времени повлекло къ совершенному измѣненію сельскаго хозяйства во всѣхъ частяхъ Италіи, подвластныхъ Риму. Сначала патриціи, вслѣдствіе равенства имуществъ и отсутствія значительныхъ капиталовъ, по всей вѣроятности, мало пользовались своимъ правомъ оккупациі подобныаъ земель; тѣмъ болѣе что эти земли были большею частью разорены, лежали на границахъ и были подвержены нападеніямъ непріятелей. Но это продолжалось не долго. Уже въ скоромъ времени по изгнаніи царей патриціи захватываютъ не только общественныя поля, но и значительную часть земель, принадлежавшихъ въ собственность мелкимъ плебейскимъ владѣльцамъ. Исключительное право занимать общественныя поля служить къ сильному обогащенію ихъ. Они постоянно являются богачами и кредиторами, между тѣмъ какъ бѣдные плебеи, разоряемые военною службою и налогами, впадаютъ въ долги и постепенно теряютъ не только свою собственность, но и личную свободу. Особенно

печальную картину представляло положеніе земледѣльческаго класса послѣ нашествія Галловъ. Заимодавцы владѣли и землями и личною несостоятельныхъ должниковъ, которые, по силѣ римскаго закона, работали въ ихъ домахъ, какъ временные рабы. Толпами, говоритъ Ливій, отводили ихъ безжалостно въ дома заимодавцевъ, заключенными въ оковы, къ тяжелымъ работамъ или тюремному заключенію, и между отводимыми бывали часто люди, которые не разъ подвергали за отечество свою жизнь опасности, и которые дошли до нищенства именно вслѣдствіе того, что защищали отечество ¹⁾).

Такимъ образомъ первоначальное устройство, основанное на мелкой крестьянской собственности, начало исчезать; поземельная собственность все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ. По словамъ Липинія, приводимымъ Титомъ Ливіемъ (VI. 36), одинъ патрицій завладевалъ участками 300 плебеевъ. Такое положеніе дѣлъ вызвало необходимость аграрныхъ законовъ, назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы отнять у патриціевъ несправедливо захваченныя общественныя поля, пріобрѣтенныя мужествомъ и кровью плебеевъ. Уже въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. Спурій Кассій предложилъ первый аграрный законъ, но только черезъ 120 лѣтъ, именно въ 136 году, Липинію Сексту удалось достигнуть ограниченія поземельной собственности. Законъ Липинія опредѣлялъ, что никто не могъ владѣть въ общественномъ полѣ болѣе 500 югеровъ земли; пользованіе общественными пастбищами было также ограничено сотнею головъ крупнаго и 500 штуками мелкаго скота для одного владѣльца. Для избѣжанія латифундій и чрезмѣрнаго размноженія рабовъ и для поддержанія свободнаго народонаселенія предписано было так-

¹⁾ Леонтьевъ «О судьбѣ земледѣльческихъ классовъ въ древнемъ Римѣ. Рѣчь, произнесенная въ собраніи Москов. Унив.» 1861 года, ст. 26.

же каждому поземельному владѣльцу употреблять извѣстное число свободныхъ работниковъ для обработки ихъ владѣній. Всѣ владѣнія, превышавшія 500 югеровъ, были отобраны отъ владѣльцевъ и ассигнованы плебеямъ въ полную собственность въ семиюгерныхъ участкахъ.

Таково было знаменитое законодательство, принятое послѣ долгаго сопротивленія. Оно не только спасло римскую республику, находившуюся на краю гибели, но имѣло самое благотѣльное вліяніе на дальнѣйшее развитіе римскаго народа. Остановивъ на нѣкоторое время скопленіе поземельной собственности, доставивъ снова поземельную собственность значительному числу гражданъ, оно содѣйствовало употребленію свободного народонаселенія, процвѣтанію земледѣлія, изобрѣтенію новыхъ методовъ, равенству имуществъ, увеличенію народонаселенія, равновѣсію властей, крѣпости и могуществу римскаго государства. Три вѣка, слѣдовавшіе за этимъ переворотомъ, были наиболѣе цвѣтущимъ періодомъ римской исторіи. «Это былъ золотой вѣкъ, говоритъ Дюро де Ламаль, частныхъ и общественныхъ доблестей, эпоха, прославленная Папіріемъ, Деціями, Куріями, Фабриціями, Фабіями, Регуломъ и другими великими людьми. Это было время, когда народонаселеніе возрастало вмѣстѣ съ производствомъ земли, обрабатываемой свободными руками и разумными собственниками. Политическая свобода, сдерживаемая въ разумнымъ предѣлахъ, внутренняя гармонія партій, составлявшихъ правительство, въ соединеніи съ довольствомъ жителей, ихъ мужествомъ, доблестями, положили прочную основу могуществу республики и сдѣлали ее непобѣдимою».

Но такое блестящее положеніе Рима продолжалось недолго. Законодательство, стремившееся поддержать свободный трудъ и противодѣйствовать чрезмѣрному сосредоточенію поземельной собственности, не могло имѣть прочнаго вліянія, потому

что въ организаціи римскаго общества существовали слишкомъ могущественныя причины, гибельно дѣйствовавшія на равномерное распредѣленіе поземельной собственности и на независимое положеніе свободныхъ земледѣльцевъ, которыя и не замедлили привести къ совершенному уничтоженію крестьянскаго сословія. Когда старшій изъ Гракховъ выступилъ на политическое поприще, почти всѣ плебейскія земли были скуплены аристократами и обрабатывались рабами. Аграрный законъ Лицінія, по которому запрещено было одному гражданину имѣть болѣе 500 югеровъ общественнаго поля и предписывалось содержать на каждомъ такомъ участкѣ извѣстное число свободныхъ гражданъ, былъ обойденъ со всѣхъ сторонъ. Закованные въ желѣзо невольники работали на поляхъ; свободные поселяне просили подаенія, низшіе классы городского населенія превратились въ настоящую чернь. Когда Тиберій Гракхъ, будучи еще квесторомъ, проѣзжалъ черезъ Этрурію, онъ былъ пораженъ пустыннымъ видомъ страны и тѣмъ, что всѣ земледѣльцы и пастухи были рабы-варвары. Это впервые возбудило въ немъ его реформаторскіе планы. Звѣри, говорилъ онъ, и тѣ имѣютъ свои логовища; только римскіе граждане, непрерывно подвергающіе свою жизнь для славы и спасенія своего отечества, лишены жилищъ и пропитанія ¹⁾). Такъ какъ необыкновенно усилившійся привозъ рабовъ былъ бы невозможенъ, еслибъ не было значительнаго спроса на нихъ, а спрашивать рабовъ при господствѣ земледѣлія могли только помѣщики, то Тиберій Гракхъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо ограничить число крупныхъ помѣстій и увеличить число самостоятельныхъ владѣльцевъ. Этими средствами онъ надѣялся ограничить число рабовъ и принести величайшую пользу государству, которому рабы вредили тѣмъ, что отни-

¹⁾ Plut. Tib. Grac. c. 8, 9.

мали работу и кусокъ хлѣба у гражданъ, тѣмъ, что отпускаемые на волю умножали толпу городской черни, и наконецъ, тѣмъ еще, что стали серьезно угрожать общественному порядку своими непрерывными возстаніями.

Мнѣніе, что безъ общей ассигновки общественнаго поля нельзя помочь государству, было господствующимъ въ эту эпоху. Давно уже на общественныхъ площадяхъ, на стѣнахъ и памятникахъ встрѣчались надписи, требовавшія подобной мѣры и притомъ преимущественно отъ Тиверія Гракха. Поэтому, тотчасъ же по вступленіи въ должность народного трибуна, Тиверій Гракхъ, увѣренный въ сочувствіи лучшихъ людей своего времени, предложилъ новый аграрный законъ, бывшій въ сущности возстановленіемъ закона Лициніева. Всѣ оккупированныя части государственнаго поля должны были поступить обратно въ казну съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что каждый прежній владѣлецъ могъ удержать за собою по 500 югеровъ и, сверхъ того, на cadaго изъ своихъ сыновей еще по 250 югеровъ, впрочемъ въ общемъ итогъ не болѣе 1000 югеровъ. Кто владѣлъ бѣльшимъ количествомъ, тотъ долженъ былъ уступить излишекъ государству, впрочемъ за опредѣленное вознагражденіе. Поступившая такимъ образомъ въ казну земля, должна была идти въ надѣлъ гражданамъ и италійскимъ союзникамъ въ участкахъ по 30 югеровъ въ каждомъ, раздаваемыхъ притомъ не въ полную собственность, какъ прежде, а въ потомственное неотчуждаемое владѣніе ¹⁾, съ обязанностью обрабатывать землю для производства и платить умѣренный оброкъ.

Хотя Тиверій заплатилъ жизнью за свой смѣлый и благородный подвигъ, но законъ началъ приводиться въ исполненіе

¹⁾ Неотчуждаемость эта была отмѣнена въ послѣдствіи Ливіемъ Друзомъ. Mommsen II.

и число крестьянъ земледѣльцевъ значительно возрасло. Цензы 509, 600, 607 и 623 годовъ представляютъ понижающіяся цифры: 328,000, 324,000, 322,000, 319,000; а цензъ 629 года 395,000 ¹⁾).

Но это было только минутное облегченіе. Новое законодательство нисколько не отстраняло главныхъ причинъ, гибельно дѣйствовавшихъ на крестьянское сословіе и на распредѣленія поземельной собственности и потому осталось безъ всякаго прочнаго и существеннаго вліянія. Крестьянское сословіе земледѣльцевъ снова быстро исчезаетъ, поземельная собственность сосредоточивается еще болѣе, и въ эпоху, когда Цезарь овладѣлъ диктатурою, 2000 богатыхъ лицъ владѣли почти всеми богатствами. Изъ 450,000 всѣхъ свободныхъ гражданъ 320,000 были записаны въ число бѣдняковъ.

Такое быстрое исчезновеніе крестьянскаго сословія въ Римѣ нѣкоторые противники свободного поземельнаго устройства приписываютъ господствовавшей въ Римѣ неограниченной свободѣ распоряженія поземельною собственностью ²⁾); но достаточно краткаго разсмотрѣнія причинъ, гибельно дѣйствовавшихъ на крестьянское сословіе, чтобы увидѣть всю неосновательность этого мнѣнія. Непрочность существованія крестьянскаго сословія и господство латифундій были необходимымъ послѣдствіемъ государственнаго и экономическаго римскаго устройства, основаннаго главнымъ образомъ не на собственномъ производствѣ, а на грабежѣ и войнѣ, на раззореніи и истощеніи провинцій. Вѣчная военная служба, постоянно возра-

¹⁾ Леонтьева «Судьба земл. сословія въ Римѣ», ст. 42 и слѣд. — Nitzsch «Die Grachen und ihre nächsten Vorgänger», Berlin. 1847, стр. 294 и слѣд. — Dureau de la Malle. Т. 2, стр. 280 и слѣд.

²⁾ Funke «Die heillosen Folgen der Bodenzersplitterung und deren Gefahren für ganz Europa, nachgewiesen an Frankreichs und Italiens agrarischer Zerrüttung». Göttingen. 1854. ст. 129.

ставшая вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, отнимала у земледѣльцевъ лучшія силы; а отяготительная система налоговъ повергала ихъ въ постоянные долги. Пока борьба шла около предѣловъ Рима и ограничивалась кратковременными походами, граждане легко могли возвращаться къ обработкѣ своего поля. Но съ теченіемъ времени войны приняли болѣе обширные размѣры; онѣ совершались постоянно въ дальнихъ странахъ; военная служба чаще начала становиться жизненнымъ занятіемъ и все болѣе и болѣе ствлекала земледѣльцевъ отъ ихъ поземельныхъ участковъ и отъ занятій земледѣліемъ. Не удивительно, что они распродавали свои участки, постепенно скоплявшіеся въ рукахъ богатыхъ патриціевъ.

Еще хуже дѣйствовало на благосостояніе мелкихъ владѣльцевъ постепенное усиленіе рабства и плантаторскаго хозяйства. Количество рабовъ, незначительное въ началѣ, постоянно возрастало по мѣрѣ расширенія римскихъ предѣловъ. По окончаніи македонской войны Павелъ Эмилий привелъ на римскій рынокъ 150,000 рабовъ; младшій Сципіонъ продалъ 56,000 тысячъ Карфагенянъ; мятежныя племена Сардиніи и Испаніи заплатили такую же дань. Островъ Делосъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для торговли невольниками, привозимыми съ Востока. По мѣрѣ увеличенія внѣшнихъ источниковъ рабства, по мѣрѣ пониженія покупной цѣны рабовъ, рабскій трудъ, какъ болѣе выгодный и дешевый, началъ повсемѣстно вытѣснять свободныхъ работниковъ изъ всѣхъ отраслей труда. Вскорѣ всѣ промыслы перешли въ руки рабовъ. Само правительство употребляло рабовъ для всѣхъ подчиненныхъ мѣстъ въ управленіи, для охраненія памятниковъ, арсеналовъ, для приготовленія оружія, постройки кораблей и военныхъ машинъ. Даже шкиперы на римскихъ корабляхъ и конторщики у римскихъ банкировъ были рабы, такъ что свободному человѣку невозможно было найти никакого выгоднаго занятія. Тоже совер-

шалось и въ земледѣліи, гдѣ все болѣе и болѣе распространялось плантаторское хозяйство, т. е. обработка полей толпою рабовъ, нерѣдко заклеименныхъ и обремененныхъ оковами, ночью запираемыхъ въ подземныя тюрьмы. Это плантаторское хозяйство, перейдя съ востока въ Карфагенъ, достигло оттуда Сициліи, гдѣ, вѣроятно, по этой причинѣ оно выступило раньше и полнѣе развитымъ, нежели въ другихъ римскихъ областяхъ ¹⁾. Завоевавъ Сицилію, Римляне познакомились съ тамошними карфагенскими плантаціями. Пуническія войны еще болѣе содѣйствовали знакомству съ искусствомъ употребленія рабовъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Сочиненіе Карфагенянина Магона о земледѣліи было переведено по распоряженію сената на латинскій языкъ. Съ этой поры плантаторское хозяйство начало дѣлать быстрые успѣхи. Сельскіе продукты, производимые рабскимъ трудомъ, продавались дешево. Крестьянинъ все менѣе и менѣе получалъ дохода отъ своего труда и по неволѣ продавалъ свой участокъ. «Богатые, говоритъ Аппіанъ, занявъ большую часть не розданной земли и, ожидая отъ давности, что у нихъ не отнимутъ ихъ полей, скупали находившіеся въ сосѣдствѣ мелкопомѣстные участки, частью съ согласія владѣльцевъ, частью съ помощью насилія. Такимъ образомъ они стали засѣвать цѣлыя округа и употребляли къ тому рабовъ, такъ какъ свободные были отвлекаемы отъ земледѣлія призваніемъ въ войско. Сверхъ того, обладаніе рабами приносило выгоду въ томъ еще отношеніи, что рабы вслѣдствіе свободы отъ военной службы могли безпрепятственно размножаться. Такимъ образомъ сильные страшно богатѣли и

¹⁾ Mommsen, ч. 2, ст. 77: «Леонтинское общественное поле, въ 30,000 югеровъ удобной земли, отдававшееся въ аренду цензорами, какъ римское государственное имущество, нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ Гракховъ, было раздѣлено между 84 арендаторами, изъ коихъ большая часть были римскіе спекулянты.»

поколѣніе рабовъ въ деревняхъ возрастало. Народонаселеніе же Италіи страдало безлюдностью, истощаемое бѣдностью, податями и военною службою. Но и въ мирное время оно оставалось безъ дѣла, такъ какъ всю землю владѣли богатые и употребляли для обработки ея рабовъ, а не свободныхъ» ¹⁾.

На ряду съ дешевымъ рабскимъ хозяйствомъ, производимымъ въ большихъ размѣрахъ съ различными усовершенствованіями культуры и значительными затратами капиталовъ, существованіе свободного крестьянскаго сословія было тѣмъ менѣе возможно, что большіе поземельные владѣльцы содержали свои громадныя помѣстья не столько для прибыли и доходовъ, сколько для роскоши, удовольствія и развлеченія и потому не только допускали безденежную доставку произведеній изъ провинцій, но даже поощряли ее. Обогащеніе ихъ основывалось не столько на земледѣліи, сколько на доходныхъ должностяхъ, на притѣсненіи провинцій, на военной добычѣ, въ которой они получали львиную часть. Кто желалъ предаваться спекуляціямъ, тотъ предпочиталъ денежную торговлю, потому что въ ней можно было болѣе выиграть или старался обогатиться въ провинціяхъ. Отсюда проистекало политическое полномочіе знатныхъ семействъ, и потому всѣ многократныя попытки образовать и поддержать крестьянское сословіе оставались тщетными. Мелкіе владѣльцы не могли конкурировать съ дешевымъ рабскимъ производствомъ и тотчасъ погибали, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ветеранамъ и солдатамъ раздавали земли, обработки которыхъ они не понимали. Притомъ же они не имѣли никакого сбыта. Большая часть богачей, болѣе другихъ потреблявшихъ, получали все необходимое изъ своихъ громадныхъ помѣстій. Тѣ отрасли земледѣлія, которыя наиболѣе свойственны мелкой обработкѣ, не мог-

¹⁾ Appian de bel. civ. l. l. c. 7.—Леонтьева, ст. 39.

ли получить никакого развитія. Объ обработкѣ торговыхъ и промышленныхъ растеній едва можно было думать вслѣдствіе малаго развитія промышленности. Огородничеству вблизи главнаго города препятствовало уже то обстоятельство, что именно здѣсь были сосредоточены главныя помѣстья и виллы богатыхъ патриціевъ. Города же втораго разряда или отстояли слишкомъ далеко, или, вслѣдствіе преобладанія Рима, были осуждены на упадокъ. Самое хлѣбопашество не могло составлять выгоднаго занятія и постоянно падало, особенно со времени введенія безденежной раздачи хлѣба. Эта мѣра, принятая по предложенію Кая Гракха, окончательно погубила земледѣліе и самостоятельный классъ земледѣльцевъ. Раздавая народу даромъ припасы, государство вступало въ конкуренцію съ сельскими производителями и притомъ въ конкуренцію тѣмъ болѣе гибельную для послѣднихъ, что хлѣбъ покупался не въ Римѣ отъ римскихъ земледѣльцевъ, но привозился изъ Сициліи, Африки и Сардиніи, гдѣ собирался, какъ подать. Вслѣдствіе этой даровой раздачи хлѣба и постоянного колебанія и пониженія цѣнъ, производимаго ею, земледѣльцы должны были оставить и эту отрасль промышленности, въ которой встрѣчали столь сильное соперничество. Поэтому единственнымъ выгоднымъ занятіемъ оставалось скотоводство, произведенія котораго не могли быть привезены изъ другихъ странъ. Уже Катонъ считаетъ пастбища выгоднѣе пахатныхъ земель; но въ ту эпоху процвѣтало еще винодѣліе, садоводство, производство оливъ.

Въ послѣдствіи пастбища занимаютъ первое мѣсто. Въ сельскомъ хозяйствѣ начинаютъ руководствоваться правиломъ, что наиболѣе выгодное занятіе есть хорошее скотоводство, потомъ посредственное, наконецъ худое. Варронъ свидѣтельствуетъ уже о значительномъ распространеніи пастбищъ. По его словамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предки занимались хлѣбопа-

шествомъ, тамъ потомки повсюду, вслѣдствіе своей алчности, вопреки законамъ, развели луга ¹⁾).

Луга давали больше дохода, чѣмъ пахатныя земли, потому что требовали меньшаго числа рукъ, меньшаго количества труда и капитала. Этотъ родъ хозяйства сдѣлался любимымъ предметомъ римской спекуляціи. Римскій хозяинъ не заботился ни о помѣщеніи, ни о зимнемъ продовольствіи своихъ стадъ; онъ могъ круглый годъ держать ихъ на подножномъ корму и подъ открытымъ небомъ: лѣтомъ въ горахъ, гдѣ лежали обширныя пастбища, отнятыя у Сабиновъ и другихъ горныхъ племенъ, зимою — на теплыхъ приморскихъ равнинахъ. Не удивительно, что скотоводство, распространяясь все болѣе и болѣе, вытѣснило наконецъ почти совсѣмъ хлѣбопашество. Въ деревняхъ не находилось уже крестьянъ для легіоновъ. Обширныя пастбища, гдѣ нѣсколько рабовъ пастуховъ пасли громадныя стада скота, замѣнили цѣлыя націи, которыя доставляли многочисленныя побѣды римской республикѣ. Какъ мало было занятій для свободнаго человѣка и какъ низко цѣнился трудъ видно изъ словъ Дениса Галикарнаскаго и Діона Кассія, что многіе Римляне отпускали рабовъ на волю, чтобы пользоваться половиною безвозмездной раздачи хлѣба. Нужно было, говоритъ Дюро-де-Ламаль, чтобы въ эту эпоху цѣна рабовъ была слишкомъ низка, а цѣна хлѣба слишкомъ высока, чтобы отпущеніе рабовъ на волю съ этою цѣлью было выгодно, потому что половина раздачи должна была вознаграждать процентъ, употребленный на покупку раба и доходъ, получаемый отъ его труда ²⁾). Къ тому же эта безвозмездная раздача производилась только въ Римѣ, а потому всѣ толпами стекались туда, тѣмъ болѣе что тамъ можно было пользоваться политическими

¹⁾ Varro de re rust. II. prop 3, 4.

²⁾ Denys Halys. Ant. Rom. I. IV.—Dion Cass. XXXIX. 24. — Dureau de la Malle t. 2, ст. 310.

правами и извлека въ выгоду изъ громаднѣхъ богатствъ, приливавшихъ въ царственный городъ со всѣхъ концовъ земли. Понятно, въ какихъ размѣрахъ при подобныхъ обстоятельствахъ должно было совершаться поглощеніе мелкихъ помѣстій большими, въ особенности послѣ исчезновенія всякаго юридическаго различія между патриціанскими ленными и плебейскими вотчинными помѣстьями.

Такимъ образомъ существованіе крестьянскаго сословія встрѣчало себѣ непреодолимые препятствія въ самомъ экономическомъ и политическомъ устройствѣ римскаго государства. Вслѣдствіе этого всѣ попытки возстановить это сословіе посредствомъ аграрныхъ законовъ оставались безуспѣшными. Точно также были неудачны мѣры нѣкоторыхъ побѣдоносныхъ полководцевъ, которые старались поддержать падающее сословіе мелкихъ крестьянъ-собственниковъ и укрѣпить шатающееся въ своихъ основахъ государство посредствомъ кровавыхъ проскрипцій, посредствомъ основанія новыхъ колоній и раздачи опустѣлыхъ дворовъ ветеранамъ ¹⁾. Эти люди, происходившіе изъ пролетаріевъ и городской черни, одичалой среди войнъ и междоусобій, никогда не могли сдѣлаться порядочными земледѣльцами и тотчасъ исчезали. Слѣдствіемъ всего этого было баснословное сосредоточеніе поземельной собственности. Сосредоточеніе это было тѣмъ сильнѣе, что на помощь ко всѣмъ вышеприведеннымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ присоединилось еще насиліе. Все доказываетъ, что накопленіе громаднѣхъ владѣній происходило также вслѣдствіе частыхъ захватовъ, которымъ подвергались сосѣди сильныхъ людей.

¹⁾ Марій истребляетъ нѣсколько богатыхъ патриціевъ, земли которыхъ раздаетъ ветеранамъ; Сулла раздаетъ земли 23 легіонамъ, сражавшимся за него; Цезарь покупаетъ земли и основываетъ земледѣльческія колоніи на всѣхъ побѣжденныхъ земляхъ; триумвиры дѣлятъ между солдатами 18 городовъ.

Какъ видно изъ современныхъ свидѣтельствъ, рѣдкій сильный человѣкъ не тѣснилъ своихъ мелкихъ сосѣдей. «Не слѣдуетъ отнимать у Кнея Помпея того величія, говоритъ Плиній, что онъ никогда не покупалъ сосѣднихъ имѣній». Въ концѣ 3-й главы 10-й книги, Колумелла говоритъ объ объемѣ имѣній: «мѣра должна быть сохраняема какъ во всѣхъ вещахъ, такъ и въ приобрѣтеніи имѣній. Надобно набирать столько, сколько нужно, чтобы владѣть, а не отягощаться набраннымъ; и не слѣдуетъ отнимать участки у другихъ по обычаю сильныхъ, которые, завладѣвая областями цѣлыхъ народовъ, не въ состояніи даже на лошадяхъ объѣхать своихъ владѣній и предоставляютъ ихъ скоту на поправленіе и дикимъ звѣрямъ на жилище, или занимаютъ ихъ гражданами, вступившими въ кабалу (*nexu civium*) и скованными рабами». Квинтилианъ представляетъ несчастнаго земледѣльца, находившагося въ процессѣ съ богатымъ сосѣдомъ за уничтоженіе имъ улей, которые беспокоили богача. Владѣтель пчельника говоритъ, что онъ желалъ помѣститься въ другомъ мѣстѣ, но нигдѣ не находилъ небольшого поля, гдѣ бы не было богатаго сосѣда. «*Volui, iudices, decedere, volui; sed nullum potui invenire agellum, in quo non mihi divus vicinus esset* ¹⁾». О томъ же свидѣтельствуется Гораций ²⁾.

Не удивительно, что уже въ послѣдніе годы римской республики сотни мелкихъ владѣній слились въ громадныя латифундіи. Во время Цицерона неравенство богатствъ было уже такъ велико, что изъ 450,000 гражданъ не болѣе 2000 имѣли независимое состояніе ³⁾. Всякое имѣніе, которое не граничило моремъ, большою рѣкою или цѣпью горъ, было недостойно римскаго аристократа. Рѣки, нѣкогда раздѣлявшія владѣнія враж-

¹⁾ Quintil, «*Declamat.*» XIII. 2.—Dureau de la Malle. т. 2. ст. 221.

²⁾ Horat. Carm. II. 148.—Cicer. «*Suos enim (maiores nostri) agros studiose colebant, non alienos cupide appetebant.*»

³⁾ Cicer. «*De officiis.*» I. II. c. 21.

дебныхъ народовъ, протекали по землямъ частныхъ лицъ, владѣнія которыхъ заключали въ себѣ иногда до 10,000 и болѣе рабовъ. Самыя обширныя имперіи, воздвигаемыя человѣческимъ честолюбіемъ, платили дань небольшому числу богачей. Міръ никогда не видѣлъ роскоши, подобной роскоши римскихъ сенаторовъ, такого количества богатствъ, расточаемыхъ для одного. Какъ велики были богатства въ эту эпоху, можно судить по нѣкоторымъ примѣрамъ. Имущество Помпея простиралось до 70 милліоновъ сестерцій (около 5 мил. руб.), актера Эзона до 20 милліоновъ. Маркъ Крассъ въ началѣ своего поприща имѣлъ 7 милліоновъ, въ концѣ же, послѣ расточенія неимовѣрныхъ суммъ народу, 170 милліоновъ сестерцій или болѣе 12 милліоновъ рублей ¹⁾. Онъ имѣлъ обыкновеніе говорить, что никто не былъ достаточно богатъ, если доходами не могъ содержать цѣлой арміи, собрать 6 легіоновъ и значительное количество вспомогательнаго войска ²⁾. Въ началѣ гражданской войны между Цезаремъ и Помпеемъ, будущій диктаторъ встрѣтился въ Пиценумѣ съ Домиціемъ Агенобарбомъ, который, видя своихъ солдатъ въ нерѣшимости, обѣщалъ каждому по 4 югера въ своихъ владѣніяхъ и соотвѣтственную часть центуріонамъ и ветеранамъ. Каково должно быть богатство человека, который могъ, не разоряясь, раздать около 100,000 югеровъ ³⁾? Такое сосредоточеніе имуществъ съ одной стороны, сопровождаемое постепеннымъ усиленіемъ бѣдности, а вмѣстѣ съ тѣмъ зависти и ненависти съ другой, dokonчило паденіе республики и содѣйствовало установленію имперіи. Имперія создала новыя препятствія мелкой собственности своими тя-

¹⁾ Mommsen, ч. 2, ст. 506.

²⁾ Cic. Paradox. VI: «Neminem esse divitem, nisi qui exercitum alere posset suis fructibus».

³⁾ Militibus in concione agros ex suis possessionibus pollicetur, quaterna in singulos jugera et pro rata parte centurionibus evocatisque. Cesar. Ques. civ. 1. 17. Когорта состояла изъ 600 человѣкъ.

желыми налогами, неравенством политическаго вліянія, распространіемъ рабства, своею роскошью, чрезмѣрнымъ произволомъ, необеспеченностью личности и собственности. Скопленіе собственности продолжало развиваться все быстрѣе и быстрѣе. Въ какомъ печальномъ положеніи были свободные земледѣльцы въ 1-мъ столѣтіи по Р. Х. видно изъ словъ современника Варрона (I, XXIV): «Поля, говоритъ онъ, обрабатываются или рабами или свободными, или тѣми и другими. Свободными, когда они сами обрабатываютъ землю, какъ многіе бѣдняки (*ipsi colunt... plerique pauperculi cum sua progenie*) съ своими семействами, или работаютъ по найму, исполняя свободнымъ трудомъ по условію большія работы, напр. сборъ винограда, сѣнокосы; сюда же, кромѣ того, относятся такъ называемые задолжавшіе (*obaerati*), которыхъ теперь еще много въ Азіи, Египтѣ и Иллирикѣ. Объ нихъ о всѣхъ говорю слѣдующее: неудобныя мѣста полезнѣе обрабатывать наймомъ, нежели рабами, а въ здоровыхъ исполнять наймомъ трудныя работы, какъ напр. сборъ винограда и жатву». Итакъ вотъ въ какомъ положеніи были свободные земледѣльцы въ Италіи въ 1-мъ столѣтіи! Всѣхъ свободныхъ крестьянъ Варронъ обозначаетъ именемъ бѣдняковъ или задолжавшихъ, а безземельныхъ работниковъ совѣтуетъ употреблять на такія работы, которыя истощили бы раба и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ жизнь послѣднихъ подвергалась опасности. Не удивительно, что и они вскорѣ исчезли; черезъ полвѣка Колумелла не говоритъ уже о наемныхъ рабочихъ, а упоминаетъ только о рабахъ скованныхъ и не скованныхъ (кн. I, гл. 7). Поземельная собственность сосредоточилась въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Уже Тиберій между бѣдствіями своего времени считаетъ первымъ «*villarum infinita spatia, familiarum numerum et nationes*» ¹⁾. При Неронѣ

¹⁾ Tacit. Ann. III. 53

шесть владѣльцевъ владѣли половиною римской Африки ¹⁾. Сенека говоритъ о владѣніяхъ нѣкоего Помпея, жившаго при Калигулѣ, по владѣніямъ котораго протекали цѣлыя рѣки ²⁾. Есть виллы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, похожія на провинціи, надзоръ которыхъ распространяется на бѣльшее пространство земли, нежели какое находилось подъ управленіемъ древнихъ консуловъ ³⁾. Во второмъ вѣкѣ Плиніи свидѣтельствуется, что большія помѣстья, погубившія Италію, губятъ и провинціи: «*Latifundia perdidere Italiam, imo et provincias*» ⁴⁾. Въ 3 и 4 вѣкѣ помѣстья становятся еще громаднѣе ⁵⁾. Во времена Гонорія и Аркадія, въ эту эпоху упадка, когда богатства такъ уменьшились, многія семейства получали доходъ деньгами и произведеніями, превосходившій полъ-милліона рублей нашей монеты ⁶⁾. Аммианъ Марцелинъ (XIV, 6) свидѣтельствуется, что когда Римъ палъ передъ силами Алариха, вся Италія и Африка были сосредоточены въ рукахъ 1760 богатыхъ семействъ, жившихъ въ Римѣ и обработывавшихъ свои помѣстья посредствомъ несвободныхъ людей.

Такимъ образомъ вся исторія римскаго развитія представляетъ намъ картину постепеннаго исчезновенія свободнаго земледѣльческаго населенія и постоянно возрастающаго скопленія поземельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ, не-

¹⁾ Plin. Nat. Hist. XVIII. 7.

²⁾ Senec. De tranquill. animi. I.

³⁾ Senec. De ira. I. 16. Сравни: Sen. De benef. VII. 10. и Epist. 89. Petron. 37, 48, О сицилійскихъ латифундіяхъ Florus. III 19. Diod. LXXXIV. Horat. od. II. 16. Senec. Contr. V. 5. Arata quondam populis rura nunc singulorum ergastulorum sunt, latiusque nunc villici, quam olim reges imperant.

⁴⁾ Слова Плинія подтверждаются Аггенусомъ: «In Africa saltus non minores habent privati quam reipublica territoria» Dureau de la Malle, т. 2. ст. 220.

⁵⁾ Ibidem. ст. 221.

⁶⁾ Simonde de Sismondi «Etudes sur l'econ. pol.». 1838 т. 2 ст. 19.

смотря на всѣ усилія и мѣры законодателей и правителей. Это скопленіе поземельной собственности, сопровождаемое чрезмѣрнымъ развитіемъ рабскаго труда и даровою раздачею хлѣба, не замедлило привести къ совершенному паденію римское земледѣліе, изсушило всѣ источники производства и послужило окончательною причиною гибели римскаго государства.

Италія, какъ по своимъ мѣстнымъ условіямъ, такъ и по качествамъ почвы и климата, есть страна по преимуществу мелкой обработки. «Нѣтъ страны, говоритъ Дюро де Ламалль, лучше расположенной для мелкой обработки, какъ Лаціумъ, Этрурія, страна Вольсковъ, Сабиновъ, Этрусковъ и Кампанія» ¹⁾. Поэтому, пока древніе Римляне сами обрабатывали свои поля, пока свободный трудъ пользовался почетомъ и уваженіемъ, «пока земля», по выраженію Плинія, «радовалась подъ плугомъ, украшеннымъ лаврами и подъ тріумфаторомъ, ведущимъ плугъ», земледѣліе процвѣтало. Римскій земледѣлецъ, обезпеченный относительно поземельной собственности и зная, что она останется послѣ него дѣтямъ, употреблялъ всѣ усилія для увеличенія ея производительности. Труды предковъ доставляли выгоду потомкамъ и Италія славилась своимъ плодородіемъ и изобиліемъ. Она справедливо считалась: *magna parens frugum, Saturnia tellus, magna virum*. Время отъ изгнанія царей до Аннибаловской войны было временемъ наибольшаго процвѣтанія земледѣлія и благосостоянія народа. Это была эпоха изобрѣтенія новыхъ методовъ, увеличенія народонаселенія, эпоха, когда Италія производила болѣе, нежели сколько нужно было для внутренняго потребленія и даже вывозила, несмотря на несовершенство орудій, на дороговизну обработки, на преобладаніе ручнаго труда. Всѣ римскіе агрономы: цензоръ Катонъ, Варронъ, Колумелла, натуралистъ Плиній, единогласно

¹⁾ Ср. Dureau de la Malle, т. 2. ст. 3. и 225.

хваляютъ римское земледѣліе этой эпохи. Раздѣленіе поземельной собственности, благопріятствуя производству, увеличивало количество браковъ, и несмотря на постоянныя войны, доставляло крѣпкихъ и сильныхъ воиновъ.

Но это цвѣтущее положеніе быстро начинаетъ клониться къ упадку, когда, по разрушеніи Карфагена, олигархія овладѣваетъ властью, захватываетъ все богатства, уничтожаетъ классъ мелкихъ собственниковъ и замѣняетъ ихъ рабами. Казалось бы, что роскошь стола, жилищъ, одежды, потребленія должны были увеличить запросъ, а между тѣмъ мы видимъ совершенно противное. Земледѣліе падаетъ все болѣе и болѣе по мѣрѣ сосредоточенія богатствъ, несмотря на улучшение механическихъ средствъ, развитіе земледѣльческихъ теорій и введеніе улучшенныхъ способовъ; несмотря на постоянный приливъ капиталовъ со всехъ сторонъ Европы, Азии и Африки. Производство и цѣнность земель уменьшаются; жатвы даютъ не болѣе какъ самъ-четверть; издержки обработки, вслѣдствіе замѣны свободнаго труда рабскимъ, увеличиваются и хлѣбопашество почти совсѣмъ исчезаетъ. Пахатныя земли всей Италіи превращаются въ луга и пастбища, и тѣ самыя страны, которыя прежде представляли видъ множества цвѣтущихъ деревень, населенныхъ свободными и достаточными людьми, обращаются въ обширныя пустыни, покрытыя громадными стадами и роскошными вилами нѣсколькихъ большихъ владѣльцевъ, представлявшими самый поразительный контрастъ съ печальными хижинами и подземными тюрьмами, въ которыхъ заключали рабовъ. Уже Плутархъ, въ жизни Тиверія Гракха, свидѣтельствуешь, что свободное населеніе Италіи совершенно исчезло. Титъ Ливій говоритъ, что въ его время половина Италіи, безъ ергастулъ, была бы пустынею. 150 лѣтъ непрерывныхъ внутреннихъ безпорядковъ, гражданскихъ войнъ, междоусобій и возстаній рабовъ, сопровождавшихъ послѣдніе годы существо-

ванія римской республики, еще болѣе усиливаютъ печальное положеніе земледѣлія. Плодородная нѣкогда Италія, подѣ влияніемъ латифундій, становится столь же непроизводительною, какъ нынѣшняя Кампанія. Долгій миръ, умное правленіе Августа и Тиверія не могутъ поднять земледѣлія. Похвалы, которыя мы встрѣчаемъ у Виргилія и другихъ современныхъ писателей земледѣлію, не имѣютъ дѣйствительнаго значенія и отзываются мечтательнымъ желаніемъ воскресить старину. Денисъ Галикарнаскій, современникъ Августа, свидѣтельствуетъ, что большая часть нѣкогда процвѣтавшихъ городовъ, были въ его время совершенно пусты и безлюдны. Вмѣсто вывоза хлѣба, Италія кормится въ эту эпоху жатвами Африки, Сициліи и Египта. Недостатокъ произведеній Италіи побуждаетъ Августа къ тщательному исправленію каналовъ Египта и къ болѣе разумному управленію этою страной (Suet. Aug. 18). Недостатокъ хлѣба въ Римѣ становится все чаще и чаще. Варронъ, Плиній и другіе земледѣльческіе писатели жалуются на то, что Италія сдѣлалась данницею міра. При Тиверіѣ и Клавдіѣ привозъ составлялъ уже осьмую часть произведеній Италіи ¹⁾. Существованіе римскаго народа, какъ выразился Тиверій въ Сенатѣ, было предоставлено произволу вѣтровъ и волнъ. Семь югеровъ, по Варрону, приносили древнимъ Римлянамъ болѣе произведеній, нежели сколько доставляли въ его эпоху несравненно болѣе обширныя пространства земель, предоставленныя на поправленіе скоту и на жилище дикимъ звѣрямъ ²⁾. Самое плодородіе земли начало исчезать подъ руками закованныхъ рабовъ: земля начала давать не болѣе, какъ самъ-третей или самъ-четверть. Одни, видя истощеніе источниковъ земле-

¹⁾ Dureau de la Malle. т. I. ст. 298.

²⁾ Объ упадкѣ земледѣлія смот. Colum. Proem. I. 1 и 17;—Horat. I. 2 od. 15.;—Varro. I. 3. с. I.;—Tac. Ann. III. 34;—Suet. in Aug. с. XII.

дѣльческаго производства, начали обвинять безплодіе почвы и неблагопріятное вліяніе погоды. Другіе думали, что земля истомленная и истощенная предшествовавшими излишними жатвами, какъ бы падала подъ гнетомъ старости и безсилія и не въ состояніи была удовлетворять потребностямъ людей съ прежнимъ изобиліемъ и щедростью. Они воображали, что земля, эта общая мать людей, въ своемъ безсиліи уподобляется старой женщиной и не можетъ болѣе отвѣчать усиліямъ земледѣльца. Они не хотѣли видѣть, что это уменьшеніе производства, это безплодіе было слѣдствіемъ неправильнаго распредѣленія поземельной собственности и худой обработки, предоставленной закованнымъ рукамъ. Земля, сосредоточенная въ громадныхъ массахъ, не могла уже пользоваться тѣмъ заботливымъ уходомъ и вниманіемъ, которое расточалъ ей прежній земледѣлецъ-собственникъ. Впрочемъ, лучшіе люди и тогда сознавали главную причину зла. Колумелла прямо приписываетъ безплодіе полей, «*agrorum infecunditatem*», тому, что дѣятельность и разумная обработка собственниковъ была замѣнена невѣжественными, порочными и лѣнивыми рабами ¹⁾. Плиній также приписываетъ паденіе имперіи латифундіямъ и рабской обработкѣ: «*Coli rura ab ergastulis pessimum est, et quidquid agitur a desperantibus*» (XVIII, 7).

Всѣ дальнѣйшія попытки поддержать падающее земледѣліе и производство не имѣютъ успѣха, потому что скопленіе собственности продолжаетъ возрастать все быстрѣе и быстрѣе. Тщетно Пертинаксъ издаетъ эдиктъ, по которому обѣщаетъ всѣмъ, обработавшимъ оставленную землю, полное владѣніе ею, а также свободу отъ податей въ теченіе 10 лѣтъ; тщетно преемники его съ тою же цѣлью налагаютъ на сенаторовъ обязан-

¹⁾ «*Nostro vitio, qui rem rusticam pessimo cuique servitorum, velut carnifici, noxae dedimus, quam majorem nostrum optimus quisque tractaverit*». Dureau de la Malle, т. 2, ст. 230.

ность обрабатывать по крайней мѣрѣ $\frac{1}{3}$ часть земель, владѣемыхъ ими въ Италіи: мѣры эти остаются безъ успѣха и земледѣліе падаетъ все болѣе и болѣе ¹⁾. Константинъ Великій долженъ былъ уже освободить отъ налога $\frac{1}{3}$ часть территоріи Кампаніи, которая не доставляла болѣе произведеній ²⁾. Не удивительно, что для спасенія необходимо было прибѣгнуть къ колонату, эмантеозѣ и прикрѣпленію крестьянъ.

Но гибельныя послѣдствія чрезмѣрнаго сосредоточенія поземельной собственности, соединеннаго съ рабскою обработкою не ограничились однимъ только земледѣліемъ. По естественной связи между различными сторонами народной жизни, они отразились во всемъ общественномъ и политическомъ устройствѣ римскаго государства. Вмѣстѣ съ этимъ скопленіемъ имущества тѣсно связана исторія гражданскихъ войнъ и междоусобій, исчезновеніе свободнаго народонаселенія и наконецъ, самое паденіе римской имперіи.

При господствѣ умѣренной, равно распредѣленной поземельной собственности, существовавшей въ первыя времена республики, Римляне представляли образецъ гражданскихъ доблестей и при помощи умѣренности, разумности и постоянства достигли рѣдкаго въ исторіи величія и могущества. Бѣдность была въ чести. Повиновеніе, цѣломудріе, умѣренность, скромность въ желаніяхъ, постоянство въ бѣдствіяхъ, терпѣніе въ предпріятіяхъ, любовь къ отечеству были общими качествами римскаго народа. Когда же равенство собственности было уничтожено и земли скопились въ рукахъ немногихъ большихъ владѣльцевъ, то грубая жажда наслажденій и сокровищъ вытѣснила всюду старинную любовь къ отечеству и истинную жажду славы. Большая часть гражданъ,

¹⁾ Jacini «Grundbesitz und Landvolk in der Lombardei», ст. 27.

²⁾ Cod. Theod. I. IV. 28.

лишенныхъ всякихъ средствъ къ самостоятельному существованію посредствомъ честнаго труда, въ странѣ безъ промышленности, безъ ремеслъ, безъ торговли, безъ свободной обработки, все болѣе и болѣе скоплялась въ Римѣ, куда привлекала ее даровая раздача хлѣба, роскошные термы, великолѣпныя зрѣлища цирковъ, политическія права и преимущества. Существованіе государства начало зависѣть отъ толпы бѣдняковъ, которая ежедневно грозила волненіемъ, если не утоляли ея голода и не развлекали ея скуки. Вскорѣ во всей Италіи Римлянъ можно было найти только въ Римѣ, Италіянцевъ только въ большихъ городахъ. Въ деревняхъ же не находилось уже крестьянъ для многочисленныхъ легіоновъ. Тамъ можно было найти только рабовъ-варваровъ. Туземное населеніе успѣло удержаться только въ самыхъ неприступныхъ убѣжищахъ — горахъ. Какъ будто бы римскій народъ, совершивши свое назначеніе, потерялъ даже физическую силу размноженія. Уже Титъ Ливій говоритъ, что если бы не рабы, то Италія была бы пустынею. Ошибочное поземельное устройство и глубокая, долго копившаяся вражда между богатыми и бѣдными, разразилась наконецъ страшными общественными бѣдствіями и потрясеніями, кончившимися полною гибелью стариннаго устройства и водворившими небывалый въ исторіи деспотизмъ императоровъ. Но имперія не могла измѣнить вкоренившагося зла, и своимъ чрезмѣрнымъ произволомъ еще болѣе содѣйствовала усиленію его. При императорахъ недостатокъ населенія становится еще чувствительнѣе. Всѣ мѣры поддержать и поощрить размноженіе населенія оказываются столь же недѣйствительными, какъ и мѣры для поддержанія производства. Италія пустѣетъ; поля превращаются въ лѣса; дикіе звѣри занимаютъ жилище древней цивилизаціи. Совершенное исчезновеніе свободныхъ сельскихъ жителей, замѣщенныхъ небольшимъ количествомъ рабовъ, открываетъ путь въ римскую имперію

варварамъ, стоявшимъ на границѣ. Всякое нашествіе ихъ разгоняетъ, освобождаетъ и похищаетъ рабовъ; города съ ихъ празднымъ и малодушнымъ населеніемъ подвергаются игу ¹⁾. Цѣлая нація мало по малу падаетъ и исчезаетъ подъ вліяніемъ ненавистнаго устройства. Такимъ образомъ нельзя не признать, что мелкая обработка, совершаемая свободными руками, возвела Римъ на высшую степень величія и благосостоянія; большая же обработка, предоставленная рабамъ, довершила его гибель.

Окидывая бѣглымъ взглядомъ судьбу большей части древнихъ государствъ, мы видимъ, что паденіе ихъ повсюду сопровождалось исчезновеніемъ свободного крестьянскаго сословія и сосредоточеніемъ поземельной собственности. Вникая въ причины такого общаго явленія, нельзя не признать, что оно было естественнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ недостаточнаго общественнаго устройства, основаннаго надвухъ ошибочныхъ, свойственныхъ языческому міровоззрѣнію началахъ.

Первое заключалось въ непосредственномъ слитіи государственнаго и частнаго права, что приводило къ совершенному преобладанію государства надъ личностью. Это ложное воззрѣніе препятствовало установленію всякаго прочнаго, органически развивающагося общественнаго устройства, ибо въ жертву государству приносило всякую личную свободу, дѣлало невозможнымъ безпрепятственное развитіе человѣческихъ силъ и способностей независимо отъ политическихъ переворотовъ, и весьма часто приводило къ нарушенію правъ собственности и къ подавленію самыхъ законныхъ требованій человѣческой природы. Понятно, что подобное устройство, стѣснявшее личную свободу и не признававшее права собственности неизмѣннымъ условіемъ физическаго и духовнаго развитія человѣка,

¹⁾ Simonde de Sismondi «Etudes sur l'econ polit.» т. 2, стр. 19.

никогда не могло породить въ гражданахъ той энергической дѣятельности, а слѣдовательно и того дѣйствительнаго обладанія природою, которое возможно только при безусловномъ освященіи и обезпеченіи права собственности высшею государственною властью, стоящею внѣ партій и ихъ стремленій.

Второе, быть можетъ, еще болѣе зловредное начало древнихъ обществъ заключалось во всеобщемъ господствѣ рабства, вытекавшемъ изъ неосознанія естественнаго достоинства человека. Учрежденіе это, столь глубоко проникавшее во всѣ идеи и условія древней жизни, что даже мудрѣйшіи и лучшіи люди древности нисколько не сомнѣвались даже въ теоретической справедливости его, уже одно само по себѣ препятствовало установленію прочнаго гражданского порядка и общественнаго устройства, и еще болѣе губительнымъ образомъ дѣйствовало на достоинство и значеніе труда, составлявшаго участь презираемыхъ классовъ.

Не удивительно, что вслѣдствіе ложности этихъ основныхъ политико-философскихъ воззрѣній древности, промышленная дѣятельность народовъ никогда не могла достигнуть всей полноты своего развитія, никогда не могла породить того движимаго богатства и той многосторонней и разумной дѣятельности, которая одна могла послужить могущественнымъ и законнымъ противодѣйствіемъ исключительному вліянію поземельной собственности и владѣвшихъ ею классовъ.

Таковы главные причины, почему ни одно государство древности не могло достигнуть правильнаго, разумнаго и естественно развивающаго поземельнаго устройства, которое обезпечивало бы просторъ полному и свободному развитію всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей. Вслѣдствіе общей необезпеченности и отсутствія прочнаго порядка постоянно получала преобладаніе крупная поземельная собственность. Мелкая же собственность и даже самая личная свобода земледѣльче-

скаго класса никогда немогли установиться прочнымъ образомъ, ибо не находили достаточныхъ условій для своего ненарушимаго существованія. Тщетно законодатели и государственные люди старались повсемѣстно противодѣйствовать чрезмѣрному скопленію поземельной собственности и удержать ея равномерное распредѣленіе. Мѣры ихъ оказывались недѣйствительными; потокъ жизни уносилъ ихъ учрежденія; поземельныя богатства снова скоплялись въ громадныхъ массахъ; производство слабѣло, народонаселеніе впадало въ бѣдность и тягостную зависимость, уменьшалось, и политическое могущество государствъ исчезало. Такимъ образомъ нельзя не признать, что сосредоточеніе поземельной собственности, составлявшее слѣдствіе порочнаго общественнаго устройства, было если и не единственною, то безъ всякаго сомнѣнія одною изъ главныхъ причинъ, содѣйствовавшихъ паденію древнихъ государствъ. Большая собственность и обработка при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находились древнія общества, именно при отсутствіи машинъ и усовершенствованныхъ орудій, при ничтожности капиталовъ, при непроизводительности несвободнаго труда, далеко не представляли тѣхъ выгодъ, которыя онѣ имѣютъ въ настоящее время вслѣдствіе усовершенствованія механическихъ способовъ и развитія земледѣльческаго искусства, вслѣдствіе неизвѣстнаго прежде изобилія капиталовъ. Напротивъ, раздробленіе земли и свободная мелкая обработка, при тогдашнихъ условіяхъ, являлись въ высшей степени благопріятными для производства благосостоянія и могущества государствъ. Этимъ объясняются постоянныя стремленія наиболѣе замѣчательныхъ и мудрыхъ законодателей древности поддерживать мелкую крестьянскую обработку, стремленія, замѣчаемые и въ учрежденіяхъ еврейскихъ пророковъ, и въ законодательствахъ Солона и Ликурга, и въ попыткахъ Агиса и Клеомена, и наконецъ, въ цѣломъ рядѣ аграрныхъ римскихъ зако-

новъ. Но всѣ эти мѣры были безсильны передъ общимъ строемъ жизни, основанной на началахъ, гибельныхъ для личной свободы и мелкой независимой собственности. И только новому времени удалось осуществить въ нѣкоторой степени тотъ идеалъ, къ которому стремились законодатели древности; но это осуществленіе достигнуто не насильственными, ограничительными мѣрами, но путемъ личной свободы и необходимо связанной съ нею свободы поземельной собственности.

Г Л А В А III.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВО ФРАНЦИИ.

Переходя отъ древнихъ государствъ къ новымъ, мы прежде всего остановимся на Франціи, гдѣ развитіе поземельныхъ отношеній представляетъ какъ бы непосредственное продолженіе древней исторіи.

По мнѣнію французскихъ писателей, первоначальное общественное устройство Галловъ до завоеванія Римлянами, представляло видъ родоваго быта. Во главѣ родовъ или клановъ стояли родоначальники, которые полновластно распоряжались своими родичами, такъ что Цезарь сравниваетъ ихъ съ римскими рабами (*paene servorum habentur loco*). Земля составляла общую собственность всего рода; пастбища, лѣса и воды оставались въ нераздѣльномъ пользованіи; пахатныя же земли подвергались ежегоднымъ передѣламъ ¹⁾.

¹⁾ Dareste de Chavanne «Histoire des classes agricoles», 1858. 2-е изд. стр. 14.—Giraud «Essai sur l'histoire du droit franç. au moyen age», 1846. т. 1.—Ducellier «Hist. des classes laborieuses en France», 1860. стр. 3.

Это общественное и земледѣльческое устройство подверглось значительному перевороту въ первомъ вѣкѣ вслѣдствіе завоеванія Галліи Римлянами. Съ установленіемъ ихъ владычества, въ Галліи, точно также какъ и въ другихъ частяхъ римской имперіи, быстро начали распространяться латифундіи, которыя, по словамъ Плинія, во второмъ вѣкѣ занимали не только Италію, но и провинціи. Образованіе этихъ латифундій совершалось весьма просто. Когда благородный Галлъ получалъ титулъ римскаго гражданина, то поземельная собственность, составлявшая прежде общее достояніе родоначальника и его кліентовъ и приближенныхъ, переходила *pleno jure* въ его руки и, на основаніи римскихъ законовъ, становилась его личною собственностью. Лица, подвластныя начальнику, которыя и прежде находились почти въ рабскомъ состояніи, переставали быть воинами, становились простыми земледѣльцами и мало по малу превращались въ колоновъ. Римскіе юристы мало вникали въ обычаи побѣжденныхъ народовъ. При томъ, этотъ переходъ былъ въ высшей степени простъ и естественъ, ибо не приносилъ никакого непосредственнаго измѣненія въ положеніи сельскихъ классовъ и не измѣнялъ внезапно ихъ стариннаго устройства и обычнаго пользованія землею. Право этого стариннаго пользованія не только не было отмѣнено, но напротивъ, вслѣдствіе распространенія колоната, формально гарантировано закономъ, прикрѣпившимъ крестьянъ къ землѣ.

Такимъ образомъ слѣдствіемъ римскаго завоеванія было превращеніе общественной поземельной собственности въ частную и распространеніе колоната. Въ пятомъ столѣтіи, не задолго до паденія Имперіи, мы видимъ уже, что большая часть земель сосредоточена въ рукахъ римскихъ и галльскихъ семействъ, отчасти начальниковъ варварскихъ племенъ, поселившихся въ Галліи, отчасти наконецъ въ рукахъ духовенства и римской казны. Земледѣльческое же населеніе состо-

ить почти исключительно изъ рабовъ и колоновъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ. Правда, на ряду съ этими несвободными классами лицъ встрѣчается еще незначительное число мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ, собственноручно воздѣлывающихъ свои участки; но положеніе ихъ представляется въ самомъ печальномъ и незавидномъ видѣ. Относительную свободу, которою они пользовались, имъ приходилось выкупать бѣдностью, одиночествомъ и всевозможными притѣсненіями. При отсутствіи твердаго и правильнаго государственнаго управленія, они ничѣмъ не были обезпечены противъ произвола богатыхъ и сильныхъ сосѣдей, противъ грабежа разбойниковъ и нападений варварскихъ племенъ. Постоянно разоряемые грабежами и алчностью ростовщиковъ, къ которымъ они должны были прибѣгать по своей бѣдности, страдая отъ насилій богатыхъ и своевольныхъ сосѣдей, они, сверхъ того, несли на себѣ несоизмѣрное бремя казенныхъ налоговъ и повинностей, постоянно возрастающихъ по мѣрѣ разложенія имперіи. Не удивительно, что при подобной обстановкѣ сословіе мелкихъ свободныхъ собственниковъ быстро исчезало. Многіе отдѣльные крестьяне-собственники, иногда даже цѣлыя сельскія общины, добровольно отказывались отъ своей свободы и собственности и предавали себя въ руки могущественныхъ покровителей. Другіе же, лишенные скота, земледѣльческихъ орудій и всякихъ средствъ къ обработкѣ, покидали свои дома, бѣжали въ лѣса и составляли тамъ разбойничьи шайки ¹⁾).

Такимъ образомъ уничтоженіе свободного крестьянскаго сословія и сосредоточеніе поземельной собственности совершилось въ Галліи еще до окончательнаго поселенія варваровъ, которые, при водвореніи своемъ, нашли почти всѣхъ жителей

¹⁾ Salvian «De gubern Dei» V. 8. 9. — Giraud «Hist. du droit Franç.», т. 1 ст. 176. — Gaupp «Die Germanischen Ansiedelungen und Landtheilungen», ст. 71. — Leymarie «Hist. des paysans en France», VII.

въ состояніи рабства и колоната и почти всю поземельную собственность, скопленную въ рукахъ фиска и нѣсколькихъ духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ. Нашествіе варваровъ, повидимому, мало измѣнило этотъ порядокъ вещей. Большая часть римскихъ владѣльцевъ удержала свою собственность ¹⁾; Германцы же, по всей вѣроятности, овладѣли землями, принадлежавшими фиску и тѣмъ лицамъ, которыя были взяты съ оружіемъ въ рукахъ, такъ что завоеваніе не только не усилило сосредоточенія поземельной собственности, но даже, съ большою вѣроятностью, содѣйствовало нѣкоторому раздробленію ея и появленію бѣльшого количества мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ, вслѣдствіе раздѣла захваченныхъ земель между побѣдителями. Покрайней мѣрѣ въ этомъ удостовѣряютъ насъ современныя историческія свидѣтельства, постоянно упоминающія о свободныхъ людяхъ подъ именами: *agimanni*, *herimanni*, *gachinburgis*, *boni homines* и такъ далѣе, о борьбѣ, которую они вели при Меровингахъ и Каролингахъ противъ сильныхъ, и о мѣрахъ, предпринимаемыхъ нѣкоторыми государами въ пользу ихъ. Но это сословіе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, къ сожалѣнію, не могло долго сохранить своего самостоятельнаго существованія и въ скоромъ времени исчезло, потому что окружавшая общественная среда была слишкомъ неблагопріятна для него.

Большая часть вины уничтоженія мелкихъ свободныхъ соб-

¹⁾ Мы находимъ во Франціи цѣлый рядъ богатыхъ и уважаемыхъ фамилій съ нетронутымъ владѣніемъ. Такъ, Григорій Турскій владѣлъ большими помѣстьями въ Оверни и Бургундіи; епископъ Дезидерій оксеррскій, родомъ Аквитанецъ былъ богатѣйшимъ человекомъ своего времени. Онъ даровалъ свободу 2000 крѣпостныхъ, оставивъ въ ихъ пользованіи землю. Епископъ Дезидерій Кагорскій оставилъ церквямъ и монастырямъ 55 виллъ, составлявшихъ только третью часть его имущества. — Roth «Geschichte des Beneficialwesens», 1856, стр. 81.

ственниковъ, лежитъ, безъ сомнѣнія, на дворянствѣ, мало по малу возникшемъ изъ почетныхъ военачальниковъ, любимцевъ и окружающихъ короля, которые рано уже, подъ пустыми предлогами или посредствомъ явнаго насилія, принуждали мелкихъ собственниковъ отказываться отъ свободы и вступать въ зависимое положеніе. Ту же цѣль преслѣдовала церковь, хотя и не столь насильственнымъ путемъ. Изъ страха наказанія неба, изъ религіозной набожности, составлявшей характеристическую черту этой эпохи, множество мелкихъ собственниковъ передавали свои имущества въ руки духовенства. Отсюда невѣроятно быстрое увеличеніе духовныхъ помѣстій и превращеніе массами свободныхъ людей въ крѣпостныхъ монастырей и другихъ духовныхъ учрежденій. Монастырь Фонтенелль, учрежденный въ 650 году, въ 788 имѣлъ уже болѣе 4000 мансъ. Сень-Жерменское аббатство въ началѣ 9-го столѣтія владѣло 8000 мансъ, пространство которыхъ занимало 428,987 гектаровъ. Другой французскій монастырь Люксейль имѣлъ 15,000 мансъ. Столь же громадны были въ то же время помѣстья аббатствъ Сень-Денискаго и Св. Мартына Турскаго. Не удивительно, что къ концу 8-го столѣтія, одна треть поземельной собственности находилась во владѣніи церкви ¹⁾.

Еще болѣе пагубное вліяніе и печальныя послѣдствія для свободы и независимости мелкихъ землевладѣльцевъ имѣло военное устройство и система внутренняго управленія. Военная повинность, отправляемая свободными людьми по величинѣ поземельной собственности, сдѣлалась особенно тягостною во время Карла Великаго, который своими непрерывными войнами болѣе, нежели какой-либо другой средне-вѣковой вла-

¹⁾ Roth, стр. 248 и 251.—Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa», стр. 8. и 11.—Lehouerou «Hist. des institutions Carolingiennes», 1843. стр. 539.

ститель содѣйствовалъ гибели мелкихъ свободныхъ собственниковъ. Каждый свободный, владѣвшій четырьмя мансами, обязанъ былъ лично выступать въ походъ; кто владѣлъ тремя, тотъ долженъ былъ соединяться съ такимъ, который владѣлъ одною мансою, и тогда одинъ изъ нихъ отправлялся въ походъ, другой же, соразмѣрно величинѣ своего имущества, содѣйствовалъ его вооруженію и т. д. Кто не являлся или старался освободиться отъ этой тягостной повинности, долженъ былъ платить огромную денежную пеню или обращался на барщинную работу въ казенныхъ имѣніяхъ. Сверхъ того, Карлъ Великій, чтобы предупредить обманы и усилить надзоръ чиновниковъ, предоставилъ имъ третью долю штрафныхъ денегъ въ вознагражденіе ¹⁾).

Вслѣдствіе подобной системы большая часть мелкихъ собственниковъ, для которыхъ ежегодный призывъ въ войско былъ призывомъ къ смерти въ отдаленныхъ, неизвѣстныхъ странахъ, была поставлена въ самое печальное положеніе. Если они сами ежегодно отправлялись въ походъ, то хозяйство ихъ приходило въ упадокъ; если они вооружали человека, то впадали въ долги; если же они не являлись, то тяжелая пеня и работы въ казенныхъ имѣніяхъ окончательно разоряли ихъ. Въ подобномъ положеніи имъ не оставалось ничего болѣе, какъ жертвовать своею личною свободою и независимостью и искать покровительства у духовенства и сильныхъ свѣтскихъ лицъ, чтобы имѣть возможность участвовать въ привилегіяхъ, которыя предоставлены были этимъ сословіямъ относительно военной службы. Къ этому побуждало ихъ еще то обстоятельство, что сословія эти пользовались значительною административною, судебною и полицейскою властью, которую нерѣдко употребляли для притѣсненія свободныхъ

¹⁾ Hüllmann «Geschichte des Ursprungs der Stände in Deutschland»; I. стр. 197. — Lehouerou, стр. 432

лицъ. Капитуляріи свидѣтельствуютъ о страшныхъ злоупотребленіяхъ и о невыносимомъ положеніи свободныхъ крестьянъ. Епископы, аббаты, графы и другія сильныя лица пользуются всѣми средствами для угнетенія бѣдныхъ. Они принуждаютъ ихъ нести непрерывную военную службу, обременяютъ ихъ повинностями до тѣхъ поръ, пока вполне раззоренные, они волею или неволею бываютъ принуждены продавать или уступать свои поземельные участки и вступать въ зависимое отношеніе къ большимъ землевладѣльцамъ ¹⁾. Такимъ образомъ множество свободныхъ лицъ теряетъ свободу и собственность, и современныя свидѣтельства удостовѣряютъ, что число подобныхъ лицъ было чрезвычайно велико ²⁾. Попытка Карла Великаго остановить это уничтоженіе свободныхъ крестьянъ-собственниковъ и прекратить увеличеніе на счетъ ихъ помѣстій графовъ, герцоговъ и духовенства, оказалась безплодною. Еще меньше могли остановить это движеніе слабые преемники его, при которыхъ, вслѣдствіе совершеннаго ослабленія общественной власти, открылся полный произволъ для лицъ, имѣвшихъ на своей сторонѣ право сильныхъ. Въ эту эпоху общей анархіи, когда каждый долженъ былъ рассчитывать на свои собственные силы и лично охранять свое имущество силою оружія, одинокій мелкій владѣлецъ не имѣлъ никакой возможности существовать самостоятельно и необходимо долженъ былъ прибѣгать подъ защиту могущественнаго свѣтскаго или духовнаго лица, или учрежденія. Поэтому онъ уступалъ свои

¹⁾ См. Caroli Magni Capitul. de Exped. Exercitali, а. 811, а также а. 803, с. 17 и 813. с. 16.

²⁾ Thegan. de gest. Ludov. Pii, cap. 13: «Eodem tempore (814) Ludovicus missit legatos suos supra omnia regna inquirere et investigare si alicui aliqua injustitia perpetrata esset .. Qui egressi invenerunt *innumeram multitudinem oppressorum*, aut ablatione patrimonii, aut exspoliacione libertatis, quod iniqui ministri, comites et loco positi per malum ingenium exercebant».

земли церквамъ, монастырямъ или другимъ крупнымъ владѣльцамъ, удерживая за собою право пользованія на извѣстныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ въ теченіе 100 лѣтъ послѣ смерти Карла Великаго, почти всѣ свободные мелкіе владѣльцы исчезли во Франціи. Аллодіальная собственность, которая, по словамъ Бомануара, находилась въ зависимости только отъ одного солища и держалась, не платя никому никакихъ податей, исчезла съ французской почвы, уступивъ мѣсто феодальному праву и господству произвола, дѣлавшему всякое мелкое землевладѣніе ненадежнымъ. Повсюду водворилось правило: *Nulle terre sans seigneur*; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла личная независимость, и все подчинилось феодальному устройству.

Вообще всѣ событія и перевороты до половины среднихъ вѣковъ были въ высшей степени неблагопріятны для мелкой собственности и напротивъ содѣйствовали постоянному сосредоточенію ея въ рукахъ немногихъ. Феодальная система могла установиться только въ странѣ, гдѣ господствовали большія помѣстья; установившись же, она, въ свою очередь, имѣла слѣдствіемъ новое усиленіе и упроченіе большой поземельной собственности, потому что въ основѣ ея главнымъ образомъ лежало подчиненіе слабыхъ сильнымъ.

Но хотя феодальная система была гибельна для независимости мелкихъ свободныхъ собственниковъ, тѣмъ не менѣе, по мнѣнію многихъ новѣйшихъ писателей, она имѣла благопріятное вліяніе для низшаго земледѣльческаго класса вообще. Если она и не успѣла упрочить его матеріальное благосостояніе, то по крайней мѣрѣ содѣйствовала нѣсколько личному и нравственному возвышенію самыхъ низшихъ слоевъ общества и тѣмъ подготовила имъ путь къ улучшенію ихъ быта въ будущемъ. Вмѣстѣ съ нею начинается то постепенное движеніе земледѣльческаго сословія, которое, освободивъ его отъ раб-

ства, привело наконецъ къ полной независимости и приобрѣтенію свободной недвижимой собственности.

На ряду съ уничтоженіемъ мелкой свободной собственности, въ періодъ французской исторіи съ шестаго по десятый вѣкъ, совершается другой фактъ—замѣна древней рабской обработки крѣпостною. Хотя большая собственность и получила преобладаніе въ обществѣ, тѣмъ не менѣе экономическія условія дѣйствовали въ другомъ смыслѣ и требовали главнымъ образомъ мелкой обработки. Поэтому прежнія громадныя хозяйства и виллы, гдѣ, по римскому образцу, сосредоточивалось управленіе огромными пространствами земель, обрабатываемыхъ толпами сельскихъ рабовъ, исчезаютъ, и способъ обработки измѣняется. Большіе землевладѣльцы, удовлетворяя требованіямъ культуры и средствамъ земледѣльцевъ, дробятъ свои земли на небольшіе участки и передаютъ ихъ зависимымъ земледѣльцамъ, облагая ихъ различными натуральными повинностями и службами; но доставляя имъ въ то же время возможность болѣе самостоятельнаго труда. Такимъ образомъ они соединяютъ два противоположныхъ интереса, именно: существованіе большой собственности и необходимость мелкой обработки. При Каролингахъ мы повсемѣстно уже видимъ, что земли духовенства и свѣтскихъ владѣльцевъ раздѣлены на множество мелкихъ участковъ или мансъ¹⁾. Эти участки, сначала временные или пожизненные, постепенно стремятся, согласно общему духу времени, сдѣлаться наследственными въ рукахъ крестьянъ, вслѣдствіе многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Сами феодальные владѣльцы, при отсутствіи крѣпкой общественной власти, поставленные въ необходимость собственными силами защищать свое господство и независи-

¹⁾ Полнѣйшее описаніе хозяйства этого времени находится въ прекрасномъ сочиненіи Guérard'a: «Polyptique de l'abbé Irminon». 2 v. 1844.

мость, не только не опасаются дѣлать уступки крестьянамъ, въ службѣ которыхъ нуждались, но напротивъ, поощряютъ ихъ, позволяя отдѣльнымъ лицамъ и даже цѣлымъ общинамъ превращать болѣею частью временныя и пожизненныя права пользованія въ личныя и наследственныя. Въ этомъ они находили двойную выгоду, совершая актъ суверенитета и привязывая къ себѣ народонаселеніе, заинтересованное въ поддержаніи ихъ власти и въ обработкѣ земли. Эти уступки девятого и десятого столѣтій были нерѣдко единственными основаніями, на которыя опиралось наследственное право собственности значительнаго числа крѣпостныхъ. Когда наступила эпоха освобожденія, наследственные владѣльцы остались на своей землѣ, продолжая нести различныя повинности и подати въ пользу господина; но за исключеніемъ этихъ повинностей, господинъ не имѣлъ уже никакого права на землю. Чтобы сдѣлать крестьянскую собственность вполнѣ свободною оставалось только выкупить лежавшія на ней повинности, что и было дѣломъ дальнѣйшаго историческаго хода.

Уступки эти имѣли тѣмъ болѣе важное общественное значеніе, что порожденныя первоначально необходимостью, онѣ мало по малу вошли въ обычай и содѣйствовали развитію, весьма близкаго къ римской эмантеозѣ, цензуального контракта, который въ скоромъ времени сдѣлался господствующимъ во всей Франціи. Короли, синьоры, аббаты, монастыри владѣли обширными пространствами земель, большая часть которыхъ была необработана. Желая извлечь изъ нихъ какую нибудь пользу и увеличить число подвластныхъ крестьянъ, они поочередно старались привлечь къ себѣ крестьянъ, заманивая ихъ льготами и уступками, имѣвшими обыкновенно характеръ постоянства и наследственности. Каждый центръ обработки становился мѣстомъ новой деревни, жители которой получали земли въ наследственное владѣніе за опредѣленныя повинно-

сти. Они владѣли своими участками въ качествѣ *dominium utile* и пользовались большею частью правъ собственности, между тѣмъ какъ феодальный владѣлецъ, въ силу *dominium directum*, сохранялъ пользованіе различными повинностями. Благодаря этому способу, землевладѣльцы, возбуждая трудолюбіе и дѣятельность крестьянъ, могли получать доходъ съ земель, обработка которыхъ была трудна или неудобна для нихъ по какимъ-нибудь обстоятельствамъ: отдаленности участка, по свойству и качеству почвы, по невыгодности положенія, недостатку рабочихъ, нездоровости климата и другимъ причинамъ. Крестьяне же, съ своей стороны, не стѣсненные въ способѣ обработки, имѣли возможность посредствомъ труда, энергіи и бережливости улучшить уступленные участки и пользоваться всѣмъ излишкомъ своего трудолюбія, не опасаясь увеличенія повинностей.

Такимъ образомъ, начиная съ десятаго столѣтія, положеніе земледѣльческаго класса значительно улучшается. Въ теченіе нѣсколькихъ слѣдующихъ столѣтій они пріобрѣтаютъ новыя значительныя права, и изъ рабовъ, находившихся въ полной, безусловной зависимости, дѣлаются почти наследственными арендаторами. Составляя часть феодальной организаціи и образуя уже отдѣльное сословіе, они пріобрѣтаютъ право свободно располагать своимъ имуществомъ, продавать, покупать, завѣщывать и наследовать принадлежащія имъ участки, которые представляли своего рода мелкіе лены. Таково было юридическое и экономическое начало и происхожденіе многочисленнаго сословія мелкихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ, которые въ послѣдствіи составили главную основу народонаселенія Франціи.

Дальнѣйшія событія еще болѣе улучшаютъ ихъ положеніе. Въ особенности благопріятнымъ явленіемъ для нихъ было постепенное усиленіе королевской власти. До этой эпохи кре-

стьянская собственность могла существовать не иначе, какъ въ зависимости отъ феодальныхъ владѣльцевъ. Но съ постепеннымъ усиленіемъ общественной власти, такая зависимость, повсемѣстно установленная феодальною системою для земель и лицъ, перестаетъ быть необходимою. Правительственная власть, все болѣе и болѣе сосредоточивавшаяся въ рукахъ королей, начинаетъ принимать болѣе дѣйствительное и непосредственное участіе въ устройствѣ этого сословія. Интересы начинаютъ развиваться свободнѣе подъ болѣе могущественнымъ покровительствомъ центрального правительства. Передъ мелкою собственностью открывается болѣе благопріятная перспектива, и она начинаетъ мало по малу освобождаться отъ узъ, наложенныхъ на нее феодальною системою.

Постепенно стремясь къ уничтоженію феодальной организаціи, верховная власть наноситъ ей самый рѣшительный ударъ изданіемъ письменнаго устава, подъ названіемъ *Coutumes* . Пока различные законы и постановленія, касавшіеся сельскаго населенія, не были написаны и собраны вмѣстѣ въ одинъ уставъ, до тѣхъ поръ произволу землевладѣльцевъ былъ предоставленъ полный просторъ. Но, по повелѣнію Карла VII, въ 1453 году приступлено было къ собранію и изданію оффиціального свода мѣстныхъ обычаевъ, опредѣлявшихъ права и повинности крестьянъ. Феодальные владѣльцы хорошо понимали, что изданіе этого устава, законно опредѣливъ повинности крестьянъ, должно было окончательно ограничить ихъ произволъ относительно крестьянскихъ повинностей, и потому долго препятствовали изданію его, такъ что уставъ окончательно могъ быть введенъ только въ 1510 году при Людовикѣ XII. Съ этого времени, по словамъ Дареста-де-Шаванна (*Hist. des clas. agr. стр. 285*), для крестьянской собственности начинается новая эра: она выходитъ изъ феодальной опеки и съ тѣхъ поръ идетъ, какъ на побѣду, во всѣхъ частяхъ Франціи.

Съ другой стороны, въ связи съ развитіемъ королевской власти совершается другой переворотъ, не менѣе благопріятный для мелкой собственности. Въ средніе вѣка, при отсутствіи развитой городской жизни, при недостаточности и бѣдности городскихъ центровъ, при преобладаніи натурального хозяйства, при несуществованіи сильнаго центрального правительства, феодалы жили среди своихъ помѣстій, гдѣ они пользовались неограниченною властью. По мѣрѣ же развитія богатствъ, усиленія городовъ и вообще развитія денежнаго хозяйства, они получили возможность собирать доходы деньгами и расточать ихъ въ другихъ мѣстахъ. Поэтому многіе изъ нихъ, привлекаемые бѣльшими удобствами жизни, честолюбіемъ, роскошью двора, придворною и военною службою, перестаютъ управлять своими имѣніями, бросаютъ свои замки и помѣстья и переселяются въ столицу и большіе города. Уже съ XIV вѣка принцы и другіе значительные феодалы содержатъ свои отелы въ Парижѣ. Въ послѣдствіи примѣру ихъ подражаютъ и прочіе дворяне. Съ Франциска I-го дворъ получаетъ особенную привлекательность; но въ особенности абсентеизмъ принимаетъ громадныя размѣры послѣ религіозныхъ войнъ, когда дворянство окончательно потеряло свою феодалную независимость. Съ потерей власти деревенская жизнь становится невыносимою для дворянъ. Въ началѣ XVII столѣтія Генрихъ IV жалуется, что дворяне покидаютъ свои помѣстья. Въ половинѣ XVIII столѣтія это бѣгство изъ деревень, покровительствуемое правительствомъ, становится всеобщимъ и повсемѣстнымъ. Всѣ современные документы, по словамъ Токвилля, свидѣтельствуютъ о немъ. Экономисты жалуются на него въ своихъ ученыхъ трудахъ, сельско-хозяйственныя общества въ своихъ запискахъ, интенданты въ своихъ донесеніяхъ. Въ деревняхъ оставался только тотъ дворянинъ, которому не позволяла от-

туда выѣхать бѣдность. Поселившись въ городахъ, дворяне разорялись вслѣдствіе своей роскоши и расточительности, и, чтобы поддержать свое достоинство при дворѣ, продавали по частямъ свои земли, которыя переходили въ руки вилановъ, обогащенныхъ земледѣліемъ, торговлею и промышленностью. Эти отчужденія были тѣмъ болѣе часты, что церковь въ XVIII еще столѣтіи запрещала проценты и дѣлала невозможными займы. Многія провинціи Франціи, какъ напр. Лимузенъ, о которомъ говоритъ Тюрго, были наполнены мелкимъ бѣднымъ дворянствомъ, которое не владѣло уже почти землею, а существовало только остатками феодальныхъ правъ и поземельными оброками ¹⁾).

Такимъ образомъ успѣхи мелкой поземельной собственности были постоянны. Хотя смутныя эпохи, какъ напр. войны противъ Англичанъ, религіозныя войны, представлялись неблагоприятными и являлись какъ бы возвратомъ къ прошедшему, тѣмъ не менѣе движеніе, на время прерываемое, не замедлило получать новую силу. Послѣ религіозныхъ войнъ, говоритъ Дарестъ-де-Шаваннъ, по движенію мелкой собственности, какъ по термометру, можно судить объ общественномъ благосостояніи Франціи въ каждый періодъ ²⁾).

Но эти успѣхи долгое время не обращали на себя большаго вниманія. Они были замѣчены только въ XVIII столѣтіи, когда правительство начало дѣлать различныя изысканія и когда вопросы общественной экономіи начали болѣе занимать умы. Тогда тѣмъ болѣе были поражены совершившеюся перемѣною, что увидѣли, что развитіе мелкой собственности было не только сильно, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, доходило даже до

¹⁾ Tocqueville «L'ancien regime et la revolution»; стр. 44. — Pioget «Du morcellement du sol en France»; 1857. стр. 23. — Dombasle «Traite d'agriculture»; 1861. Т. 1. стр. 6.

²⁾ Dareste de Chavanne «Hist. des classes agr.»; стр. 288.

чрезмѣрной крайности. За нѣсколько лѣтъ до революціи, благодаря отчасти наслѣдственному пользованію землею, отчасти сбереженіямъ и постоянно возрастающему стремленію сдѣлаться собственниками, въ рукахъ крестьянъ и горожанъ сосредоточилась значительная часть поземельной собственности, которая по однимъ составляла $\frac{1}{3}$, по другимъ $\frac{1}{2}$ всей поверхности Франціи ¹⁾. Если послѣднее утвержденіе и не вполнѣ вѣроятно, тѣмъ не менѣе оно служитъ покрайней мѣрѣ достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу того факта, что поземельная собственность была уже сильно распространена между крестьянами до французской революціи. Отсюда очевидно, какъ ошибочно столь долго существовавшее и сильно распространенное мнѣніе, по которому во Франціи до революціи 1789 года существовала только большая поземельная собственность, т. е. что вся поверхность составляла исключительную собственность дворянства, церквей, монастырей и т. д. и что сословіе мелкихъ собственниковъ и раздробленіе земли было исключительнымъ созданіемъ революціи и явилось вслѣдствіе равнаго раздѣла наслѣдствъ и свободного распоряженія собственностью, введеннаго въ 1791 году деклараціею 6 октября, по которой вся поверхность Франціи на всемъ ея пространствѣ была объявлена свободною, точно также, какъ и лица, ее населяющія. Подобное мнѣніе было порождено, по видимому, тѣмъ единогласіемъ, съ которымъ говорили объ этомъ, какъ о неоспоримой истинѣ, ораторы національнаго собранія и конвента, отчасти съ весьма понятною цѣлью, от-

¹⁾ Въ 1760 г., по Дониолу, который ссылается на Летронна (Administration provinciale) и Кене (Grains ст. 271 и 282), $\frac{1}{4}$ поземельной собственности принадлежала крестьянамъ, другая $\frac{1}{4}$ горожанамъ, $\frac{2}{10}$ духовенству и $\frac{3}{10}$ дворянству. Doniol «Hist. des classes rurales en France»; 1857. стр. 411.—По Юнгу же, мелкая собственность занимала $\frac{1}{2}$ всего пространства.

части вслѣдствіе ихъ дѣйствительно баснословнаго невѣжества. Какъ предшествовавшее историческое изученіе, такъ и бездна другихъ свидѣтельствъ, исключительно относящихся къ эпохѣ XVIII столѣтія, доказываютъ, что не только значительная часть Франціи обрабатывалась мелкими собственниками, но что даже вопросъ о раздробленіи земли и его послѣдствіяхъ сильно волновалъ уже умы и возбуждалъ преувеличенныя опасенія.

Въ 1738 году аббатъ С. Пьеръ замѣчаетъ, что во Франціи почти каждый поденщикъ владѣетъ въ собственность небольшимъ огородомъ, виноградникомъ, или участкомъ земли ¹⁾.

Въ 1760 г. земледѣльческія общества жалуются на чрезмерное дробленіе почвы. «Раздробленіе земли, говоритъ Тюрго, доходитъ до того, что участокъ, едва достаточный для существованія одного семейства, часто дѣлится между пятью или шестью дѣтьми, такъ что эти послѣдніе не могутъ болѣе существовать единственно землею». Нѣсколько позже, Неккеръ говоритъ, что во Франціи находится безчисленное множество мелкихъ поземельныхъ владѣній. Въ секретномъ донесеніи одного интенданта за нѣсколько лѣтъ до революціи, Токвилль нашелъ мѣсто, въ которомъ говорится о сильномъ раздробленіи поземельной собственности, которая продолжаетъ притомъ дробиться все болѣе и болѣе, вслѣдствіе равнаго раздѣла наслѣдствъ между крестьянами ²⁾. Провинціальныя собранія трехъ Епископствъ 1787 года свидѣлствуютъ даже о существованіи компаній, покупавшихъ земли большими массами для распродажи по частямъ ³⁾. Лотарингское провинціальное

¹⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft», стр. 151.—Piogey «Du morcell. du sol», стр. 12.

²⁾ Tocqueville «L'ancien regime et la revolution». стр. 59.

³⁾ Dareste de Chavanne «Hist. des clas. agr.», стр. 49.—Piogey «Du morcellement du sol», стр. 12.

собрание того же года свидетельствует о стремлении крестьянъ къ приобрѣтенію мелкихъ участковъ даже за чрезвычайно дорогія цѣны ¹⁾. Наконецъ путешествіе Артура Юнга, совершенное незадолго до революціи, представляетъ также множество драгоценныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи. Его повсюду поражала страстная привязанность крестьянъ къ поземельной собственности и стремленіе приобрѣсть землю во что бы то ни стало; зрѣлище, котораго не представляла ему Англія, гдѣ напротивъ въ эту эпоху, какъ мы увидимъ далѣе, совершалось совершенно обратное явленіе — уничтоженіе мелкой собственности. «Земли, говоритъ онъ, продаются постоянно выше ихъ стоимости, чтò происходитъ отъ страсти всѣхъ жителей сдѣлаться собственниками. Всѣ сбереженія, дѣлаемые низшимъ классомъ общества во Франціи, употребляются на приобрѣтеніе земли; обычай почти неизвѣстный въ Англіи, гдѣ эти сбереженія отдаются въ займы или употребляются на покупку общественныхъ фондовъ...» «Крестьяне повсюду владѣютъ участками въ такой мѣрѣ, о какой мы не имѣемъ понятія въ Англіи. Это встрѣчается во всѣхъ частяхъ королевства, даже въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ преобладаютъ другіе способы землевладѣнія; но по преимуществу въ Кверси, Лангедокѣ, во всемъ Пиринейскомъ округѣ, въ Беарнѣ, Гасконни, въ части Гиенни, Альзаса и Лотарингіи.» «Число мелкихъ собственниковъ столь велико, что я думаю, они занимаютъ треть королевства. Есть довольно богатые крестьяне, но большая часть бѣдна и несчастна, чтò происходитъ отъ постоянного дробленія земли. Я видѣлъ часто, что это дробленіе доходитъ до того, что 10 першей земли съ фруктовымъ деревомъ по срединѣ, составляютъ все достояніе семейства» ²⁾.

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Ar. Young *Voyage en France pendant les années 1787—1790* V. III. p. 31. Першъ старинная мѣра длиною отъ 18 до 22 футовъ.

Приведенные нами факты и свидѣтельства достаточно показываютъ, что не только мелкая собственность была значительно распространена во Франціи до революціи, но что даже вопросъ о раздробленіи почвы, о выгодахъ большой и малой обработки, большой и малой собственности, служилъ предметомъ споровъ въ виду факта, поразившаго умы. Но, если ошибочно приписывать первое появленіе крестьянской собственности революціи, то не менѣе ошибочно также и то мнѣніе, что эти мелкіе владѣльцы были тогда вполне свободные поземельные собственники въ нынѣшнемъ смыслѣ слова. Они были также мало свободны, какъ и прочіе крестьяне, не имѣвшіе ни клочка земли. Собственность ихъ съ самой эпохи освобожденія была неполная, ограниченная извѣстными условіями, подлежащая по прежнему не только различнымъ казеннымъ и общественнымъ повинностямъ и налогамъ, но также и различнымъ феодальнымъ повинностямъ въ пользу прежнихъ господъ. Потерявъ остатокъ своей самостоятельной власти, дворянство, какъ бы опасаясь стать на одинъ уровень съ народомъ, старалось сохранить хотя призракъ своего прежняго господства, и потому упорно отстаивало присвоенныя имъ себѣ личныя и сословныя права и строго требовало отъ крестьянъ исполненія не только настоящихъ повинностей, но даже вошедшихъ въ обычай обрядовъ, нерѣдко унижавшихъ достоинство человѣка и напоминавшихъ крестьянину его подчиненное положеніе. Руководимые этимъ побужденіемъ, дворяне, продавая, вслѣдствіе нужды въ деньгахъ, землю въ собственность крестьянамъ, никоимъ образомъ не рѣшались предоставить имъ полной свободы и весьма часто оставляли нетронутыми личныя отношенія, напоминавшія крѣпостное право. Поэтому судьба подобныхъ мелкихъ собственниковъ мало отличалась отъ судьбы прочихъ крестьянъ, пріобрѣтавшихъ себѣ существованіе посредствомъ аренды, и не удивительно, что

французскіе писатели подводили мелкихъ крестьянъ-собственниковъ подъ одинъ разрядъ съ прочими крестьянами. Это смѣшеніе было тѣмъ легче, что многіе крестьяне-собственники были въ то же время арендаторами, потому что небольшой собственный участокъ часто не могъ доставлять имъ всего необходимаго пропитанія и принуждалъ ихъ брать въ аренду еще другія земли.

Такимъ образомъ, несмотря на то, что значительная часть крестьянскаго сословія фактически владѣла поземельною собственностью; несмотря на то, что крѣпостное право давно было повсемѣстно уничтожено во Франціи ¹⁾, положеніе сельскаго сословія все-таки было еще весьма печальное. Средне-вѣковое устройство повсюду оставило глубокіе слѣды. Феодальные владѣльцы, утративъ политическій элементъ своей власти, сохранили денежный и даже отчасти пріумножили свои господскія хозяйственныя права. Они повсюду взымали разныя пошлыны на базарахъ и ярмаркахъ, за проѣздъ по дорогамъ и мостамъ; они пользовались исключительнымъ правомъ охоты, принуждали крестьянъ молоть хлѣбъ на господскихъ мельницахъ, давить виноградъ господскими прессами, печь хлѣбъ въ господскихъ печахъ, покупать на господскихъ рынкахъ; при переходѣ недвижимыхъ имуществъ, лежавшихъ въ округѣ подъ ихъ феодальною зависимостью, они взымали довольно значительныя пошлыны; словомъ, собирали многія повинности деньгами и натурою съ земли, хотя и не принадлежавшей имъ, но находившейся въ ихъ зависимости. Съ другой стороны, надъ землею и ея владѣльцами тяготѣло своею десятиною духовенство, отличавшееся особеннымъ корыстолюбіемъ и притязательностью. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ тягостямъ присоеди-

¹⁾ Указъ объ окончательномъ уничтоженіи послѣднихъ слѣдовъ крѣпостнаго права въ королевскихъ имѣніяхъ послѣдовалъ въ 1779 году.

лись еще казенные налоги и общественныя повинности, а также запретительныя мѣры относительно обращенія земледѣльческихъ продуктовъ внутри государства и вывоза ихъ за границу ¹⁾. Не удивительно, что крестьяне, несмотря на сравнительное улучшение ихъ быта, считали себя сословіемъ несправедливо угнетеннымъ и взирали на высшія сословія съ чувствомъ зависти и негодованія, тѣмъ болѣе, что не могли понять, по какому праву богатый сосѣдъ требуетъ съ нихъ подушную подать, разные сборы и личныя службы. Получивъ свой участокъ по наслѣдству отъ отца и дѣда, они считали его своею полною собственностью, и господинъ, взимавшій повинности, представлялся имъ лицомъ совершенно чуждымъ, котораго по праву своего рожденія пользовалось особенными преимуществами. Историческое происхожденіе этихъ повинностей, бѣдственное положеніе крестьянъ въ предшествовавшія эпохи, было мало извѣстно новому поколѣнію. Въ этомъ странномъ отношеніи низшаго крестьянскаго сословія къ высшему заключается, по мнѣнію французскихъ писателей, одна изъ могущественнѣйшихъ причинъ революціи. Понятно, какимъ образомъ встрѣтили ее французскіе крестьяне, находившіеся въ такомъ униженномъ положеніи. Какъ скоро слухъ о взятіи Бастиліи разнесся по государству, онъ произвелъ сильное движеніе въ деревняхъ и былъ сигналомъ къ всеобщему возстанію. Крестьяне поднялись для освобожденія собственности. Они отказались отъ уплаты господскихъ повинностей, разоряли замки, уничтожали архивы, жгли ненавистныя феодальныя грамоты и помѣщичьи владѣльческіе документы. Это народное движеніе показало конституціонному собранію необходимость кореннаго преобразованія, и въ достопамятную ночь

¹⁾ Tocqueville «L'ancien regime et la revol.», стр. 60 и сл. Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft», стр. 151 и сл.

4-го августа, оно постановило уничтоженіе всякаго рода крѣпостнаго состоянія, подѣ какимъ бы названіемъ оно ни существовало, а также уничтоженіе различныхъ феодальныхъ повинностей, столь долго тяготѣвшихъ надъ народомъ. Такимъ образомъ все историческое и юридическое учрежденіе собственности было разомъ уничтожено. Земля и поселяне были объявлены свободными и за всѣми землевладѣльцами признано право управлять и воздѣлывать свои земли по собственному желанію и усмотрѣнію, насколько это можетъ быть безъ ущерба для интересовъ другихъ и не нарушая общихъ законовъ.

Впрочемъ, первоначально не всѣ господскія повинности были уничтожены безвозмездно. Онѣ были раздѣлены на два ряда. Къ первому отнесены обязанности, лежавшія на лицахъ, которыя собраніе признало произведеніемъ средне-вѣковаго права сильнаго, и потому отмѣнило безъ всякаго вознагражденія. Другія же повинности, лежавшія на землѣ, были признаны послѣдствіемъ договора и, какъ выражено права собственности, которое собраніе считало неприкосновеннымъ, должны были выкупиться крестьянами по извѣстной оцѣнкѣ ¹⁾. Какъ ни благоразумно было подобное рѣшеніе, тѣмъ не менѣе ему не суждено было исполниться. Потокъ революціи унесъ за собою всѣ обезпеченія господскаго права. Законодательное собраніе, которое слѣдовало за учредительнымъ, ратуя противъ эмигрантовъ, постановило въ 1792 году, что право на выкупъ повинностей могутъ имѣть только тѣ землевладѣльцы, которые представляютъ подлинныя договорныя грамоты о землѣ, уступленной крестьянамъ, что въ большинствѣ случаевъ невозможно было исполнить. Конвентъ пошелъ еще далѣе. Однимъ революціоннымъ указомъ 17 іюля 1793 года онъ уничтожилъ

¹⁾ De Lavergne «Économie rurale de la France. 1860. стр. 8.—
Чичеринъ «О французскихъ крестьянахъ».

всѣ остатки феодализма безъ всякаго вознагражденія прежнимъ владѣльцамъ. Въ силу этого указа всѣ лица, владѣвшія феодальными поземельными документами, должны были представить ихъ для сожженія подъ опасеніемъ пятилѣтняго заключенія въ оковахъ. Эта мѣра имѣла цѣлью ослабить сословіе враждебное новому порядку вещей и пріобрѣсти правительству приверженцевъ въ массѣ земледѣльческаго населенія. Черезъ это крестьянская собственность избавилась отъ всѣхъ лежавшихъ на ней повинностей. Земледѣлецъ, столь долго угнетенный, пріобрѣлъ наконецъ землю въ свою полную собственность, сдѣлался вполнѣ свободнымъ лицомъ и уравниенъ въ гражданскихъ правахъ со всѣми остальными сословіями. Другія революціонныя мѣры также содѣйствовали къ распредѣленію земли между бѣльшимъ числомъ лицъ. Поземельная собственность была освобождена отъ всѣхъ ограниченій, препятствовавшихъ переходу ея изъ рукъ несвѣдущихъ и недѣятельныхъ въ руки способныя и дѣятельныя; временныя завѣщанія и майораты, исключавшіе дѣтей изъ наслѣдства родителей, потеряли силу ¹⁾; субституціи, благопріятствовавшія только расточительности и предоставлявшія одному сословію пагубное право періодическаго банкротства въ ущербъ другимъ, были также уничтожены; старинныя нераздѣльныя родовыя имущества, обремененныя долгами и лишенныя покровительства прежнихъ привилегій, были проданы; вслѣдствіе введенія новаго закона о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ большія богатства по равну раздѣлены между дѣтьми, отчасти перешли изъ одного семейства въ другое подъ видомъ приданого; у духовенства были отобраны громадныя пространства земель и

¹⁾ Право первородства во Франціи было уничтожено законами 15 марта 1790 г. и 8 апрѣля 1791 года; въ 1808 г. майораты были возобновлены; въ 1835 году снова запрещены; субституціи же запрещены закономъ 1791 года.

также предоставлены рынку; наконецъ, имѣнія эмигрантовъ, поднявшихъ оружіе противъ своего отечества, были конфискованы, объявлены національною собственностью и также проданы на сумму до 1000 милліоновъ ¹⁾. Всѣ эти мѣры были въ высшей степени благопріятны для развитія мелкой крестьянской собственности. Съ этой поры она получаетъ преобладающее значеніе въ государственномъ устройствѣ. Число крестьянъ-собственниковъ постоянно возрастаетъ въ числѣ и благосостояніи; въ особенности весьма сильно оно увеличивается со времени реставраціи. Въ началѣ этому распространенію препятствовала еще необезпеченность, господствовавшая надъ значительною частью поземельной собственности. Со времени же реставраціи условія измѣняются. Поземельная собственность становится болѣе прочною, крестьяне, благодаря своему новому положенію, освобожденные отъ постоянныхъ войнъ и пользуясь долговременнымъ миромъ и благосостояніемъ, имѣютъ возможность дѣлать нѣкоторыя сбереженія, которыя главнымъ образомъ употребляютъ на приобрѣтеніе земли. Образуются многія общества, которыя покупаютъ большія помѣстья, дробятъ ихъ на части и распродаютъ ихъ земледѣльцамъ. Это раздробленіе помѣстій, увеличивая число собственниковъ, въ то же время даетъ возможность прежнимъ владѣльцамъ увеличить число ихъ участковъ. Одинъ присоединяетъ къ себѣ поле, другой лугъ, третій виноградникъ; многіе увеличиваютъ размѣры своихъ участковъ такъ, что круглый годъ могутъ занимать работою все свое семейство. Въ 1830 году раздѣленіе земли достигаетъ, повидимому, своей высшей точки.

Такимъ образомъ, благодаря революціонному перевороту 1789 года, устройство поземельной собственности во Франціи подверглось совершенному измѣненію. Вмѣсто прежнихъ огра-

¹⁾ De Lavernge «Econ. rur. de la France»; стр. 26.

ниченій получило преобладаніе начало свободы; вмѣсто прежнихъ майоратовъ и субституцій введенъ законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, не только въ случаѣ смерти безъ завѣщанія, но ограничивающій даже волю завѣщателя относительно распоряженія всею своею собственностью и не позволяющій лишать наслѣдниковъ опредѣленной доли наслѣдства. Это новое устройство, столь благопріятное для мелкой крестьянской собственности, послужило поводомъ къ безконечнымъ спорамъ и доселѣ дѣлитъ еще экономистовъ на два враждебныхъ лагеря. Противники этого устройства указываютъ на возрастающее дробленіе земли и изливаются въ горькихъ жалобахъ и опасеніяхъ за будущность земледѣлія. По мнѣнію ихъ, свобода отчужденія поземельной собственности, преимущественно же новый законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ, заключаетъ въ себѣ вредныя начала гибели и разоренія. Постоянное дѣленіе поземельной собственности, непрерывно совершаемое изъ поколѣнія въ поколѣніе, должно необходимо уничтожить, по ихъ мнѣнію, старинные размѣры участковъ и раздробить землю на частицы слишкомъ ничтожныя, не допускающія энергическаго и успѣшнаго приложенія труда; такъ что наступитъ наконецъ моментъ, когда вся Франція будетъ состоять изъ небольшихъ частицъ, которыя съ трудомъ будутъ прокармливать семьи, въ рукахъ которыхъ будутъ находиться. Многіе даже были увѣрены, что Франція дойдетъ до того, что толпы бѣдняковъ будутъ драться за ложку супу и что земля превратится въ пыль ¹⁾. Уже Артуръ Юнгъ, указывая на сильное дробленіе земли до революціи, говорилъ, что ей угрожаетъ чрезмѣрное народонаселеніе. По его словамъ, Франція, сохраняя систему подобнаго раздробленія собственности, въ скоромъ времени

¹⁾ «La division du sol à été poussé a l'infini La territoire française semble tomber en poussière». Journ. des Débats. 18 Мая 1839 года.

должна превзойти многолюдствомъ Китай, гдѣ съ жадностью отыскиваются смрадные трупы собакъ, кошекъ, крысъ и различныхъ насѣкомыхъ, чтобы поддержать существованіе несчастныхъ, рожденныхъ для того, чтобы погибнуть съ голода. Очевидно, что при подобномъ положеніи земледѣльческое населеніе, поглощенное заботою о поддержаніи своего существованія, не будетъ имѣть излишка, который можно было бы уступать городскому и вообще промышленному населенію. Лишенные средствъ обмѣнивать свои произведенія на продукты, необходимые для ихъ существованія, города опустѣютъ, вмѣстѣ съ ними исчезнутъ искусства, науки, промышленность, между всѣми распространится гибельный уровень невѣжества, и Франція дойдетъ наконецъ до послѣдней степени слабости и униженія.

Такова была печальная картина, представлявшаяся разгоряченному воображенію противниковъ новаго устройства. Главное основаніе, на которое они опирались, заключалось въ томъ предположеніи, что число собственниковъ и частицъ, имъ принадлежащихъ, начиная съ французской революціи постоянно увеличивалось съ возрастающею быстротою, вслѣдствіе чего земледѣліе постоянно падало и участь земледѣльческаго сословія постоянно ухудшалась. Понятно, какъ любопытно прослѣдить движеніе поземельной собственности во Франціи, со времени новаго законодательства, а также опредѣлить вліяніе, которое имѣло новое устройство на развитіе земледѣлія, на положеніе земледѣльческаго класса и на матеріальное благосостояніе Франціи.

Къ сожалѣнію, точное число поземельныхъ собственниковъ во Франціи неизвѣстно; но, за неимѣніемъ этихъ данныхъ, существуютъ впрочемъ весьма подробныя офиціальныя свѣдѣнія о количествѣ поземельныхъ участковъ (*côtes foncières*), т. е. имѣній, записанныхъ на одно имя въ спискахъ сборщиковъ

податей въ каждомъ округѣ взиманія поземельнаго сбора. Число подобныхъ участковъ и увеличеніе народонаселенія съ 1815 года представляло слѣдующія цифры ¹⁾:

Годы 1815	Участки 10,083,731	Населеніе 29,152,743
— 1821	— 10,700,000	— 30,461,875
— 1826	— 10,296,693	— 31,851,545
— 1835	— 10,893,528	— 33,326,573
— 1842	— 11,511,841	— 34,376,722
— 1851	— 12,393,366	— 35,783,170
— 1852	— 12,549,954	
— 1853	— 12,653,715	
— 1854	— 12,745,350	
— 1855	— 12,822,738	— 36,034,364.

Весьма несправедливо было бы принимать, какъ дѣлаютъ многіе, число податныхъ поземельныхъ участковъ за число поземельныхъ собственниковъ. Поземельный податной участокъ представляетъ въ спискѣ сборщика податей недвижимаго имущества, земли и дома, принадлежащія одному и тому же лицу въ опредѣленномъ округѣ взиманія поземельнаго сбора; но весьма часто одно и то же лицо владѣетъ нѣсколькими податными участками и платитъ налогъ въ различныхъ округахъ. Поэтому число поземельныхъ владѣльцевъ менѣе, нежели число поземельныхъ участковъ. Тѣмъ не менѣе эти цифры могутъ служить основаніемъ для сужденія о движеніи раздробленія поземельной собственности, ибо между цифрою податныхъ поземельныхъ участковъ и количествомъ поземельныхъ собственниковъ необходимо существуетъ тѣсное взаимное отношеніе, и невозможно, чтобы при повышеніи или пониженіи

¹⁾ Wolowski «De la division du sol»; Revue de deux Mondes, 1857, Août 1.—Piogey «Du morcellement du sol».

одной цифры не произошло подобнаго же измѣненія въ другой ¹⁾. Какой же результатъ представляютъ эти цифры? Они свидѣтельствуютъ, повидимому, что число поземельныхъ участковъ въ теченіе 40 лѣтъ, съ 1815 по 1855 годъ, значительно возрасло, именно на 2,739,007. Но это увеличеніе нисколько не показываетъ еще усилившагося раздробленія поземельной собственности. Оно объясняется многими посторонними причинами. Во первыхъ, въ число податныхъ участковъ включается также застроенная собственность, какъ то: зданія, заводы, принадлежащіе городамъ мельницы, кузницы, всѣ мелкія жилища поденщиковъ и т. д., которыя весьма естественно не должны приниматься во вниманіе, когда вопросъ идетъ о большемъ или меньшемъ раздробленіи почвы. Въ теченіе же вышеозначеннаго періода времени произведено такъ много построекъ, что изъ общей суммы 2,739,007, не болѣе 957,893

¹⁾ Цифры эти не разъ служили основаніемъ для опредѣленія дѣйствительнаго количества поземельныхъ собственниковъ во Франціи, но результаты были въ высшей степени разнообразны. Рубишонъ (*Du mécanisme de la société en France et en Angleterre*, стр. 31) считаетъ количество поземельныхъ собственниковъ въ 1815 году до 3,805,000; Дарю (*Moniteur*, 1826, № 97) и Шатовье (*Voyages agricoles en France*, 1843, 1, стр. 37) — до 4,800,000; Росси — до 3,940,000; Кошю (*De l'industrie agric en France, Revue de deux mondes*, 1848) — до 4,783,000; Мунье и Рубишонъ (*De l'agriculture en France*, 1846) — до 5,446,763; Моро де Жоннесъ (*Elements de statistique*, 1856, стр. 398) — до 5,755,920; Делавернь (*Econ. rurale de la France*, 1861) — до 5,500,000. По официальнымъ же свѣдѣніямъ 1851 года народонаселеніе состояло изъ 14 318,476 земледѣльцевъ, 6,044,286 промышленниковъ, 2,267,960 лицъ либеральныхъ профессій, 906,666 слугъ, 12,245,782 дѣтей и женщинъ, содержащихся ихъ родными и другихъ лицъ; всего 35,783,170.

Категорія земледѣльцевъ распадалась на слѣдующіе отдѣлы: поземельныхъ собственниковъ было 5,119,151 (въ томъ числѣ 2,385,174 женщины, которыя показываются особо, какъ скоро участки записаны на ихъ имя), 625,570 фермеровъ съ собственностью, 135,446 фермеровъ съ другими побочными занятіями, 750,904 подовниковъ,

приходится на сельскіе участки; остальное же количество относится къ строеніямъ. Но и это незначительное увеличеніе объясняется отчасти продажей государственныхъ земель и общинныхъ лѣсовъ, которыхъ только съ 1826 по 1855 годъ, по расчету Легуа, продано до 70,000 гектаровъ ¹⁾; отчасти нѣкоторыми измѣненіями въ способъ сбора поземельнаго налога съ застроенной собственности, вслѣдствіе чего множество прежде пропущенныхъ зданій было внесено въ податные списки; отчасти, наконецъ, расчисткою значительнаго количества лѣсовъ и обработкою нѣсколькихъ милліоновъ гектаровъ земли, остававшихся прежде въ запустѣніи. Отсюда очевидно, какъ несправедливо судить по этимъ цифрамъ объ успѣхахъ дробленія земли и выводить изъ нихъ неблагопріятныя заключенія для земледѣлія. Притомъ необходимо прибавить, что въ теченіе этихъ сорока лѣтъ общій итогъ всѣхъ податныхъ участковъ увеличился на $\frac{1}{6}$, число же податныхъ земледѣльческихъ участковъ, за исключеніемъ построекъ, на $\frac{1}{15}$, между тѣмъ какъ народонаселеніе Франціи въ тотъ же періодъ времени увеличилось на 6,886,621 или почти на $\frac{1}{5}$ ²⁾.

168,000 половниковъ съ собственностью, 69,202 половника съ побочными занятіями, 3,347,580 земледѣльческихъ поденщиковъ (въ томъ числѣ 1,369,497 женскаго пола), 785,815 поденщиковъ съ собственностью, 191,762 земледѣльческихъ поденщика съ побочными занятіями, 1,902,251 земледѣльческихъ слугъ (въ томъ числѣ 852,740 женскаго пола), 166,360 дровосѣковъ и угольщиковъ; всего—14,318,476; въ томъ числѣ 7,771,929 мужскаго пола и 6,546,547 женскаго. Изъ земледѣльческаго народонаселенія приходилось такимъ образомъ 35,18% на собственниковъ; 12,72 на фермеровъ; 6,94 на половниковъ; 30,08 на поденщиковъ, 13,50 на слугъ и 1,58 на дровосѣковъ и угольщиковъ.

¹⁾ Legoyt «Sur la loi des successions en France et ses conséquences économiques», Journ. des Econ. 1857, Juin et Juillet.

²⁾ Wolowski «De la division du sol»; Rev. des deux Mon. Août. 1.

Другія цифры служатъ также доказательствомъ несправедливости мнѣнія, что земля во Франціи дробится все болѣе и болѣе. Они показываютъ напротивъ, что количество самыхъ дробныхъ участковъ перестало увеличиваться и стало даже уменьшаться.

По разсчету, сдѣланному въ 1825 году, во Франціи число участковъ, платившихъ не менѣе 50 франковъ податей составляло 26,000, а число участковъ, платившихъ не болѣе 20 франковъ—9 милліоновъ. Въ 1842 году число первыхъ увеличилось до 53,268, а число вторыхъ уменьшилось до 8,873,951 ¹⁾.

До подобнаго же заключенія можно дойти изъ сравненія въ два различные періода числа частицъ (*parcelles*), на которыя дѣлится вся территория Франціи ²⁾. Изъ съемки, сдѣланной въ 1821 году, видно, что въ этомъ году во Франціи считалось всего 126 милліоновъ частицъ (*parcelles*); по новой же съемкѣ 1851 года число ихъ было 127 милліоновъ. Слѣдовательно число частицъ, повидимому, увеличилось на одинъ милліонъ; но это увеличеніе главнымъ образомъ произошло отъ увеличенія построекъ. Исключивъ изъ обоихъ чиселъ частицы, находящіяся подъ строеніями и дворами, которыя въ 1821 г. составляли 23,019,000, а въ 1851 году — 26,523,000, получимъ, что число собственно поземельныхъ не застроенныхъ участковъ, простиравшееся въ 1821 году до 102,481,000, въ 1851 году понизилось до 100,477,000; слѣдовательно въ теченіе 30 лѣтъ уменьшилось на 2,504,000 частицъ или $2\frac{1}{2}\%$ на 100 ³⁾.

Оба разчета, изъ которыхъ одинъ основанъ на доходности

¹⁾ Passy «Des systemes de culture en France», 1852. стр. 163.

²⁾ Parcelle — кадастральный участокъ; такъ называется каждый кусокъ земли, стоящій въ кадастрѣ подъ особннымъ номеромъ.

³⁾ Pioget «Du morcellement du sol en France», стр. 41.

поземельныхъ участковъ, а другой на числѣ дѣйствительно существующихъ частицъ, приводятъ къ одному и тому же результату. Оба доказываютъ, что стремленіе къ дальнѣйшему дробленію остановилось и что поэтому число самыхъ мелкихъ участковъ стало уменьшаться. Если принять притомъ во вниманіе, что народонаселеніе въ то же время увеличилось, то результатъ нельзя не назвать удовлетворительнымъ. Отсюда очевидно, что раздробленіе земли далеко не совершаетъ тѣхъ успѣховъ, о которыхъ непрерывно твердятъ противники свободного движенія и развитія поземельной собственности.

Столь же неосновательно мнѣніе, что новое поземельное французское устройство, созданное революціею, было гибельно для земледѣлія. Напротивъ, единогласныя свидѣтельства историковъ, агрономовъ, экономистовъ и вообще всѣхъ лицъ, тщательно изучавшихъ этотъ вопросъ, доказываютъ, что новое устройство, освободившее поземельную собственность отъ всѣхъ ограниченій, препятствовавшихъ ея свободному обращенію и содѣйствовавшее раздѣлу крупныхъ имѣній и переходу ихъ въ частную собственность земледѣльцевъ, не только не было гибельно для земледѣлія, но, напротивъ, постоянно обусловливало развитіе его и было вообще въ высшей степени благопріятно. «До революціи, говоритъ Шапталъ ¹⁾, поземельная собственность находилась въ рукахъ трехъ разрядовъ владѣльцевъ: первый состоялъ изъ временныхъ владѣльцевъ, которые едва имѣли интересъ въ улучшеніи земли; второй состоялъ изъ богатыхъ лицъ, жившихъ въ городахъ или при дворѣ, и также мало заботившихся объ улучшеніи своихъ помѣстій; третій наконецъ, состоялъ изъ многочисленныхъ мелкихъ собственниковъ, владѣвшихъ небольшими участками, но

¹⁾ Chaptal «Des progrès de l'industrie agricole et manufacturière en France», v. II. p. 168.

получавшихъ столь незначительный доходъ отъ своего труда, что едва могли удовлетворять своимъ потребностямъ и не владѣли ни достаточными свѣдѣніями, ни достаточными капиталами для предпринятія улучшеній. Нынѣ все измѣнилось. Нынѣ не существуетъ лицъ, которыя, вслѣдствіе побужденій необходимости и интереса, не употребляли бы всѣхъ усилій для улучшения и обработки своихъ земель. Равномѣрное распределение поземельнаго налога, уничтоженіе множества притѣснительныхъ и несправедливыхъ обычаевъ, раздѣленіе земли между бѣльшимъ числомъ лицъ, содѣйствовали пробужденію дѣятельности во всей странѣ и введенію улучшеній, которыя подняли французское земледѣліе до высокой степени совершенства». Въ другомъ сочиненіи ¹⁾, онъ еще болѣе рѣшительнымъ тономъ говоритъ о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ новаго порядка вещей. «Поразительный переворотъ собственности, происшедшій въ послѣдніе 30 лѣтъ, и появленіе множества владѣльцевъ необходимо повели къ улучшенію земледѣлія. Долговременный опытъ показалъ, что новые владѣльцы земли несравненно болѣе заботятся объ улучшеніи ея, нежели прежніе. Они ревностно стараются объ увеличеніи производства и не щадятъ для этого трудовъ. Они обрабатываютъ каждый клочокъ земли способный къ производству и не успокоиваются до тѣхъ поръ, пока не совершатъ всѣхъ возможныхъ улучшеній. Прежде во Франціи были помѣстья громаднхъ размѣровъ, доходъ которыхъ едва могъ пропитывать одну семью; нынѣ обстоятельства произвели раздробленіе ихъ, вслѣдствіе чего каждая часть начала обрабатываться, и производство удесятирилось. Доказательства этому могутъ быть найдены во всѣхъ частяхъ Франціи... Если сравнить настоящую обработку земли съ обработкою 1789 года, нельзя не прійти въ удивленіе

¹⁾ Chaptal «De l'industrie francaise», v. I. p. 152.

при видѣ горазительныхъ успѣховъ. Жатвы разнаго рода покрываютъ землю и несравненно болѣе многочисленная и сильная порода скота обрабатываетъ и удобряетъ почву. Здоровая и богатая пища, чистыя и удобныя жилища, простая, но хорошая одежда пріобрѣтены жителями страны; бѣдность изгнана, и изъ свободнаго распоряженія землею возрасло общее благосостояніе». Другіе французскіе писатели: Сисмонди, Домбаль, Бонмеръ, Шатовье, Шатонетъ, Вильневъ-Баржемонъ, Пасси, Моро-де-Жоннесъ, Жиро, Тролонъ, Тиссо, Дюпенъ, Гаспаренъ, Морель-де Винде, Делавернь, Воловскій ¹⁾ и др., свидѣтельствуютъ также о поразительныхъ успѣхахъ земледѣлія съ 1789 года, и главнымъ образомъ приписываютъ ихъ новому поземельному устройству.

Но, кромѣ свидѣтельства столькихъ авторитетовъ, успѣхи земледѣлія подтверждаются неоспоримыми статистическими фактами. Общій валовой земледѣльческій доходъ, не считая домашнихъ животныхъ, по изчисленію Моро-де-Жоннеса ²⁾, продолжалъ непрерывно возрастать и увеличиваться въ замѣчательной прогрессіи, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ: съ 1700 по 1760 годъ, въ теченіе 60 лѣтъ, общее увеличеніе земледѣльческаго дохода составляло 26,750,000 фр. или представляло среднее ежегодное увеличеніе въ 445,000 фр.; съ 1760 по 1788, въ теченіе 28 лѣтъ, общее увеличеніе составляло 504,583,000, ежегодное же среднее увеличеніе 18,000,000 фр.; съ 1788 по 1813 г., въ теченіе 25 лѣтъ, общій земледѣльческій доходъ возросъ уже до 1,325,638,000

¹⁾ Sismondi «Nouveaux princ.»; I. 3. ch. 3.—Dombasle «Traité d'agriculture», ч. I. ст. 22 —Lullin de Ghateauvieux «Voyages agromomiques», 1843. v. 1. гл. 1. и 5. — Giraud «Histoire du droit franc. au moyen âge». — Tissot «Du morcellement du sol et de la division de la propriété», 1842. — Villeneuve-Bargemont «Econ. pol. chrétienne», 1834. v. 1. p. 305. etc.

²⁾ Moreau de Jonnes. «Statist. de l'agriculture de France».

фр. или ежегодно возрасталъ на 53 милліона; а съ 1813 по 1840, въ теченіе 27 лѣтъ, возросъ до 2,665,198,000 или ежегодно увеличивался на 100 милліоновъ.

Изъ этого общаго земледѣльческаго дохода на каждое лице среднимъ числомъ приходилось 77 фр.; въ 1760 году — 73, въ 1788—85, въ 1813—118, а въ 1840 — 180 франковъ. «Принимая во вниманіе народонаселеніе, говоритъ Моро-де-Жоннесъ, составляющее единственное раціональное основаніе для всякой оцѣнки успѣховъ земледѣлія, находимъ, что во время Людовика XV производство, вмѣсто увеличенія, уменьшилось. Въ слѣдующее царствованіе, подѣ управленіемъ Тюрго, Малерба и Неккера, вслѣдствіе усилій экономистовъ и агрономовъ, уменьшеніе было остановлено и замѣнено нѣкоторымъ увеличеніемъ. Но рѣшительное и громадное улучшеніе началось подѣ вліяніемъ новаго устройства, освободившаго крестьянъ отъ десятинъ и феодальныхъ повинностей. Въ 1813 г. земледѣльческій доходъ, изчисленный по количеству жителей, почти утроился; въ 1840 онъ превосходилъ почти въ 5 разъ цѣнность дохода въ 1788 году».

Другія цифры также свидѣтельствуютъ о значительныхъ успѣхахъ. Количество земли, занятое хлѣбными растеніями, по расчету различныхъ экономистовъ: Вобана, Мирабо, Лавуазье, Шапталя, составляло въ 1700 году 11,607,800 гектаровъ, въ 1764 — 13,506,554, въ 1788 — 14,402,300, въ 1813—16,706,000, а въ 1840, по офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, только 13,900,263 гектара. Но, несмотря на значительное уменьшеніе пространства земли, занятой хлѣбными растеніями съ 1813 по 1840 годъ, что должно быть приписано распространенію искусственныхъ луговъ и введенію многихъ новыхъ питательныхъ и промышленныхъ растеній, общее производство хлѣбныхъ растеній не переставало постоянно возрастать. Такъ, въ 1700 году оно составля-

ло, по Вобану и Дюто, 92,856,000 гектолитровъ, или среднимъ числомъ на человѣка приходилось 472 литра; въ 1788 г., по Лавуазье и Толозану, отношеніе оставалось почти неизмѣннымъ, именно 115,816,000 гектолитровъ, или на человѣка приходилось 484 литра; въ 1840 же году составляло 182,516,000 гектолитровъ или на человѣка приходилось 541 литръ, несмотря на значительное увеличеніе народонаселенія ¹⁾).

Такимъ образомъ меньшее пространство земель даетъ большія жатвы, что прямо указываетъ на успѣхи земледѣлія. При томъ эти успѣхи совершались несравненно сильнѣе, нежели развивалось народонаселеніе. Съ 1700 по 1840 народонаселеніе возрасло съ 20 милліоновъ до 34, слѣдовательно на 70%; между тѣмъ какъ производство хлѣбныхъ продуктовъ возрасло на 100%. По извѣстію, читанному Пасси въ Академіи наукъ, гектаръ земли въ 1760 году производилъ только 8 гектолитровъ хлѣбныхъ продуктовъ, или за исключеніемъ сѣмянъ — 6; въ 1788 году это отношеніе почти оставалось неизмѣннымъ; въ 1840 же году гектаръ давалъ уже 13 и даже до 14 гектолитровъ, или 11 для потребленія ²⁾). Особенно усилилось производство пшеницы; въ 1789 году оно простиралось только до 40 милліоновъ гектолитровъ; въ 1840 до 70. Но на ряду съ этимъ увеличеніемъ хлѣбныхъ растений произошло значительное прибавленіе множества другихъ продуктовъ. Виноградники со времени революціи увеличились на $\frac{1}{2}$ милліона гектаровъ, а искусственные луга на 2 милліона, и сверхъ того, воздѣлано два милліона пустошей. Болѣе искусныя сѣвообороты замѣнили прежній способъ оставлять поле подъ паръ; такъ въ 1789 г. подъ паромъ ежегодно остава-

¹⁾ Reichensperger «Die freie Agrarverfassung», ст. 29. — Pioget, ст. 99.

²⁾ Pioget «Du morcellem. du sol», ст. 99

лось 10 миллионъ гектаровъ, нынѣ же остается 5 миллионъ. Произведенія виноградниковъ и животныхъ удвоилось, а полевой скотъ и шелковичныя произведенія упятились ¹⁾).

Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ фактовъ, несомнѣннымъ доказательствомъ быстрыхъ и громадныхъ успѣховъ земледѣлія въ послѣднее столѣтіе служатъ данныя кадастра. По официальной оцѣнкѣ земли въ 1821 году цѣнность недвижимой собственности во Франціи простиралась до 39,514,000,000 франковъ, а по оцѣнкѣ 1851 года до 83,743,000,000, или, по прежнему способу капитализаціи, до 66,000,000,000; приращеніе превышающее 56%. Чистый же доходъ въ тѣ же 30 лѣтъ возросъ съ 1,580,597,000 до 2,643,366,000 фр. или на 67%. Такимъ образомъ цѣнность земли почти удвоилась; чистый же доходъ возросъ болѣе нежели на половину. Если даже изъ цифры, представляющей общую цѣнность земли, вычесть цѣнность построекъ и улучшеній, произведенныхъ въ почвѣ, то все еще останется значительное приращеніе на долю самой почвы. Въ 1821 году каждый владѣлецъ среднимъ числомъ для всей Франціи имѣлъ собственность, оцѣненную въ 5,901 фр., получалъ съ нея дохода 233 фр., всѣхъ податей платилъ 35 фр. 35 сент.; въ 1851 году каждый владѣлецъ имѣлъ среднимъ числомъ собственность оцѣненную въ 10,674 фр., дохода съ нея получалъ 338, всѣхъ податей платилъ 33 фр. 2 сентима ²⁾).

Очевидно, что новое устройство, основанное на свободѣ распоряженія землею и на раздробленіи поземельной собственности, было благопріятно для развитія земледѣлія. Столь счастливая и столь громадная перемѣна къ лучшему не могла бы соверши-

¹⁾ De Lavergne «Econ. rural. de la France», стр. 54 и сл. — Маэстри «Земледѣліе во Франціи», Экономъ Указатель, 1862 Январь, ст. 78.

²⁾ Wolowski «De la division du sol».

тѣся, если бы земледѣліе встрѣчало въ общественныхъ учрежденіяхъ, не говоря уже причину гибели, но даже сколько-нибудь серіозное препятствіе своему развитію и процвѣтанію. Гдѣ же искать главнымъ образомъ объясненія столь счастливаго земледѣльческаго переворота какъ не въ увеличеніи числа мелкихъ свободныхъ владѣльцевъ, вслѣдствіе чего къ землѣ началъ прилагаться болѣе дѣятельный, разумный и энергическій трудъ. Дѣйствительно, по сознанію всѣхъ французскихъ агрономовъ, наилучше обработанныя и самыя плодородныя провинціи въ настоящее время во Франціи суть тѣ, которыя наиболѣе раздроблены и наоборотъ, самыя отсталыя тѣ, гдѣ участки имѣютъ наибольшіе размѣры ¹⁾. «Во Франціи, говоритъ Домбаль, всѣ выгоды оставались на сторонѣ мелкой обработки: ей посвящались сравнительно болѣе значительные капиталы, потому что уже одинъ трудъ семьи, приложенный къ небольшому количеству земли, представлялъ собою болѣе значительный капиталъ, нежели какой обыкновенно посвящался большимъ и среднимъ хозяйствамъ. Удобреніе одной или двухъ коровъ, собранное съ тщательною заботливостью, также представляло сравнительно болѣе обильное удобреніе, нежели то, которое употреблялось большинствомъ фермеровъ большихъ хозяйствъ. Далѣе, при мелкой обработкѣ, собственникъ, постоянно находясь при помѣстьи, наблюдалъ за всѣми поземельными усовершенствованіями и требованіями культуры; а также расходовалъ поземельный доходъ на мѣстѣ, употребляя большую часть его для улучшенія почвы. Такимъ образомъ по-

¹⁾ Департаменты, гдѣ средніе размѣры участковъ наименьшіе, суть: нижняго Рейна (172 аres), верхняго Рейна (214), Сѣверный (237). Департаменты, гдѣ средняя величина наибольшая, суть: Гантскій (Les Gantes) (21 гект. 22 ара), Нижнихъ Альповъ (11 гект. 63 ара), Лозерскій (11 гект. 38 аровъ. Cochut «De l'industrie agricole en France»; Rev. des deux Mondes. стр. 99.

чти повсюду во Франціи, тотчасъ же можно различить поле мелкаго собственника по красотѣ жатвъ, по заботливости, съ которою оно огорожено, обработано и улучшено. Посредствомъ мелкой культуры введены у насъ самыя полезныя и важныя улучшения: въ ней уничтоженъ паръ, когда это уничтоженіе было возможно и замѣненъ обработкою разнообразныхъ растеній¹⁾. Въ томъ же духѣ выражаются и всѣ прочіе болѣе извѣстные агрономы. Въ этомъ, наконецъ, убѣждаетъ еще то обстоятельство, что, какъ показываетъ оцѣночная перепись, сильное увеличеніе цѣнности земель, главнымъ образомъ произошло на малыхъ участкахъ, ибо между тѣмъ какъ цѣнность большихъ помѣстій въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, съ 1821 по 1851 годъ, увеличилась только на $\frac{1}{3}$ или даже на $\frac{1}{4}$, цѣнность мелкихъ земель, раздѣленныхъ между мелкими собственниками, доведшими эти земли до высокаго усовершенствованія, учетверилась, а по словамъ Делаверня, даже унятерилась²⁾.

Естественнымъ слѣдствіемъ увеличенія народнаго производства и болѣе правильнаго распредѣленія его, обезпечиваемаго свободою поземельной собственности, было значительное улучшение участи народонаселенія вообще и земледѣльческаго класса въ особенности. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на положеніе крестьянъ до революціи и на нынѣшнее положеніе ихъ.

Въ 17 и 18 столѣтіяхъ французскія села представляли самое грустное зрѣлище. Вобанъ, Тюрго, Кэнэ, Артуръ Юнгъ и другіе экономисты оставили намъ описаніе положенія француз-

¹⁾ Dombasle «Traité d'agricult.», т. 1. стр. 22.

²⁾ De Lavergne «Econ. rurale de la France» стр. 445. — Маэстри «Земледѣліе во Франціи»; Экон. Указа. 1862. янв. 87. — Wolowski «De la division du sol»; Revue des deux Mondes, Août. 648. — Congrès internationale de bienfaisance. Brux. стр. 1860. 207.

скихъ крестьянъ въ эту эпоху, когда значительная часть поземельной собственности была сосредоточена въ рукахъ большихъ собственниковъ: дворянства, духовенства, монастырей и т. д. Всѣ они представляютъ намъ положеніе крестьянъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Особенно въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV бѣдность доходила до невѣроятной крайности. Крестьяне были доведены до послѣдней степени нищеты и невѣжества. Едва прикрытые рубищами, они помѣщались въ самыхъ несчастныхъ жилищахъ, пользовались самою скудною пищею и притомъ постоянно были подвержены опасности голода, который свирѣпствовалъ даже во времена посредственнаго урожая. Большія дороги и улицы городовъ и деревень были покрыты нищими; многіе крестьяне бѣжали въ Бретань или въ Англію; другіе погибали съ голоду; нѣкоторые, съ отчаянія, прибѣгали къ самоубійству, умертвивъ предварительно жену и дѣтей. Между оставшимися бѣдность была такъ велика, что они пахали ночью, боясь чтобы днемъ сборщики податей не захватили у нихъ воловъ за недоимки; другіе, не имѣя уже рабочаго скота, запрягали въ соху самихъ себя, женъ и дѣтей; многія поля лежали не обработанными; всюду царствовала бѣдность и нищета ¹⁾. Во французской литературѣ мы находимъ страшную страницу, посвященную положенію крестьянъ, надъ которыми царствовалъ Людовикъ XIV. «Есть родъ дикихъ звѣрей, говоритъ Лабрюйеръ, самцы и самки, разсѣянные по деревнямъ, черные, тощіе и загорѣлые отъ солнца, привязанные къ землѣ, которую они разрываютъ и жевелятъ съ невообразимымъ упорствомъ; голосъ у нихъ хриплый и, когда они встанутъ на ноги, то у нихъ видъ человѣческій. И на самомъ дѣлѣ они люди. По ночамъ они скрываются въ берлогахъ и питаются хлѣбомъ, водою и ко-

¹⁾ Leymarie «Hist. des paysans».

реньями; они избавляют прочее человечество отъ труда сѣять, пахать и собирать плоды, необходимые для жизни, и заслуживаютъ поэтому не быть лишенными того хлѣба, который ими посѣянъ и собранъ». Вобанъ въ запискѣ, поданной королю въ 1704 году, говоритъ, что, по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя онъ могъ собрать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ убѣдился, что $\frac{1}{10}$ часть народонаселенія нищенствуетъ, что изъ остальныхъ $\frac{9}{10}$ пять въ такомъ же положеніи, что изъ четырехъ остальныхъ три въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и обременены дѣлами и тяжбами, и что изъ послѣдней десятой части нѣтъ и 10,000 семействъ, состояніе которыхъ было бы вполне обезпечено. «Честь и совѣсть, продолжаетъ онъ, побуждаютъ меня представить его Величеству, что, по моему мнѣнію, во Франціи никогда не имѣли должнаго уваженія къ низшимъ классамъ и что до сихъ поръ у насъ не довольно ихъ цѣнили. Оттого это наиболѣе разоренная и несчастная часть государства. А между тѣмъ она самая значительная, какъ по своему числу, такъ и по дѣйствительнымъ своимъ заслугамъ, ибо несетъ на себѣ всѣ тяжести, всегда страдала и страдаетъ больше всѣхъ; на нее же падаетъ и убыль народонаселенія въ государствѣ. Низшій классъ народа своимъ трудомъ, торговлей и податями, обогащаетъ и короля и государство; онъ доставляетъ солдатъ, матросовъ и множество офицеровъ; изъ него исходятъ купцы и мелкіе судебные чиновники; въ его рукахъ торговля и фабрики; къ нему принадлежатъ земледѣльцы, виноградари и сельскіе работники; онъ стережетъ и кормитъ стада, сѣетъ и жнетъ хлѣбъ; онъ воздѣлываетъ виноградъ и выдѣлываетъ изъ него вино; однимъ словомъ онъ исполняетъ всю крупную и мелкую работу въ городахъ и селахъ». Что положеніе крестьянъ не улучшилось и въ слѣдующую эпоху, видно изъ словъ многихъ другихъ современниковъ. Маркизъ д'Аржансонъ въ своихъ запискахъ, составленныхъ имъ въ 1739

году, представляет слѣдующую мрачную картину. «Дѣйствительное зло, говоритъ онъ, подрывающее государство, и которое, безъ всякаго сомнѣнія, причинить гибель его, заключается въ томъ, что въ Версали не отдають себѣ никакого отчета о жалкомъ состояніи провинцій. Съ тѣхъ поръ, какъ я существую, я видѣлъ только постоянное пониженіе богатства и уменьшеніе народонаселенія во Франціи. Нынѣ мы пришли къ убѣжденію, что нищета достигла до небывалыхъ размѣровъ. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, то есть во время глубокаго мира, въ ожиданіи хотя не роскошной, но во всякомъ случаѣ посредственной жатвы, люди около насъ умираютъ, какъ мухи, отъ нищеты и питаются кореньями» ¹⁾. Другой извѣстный современникъ, Массильонъ, въ 1740 писалъ: «Сельское населеніе наше живетъ въ страшной бѣдности, безъ постелей, безъ мебели; большая часть изъ нихъ терпитъ въ теченіе полугода недостатокъ даже въ овсянномъ и ячменномъ хлѣбѣ, составляющемъ ихъ единственную пищу, которую нерѣдко они должны бывають отрывать отъ своего рта и дѣтей, чтобы уплатить повинности... Негры нашихъ колоній и тѣ несравненно болѣе счастливы, потому что, работая, получаютъ пищу и одежду для себя, женъ и дѣтей; между тѣмъ какъ наши крестьяне, наиболѣе трудолюбивые въ королевствѣ, не могутъ, даже при помощи самаго тяжелаго и упornaго труда, пріобрѣсти достаточно пищи для себя и семьи» ²⁾... Въ 1760 году Кэнэ говорилъ, что изъ 36 милліоновъ гектаровъ обрабатываемой земли, 30 милліоновъ воздѣлывались мелкими арендаторами столь бѣдными, что землевладѣльцы постоянно должны снабжать ихъ скотомъ, сѣменами, орудіями и даже деньгами до ближайшей жатвы ³⁾. Наконецъ, Артуръ

¹⁾ De Lavergne «Essai sur l'ec. rurale de l'Angleterre»; 1858 ст., 157.

²⁾ Doniol «Hist. des classes rurales en France»; стр. 404.

³⁾ Reichensperger «Die Agrarfrage»; стр. 376.

Юнгъ, описывая состояніе французскихъ крестьянъ въ самый моментъ передъ революціею, говоритъ, что оно напоминаетъ ему бѣдность Ирландіи. Страшная нищета, о которой онъ свидѣтельствуется на каждой страницѣ, могла бы показаться преувеличеніемъ, если бы всѣ другіе современные путешественники не приходили, подобно ему, въ ужасъ отъ этого ада бѣдствій. Впрочемъ, и тогда, среди всеобщей нищеты, встрѣчались рѣдкія исключенія въ тѣхъ округахъ, гдѣ по преимуществу преобладала мелкая крестьянская собственность. Такъ, Артуръ Юнгъ въ слѣдующихъ веселыхъ чертахъ описываетъ страну у подошвы западныхъ Пиринеевъ: «Отправляйтесь по дорогѣ, ведущей къ Моненсу, и вамъ представится зрѣлище, которое было для меня столь ново во Франціи, что я едва могъ вѣрить своимъ глазамъ. Длинный рядъ хорошо выстроенныхъ, хорошо огороженныхъ и полныхъ довольства домовъ, построенныхъ изъ камня и покрытыхъ черепицею; у cadaго домика находится небольшой садъ, окруженный заборами; въ саду много персиковыхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ; нѣсколько прекрасныхъ дубовъ у забора, а тамъ и сямъ молодыхъ деревъ, содержимыхъ со всею тщательностью и заботливымъ вниманіемъ собственника, котораго никто не можетъ замѣнить. Къ каждому дому прилегаютъ прекрасно огороженная ферма съ хлѣбными полями, изящно обложенными зеленымъ дерномъ, съ воротами для прохода изъ одного поля въ другое... Нѣкоторыя части Англіи, гдѣ еще осталось нѣсколько мелкихъ собственниковъ, похожи на эту часть Беарна. Но ничего подобнаго я не встрѣчалъ тому, что видѣлъ на странствѣ 4 лѣ по дорогѣ между По и Моненсомъ. Вся эта мѣстность находится въ рукахъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ; впрочемъ земля не такъ раздроблена, чтобы могла породить бѣдное и порочное народонаселеніе. Въ новыхъ домахъ и скотныхъ дворахъ, въ маленькихъ садахъ и заборахъ, на

дворахъ передъ воротами, даже въ птичникахъ и въ хлѣвахъ, вездѣ проявляются видъ чистоты, благосостоянія и довольства. Мы находимся въ Беарнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ родины Генриха IV. Наслѣдовали ли крестьяне это благосостояніе отъ добраго государя? Благодѣтельный геній этого прекраснаго монарха, повидимому, господствуетъ еще и нынѣ надъ этою страной; въ горшкѣ каждаго крестьянина есть курица».

Если отъ мрачной картины бѣдствія и нищеты, представляемой Франціею въ прошломъ вѣкѣ, мы обратимся теперь къ положенію французскихъ крестьянъ послѣ революціи, то нельзя не признать самыхъ громадныхъ и поразительныхъ успѣховъ, совершенныхъ ими относительно матеріальнаго благосостоянія и тѣсно связаннаго съ нимъ нравственнаго и умственнаго развитія. Съ тѣхъ поръ все измѣнилось къ лучшему. Переходъ земли сдѣлался легкимъ и удобнымъ, земледѣльцы получили возможность пріобрѣтать поземельную собственность и не замедлили повсемѣстно сдѣлаться собственниками своихъ жилищъ и полей, такъ что нынѣ громадное большинство пользуется тѣмъ благопріятнымъ экономическимъ положеніемъ, которое до 1789 года составляло удѣлъ только нѣсколькихъ богатѣйшихъ мѣстностей. Нынѣ почти не существуетъ ни одного семейства, которое должно было бы извлекать свое существованіе исключительно изъ поденной платы. Что такое положеніе въ высшей степени благопріятно дѣйствуетъ на матеріальное и общественное положеніе народа, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Всѣ наиболѣе компетентные французскіе писатели признаютъ, что хотя матеріальное положеніе французскихъ крестьянъ нельзя назвать вполне удовлетворительнымъ, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, оно представляетъ однакожъ громаднѣйшее улучшеніе и притомъ продолжаетъ постоянно улучшаться.

Этотъ успѣхъ проявляется въ улучшенной пищѣ, въ распростра-
няющемся употребленіи мяса, въ значительномъ привозѣ и по-
требленіи колоніальныхъ произведеній, въ замѣнѣ соломенныхъ
крышъ аспидными и черепичными, въ мощеніи конюшенныхъ
и скотныхъ дворовъ, словомъ во всѣхъ мелочахъ жизни, слу-
жащихъ неопровержимыхъ доказательствомъ успѣха ¹⁾. «Раз-
дробленіе земли, говоритъ Шарль Дюпенъ, совершившееся на
всемъ пространствѣ Франціи, породило болѣе равномерно рас-
пространенное довольство. Оно доставило средство благососто-
янія и здоровья многимъ семействамъ, которыя не пользова-
лись имъ въ предшествовавшую эпоху» ²⁾. «Если проѣхать
по различнымъ земледѣльческимъ странамъ большей части
Франціи, говоритъ Вильневъ-Баржемонъ, даже по тѣмъ, гдѣ
земля наиболѣе раздроблена, вообще находимъ мало бѣдныхъ,
мало нищихъ, мало не занятыхъ рукъ. Въ этихъ мѣстахъ на-
родонаселеніе самое сильное, образованіе не менѣе распрост-
ранено и хорошіе нравы наиболѣе сохранились. Задача, пред-
стоящая для разрѣшенія, состоитъ въ сохраненіи принципа
дробленія въ разумныхъ границахъ. Намъ кажется она разрѣ-
шенною на дѣлѣ» ³⁾. «Нынѣ 32½ милліона народонаселенія
Франціи, говоритъ Люлленъ де Шатовье, лучше одѣты, лу-
чше помѣщены, пользуются лучшею пищею, нежели прежде
25 милліоновъ. Мало того, цѣны жизненныхъ припасовъ не уве-
личились: хлѣбъ продается нынѣ по 50 сантимовъ за 4 фунта,
что было низкою цѣною, какъ прежде, такъ и теперь» ⁴⁾.
«Распредѣленіе средствъ пропитанія, говоритъ Делавернь,
между жителями въ 1790 году давало 150 франковъ на
душу; въ 1846 же — 150 фр. Средняя доля cadaго удвой-

¹⁾ Anacharsis et Hyppolite Combes «Les paysans français».

²⁾ Charles Dupin «Forces productives et commerciales»; стр 43.

³⁾ Villeneuve-Bargemont «Econ. polit. chret»; 1834, t. 1, p. 305.

⁴⁾ Lullin de Chateauvieux «Voyage agr. en France»; 1843, t. 1, p. 6.

лась; средняя продолжительность жизни возрасла отъ 28 до 39 лѣтъ» ¹⁾). То же свидѣлствуютъ другіе французскіе писатели, какъ Морель-Винде, Домбаль, Тролонъ, Барантъ, а также и различные путешественники, какъ Инглисъ, Ленгъ, Бульверъ и др. ²⁾).

Такимъ образомъ нельзя не признать, что переворотъ 1789 г., измѣнившій устройство поземельной собственности и доставившій всѣмъ свободный доступъ къ землѣ, былъ благопріятенъ не только для производства, но и для благосостоянія жителей и значительно улучшилъ положеніе крестьянъ. Какъ ни ничтоженъ иногда клочокъ земли, принадлежащій французскому крестьянину, тѣмъ не менѣе онъ служитъ для него прочною опорою и самымъ благотѣльнымъ пособіемъ въ жизни. Иной, хотя и работаетъ у сосѣдей, тѣмъ не менѣе не становится вполне бездомнымъ батракомъ, ибо владѣетъ своимъ участкомъ и имѣетъ свое жилище. Другой, занимаясь ремеслами и фабричною работою, соединяетъ земледѣліе съ другими занятіями, и такимъ образомъ дополняетъ свои средства существованія. Собственный участокъ служитъ ему при этомъ обезпеченіемъ противъ случающихся въ фабричномъ производствѣ остановокъ работъ и пониженія заработной платы и спасаетъ его отъ нищеты и страданій. Многіе подобные владѣльцы, какъ напр. нормандскіе ткачи, достигли даже значительной степени благосостоянія. Но если свобода раздробленія поземельной собственности была до сихъ поръ благотѣльнымъ явленіемъ, то еще бѣльшихъ успѣховъ можно ожидать отъ нея

¹⁾ Delavergne «L'agriculture et la popul»; Revue des deux Mondes, 1857. 1 Apr. 488.

²⁾ Inglis «Switzerland and south of the France»; v. II, p. 269.—Laing «Notes of a traveller on the social and political state of Europe»; 1854. стр. 23. — Bulwer «The monarchy of the middle classes»; — Thornton «Plea for the peasant-proprietors»; стр. 137 и слѣд.

въ будущемъ, когда она освободится отъ нѣкоторыхъ крайностей, порожденныхъ отчасти законодательствомъ, о чемъ мы скажемъ далѣе, отчасти быстрымъ переходомъ къ новому устройству, отчасти наконецъ малымъ развитіемъ и недостаткомъ образованія, что препятствуетъ иногда ясно сознавать свои собственныя выгоды. Такъ напр., повсемѣстно раздаются жалобы на чрезмѣрное пристрастіе крестьянъ къ поземельной собственности; пристрастіе, которое нерѣдко заглушаетъ голосъ разсудка и сознаніе собственного интереса. Эта любовь къ поземельной собственности, безъ всякаго сомнѣнія, служитъ наиболѣе могучимъ побудителемъ къ самому энергическому и неутомимому труду. Ей, безъ всякаго сомнѣнія, Франція обязана своими земледѣльческими успѣхами. Но нельзя также не признать, что подобное стремленіе къ пріобрѣтенію поземельной собственности, если оно не сдерживается голосомъ разсудка, можетъ имѣть нѣкоторыя вредныя послѣдствія, хотя ихъ и не должно слишкомъ преувеличивать. Хорошее земледѣліе прежде всего нуждается въ капиталѣ; земледѣлецъ же, употребившій послѣднюю копѣйку на пріобрѣтеніе земли, принимается за обработку ея, не имѣя ничего, кромѣ рукъ. Понятно, что результаты не всегда могутъ быть благопріятны, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе соперничества мелкихъ собственниковъ участки продаются за неимовѣрно высокія цѣны, вслѣдствіе чего добываемыя произведенія не покрываютъ иногда расходовъ. Но хуже всего то, что крестьяне, не дожидаясь накопленія полной суммы, потребной для покупки, прибѣгаютъ къ займамъ у ростовщиковъ за огромные проценты и потомъ оказываются не въ состояніи уплатить свой долгъ. Впрочемъ, подобныя случаи, отчасти вызванные предшествовавшимъ порядкомъ вещей, и происходящіе главнымъ образомъ отъ недостатка развитія, безъ всякаго сомнѣнія, рѣдки и будутъ становиться все рѣже и рѣже по мѣрѣ распространен-

нія образованія. Въ этомъ распространеніи образованія, въ проведеніи желѣзныхъ дорогъ, въ учрежденіи поземельнаго кредита, наконецъ во всеобщихъ стремленіяхъ къ улучшенію быта земледѣльческаго класса заключаются несомнѣнныя ручательства, что благосостояніе его въ самомъ недалекомъ будущемъ еще быстрѣе двинется впередъ и обезпечитъ ему еще болѣшую долю счастія и благосостоянія.

Такимъ образомъ опровергается и послѣднее мнѣніе противниковъ свободного устройства и распоряженія поземельною собственностію, утверждающее, что раздробленіе земли служитъ постояннымъ источникомъ бѣдности и нищеты для земледѣльческаго населенія Франціи. Мнѣніе это главнымъ образомъ основывается на томъ фактѣ, что, по оцѣнкѣ для налога, болѣе 2½ милліоновъ семействъ французскихъ собственниковъ имѣютъ доходъ, не превышающій 50 франковъ. Забывая, что этотъ доходъ представляетъ только ренту, за которую можно отдать землю въ наемъ, и смѣшивая его съ валовымъ доходомъ крестьянъ-собственниковъ, они на основаніи этого дѣлаютъ заключеніе о неимовѣрной бѣдности французскихъ крестьянъ. Но имъ бы слѣдовало вспомнить, что крестьянинъ-собственникъ соединяетъ въ своемъ лицѣ качества поземельнаго собственника, предпринимателя-капиталиста и работника и получаетъ, слѣдовательно, доходъ отъ всѣхъ отраслей или общій доходъ отъ произведеній. Если большинство крестьянъ-собственниковъ не можетъ существовать въ довольствѣ, то это должно происходить не отъ малости участковъ, а отъ другихъ причинъ. Самъ Мунье, который впадаетъ въ подобную же ошибку въ своемъ сочиненіи: «De l'agriculture en France», приписываетъ самому бѣдному классу участки среднимъ числомъ простирающіеся отъ 2 до 3 десятинъ; по словамъ же лучшаго авторитета, Шатовье, среднее пространство участковъ 3,900,000 бѣднѣйшихъ собственниковъ простирается

до 3 десятинъ; но собственникъ 3 десятинъ можетъ имѣть съ нихъ доходу по крайней мѣрѣ до 300 руб., а не 50 фр. Правда, 3 десятины составляютъ среднее число владѣній мелкихъ собственниковъ, и потому многіе могутъ имѣть не болѣе половины десятины, четверти и менѣе; но даже и это пространство, занятое огородомъ, при другихъ занятіяхъ можетъ доставить значительную помощь земледѣльцу и быть обработано самымъ тщательнымъ образомъ. Притомъ на ряду съ мелкою собственностью во Франціи всегда существовала большая, и земледѣлецъ всегда былъ въ состояніи находить себѣ побочное занятіе.

Итакъ всѣ возраженія противниковъ свободного устройства поземельной собственности оказываются несостоятельными. Мрачная картина, представлявшая ихъ разстроенному воображенію, о которой мы упоминали прежде, совершенно не правдивается фактами. Напротивъ, эти факты скорѣе свидѣтельствуютъ о совершенно противоположныхъ результатахъ перехода земли изъ рукъ обезсилѣвшей аристократіи въ руки дѣятельныхъ и предприимчивыхъ земледѣльцевъ. Таже почва Франціи питаетъ теперь несравненно болѣе многочисленное народонаселеніе, нежели до 1784 года, и притомъ несравненно лучше. По естественной связи между различными отраслями народнаго производства, развитіе земледѣлія благопріятно дѣйствовало на развитіе промышленности, торговли и народонаселенія. Городское населеніе увеличилось въ самой сильной степени; мануфактурная промышленность учетверила свое производство, внѣшняя торговля возрасла впятеро; во всѣхъ слояхъ общества порождено трудолюбіе и благосостояніе; постепенное накопленіе сбереженій сдѣлалось столь велико, что самыя громадныя общественныя предпріятія, о которыхъ не смѣли и мечтать въ предшествовавшія эпохи, предпринимаются нынѣ во множествѣ и совершаются съ изумительною лег-

костью и быстротою. Въ то же время въ необыкновенной степени возрасли государственные доходы. Старинная монархія пала вслѣдствіе того, что налоги возвысились до 500 милліоновъ; нынѣшняя же Франція съ большею легкостью уплачиваетъ втрое большую сумму. Такимъ образомъ промышленность, богатство, благосостояніе, просвѣщеніе, государственная сила, все что составляетъ величіе и могущество народа, возрасли съ быстротою неизвѣстною предшествовавшимъ эпохамъ. Эти результаты тѣмъ болѣе поразительны, что были совершены, несмотря на разрушительное вліяніе 22 лѣтнихъ войнъ, непрерывно продолжавшихся со времени революціи, отнимавшихъ у земледѣлія цвѣтъ народонаселенія, тяготѣвшихъ на немъ истощительными податями; несмотря на налогъ, сдѣланный чужестранными войсками; несмотря наконецъ на множество революцій и послѣдующихъ войнъ, порождавшихъ гибельные кризисы и сильные безпорядки.

ГЛАВА IV.

О КРЕСТЬЯНАХЪ-СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ АНГЛІИ.

A time there was, ere England's woes began,
When every road of ground mainten'd its man.
Goldsmith.

Хотя Англія въ настоящее время представляется единственною страной въ Европѣ, гдѣ земледѣльческій классъ почти совершенно лишенъ пользованія поземельною собственностью, тѣмъ не менѣе исторія показываетъ, что положеніе ея не всегда было таково. Въ прежнія столѣтія на ряду съ большими

помѣстьями существовалъ многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ, пользовавшійся умѣреннымъ довольствомъ, почетомъ и уваженіемъ и составлявшій важный элементъ въ государственномъ устройствѣ. Лѣтописи Англіи свидѣтельствуютъ, что крѣпкая независимость ихъ во многихъ случаяхъ служила прочнымъ обезпеченіемъ свободы и не разъ доказывала мужество англійской націи. Они составляли предметъ постоянной гордости страны и ихъ наивные живописные нравы съ любовью были воспѣты величайшими англійскими поэтами. Только они одни въ цѣлой Англіи могли быть оригиналомъ, съ котораго писаны картины сельской жизни Вордсворта. Но эта здоровая и сильная раса крестьянъ, отличавшаяся дѣятельностью, умѣренностью, благосостояніемъ и независимостью встрѣтила неодолимые препятствія для своего дальнѣйшаго развитія и существованія и должна была погибнуть подъ бременемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Къ этому она постепенно была приведена всѣмъ ходомъ предшествовавшаго историческаго развитія Англіи, свойствомъ ея законодательства, поразительнымъ развитіемъ промышленности и торговли, наконецъ неблагопріятнымъ вліяніемъ мѣстныхъ и климатическихъ условій. Вообще изученіе историческаго развитія переворотовъ, совершавшихся въ англійскомъ поземельномъ устройствѣ, представляетъ для насъ въ высшей степени поучительную картину и въ значительной мѣрѣ можетъ послужить къ уясненію изучаемаго нами вопроса, показавъ съ одной стороны условія, при которыхъ исчезло сословіе крестьянъ-собственниковъ, съ другой—послѣдствія, къ которымъ приводитъ уничтоженіе мелкой собственности и сосредоточеніе ея въ рукахъ немногихъ.

Вообще всѣ политическіе, религіозные и промышленные перевороты, даже самыя мѣстныя и климатическія условія постоянно содѣйствовали въ Англіи постепенному сосредоточенію

поземельной собственности, и потому не удивительно, что скопление ея достигло самыхъ громаднѣхъ размѣровъ. Первое начало значительному сосредоточенію ея, подобно тому, какъ и въ большей части другихъ государствъ, было положено завоеваніемъ. Въ 1066-мъ году гастингская битва разомъ рѣшила судьбу Англіи, и большая часть поземельной собственности перешла въ руки побѣдителей. Вильгельмъ Завоеватель раздѣлилъ Англію, за исключеніемъ Вэльса и нѣкоторыхъ сѣверныхъ графствъ, между 1400 непосредственными вассалами короны и 7871 подъ-вассалами. Изъ 60,215 рыцарскихъ леновъ, половина, именно 28,115, досталась церкви; остальная же, большая половина перешла въ руки короля и норманскихъ предводителей, изъ которыхъ нѣкоторые владѣли многими обширными помѣстьями, разбросанными въ различныхъ частяхъ Англіи. Такъ, братъ короля получилъ 973 рыцарскихъ лена; Алланъ, графъ Ричмондскій 422; Вилліамъ, графъ Варенскій 298; помѣстья графовъ Мортонъ лежали въ 20 графствахъ, графовъ Роджеровъ въ 13, графовъ Гуго въ 21, епископа Байескаго въ 17 и т. д. ¹⁾ По словамъ Маккулоха, еще нынѣ значительное количество имѣній находится въ рукахъ тѣхъ, предки которыхъ получили ихъ вскорѣ послѣ завоеванія ²⁾.

Но хотя англо-саксонскіе таны лишились вслѣдствіе завоеванія большей части своей собственности, тѣмъ не менѣе, они лишились не всей. Вильгельмъ Завоеватель обладалъ достаточнымъ государственнымъ смысломъ, чтобы отнять всѣ средства существованія у вліятельнаго класса своихъ новыхъ

¹⁾ Francqueville «Les institutions politiques, juridiques et administratives de l'Angleterre»; Paris. 1863. стр. 5 — Gneist «Adel und Ritterschaft»; стр. 58.

²⁾ Mac-Culloch «A treatise on the succession to property vacant by death, including inquiry into the influence of primogeniture, entails, compulsory partition, foundation etc. over the public interests»; 1848. стр. 85.

подданныхъ и тѣмъ создать себѣ непримиримыхъ враговъ и заговорщиковъ. Поэтому, по мнѣнію нѣкоторыхъ англійскихъ писателей, онъ оставилъ имъ не только всѣ права лично свободныхъ людей, но также и часть земли достаточную для обезпеченія ихъ отъ недостатка. Такимъ образомъ, при самомъ завоеваніи изъ этого прежняго англо-саксонскаго дворянства образовался классъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ, о которыхъ упоминается въ Domesday-Book 1086 года подъ именами *Liberi homines* и *Liberi homines commendati* ¹⁾. Хотя ихъ собственность не можетъ быть названа вполне свободною въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, потому что она была обложена опредѣленными податями и отчасти ленными повинностями въ пользу короля и другихъ ленныхъ владѣльцевъ, тѣмъ не менѣе она представляла существенныя выгоды постоянного наследственнаго владѣнія съ опредѣленными, вообще умѣренными налогами и повинностями, отъ которыхъ не были освобождены даже помѣстья большихъ коронныхъ вассаловъ.

Значительное увеличеніе этого класса мелкихъ поземельныхъ владѣльцевъ произошло изъ существовавшего уже поколѣнія полу-свободныхъ крестьянъ, англо-саксонскихъ *serfs*. Хотя они были прикрѣплены къ почвѣ, но владѣли своими участками наследственно и въ случаѣ исправнаго исполненія возложенныхъ на нихъ повинностей, не могли быть согнаны съ нихъ. При Норманахъ они не только сохранили свои земли за уплату опредѣленныхъ повинностей, но приобрѣли даже право отчуждать свои земли и передавать ихъ по наследству. Право ихъ на постоянное владѣніе землями получило особое

¹⁾ Hallam «View of the state of Europe in middle ages»; 10 edit, 1853. т. 2. стр. 301.—Sugenheim; стр. 275.—Henry «Hist. d'Angleterre», trad. par Boullard et Cantwill. Paris, 1789—1796. т. 3. стр. 324.—Gneist «Das heutige engl. Verfassung und Verwaltungsrecht»; т. I, стр. 9.

название «villein soccage» и изъ нихъ образовался родъ привилегированнаго крестьянскаго сословія.

Еще болѣе благопріятное вліяніе имѣло завоеваніе Англіи Норманами на положеніе несвободнаго народонаселенія, которое въ эту эпоху раздѣлялось на крестьянъ крѣпкихъ землѣ (villeins regardant — относительно крѣпкихъ) и на крѣпостныхъ вполнѣ (villeins in gross), лично принадлежавшихъ своимъ господамъ. Въ первыя три столѣтія норманскаго владычества, эти несвободныя лица пріобрѣли значительныя права, а въ XIII и XIV столѣтіяхъ, въ царствованіе Генриха III и первыхъ трехъ Эдуардовъ, многія изъ лицъ перваго разряда сдѣлались даже наслѣдственными арендаторами и получили право отчуждать свою землю и передавать по наслѣдству ¹⁾. Пользуясь сначала землею вслѣдствіе уступки господина, они отправляли различныя повинности и службы, которыя первоначально вполнѣ зависѣли отъ произвола господина, но мало по малу вошли въ извѣстныя границы, опредѣлились мѣстными обычаями и сдѣлались постоянными. Для веденія счета этимъ повинностямъ на господскихъ дворахъ обыкновенно держались особыя окладныя книги (court-rolls), изъ которыхъ крестьянамъ выдавались выписки (copy of court-rol), гдѣ точно обозначались лежавшія на каждомъ участкѣ повинности и прибавлялось, что участокъ предоставляется крестьянину въ пользованіе «по волѣ господина». Это выраженіе ставилось съ цѣлью отличить способъ владѣнія крѣпостными крестьянами «pure villenage» отъ привилегированнаго способа владѣнія «villein soccage», гдѣ повинности опредѣлялись закономъ, а не произволомъ господина. Несмотря на такую оговорку, выписки эти, вслѣдствіе

¹⁾ Sir Frederic Morton Eden «The state of the poor, or an history of the labouring classes in England», etc. London. 1797. ч. 1, стр. 12. — Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigensch.» etc; стр. 289.

долговременной практики, получили вскорѣ силу не только обязательнаго обычая, но даже формальнаго законнаго документа. Господа лишились сначала права произвольно возвышать повинности, а съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости потеряли также право произвольно сгонять ихъ съ участковъ, наслѣдственно владѣмыхъ ими по копіямъ ¹⁾. Такимъ образомъ возникъ особый разрядъ земледѣльцевъ — копигольдеровъ, и особый способъ владѣнія (copyhold) съ платою постоянной ренты ²⁾.

Послѣ этого обезпеченія неприкосновенности владѣній помѣщичьихъ крестьянъ, между ними и свободными крестьянами-землевладѣльцами осталась самая незначительная разница. Повинности ихъ въ отношеніи къ помѣщику превратились въ поземельную ренту, и они изъ крѣпостныхъ сдѣлались наслѣдственными арендаторами. Съ постепеннымъ же упраздненіемъ вотчиннаго суда въ теченіе XV столѣтія исчезли, наконецъ, послѣдніе существенные остатки несвободныхъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Къ исходу XVI столѣтія въ Англіи не оставалось уже ни одного крѣпостнаго чело-
вѣка ³⁾.

Такое быстрое и значительное улучшеніе положенія низшихъ сословій главнымъ образомъ слѣдуетъ приписать раннему развитію и усиленію королевской власти, которая, благодаря различнымъ условіямъ, съ самой эпохи завоеванія пользовалась достаточною силою для обезпеченія какъ свободныхъ,

¹⁾ Мѣра эта приписывается Эдуарду IV, который предоставилъ крестьянамъ право жалобы на помѣщика, въ случаѣ если послѣдній несправедливо сгонялъ ихъ съ земли. См. Max Duncker «Feodalität und Aristokratie», Berlin. 1858, стр. 20.

²⁾ Blackstone «Commentaries on the laws of England». Lond. 1825. Book. 2. ch. VI, p. 78—183.

³⁾ Max Duncker «Feodalität und Aristokratie». 1858. стр. 20 и 21, пер. въ Рус. Вѣст. 1859, февр. кн. 1. ст. 517 и слѣд.

такъ и несвободныхъ крестьянъ отъ насилій и угнетеній вышнихъ сословій. Англійскіе короли тѣмъ болѣе сознавали необходимость покровительства крестьянскому сословію, что видѣли въ немъ важный государственный элементъ, сильную опору своей силы и могущества. Уже первые Плантагенеты обязаны были многими своими побѣдами значительнымъ массамъ стрѣлковъ, преимущественно исходившихъ изъ рядовъ свободного крестьянскаго сословія. Еще болѣе славными побѣдами одолжены имъ англійскіе короли XIV и XV столѣтій во время долговременной борьбы съ Франціей. Извѣстно, что честь достопамятныхъ для Англіи битвъ при Кресси (1346), Пуатье (1356) и Азинкуръ (1415) принадлежитъ не дворянству, а классу крестьянъ, уеотангу, который въ это время пользовался несравненно бѣльшимъ благосостояніемъ и лучшимъ общественнымъ положеніемъ, нежели современные французскіе крестьяне ¹⁾.

Вообще въ эту эпоху, по словамъ англійскихъ писателей, пользованіе землею было столь распространено между англійскими крестьянами, что рѣдкій не былъ собственникомъ или арендаторомъ нѣсколькихъ акровъ. На ряду съ большими помѣстьями было значительное число мелкихъ участковъ, изъ которыхъ одни составляли собственность ихъ владѣльцевъ (freehold), другіе были въ наслѣдственномъ владѣніи крестьянъ, исполнявшихъ опредѣленные повинности, третьи находились въ арендномъ пользованіи по договору и наконецъ, многіе держали участки земли по волѣ собственниковъ, уплачивая за нихъ трудомъ. Что эти участки доставляли обильное содержаніе своимъ владѣльцамъ и хорошо удовлетворяли ихъ жизненнымъ потребностямъ, этому мы имѣемъ достаточныя свидѣ-

¹⁾ Hallam «View of the state of Eur. in middle ages»; т. 1. стр. 54.—Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigensch»; стр. 275.—Gneist «Adel und Ritterschaft»; стр. 17.

тельства, особенно для 150 лѣтъ, кончающихся XV столѣтіемъ. Фортескью, верховный судья при Генрихѣ VI, съ поразительнымъ восторгомъ распространяется объ изобиліи, которымъ пользовались низшіе классы его согражданъ. «Англійскіе крестьяне, говоритъ онъ, богаты, владѣютъ множествомъ золотыхъ, серебряныхъ и другихъ необходимыхъ для жизни вещей. Воды они почти не пьютъ; и только нѣкоторые, по набожности и изъ ревности покаянія, воздерживаются отъ другаго рода напитков! . Они въ изобиліи употребляютъ различнаго рода мясо и рыбу, носятъ тонкую шерстяную одежду; имѣютъ въ своихъ жилищахъ множество постельныхъ покрововъ и другихъ шерстяныхъ матерій, большіе запасы всякой хозяйственной утвари; изобильно снабжены земледѣльческими орудіями и вообще всѣми прочими предметами, необходимыми для спокойной и богатой жизни, сообразно ихъ состоянію и помѣстьямъ» ¹⁾. Слова эти можно было бы принять за панегирикъ, внушенный патріотизмомъ, но они подтверждаются другими современниками, какъ напр. свидѣтельствомъ французскаго хрониста Фруассара ²⁾, а также современными законодательными мѣрами, ограничивающими высоту заработной платы и направленными противъ роскоши крестьянъ. Первыя мѣры противъ высокой заработной платы были приняты въ 1349 и слѣдующемъ году. Въ 1363 году различнымъ земледѣльческимъ работникамъ было запрещено ѣсть и пить чрезмерно «excessively», а также носить шерстяную одежду дороже 12 пенсовъ. Въ то же время было объявлено, что домаш-

¹⁾ Fortescue «De laud. leg. Angliae»; стр. 85.

²⁾ Фруассаръ (Chron., II. 105), говоря о возстаніи 1381 года, замѣчаетъ, что это возстаніе главнымъ образомъ произошло вслѣдствіе хорошаго положенія народа: «Et pour la grand' aise et abondance de biens en quoi le menu peuple estoit lors et vivoit, s'émut et éleva cette rebellion».

ніе слуги имѣли право только на одно мясное или рыбное кушанье въ день, а въ остальномъ должны были довольствоваться молокомъ, масломъ, сыромъ и тому подобными припасами. Въ 1438 году мы видимъ новое ограниченіе заработной платы. Въ 1463 году одежда земледѣльческихъ работниковъ снова была ограничена матеріаломъ, стоящимъ не болѣе 2 шиллинговъ за ярдъ, и въ то же время запрещено было носить штаны дороже 14 пенсовъ и пояса, украшенные серебромъ. Украшеніе же головныхъ приборовъ ихъ женъ не должно было стоить болѣе 12 пенсовъ. Эти законодательныя мѣры, говоритъ Торнтонъ, принимая во вниманіе цѣнность денегъ того времени, имѣли такое же значеніе, какъ если бы въ настоящее время законъ запрещалъ земледѣльческимъ работникамъ одѣваться въ бархатные кафтаны и шелковые чулки и носить серебряныя пряжки на башмакахъ, а женамъ ихъ украшать свои чепцы брюссельскими кружевами ¹⁾. Все это показываетъ, что положеніе земледѣльческихъ работниковъ въ эту эпоху было замѣчательно хорошо. А между тѣмъ, это описаніе относится къ крестьянамъ низшаго разряда, наемнымъ работникамъ, не имѣвшимъ своей земли, откуда можно заключить, что положеніе мелкихъ собственниковъ и арендаторовъ было еще лучше. Несмотря на всѣ старанія парламента ограничить заработную плату, она продолжала возрастать и позволяла рабочему классу пользоваться роскошью, которую тщетно старались остановить сомнитуарными законами.

Главною причиною столь поразительнаго благосостоянія крестьянъ въ послѣдней части XIV и большей части XV столѣтія была рѣдкость работниковъ и значительный запросъ на трудъ. Большинство какъ современныхъ, такъ и позднѣйшихъ писа-

¹⁾ Thornton «Overpopulation and its remedy»; стр. 173 и сл.—
Его же «Plea for peasant proprietors»; стр. 77 и сл.

телей, приписываетъ эту рѣдкость страшной язвѣ, посѣтившей Англію въ 1349 году, которая, по словамъ нѣкоторыхъ, унесла половину народонаселенія. Но едва ли ей исключительно можно приписать такое благопріятное дѣйствіе, тѣмъ болѣе, что «Statute of Labourers», ограничивающій заработную плату, вышелъ въ 1349 году, слѣдовательно въ годъ самой язвы. Торнтонъ полагаетъ, что это повышение заработной платы произошло главнымъ образомъ отъ развитія земледѣлія, торговли и мануфактуръ. Несомнѣнно, что все эти отрасли дѣйствительно значительно усилились въ послѣдней половинѣ XIV и особенно XV столѣтія. Внѣшняя торговля сильно развивается въ эту эпоху, вслѣдствіе процвѣтанія нѣкоторыхъ континентальныхъ странъ, преимущественно Фландріи, корабли и купцы которой начинаютъ въ значительномъ числѣ приставать къ британскихъ берегамъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ произведеній, которыми издавна славился этотъ островъ. На ряду съ внѣшней торговлей развивается внутренняя промышленность и увеличивается городское народонаселеніе. Развитіе городовъ долгое время встрѣчало въ Англіи сильное препятствіе въ существованіи крѣпостнаго права, затруднявшаго переходъ работниковъ; но въ этотъ періодъ крѣпостное право смягчается и постепенно исчезаетъ. Многіе крестьяне съ полученіемъ свободы переселяются въ города и предаются промышленности и торговлѣ. Этотъ фактъ достаточно подтверждается издаваемыми подъ вліяніемъ большихъ землевладѣльцевъ статутами, изъ которыхъ одинъ постановляетъ, что лица, занимавшіяся 12 лѣтъ земледѣліемъ, должны были оставаться при томъ же занятіи и не могли переходить къ ремесламъ и другимъ промысламъ, а другой запрещалъ всѣмъ, кто не имѣлъ земли или ежегодной ренты въ 20 шиллинговъ, отдавать своихъ дѣтей для обученія мастерствамъ въ городахъ. Такое постоянное переселеніе въ города, увеличивая го-

родское населеніе, естественнымъ образомъ усиливало запросъ на сырые продукты всякаго рода, необходимыя какъ для пропитанія, такъ и для различнаго рода промышленности. Вслѣдствіе этого всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства данъ былъ могущественный толчокъ, и такъ какъ значительная часть земледѣльческаго населенія перешла къ другимъ занятіямъ, то не удивительно, что та часть, которая оставалась въ селахъ, пользовалась двойнымъ запросомъ труда, какъ вслѣдствіе уменьшенія числа ихъ, такъ и вслѣдствіе увеличенія количества необходимыхъ работъ. Если, сверхъ того, ко всему этому присоединить еще то обстоятельство, что въ эпоху войны Алой и Бѣлой Ресы, каждый сильный землевладѣлецъ чувствовалъ необходимость содержать возможно большее число лицъ для своей защиты и безопасности, то легко понять, почему въ теченіе большей части XV столѣтія заработная плата, несмотря на всѣ законодательныя ограниченія, постоянно стремилась къ возвышенію и имѣла самое благопріятное вліяніе на положеніе земледѣльческаго населенія.

Но это благопріятное положеніе продолжается недолго. Съ конца XV вѣка начинаются уже совершенно противоположныя мѣры. Издаются рядъ статутовъ, свидѣтельствующихъ о быстромъ распространеніи бѣдности. Сначала парламентъ, полагая, на основаніи опыта предшествовавшихъ лѣтъ, что бѣдность происходитъ единственно отъ лѣни и праздности и что наказаніе есть лучшее средство противъ нея, принимаетъ самыя строгія мѣры противъ здоровыхъ бродягъ. По распоряженію 1494 года, лица, пойманныя въ бродяжничество, подвергались тѣлесному наказанію, заключенію въ колодки (stocks), послѣ чего отправлялись на родину, гдѣ они должны были работать, какъ слѣдуетъ порядочнымъ людямъ: «as true men ough to do». Но въ скоромъ времени открыли, что такъ называемые здоровые бродяги, возвратившись домой, не находили себѣ работы,

и потому приходскія власти въ 1535 году были уполномочены собирать добровольныя подаянія съ цѣлью не только помощи нищимъ и больнымъ, но и для доставленія возможности сильнымъ и здоровымъ работникамъ пріобрѣтать себѣ средства существованія собственнымъ трудомъ. Въ 1547 году число нищихъ и бродягъ начало возрастать еще быстрѣе, несмотря на мѣры и статуты, направленные противъ нихъ, а потому былъ изданъ новый законъ, хотя и отмѣненный два года спустя, но замѣчательный, какъ своею поразительною жестокостью, такъ и тѣмъ, что служить лучшимъ свидѣтельствомъ, какъ велико было бѣдственное положеніе низшихъ классовъ, когда даже подобныя жестокія мѣры не могли принудить ихъ къ скрытію своей бѣдности. По этому закону было опредѣлено, что всякій здоровый человѣкъ, пойманный въ бродяжничество, подвергался клейменію горячимъ желѣзомъ и осуждался на два года рабства тому, кто его схватилъ. Въ теченіе этого времени его можно было кормить единственно хлѣбомъ и водою и принуждать къ работамъ посредствомъ побоевъ и всевозможныхъ способовъ. Въ случаѣ, если онъ убѣгалъ, его клеймили во второй разъ и присуждали къ пожизненному рабству; послѣ же третьяго побѣга присуждали къ смерти. Угрожаемые рабствомъ, тѣлесными наказаніями и смертью, бѣдные люди лучше соглашались подвергаться всѣмъ опасностямъ, отыскивая себѣ средства улучшить свое положеніе, нежели томиться голодомъ дома, и потому число нищихъ и бродягъ продолжало постоянно возрастать. Въ 1562 году добровольныя подаянія оказываются недостаточными для помощи бѣднымъ, и приходскія власти уполномочиваются облагать налогомъ лица, упорно отказывающіяся отъ помощи; а въ 1572 году имъ дается уже полная власть облагать налогомъ въ пользу бѣдныхъ всѣхъ жителей. За тѣмъ слѣдовали другіе акты, и въ 1601 году формально была признана необходимость доставлять

занятіе здоровымъ бѣднякамъ посредствомъ приходскихъ сборовъ, и потому изданъ былъ знаменитый законъ Елисаветы о налогѣ въ пользу бѣдныхъ.

Каковы же были причины подобнаго непрерывно возраставшаго нищенства и бродяжничества? По мнѣнію нѣкоторыхъ это главнымъ образомъ происходило отъ уничтоженія монастырей Генрихомъ VIII, вслѣдствіе чего значительное количество лицъ лишилось пріюта и милостыни, раздаваемой этими монастырями. Но если это и имѣло вліяніе, то весьма незначительное, тѣмъ болѣе, что монастыри были уничтожены въ 1535 году, слѣдовательно много лѣтъ спустя послѣ того, какъ постоянное увеличеніе бродяжничества сдѣлалось общимъ мѣстомъ парламентскихъ жалобъ. Главная причина заключалась не въ уничтоженіи монастырей, но въ значительномъ сокращеніи возможности приложенія труда въ земледѣльческомъ производствѣ, вслѣдствіе въ высшей степени замѣчательнаго переворота, совершившагося въ земледѣльческомъ хозяйствѣ Англіи послѣ прекращенія войнъ Алой и Бѣлой Розы.

До этой эпохи, какъ мы видѣли уже прежде, Англія имѣла значительное число земледѣльцевъ разнаго рода, участвовавшихъ въ пользованіи поземельною собственностью. Кромѣ лицъ, владѣвшихъ собственностью, приносившею 40 шиллинговъ дохода или около того, которые въ то время, когда земля отдавалась обыкновенно въ наемъ не болѣе 6 пенсовъ за акръ, должны были составлять значительный классъ, какъ по своей собственности, такъ и по числу; кромѣ наследственныхъ арендаторовъ или копигольдеровъ, которые были покрайней мѣрѣ столь же многочисленны, какъ нынѣ — въ Англіи существовало тогда, сверхъ того, множество временныхъ арендаторовъ, платившихъ отъ 3 до 4 фунтовъ ренты въ годъ, но занимавшихъ, какъ видно изъ разсказа епископа Латимера объ его отцѣ, лейчестерскомъ крестьянинѣ, такое количество па-

хатной и пастбищной земли, что оно могло занять работою полдюжины работниковъ и достаточно было для содержанія 30 коровъ и 100 овецъ. Сверхъ того, даже многіе простые женатые земледѣльческіе работники, употреблявшіеся на большихъ помѣстьяхъ, получали обыкновенно въ вознагражденіе, какъ мы видимъ еще нынѣ въ Швеціи, Пруссіи и другихъ мѣстахъ, жилище и кусокъ земли, который былъ рѣдко менѣе 3, 4 акровъ. Большая часть этихъ хозяевъ, за исключеніемъ послѣднихъ, нуждалась въ помощи наемныхъ работниковъ, особенно еще потому, что значительная часть земель находилась по преимуществу подъ хлѣбопашествомъ. Не удивительно, что запросъ на земледѣльческій трудъ былъ значителенъ, и такъ какъ предложеніе его, вслѣдствіе развитія промышленности и торговли, было ограничено, то заработная плата была высока и положеніе крестьянъ благопріятно.

Но это земледѣльческое устройство начало быстро измѣняться подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ условій. Босфорская битва 1485 года положила конецъ царствованію Ричарда III и возвела на англійскій престолъ Генриха VII Тюдора. Восшествіе Генриха составляетъ важную эпоху и, такъ сказать, поворотную точку въ англійской исторіи. Оно совпадаетъ съ началомъ новой исторіи и имѣетъ огромное вліяніе на дальнѣйшую судьбу и развитіе Англіи. Вмѣстѣ съ восшествіемъ Генриха VII кончилась долготѣнная борьба между соперничающими Йоркскимъ и Ланкастерскимъ домами, стоившая Англіи столь много крови и сокровищъ. Подъ сильнымъ правленіемъ этого государя постепенно водворяется миръ, восстанавливается значеніе законовъ, ограничивается произволъ сильныхъ вассаловъ, жизнь и собственность находятъ себѣ болѣе обезпеченія. Вмѣстѣ съ водвореніемъ внутренняго мира и порядка, феодальная организація, полезная во времена воинственныхъ, оказывается дурною и недостаточною. Богатые

владѣльцы увидѣли всю бесполезность большой свиты окружавшей ихъ и множества слугъ и подчиненныхъ лицъ: они начинаютъ болѣе заботиться о своихъ доходахъ. Къ этому побуждаетъ ихъ еще то обстоятельство, что многія инѣнія, вслѣдствіе долговременной войны Бѣлой и Алой Розы, отчасти были обременены значительными долгами, отчасти, вслѣдствіе частыхъ смертей, конфискацій ¹⁾ и другихъ причинъ, перешли въ руки побочныхъ родственниковъ и раздробились между большимъ числомъ лицъ, которыя принуждены были извлекать себѣ средства жизни изъ меньшаго количества земли и, слѣдовательно, обращать большее вниманіе на обработку и улучшеніе хозяйства. Поэтому въ англійскомъ хозяйствѣ въ эту эпоху начинается подобная же реформа, какая черезъ 200 лѣтъ снустя повторилась въ Шотландіи. Англійское дворянство, сознавшее, что полезнѣе имѣть меньше военныхъ и подвластныхъ людей, а больше доходовъ, принимается за очищеніе своихъ помѣстій отъ излишнихъ рукъ. Оно постепенно уменьшаетъ число вассаловъ и замѣняетъ ихъ стадами овецъ; тѣмъ болѣе, что Генрихъ VII, въ теченіе всего своего царствованія, постоянно преслѣдовалъ и старался не допускать, чтобы сильные лорды окружали себя многочисленными свитами, которыя содѣйствовали имъ производить мятежи и беспорядки ²⁾. Другія условія также способствуютъ развитію скотоводства и уменьшенію хлѣбопашества, которое при высокой заработной платѣ и дешевизнѣ хлѣба, вслѣдствіе изобилія производства и улучшенія земледѣлія, становится въ эту эпоху менѣе выгоднымъ, особенно для большихъ владѣльцевъ, кото-

¹⁾ При Эдуардѣ IV половина дворянства подверглась опалѣ, и болѣе пятой части англійской почвы вслѣдствіе конфискацій перешла въ руки короля. Gneist «Adel und Ritterschaft»; стр. 21.

²⁾ Nicholls «History of the English Poor Law». Lond. 1854. т. 1. стр. 95

рые не потребляли уже большей части произведеній дома, но начали собирать значительное количество для продажи. При томъ въ это же время сильно развивается въ Англіи шерстяная промышленность, вслѣдствіе чего цѣна шерсти значительно поднимается. Это было добавочнымъ побужденіемъ предпочесть овцеводство хлѣбопашеству, тѣмъ болѣе, что первое требуетъ незначительнаго надзора и особенно удобно для большихъ помѣстій. Вслѣдствіе этихъ разнообразныхъ причинъ съ конца XV вѣка начинается постоянное превращеніе громаднаго количества пахатныхъ земель въ пастбища съ цѣлью введенія скотоводства въ большихъ размѣрахъ на обширныхъ пространствахъ. Безконечныя хлѣбныя поля, занимавшія цѣлыя мили, непрерываемыя никакими оградами и видимыми границами, начинаютъ исчезать въ эту эпоху. Засѣянная травою, они дѣлятся на части, окружаются заборами и оградами, съ цѣлью предупредить овецъ отъ блужданія и освободить пастуховъ отъ необходимости постоянного надзора. Посредствомъ этой перемѣны количество необходимаго земледѣльческаго труда значительно уменьшилось и множество земледѣльческихъ работниковъ и слугъ, имѣвшихъ свое помѣщеніе и содержаніе на фермерскихъ и господскихъ дворахъ, было отпущено. Но это еще не все. Женатые земледѣльческіе работники были изгоняемы изъ своихъ жилищъ, которыя уничтожались, и ихъ поля и огороды присоединялись къ сосѣднимъ лугамъ. Мелкіе фермеры подвергались подобной же участи, когда оканчивались сроки ихъ договоровъ, и, лишеныя своихъ участковъ, увеличивали ежедневно возрастающую толпу лицъ, предлагавшихъ свой трудъ, запросъ на который между тѣмъ продолжалъ постоянно уменьшаться ¹⁾. Наконецъ, нерѣдко даже мелкіе сво-

¹⁾ «Tenancies for years, lives and at will, whereupon most of the yeomanry lived, turned into demesnes». Lord Bacon's History of Henry VII. Works. т. V. стр. 61.

бодные собственники— фригольдеры, были сгоняемы съ своей земли богатыми сосѣдами. Сэръ Томасъ Моръ, въ своей «Утопiи», съ негодованiемъ говоритъ о земледѣльцахъ, насильственно изгоняемыхъ изъ своихъ участковъ посредствомъ хитрости и обмана, а также посредствомъ угнетенiя, обидъ и оскорбленiй столь тяжкихъ, что они находились въ необходимости продавать свои участки ¹⁾. Весьма часто это совершалось также посредствомъ злостныхъ процессовъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется Мэссинджеръ въ своемъ: «New way to pay old Debts» ²⁾.

Эта общественная революцiя началась вѣроятно прежде, нежели благосостоянiе крестьянъ достигло своей высшей точки. Но это увеличенiе скотоводства и постоянное возрастанiе размѣровъ фермъ, повидимому, не привлекало большаго вниманiя до 1488 года, и только съ этого времени начинается рядъ ак-

(¹) T. More's Utopia. S-t John edit. стр. 32: «Husbandmen thrust out of their own, or else by covin and fraud or by violent oppression put beside it, or by wrongs and injuries so wearied that they be compelled to sell all».

(²) Thornton (Overpopulation. стр 189) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Мэссинджера:

I'll by some cottage near his manore;
Which done I'll make my men break ope his fences,
Ride o'er his standing corn, and in the night
Set fire to his barnes or break his cattle's legs;
These trespasses drawn on suits, and suites expences
Which I can spare, but will soon begar him.
When I have harried him thus two or three years,
Though he sue in forma pauperis, in spite
Of all his thrift and care, he'll grow bevind-hand
Then whith the favor of my man of law,
I will pretend some title: want will force him
To put it to arbitrement: then if he sell
For half a value, he shall have ready money
And I possess his land.

товъ, въ которыхъ проявляется стремленіе остановить этотъ переворотъ. Въ 1488 году издано было два акта, и въ одномъ изъ нихъ, относительно острова Вайта, говорится, что «этотъ островъ долженъ быть хорошо населенъ для безопасности короля и королевства и для защиты отъ стариннаго врага, Франціи, а между тѣмъ въ послѣднее время онъ совершенно лишился народонаселенія, вслѣдствіе того, что многія села и деревни снесены, поля огорожены и превращены въ пастбища для скота» ¹⁾. Въ другомъ актѣ говорится, что король, желая избѣгнуть всѣхъ крайностей, могущихъ быть вредными и предосудительными для общаго блага, напоминаетъ, что отъ уничтоженія и произвольнаго разоренія жилищъ и селъ и обращенія въ пастбища земель, постоянно находившихся подъ хлѣбопашествомъ, ежедневно усиливаются пагубныя послѣдствія; потому что нѣкоторыя села, гдѣ прежде было двѣсти человѣкъ, существовавшихъ честнымъ трудомъ, нынѣ заняты двумя или тремя пастухами; остальное же народонаселеніе остается безъ работы. Вслѣдствіе этого, по словамъ акта, ежедневно возрастаетъ праздность — основа и начало всѣхъ пороковъ; земледѣліе, главнѣйшая основа государства, значительно падаетъ, церкви приходятъ въ разореніе, церковная служба прекращается, тѣла погребаются безъ молитвы, защита страны отъ непріятелей ослабляется и т. д. Поэтому, какъ средство противъ этого страшнаго количества бѣдствій повелѣно было, чтобы на островъ Вайтъ никто не бралъ фермъ, рента которыхъ превосходитъ 10 марокъ, а на землевладѣльцевъ подъ страхомъ пени была наложена обязанность сохранять и поддерживать жилища и строенія, необходимыя для хлѣбопашества, на земляхъ отдаваемыхъ въ аренду ²⁾. Это постановленіе, на-

¹⁾ Nicholls «Hist. of English Poor Law»; т. 1. стр. 45.

²⁾ Encyclopedia Britannica; Agriculture. ст. 258.—Nicholls; ст. 111.

правленное противъ превращенія пахатныхъ полей въ пастбища и для поддержанія занятія хлѣбопашествомъ, представляетъ первый, встрѣчающійся въ статутахъ примѣръ того страха увеличенія пастбищъ и уменьшенія сельскаго населенія, который въ большей или меньшей степени проявлялся до нашего времени. Въ царствованіе Генриха VIII мѣры противъ распространенія пастбищныхъ земель снова повторяются. Въ 1514 и 1515 годахъ издано было для всей Англіи два акта въ подобномъ же духѣ и почти въ тѣхъ же словахъ, какъ въ предшествовавшее царствованіе относительно острова Вайта. На основаніи этихъ актовъ повелѣно было, чтобы всѣ уничтоженныя села, хижины и другія жилища снова были возобновлены въ теченіе одного года, и чтобы вся пахатная земля, обращенная подъ пастбища, вновь была обращена подъ хлѣбопашество. Черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ объ увеличеніи пастбищъ снова сдѣлался предметомъ законодательства. Въ актѣ 1533 года говорится, что различные подданные короля, которымъ Господь въ своей милости даровалъ изобиліе движимаго богатства (*plenty and abundance of moveable substance*), начали въ послѣднее время ежедневно изыскивать и изобрѣтать всѣ способы и средства, какъ бы совокупить и собрать въ незначительномъ числѣ рукъ возможно громадное количество фермъ и скота, въ особенности овецъ, обращая всякую пріобрѣтенную ими землю въ пастбища, а не подъ хлѣбопашество. Этимъ они не только разоряютъ церкви и села, возвышаютъ старинныя размѣры рентъ и иногда доводятъ до такой чрезмѣрной высоты, что ни одинъ бѣдный человѣкъ не въ состояніи получить фермы; но и содѣйствуютъ также увеличенію почти вдвое противъ прежняго цѣнъ на всякаго рода хлѣбъ, скотъ, шерсть, свиней, гусей, куръ, цыплятъ, яицъ и т. д. Вслѣдствіе этого, прибавляетъ актъ, громадное количество народа не имѣетъ возможности пріобрѣсти пищу, питье и одежду, необходимую для нихъ,

ихъ женъ и дѣтей, и столь удручено бѣдностью и нищетою, что ежедневно предается воровству, разбою и другимъ безчинствамъ, или жалостливо (*pitifully*) умираетъ отъ голода и холода. Такъ какъ главная причина, по словамъ статута, состояла въ томъ, что жадные и корыстолюбивые люди держали слишкомъ громадное количество овецъ, иные 24,000 штукъ, другіе 20,000, иные 10,000, иные 6000, иные 5000, а иные болѣе или менѣе, вслѣдствіе чего лишали бѣдныхъ земледѣльцевъ значительнаго количества земли, то новымъ статутомъ повелѣно было, чтобы никто не смѣлъ нанимать болѣе двухъ фермъ, а также, чтобы никто не держалъ болѣе 2000 овецъ подъ страхомъ пени въ 3 шиллинга 4 пенса за каждую овцу свыше опредѣленнаго числа ¹⁾). Два года спустя было постановлено, что король будетъ получать половину дохода со всѣхъ земель, отнятыхъ у хлѣбопашества и превращенныхъ въ пастбища, до тѣхъ поръ, пока на нихъ не будутъ выстроены приличныя жилища и пока они снова не будутъ обращены подъ хлѣбопашество ²⁾). Въ 1551 году страхъ обращенія пахатной земли въ пастбища снова ожилъ, и въ пятый годъ царствованія Эдуарда VI былъ изданъ актъ, по которому требовалось, чтобы во всѣхъ помѣстьяхъ непременно находилось подъ хлѣбопашествомъ такое количество земли, какое было въ первые годы вступленія на престолъ Генриха VIII, подъ страхомъ пени въ 5 шиллинговъ за каждый необработанный акръ ³⁾). Въ слѣдующія царствованія подобныя же акты повторяются снова: при Маріи въ 1555 году, при Елисаветѣ въ 1562 и 1597 году. По послѣднему акту повелѣвалось, чтобы вся пахатная земля, превращенная въ пастбища, съ первыхъ

¹⁾ Encyclopedia Britannica. Agricult. 258.—Nicholls. т. 1. стр. 111.

²⁾ Thornton «Overpopulation» стр. 189 и сл. Его же: «Plea for peasant. prop.» стр. 63.

³⁾ Nicholls. стр. 139 и 174.

лѣтъ царствованія Елисаветы, снова была обращена подъ хлѣбопашество и вновь было запрещено впредь превращать пахатныя земли въ луга. Но всѣ эти постановленія, какъ видно уже изъ самаго постояннаго повторенія ихъ, не имѣли ни малѣйшаго вліянія на прекращеніе консолидаціи фермъ. Въ царствованіе Елисаветы, Роджеръ Ашемъ жалуется на изгнаніе семействъ, разрушеніе жилищъ, на истребленіе и уничтоженіе крестьянства, этой славы и силы Англіи—«*noble yeomanry, the honour and strength of England*». Гаррисонъ также говоритъ о селлахъ, снесенныхъ для овецъ, о земляхъ, скопленныхъ въ рукахъ лордовъ и другихъ лицъ ¹⁾. Гдѣ было множество хозяевъ и жителей, говоритъ епископъ Латимеръ, тамъ нынѣ встрѣчается только пастухъ и его собаки ²⁾. Не удивительно, что эти очищенія земли (*clearing of estates*), производили частыя возстанія между сельскимъ населеніемъ, какъ напр. въ 1549 году въ Норфолькѣ, въ 1607 году въ Норсамптонѣ и др. ³⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ экономическимъ переворотомъ появилась новая общественная болѣзнь. Пока связь крестьянина съ землею оставалась неразорванной, Англія была свободна отъ

¹⁾ Morton Eden «The state of the poor» etc. v. 1. стр. 118.

²⁾ Pictorial History of England. v. II. стр. 900. Въ трактатѣ, изданномъ въ 1581 г. Вилліамомъ Стаффордомъ, земледѣлецъ говоритъ слѣдующее: «Marry, these enclosure do undo us all for they make us to pay dearer for our land that we occupy, and causeth that we can have no land to put in tillage; all is taken up for pasture, either for sheep or for grazing of cattle, insomuch that I have known of late a dozen ploughs whitin this seven year, and where threescore persons or upwards had their livings, now one man with his cattle hath all. Those sheep is the cause of all our mischief, for they driven husbandry out of the country by which was increased before all kinds of victuals, and now altogether sheep, sheep, sheep».

³⁾ Roscher «National-oekonomie des Ackerbaues»; стр. 276.

всѣхъ проявленій пауперизма и пролетаріата и предложеніе труда не только не превосходило требованія, но было, напротивъ, столь недостаточно, что парламентъ принужденъ былъ прибѣгать къ мѣрамъ, понижавшимъ заработную плату. Почти непосредственно же послѣ того какъ началась консолидація мелкихъ фермъ, законодательство должно было принять иное направленіе, и парламентъ началъ изощрять свою изобрѣтательность для доставленія средствъ существованія быстро возрастающей толпѣ бѣдныхъ, которые не могли найти себѣ работы и принужденъ былъ наконецъ установить таксу для бѣдныхъ. Такимъ образомъ, благодаря уничтоженію мелкихъ участковъ, Англія подверглась постоянному налогу въ пользу бѣдныхъ, который съ этого времени почти непрерывно продолжалъ возрастать.

Но хотя этотъ земледѣльческій переворотъ содѣйствовалъ значительному уменьшенію числа осѣдлыхъ крестьянъ, тѣмъ не менѣе онъ преимущественно былъ пагубенъ для мелкихъ арендаторовъ и земледѣльческихъ работниковъ. Крестьяне же собственники и наслѣдственные арендаторы, несмотря на притѣсненія, которымъ они подвергались, успѣли все-таки удержаться въ значительномъ числѣ и продолжали составлять довольно еще многочисленный классъ. Нѣкоторыя обстоятельства, повидимому, даже способствовали увеличенію числа ихъ. Политика первыхъ государей изъ дома Тюдоровъ, въ особенности Генриха VI и Генриха VIII, постоянно была направлена на ослабленіе могущества сильныхъ бароновъ. Съ этою цѣлью они старались объ уменьшеніи размѣровъ большихъ помѣстій, дозволяя дворянству отчуждать имущества, подверженные прежде строгому фидеикомиссному праву, и содѣйствуя такимъ образомъ болѣе равномерному распредѣленію поземельной собственности. Подобное же слѣдствіе имѣло уничтоженіе монастырей и конфискація монастырскихъ имуществъ, зани-

мавшихъ пятую часть королевства и доставлявшихъ втрое больше дохода, нежели какимъ пользовалась корона ¹⁾). Хотя значительная часть ихъ перешла въ руки большихъ поземельныхъ владѣльцевъ ²⁾), тѣмъ не менѣе нѣкоторая доля досталась также и мелкимъ владѣльцамъ ³⁾). Подъ вліяніемъ подобныхъ событій число среднихъ и мелкихъ собственниковъ необходимо должно было значительно возрасти. Этимъ объясняется, почему еще въ XVII столѣтіи, при Стюартахъ, встрѣчаемъ мы довольно значительную массу крестьянъ-собственниковъ, простиравшуюся, по словамъ Маколея, до 160,000; такъ что, вмѣстѣ съ семьями, они составляли седьмую часть всего народонаселенія. Вообще въ эту эпоху считалось, что число лицъ, обрабатывавшихъ свои собственные поля, было значительнѣе, нежели число лицъ, нанимавшихъ земли другихъ. Что положеніе ихъ было довольно благопріятно, видно изъ того, что каждый изъ нихъ получалъ среднимъ числомъ доходу отъ 60 до 70 фунтовъ стерлинговъ ⁴⁾). Довольство ихъ сверхъ того обезпечивалось не только собственными имуществами, но и обширными общинными землями, въ которыхъ лорды считались покровителями (high steward или recorder). Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что въ XVII и даже въ XVIII столѣтіи, на ряду съ большими поземельными собственниками существовали также многочисленные мелкіе владѣльцы, собствен-

¹⁾ Монастыри, уничтоженные Генрихомъ VIII, имѣли 500,000 дукатовъ ежегоднаго дохода, между тѣмъ какъ всѣ лорды—только 380,000. Ranke «Reformationsgeschichte»; IV. стр. 61. — Sugenheim. 299.

²⁾ Gneist «Adel und Ritterschaft»; стр. 74: «Vielleicht der grössere Theil des Grundbesitzes der heutigen alten Familien rührt aus Verleihung von Klostergütern jener Zeit her».— De Lavergne «Essai sur l'écon. rurale de l'Angl.» 1858. стр. 135.

³⁾ Wade «History of the middle and working classes»; 1835. стр. 46.

⁴⁾ Macaulay «History of Engl.»; t. 1. ch. III.

норучно воздѣлывавшіе свои наслѣдственные поля. Но это распредѣленіе поземельной собственности подвергается коренному перевороту въ половинѣ прошлаго столѣтія. Подобно тому, какъ, начиная съ XVI столѣтія, быстро исчезло сословіе мелкихъ арендаторовъ, такъ въ эту эпоху столь же быстро исчезаетъ сословіе мелкихъ собственниковъ. Уничтоженіе это совершается въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ и тѣмъ болѣе замѣчательно, что происходитъ не въ силу завоеванія и насилія, какъ въ грубыя феодальныя эпохи, но среди мира и внутреннего порядка, подъ вліяніемъ совокупнаго дѣйствія законодательства, общественныхъ учрежденій, промышленныхъ и политическихъ переворотовъ. Самый сильный періодъ уничтоженія совпадаетъ съ эпохою сѣверо-американской и континентальной войны.

Въ этотъ моментъ времени соединяются наиболѣе неблагоприятныя обстоятельства для мелкой собственности. Мелкіе независимые владѣльцы, имѣвшіе весьма важное вліяніе на парламентскіе выборы, не легко подчинялись вліянію аристократіи и служили значительною преградою для развитія ея всемогущества. Поэтому виги и тори, желая вытѣснить этихъ неуступчивыхъ фригольдеровъ и замѣнить ихъ болѣе подчиненными и зависимыми фермерами, рѣшились прибѣгнуть къ единственному законно возможному тогда въ Англіи средству — скупу собственности мелкихъ владѣльцевъ ¹⁾. Это было для нихъ тѣмъ легче, что стеченіе разнообразныхъ обстоятельствъ въ высшей степени благоприятствовало этому. Въ концѣ прошлаго вѣка Великобританія питалась уже въ значительной мѣрѣ привознымъ хлѣбомъ. Постепенно усиливая свою мануфактурную дѣятельность и торговлю, она желала достигнуть незави-

¹⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft»; стр. 131.

симости отъ другихъ странъ также и въ области земледѣлія. Къ этому особенно побудила ее сѣверо-американская война за независимость, которая привела Англію во враждебное столкновение со многими континентальными державами, вслѣдствіе произвольнаго обращенія съ нейтральными судами. Когда Европа заперла свои порты для англійскихъ кораблей, Англія должна была обойтись безъ европейскаго хлѣба, и потому правительство, которое доселѣ обращало вниманіе исключительно на поощреніе промышленности, торговли и мореплаванія, подъ вліяніемъ этихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, рѣшилось усилить туземное производство хлѣба и скота какими бы то ни было средствами. Этой цѣли оно старалось достигнуть посредствомъ вывозныхъ премій, которыми поощрялся вывозъ англійскаго хлѣба, посредствомъ вознагражденій за изобрѣтеніе земледѣльческихъ машинъ, за обработку нѣкоторыхъ родовъ хлѣба и кормовыхъ травъ. На ряду съ вывозными преміями, уничтоженными въ 1771 году и снова возобновленными въ 1791, существовали сверхъ того запретительные хлѣбные законы, постоянно державшіе цѣны хлѣба на значительной высотѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ цѣны сельскихъ продуктовъ на англійскихъ рынкахъ возрасли въ значительной степени и поземельная рента быстро повысилась, что и заставило сельскихъ хозяевъ обратить сильное вниманіе на земледѣліе. Капиталы тотчасъ же съ энергіею бросились на пріобрѣтеніе поземельной собственности, и цѣна земли значительно возрасла. Это было причиною, хотя насильственнаго, тѣмъ не менѣе гигантскаго развитія сельскаго хозяйства. Не думали о населеніи земли жителями, которые были бы довольны своею участію, но всѣми силами старались извлечь изъ нея возможно большее количество продуктовъ. Не заботились о дешевизнѣ хлѣба, а исключительно о томъ, чтобы доставало его, хотя бы и по высокой цѣнѣ для всѣхъ. На земледѣліе стали смотрѣть, какъ

на фабричную промышленность, а на землю, какъ на прядильный станокъ. Большая обработка сдѣлалась исключительно выгодною вслѣдствіе значительнаго распространенія и улучшенія скотоводства, благопріятствуемаго климатомъ и потребленіемъ, а также вслѣдствіе приложенія различныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій. Владѣніе и пользованіе землею стало предполагать владѣніе большими капиталами, безъ которыхъ хозяйство становилось невозможнымъ; ибо необходимо было быстро приступить къ болѣе раціональному хозяйству и къ совершенной перемѣнѣ обработки. Мелкіе собственники, при такихъ временныхъ условіяхъ, увидѣли себя въ чрезвычайно своеобразномъ положеніи. Они не владѣли достаточными капиталами, чтобы разомъ усвоить себѣ все необходимыя улучшения въ земледѣліи и конкурировать съ большими капиталистами; они не производили такой массы хлѣбныхъ продуктовъ, чтобы пользоваться вывозными преміями, а между тѣмъ цѣнность земли внезапно возрасла до небывалой прежде степени высоты. Понятно, что для многихъ мелкихъ собственниковъ весьма заманчиво было продать свою землю за высокія цѣны, предлагаемыя ландлордами и капиталистами, и съ вырученными капиталами переселиться въ города и заняться промышленными предпріятіями или сдѣлаться фермерами у богатыхъ земледѣльцевъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ на опытъ убѣдились, что, взявши въ аренду землю или отдавши свой капиталъ въ займы, они могли извлекать изъ него несравненно большій доходъ, нежели какой получали прежде изъ своей поземельной собственности, которую не могли надлежащимъ образомъ обрабатывать, вслѣдствіе быстрой перемѣны въ хозяйственныхъ условіяхъ. Поэтому одни добровольно продавали свои земли, другіе же, находившіеся въ менѣе счастливомъ положеніи и обремененные долгами, по необходимости должны были уступить свои земли богатымъ сосѣднимъ владѣльцамъ и капиталистамъ

и мало по малу превратились въ поденщиковъ ¹⁾. Не удивительно, что при подобныхъ условіяхъ помѣстья ландлордовъ и капиталистовъ достигли громадныхъ размѣровъ, тѣмъ болѣе что въ эту же эпоху совершается еще одно явленіе, благопріятное для большой собственности и неблагопріятное для мелкихъ земледѣльцевъ, именно переходъ общинныхъ земель въ частную собственность. Хотя общинныя и приходскія земли считались собственностью ландлордовъ и находились подъ ихъ покровительствомъ, тѣмъ не менѣе жители приходовъ имѣли полное право пользованія ими, право, которое доставляло имъ весьма значительную помощь въ ихъ быту, дозволяя при весьма малыхъ издержкахъ содержать на общественныхъ пастбищахъ коровъ, овецъ, свиней и птицъ. Право это, начиная съ XVIII столѣтія, исчезаетъ. При общемъ развитіи земледѣлія и возросшей цѣнности земли, ландлорды съ особеннымъ сожалѣніемъ начали смотрѣть на гренебреженіе этихъ частей своихъ помѣстій, которыя въ значительной степени могли увеличить ихъ доходъ. Поэтому они начали подавать просьбы парламенту о дозволеніи раздѣлить и огородить ихъ. Это предложеніе, по-видимому, столь вѣрно рассчитанное для развитія общественнаго богатства, не встрѣтило себѣ никакой оппозиціи, и съ 1719 по 1835 годъ издано около 3996 биллей of enclosure, вслѣдствіе которыхъ громадная масса общинныхъ земель была превращена въ частную собственность и подверглась обработкѣ. Превращеніе это, безъ всякаго сомнѣнія, было весьма выгодно для развитія общественнаго богатства; но къ сожалѣнію, вслѣдствіе способа раздѣла общинныхъ земель, выгоды

¹⁾ Schulze «National-oekonomische Bilder aus England's Volksleben»; 1853., стр. 88.—Rossbach «Geschichte der politischen Oekonomie»; 1856. т. 1, стр. 242.—Sugenheim. стр., 301.—De Lavergne «Essai sur l'écon. rurale de l'Angleterre». стр. 123.—Marshal «Rural Economy of Norfolk» т. 1, стр. 7.

эти были приобретены на счет благосостояния болѣе бѣднаго класса. Правда, при раздѣлѣ общинныхъ земель, жители приходоу, въ замѣнъ ихъ обычнаго права пользованія, получали нѣкоторое количество земли, но оно было самое незначительное, потому что на долю помѣщиковъ, по словамъ Леона Фоше, доставалась въ буквальный смыслъ слова львиная часть¹⁾. Понятно теперь, какимъ образомъ уничтоженіе общинныхъ имуществъ въ Англіи главнымъ образомъ обратилось въ пользу большой поземельной собственности. Незначительную долю, которую законъ не присудилъ имъ, они вскорѣ приобрѣли по низкой цѣнѣ, потому что имъ слѣдовало только подождать и, при вышеописанныхъ условіяхъ, бѣдность и плохое веденіе хозяйства не замедляли передать мелкую собственность въ ихъ руки. Эта экспроприация приходоу совершалась въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ преимущественно съ 1760 по 1834 годъ, когда, на основаніи 2000 биллей, около 6,840,540 акровъ было присоединено къ частной собственности и главнымъ образомъ къ богатству аристократовъ. Изъ 100 случаевъ, говоритъ Торнтонъ, въ 90 бѣдные потеряли свое право на общественныя земли безъ всякаго соотвѣтствующаго прочнаго вознагражденія²⁾.

Такимъ образомъ все содѣйствовало окончательной гибели мелкихъ собственниковъ. Благодаря совокупности этихъ условій мелкіе владѣльцы быстро исчезали; помѣстья же ландлордоу и капиталистоу постоянно возрастали тѣмъ болѣе, что къ числу всѣхъ вышеприведенныхъ причинъ присоеди-

¹⁾ Leon Faucher «Etudes sur Angleterre»; г. 1. стр. 345.

²⁾ Thornton «Overpopulation»; стр. 209.—Уничтоженіе общинныхъ земель въ Англіи посредствомъ inclosures началось съ Карла II. При Аннѣ было раздѣлено 1439 акровъ, при Георгѣ I — 17,660, при Георгѣ II — 318,778, при Георгѣ III до 1797 года—2,804,000; съ того же времени до 1832 г. — снова около 2.800,000 акровъ. Mac-Culloch «Statis. Account»; 1. 556.

нялась еще одна и притомъ весьма могущественная, именно вліяніе законодательства. Законодательство, управляющее поземельною собственностью въ Англіи, донинѣ носить на себѣ очевидные слѣды своего феодальнаго происхожденія и представляется большею частью прямымъ порожденіемъ феодальной системы, видоизмѣненной настолько, насколько безусловно того требовали условія времени и обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что скопленіе собственности никогда не достигло бы такихъ громадныхъ размѣровъ, еслибъ оно не находило могущественной поддержки въ способѣ наслѣдства поземельной собственности, которая еще въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ нераздѣльно переходитъ къ старшему сыну по праву первородства. Хотя въ настоящее время въ Англіи не существуетъ вполне замкнутой поземельной собственности, тѣмъ не менѣе, по нынѣшнимъ англійскимъ законамъ, въ случаѣ, если владѣлецъ помѣстья, находящагося въ полной и неограниченной его собственности (*in fee simple*), не оставитъ завѣщанія, то оно во всей совокупности переходитъ въ руки старшаго сына или вообще ближайшаго наслѣдника. Этотъ законъ господствуетъ въ Англіи съ самыхъ древнихъ временъ. Строгое право первородства въ полномъ своемъ приложеніи есть результатъ завоеванія и введенія развитой феодальной системы Норманами. По старинному саксонскому закону помѣстья дѣлились между сыновьями поровну; обычай доселѣ сохранившійся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англіи, именно въ Кентѣ и Вэльсѣ. По закону, господствовавшему въ Нормандіи, старшій сынъ имѣлъ право только на главное помѣстье отца, *primum patris feudum*; прочія же помѣстья дѣлились между другими сыновьями; въ случаѣ, если было одно помѣстье, то оно не дробилось, но облагалось пожизненною рентою до трети дохода въ пользу младшихъ сыновей. По завоеваніи же Англіи Норманами, для послѣдней былъ установленъ исклю-

чительный законъ. Съ цѣлью усилить герцога на тронѣ Англіи было постановлено, что всѣ розданныя помѣстья въ Англіи, должны были переходить къ старшему сыну, который получалъ также свой *primum feudum* въ Нормандіи. Помѣстья въ Англіи считались такимъ образомъ какъ бы придаточными частями Норманскаго *primum feudum*. Правда, черезъ 100 лѣтъ послѣ завоеванія, Генрихъ II пытался измѣнить аккумулятивный характеръ этого закона первородства и привести его къ Норманскому *primum feudum*, но попытка его не удалась. Бароны отвѣчали: «*nolumus leges Angliae mutare*», и законъ остался въ полной силѣ даже тогда, когда Нормандія отдѣлилась отъ Англіи. Норманскіе бароны удержали свои помѣстья въ Англіи и законъ первородства, существенно законъ завоеванія, установленный съ цѣлью удержать Англію въ рукахъ норманскихъ завоевателей, продолжалъ существовать. Мало того: въ XIII столѣтіи, въ царствованіе Эдуарда I-го, дворянству удалось вытребовать у королевской власти законъ «*de donis conditionalibus*», учреждавшій систему постоянныхъ фидеикомиссовъ, по которой способъ и порядокъ наслѣдства могъ быть опредѣленъ по волѣ учредителя фидеикомисса на всѣ времена и поколѣнія «*secundum formam in charta doni expressam*». Всякое отчужденіе имѣло значеніе только во время жизни владѣльца, послѣ же его смерти каждый преемникъ могъ оспаривать отчужденіе посредствомъ «*claiming under the entail*». Законъ этотъ имѣлъ главною цѣлью не только предупредить отчужденіе, но также сдѣлать невозможными королевскія конфискаціи въ случаѣ преступленій или измѣны. Въ этомъ видѣ законъ продолжалъ существовать въ теченіе двухъ столѣтій; но, по словамъ англійскихъ юристовъ, онъ имѣлъ самыя вредныя и безнравственныя послѣдствія. Дѣти отказывались отъ повиновенія родителямъ, потому что знали, что ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть лишены наслѣдства; фер-

меры нередко подвергались нарушенію контрактовъ, заключенныхъ послѣдними владѣльцами, ибо, еслибы эти контракты и оставались въ силѣ, то подъ видомъ долгосрочныхъ арендъ, можно было бы лишать наслѣдства преемниковъ; кредиторы и покупщики земель были весьма часто обманываемы въ своихъ законныхъ требованіяхъ, потому что часто существовали тайные фидеикомиссы «latent entails»; наконецъ, этимъ поощрялись измѣны, потому что подобныя помѣстья могли быть отобраны только на время жизни владѣльца, но не отъ наслѣдниковъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого строгая фидеикомиссная замкнутость поземельной собственности вскорѣ найдена вредною и, несмотря на сопротивленіе сословныхъ интересовъ дворянства, весьма рано подверглась измѣненіямъ. Въ особенности въ царствованіи Генриховъ VII и VIII, старавшихся сломить могущество аристократіи, было издано множество постановленій, ограничивавшихъ право учрежденія фидеикомиссовъ ²⁾. Благодаря множеству подобныхъ смягченій, прежнее строгое фидеикомиссное устройство было постепенно смягчено; тѣмъ не менѣе окончательное запрещеніе учрежденія постоянныхъ фидеикомиссовъ положительнымъ закономъ, было сдѣлано для Англіи только при Вильгельмѣ IV въ 1831 году ³⁾.

Но хотя въ 1831 году строгая форма фидеикомиссовъ была запрещена, тѣмъ не менѣе мѣсто ихъ заступили такъ называемыя settlements, болѣе свободная форма тѣхъ же фидеикомиссовъ, допускающая субституціи, но только въ ограниченной мѣрѣ. Нынѣшніе англійскіе законы даютъ каждому пол-

¹⁾ Blackstone «Commentaries»; b. II. ch. 7.—Gneist «Adel und Ritterschaft».—Mac-Culloch «Upon succession».

²⁾ Gneist «Adel und Ritterschaft»; стр. 83.

³⁾ Въ Шотландіи еще нынѣ половина поземельной собственности подлежитъ подобнымъ фидеикомиссамъ Smith «Wealth of nation», edit. of Mac-Culloch, стр. 557.—Mac-Culloch «Upon succession». стр. 48.

ному владѣльцу своего помѣстья (in fee simple) право не только свободно и неограниченно распоряжаться имъ во время своей жизни и предоставлять кому угодно послѣ смерти посредствомъ завѣщанія; но также дозволяютъ ему учреждать субституціи относительно наслѣдства поземельной собственности для всего живущаго поколѣнія, а также до совершеннолѣтія (21 года) одного, впередъ обозначеннаго, еще неродившагося наслѣдника, который называется «tenant in tail». Посредствомъ этихъ же субституцій, сверхъ опредѣленнаго порядка наслѣдованія поземельной собственности, могутъ быть также учреждены обязательныя постановленія относительно обремененія земли долгами, отчужденія отдѣльныхъ частей, вдовьихъ денегъ, приданаго и долей наслѣдства братьевъ и сестеръ владѣльца и т. д. Только по истеченіи этого срока, при совершеннолѣтіи субститута, субституція прекращается и поземельная собственность становится вполнѣ свободною, какъ для отчужденія, такъ и для новой субституціи, которая, по вкоренившемуся обычаю, тотчасъ же и учреждается ¹⁾. Впрочемъ, и по достиженіи совершеннолѣтія, субститутъ (tenant in tail) только тогда получаетъ полное право распоряженія, когда лица, которые имѣли право на пользованіе наслѣдствомъ прежде его совершеннолѣтія, не существуютъ или согласны на продажу и отчужденіе.

Легко опредѣлить себѣ послѣдствія подобнаго законодательства на распредѣленіе поземельной собственности. Законы эти, дозволяя поземельнымъ собственникамъ распоряжаться своими помѣстьями такъ, что во многихъ случаяхъ, по словамъ Англичанъ, имѣнія въ теченіе 50, 60, 80 и иногда даже 100 лѣтъ послѣ совершенія завѣщанія, не могутъ быть проданы, какъ бы это ни было выгодно для наслѣдниковъ и лицъ

¹⁾ Kay, «The social condition and education of the people»; t. I.

заинтересованныхъ, естественнымъ образомъ должны были содѣйствовать постоянному скопленію поземельной собственности въ рукахъ немногихъ владѣльцевъ. Если мы присоединимъ къ этому всю неясность и запутанность англійскаго законодательства относительно поземельной собственности, написаннаго самымъ техническимъ и замысловатымъ языкомъ, доступнымъ только самымъ ученымъ спеціалистамъ, вслѣдствіе чего для собственника трудно и дорого бываетъ опредѣлить собственные права на землю; если мы присоединимъ далѣе то обстоятельство, что вслѣдствіе той же системы, покровительствующей большой собственности, государство не беретъ никакого налога съ того, кто наследуетъ свое имѣніе по завѣщанію, между тѣмъ какъ передачу земли посредствомъ продажи подвергаетъ высокимъ пошлинамъ, то нельзя не признать, что это почти равняется совершенному запрещенію. Не удивительно, что при подобныхъ условіяхъ, дѣйствовавшихъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, большая поземельная собственность, благопріятствуемая и безъ того различными историческими и экономическими переворотами, распространялась все болѣе и болѣе и наконецъ, захватила собою всю территорію Великобританіи, истребляя въ своемъ постепенномъ историческомъ движеніи сословіе мелкихъ землевладѣльцевъ, эту здоровую и сильную расу крестьянъ—«a bold peasantry country's pride», которою гордилась старинная Англія и которую съ любовью воспѣвали поэты.

Еще въ 1786 году число самостоятельныхъ поземельныхъ собственниковъ простиралась въ одной Англіи до 250,000 ¹⁾ и значительная часть ихъ состояла изъ мелкихъ собственниковъ; по окончаніи французскихъ революціонныхъ войнъ, въ те-

¹⁾ Schulze «National-ökonomische Bilder»; etc. стр. 91.—Смѣть считалъ около 220,000 собственниковъ». Carey «The slave trade»; London. 1853. стр. 212. Smith's Wealth of nation.

ченіе 30 лѣтъ, число это уменьшилось до $\frac{1}{8}$ части и составляло немногимъ болѣе 30,000 ¹⁾); а въ 1831 году, по Шуберту и другимъ, число самостоятельныхъ собственниковъ составляло уже только 7,200, и изъ нихъ 600 было чрезмѣрно богатыхъ ²⁾). Хотя трудно опредѣлить, какую степень достовѣрности имѣетъ послѣдняя цифра, тѣмъ не менѣе извѣстно, что въ 1815 году 19 поземельныхъ собственниковъ владѣли ежегоднымъ чистымъ доходомъ въ 1,634,000 фунтовъ стерлинговъ, изъ коихъ богатѣйшій, герцогъ норсомберландскій, имѣлъ 125,000 фунг. стер. дохода; бѣднѣйшій же, герцогъ лейчестерскій — 52,000 фунт. стер. и притомъ этотъ доходъ былъ оцѣненъ для налога, слѣдовательно не слишкомъ высоко. Съ тѣхъ же поръ поземельная собственность сосредоточилась еще болѣе и въ настоящее время, по свидѣтельству самого Макъ-Кулоха и Делаверня, третья часть поземельной собственности находится въ рукахъ 2000 владѣльцевъ и до-

¹⁾ Lette «Die Vertheilung des Grundeigenthums», стр. 62.—Bruno Hildebrand «Die National-Oekonomie der Gegenwart und Zukunft», стр. 237.—Moreau de Ionnes «Statist. de l'Angleterre».—Kay «The social condition and educat. of the people», т. 1. стр. 370 — Colman «The European agriculture», стр. 337.—Sugenheim «Geschichte der Aufheb. der Leibeig.» стр. 303 etc.

²⁾ Schubert «Handbuch der allgemeinen Staatskunde von Europa», ч. 2. стр. 409.—Вообще статистическія данныя о количествѣ поземельныхъ владѣній въ Англіи весьма неопредѣлены и чрезвычайно разнятся другъ отъ друга. Одни основываются на Black book, т. е. на собраніи документовъ или изслѣдованій, сдѣланныхъ ради различныхъ административныхъ цѣлей; другія на парламентскихъ рѣчахъ, въ которыхъ упоминаются нѣкоторыя цифры; третьи выводятся, наконецъ, просто изъ соображеній. Разности въ этихъ цифрахъ страшныя. По Шуберту, напр., въ 1831 году было только 7,200 самостоятельныхъ собственниковъ; по другимъ число всѣхъ поземельныхъ собственниковъ простиралось до 30,000 съ небольшимъ; Макъ-Кулохъ же (Statistical Account of the British Empire. ч. 1. стр. 451), основываясь на старинномъ авторитетѣ доктора

ставляетъ этимъ избранникамъ среднимъ числомъ каждому болѣе 60,000 руб. сер. дохода ¹⁾); по свидѣтельству же другихъ въ рукахъ большихъ собственниковъ находится $\frac{9}{10}$ всей поверхности Великобританіи ²⁾). Остатки прежнихъ йоменовъ встрѣчаются нынѣ только въ наиболѣе отдаленныхъ углахъ Англіи: въ Кентѣ, Юркширѣ, преимущественно въ Кумберландѣ, Вестморландѣ и на Британскихъ островахъ. По словамъ Макъ-Кулоха, большая часть Кумберландскаго и Вестморландскаго графства еще недавно состояла изъ мелкихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ, называвшіеся «lairds» или «statesmen», собственноручно обрабатывали свои земли и пользовались доходомъ отъ 10 до 150 фунтовъ въ годъ. Онъ приводитъ слова Байлея и Кюллей, которые, хотя и не совсѣмъ благосклонно отзываются о способѣ ихъ хозяйства, говоря, что они вмѣстѣ съ своими помѣстьями наслѣдовали отъ своихъ предковъ и понятія объ ихъ обработкѣ, тѣмъ не менѣе свидѣлствуютъ,

Бика (Бееке), считалъ количество поземельныхъ собственниковъ для Англіи и Вэльса въ 200,000. Но эта цифра, приводимая Макъ-Кулохомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть признана достоверною; ибо въ 1851 году въ Англіи и Вэльсѣ съ островами число фермеровъ простиралось только до 227,228, слѣдовательно, принявши эту цифру, нужно допустить, что число поземельныхъ собственниковъ было почти одинаково съ количествомъ фермеровъ. Известно же, что большая часть Англіи, именно $\frac{9}{10}$ частей обрабатываются фермерами, и что нѣкоторые богатые частные землевладѣльцы считаютъ фермеровъ десятками и даже нерѣдко сотнями. Точно также не имѣетъ особой достовѣрности цифра, приводимая Делавернемъ, который, на основаніи рѣчи Д'Израэли, произнесенной въ Палатѣ общинъ въ 1850 году, принимаетъ общее число поземельныхъ собственниковъ во всѣхъ трехъ королевствахъ въ 250,000. Что касается Шотландіи, то общее число всѣхъ поземельныхъ собственниковъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, считалось до 7,800; число же фермъ до 54,873. Mac-Culloch «Statist. acc. of the Brit. Emp.»; ч. I. стр. 568.

¹⁾ De Lavergne «Essai sur l'éc. rur. de l'Anglet»; стр. 102.

²⁾ Rossbach «Geschichte der polit. Oekon.» стр. 245.

что они чрезвычайно довольны своимъ положеніемъ, отличаются умѣренностью, честнымъ и искреннимъ характеромъ и вообще пользуются рѣдкимъ довольствомъ ¹⁾. Но и эти захластья, въ которыхъ сохранились печальные остатки нѣкогда многочисленнаго сословія крестьянъ-собственниковъ представляются нынѣ, какъ бы обреченными на жертву и гибель неумолимымъ приговоромъ судьбы или, правильнѣе сказать, недостаточнаго общественнаго устройства, закрывающаго для нихъ всякую возможность удержать за собою поземельную собственность. Осенью 1849 года Кэй посѣтилъ Вестморландъ съ цѣлью изучить настоящее положеніе этихъ послѣднихъ остатковъ прежнихъ крестьянъ-собственниковъ и рисуетъ самую печальную картину окончательнаго исчезновенія ихъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ имъ, большіе поземельные собственники пользуются каждымъ случаемъ скупить земли ихъ и включить ихъ въ свои settlements. Какъ скоро объявляется о продажѣ мелкаго имѣнья, большіе землевладѣльцы перебиваютъ его у крестьянъ и покупаютъ во что бы то ни стало. Вскорѣ, прибавляетъ онъ, не останется ни одного изъ нихъ и всѣ они будутъ поглощены большими помѣстьями ²⁾.

Такимъ образомъ, благодаря отчасти различнымъ историческимъ условіямъ, отчасти вслѣдствіе вліянія еще нынѣ дѣйствующаго законодательства, основаннаго на средне-вѣковыхъ началахъ, большая поземельная собственность, постепенно поглощая мелкія крестьянскія владѣнія, достигла наконецъ исключительнаго господства въ Великобританіи и нынѣ составляетъ характеристическую черту англійскаго хозяйства,

¹⁾ Bailey and Culley «Report on Northumberland, Cumberland» etc. стр. 181. — Mac Culloch «Statist. acc»; т. I. стр. 145.

²⁾ Kay «The social condition and education of the people», ч. 1. стр. 368 и слѣд. См. также James Caird «English agriculture in 1850—1851», стр. 360.

оказывая громадное вліяніе на положеніе земледѣльческаго класса. Что это вліяніе въ высшей степени неблагопріятно, въ этомъ удостовѣряютъ насъ всѣ писатели, тщательно изучавшіе этотъ вопросъ. Эта поземельная организація, основанная на одностороннемъ преобладаніи большой собственности, закрывая большинству населенія доступъ къ землевладѣнію повергаетъ его въ самое бѣдственное и угнетенное положеніе, лишаетъ его побужденій къ экономіи и воздержанію, уничтожаетъ возможность перехода къ высшей общественной ступени и дѣлаетъ невозможнымъ его человѣческое и нравственное возвышеніе.

Что касается, во первыхъ, до матеріальнаго положенія земледѣльческаго класса, то оно представляется въ самомъ бѣдственномъ видѣ. «Туземцы новой Зеландіи, говоритъ Лэнгъ, пользуются жилищами болѣе соотвѣтствующими требованіямъ и условіямъ образованной жизни, нежели крестьяне въ большей части Великобританіи и Ирландіи, живущіе въ темныхъ однокомнатныхъ жилищахъ, въ которыхъ не только не можетъ быть вопроса о домашнемъ комфортѣ и чистотѣ, но гдѣ едва можетъ быть соблюдено необходимое раздѣленіе половъ» ¹⁾. Что эти слова нисколько не преувеличены, въ этомъ всякій можетъ убѣдиться изъ сочиненія Кэя, гдѣ во всей подробности представляется печальное положеніе жилищъ земледѣльческаго населенія въ различныхъ графствахъ Англіи ²⁾. «Даже тѣ, которые самымъ рѣшительнымъ образомъ убѣждены въ производительности англійскаго земледѣлія», говоритъ Фосетъ въ недавно изданномъ трактатѣ политической экономіи, «должны чувствовать, что положеніе земледѣльческаго сословія самое неудовлетворительное; потому что немногіе классы

¹⁾ Samuel Laing «Residence in Norway». 1851. стр. 35.

²⁾ Kay «The social condition and education of the people in England and Europa». 1850. т. I. стр. 471—560.

рабочниковъ столь несчастны, какъ англійскіе земледѣльцы. Они находятся въ столь бѣдственномъ положеніи, что еслибы завтра были превращены въ крѣпостныхъ, то интересъ самихъ господъ побудилъ бы содержать ихъ лучше, нежели они содержатся нынѣ. Во всѣхъ мѣстностяхъ, не находящихся вблизи мануфактурныхъ городовъ, 10 шиллинговъ въ недѣлю составляютъ тахітм заработной платы въ зимніе мѣсяцы. Минутнаго соображенія достаточно, чтобы убѣдиться, что подобная заработная плата недостаточна для удовлетворенія самыхъ первыхъ жизненныхъ потребностей. Мясо можетъ быть употребляемо не болѣе, какъ одинъ разъ въ недѣлю, а между тѣмъ тѣ, которые должны существовать подобною скудною пищею, болѣе всѣхъ подвержены суровости нашего измѣнчиваго климата. Подобная заработная плата не позволяетъ дѣлать самыхъ необходимыхъ сбереженій для случаевъ болѣзни, слабости или старости. Во всемъ земледѣльческомъ округѣ, хорошо мнѣ извѣстномъ, большинство земледѣльческихъ рабочихъ не можетъ сберечь ни одного пенни; трудовая жизнь и самая неутомимая дѣятельность не представляютъ для нихъ другой перспективы, кромѣ бѣдственной старости, потому что тогда они становятся или бѣдными въ рабочихъ домахъ, или умоляющими нищими должны обращаться къ приходской помощи. Но физическія страданія, неразлучныя съ бѣдностью, не составляютъ еще худшей черты ихъ положенія; невѣжество ихъ столь же полно, какъ и бѣдность. Улучшенныя школы, громадныя пожертвованія и всеобщая ревность относительно образованія бѣдныхъ остаются безъ всякаго успѣха для образованія земледѣльческихъ рабочихъ. Причина этого очевидна, и трудно найти противъ нея средство. Когда дѣти оставляютъ школу восьми или девяти лѣтъ, чтобы сдѣлаться пахарями, немного выученное ими вскорѣ забывается, и вслѣдствіе этого въ большихъ земледѣльческихъ деревняхъ

нѣтъ молодаго человѣка, который могъ бы достаточно хорошо читать, чтобы понимать газеты. Пожалуй, можно обвинять родителей въ томъ, что они пренебрегаютъ благосостояніемъ дѣтей; но какъ можно ожидать отъ тѣхъ, которые находятся въ столь бѣдственномъ положеніи, чтобы они жертвовали двумя шиллингами въ недѣлю, которые дитя восьми или девяти лѣтъ легко можетъ заработать? Другія страны также, безъ сомнѣнія, имѣютъ столь же бѣдныхъ и невѣжественныхъ земледѣльцевъ, но бѣдность и невѣжество усиливаются, когда находятся въ поразительномъ контрастѣ съ накопленными богатствами и прославленною цивилизаціею, ихъ окружающею» ¹⁾. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ американскій агрономъ Колманъ, что положеніе земледѣльческаго класса въ Англіи чрезвычайно печальное. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно можетъ быть названо сноснымъ, но въ рѣдкихъ можетъ считаться благоденствующимъ. Трудъ ихъ не очень тяжелъ; съ ними рѣдко обращаются неласково и сурово; они прилично одѣты и вообще существуетъ значительное стремленіе помочь имъ и облегчить ихъ бѣдствія въ болѣзни и несчастіи. Но они кормятся весьма бѣдно; за нѣкоторыми исключеніями помѣщены весьма скверно; заработная плата недостаточна для безбѣднаго существованія, и положеніе ихъ мало или почти совсѣмъ не представляетъ надежды на улучшеніе; ибо улучшить его зависитъ не отъ нихъ» ²⁾. «При всѣхъ усиліяхъ, англійскіе работники ни въ какомъ случаѣ не могутъ собрать чего-либо для старости или болѣзни. Они рѣдко могутъ измѣнить свое положеніе, и многіе изъ нихъ, мужчины и женщины, живутъ и умираютъ въ той же службѣ.... Нельзя не признать тяжелымъ положеніе, которое при самомъ про-

¹⁾ Fawcett «Manual of political Economy». 1863. стр. 213.

²⁾ Colman «European agriculture». 1844—1845. стр. 63.

должительномъ и неизмѣнномъ трудѣ въ теченіе столь многихъ лѣтъ не позволяетъ дѣятельному и бережливому работнику собрать небольшую сумму для старости и болѣзни, и притомъ въ странѣ, гдѣ въ рукахъ немногихъ накоплены громадныя богатства, истекающія изъ этого труда» ¹⁾. «Тяжело думать, что среди величайшаго изобилія человѣческой пищи, безчисленное множество тѣхъ, трудомъ которыхъ эта пища производится, въ дѣйствительности страдаютъ и гибнутъ отъ голода; что тамъ, гдѣ 10 милліоновъ акровъ земли, способной къ производству, лежатъ невоздѣланными, милліоны рукъ, которыя могли бы воздѣлать, обогатить и украсить эти пустыни, остаются безъ работы, и что въ странѣ, гдѣ накопленіе богатствъ превосходитъ видѣнія восточнаго блеска и великолѣпія, существуетъ съ другой стороны такой контрастъ, который превышаетъ силу воображенія, и которому можно повѣрить только на основаніи неопровержимой и подавляющей дѣйствительности» ²⁾.

Но, если матеріальное и умственное положеніе земледѣльческаго класса Англіи представляется нынѣ въ самомъ бѣдственномъ положеніи, то еще хуже его общественное положеніе. Главное зло нынѣшняго устройства поземельной собственности заключается именно въ томъ, что земледѣльческій работникъ никогда не можетъ выйти и подняться изъ своего состоянія; вѣчно осужденъ оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ рожденъ. «Once a peasant in England, говорилъ Times въ 1844 году, and the man must remain a peasant for ever». «Англіійскій работникъ, говоритъ одинъ изъ ассистентовъ коммисіи о бѣдныхъ, если онъ даже обладаетъ необыкновенными способностями, почти не имѣетъ возможности подняться въ

¹⁾ Colman «European agriculture». стр. 41.

²⁾ Ibidem. стр. 63.

свѣтъ и сдѣлаться мелкимъ фермеромъ. Онъ начинаетъ свое поприще недѣльнымъ работникомъ, и, по всей вѣроятности, каковы бы ни были его способности и дѣятельность, онъ кончитъ свои дни такимъ же недѣльнымъ работникомъ. Это лучшая сторона картины; какова же обратная ея сторона? Если онъ не имѣетъ шансовъ подняться въ обществѣ, то сколько шансовъ имѣетъ онъ паденія? Если онъ лишится занятія, если онъ имѣетъ большую семью, дочерей или малыхъ дѣтей, если онъ поддастся искушенію и пріобрѣтетъ дурныя привычки, что тогда будетъ съ нимъ? Отвѣтъ очевиденъ. На время ему поможетъ случайная помощь и борьба противъ крайнихъ лишеній; но если бѣдствіе продолжится, то окончательною его участью будетъ одно изъ двухъ: или его зачислятъ въ среду 1,072,978 бѣдныхъ, получающихъ приходскую помощь по новому закону о бѣдныхъ; или голодъ принудитъ его переселиться изъ деревни въ городъ, гдѣ онъ будетъ поглощенъ волною населенія, занимающаго погреба и другія подобныя жилища и живущаго невѣрною заработною платою самыхъ низкихъ отраслей промышленности или посредствомъ воровства, разврата и случайныхъ занятій» ¹⁾).

Въ подобныхъ же словахъ выражается Кэй. «Земледѣлецъ, говоритъ онъ, не имѣетъ болѣе никакой связи съ землею, имъ обрабатываемою; онъ не имѣетъ ни кола, ни двора; ему нечего терять, нечего защищать, не на что надѣяться. Мелкія владѣнія фригольдеровъ съ давняго времени скуплены и слились съ большими помѣстьями; владѣнія копигольдеровъ также почти исчезли; общинныя земли, на которыхъ крестьянинъ имѣлъ нѣкогда право пасти свой скотъ для своего употребленія и гдѣ происходили игры и забавы сельскихъ жителей, подверглись той же участи: были раздѣлены и нынѣ составляютъ часть владѣ-

¹⁾ Laing's Prize Adress.—Colman «Europ. agric.» стр. 72.

ній большихъ ландлордовъ. Мелкія аренды разнаго рода также почти исчезли; фермы, постепенно возрастая въ своемъ объемѣ, достигли въ настоящее время во многихъ мѣстахъ такихъ размѣровъ и требуютъ такого количества капитала, которое далеко превосходитъ средства крестьянина. Бездна между положеніемъ земледѣльческаго работника и слѣдующею общественною ступенью — фермерствомъ, съ каждымъ днемъ расширяется. Земледѣлецъ такимъ образомъ лишенъ всякой возможности улучшить свою участь. Положеніе его есть положеніе безнадежной и неизмѣнной зависимости. Рабочій домъ (work-house) стоитъ вблизи его, указывая ему мрачную судьбу, ожидающую его, если онъ отступитъ еще шагъ назадъ, и, какъ страшное пугало, предостерегаетъ его удалиться въ болѣе гостепріимныя страны, гдѣ нѣтъ средне-вѣковыхъ учрежденій, препятствующихъ его трудолюбивымъ усиліямъ» ¹⁾).

Вслѣдствіе такого безнадежнаго положенія сотни заслуживающихъ уваженія, трудолюбивыхъ и бережливыхъ земледѣльцевъ, вынуждаются переселяться въ чужую сторону; потому что на родинѣ, при всей энергіи труда и бережливости, не могутъ пріобрѣсти ни клочка земли для самостоятельнаго существованія. А между тѣмъ люди эти составляютъ кости и мясо политическаго тѣла, и потеря ихъ наноситъ вредъ цѣлому обществу. Не удивительно, что подобная невозможность подняться изъ низкаго состоянія, на которое осудила судьба при рожденіи, соединенная съ невѣжествомъ и бѣдственнымъ матеріальнымъ положеніемъ, дѣлаетъ англійскаго земледѣльческаго работника въ высшей степени безпечнымъ и непредусмотрительнымъ и имѣетъ самое гибельное вліяніе на его нравственный характеръ. Этимъ объясняется, почему во многихъ земледѣльческихъ округахъ Англіи встрѣчается несравненно большая без-

¹⁾ Kay «The social cond. and educ. of the people»; т. I. стр. 362.

нравственность и несравненно большее количество преступлений, нежели даже въ мануфактурныхъ округахъ ¹⁾. Одинъ изъ земледѣльческихъ подрядчиковъ (gang-master), который въ теченіе 17 лѣтъ занимался наймомъ земледѣльческихъ работниковъ, подъ присягою показалъ, что изъ 100 дѣвушекъ, работающихъ въ селахъ, 70 становятся распутными ²⁾.

Такимъ образомъ нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшнее поземельное устройство Англіи имѣетъ самое гибельное вліяніе на положеніе земледѣльческаго класса. Оно поставляетъ работниковъ въ зависимое и полурабское отношеніе, изъ котораго они никогда немогутъ подняться, несмотря на всѣ усилія. Они не рабы, говоритъ Колманъ, но они и не свободны. Свобода и независимость суть для нихъ пустыя слова безъ значенія. На рукахъ ихъ не видно цѣпей, но тѣмъ глубже желѣзо въѣлось въ ихъ души. Члены ихъ свободны, но духъ ихъ порабощенъ. И что всего хуже при настоящемъ устройствѣ общества, даже самые ревностные защитники не видятъ никакой возможности произвести какую-либо важную перемѣну въ положеніи рабочаго класса и сколько-нибудь измѣнить бѣдственное положеніе его.

Но, не вдаваясь въ болѣе подробное описаніе бѣдственнаго положенія англійскихъ сельскихъ работниковъ, достаточно указать на одинъ многозначительный фактъ — на громадное развитіе пауперизма и пролетаріата, чтобы убѣдиться въ ненормальности экономического и соціальнаго положенія Англіи. Хотя развитіе пауперизма въ Англіи обусловливается весьма разнообразными причинами, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что это явленіе находится главнымъ образомъ въ са-

¹⁾ Colman «Europ. agric»; стр. 55 и 56. — Léon Faucher «Etudes sur l'Angleterre».

²⁾ Kay «The social condition and educ. of the people», т. I. стр. 370 и сл. — Ср. также Leon Faucher «Etudes sur l'Angleterre».

мой тѣсной связи съ чрезмѣрнымъ скопленіемъ поземельной собственности. Уже знаменитый владѣлецъ Абботсфорта, Вальтеръ Скотъ, посвятившій большую статью въ «Foreign Quarterly Review» изысканію причинъ печальнаго положенія сельскаго населенія въ Англіи, указываетъ на уничтоженіе мелкой собственности, на постоянную экспроприацію сельскаго населенія и на прогрессивное развитіе большой обработки и большой собственности, какъ на главную причину страданій и бѣдствій, тяготящихся надъ сельскимъ населеніемъ. Между прочимъ, онъ приводитъ въ примѣръ одинъ приходъ (North Creek) въ Норфолькѣ, который въ 1798 году платилъ ежегодно въ пользу бѣдныхъ 11 шил. 6 пен., черезъ 20 же лѣтъ, когда большіе собственники заняли общинныя имущества и ввели большую обработку, онъ платилъ уже 25 фун. стерл. Тоже совершилось въ другихъ мѣстахъ. Въ 4 приходахъ Суссекскаго графства въ 1818 году не было уже ни одного малаго усадебника, ни общественныхъ пастбищъ, и въ то же время сборъ на бѣдныхъ дошелъ до 11,392 фунт. стерл. Единственное средство противъ постоянно возрастающаго зла заключается, по его мнѣнію, въ возвращеніи къ раздѣленію земли между земледѣльческимъ народонаселеніемъ. Онъ увѣщаетъ владѣльцевъ предупредить опасность неминуемой страшной реакціи раздачею большей части своихъ земель мелкимъ фермерамъ за справедливую и умѣренную ренту. Онъ предсказываетъ имъ, что если постепенно не будетъ произведено лучшее распредѣленіе поземельной собственности, то страшныя бѣдствія, плодъ лишенія собственности многочисленнаго населенія, не замедлятъ наказать непредусмотрительный эгоизмъ.

Несмотря на предостереженіе великаго романиста, положеніе съ тѣхъ поръ нисколько не измѣнилось. Напротивъ, система большой собственности и большой обработки продолжала дѣлать новые успѣхи, и положеніе земледѣльческаго класса

становилось съ каждымъ днемъ необеспеченіе и хуже. Народонаселеніе, постепенно вытѣсняемое изъ деревень, громадными массами приливало въ города и промышленные центры, гдѣ надѣялось найти работу и пропитаніе, но промышленность, несмотря на свое громадное и безпримѣрное развитіе, не всегда могла занять свободныя руки, и значительныя массы народонаселенія; тѣснимыя неблагоприятными экономическими условіями, весьма часто должны были искать себѣ средства жизни въ общественной благотворительности или оставлять неблагоприятную родину, которая, несмотря на безпримѣрные богатства, не могла дать имъ достаточнаго существованія. Отсюда громадное число благотворительныхъ заведеній, которыя, по челоуѣколюбію и внушенію совѣсти, устраиваются высшими сословіями; отсюда неизмѣнно сильная эмиграція, которая, по послѣднимъ извѣстіямъ, въ 1855 г. простиралась до 178,807 челоуѣкъ, въ 1856 — до 176,654, въ 1857 — до 202,000, въ 1858 — до 78,500; отсюда, наконецъ, постоянное возрастаніе налога для бѣдныхъ, составляющаго необходимое дополненіе недостаточной заработной платы земледѣльческимъ работникамъ и сумма котораго въ 1857 году достигала громадной цифры 8,139,000, а въ 1858 — 8,188,880 фунтовъ стерлинговъ ¹⁾).

Правда, сосредоточеніе поземельной собственности, повидимому, не только не препятствовало развитію земледѣльческаго богатства; напротивъ, судя по виду страны, даже будто бы содѣйствовало ему. Ни одна страна не сдѣлала такихъ громадныхъ успѣховъ въ земледѣліи въ послѣднее столѣтіе, какъ Англія; нигдѣ земледѣльская промышленность не достигла такой высоты въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ. Земля стала давать

¹⁾ Francqueville «Les institut. pol., jurid. et admin. de l'Angl.» стр. 519.—Ж. М. Г. И. 1859. Апрѣль: «Нѣкоторыя черты изъ жизни Великобританіи».

болѣе, нежели въ баснословныя времена Египта; искусственныя орошенія, химическія удобренія, осушенія превратили безплодныя земли и болота въ плодороднѣйшія поля; въ земледѣліи употребляются самыя лучшія орудія, производится самый лучшій скотъ; на зеленыхъ поляхъ пасутся овцы удивительной величины и тучности; по странѣ разсѣяны отличныя образцовыя хозяйственныя строенія, великолѣбныя замки, изящныя парки и луга.

Очевидно, повидимому, что большая собственность, если и не успѣла обезпечить участи земледѣльческаго населенія, то по крайней мѣрѣ способствовала развитію земледѣльческаго богатства. Многіе агрономы и экономисты считаютъ это непреложною истиною и между сосредоточеніемъ поземельной собственности и развитіемъ земледѣлія находятъ самую тѣсную внутреннюю связь. Но, по нашему мнѣнію, это не болѣе какъ оптический обманъ. Если земледѣліе въ Англіи сдѣлало громадныя и поразительныя успѣхи, то этимъ оно обязано совершенно инымъ условіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при тѣхъ благопріятныхъ промышленныхъ и торговыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится Англія, при томъ богатствѣ капиталовъ, которое приливаетъ въ эту страну со всѣхъ концовъ міра, при томъ обезпеченномъ сбытѣ, долговременномъ порядкѣ и внутренней тишинѣ, которыми такъ долго пользовалась Англія, можно было бы достигнуть даже несравненно болѣе громадныхъ результатовъ въ земледѣліи и болѣе прочнаго существованія, основаннаго на собственномъ производствѣ, а не на столь гибельной зависимости въ этомъ отношеніи отъ чужаго произвола, отъ различныхъ внѣшнихъ и случайныхъ условій. При лучшемъ распредѣленіи поземельной собственности не только производство было бы несравненно могущественнѣе, но и тѣ массы народонаселенія, которыя ищутъ нынѣ средствъ пропитанія вдали отъ своего отечества, могли бы найти себѣ

достаточное и безбѣдственное существованіе на родинѣ, столь дорогой для cadaго. Для этого достаточно вспомнить, что въ настоящее время, при нынѣшнемъ устройствѣ поземельной собственности болѣе 10 милліоновъ акровъ способной къ воздѣлыванію земли остаются безъ обработки и находятся еще въ распоряженіи англійскаго народа. Что дѣйствительно иное устройство поземельной собственности могло бы содѣйствовать большому увеличенію производства и большому развитію земледѣлія при тѣхъ условіяхъ, какими обладаетъ Англія въ своей политической организаціи, въ своей громадной промышленной и торговой дѣятельности и богатствѣ капиталовъ, это почти несомнѣнно при видѣ тѣхъ примѣровъ, которые представляетъ сама же Англія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Чтобы убѣдиться въ возможности подобныхъ счастливыхъ результатовъ стоитъ только взглянуть на острова Ламанскаго пролива. Блестательныя послѣдствія мелкой обработки на этихъ островахъ внушили Торнтону самыя прекрасныя страницы въ его «защитѣ крестьянъ-собственниковъ». Съ тѣхъ поръ приводитъ примѣромъ успѣшности и производительности земледѣлія у мелкихъ собственников на островахъ Ламанша сдѣлалось почти общимъ мѣстомъ у экономистовъ. Положеніе собственности здѣсь можетъ служить яснымъ доказательствомъ того, что можетъ сдѣлать сельскохозяйственная промышленность, какъ и всякая другая, если она не смущается никакими политическими, общественными и экономическими безпорядками. На этихъ островахъ не существуетъ закона первородства; поземельныя владѣнія чрезвычайно раздроблены, но земледѣліе и общее благосостояніе стоятъ на самой высокой степени.

По словамъ Делаверня и другихъ, островъ Джерси представляетъ собою какой-то усовершенствованный идиллическій край, въ которомъ богатство и довольство превышаютъ собою все, что только можно вообразить себѣ. Этотъ уголокъ земли

постоянно пользовался въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ независимостью, спокойствіемъ и миромъ; онъ не испыталъ ни дурнаго управленія, ни войнъ, ни революцій и пользовался даже болѣе благопріятными условіями въ этомъ отношеніи, нежели самая Англія. Не удивительно, что послѣдствія были самыя благопріятныя. Несмотря на гранитную и тощую почву, видъ острова, по свидѣтельству всѣхъ очевидцевъ, превосходный. Онъ представляетъ цѣлыя массы плодовыхъ деревьевъ, между которыми расположены луга и небольшіе полевые участки со множествомъ прелестныхъ сельскихъ домиковъ, окаймленныхъ зеленью. Всюду тропинки, извивающіяся подъ тѣнью деревьевъ. Этотъ островъ такъ населенъ, что на каждый гектаръ земли приходится болѣе, чѣмъ по 3 жителя. Старинныя законы о наслѣдствѣ сохраняли свою силу здѣсь въ теченіи 9 столѣтій. По этимъ законамъ земля дѣлится поровну между всѣми дѣтьми. Вотъ почему, едвали на всемъ островѣ можно найти поземельный участокъ въ 16 гектаровъ или въ $13\frac{2}{3}$ нашихъ десятинъ; большая же часть состоитъ изъ 5 десятинъ. Весьма много участковъ, имѣющихъ менѣе этого пространства: до 2 десятинъ и менѣе ¹⁾. Несмотря на такое раздробленіе, земледѣльцы живутъ въ изобиліи на такомъ пространствѣ, которое въ другомъ мѣстѣ было бы недостаточно для существованія самаго бѣднаго работника.

Подобныя же свидѣтельства существуютъ относительно острова Гернси. «Въ этой части Гернси, пишетъ Гилль, находится общество самое счастливое, какое когда-либо мнѣ приходилось видѣть». «Въ какую сторону путешественникъ не направилъ бы свой путь, говоритъ сэръ Джонъ Гедъ, вездѣ встрѣчаетъ онъ довольство. Чтò наиболѣе поражаетъ англій-

¹⁾ De Lavergne «Essai sur l'econ. rur. de l'Angleterre»; 1858. стр. 307.

скаго путешественника въ его первую прогулку пѣшкомъ или въ экипажѣ за предѣлами порта Св. Петра — это видъ многочисленныхъ жилищъ, тѣснящихся между собою. Подобныя жилища на его родинѣ принадлежатъ болѣею частію лицамъ средняго сословія; но онъ приходитъ въ удивленіе, когда узнаетъ, какой классъ живетъ въ этихъ домахъ, которые, если обыкновенно не столь велики, какъ дома англійскихъ фермеровъ, то почти всѣ слишкомъ хороши для работниковъ. На всемъ протяженіи острова, за исключеніемъ нѣсколькихъ рыбацкихъ хижинъ, буквально нѣтъ ни одного такого плохого дома, который можно было бы сравнить съ обыкновеннымъ жилищемъ англійскаго земледѣльца». «Взгляните на дрянныя жилища англійскихъ сельскихъ работниковъ, говоритъ Делиль-Брукъ, одинъ изъ послѣднихъ балы острова Гернси, и сравните ихъ съ домами нашихъ поселянъ.... Нищихъ здѣсь не существуетъ... Бѣдные, покрайней мѣрѣ бѣдные способные къ работѣ, также рѣдки, какъ и нищіе. Сберегательныя кассы также свидѣтельствуютъ объ общемъ довольствѣ, которымъ пользуются рабочіе классы на Гернси. Въ 1841 году въ Англіи при населеніи почти въ 15 милліоновъ было менѣе 700,000 вкладчиковъ, или на 20 человѣкъ приходился одинъ вкладчикъ, а средняя сумма вкладовъ состояла изъ 30 фунтовъ стерл. На Гернси въ томъ же году на 26,000 населенія было 1,920 вкладчиковъ и средняя величина вкладовъ простиралась до 40 фунтовъ».

Но не только благосостояніе жителей несравненно лучше, но и самое земледѣльческое производство находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Земля обработана какъ садъ и, по словамъ Торнтона, даже въ Англіи нельзя найти такого значительнаго количества произведеній, какое собирается здѣсь съ ограниченаго пространства земли. «На двухъ главныхъ островахъ, говоритъ онъ, земледѣльческое населеніе на одномъ

вдвое, на другомъ втрое гуще, нежели въ Англіи, гдѣ на 22 акра приходится по 1 земледѣльцу, тогда какъ на Джерси мы встрѣчаемъ 1 на 11 акровъ, а на Гернси 1 на 7 акровъ. Несмотря однако на то, земледѣльческій трудъ прокармливаетъ на этихъ островахъ, кромѣ земледѣльцевъ, и остальное земледѣльческое населеніе, которое относительно въ 4 и 5 разъ гуще нежели въ Великобританіи. Это различіе нисколько не зависитъ отъ превосходства почвы или климата этихъ острововъ: почва на нихъ менѣе плодородна отъ природы, а климатъ такой же, какъ въ южныхъ графствахъ Англіи. Причина этого заключается въ неутомимой дѣятельности трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и въ изобильномъ удобреніи земли¹⁾. Въ 1837 году, продолжаетъ тотъ же авторъ, средній урожай пшеницы въ большихъ фермахъ Англіи простирался до 21 бушеля съ акра, и въ самомъ плодородномъ изъ всѣхъ графствъ средній урожай не превышалъ 26 бушелей; самая же высшая цифра средняго урожая, о какой когда-либо только слышали въ Англіи — составляла 37 бушелей. На Джерси же, гдѣ средняя величина земледѣльческихъ хозяйствъ составляетъ 16 акровъ, средній урожай пшеницы въ 1834 году, по словамъ Инглиса, былъ 36 бушелей, а по офиціальнымъ таблицамъ, съ 1829 по 1833 годъ онъ былъ 40 бушелей. На Гернси, гдѣ размѣръ хозяйствъ еще менѣе, урожай въ 4 квартера съ акра считается, по Инглису, сборомъ не только хорошимъ, но даже весьма обыкновеннымъ²⁾. Далѣе, лучшимъ доказательствомъ, что рынки изобильнѣе снабжаются мелкими сельскими хозяевами, чѣмъ значительными, служить то обстоятельство, что земля, раздѣленная между многими владѣльцами приноситъ больше дохода, чѣмъ когда она находится въ рукахъ одного

¹⁾ Thornton «Plea for peasant-proprietors», стр. 38.

²⁾ Thornton «Plea for peasant-proprietors», стр. 9. — Ibidem. стр. 32.

владѣльца. Доходъ въ 30 шиллинговъ съ акра посредственной земли считается въ Англіи весьма хорошей рентой, на островахъ же Ламанша только плохая земля не даетъ 4 фунтовъ ренты съ акра; обыкновенно же она отдается въ наймы отъ 5 до 7 фунтовъ, а въ окрестностяхъ С. Гелье до 8 и 12 фунтовъ за акръ; слѣдовательно на наши деньги и на нашу мѣру въ первомъ случаѣ за десятину платится отъ 73 до 219 руб. сереб. ¹⁾).

Этотъ примѣръ Ламанскихъ острововъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, до какой степени развитія можетъ достигнуть земледѣліе, несмотря на скудость природы, при системѣ малой собственности и обработки, если только обстоятельства благопріятствуютъ ей и если человѣческая дѣятельность не встрѣчаетъ себѣ препятствій въ своемъ примѣненіи. Мелкая собственность и мелкая обработка, замѣчаетъ по этому поводу Делавернь, если только она не терпитъ недостатка въ капиталѣ, можетъ сдѣлаться производительною до безконечности. Въ противоположность этому блестящему примѣру, свидѣтельствующему въ пользу мелкой собственности, въ предѣлахъ же соединеннаго королевства встрѣчаемъ мы другой разительный примѣръ, не менѣе очевидно доказывающій, что съ идеею большой поземельной собственности не всегда соединяется идея цвѣтущаго и благоустроеннаго хозяйства. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на несчастную Ирландію.

Все пространство Ирландіи равняется 8 милліонамъ гектаровъ. Изъ нихъ 2 милліона занимаютъ неудобныя земли, 2 состоятъ изъ посредственныхъ по плодородію земель; наконецъ, остальная половина въ 4 милліона гектаровъ покрыта тучною землею съ известковою подпочвою, способствующею плодоро-

¹⁾ De Lavergne «Essai sur l'econ. rur. de l'Angleterre»; стр. 109.

дію. Это самая плодородная страна, говоритъ Артуръ Юнгъ, указывая на графства Лиммерикъ и Типперари, и самая удобная для всякаго употребленія. Климатъ благорастворенный, влажный и мягкій, съ отсутствіемъ рѣзкихъ переходовъ къ жару и холоду. Растительность травъ удивительная. Не безъ причины клеверъ сдѣлался геральдическою эмблемою, зеленого острова, какъ называютъ Ирландію. Юго-западный берегъ наслаждается постоянною весною, благодаря теченію океана, идущему отъ тропиковъ. Мирты растутъ на открытомъ воздухѣ; такъ называемое земляничное дерево, растеніе южныхъ климатовъ — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ. Вообще, по сознанію самихъ Англичанъ, Ирландія по почвѣ и климату стоитъ выше Англіи. Но что же сдѣлали изъ этой страны Англичане?

Парки богатыхъ владѣльцевъ, по словамъ очевидцевъ, содержатся съ такою же тщательностью, какъ и въ Англіи. Но въ Англіи трудно отличить, гдѣ кончается паркъ и гдѣ начинается ферма, въ Ирландіи же переходъ поразительный. Повсюду замѣтно отсутствіе водосточныхъ канавъ, деревьевъ, городьбы, удобныхъ и правильно проложенныхъ дорогъ. Повсюду оставленная голая земля, получающая отъ человѣка столько труда, сколько это предписывается самою крайнею необходимостью. Нѣтъ красивыхъ домовъ англійскихъ фермъ, залитыхъ въ зелень, съ принадлежащими къ нимъ строеніями, всегда удобными и часто изящными. Вмѣсто ихъ земляныя хижины, построенныя самими арендаторами и никогда не исправляемыя землевладѣльцами.

Хозяйство въ самомъ жалкомъ положеніи. Четырехъ-польная система почти неизвѣстна, кромѣ нѣкоторыхъ фермъ, управляемыхъ Англичанами или Шотландцами. За недостаткомъ средствъ для поддержанія плодородія почвы, посѣвы пшеницы и ячменя весьма мало распространены. Всѣ труды

поглощены воздѣлываніемъ картофеля и овса, назначенныхъ въ пищу людямъ. Посѣвы этихъ растеній, особенно картофеля, истощаютъ землю, лишенную и безъ того капиталовъ, обыкновенно затрачиваемыхъ въ благоустроенныхъ хозяйствахъ.

Воображеніе ужасается, по выраженію Делаверня, при изчисленіи, чего недостаетъ странѣ, находящейся въ такомъ положеніи. Сравнивая Ирландію съ Англіею, онъ находитъ, что относительно скотоводства, дренажа, постройки удобныхъ жилищъ, устройства городьбы и сельскихъ дорогъ, покупки самыхъ необходимыхъ орудій, Ирландіи недостаетъ 8 милліардовъ франковъ, слѣдовательно 1000 франковъ на гектаръ. Но, несмотря на эту громадную сумму, онъ думаетъ, что въ Англіи затрачено на производство земледѣлія вдвое больше ¹⁾).

Понятно послѣ этого, почему валовой поземельный доходъ въ Ирландіи не достигалъ и половины такого же дохода въ Англіи на равномъ пространствѣ; положеніе же сельскаго населенія было хуже слишкомъ вдвое. Оно было доведено до крайней степени нищеты и нравственнаго упадка и почти ежегодно подвергалось голоду. Главная пища народа состояла изъ картофеля, хлѣбъ употреблялся рѣдко; мясо почти никогда; одежда состояла изъ лохмотьевъ и изношеннаго тряпья, доставляемаго изъ Англіи; жилищемъ служили землянки и хижины, часто не защищавшія даже отъ вѣтра и непогоды; вмѣсто постели лежала гнилая солома, на которой валялись голодные и нагія дѣти. Бѣдность была такъ велика, что, по словамъ нѣкоторыхъ англійскихъ путешественниковъ, присутствіе свиньи въ человѣческомъ жилищѣ обозначало уже нѣкоторую зажиточность ²⁾).

¹⁾ Delavergne «Essai sur l'econ rur. de l'Angleterre»; стр. 377.

²⁾ Sismondi «Etudes sur l'ec. pol.»; t. 1. 5-me Essai. стр. 165 и сл.—Beaumont «L'Irlande sociale, politique et religieuse». Paris 1845.

Но народное бѣдствіе, подготовляемое вслѣдствіе систематическаго угнетенія, продолжавшагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ разразилось въ Ирландіи въ 1846 году со всѣми его ужасными послѣдствіями. Болѣзнь картофеля истребила $\frac{3}{4}$ урожая. На овесъ былъ также неурожай. Англійское правительство приняло самыя рѣшительныя мѣры, стоившія ему до 250 мил. франковъ. Землевладѣльцы также не послѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру своихъ предковъ, которые равнодушно смотрѣли на страданія народа: они поспѣшили на помощь своимъ арендаторамъ, дѣлая всевозможныя пожертвованія. Но уже было поздно: всѣ принятыя мѣры не могли остановить бѣдствія. Голодъ сдѣлался всеобщимъ и продолжался нѣсколько лѣтъ. По изчисленію народа, сдѣланному въ 1851 году, вмѣсто возрастанія какъ было прежде, оказался недочетъ въ народонаселеніи на 1 милліонъ въ 8 милліонахъ общаго числа жителей; слѣдовательно одна восьмая часть сдѣлалась жертвою бѣдности и голода ¹⁾).

Вотъ до какого положенія дошла или, правильнѣе сказать, была доведена Ирландія, между тѣмъ, какъ крупная поземельная собственность господствовала тамъ едва ли не въ бѣльшихъ размѣрахъ, нежели въ Англіи и даже Шотландіи! Мелкая и средняя собственность встрѣчалась тамъ только въ окрестностяхъ большихъ городовъ; весь же островъ раздѣленъ былъ на громадныя помѣстья отъ 1000 до 100,000 акровъ ²⁾, нераздѣльность которыхъ поддерживалась майоратами и субституціями, введенными Англичанами. «Чѣмъ крупнѣе были помѣстья, говоритъ Делавернъ, тѣмъ запущеннѣе были они; самыя же обширныя находились почти въ своемъ природномъ состояніи, какъ на примѣръ Коннемара въ Коннатѣ, столь

¹⁾ De Lavergne «Essai sur l'écon. rur. de l'Angl.»; стр. 409.

²⁾ Ирландскій акръ=1442 квадр. сажениамъ.

известное подъ именемъ Martin's Estate. Все сельское население не пользовалось собственностью; оно по преимуществу жило на заработной платѣ у большихъ владѣльцевъ и мелкихъ фермеровъ. Большіе же ирландскіе землевладѣльцы почти никогда не жили въ своихъ помѣстьяхъ. Находясь въ Англіи или путешествуя по Европѣ, они извлекали изъ своихъ помѣстій всевозможное, издерживая все доходы въ другихъ мѣстахъ ¹⁾. Непредусмотрительные и расточительные, какъ все тѣ, которые получаютъ деньги, не зная какъ они добываются, не дѣлая вовсе затратъ на улучшеніе земли или дѣлая ихъ несвоевременно, они получали вслѣдствіе того неправильные и невѣрные доходы, часто вели образъ жизни, превышающій ихъ дѣйствительныя средства и кончили тѣмъ, что долги ихъ поглотили бѣольшую часть ихъ мнимыхъ богатствъ. Затруднительное положеніе ихъ побудило къ введенію Encumbered Estates Act, по которому значительная часть земель была распродана, вслѣдствіе чего земля раздѣлилась болѣе равномерно и въ настоящее время положеніе дѣлъ нѣсколько улучшилось. Чрезмѣрное дробленіе фермъ исчезло, и хозяйство приняло болѣе правильный видъ. Въ 1847 году считалось 796,539 хозяйствъ, въ 1859 году—598,413, а въ 1861 году уже только 553,664.

Этотъ примѣръ Ирландіи служить достаточнымъ доказательствомъ, что успѣхи англійскаго сельскаго хозяйства нисколько не зависятъ отъ сосредоточенія поземельной собственности. Скорѣе можно сказать, что эти успѣхи совершаются во-

¹⁾ Еще въ 1830 году рассчитывали, что отсутствующіе собственники извлекали ежегодно изъ Ирландіи 621,000 фунтовъ стерлинговъ. Въ послѣдующій же періодъ абсентеизмъ еще болѣе усилился вслѣдствіе непрерывныхъ смутъ и возмущеній, такъ что сумма болѣе нежели удвоилась. Kohl «Land und Leute der britischen Inseln», т. 1. стр. 189.

преки вредному сосредоточенію, благодаря совокупной силѣ и противодѣйствію множества другихъ благопріятныхъ условій. Для земледѣлія важно не то, что извѣстное хозяйство велико, но то, что оно богато. Богатство же есть понятіе относительное: можно быть бѣднымъ съ громаднымъ имѣніемъ и богатымъ съ небольшимъ. Все зависитъ отъ количества капиталовъ, затрачиваемыхъ на производство. Самое лучшее устройство поземельной собственности, говоритъ Делавернь, есть то, которое привлекаетъ къ землѣ наиболѣе капиталовъ или потому что тѣ, которые непосредственно пользуются землею, богаты сравнительно съ пространствомъ владѣемой ими земли, или потому, что они большую часть доходовъ истрачиваютъ на земледѣліе. Во Франціи, при общемъ недостаткѣ капиталовъ, земли воздѣлываются хуже, нежели въ Англіи, но въ то же время дробные участки являются тамъ болѣе производительными, нежели большія помѣстья. Въ Англіи же, напротивъ, первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ среднимъ владѣльцамъ. Эти владѣльцы обладаютъ и капиталами, которыхъ часто не достаетъ у мелкихъ хозяевъ, и спеціальнымъ знакомствомъ съ практическимъ сельскимъ хозяйствомъ, чего иногда недостаетъ собственникамъ крупныхъ помѣстій ¹⁾).

Такимъ образомъ и другая причина громадныхъ успѣховъ земледѣльческаго хозяйства Англіи, приписываемая обыкновенно большимъ размѣрамъ хозяйствъ, справедлива только до извѣстной степени. Хотя въ Англіи существуетъ нѣкоторое количество чрезвычайно обширныхъ хозяйствъ, доходящихъ иногда до 1000 и болѣе акровъ, тѣмъ не менѣе большинство хозяйствъ состоитъ изъ фермъ средняго размѣра, а въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ графствахъ обыкновенные размѣры ихъ не болѣе 8 и 10 десятинъ и даже менѣе, какъ, напри-

¹⁾ De Lavergne «Essai sur l'econ. rur. de l'Angl.», стр. 111.

мѣръ, въ графствѣ честерскомъ, гдѣ многія фермы имѣютъ не болѣе $3\frac{1}{2}$ десятинъ. По изчисленію 1851 года въ Англіи и Вэльсѣ съ островами считалось 227,228 фермъ, изъ которыхъ: 146,104 были ниже 100 акровъ; 45,903 между 100 и 200; 18,437 между 200 и 300; 11,662 между 300 и 500; 4350 между 500 и 600; и 772 болѣе 1000 акровъ. Въ Шотландіи же считалось въ то же время 56,150 фермъ, изъ которыхъ: 44,469 менѣе 100 акровъ, 9,155 между 100 и 300; 2,946 между 300 и 600 и 360 болѣе 1000 акровъ ¹⁾.

Такимъ образомъ изъ общаго количества 283,378 фермъ въ Великобританіи только 1132 фермы имѣли 1000 и болѣе акровъ; между тѣмъ какъ число фермъ, имѣвшихъ не болѣе 100 акровъ, доходило до 186,927 или почти до $\frac{2}{3}$ всего количества. Притомъ въ большей половинѣ этихъ послѣднихъ фермъ употреблялась собственноручная работа самихъ фермеровъ съ ихъ семействами, потому что въ 1841 году, когда число всѣхъ фермеровъ въ Англіи простиралось до 236,343, 94,833 было такихъ, которые не употребляли поденщиковъ ²⁾.

Послѣ всего сказаннаго, нельзя не согласиться, что истинное превосходство англійскаго земледѣлія сравнительно съ земледѣліемъ нѣкоторыхъ континентальныхъ государствъ заключается не въ большой собственности, но главнымъ образомъ въ духѣ предпріимчивости и въ изобиліи капиталовъ, порожденныхъ могущественнѣйшею промышленностью и богатѣйшею въ мірѣ торговлею, а также въ нѣкоторыхъ другихъ побочныхъ обстоятельствахъ, обусловливаемыхъ характеромъ политическаго устройства, долговременнымъ внутреннимъ ми-

¹⁾ Blunschli «Deutsches Staats-Wörterbuch», art. Grossbritannien.

²⁾ Kay «The social condition and educat. of the people», т. I: стр. 157.

ромъ, хорошимъ управленіемъ и т. д. Но, соглашаясь, что Англія въ настоящее время превосходитъ многія другія страны въ развитіи земледѣлія, мы снова повторяемъ, что при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она находится, при тѣхъ богатствахъ, которыя стекаются въ нее со всѣхъ концовъ міра, она сдѣлала бы еще бѣльшіе успѣхи при болѣе справедливомъ и лучшемъ распредѣленіи поземельной собственности, при болѣе свободномъ обращеніи ея и переходѣ изъ рукъ въ руки. Тогда бы слава ея не помрачилась бѣдственнымъ положеніемъ, на которое осуждена нынѣ значительная часть ея народонаселенія—этимъ темнымъ пятномъ ея общественнаго устройства, котораго не можетъ скрыть ни великолѣпный блескъ ея сельской жизни, ни блестящія луга, ни дорогія породы скота, ни громадное количество сельскихъ продуктовъ. Богата страна, но бѣденъ рабочій классъ, одинъ изъ главныхъ производителей этого богатства. Такое положеніе длѣть не можетъ продолжаться долго. Съ постояннымъ возрастаніемъ торговаго богатства, съ постепеннымъ распространеніемъ образованія, съ перемѣнами, ежедневно совершающимися въ политическомъ и общественномъ состояніи страны, и сверхъ того, съ постепеннымъ уменьшеніемъ преобладанія поземельнаго интереса въ законодательствѣ, нѣтъ сомнѣнія, что, раньше или позже, законодательство, обусловливающее распредѣленіе поземельной собственности, приметъ иное направленіе, болѣе соотвѣтствующее началамъ справедливости и общественной пользы. Въ этомъ ручается намъ тотъ здравый смыслъ и то политическое благоразуміе, которое всегда отличало англійскій народъ и руководило его судьбами. Оно вселяетъ прочную надежду, что и это опасное скопленіе собственности въ немногихъ рукахъ будетъ устранено и замѣнено болѣе здоровымъ состояніемъ и притомъ не посредствомъ граковскаго *lex agaria* или насильственнаго переворота всѣхъ поземельныхъ от-

ношеній, но при помощи постепенной реформы, медленно и осторожно, какъ поступаетъ предусмотрительный врачъ при старой вкоренившейся болѣзни. Повидимому эпоха эта весьма не далека. Все предвѣщаетъ, что въ будущемъ готовится перемѣна. Хотя общее теченіе жизни и старинныя преданія все еще сильно влекутъ къ большой собственности и большой обработкѣ, глубоко коренящейся въ преданіяхъ, экономическихъ условіяхъ и даже предразсудкахъ націи, тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что въ настоящее время въ общественномъ мнѣніи Англіи, въ господствующихъ идеяхъ, начинается проявляться спасительная реакція. Во всѣхъ классахъ общества болѣе и болѣе начинаютъ сознавать слабую сторону нынѣшняго земледѣльческаго устройства; сильнѣе и сильнѣе раздаются голоса противъ чрезмѣрнаго сосредоточенія собственности. Въ самомъ парламентѣ не разъ уже поднимался вопросъ объ упрощеніи и исправленіи законовъ, относящихся къ поземельной собственности. Среди агрономовъ и экономистовъ образовалась цѣлая школа, ревностно защищающая мелкую собственность и мелкую культуру. Допущеніе земледѣльческихъ работниковъ къ участию въ выгодахъ поземельной собственности и постепенное созданіе сословія самостоятельныхъ мелкихъ хозяевъ, становится почти всеобщимъ желаніемъ. Въ этомъ распредѣленіи земли лежитъ единственное средство, говоритъ Торнтонъ, къ восстановленію того благороднаго сословія йоменовъ, которое составляло нѣкогда силу и гордость націи, паденіе которыхъ было столь энергически описано Ашемомъ и Гольдсмитомъ, и конечное исчезновеніе которыхъ въ наше время составляетъ предметъ всеобщихъ сожалѣній. Только посредствомъ созданія крестьянскаго сословія можетъ защититься Англія отъ опасности, которою угрожаетъ ей быстро возрастающій городской пролетаріатъ. Съ цѣлью восстановленія этого класса образовалось съ нѣкотора-

го времени множество разнообразныхъ обществъ, которыя съ видимымъ успѣхомъ покупаютъ земли и уступаютъ ихъ на справедливыхъ условіяхъ въ пользованіе мелкимъ работникамъ, предоставляя имъ возможность выкупить ихъ ¹⁾. Развитію мелкой обработки способствуетъ далѣе земледѣльческій переворотъ, вслѣдствіе котораго уменьшаются пастбища и увеличиваются пахатныя земли. Все, повидимому, доказываетъ, что въ будущемъ мелкіе самостоятельные хозяева, вытѣсненные неблагопріятными историческими, экономическими и общественными условіями, снова займутъ важное мѣсто въ средѣ англійскаго народа; часть рабочаго населенія снова обратится къ земледѣлію. Парки преобразуются въ плодоносныя нивы, плугъ англійскаго хозяина проведетъ борозды по невоздѣланнымъ доселѣ землямъ и такимъ образомъ земледѣльческое населеніе придетъ въ равновѣсіе съ фабричнымъ; англійская почва будетъ прокармливать свое населеніе собственнымъ производствомъ и сдѣлаетъ Британію не только независимою отъ иностраннаго привоза, но расширитъ туземные рынки и дастъ болѣе прочную основу для самой британской промышленности. Изъ массы неимущихъ британскихъ работниковъ мало по малу возникнетъ новый классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, который, благодаря капиталамъ, доставляемымъ фабричною промышленностью и торговлею, сдѣлается наиболѣе прилежнымъ и энергическимъ улучшателемъ отечественной почвы.

¹⁾ По словамъ Губера въ послѣдніе 30 лѣтъ покрайней мѣрѣ отъ 25 до 30 тысячъ семействъ сдѣлались собственниками ихъ жилищъ и небольшихъ участковъ.

ГЛАВА V.

О КРЕСТЬЯНАХЪ-СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ИСПАНІИ.

Не менѣе любопытный примѣръ развитія поземельныхъ отношеній представляетъ Испанія. Крѣпостное право было уничтожено въ этомъ государствѣ довольно рано. Главная причина этого ранняго уничтоженія заключалась въ завоеваніи южной Испаніи Маврами. Необходимость защиты и кровавой борьбы за вѣру и независимость, необходимость дружнаго противодѣйствія общему врагу побуждали все классы общества къ болѣе тѣсному союзу и заставляли какъ королей, такъ и высшія сословія, дворянство и духовенство, обращаться съ крестьянами несравненно лучше, нежели это мы видимъ въ другихъ европейскихъ государствахъ въ соотвѣтствующій періодъ времени. Поэтому мы рано уже встрѣчаемъ грамоты, дарующія крестьянамъ извѣстную степень свободы, а также договоры, опредѣляющія взаимныя отношенія крестьянскихъ обществъ къ ихъ владѣльцамъ: королю, дворянству и духовенству. Грамоты эти назывались *Fueros* ¹⁾. Желая привлечь народонаселеніе для защиты и обработки опустошенныхъ земель, постепенно отнимаемыхъ у Мусульманъ, владѣльцы давали крестьянамъ различныя привилегіи, освобождали отъ различныхъ крѣпостныхъ повинностей и уступали имъ земли въ наслѣдственное владѣніе. Подобныя грамоты, встрѣчающіяся въ началѣ IX столѣтія, становятся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе общими, такъ что къ концу XIII столѣтія онѣ распространяются уже почти во всехъ христіанскихъ го-

¹⁾ Hallam «View of the state of Europe in middle ages», т. 2. ст. 5 и 6.

сударствахъ полуострова, за исключеніемъ Каталоніи и части Аррагоніи, гдѣ крѣпостное право существовало въ болѣе суровой формѣ и было уничтожено только въ XV столѣтіи Фердинандомъ.

Такимъ образомъ къ концу среднихъ вѣковъ значительная часть сельскаго населенія полуострова состояла изъ наслѣдственныхъ арендаторовъ, а также изъ значительнаго числа мелкихъ крестьянъ-собственниковъ. Подобно тому, какъ дворянство, пельзуясь крайней нищетою и постоянною потребностью въ деньгахъ, въ какой находились короли и властители Кастиліи, присвоило себѣ большую часть ихъ доменовъ, точно также многіе жители королевскихъ помѣстій (*realengos*), между которыми весьма часто встрѣчались богатые крестьяне, владѣвшіе отъ 50,000 до 100,000 мараведи и болѣе, пользовались благопріятными условіями, чтобы пріобрѣсть покупкою въ полную собственность земли, находившіяся въ ихъ наслѣдственномъ пользованіи. Но это благопріятное положеніе испанскихъ крестьянъ начинаетъ значительно ухудшаться въ XVI столѣтіи. Этотъ прекрасный, много обѣщавшій зародышъ вполне независимаго, сильнаго, живущаго на своей землѣ крестьянскаго сословія, встрѣтилъ въ началѣ XVI столѣтія неожиданное препятствіе въ развитіи правительственнаго деспотизма и въ постепенномъ усиленіи дворянскаго сословія, которое мало по малу уничтожило права сельскихъ общинъ, основанныя на *fueros*, такъ что къ концу XVI столѣтія почти во всей Испаніи, за немногими исключеніями, было введено помѣщичье или патримоніальное управленіе. Еще болѣе вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе крестьянскаго сословія имѣло введеніе майоратовъ—этой важной ошибки, сдѣланной Фердинандомъ-Католикомъ. Чтобы успокоить дворянство, недовольное его энергическимъ управленіемъ, онъ даровалъ имъ въ собраніи Кортесовъ въ Торо, въ 1505 году, право учреждать

майораты и фидейкомиссы. Съ этого времени не только прекратилась возможность отчужденія земель въ руки трудолюбивыхъ земледѣльцевъ, но даже существовавшая мелкая поземельная собственность начала быстро исчезать вслѣдствіе перехода въ руки дворянства, тщеславіе и сословный интересъ котораго побуждали къ постоянному увеличенію своихъ владѣній, что обыкновенно совершалось посредствомъ скупа помѣстій мелкихъ владѣльцевъ, которые, все болѣе и болѣе удручаемые бременемъ галоговъ, находились въ необходимости продавать свои земли за самыя ничтожныя цѣны. Уничтоженіе свободнаго крестьянскаго сословія было тѣмъ сильнѣе, что къ вредному дѣйствію майоратовъ присоединялось не менѣе гибельное вліяніе другой привилегіи дворянства, именно права «месты». Въ теченіе многолѣтнихъ и ожесточенныхъ войнъ между христіанами и Маврами, въ пограничныхъ провинціяхъ полуострова образовался обычай превращать большую часть полей и виноградниковъ въ пастбища для многочисленныхъ стадъ овецъ. Такъ какъ ежедневно можно было ожидать нападенія врага, который обыкновенно опустошалъ поля и сожигалъ жатвы, то владѣльцы предпочитали имѣть болѣе подвижную собственность и потому употребляли свои земли для прокормленія стадъ, которыя подвергались меньшей опасности и въ случаѣ приближенія Сарациновъ легко могли быть загнаны въ безопасное мѣсто ¹⁾. Это могло совершаться тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе затрудняли переходъ стадъ различныя ограды и заборы и потому запрещено было учреждать ихъ. Вслѣдствіе подобныхъ частыхъ странствованій, совершаемыхъ

¹⁾ Бокль «Исторія цивилизаціи въ Англіи», 1864. т. II, вып. I, стр. 7. Даже послѣ взятія Толедо, въ концѣ XI столѣтія, пограничные жители Эстремадуры, Ламанча и Новой Кастиліи — почти всѣ вели пастушескую жизнь и пасли стада не на частныхъ лугахъ, а въ общемъ открытомъ полѣ.

первоначально по необходимости, замѣчено было, что вслѣдствіе постоянной перемѣны воздуха и пастбищъ, шерсть и мясо овецъ значительно улучшались. Поэтому вскорѣ среднія и южныя провинціи покрылись многочисленными странствующими стадами овецъ (мериносовъ, *trashumantes*), которыя лѣтомъ паслись на обильныхъ травою горахъ Леона, Бургоса, Толедо, Куэнцы и т. д.; оттуда въ началѣ осени, обыкновенно стадами въ 10,000 штукъ, перегонялись въ южныя провинціи Эстремадуры, Андалузій и т. д., и потомъ въ апрѣлѣ снова возвращались назадъ. Вслѣдствіе этого образовалось право, называемое *Mesta*, на основаніи котораго владѣльцы стадъ, преимущественно большіе землевладѣльцы изъ дворянства и духовенства, имѣли право пасти скотъ на паровыхъ поляхъ на всемъ пути. И такъ какъ въ то же время запрещено было огораживать поля, то легко представить себѣ къ какимъ злоупотребленіямъ вело подобное право. Этотъ обычай не только не исчезъ послѣ изгнанія Мавровъ, но, напротивъ, сдѣлался еще болѣе вреднымъ, потому что количество стадъ принадлежавшихъ дворянству и духовенству возросло еще болѣе ¹⁾.

Эти учрежденія въ соединеніи съ плохимъ управленіемъ Карла I, Филиппа II и послѣдующихъ государей имѣли самыя гибельныя послѣдствія. Они содѣйствовали окончательному истребленію крестьянъ-землевладѣльцевъ и громадному скопленію поземельной собственности въ рукахъ нѣсколькихъ вельможъ. Уже въ концѣ XVI столѣтія (1575) Белльфорестъ считалъ 20 герцоговъ, имѣвшихъ отъ 50 до 60 тысячъ доходу; 20 маркизовъ и 60 графовъ, имѣвшихъ отъ 10 до 20 тысячъ и многихъ другихъ, имѣвшихъ до 50 тысячъ. При Карлѣ V, Маріанъ Сикуть утверждалъ, что одно титулованное

¹⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeig»; стр. 42.— Rotteck «Spanien und Portugal», 1839. стр. 222. — Alison «The princ. of popul»; V. I, стр. 470.

дворянство владѣло 1,482,000 дукатовъ дохода. Кастильскія общины въ запискѣ, поданной Карлу V, говорятъ, что на пространствѣ 100 лье между Вальядолидомъ и С. Жанъ де Компостелло, исключая три королевскія деревни, вся страна принадлежала дворянству ¹⁾. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ помѣстья возрасли еще болѣе. Нѣкоторые гранды владѣли громадными пространствами земель, простиравшимися на нѣсколько квадр. миль и заключавшими до 30,000 подданныхъ или арендаторовъ. Вся Андалузія, напр., болѣе обширная нежели Венгрія, принадлежала большею частью герцогамъ Инфантадо, Медина де Риосека, Эскалона и Оссуна, изъ которыхъ первый получалъ ежегоднаго дохода съ своихъ помѣстій до 90,000 дукатовъ. Ежегодный доходъ герцога Эскалоны простирался до 100,000, а двухъ другихъ герцоговъ до 130,000 дукатовъ. Майораты герцоговъ Медина-Цели и Медина-Сидоніи въ провинціяхъ Толедо и Гренады доставляли доходъ въ 150,000 дукатовъ. Столь же громадны были помѣстья герцоговъ Альбы, Бервика, маркиза Пенафильда и другихъ ²⁾. Это сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ было тѣмъ болѣе губительно для Испаніи, что уже прежде, особенно же въ XVI и XVII столѣтіяхъ, вслѣдствіе господствовавшей тогда страсти къ основанію монастырей, значительная часть поземельной собственности была уже и безъ того сосредоточена въ мертвой рукѣ духовенства. Почти вся Галиція, замѣчаетъ Кампоманесъ, находится въ рукахъ корпорацій, монастырей, церквей, братствъ, герцоговъ, графовъ, маркизовъ и прочаго дворянства ³⁾. Дворянство и духовенство, говоритъ де-

¹⁾ Moreau de Jonnés «Statist. de l'Espagne», 1834. стр. 83.

²⁾ Moreau de Jonnés «Stat. de l'Espagne», стр. 85. — Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeig.»; ст. 55.—Tawnsend. II. 228.

³⁾ Campomanes «On the Rights of the Crown over Mortmain Property», 1765.—Alison «The princ. of popelation». ч. I. ст. 473.

Лабордъ, владѣеть почти всею страню. Въ рукахъ семействъ Медина-Цели, Инфантадо и нѣсколькихъ другихъ грандовъ, а также архіепископовъ толедскаго, компостельскаго, валенсійскаго, севильскаго, мурсійскаго и нѣкоторыхъ религіозныхъ общинъ сосредоточена почти третья часть всей Испаніи ¹⁾).

Такое сосредоточеніе поземельной собственности имѣло самыя гибельныя послѣдствія для Испаніи. Большія помѣстья оказались для нея столь же вредными, какъ нѣкогда латифундіи для Римской имперіи. Въ нихъ, между прочимъ, заключается одна изъ главныхъ причинъ того страшнаго упадка и печальнаго положенія государства, которое характеризуетъ испанскую исторію въ періодъ времени съ половины XVI до конца XVIII столѣтія. Это была эпоха сильнаго уменьшенія народонаселенія, совершеннаго паденія земледѣлія и промышленности, страшной бѣдности крестьянъ, непомѣрнаго произвола высшихъ сословій, запустѣнія и упадка всей страны.

Несмотря на свои богатства, роскошные гранды, жившіе обыкновенно въ большихъ провинціальныхъ городахъ или при дворѣ въ Мадридѣ, постоянно находились въ долгахъ и не имѣли ни средствъ, ни желанія улучшить свои земли, которыя при лучшей обработкѣ, по обширности своей, могли бы доставлять царскіе доходы. Чтобы избѣгнуть обмановъ управителей, возникъ обычай отдавать земли въ пожизненное владѣніе богатымъ откупщикамъ-спекулянтамъ, которые обязаны были платить за это ежегодную ренту и пользовались всѣми правами собственниковъ. Разумѣется, эти спекулянты-арендаторы не занимались сами хозяйствомъ, а сдавали свои земли множеству мелкихъ арендаторовъ, которые и были собственно главными обработывателями земли. Такъ какъ при первомъ введеніи майоратовъ въ половинѣ XVI столѣтія населеніе Ис-

¹⁾ De Laborde. IV. 20.

паніи было довольно густо и потому было много соискателей, то эти спекулянты-фермеры, заботившіеся главнымъ образомъ объ извлеченіи возможно бѣльшихъ барышей изъ своихъ договоровъ, налагали весьма тягостныя условія на мелкихъ арендаторовъ, которые должны были платить не только высокій оброкъ, не только нести различныя государственныя подати и налоги, но также исполнять различныя феодальныя и господскія повинности, которыя законно давно были уничтожены. Слѣдствіемъ этого было постепенное распространеніе страшной бѣдности, паденіе земледѣлія и быстрое исчезновеніе народонаселенія. При Фердинандѣ-Католикѣ народонаселеніе простиралось до 20 милліоновъ; при восшествіи на престолъ Филиппа II оно составляло уже только 10 съ половиною милліоновъ; при концѣ его правленія только 8,206,791; а при смерти Карла II, въ 1702 году, уже только 5,700,000 ¹⁾. Вся страна пришла въ запустѣніе и покрылась развалинами — печальными остатками прошедшаго величія. По словамъ Делаборда, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Аррагоніи, Каталоніи, Леонѣ, Валенсіи, Старой и Новой Кастиліи считалось 11 сотенъ разоренныхъ и опустѣлыхъ деревень ²⁾. Часть саламанскаго королевства заключала прежде 748 деревень, изъ коихъ оставалось только 333; въ части саламанскаго епископства, на разстояніи 5 лье, существовало прежде 127 деревень: изъ нихъ осталось 13; въ округѣ Малагѣ, на западъ отъ этого города, было 50 деревень: изъ нихъ осталось 16 ³⁾; въ королевствѣ гренадскомъ при Маврахъ считалось 3 милліона жителей: изъ нихъ оставалось только 661,000 ⁴⁾. Города подверглись подобной же участи. Народонаселеніе въ Сеговьѣ съ

¹⁾ Rotteck «Spanien und Portugal». ст. 220.—Sugenheim. ст. 48.

²⁾ De Laborde. IV. 10.—Moreau de Jonnés «Stat. de l'Esp». стр. 44.

³⁾ De Laborde. IV. 10.

⁴⁾ Ibidem.

1525 года до послѣдняго столѣтія упало отъ 5000 семействъ до двухъ тысячъ, въ Толедо отъ 200,000 жителей до 25,000; въ Малагѣ отъ 80,000 до 50,000; въ Севильѣ отъ 300,000 до 96,000 и т. д. ¹⁾).

Тщетно старались остановить исчезающее земледѣльческое населеніе различными мѣрами ²⁾); оно продолжало уменьшаться, и многіе владѣльцы, не находившіе ни фермеровъ, ни необходимыхъ работниковъ, нашлись вынужденными ежегодно призывать ихъ изъ Гіенны и другихъ южныхъ французскихъ провинцій, потому что иначе земли ихъ оставались бы въ запустѣніи. Это особенно чувствовалось во 2-й половинѣ XVII столѣтія. Тогда почти ежегодно приходило для сельскихъ работъ около 70,000 французскихъ работниковъ, стѣившихъ странѣ ежегодно до 8 милліоновъ ливровъ, чтѣ продолжалось до половины слѣдующаго столѣтія. Не удивительно, что при подобномъ положеніи дѣлъ, Испанія, несмотря на свою благодатную почву и благопріятный климатъ, не въ состояніи была кормить даже свое рѣдкое народонаселеніе и должна была привозить значительное количество изъ другихъ странъ. Въ теченіе 18 лѣтъ, съ 1756 по 1773 годъ, она вывезла хлѣба изъ другихъ странъ на 115 милліоновъ.

Слѣдствіемъ всего этого была страшная бѣдность, какъ сельскаго, такъ и городского населенія. Всѣ путешественники конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія: Дальримпль, Бургойнь, Товнсендъ, Делабордъ, рисуютъ намъ самую мрачную картину: раззоренные и полуразрушенные города и деревни, всеобщіе признаки нищеты, полное отсутствіе удобствъ и

¹⁾ Moreau de Jonnés «Statistique de l'Espagne». стр. 45.—Rotteck. «Spanien und Portugal.» стр. 60.

²⁾ Такъ напр. Филиппъ III въ 1610 году обѣщалъ всѣмъ, кто посвятить себя земледѣлію, дворянство и освобожденіе отъ военной повинности.

комфорта образованной жизни, поразительная грубость земледѣльческихъ орудій, самые первобытные способы земледѣлія, всеобщая апатія. Таковы были печальныя послѣдствія несправедливой монополіи земли, системы фидейкомиссовъ и мертвой руки, которыя господствовали въ Испаніи болѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ. До чего доходила бѣдность населенія въ концѣ прошлаго столѣтія видно изъ того, что на каждыхъ 13 жителей приходился одинъ пролетарій т. е. слуга, бродяга, контрабандистъ, нищій или галерникъ. Въ 1760 году Монседа считалъ около 3 милліоновъ жителей, т. е. почти $\frac{1}{3}$ народонаселенія, которые не носили рубашки, потому что не имѣли средствъ купить ее. Ортисъ насчиталъ, что на полуостровѣ существуетъ до 40 различныхъ родовъ бродягъ, изъ которыхъ каждый родъ имѣлъ въ испанскомъ языкѣ свое особенное названіе ¹⁾).

Впрочемъ, хотя эта печальная и мрачная картина, которую представляла Испанія въ концѣ прошлаго и даже началѣ нынѣшняго столѣтія, вполне справедлива для большей части этой страны, тѣмъ не менѣе она представляла также и нѣкоторыя весьма счастливыя исключенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовалъ другой порядокъ вещей. Хотя большая собственность захватила большую часть государства, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ, по преимуществу гористыхъ, провинціяхъ мелкая собственность, благодаря мѣстнымъ условіямъ, успѣла удержаться и, дѣйствуя съ обычною своею благотворностью, привела къ совершенно другимъ результатамъ. Такъ жители, Бискаіи, большею частью крестьяне, успѣли сохранить свои права среди всеобщаго крушенія *fueros* въ XVI столѣтіи и остались во владѣніи своими собственноручно обрабатываемыми участками. Ленная система не могла пустить здѣсь корней,

¹⁾ Moreau de Jonnés «Statist. de l'Espagne». стр. 93 и 94.

потому что народонаселеніе равно не терпѣло ни привилегированнаго дворянства, ни празднаго духовенства, не знало ни мѣсты, ни громаднаго сосредоточенія поземельной собственности. Не удивительно, что эта провинція, несмотря на скудость природы, принадлежала въ XVIII столѣтіи къ богатѣйшимъ провинціямъ полуострова, была прекрасно обработана и имѣла самое многолюдное населеніе. Слѣды этого благосостоянія сохранились донынѣ. Еще нынѣ въ Бискайѣ, мы находимъ населеніе, наиболѣе счастливое подъ испанскимъ владычествомъ. «Все въ Бискайѣ, говоритъ Свинборнъ, представляетъ видъ отличный отъ того, что путешественникъ вообще привыкъ встрѣчать въ Испаніи. вмѣсто голыхъ, опустошенныхъ холмовъ, унылыхъ лицъ, несчастныхъ гостинницъ, отвратительныхъ дорогъ, къ которымъ издавна привыкъ нашъ глазъ, мы были оживлены здѣсь видомъ богатой, научной культуры, опрятною и веселою наружностью народонаселенія, хорошею мебелью, чистыми домами, отличными дорогами и безопасными мостами. Мущины и особенно женщины одѣты чрезвычайно хорошо. Одежда послѣднихъ нарядна и имѣетъ пастушескій видъ; по воскреснымъ днямъ онѣ носятъ бѣлыя платья. Я не могу найти словъ для описанія поразительнаго плодородія, бездны деревень, отличныхъ лѣсовъ и довольнаго, дѣловаго вида толпы, возвращающейся съ рынка. Каждое жилище имѣетъ свой небольшой чистый и цвѣтушій огородъ; мѣстечки полны хорошихъ домовъ, построенныхъ тѣми, предприимчивость и дѣятельность которыхъ вознаграждается съ успѣхомъ» ¹⁾. Подобные же отзывы находимъ у Товнсенда и Фишера. По словамъ ихъ, обработка страны превосходна и почти невѣроятно съ какою дѣятельностью обработаны даже горные склоны ²⁾.

¹⁾ Swinburne. 1. 276.

²⁾ Fischer. — Townsend, 1. 397. — Alison «Princ. of popul.». ч. I. стр. 479.

Подобное же явленіе встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Каталоніи и Астуріи, также наименѣе благопріятствуемыхъ природою. Ихъ скалистая и тощая почва, часто едва на футъ покрытая растительнымъ слоемъ, дѣлаетъ обработку весьма тягостною и даже при величайшемъ трудолюбіи не производитъ достаточнаго для потребленія количества хлѣба. Тѣмъ не менѣе во второй половинѣ XVIII столѣтія, слѣдовательно въ то время, когда земледѣліе въ остальной Испаніи находилось въ самомъ печальномъ положеніи, эти провинціи были несравненно лучше обработаны и вообще находились въ болѣе цвѣтущемъ положеніи, нежели самыя благословенныя мѣстности полуострова. Причина этого поразительнаго явленія заключалась въ томъ, что поземельная собственность въ этихъ провинціяхъ была распредѣлена нѣсколько болѣе справедливо. Несмотря на всѣ перевороты, здѣсь, благодаря мѣстнымъ условіямъ, успѣло удержаться нѣкоторое количество свободныхъ мелкихъ владѣльцевъ, работавшихъ свои собственныя поля, и потому имѣвшихъ могущественныя побужденія къ разумному пользованію каждымъ клочкомъ земли. Имъ главнымъ образомъ были обязаны эти провинціи своимъ процвѣтаніемъ; ибо въ странѣ, гдѣ фермеры совершенно лишены капиталовъ и гдѣ не существуетъ дѣятельнаго дворянства, живущаго въ своихъ помѣстьяхъ, очевидно, что земледѣліе могло дѣлать успѣхи только подъ рукою мелкихъ собственниковъ, глубоко заинтересованныхъ въ хорошей обработкѣ ¹⁾).

Но за исключеніемъ этихъ провинцій вся остальная Испанія представляла въ концѣ прошлаго вѣка самое печальное зрѣлище, какъ въ земледѣльческомъ, такъ и въ общественномъ

¹⁾ Alison «Princip. of popul.»; т. 1. стр. 475. и слѣд.—Townsend, III. 137.—Swinburne, II. 319.—Young, II. 318.

отношеніи. Вслѣдствіе существованія майоратовъ и обычая месты, вся поземельная собственность была скоплена въ рукахъ высшаго дворянства, духовенства и корпорацій, которыя не дѣлали никакихъ улучшеній; независимое сословіе мелкихъ крестьянъ-собственниковъ почти не существовало; все земледѣльческое населеніе представляло безправную и беззащитную массу, преданную произволу большихъ землевладѣльцевъ, ильсудей, управителей и главныхъ арендаторовъ. Тѣснимое бѣдностью и нищетою, покрытое лохмотьями, оно стремилось въ города, гдѣ находило себѣ скудное существованіе, благодаря милостынѣ, раздаваемой духовенствомъ. Всѣ попытки преобразовать столь печальное положеніе, предпринимаемыя послѣдними Бурбонами, оставались безуспѣшными, вслѣдствіе сопротивленія дворянства, несмотря на то, что положеніе испанскаго земледѣлія безусловно требовало ихъ. Правда, Карлъ III (1785) запретилъ произвольный сгонъ тѣхъ крестьянъ, которые прилежно обрабатывали землю и исправно платили оброкъ; онъ запретилъ также произвольное возвышеніе оброка и обязалъ землевладѣльцевъ вознаграждать съемщиковъ при переходѣ ихъ изъ одного имѣнія въ другое за улучшенія, сдѣланныя ими во время контрактнаго срока. Карлу IV удалось даже запретить, хотя и со многими исключеніями, образованіе новыхъ майоратовъ. Но всѣ эти отдѣльныя палліативныя мѣры не могли принести существенной пользы при существованіи патримоніальной юрисдикціи и произвола большихъ землевладѣльцевъ. Нужны были тѣ бѣдствія, которыя постигли Испанію въ началѣ XIX столѣтія, чтобы проложить дорогу реформамъ, которыя такъ давно требовались внутреннимъ положеніемъ страны. Болѣзненное состояніе общества разразилось революціею и гражданскою войною и такимъ образомъ кровавымъ путемъ привело къ тому, чего можно было достигнуть прежде путемъ мирныхъ преобразованій. Какъ ни велики

были бѣдствія революціонныхъ бурь и гражданскихъ войнъ, постигшихъ Испанію, тѣмъ не менѣе она вышла изъ нихъ съ драгоцѣнными приобрѣтеніями для своего будущаго развитія, освободившись отъ старинныхъ учрежденій, препятствовавшихъ ея процвѣтанію и развитію

Декретомъ кортесовъ 6 августа 1811 года было постановлено уничтоженіе всѣхъ господскихъ правъ и патримоніальной юрисдикціи; за тѣмъ другимъ декретомъ 6 іюля 1843 года было положено ограниченіе другой вѣковой язвы крестьянъ — обычаю месты. Всѣмъ владѣльцамъ и фермерамъ, по новому декрету, дозволялось впредь принимать мѣры для защиты своихъ полей и луговъ отъ всякаго чуждаго пользованія, слѣдовательно и отъ странствующихъ стадъ. На ряду съ этими мѣрами шло уничтоженіе майоратовъ, начало которому было положено Іосифомъ Наполеономъ и окончено декретами кортесовъ 1820 и 1821 годовъ. Въ то же время проложенъ былъ путь къ превращенію испанскихъ крестьянъ изъ временныхъ арендаторовъ въ наслѣдственныхъ, вслѣдствіе распоряженія, по которому всѣ договоры сдѣланы были обязательными и для наслѣдниковъ договаривающихся сторонъ. Но самое великое и благотѣльное вліяніе на образованіе независимаго и отчасти владѣющаго землею крестьянскаго сословія было распоряженіе создателей конституціи 1812 года объ отчужденіи всѣхъ необработанныхъ земель, принадлежавшихъ коронѣ и городскимъ обществамъ, въ частное владѣніе, а также конфискація владѣній монастырскихъ и духовенства вообще, послѣдовавшая въ 1835 году. Эти мѣры имѣли самыя благотѣльныя послѣдствія, потому что содѣйствовали переходу земель, въ громадныхъ массахъ скопленныхъ прежде въ мертвой рукѣ, въ руки множества трудолюбивыхъ и подверженныхъ податямъ лицъ и такимъ образомъ благопріятствовали увеличенію слабо развитаго доселѣ сословія землевладѣль-

цевъ вообще. По свѣдѣніямъ 1812 года, 24,223,760 гектаровъ, т. е. все количество обрабатываемой земли, составлявшей только половину общаго пространства ¹⁾, было раздѣлено слѣдующимъ образомъ: дворянству принадлежало 11,912,420 гектаровъ, духовенству — 4,220,260, частнымъ лицамъ — 8,091,180. Число крестьянъ собственниковъ простиралось до 273,760, фермеровъ до 403,407, поденщиковъ до 909,275. Слѣдовательно, число земледѣльческихъ хозяйствъ, обрабатываемыхъ крестьянами-собственниками и фермерами, простиралось до 677,368 и каждое хозяйство среднимъ числомъ занимало 35 гектаровъ обработанной земли или 72 гектара земель всякаго рода. Нынѣ, вслѣдствіе раздѣленія помѣстій и распродажи имѣній духовенства, число крестьянъ-собственниковъ значительно возрасло. По мнѣнію Блока, число земледѣльческихъ хозяйствъ лѣтъ 15 тому назадъ простиралось до 1,095,200; число же крестьянъ собственниковъ возрасло до 546,100 душъ или почти удвоилось ²⁾. По послѣднимъ же офиціальнымъ свѣдѣніямъ число собственниковъ въ 1860 году простиралось уже до 2,539,109, а въ 1861 году до 2,592,527; такъ что въ теченіи одного года число ихъ возрасло на 53,417 или на 2% ³⁾.

Перемѣна, совершившаяся въ общественномъ устройствѣ Испаніи, вслѣдствіе измѣненія положенія земледѣльческаго населенія, пока еще слишкомъ нова, чтобы можно было съ точностью опредѣлить всѣ благодѣтельные послѣдствія ея. Новое устройство нѣсколько разъ прерываемое, особенно долготѣнимъ царствованіемъ Фердинанда VII, не успѣло еще произвести всѣхъ

¹⁾ Общее пространство Испаніи равняется 48,809,794 гектарамъ.

²⁾ Block «Des charges de l'agriculture dans les divers pays de l'Europe». 1851. стр. 185.

³⁾ Legoyt «La France et l'étranger. Etudes de statistique comparée». 1864. стр. 478.

благихъ результатовъ, какихъ можно было ожидать отъ него въ теченіе слѣдующихъ двухъ поколѣній. Въ многихъ мѣстахъ старинная организація не успѣла еще видоизмѣниться и потому обработка и собственность находятся въ такомъ же положеніи, какъ въ теченіе послѣднихъ вѣковъ. Обширныя помѣстья въ Андалузій, Эстремадурѣ и вообще въ центральной Испаніи, столь долго поддерживаемыя майоратами и субституціями и столь долго скованныя неподвижностью въ мертвыхъ рукахъ духовенства и религіозныхъ обществъ, въ значительной мѣрѣ сохранились донинѣ. Даже въ сѣверной части Испаніи, гдѣ мелкая собственность наиболѣе развита, находятся еще громадныя пространства земель болѣе или менѣе пренебреженныхъ ¹⁾. Но эти печальные остатки и слѣдствія предшествовавшей организаціи, по всей вѣроятности, не замедлятъ въ скоромъ времени исчезнуть подъ благотворнымъ вліяніемъ новыхъ условій и новыхъ законовъ. Счастливые результаты новой организаціи чувствуются уже во многихъ мѣстностяхъ. Въ Бискайѣ, Каталоніи, Аррагоніи, Наваррѣ, Астуріи, Галиціи, Леонѣ, Валенсіи — мелкая собственность является уже преобладающею формою землевладѣнія со всѣми ея благотѣльными послѣдствіями. Всѣ факты, которые можно привести въ пользу новаго порядка, свидѣтельствуютъ, что Испанія въ настоящее время находится въ періодѣ истинно поразительнаго развитія и чрезвычайно быстрого процвѣтанія и можетъ питать самыя прекрасныя надежды на будущее. Это доказывается и быстрымъ развитіемъ народонаселенія, и громаднымъ увеличеніемъ туземнаго производства, и вообще повсемѣстнымъ улучшеніемъ быта народонаселенія. Не далѣе какъ въ началѣ прошлаго вѣка народонаселеніе ея едва достигало 6 милліоновъ; въ 1833 году она имѣла уже болѣе 12 милліо-

¹⁾ Leplay «Les ouvriers européens».

новъ; въ 1849 году болѣе 14; а въ 1857 году народонаселеніе достигло 16,300,000. Несмотря на это увеличеніе народонаселенія, внутреннее земледѣльческое производство вполне удовлетворяло его потребностямъ. Въ этомъ отношеніи результаты весьма замѣчательны. Испанія, которая въ началѣ еще 19 столѣтія должна была привозить изъ другихъ странъ почти пятую часть ежегодно употребляемаго хлѣба, въ 1850 году производила уже не только достаточное количество для своего столь сильно возросшаго народонаселенія, но даже начала вывозить свой хлѣбъ въ другія страны ¹⁾.

Тѣ же причины, которыя столь гибельно дѣйствовали на земледѣліе и земледѣльческій классъ въ Испаніи, имѣли мѣсто также и въ Португаліи. Тамъ мы встрѣчаемъ тѣ же бѣдствія отъ майоратовъ, отъ громадныхъ помѣстій, отъ мертвой руки, отъ обычая мести. Единственные мѣстности, представлявшія нѣкоторое благосостояніе и болѣе благопріятный видъ относительно обработки и положенія жителей, были тѣ, гдѣ большія помѣстья были рѣдки и гдѣ собственность находилась преимущественно въ рукахъ земледѣльцевъ. Къ такимъ мѣстностямъ принадлежали провинція Миньо и часть гористой страны Алментейо, которыя, по словамъ Людера и нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ, отличались богатствомъ и прилежаніемъ жителей, отличною обработкою, и самымъ густымъ народонаселеніемъ ²⁾.

¹⁾ Moreau de Jonnés «*Statist. de l'Espagne*»; стр. 35, 108, 284 и др.—Block; стр. 178.

²⁾ Alison «*The princ. of popul.*»; т. 1. стр. 48.—Lüder «*Ueber die Industrie und Kultur der Portugiesen*». Berlin. 1808. стр. 136 и 139.

ГЛАВА VI.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ИТАЛІИ.

Печальная судьба Италіи въ теченіе среднихъ вѣковъ и новаго времени, ея политическое раздробленіе, имѣли вообще гибельное вліяніе на положеніе земледѣльческаго народонаселенія. Съ самаго паденія Западной Римской Имперіи большая часть Италіи никогда не могла вполне освободиться отъ латифундій, оказывавшихъ самое гибельное вліяніе на матеріальное благосостояніе и нравственное развитіе народа. Правда, сначала обстоятельства, повидимому, благопріятствовали земледѣльческому классу. Положеніе его значительно улучшилось вслѣдствіе великаго переворота, совершившагося въ Италіи въ XII столѣтіи, благодаря развитію и процвѣтанію могущественныхъ городскихъ общинъ. Переворотъ этотъ, мало по малу охватившій всю страну, имѣлъ самое благопріятное вліяніе на положеніе несвободныхъ земледѣльцевъ. Сильное развитіе городовъ и пріютъ, который они доставляли угнетеннымъ крѣпостнымъ, принудили дворянство и духовенство обходиться болѣе справедливо и человѣколюбиво съ своимъ подвластнымъ населеніемъ. Самыя войны и междоусобія, которыя постоянно вели между собою италіянскіе города и мелкія отдѣльныя государства, были явленіемъ благопріятнымъ для крѣпостнаго населенія, потому что оно весьма часто употреблялось для войнъ, и въ награду получало освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

Этимъ объясняется почему крѣпостное право рано исчезаетъ въ большей части Италіи. Уже въ XII столѣтіи число крѣпостныхъ значительно уменьшается. Въ 1256 году упоми-

нается объ освобожденіи крестьянъ въ Болоньѣ; около 1260 года въ Тревизѣ; въ 1288 году во Флоренціи; въ XV же столѣтіи одинъ писатель, приводимый Муратори, говоритъ уже о крѣпостныхъ, какъ о классѣ почти совершенно не существующемъ ¹⁾. Но хотя сельское населеніе рано достигло благодѣтельной личной свободы, тѣмъ не менѣе участь его начала значительно ухудшаться вслѣдствіе постепеннаго превращенія изъ наслѣдственныхъ арендаторовъ и мелкихъ собственниковъ во временныхъ арендаторовъ. Въ южной Италіи это произошло въ анархическій періодъ, начавшійся съ половины XIV вѣка; въ верхней же и средней въ самый цвѣтушій періодъ италіанской промышленности и торговли. Уже при самомъ уничтоженіи крѣпостнаго права и основанныхъ на ленной системѣ отношеній, многіе крестьяне должны были уступить свои земли помѣщикамъ, сдѣлаться арендаторами, поденщиками и горожанами ²⁾. Другіе же, которымъ удалось удержать земли въ своемъ полномъ распоряженіи, также не замедлили распродать ихъ, потому что частыя войны, непрерывные раздоры, голодъ и другія причины были въ особенности пагубны для мелкихъ владѣльцевъ. Вслѣдствіе этого поземельная собственность все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ рукахъ большихъ поземельныхъ владѣльцевъ и городскихъ капиталистовъ, которые пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ приобрѣсть за ничтожныя цѣны мелкія помѣстья. Такъ, во время дороговизны 1590 года фамиліи Савелли и Чиги скупили всю землю въ окрестностяхъ Аричіи; точно также дѣйствовали ломбардскіе и венеціанскіе вельможи во время и послѣ опустошитель-

¹⁾ Henry Hallam «View of the state of Europe in middle ages», t. 1. стр. 200. — Roscher «System der Volkswirth»; т. 2, стр. 379. — Sugenheim. стр. 202.

²⁾ Rumohr «Ursprung der Besitzlosigkeit der Colonen»; стр. 71, 74 и 81.

ныхъ войнъ ¹⁾. Не удивительно, что при постоянныхъ внутреннихъ междоусобіяхъ, мелкая собственность, болѣе всего нуждающаяся въ мирѣ и внутреннемъ порядкѣ, все болѣе и болѣе исчезала въ Италіи; напротивъ, большая поземельная собственность, сосредоточенная въ рукахъ богатыхъ фамилій и духовныхъ учрежденій, поддерживаемая притомъ майоратами и фидейкомиссами, постоянно возрастала. Если и бывали случаи, когда она подвергалась опасности распасться вслѣдствіе обремененія долгами, то на помощь ей обыкновенно являлись различныя побочныя средства въ богатыхъ духовныхъ приходахъ, папскомъ непотизмѣ, которыя не только спасали ее отъ опасности, но доставляли даже новыя средства расширить свое господство на счетъ мелкихъ владѣній. Такимъ образомъ большая часть поземельной собственности перешла въ руки дворянства, духовенства и городскихъ капиталистовъ; земледѣльцы же превратились въ половниковъ, мелкихъ арендаторовъ и поденщиковъ. Такое положеніе сохранилось почти повсемѣстно въ Италіи донынѣ.

Въ наиболѣе печальномъ положеніи сельское населеніе и устройство поземельной собственности находится въ настоящее время въ Неаполитанскомъ королевствѣ и въ Папской Области. Сначала ленная система, введенная въ Неаполѣ въ XI столѣтіи Норманами, потомъ плохое управленіе анжуйской династіи, далѣе еще болѣе гибельное испанское владычество долгое время держали сельское населеніе Неаполитанскаго королевства въ самыхъ неблагопріятныхъ для его развитія условіяхъ. Въ какомъ угнетенномъ положеніи находилось оно еще въ концѣ XVIII столѣтія видно изъ того, что здѣсь существовали не только всѣ тѣ же феодальныя повинности, кото-

¹⁾ Подобный же фактъ наблюдалъ Руморъ еще въ 1817 году. Rumohr «Ursprung der Besitzlosigkeit», стр. 154.

рыя господствовали въ ту же эпоху во Франціи, но еще множество другихъ неизвѣстныхъ тамъ или давно вышедшихъ изъ употребленія. Хотя французское владычество содѣйствовало уничтоженію этихъ повинностей и имѣло нѣкоторое вліяніе на освобожденіе земли и лицъ, тѣмъ не менѣе крупная поземельная собственность, благодаря удержавшимся федеикомиссамъ, успѣла сохранить свой средне-вѣковой характеръ. Большая часть земли донынѣ сосредоточена въ рукахъ дворянства и духовенства, которыя владѣютъ обширными пространствами, хотя и плодородной, но мало обработанной почвы. Они обыкновенно не занимаются земледѣліемъ, живутъ въ городахъ и отдаютъ свои земли въ откупъ фермерамъ-спекулянтамъ, которые, въ свою очередь, дробятъ ихъ на части и отдаютъ на короткій срокъ мелкимъ арендаторамъ-половникамъ ¹⁾. Этимъ объясняется, почему земледѣліе находится въ самомъ неразвитомъ состояніи. Самыя обширныя пространства плодороднѣйшей почвы остаются невоздѣланными и еще нынѣ не собираются столько произведеній, сколько получалось даже въ началѣ текущаго столѣтія подъ французскимъ владычествомъ ²⁾.

Еще въ болѣе печальномъ положеніи находится Папская Область. Сосредоточеніе поземельной собственности относится здѣсь, по словамъ Сисмонди, еще ко временамъ Римской имперіи, когда богатые аристократическія семейства сосредоточили въ своихъ рукахъ громадныя имѣнія, вытѣснивши изъ деревень свободныхъ жителей и замѣнивши ихъ небольшимъ числомъ рабовъ. Послѣ паденія Западной Римской Имперіи въ большей части Италіи развились феодальныя начала, которыя заставили богатыхъ владѣльцевъ искать для своей собственной безопасности не денегъ, а людей. Они начали разда-

¹⁾ Block «Des charges de l'agriculture», стр. 316.

²⁾ Fulchiron «Voyage en Italie», 1843 — 47. т. 2. стр. 99 и 113.

вать поземельные участки на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. У многихъ владѣльцевъ плата за землю была весьма умѣренна; а у нѣкоторыхъ, кромѣ обязанностей военной службы, крестьяне почти ничего не платили. Крестьянскіе участки переходили потомственно отъ отцовъ къ дѣтямъ. Латифундіи раздробились, и съ упроченіемъ поземельнаго владѣнія явилось болѣе многочисленное земледѣльческое населеніе. Но такая благопріятная перемѣна сначала почти не коснулась Римской области. Большія имѣнія этой страны не подверглись раздробленію. Многія изъ нихъ нераздѣльно перешли въ мертвыя руки церкви и религіозныхъ учрежденій; другія остались у прежнихъ владѣльцевъ — римскихъ патриціевъ; третія наконецъ, поступили во владѣніе варварскихъ военачальниковъ, которымъ императоры раздавали земли за ихъ службу.

Папы не заботились объ образованіи въ своихъ владѣніяхъ преданныхъ вассаловъ. Они довольствовались наемными войсками, которыя вмѣстѣ съ непріятелями опустошали римскія владѣнія. Римскіе землевладѣльцы разрѣшали селиться на своихъ земляхъ иностраннымъ колонистамъ, но на условіяхъ невыгодныхъ. Правда, начиная съ XII до XV столѣтія, Агро Романо стало воздѣлываться. Удаленіе папъ въ Авиньонъ лишило Римъ средствъ, доставляемыхъ иностранными богомольцами и путешественниками. Римское населеніе, тѣснимое бѣдностью, должно было обратиться къ земледѣлію; но по возвращеніи папъ изъ Авиньона, богатые землевладѣльцы вновь начали вытѣснять крестьянъ и обращать поля въ пастбища, которыя они считали для себя болѣе выгодными. Несчастные законы о снабженіи Рима хлѣбомъ, установившіе неизмѣнную таксу, которая дѣйствовала въ теченіе двухъ столѣтій (XVII и XVIII), и запрещавшіе вывозъ хлѣба, сдѣлали производство земледѣлія почти невозможнымъ въ предѣлахъ римскихъ владѣній. Это обстоятельство еще болѣе побуждало богатыхъ позе-

мельныхъ владѣльцевъ очищать свои земли отъ крестьянъ поселенцевъ, которые не могли доставить имъ никакихъ выгодъ. Деревни опустѣли, а поля были обращены подъ пастбища. Законодательныя мѣры, побуждавшія къ обработкѣ земли, ничего не могли сдѣлать ¹⁾. Сельское населеніе въ Римской Кампаніи съ каждымъ годомъ уменьшалось, и въ настоящее время на 25 миль, а въ нѣкоторыя стороны на 50 и 60 миль вокругъ Рима нельзя найти ни одного настоящаго крестьянина ²⁾.

Вообще во всей Папской области большая культура господствуетъ нынѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Ее можно встрѣтить на каждомъ шагу. Равнины необъятнаго пространства представляютъ обширныя пастбища, изрѣдко прерываемыя стадіонадами, каштановыми границами, препятствующими скоту переходить на сосѣднія пастбища. Хлѣбныя поля простираются на нѣсколько верстъ; изрѣдка встрѣчаются небольшія фермы, едва достаточныя для помѣщенія тѣхъ, на которыхъ возложенъ надзоръ, словомъ все представляетъ видъ страны въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, предоставленной большой обработкѣ. Но въ особенности эта обработка господствуетъ въ Римской Кампаніи и въ Понтійскихъ болотахъ.

Вся Римская Кампанія, пространствомъ превышающая 2200 квадр. верстъ и составляющая собственность 113 семействъ и 64 конгрегацій, занимаетъ мѣстность отъ Витебской горы до Террачины и отъ моря до Сабинскихъ горъ. Она представляетъ нынѣ одинъ, такъ сказать, необъятный лугъ, совершенное однообразіе котораго изрѣдка прерывается нѣскольки-

¹⁾ Сикстъ V († 1484) повелѣлъ, чтобы $\frac{1}{3}$ земель была обрабатываема. Подобныя же повелѣнія повторялись при Климентѣ VII, 1523 года, Піѣ VI—1783 года, но все они были тщетны предъ сопротивленіемъ дворянства. Rosther, ч. 2. стр. 183.

²⁾ Sismondi «Etudes sur l'ec. pol.», т. 2. стр. 7.

ми хлѣбными полями. Небольшое число фермъ, родъ укрѣпленныхъ замковъ, воздвигнутыхъ нѣкогда противъ нападеній Мавровъ и разбойниковъ, увеличиваютъ печальное однообразіе этого вида. Столь же печальную картину уединенія и озустошенія представляютъ Понтійскія болота, отдѣленные отъ Римской Кампаніи Альбанскими горами и тянуціяся отъ Террачины, древняго Аксура Грековъ, до самой Чивита-Векіи. Все это обширное пространство раздѣлено не болѣе, какъ на 400 фермъ, изъ которыхъ наименьшія занимаютъ покрайней мѣрѣ 300 десятинъ, многія же достигаютъ до 5000 и болѣе. Такъ, на берегу моря, между развалинами древней Ардеи и порта Лаціума, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Турнъ сражался противъ Энея, находится нынѣ обширная пастбищная ферма, принадлежащая князю Торлони, называемая *Tor'san Lorenzo*, пространство которой равняется 2,500 руббіямъ ¹⁾ или болѣе 4200 десятинъ; въ Понтійскихъ болотахъ фермы еще болѣе; такъ, *For Arrio* имѣетъ 4000 рубій, изъ которыхъ впрочемъ третья часть занята лѣсомъ ²⁾. Въ провинціи Веллетри указываютъ на арендное имѣніе Кампо-Морто, принадлежащее церкви, пространство котораго занимаетъ 85 квадр. верстъ, и которое донынѣ служитъ убѣжищемъ преступникамъ ³⁾. Фермеры, снимающіе эти громадныя аренды, называются *mercanti di tinuti* или *di campra*, имя, которое вполне соотвѣтствуетъ роду ихъ операций. Они нисколько не похожи на другихъ фермеровъ и только надзираютъ за обработкою нанимаемыхъ ими у большихъ владѣльцевъ земель. Но этотъ надзоръ рѣдко исполняется ими лично и они иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не показываются на фермахъ, поручая надзоръ и управленіе рабо-

¹⁾ Римская мѣра руббъ или руббій равняется 4060 квад. саж.

²⁾ Vernouillet «Rome agricole», 1857. ст. 103 и 113.

³⁾ Guillard «Statistique humaine». — Кольбъ «Сравнит. статистика», пер. Корсака, т. 2, ст. 146.

тами прикащику -- *ministro*, который при пастбищной системѣ называется *massaro*. Сами же они главнымъ образомъ занимаются сбытомъ продуктовъ на рынкахъ, а также вывозомъ, и такимъ образомъ болѣе играютъ роль негоціантовъ. Обыкновенно эти фермеры должны быть очень богаты, чтобы быть въ состояніи переносить сильныя колебанія неурожайныхъ годовъ и затрачивать ежегодно значительныя капиталы, необходимые для обработки и засѣва земель. Главная спекуляція ихъ состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы соразмѣрить производство съ спросомъ, разнообразить его по обстоятельствамъ, изучать колебаніе цѣнъ, выбирать удобныя эпохи для продажи ¹⁾. Желаніе избѣгнуть значительныхъ издержекъ, сопряженныхъ съ хлѣбопашествомъ и невозможность хорошо обрабатывать столь громадныя пространства, при совершенномъ недостаткѣ сельскаго населенія, побудили ихъ главнымъ образомъ обратиться къ пастбищной системѣ и къ скотоводству.

Правда, нѣкоторые писатели, въ особенности Вернулье, стараются объяснить преобладаніе этой системы хозяйства качествами почвы, свойствомъ климата, отсутствіемъ всякой растительности и въ особенности вліяніемъ дурнаго воздуха ²⁾; но это объясненіе не можетъ быть допущено. Напротивъ, все доказываетъ, что почва плодородна и что дурной воздухъ во многихъ мѣстахъ составляетъ не причину, а слѣдствіе большой обработки и тѣсно связанной съ нею пастбищной системы. «Воздухъ всегда нездоровъ, говоритъ Сисмонди, въ обширныхъ пастбищахъ, вслѣдствіе обильной росы, вызываемой ими; онъ нездоровъ въ мѣстахъ впервые вспаханныхъ послѣ долгаго покоя; онъ нездоровъ въ поляхъ, гдѣ не обращено никакого

¹⁾ Vernouillet «Rome agricole», стр. 29 и сл.

²⁾ Ibidem. стр. 27.

вниманія на теченіе водъ и гдѣ каждый источникъ образуетъ заразительное болото; онъ нездоровъ тамъ, гдѣ для питья чело-
вѣкъ не оставлено чистаго источника, гдѣ жилище выбрано
безъ всякаго вниманія къ гигиенѣ, гдѣ пища его, ограниченная
хлѣбомъ и солониною, никогда не разнообразится свѣжими ра-
стеніями, гдѣ насѣкомыя, лѣтнія мушки и москиты, размножа-
ясь безпрепятственно, достаточны, чтобы воспламенить кровь
и сдѣлать жизнь невыносимою, гдѣ чело-вѣкъ лишенъ, на-
онецъ, всякихъ домашнихъ удобствъ и заботъ, расточаемыхъ
женою и членами семьи. Извѣстно, что саванны Америки и
разработка этой дѣвственной почвы представляютъ тѣ же шан-
сы лихорадки, какъ и римская Кампанія; что успѣхи культу-
ры постоянно изгоняютъ дурной воздухъ и что, наоборотъ, съ
изчезновеніемъ населенія дурной воздухъ снова появляется.
Извѣстно также, что нѣкоторыя части Рима, расположенныя
наиболѣе неблагопріятно, суть самыя здоровыя, потому что
наиболѣе населены; Гроссета въ наше время завоевана при по-
мощи дѣятельности народонаселенія въ Тосканской мареммѣ
у самаго зловреднаго воздуха; развалины римскихъ виллъ на
берегахъ Тибра, вблизи Лавиніума, Лауренціума и Астура
доказываютъ, что Римляне искали наслажденія и свѣжаго мор-
скаго воздуха тамъ, гдѣ нынѣ находятъ только смерть» ¹⁾.
Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что обширныя Понтій-
скія болота были засѣваемы нѣкогда хлѣбомъ и служили для
Рима изобильнымъ и вѣрнымъ источникомъ во времена недо-
статка. Берега Аніо въ *Agro Romano*, столь нездоровыя ны-
нѣ, были покрыты въ 258 году отъ основанія Рима хорошо
обработанными полями ²⁾ Страбонъ свидѣтельствуетъ, что
весь Лаціумъ былъ плодороденъ и здоровъ, за исключеніемъ

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'ec. pol.», т. 2. стр. 41.

²⁾ Dureau de la Malle, т. 2. стр. 29.—Tit. Liv. II. 26.

нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстъ, какъ, напр., равнины между Анціумомъ и Лавиніумомъ и мѣстъ лежавшихъ вокругъ Террачины и Цирцеума. Плиній свидѣтельствуешь, что на скалахъ горъ, окружающихъ Понтійскія болота, возвышались многочисленные города Вольсковъ, слѣды которыхъ можно найти донынѣ. Мѣста, гдѣ находились древніе города Вей, Фидены, Габіи, Ардея столица Рутуловъ и другіе, нынѣ необитаемы. Такимъ образомъ, все свидѣтельствуешь, что въ первыя времена республики, когда земледѣліе было уважаемо, вліяніе дурнаго воздуха не чувствовалось, или по крайней мѣрѣ не препятствовало народонаселенію обрабатывать эти мѣста. Бѣдствіе это появилось только тогда, когда мѣстное населеніе было уничтожено, когда свободные Римляне были отняты у плуга войнами и замѣщены рабами и когда собственность въ громадныхъ массахъ сосредоточилась въ рукахъ патриціевъ, обратившихъ всѣ земли подъ пастбища ¹⁾. Тогда здоровыя дотолѣ страны Латиновъ и Вольсковъ начали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ производить болѣзни, о чемъ свидѣтельствуешь уже Горацийъ, говоря объ августѣ мѣсяцѣ, что онъ «Adducit febres et testamenta resignat». Далѣе извѣстно, что даже въ средніе вѣка, сельское народонаселеніе было несравненно многочисленнѣе въ римской Кампаніи, нежели нынѣ. Одна фамилія Колоновъ въ XV еще столѣтіи владѣла болѣе хорошо населенными деревнями, нежели нынѣ вся провинція считаетъ фермеровъ ²⁾. Фамиліи Орсини, Франжипани, Фарнезе и другія также владѣли значительнымъ количествомъ вассаловъ; нынѣ же земли ихъ представляютъ совершенную пустыню ³⁾. По словамъ Нибура, по кадастру XV вѣка считалось въ Тиволи въ 50, и въ концѣ еще XVIII вѣка въ пять разъ болѣе земле-

¹⁾ Dureau de la Malle, т. 2. стр. 47 и слѣд.

²⁾ Sismondi «Histoire de republiques italiennes», т. II. стр. 43

³⁾ Sismondi «Etudes sur l'ec. pol», т. 2. стр. 24.

владѣльцевъ, чѣмъ теперь ¹⁾. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что если нездоровыя мѣста и содѣйствуютъ въ нѣкоторой степени большой обработкѣ и пастбищной системѣ, то не вездѣ, и нельзя не признать, что во многихъ мѣстахъ этотъ способъ хозяйства вызванъ громадными помѣстьями, въ теченіе долгаго времени остававшимися неотчуждаемыми. Въ этомъ насъ еще болѣе убѣждаетъ конституція папы Пія VII отъ 18 сентября 1802 года. Въ предисловіи къ ней говорится, что во многихъ мѣстахъ, преимущественно же въ Кампаніи, многія помѣстья, которыя еще въ недавнее время были богаты произведеніями и жителями, нынѣ обращены въ *tenute*, т. е. совершенно обезлюдѣли и предоставлены естественнымъ пастбищамъ. «Прежде народонаселеніе было многочисленно и поддерживалось въ этихъ помѣстьяхъ тѣмъ, что собственники ихъ разумно дѣлили землю между значительнымъ числомъ земледѣльцевъ, которые платили имъ часть земледѣльческихъ произведеній. Но гибельныя послѣдствія роскоши мало по малу побудили оставить эту систему. Собственники, соблазненные роскошью и наслажденіями городской жизни, отказались оказывать содѣйствіе культурѣ. Препятствія, полагаемые законами продажъ и внутренней перевозкѣ произведеній, а также насильственные цѣны, въ свою очередь содѣйствовали гибели хлѣбопашества. Эти причины, а также множество другихъ, побудили большихъ собственниковъ отказаться отъ похвального обычая раздѣла своихъ земель между значительнымъ количествомъ мелкихъ земледѣльцевъ. Напротивъ, они начали соединять ихъ въ громадныя фермы, отдавая ихъ одному, потому что увидѣли, что только очень богатые фермеры могутъ обезпечить имъ исправную уплату доходовъ. Сами же

¹⁾ Niebuhr «Vorträge über Römische Geschichte» 1846 — 47. II. стр. 272

они отказались отъ всякихъ заботъ и начали проводить жизньъ среди роскоши и нѣги. Фермеры же, въ свою очередь, какъ и должно было ожидать, пользуясь только кратковременными контрактами, постарались освободиться отъ всѣхъ затрудненій, сопряженныхъ съ собираніемъ мелкихъ поземельныхъ рентъ и съ раздѣломъ небольшихъ сборовъ. Въмѣсто того, чтобы благопріятствовать мелкимъ земледѣльцамъ и стараться о пріобрѣтеніи новыхъ, они предпочли пастбищную систему. Часто притомъ они дурно обращались съ колонами, которыхъ находили на фермахъ, и ускорили ихъ гибель, не помогая имъ и неподдерживая ихъ въ неурожайные годы и во время ихъ болѣзней, какъ это дѣлается всюду, гдѣ знаютъ и уважаютъ настоящую обработку земли. Поступая такимъ образомъ, фермеры уменьшили свои издержки и тѣмъ болѣе утвердились въ этой системѣ, что ручная работа постоянно становилась дороже. Такъ какъ они удалили колоновъ и не употребляли ихъ болѣе для работъ, то число людей значительно уменьшилось и цѣнность труда возрасла. Но если этотъ способъ былъ выгоденъ для нихъ, потому что уменьшилъ ихъ издержки, онъ былъ въ высшей степени губителенъ для государства, потому что лишилъ его истиннаго богатства, земледѣльческихъ произведеній и народонаселенія» ¹⁾.

Такимъ образомъ несомнѣнно, что нынѣшній способъ обработки, столь вредный для общественнаго благосостоянія, главнымъ образомъ вызванъ существованіемъ громаднхъ поземельныхъ владѣній. Пока принцъ Боргезе, говоритъ Фульширонъ, будетъ владѣть 22,000 гектаровъ, герцогъ Сфорца Цезарини — 11,000, князя Памфили и Чиги — каждый болѣе 5000 гектаровъ, капитулъ св. Петра и госпиталь св. Духа

¹⁾ Sismondi — «Etudes sur l'economie politique»; т. 2. стр. 47 и 48

еще большими пространствами; пока 64 корпорации будутъ распредѣлять между собою 75,000, а 113 римскихъ семействъ 126,000 гектаровъ, родъ нынѣшней культуры будетъ продолжать свое существованіе. Средства для хорошей обработки подобныхъ громадныхъ помѣстій недостаточны даже въ здоровыхъ мѣстахъ. Какъ, напр., тщательно наблюдать за подробностями работъ, какъ извлекать возможную выгоду изъ пространства въ 8,600 гектаровъ, расположенныхъ въ Кампо-Морто, описаніе которыхъ представлено Турнономъ? Ежегодно для этой фермы необходимо для засѣва 1000 гектолитровъ пшеницы и 420 гектолитровъ другаго зерна. Обработка требуетъ 320 быковъ и 65 плуговъ; 250 другихъ быковъ ежегодно содержатся для откармливанія; 800 коровъ и 100 буйволовъ пасутся на пару; для надзорщиковъ и перевозки припасовъ требуется 100 лошадей; сверхъ того на фермѣ находится 250 кобылъ и жеребятъ. Во время посѣва требуется 400 чужихъ работниковъ, во время жатвы до 800 ¹⁾). Понятно, почему это громадное хозяйство, несмотря на свой наружный блескъ, въ 1826 году отдавалось въ наемъ по 13 франковъ съ гектара.

Сисмонди, представивъ жалкое положеніе земледѣлія около Рима, замѣчаетъ, что на все это римскіе поземельные собственники и mercanti di campra съ нетерпѣніемъ могутъ возразить: — первые, «наши земли находятся въ благонадежныхъ рукахъ и съемщики ихъ не только состоятельны, но даже богаче насъ; они намъ платятъ бездоимочно высокую ренту, чего же хотятъ отъ насъ?» Вторые — «мы внесли въ нашу промышленность огромные капиталы и обширныя свѣдѣнія; мы получаемъ значительныя прибыли; мы довольны; почему пра-

¹⁾ Fulchiron «Voyage dans l'Italie meridionale», 2 edit. 1843. t. I. p. 304.

вительство вмѣшивается въ наши дѣла? почему оно хочетъ учить насъ, что мы должны дѣлать съ нашей собственностью? не слѣдуетъ ли полагать, что мы лучше понимаемъ наши интересы, нежели оно?»

Очень хорошо, замѣчаетъ имъ на это Сисмонди, но правительство заботится не о вашихъ только интересахъ, а объ интересахъ цѣлой націи; оно имѣетъ священную обязанность не допускать, чтобы народъ былъ уничтоженъ для увеличенія чьихъ бы то ни было выгодъ, а система, которой вы держитесь, дѣйствительно посягаетъ на цѣлость народа во всѣхъ его частяхъ. Сравненіе земледѣлыванія съ скотоводствомъ показываетъ, что второе очень часто приноситъ имъ значительныя прибыли; но это же сравненіе показываетъ, что весь валовой доходъ отъ 1200 руббѣевъ земли, употребленной для скотоводства, не превышаетъ 8000 экю, и что $\frac{1}{12}$ часть этого пространства, при обработкѣ ея, можетъ дать совершенно тотъ же доходъ. Тоже сравненіе показываетъ, что съ этихъ 1200 руббѣевъ, какая нибудь 1000 экю обращается на плату рабочимъ, между тѣмъ какъ при воздѣлываніи этого пространства подъ хозяйственныя растенія, надобно было бы истратить 48,000 экю и вмѣсто 24 работниковъ, состоящихъ на жалованьи, надобно было бы содержать 1152 ¹⁾. Изъ этихъ простыхъ данныхъ легко вывести заключеніе, въ какой степени система скотоводства ниже воздѣлыванія земли подъ хозяйственныя растенія.

Этому сосредоточенію поземельной собственности и необработанному состоянію земли всѣ писатели приписываютъ значительное число пролетаріевъ и нищихъ. Населеніе, вытѣсняемое изъ деревень, постепенно скоплялось въ городахъ и уве-

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'economie politique»; т. 2. стр. 43.

личивало массу городского населенія, которая, не находя себѣ достаточныхъ занятій, по необходимости должна была влачить праздную жизнь среди бѣдности и нищеты, рассчитывая на помощь благотворительныхъ заведеній. Ничему другому, говорить Сисмонди, какъ господствующей системѣ сельскаго хозяйства, слѣдуетъ приписать безнадежную нищету, въ которой находится, какъ самый Римъ, такъ и большая часть провинціальныхъ городовъ. Въ самомъ дѣлѣ въ Римѣ, кромѣ мастеровыхъ, необходимыхъ для художниковъ, кромѣ содержателей гостинницъ, извозчиковъ, лавочниковъ, необходимыхъ только для иностранцевъ, все въ застоѣ, всякая промышленная дѣятельность недоступна для бѣднаго. Обыкновенно Римлянъ обвиняютъ въ лѣности, обыкновенно съ негодованіемъ спрашиваютъ: почему всѣ эти способные къ работѣ люди, которые толпятся на углахъ улицъ, не работаютъ? Но при этомъ не хотятъ понять, что при настоящемъ устройствѣ общества, занятія недоступны человѣку, котораго никто не зоветъ на работу. Передъ глазами Римлянъ разстилаются нескончаемыя невоздѣланные поля, почва которыхъ поразительно плодородна; но развѣ дозволено бѣдному, который тутъ же умираетъ съ голоду, посадить тамъ хоть одно плодовитое дерево? Этотъ же самый бѣдный можетъ ли сдѣлаться каменщикомъ, плотникомъ или слесаремъ? Подобныя занятія назначаются для того, чтобы служить земледѣльцамъ, которые въ замѣнъ того питаютъ ремесленниковъ; а земледѣльцевъ вовсе нѣтъ на 25 миль во всѣ стороны отъ Рима. Всѣ занятія, которыя служатъ для постройки домовъ, должны быть прекращены тамъ, гдѣ нѣтъ жилищъ и гдѣ бѣдные пастухи, блуждающіе по необъятнымъ лугамъ, спятъ или подъ открытымъ небомъ или въ природныхъ гротахъ. Притомъ, поселяне, хотя и стараются возможно меньше истратить на мебель и одежду, тѣмъ не менѣе все-таки имѣютъ въ своихъ жилищахъ крова-

ти, стулья, столы, шкафы, мѣдную и глиняную посуду, столовые и кухонные приборы, праздничное и рабочее бѣлье, платье и обувь, земледѣльческія орудія и инструменты. Каждой этой потребности поселянина соотвѣтствуетъ рабочій въ городахъ, каждая мебель представляетъ ремесло, промыселъ; но когда вы истребляете все сельское населеніе, вы осуждаете въ то же время на праздность и все городское населеніе; вы прекращаете всѣ промыслы, питающіе главную торговлю, именно торговлю между городами и селами. Всѣ необходимыя орудія для овчарни въ 2500 штукъ, при хозяйствѣ, занимающемъ 12 квад. мѣстныхъ миль, стоятъ всего только 30 эку. Какимъ же образомъ подобное земледѣліе можетъ питать промышленное населеніе въ городахъ?

Не удивительно поэтому, что съ возрастаніемъ народонаселенія въ Римѣ постоянно возрастало только число лицъ, которые требовали труда и не находили его, требовали хлѣба и должны были жить благотворительностью частныхъ лицъ, церкви и государства. Въ то же время старинныя римскія фамиліи, княжескіе дома, также приходили въ болѣе и болѣе затруднительное положеніе, между тѣмъ какъ два или три лица съ каждымъ годомъ увеличивали свои громадныя состоянія, скупая дворцы, сады и имущества ¹⁾).

Въ болѣе благопріятномъ положеніи представляются поземельныя отношенія въ сѣверной и средней Италіи, именно въ Тосканѣ, Ломбардіи и Піемонтѣ. Здѣсь во многихъ мѣстахъ земледѣлецъ, освобожденный отъ господскихъ повинностей, сдѣлался независимымъ поземельнымъ собственникомъ. Въ Тосканѣ развитіе мелкой поземельной собственности относится къ прошлому столѣтію и составляетъ заслугу Петра Лео-

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'economie politique» t. 2. p. 44 и сл.

польда II. Какъ почти повсюду въ Италіи, въ Тосканѣ также съиздавна господствовала система предоставленія земли временнымъ арендаторамъ, которые по произволу могли быть сгоняемы землевладѣльцемъ и потому имѣли слишкомъ мало побужденій къ особенному трудолюбію и къ предпринятію улучшеній. Сознавая вредныя послѣдствія такого необезпеченнаго положенія земледѣльцевъ, Леопольдъ рѣшился содѣйствовать превращенію ихъ въ собственникѣвъ и наслѣдственныхъ арендаторовъ. Поэтому, послѣ различныхъ мѣръ, направленныхъ противъ остатковъ средне-вѣковаго устройства и фидеикомиссовъ, онъ издалъ въ 1777 и 1778 году повелѣнія, по которымъ всѣ велико-герцогскія владѣнія, а также земли общинъ, духовенства и благотворительныхъ заведеній, должны были быть проданы крестьянамъ или предоставлены имъ въ наслѣдственную аренду съ опредѣленнымъ оброкомъ. Какъ покупная цѣна, такъ и откупная плата должна была соразмѣряться по обстоятельствамъ съ среднимъ десяти или двадцатилѣтнимъ доходомъ. Участки могли переходить изъ рода въ родъ какъ въ мужскомъ, такъ и въ женскомъ поколѣніи съ уплатою весьма умѣренной вступной цѣны ¹⁾. Эти мѣры доставили мелкимъ временнымъ арендаторамъ почти всѣ выгоды и удобства поземельной собственности. Владѣльцы подобныхъ участковъ, по словамъ Сисмонди, имѣли не только достаточныя средства для своего содержанія и уплаты поземельной ренты, но могли отдѣлять значительную часть своихъ избытковъ на улучшеніе хозяйствъ и не замедлили обратить большую часть полевыхъ земель подъ садоводство и вообще значительно увеличили цѣнность земли ²⁾.

¹⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft»; стр. 219.

²⁾ Sismondi «Etudes sur l'ec. pol.» т. 1. стр. 198.—Его же «Tableau de l'agriculture toscane»; стр. 96.

Вообще поземельная собственность въ Тосканѣ распределена въ настоящее время болѣе равномерно, нежели во многихъ другихъ италіянскихъ государствахъ. По изчисленію Боуринга, въ 1836 году при населеніи въ 1,436,785 жителей считалось 130,190 поземельныхъ собственниковъ (по кадастру 132,845). Вычтя изъ этого числа 7,901 владѣніе, принадлежащее городамъ, церквамъ и другимъ корпораціямъ, получимъ 122,289 владѣній, принадлежащихъ остальному народонаселенію или, другими словами, изъ каждаго 100 семействъ 48 владѣтъ поземельною собственностью ¹⁾.

Такое болѣе справедливое распределеніе поземельной собственности оказываетъ самое благотворное вліяніе на благосостояніе народонаселенія и на успѣхи земледѣлія. По словамъ извѣстнаго путешественника Ленга, матеріальное и нравственное положеніе народонаселенія въ Тосканѣ несравненно лучше, нежели въ Неаполѣ и Римской области, и такъ какъ почва, климатъ и произведенія почти одинаковы, то онъ главнымъ образомъ приписываетъ это различіе большому раздробленію поземельной собственности ²⁾. Сисмонди и Шатовѣ также свидѣтельствуютъ о благосостояніи тосканскаго народонаселенія. По словамъ ихъ, положеніе народа во многихъ мѣстахъ, преимущественно же въ долинѣ Арно, гдѣ поземельная собственность наиболѣе раздроблена, весьма удовлетворительно: пища здоровая, одежда опрятная и даже изящная. Такъ, на примѣръ, въ селахъ, гдѣ господствуетъ производство соломенныхъ шляпъ, женщины по воскреснымъ днямъ носятъ нарядныя платья съ золотыми и серебрянными украшеніями.

Въ столь же благопріятныхъ чертахъ описывается самое земледѣліе и въ особенности указывается на тщательность и

¹⁾ Bowring «Statistica della Toscana, Lucca etc.». 1838. стр. 11.

²⁾ Laing's Notes of a Traveller; стр. 254.

искусство, съ которымъ народонаселеніе пользуется каждымъ клочкомъ земли ¹⁾).

Почти въ столь же благопріятномъ положеніи находится Ломбардія. Правда, въ концѣ прошлаго столѣтія и, можно сказать, почти до 1815 года, вслѣдствіе различныхъ предшествовавшихъ историческихъ причинъ — феодальной системы, господства Испанцевъ, существованія фидейкомиссовъ, — въ Ломбардіи, точно также какъ и въ прочихъ государствахъ Италіи, преобладала большая поземельная собственность и почти вся земля была сосредоточена въ рукахъ дворянства и духовенства; но положеніе съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилось. Событія 1815 года произвели полный переворотъ въ поземельныхъ отношеніяхъ, и Ломбардія въ настоящее время принадлежитъ къ числу странъ, гдѣ поземельная собственность распространена между весьма значительнымъ числомъ лицъ. Подобному перевороту въ особенности содѣйствовало новое законодательство, уничтожившее всѣ права первородства, субституціи и фидейкомиссы и введшее равный раздѣлъ наслѣдствъ между дѣтьми. Нынѣ фамиліные фидейкомиссы сохранились только какъ рѣдкія исключенія. Родовая аристократія лишилась такимъ образомъ всякаго преимущества на исключительное владѣніе народнымъ богатствомъ. Нынѣ не существуетъ никакого привилегированнаго сословія. Принципъ гражданского равенства передъ закономъ и свободная конкуренція пустили глубокіе корни въ сущность общественныхъ учрежденій и принесли самыя благодѣтельные послѣдствія. Полная свобода собственности содѣйствовала быстрому ея обращенію. Многія дворянскія семейства потеряли свою собственность, многія не дворянскія заступили ихъ мѣсто, и вообще поземель-

¹⁾ Alison «The princ. of popul.». т. 1. стр. 462. — Chateauvieux. 89. 81.

ная собственность пришла въ нормальное состояніе, соотвѣтственное мѣстнымъ и хозяйственнымъ условіямъ.

Вообще движеніе народонаселенія и распредѣленія поземельной собственности въ 1838 и въ 1850 году было слѣдующее:

Провинціи	Народона- селеніе въ 1838.	Народона- селеніе въ 1850	Число по- земельн. владѣльцъ въ 1838.	Число по- земельн. владѣльцъ въ 1850.	о/о уве- личенія народо- населен.	о/о уве- личен. позем. владѣл.
Миланъ	522,397	599,797	28,429	30,934	48,81	8,81
Комо	373,216	420,089	84,968	101,421	12,56	19,36
Бергамо	344,207	379,668	68,559	75,370	10,30	9,93
Бресція	336,604	361,322	67,232	80,382	7,34	19,55
Кремона	188,565	204,180	20,658	22,120	8,27	7,77
Лоди-Крема	206,314	220,287	21,357	21,787	6,77	2,02
Мантуя	252,406	269,494	36,123	38,789	6,77	7,38
Сондріо	99,903	98,081	42,975	52,146	7,89	21,29
Павія	157,022	170,807	15,525	14,774	8,78	1,85
Итого	2,471,634	2,723,815	385,826	437,723	10,20	11,54.

Такимъ образомъ въ 1850 году на 2,723,815 жителей приходилось 437,723 поземельныхъ владѣльца. Впрочемъ, это количество не вполне соотвѣтствуетъ числу дѣйствительныхъ поземельныхъ собственниковъ, такъ какъ одно лице владѣетъ иногда участками въ нѣсколькихъ общинахъ. Поэтому Яцини полагаетъ, что изъ общаго числа владѣльцевъ должно вычесть пятую часть, такъ что число дѣйствительныхъ поземельныхъ собственниковъ простирается, по его мнѣнію, до

350,000, или одинъ поземельный собственникъ приходится на 8 жителей, на 49 миланскихъ рутеновъ (около 3 десятинъ) обрабатываемой земли и на 93 рутена (около 6 десятинъ) общаго пространства ¹⁾. Вслѣдствіе разнообразія мѣстныхъ условій это общее количество распредѣляется между различными частями Ломбардіи весьма неравномѣрно. Въ южныхъ низменныхъ провинціяхъ и отчасти въ средней части Ломбардіи, гдѣ условія въ особенности благопріятствуютъ большой обработкѣ, господствуетъ по преимуществу крупная собственность. Напротивъ въ сѣверной гористой части, въ провинціяхъ Комо, Сондріи Бергамо и отчасти Бресчіи, преобладаетъ мелкая крестьянская собственность. Вообще въ этой послѣдней мѣстности 1 землевладѣлецъ приходится на 3 жителя, именно: въ среднихъ частяхъ Val Brembana, въ провинціи Бергамо, 1 землевладѣлецъ приходится на 5½ жителей; въ верхней части ея 1 на 3½; въ Val Camonica, лежащей въ той же провинціи, 1 на 2½; нѣсколько болѣе въ Val Seriasa; а въ провинціи Сондріо 1 землевладѣлецъ приходится на 2 жителя. Все это показываетъ, что поземельная собственность въ Ломбардіи довольно раздроблена. Вышеприведенная таблица свидѣтельствуетъ притомъ, что въ теченіи 12 лѣтъ, съ 1838 по 1850 годъ, дробленіе поземельной собственности шло нѣсколько скорѣе, нежели увеличеніе народонаселенія. Въ то время какъ послѣднее возрасло въ этотъ періодъ отъ 2,471,634 до 2,723,815, т. е. увеличилось на 10,20%; количество землевладѣльцевъ возрасло отъ 385,826 до 437,723 или на 11,54%. Несмотря на то, Яцини полагаетъ, что усиливающееся, раздробленіе не представляетъ ничего опаснаго, ибо совершается вслѣдствіе требованій культуры. Главное раздробленіе происходило въ провинціяхъ

¹⁾ Jacini «Grundbesitz und Landvolk in Lombardie», übers von Franco 1857. стр. 109 и сл.

Комо, Бресція и въ особенности въ Сондріо, гдѣ увеличеніе числа поземельныхъ владѣльцевъ значительно превосходило увеличеніе народонаселенія. Напротивъ, въ Миланѣ, Лоди, Кремонѣ, гдѣ господствуетъ большая поземельная собственность, народонаселеніе увеличивалось въ большей пропорціи, нежели количество владѣльцевъ, а въ провинціи Павіи число послѣднихъ даже уменьшилось, несмотря на увеличеніе народонаселенія. Такъ какъ между этими различными провинціями не существуетъ никакого различія ни въ политическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи, то очевидно, что эту разницу главнымъ образомъ должно приписать чисто экономическимъ причинамъ. Правда, дробленіе поземельной собственности въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверной Ломбардіи довольно сильно, но это, еще нисколько не дѣлаетъ желательнымъ появленія большой собственности, ибо кто стоитъ за нее, тотъ, по словамъ Яцини, показываетъ совершенное непониманіе земледѣльческаго положенія гористой мѣстности, гдѣ, за исключеніемъ долинъ, земледѣліе могло появиться только вопреки неблагоприятнымъ мѣстнымъ условіямъ и гдѣ оно можетъ процвѣтать только подъ неутомимою рукою крестьянина-собственника. Вопросъ о томъ, большая или малая собственность предпочтительнѣе, можетъ имѣть практическое значеніе только тамъ, гдѣ для успѣшнаго земледѣлія необходимъ огромный оборотный капиталъ и основательныя свѣдѣнія. Въ описываемой же здѣсь мѣстности трудъ составляетъ единственный элементъ производства: капиталъ и наука заключаются, такъ сказать, въ мускулахъ земледѣльца. Мѣстныя условія указываютъ, какая система лучше для этой мѣстности тѣмъ, что единственное земледѣльческое правило, которое можетъ быть приложено здѣсь, состоитъ въ томъ, чтобы работать, какъ можно больше. Слѣдовательно та система обработки, которая наиболѣе содѣйствуетъ энергіи труда, является вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе

выгодною для этой страны, а такая система есть именно мелкая обработка, при которой каждый обрабатывает свой собственный участок. Такимъ образомъ, раздробленіе земли въ этой мѣстности вполнѣ объясняется природными условіями и, какъ говоритъ Яцини, ничто не мѣшаетъ даже дальнѣйшему дробленію; потому что участокъ въ 10 рутеновъ, цѣлый или раздробленный, будетъ производить одинаково и желательно только, чтобы подобный участокъ не составлялъ единственного источника доходовъ семьи. Впрочемъ, горные жители отличаются предприимчивостью и въ затруднительномъ положеніи умѣютъ находить себѣ побочныя занятія ¹⁾).

Поземельное устройство Піемонта представляетъ весьма много сходныхъ чертъ съ устройствомъ прочихъ областей сѣверной Италіи, съ тою только разницею, что поземельная собственность нѣсколько менѣе распространена между земледѣльческимъ народонаселеніемъ. Начало постепенному уничтоженію средневѣковаго устройства было положено герцогомъ Эммануиломъ Филибертомъ, который въ половинѣ XVI вѣка отмѣнилъ строгое крѣпостное право. Окончательное же устраненіе ленныхъ отношеній совершилось въ 1797 году, подъ вліяніемъ французской революціи, при Карлѣ Эммануилѣ IV, который въ то же время запретилъ учрежденіе новыхъ майоратовъ и ограничилъ срокъ существующихъ двумя поколѣніями. Но хотя крестьяне давно уже освободились отъ феодальной зависимости, тѣмъ не менѣе далеко не всѣ успѣли достигнуть поземельной собственности. Съ уничтоженіемъ феодальныхъ отношеній, прежніе ленные владѣльцы съ ограниченнымъ правомъ собственности сдѣлались большею частью неограниченными владѣльцами; сельское же населеніе осталось безъ собственности и превратилось, какъ и въ прочей Италіи, во времен-

¹⁾ Jacini «Grundbesitz und Landvolk», стр. 141 и 175.

ныхъ арендаторовъ и поденщиковъ. Нынѣ, по словамъ Функе, вся земля принадлежитъ немногимъ дворянамъ, капиталистамъ, монастырямъ и духовенству. Часто цѣлые города со всею областью принадлежатъ нѣсколькимъ богачамъ ¹⁾. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Лигуріи и Піемонта находится также значительное число крестьянъ собственниковъ; такъ въ западной Лигуріи они составляютъ преобладающее большинство, именно около $\frac{9}{10}$ всѣхъ собственниковъ ²⁾.

Въ Пармѣ и Моденѣ поземельное положеніе не лучше, чѣмъ въ Піемонтѣ. Здѣсь также земледѣльцы лишены поземельной собственности и обрабатываютъ землю большею частью въ качествѣ половниковъ.

ГЛАВА VII.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Древнее государственное устройство германскихъ народовъ главнымъ образомъ основывалось на общинахъ, состоявшихъ изъ крестьянъ, владѣвшихъ свободно поземельною собственностью. Крестьяне жили или совокупно въ деревняхъ, или разсѣянно отдѣльными дворами, «ut fons, ut campus, ut nemus placuit». Большая часть необработанной земли, «куда не ходила коса и плугъ» (wohin nicht Sense und Pflug geht), находилась въ общемъ владѣніи; усадебные участки составляли наследственную собственность; пахатныя же земли подвергались періодическимъ раздѣламъ ³⁾.

¹⁾ Funke «Die heillosen Folgen der Bodenzersplitterung»; стр. 144.

²⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufhebung der Leibeig.»; стр. 263.

³⁾ Maurer «Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf-und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt». 1854.

Это первоначальное устройство, основанное на свободной крестьянской собственности, рано исчезаетъ, вслѣдствіе постепеннаго развитія ленной системы и крѣпостныхъ отношеній. Поземельная собственность сосредоточивается все болѣе и болѣе, и крестьяне лишаются не только права свободно располагать своими участками, но мало по малу теряютъ даже личную свободу, становятся въ зависимое отношеніе отъ большихъ землевладѣльцевъ и превращаются въ крѣпостныхъ. Этому постепенному переходу отъ первобытной свободы сельского населенія къ рабству содѣйствовала бездна самыхъ разнообразныхъ историческихъ и экономическихъ условій, непрерывно дѣйствовавшихъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Сюда относится покореніе туземцевъ пришлыми племенами, задача завоеванныхъ земель, насильственное распространеніе христіанства, способъ отправленія военной службы, установленный Карломъ Великимъ, постепенное разложеніе этого устройства при слабыхъ преемникахъ его, средне-вѣковая неурядица, заставлявшая каждого искать безопасности не въ законѣ, а въ личномъ покровительствѣ могущественныхъ лицъ, вліяніе древней языческой образованности, переводъ нѣмецкихъ терминовъ въ латинскіе и подведеніе народныхъ представленийъ подъ юридическія формулы римскаго права, безсиліе верховной власти и недостатокъ денежныхъ средствъ на удовлетвореніе ея потребностей, постепенный переходъ государственныхъ правъ и доходовъ въ руки господствующихъ сословій и частныхъ лицъ въ видѣ привилегій и бенефицій, введеніе семейныхъ фидеикомиссовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, частныя и общія возстанія крестьянъ противъ ихъ утѣснителей, опустошеніе цѣлыхъ земель во время тридцатилѣтней войны, пріучившей поселянъ къ бродячей жизни, крутыя мѣры къ восстановленію ихъ осѣдлости и т. д. Всѣ эти событія, характеризующія средне-вѣковую и отчасти новую исторію Германіи,

имѣли самое гибельное вліяніе на земледѣльческое сословіе, и потому не удивительно, что еще въ концѣ XVIII вѣка почти повсемѣстно въ Германіи господствовало средне-вѣковое устройство и крѣпостное право въ видѣ крѣпостной принадлежности имѣнію и наследственного подданства (*Gutspflichtigkeit, Eigenbehörigkeit, Erbunterthänigkeit*). Крестьяне, хотя и владѣли поземельною собственностью, но въ то же время были обязаны состоять подъ постояннымъ надзоромъ помѣщиковъ-дворянъ, подчиняться ихъ суду и расправѣ, отправлять въ пользу ихъ работы и повинности, уступать имъ часть изъ своего наследства, сообразоваться съ ихъ волею при передачѣ участковъ.

Вообще, какъ права крестьянъ на землю, такъ и повинности, тяготѣвшія на нихъ, вслѣдствіе обилія, дѣйствовавшихъ не однообразно и не повсемѣстно историческихъ причинъ, представляли чрезвычайную пестроту и разнообразіе.

Что касается до крестьянскаго владѣнія землею, то оно представляло цѣлый рядъ ступеней, начиная отъ пользованія, приближавшагося къ арендѣ, и кончая почти настоящею собственностью. Вообще относительно права пользованія и наследованія земли можно принять слѣдующіе разряды. Нѣкоторые хозяева пользовались правомъ пожизненнаго срочнаго, а иногда безсрочнаго, но не потомственнаго владѣнія. Это не были простые временные арендаторы, потому что переходъ земель къ наследникамъ былъ дозволенъ подъ извѣстными, хотя и тягостными условіями; потому, далѣе, что крестьянскія повинности были опредѣлены и могли быть увеличены помѣщикомъ только при перемѣнѣ владѣльца; наконецъ, потому еще, что присоединеніе крестьянскихъ участковъ къ господскимъ землямъ было запрещено ¹⁾. По смерти хозяина или по истече-

¹⁾ Rau «Grundsätze der Volkswirtschafts-politik», 1861. ч. I, стр 95.

ни контрактнаго срока, или, если участокъ сданъ былъ безсрочно, по предварительному оповѣщенію содержателя, помѣщикъ необходимо долженъ былъ передать упраздненный дворъ другому хозяину.

Другой разрядъ хозяевъ пользовался правомъ потомственнаго владѣнія, но съ нѣкоторыми ограниченіями, напр., на известное число поколѣній, или такъ что помѣщикъ удерживалъ подъ известными условіями право отнятія земли и присоединенія ея къ своимъ полямъ. Такъ, пфальцскіе «Erbestände» наследовались въ трехъ поколѣніяхъ; пфальцскіе же «Leibgedingsgüter» давались или одному владѣльцу, или мужу и женѣ; иногда также опредѣленно обозначеннымъ дѣтямъ ¹⁾.

Третій разрядъ пользовался правомъ постоянного наследственнаго владѣнія на однажды навсегда опредѣленныхъ условіяхъ. Владѣльцы подобныхъ участковъ могли закладывать и отчуждать ихъ, но не иначе какъ съ согласія помѣщика, и въ случаѣ смерти и продажи, должны были вносить опредѣленную часть цѣны помѣщику, доходившую иногда до $\frac{1}{3}$ стоимости участка, подъ названіемъ *Gebühr* или *Handlohn*. При томъ они платили опредѣленный денежный или натуральный оброкъ, вносили десятину, отбывали барщину по положенію. Помѣщикъ же, съ своей стороны, не имѣлъ права увеличивать ихъ повинностей и не могъ сгонять ихъ съ участковъ иначе, какъ по судебному приговору за дознанное нерадѣніе и проступки. По смерти хозяина, или по удаленіи его, участокъ переходилъ къ наследнику по завѣщанію или закону.

¹⁾ Невыкупленные участки въ Богеміи, Моравіи, Галиціи, Австрійской Силезіи переходили по наследству только къ дѣтямъ, но не могли быть отчуждаемы и продаваемы. Въ Бременѣ и Верденѣ помѣщикъ имѣлъ право присоединять крестьянскій дворъ, если онъ нуждался въ немъ для жилища, а также въ случаѣ трехлѣтней недоимки.

Наконецъ, кромѣ всѣхъ этихъ разрядовъ ограниченной крестьянской собственности, въ различныхъ государствахъ Германіи съ давняго времени встрѣчалось также нѣкоторое число вольныхъ осѣдлыхъ крестьянъ, жившихъ на участкахъ, принадлежавшихъ имъ на правѣ полной личной собственности. Крестьяне эти, составлявшіе родъ сельской аристократіи, были или случайно уцѣлѣвшіе остатки древняго крестьянства: *Freibauern*, *Freicholzen*, *freie Landsässen*, или потомки древнихъ колонистовъ, получившихъ особенныя права, какъ, напр., *Köllner*, *Hochzinser*, *freie Selbstbesitzer* въ Пруссіи. Хотя они не были связаны узами крѣпостной зависимости и не были обязаны господскими повинностями, тѣмъ не менѣе, подобно прочимъ крестьянамъ, также нерѣдко должны были подчиняться юрисдикціи дворянъ-помѣщиковъ.

За исключеніемъ вполнѣ свободныхъ собственниковъ, на всѣхъ остальныхъ крестьянахъ лежало тяжелое бремя многочисленныхъ и разнообразныхъ феодальныхъ повинностей. Нѣкоторыя вели свое начало отъ государственныхъ налоговъ или регалій, постепенно перешедшихъ въ руки частныхъ лицъ въ силу данныхъ имъ привилегій, сдѣлокъ разнаго рода, а иногда безъ всякаго законнаго основанія. Къ этому разряду относились всѣ такъ называемыя *Gerechtigkeiten* — монополіи, обращенныя въ доходныя статьи. Напримѣръ: исключительное право ставить и держать мельницы, курить вино, варить пиво, шинковать (*Mühlgerechtigkeit*, *Mühlzwang*, *Brandgerechtigkeit*, *Getränkezwang*, *Getränkebereitung*, *Auschank*). Далѣе, сюда же относились десятины, сначала учрежденныя въ пользу духовенства и для государственныхъ потребностей, но мало по малу перешедшія въ руки дворянства со всѣми ихъ подраздѣленіями: на общую десятину (*Grosszehente* или *Kornzehente*) съ валоваго урожая и укоса, малую десятину (*Kleinzehente* или *Krautzehente*) съ огородовъ и фруктовыхъ са-

довъ, мясную или кровавую десятину (Fleisch- или Blutzehente) съ домашняго скота, птицъ и всякой живности; личную десятину (Personalzehente) съ заработковъ; наконецъ, сборы хлѣбомъ или деньгами въ неопредѣленномъ количествѣ въ замѣнъ десятого процента (Sackzehente).

Второй разрядъ составляли поземельныя повинности, лежавшія на податныхъ участкахъ и взимаемыя по праву податной собственности. Сюда относились различные денежные и натуральные поземельные оброки (Geldpacht, Geldzins, Naturalzins), а также все виды барщины пѣшей и съ упряжью (Frohn, Schaarwerk, Roboten, Spanndiensten, Handdiensten etc.), все обязательныя наряды, опредѣленные числомъ дней и урочнымъ положеніемъ и неопредѣленные, зависѣвшіе отъ воли помѣщика, напр., строительныя работы (Baudienste, Frohndienste), постоянныя и вспомогательныя работы (Beitagen—помочь) и т. д.

Третьяго рода повинности вытекали изъ понятія о крѣпостномъ правѣ въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ, изъ обладанія чужою личностью и всею, что ей принадлежало. Къ этому разряду причислялись: принудительная служба безтяглыхъ крестьянъ при господскомъ дворѣ (Gesinde-Zwang-Dienst), пошлины за дозволеніе вступать въ бракъ (Bedemund, Brautlauf), за отдачу въ обученіе ремеслу, за временное увольненіе на сторону и выкупъ изъ крѣпостной зависимости (Loskaufgeld, lytrum personale), вычетъ изъ наслѣдства умершаго крестьянина въ пользу помѣщика лучшей штуки изъ домашняго скота и изъ всей движимости (Besthaupt, Kurmede, Todfall, Sterbfall, Hauptfall, mortuarium etc.).

Наконецъ, подъ предлогомъ покрытія расходовъ, съ которыми была сопряжена патримоніальная или вотчинная юрисдикція, помѣщики взыскивали за свои труды разныя пошлины подъ названіемъ судныхъ доходовъ. Сюда относились: пошли-

ны за право жительства въ имѣніи подѣ покровительствомъ вотчинника (Schutz-Geld, Schutz-zins, Beirauchsgeld, Heuerlings-Geld, Einliger-Recht, Beiwohner Recht etc.), сборы за право заниматься въ имѣніи ремеслами (Gewerbsteuer), а также съ продажъ и покупокъ всякаго рода (Markt-Groschen), десятый процентъ пошлыны съ имущества, вывозимаго изъ предѣловъ патримоніальной юрисдикціи (Abzug, Abschoss, Abfahrts-geld), единовременный денежный взносъ съ каждаго новаго хозяина подѣ именемъ вкупа (Einkauf, Erbstandgeld, Lehenwaahre, laudemium, Währschaft, Heerderecht, Erschatz, Antrittsgeld) и такъ далѣе.

Таково было въ главныхъ чертахъ положеніе крестьянъ въ большей части германскихъ государствъ не далѣе какъ въ концѣ прошлаго вѣка. Повсюду господствовало сложное средне-вѣковое устройство, основанное на строгой зависимости личности и собственности, на подчиненіи низшихъ сословій высшимъ. Устройство это оказывало самое вредное вліяніе на развитіе всѣхъ сторонъ народной жизни. Сковывая народныя силы, оно не давало простора человѣческой дѣятельности, препятствовало благосостоянію и умственному развитію народонаселенія и служило главнымъ препятствіемъ успѣхамъ земледѣлія и промышленности. Не удивительно, что верховная власть, по мѣрѣ своего развитія, какъ представительница общихъ народныхъ интересовъ, употребляла всѣ усилія для уничтоженія этого зловреднаго порядка, направленного къ выгодѣ немногихъ. Попытки ея сломить этотъ порядокъ появляются уже въ началѣ XVIII столѣтія; но, къ сожалѣнію, долгое время, вслѣдствіе сопротивленія дворянства, остаются безъ успѣха и приобрѣтають рѣшительное значеніе не далѣе какъ 50 лѣтъ тому назадъ, благодаря могущественному толчку, сообщенному всей Европѣ французской революціей. Съ этого времени во всѣхъ государствахъ Германіи начинается самое

плодотворное движеніе, которое въ короткое время, безъ особенныхъ потрясеній, привело къ повсемѣстному уничтоженію средне-вѣковаго устройства и къ водворенію новаго порядка, основаннаго на великихъ началахъ свободы личности и собственности. Въ настоящее время въ большей части германскихъ государствъ существуютъ уже только слабые остатки стариннаго устройства, проявляющіеся въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ относительно свободного распоряженія поземельною собственностью, относительно дѣлимости и порядка наслѣдства и нѣкоторыхъ другихъ сторонъ жизни; но и эти остатки, по всей вѣроятности, не замедлятъ въ скоромъ времени исчезнуть при всеобщемъ ревностномъ желаніи окончательно освободиться отъ нихъ.

Первыя рѣшительныя мѣры къ уничтоженію системы феодальнаго устройства и къ улучшенію участи земледѣльческаго сословія были предприняты въ королевствѣ Прусскомъ. Въ теченіе небольшого періода времени съ 1807 по 1852 годъ въ этомъ государствѣ былъ совершенъ самый громаднѣй общественный переворотъ, вслѣдствіе котораго было уничтожено крѣпостное право со всеми его послѣдствіями, освобождены трудъ, упразднена барщина, выкуплены различныя феодальныя повинности, уничтожены законы, стѣснявшіе свободное распоряженіе недвижимою собственностью, установлено равенство всѣхъ состояній предъ закономъ, болѣе равномерное участіе всѣхъ гражданъ въ государственныхъ тягостяхъ и создано могущественное, самостоятельное сословіе мелкихъ крестьянъ-собственниковъ.

Правда, положеніе крестьянъ въ Прусскомъ государствѣ въ началѣ XIX столѣтія, благодаря цѣлому ряду предшествовавшихъ мѣръ различныхъ государей, преимущественно же Фридриха Вильгельма I и Фридриха II, представлялось уже въ довольно смягченномъ видѣ; тѣмъ не менѣе крѣпостное право,

хотя и переименованное въ наследственное подданство (Guthörigkeit, Gutsunterthänigkeit), продолжало существовать. Крестьяне, хотя и владѣли участками, отчасти пожизненно, отчасти потомственно, тѣмъ не менѣе обязаны были различными поземельными и личными повинностями въ пользу господъ, не могли вступать въ бракъ безъ господскаго разрѣшенія, подлежали господскому суду и расправѣ, не могли свободно распоряжаться своими поземельными участками, и т. д.

Неизвѣстно сколько времени длилось бы существованіе подобнаго устройства, если бы надъ Пруссіею не разразилось то неожиданное бѣдствіе, которое столь внезапно постигло ее въ 1807 году. Политическое униженіе, въ которое она впала вслѣдствіе борьбы съ Наполеономъ, пробудило уснувшую энергію народа и правительства и вызвало всеобщее ревностное желаніе исправить недостатки общественнаго устройства. Вслѣдствіе совершившихся событій, всѣ единодушно сознали, что главное общественное бѣдствіе заключается въ крѣпостномъ правѣ и что единственнымъ средствомъ спасенія была гражданская свобода, которая одна могла поднять нравственное значеніе народа и обезпечить его могущество и силу. Подъ вліяніемъ этого всеобщаго воодушевленія приступлено было къ коренному преобразованію всѣхъ существующихъ отношеній. 9 и 28 октября 1807 года были обнародованы указы объ отмѣнѣ въ Пруссіи крѣпостнаго состоянія и о свободномъ приобрѣтеніи земли. Этими указами уничтожены были феодальныя преимущества дворянъ, сопряженныя съ помѣщичьимъ правомъ, и сдѣланъ важный шагъ къ сближенію между дворянскимъ и крестьянскими сословіями. Крестьяне были сравнены съ дворянами относительно приобрѣтенія поземельной собственности и, вслѣдствіе уничтоженія крѣпостной зависимости, получили право располагать своимъ трудомъ и временемъ, сохранивъ притомъ право пользованія землею, изстари считавшеюся

крестьянскою ¹⁾). Но хотя личная крепостная зависимость и все повинности, вытекавшія изъ нея, были упразднены эдиктомъ 1807 года, хотя земля сдѣлалась свободнымъ поприщемъ для дѣятельности и капиталовъ cadaquo, тѣмъ не менѣе все поземельныя повинности крестьянъ, пользовавшихся помѣщичьею землею, какъ-то: десятины, барщины, оброки, остались въ полной силѣ и ни въ чемъ не были измѣнены. Такъ какъ въ то же время помѣщики не получили права произвольно сгонять крестьянъ съ занимаемыхъ ими участковъ, то вслѣдствіе этой раздѣльности правъ на землю, которая по праву собственности принадлежала главному собственнику, а по праву пользованія—владѣльцу, происходили важныя неудобства, которыя сильно увеличивались вслѣдствіе исправленія барщинныхъ работъ натурою. Поэтому дальнѣйшимъ дѣйствіемъ правительства было уничтоженіе этихъ неестественныхъ отношеній, мѣшавшихъ успѣхамъ хозяйства. Съ этого цѣлью былъ составленъ законъ 14 сентября 1811 года, дополненный впослѣдствіи деклараціею 23 мая 1816 года и положеніемъ 20 іюня 1817 года. Благодаря этимъ распоряженіямъ, было положено начало окончательному выкупу земли крестьянами въ полную собственность. Пахатныя участки, согласно старинному обычаю, были раздѣлены на два разряда. Къ первому отнесены были участки, состоявшіе въ потомственномъ владѣніи хозяевъ, т. е. тѣ, которые наследственно переходили къ прямымъ или боковымъ родственникамъ и въ которыхъ помѣщикъ не могъ произвольно возвышать повинностей. Ко второму разряду были отнесены участки, находившіеся не въ потомственномъ, а въ пожизненномъ срочномъ или безсрочномъ владѣніи,

¹⁾ Dönniges «Die Landeskultur-Gesetzgebung Preussens». 1842.—Самарина «Упраздненіе крепостнаго права въ Пруссіи»; Сельское Благоустройство 1858, № 1, 2, 4, 11.—Горлова «Объ устройствѣ сельскаго труда въ Пруссіи»; Библ для чтенія, 1858. № 2.

въ которыхъ господинъ могъ произвольно замѣнять отошедшаго земледѣльца всякимъ лицомъ и притомъ произвольно повышать подати и повинности. Относительно участковъ перваго рода было принято за общее правило, что стоимость господскихъ повинностей ни въ какомъ случаѣ не должна была превышать одной трети получаемого хозяиномъ чистаго дохода. Поэтому крестьянину предоставлено было право пріобрѣтать эти участки въ полную собственность посредствомъ уступки помѣщику третьей части земли натурою, или посредствомъ соотвѣтствующаго вознагражденія капиталомъ, или ежегодною денежною или натуральною рентою. Относительно участковъ втораго рода было постановлено, что пріобрѣтеніе ихъ крестьянами въ полную собственность можетъ совершаться посредствомъ уступки половины земли натурою или посредствомъ уплаты соотвѣтствующей постоянной ренты. Подъ вліяніемъ этихъ законовъ во всей Пруссіи начался постепенный выкупъ земли крестьянами въ полную собственность. Къ сожалѣнію, выкупъ этотъ совершался первоначально довольно медленно. Правительство, начавшее преобразование подъ вліяніемъ всеобщаго одушевленія, съ 1816 года, вслѣдствіе сильной реакціи дворянства, отказывается отъ прежней настойчивости въ довершеніи тѣхъ преобразованій, гдѣ выгоды дворянства сталкивались съ благомъ крестьянъ. Оно начинаетъ дѣлать уступки, исторгаемыя частными домогательствами, и все болѣе и болѣе отдаляется отъ широкихъ началъ выкупа, положенныхъ въ основаніе закона 1811 года. Крестьяне, хотя и получили право выкупа, лежавшихъ на нихъ повинностей, но на довольно невыгодныхъ условіяхъ. Способъ оцѣнки и вознагражденія былъ предоставленъ помѣщику; барщина цѣнилась наравнѣ съ вольнымъ трудомъ; для опредѣленія средней цѣны на хлѣбъ принимали періодъ времени, составлявшій рѣзкое исключеніе по необыкновенной дороговизнѣ, и на основаніи его

выводилась такая рента, которая была не по силамъ крестьянъ. Уплатить капиталъ съ цѣлью окончательной раздѣлки крестьяне не могли, потому что не было установлено никакихъ кредитныхъ учрежденій; наконецъ, самое производство операцій совершалось чрезвычайно медленно и стоило слишкомъ большихъ издержекъ, преимущественно падавшихъ на крестьянъ. Вслѣдствіе всего этого право выкупа было только соблазнительною, но рѣдко исполнимою приманкою. Не удивительно, что выкупъ совершался медленно, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ, представляющихъ различные способы выкупа съ 1811 по 1848 годъ. Земли было уступлено крестьянами 1,533,050 моргеновъ или 356,523 десятины, денегъ внесено 18,544,766 талеровъ, денежной ренты назначено 1,599,992 талера, хлѣбной ренты 200,699 шеффелей или 419,460 четвериковъ. Вообще въ 1848 году считалось всего только 70,582 вполнѣ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ и 589,651 крестьянъ, откупившихся отъ барщины и другихъ господскихъ повинностей.

Въ такомъ положеніи было освобожденіе поземельной собственности до 1848 года, когда въ Пруссіи началось волненіе, хотя и исходившее главнымъ образомъ изъ городовъ, тѣмъ не менѣе отразившееся и въ селахъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ. Чтобы успокоить взволнованное народонаселеніе, правительство обѣщало въ самомъ непродолжительномъ времени подвергнуть тщательному пересмотру всѣ законы объ отношеніяхъ крестьянъ къ землѣ и помѣщикамъ, съ цѣлью удешевить и ускорить упраздненіе повинностей. Слѣдствіемъ этого было положеніе 2 марта 1850 года, которое замѣнило собою цѣлый рядъ предшествующихъ мѣръ. Благодаря этому новому положенію, возможность выкупа повинностей была значительно облегчена, какъ вслѣдствіе болѣе умѣренной оцѣнки, такъ и вслѣдствіе учрежденія рентовыхъ банковъ, которые должны

были играть роль посредниковъ между помѣщиками и крестьянами. Банки, выдавая свои облигаціи подъ залогъ поземельнаго дохода, способствовали окончательной развязкѣ крестьянскаго вопроса и облегчили крестьянамъ возможность пріобрѣтенія земли въ полную собственность. Вообще до конца 1850 года земли было уступлено 1,630,055 моргеновъ, денегъ было внесено 34,210,962 талера, денежной ренты назначено 5,347,323 талеровъ, хлѣбной ренты 308,605 шеффелей ¹⁾).

Этимъ собственно оканчивается исторія упраздненія крѣпостнаго права въ Пруссіи. Благодаря послѣднимъ реформамъ, крестьянинъ не только освободился отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей, но сдѣлался полнымъ свободнымъ собственникомъ. Въ настоящее время Пруссія принадлежитъ къ числу странъ, гдѣ поземельная собственность распределена между значительнымъ количествомъ лицъ и притомъ, благодаря закону о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ и свободному обращенію поземельной собственности, распределеніе земли стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе равномернымъ и соответственнымъ хозяйственнымъ условіямъ.

Въ 1849 году, по офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, на 93,740,144 моргена общаго пространства приходилось 1,790,870 поземельныхъ собственниковъ, въ 1852—1,969,998, въ 1855—2,049,543, а въ 1858—2,121,629 (за исключеніемъ княжествъ Гогенцоллернскихъ и области Яде ²⁾).

Таково нынѣшнее распределеніе поземельной собственности въ Прусской монархіи, благодаря новому законодательству 1807 года. По единогласному свидѣтельству всѣхъ лицъ, изучавшихъ этотъ вопросъ, прусское законодательство, преобра-

¹⁾ Jahrbuch für die amt. Stat. des preus. Staates. 1862. стр. 171.

²⁾ Ibidem стр. 157.

зовавшее совершенно характеръ поземельнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ общественнаго и политическаго устройства, имѣло самыя благодѣтельные послѣдствія, какъ относительно хозяйственнаго и общественнаго быта сельскаго населенія, такъ и относительно развитія народнаго богатства вообще. Сокрушивъ послѣдніе остатки средне-вѣковаго устройства, освободивъ крестьянъ отъ барщины и феодальныхъ повинностей, введя свободу распоряженія поземельною собственностью, Пруссія вызвала къ жизни богатый запасъ новыхъ силъ и положила прочную основу для своего дальнѣйшаго существованія и развитія. Трудъ, освобожденный отъ узъ, столь долго сковывавшихъ его, открылъ себѣ новые пути и удвоилъ свою производительность; земледѣльческая промышленность сдѣлала гигантскіе успѣхи; цѣнность земли быстро возрасла и общее благосостояніе достигло небывалой прежде степени высоты.

Особенно важное значеніе имѣло новое устройство относительно улучшенія быта земледѣльческаго населенія. Ихъ матеріальное благосостояніе, нравственное и умственное развитіе сдѣлало столь замѣчательные успѣхи, что Пруссія въ настоящее время составляетъ одинъ изъ главныхъ примѣровъ, на который ссылаются защитники крестьянской обработки и собственности. Уже въ 1843 году прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, представляя отчетъ королю о положеніи земледѣлія въ Пруссіи, говоритъ, что система крестьянъ-собственниковъ, введенная законодательствомъ Фридриха Вильгельма III, значительно улучшила положеніе крестьянъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ общественномъ отношеніи и не только не обманула тѣхъ ожиданій, которыя возлагали на нее относительно улучшенія матеріальнаго благосостоянія страны, но, безспорно, увеличила дѣятельность и предпріимчивость всего земледѣльческаго народонаселенія и была причиною оче-

видно возрастающаго благосостоянія ¹⁾. По свидѣтельству Рейхеншпергера, съ 1807 года, т. е. съ того времени, какъ изданы законы, расторгнувшіе узы, наложенныя на поземельную собственность средне-вѣковымъ устройствомъ, и доставлена крестьянамъ возможность сдѣлаться свободными собственниками, народонаселеніе въ Пруссіи пользуется несравненно лучшею пищею, одеждою и лучшими жилищами, нежели прежде. Слова эти подтверждаются не только наблюденіями другихъ лицъ, но также статистическими данными, свидѣтельствующими, что потребленіе различныхъ предметовъ, служащихъ къ удовлетворенію главныхъ потребностей, значительно возрасло со времени раздробленія и освобожденія земли. По словамъ Дитерици, потребленіе мяса возрасло во всемъ Прусскомъ королевствѣ съ 1805 по 1842 годъ отъ 33 до 35 фунтовъ на человѣка, количество сахару отъ $1\frac{1}{2}$ до 5, кофе отъ $\frac{2}{3}$ до $2\frac{1}{2}$, табаку отъ $1\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{10}$ фунта; полотна отъ 4 до 5 аршинъ; шерстяныхъ тканей отъ $\frac{8}{4}$ до 13, шелковыхъ отъ $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{8}$ ²⁾. Такимъ образомъ, Прусскій народъ въ настоящее время потребляетъ несравненно болѣе мяса, сахару, кофе, полотна, шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, нежели до времени реформы, доставившей крестьянину поземельную собственность и освободившей его отъ тягостной зависимости и гнетущихъ повинностей.

Но, если вліяніе этого преобразованія было вообще благопріятно для земледѣльческаго класса, то въ особенности рѣзко проявилось оно въ тѣхъ провинціяхъ Прусской монархіи, гдѣ положеніе крестьянъ было наиболѣе печальное и угнетенное, какъ, напр., въ Великомъ Герцогствѣ Познаньскомъ. Преобразование произвело тамъ громаднѣйшій переворотъ. Хозяй-

¹⁾ Reichensperger «Die Agrarfrage», стр. 397.

²⁾ Dieterici «Der Volkswohlstand im preussischen Staate», стр. 259.

ство, способъ обработки, количество получаемыхъ произведеній подверглись совершенной перемѣнѣ. Крестьянинъ вполнѣ преобразился. Сдѣлавшись собственникомъ, онъ лучше хозяйничаетъ, содержитъ лучшій скотъ, живетъ и одѣвается лучше, прилежнѣе работаетъ, исправно платитъ свои повинности и вообще не только не разорился и не погибъ, предоставленный самъ себѣ, какъ утверждали противники преобразованія, но достигъ небывалаго прежде благосостоянія.

«Поведеніе польскаго крестьянина во время регуляціи, говоритъ Клебсъ, свидѣтельствуешь не только въ пользу силы, заключающейся въ свободной собственности, но также представляетъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ характеръ крестьянина и его привязанность къ землѣ. Когда началось производство регуляціи, онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ окончанія ея; онъ едва могъ дождаться минуты окончательнаго пріобрѣтенія собственности и освобожденія отъ повинностей. Его съ трудомъ можно было удержать, чтобы онъ преждевременно не занималъ участка, назначеннаго ему при сепараціи, и продолжалъ исполненіе службъ. Едва же наступила эта блаженная минута, какъ тѣ же крестьяне, которыхъ постоянно считали лѣнивыми и тупоумными, повсемѣстно проявили такое одушевленіе и такую хозяйственную дѣятельность, какой прежде никакъ не ожидали въ нихъ. Съ самаго разсвѣта до поздней ночи они постоянно были заняты: то переносили камни съ полей, то очищали луга отъ гусеницъ и кустарника, то устраивали колодцы, копали рвы, огораживали свои огороды и дворы каменными или земляными стѣнами, то сажали овощи, то поправляли жилища, вспахивали пастбища, вывозили навозъ и совершали другія подобныя тому улучшенія въ хозяйствѣ.

«Они какъ бы понимали, что новое владѣніе тогда только сдѣлается ихъ настоящею, вполнѣ заслуженною собствен-

ностью, когда они воплотятъ въ нее свое прилежаніе и свой трудъ.

«Хотя многія изъ этихъ улучшеній были незначительны, тѣмъ не менѣе они показываютъ, что освобожденіе польскихъ крестьянъ отъ барщины и пріобрѣтеніе ими права собственности не послужило для нихъ поводомъ къ сладкому бездѣлю, но напротивъ было побужденіемъ, поощреніемъ къ усиленной дѣятельности.

«Но не должно полагать, что эти проявленія дѣятельности были порождены только минутною ревностью и не имѣли продолжительнаго вліянія. Напротивъ, тридцатилѣтній опытъ показалъ, что по мѣрѣ постепенныхъ успѣховъ регулированія, совершенствовалась также обработка крестьянскихъ участковъ, и вообще все хозяйство крестьянъ въ настоящее время представляется въ совершенно иномъ, несравненно лучшемъ видѣ, нежели тридцать лѣтъ тому назадъ.

«Обработка полей совершается съ большею тщательностью и отчасти лучшими орудіями. На крѣпкихъ почвахъ чаще употребляется борона съ желѣзными зубьями. Телѣги сдѣлались крѣпче и окованы желѣзомъ; сбруя готовится уже только изъ кожи, а не изъ веревокъ. Нынѣ нерѣдко можно видѣть, что крестьянскія поля, очищенные отъ камней надлежащимъ образомъ, обведены рвами и столь же хорошо обработаны, какъ помѣщичьи.

«Хотя трехпольное хозяйство, по прежнему составляетъ господствующую систему сѣвооборота, тѣмъ не менѣе оно во многихъ отношеніяхъ улучшилось и подготовленъ переходъ къ плодоперемѣнной системѣ. Часть пара употребляется для производства кормовыхъ правъ. Картофель обрабатывается въ большемъ количествѣ и притомъ не только на паровомъ, но и на яровомъ полѣ. Воздѣлываніе торговыхъ и промышленныхъ растений, которое прежде было почти неизвѣстно крестья-

намъ, нынѣ все болѣе и болѣе распространяется между ними. Они начинаютъ понимать, что одна обработка хлѣбныхъ растеній не соотвѣтствуетъ уже возрастающимъ потребностямъ земледѣлія.

«Земля сильнѣе унавоживается и удобреніе лучше собирается, хотя въ этомъ отношеніи еще многого остается желать. Естественно, что скотный навозъ съ соломой составляетъ еще у нихъ главное удобреніе; впрочемъ, во многихъ мѣстахъ крестьяне начинаютъ уже прибѣгать къ другимъ необычнымъ средствамъ удобренія, какъ-то къ землѣ изъ рвовъ, прудовому илу, уличной грязи, золѣ, мергелю и гипсу.

«Луга собираются лучше и даже во многихъ мѣстахъ осенью покрываются соломеннымъ навозомъ или весною посыпаются золою. Болотистыя мѣста улучшаются посредствомъ нанесенія песка. Обычай, господствовавшій во многихъ мѣстностяхъ, очевидно происходившій отъ общиннаго владѣнія, пользоваться одинъ разъ такими лугами, которые можно косить два раза, а также косьба травы въ концѣ августа или въ началѣ сентября, становятся все рѣже и рѣже, потому что пришли къ убѣжденію, что вслѣдствіе двойной косьбы выигрываютъ какъ въ качествѣ, такъ и въ количествѣ.

«Относительно пастбищъ, которыя прежде оставались въ ихъ естественномъ видѣ и потому доставляли весьма скудный, несоотвѣтствующій качеству земли, кормъ скоту, также начинаетъ употребляться другой, болѣе разумный способъ пользованія. Тамъ и сямъ стараются помочь природѣ посредствомъ осушенія, очищенія отъ камней и посѣва лучшихъ родовъ травъ. Еще чаще подобныя пастбища, съ уничтоженіемъ общиннаго пользованія, превращаются въ поля и луга къ значительной выгодѣ ихъ владѣльцевъ. Многіе небольшіе безполезные участки, посредствомъ проведенія рвовъ и другихъ операцій, не безъ значительныхъ пожертвованій со стороны хозяевъ

превращены въ годные луга. Такъ какъ, послѣ уничтоженія общинныхъ имуществъ, простыя паровыя поля не доставляютъ уже болѣе достаточныхъ пастбищъ для крестьянскаго скота, значительно увеличившагося со времени сепараціи, то хозяева сами были приведены къ необходимости особенныхъ сѣвооборотовъ, и такимъ образомъ естественно образовался переходъ изъ чистаго трехпольнаго хозяйства къ четырехъ и многопольному, которое одно можетъ удовлетворить настоятельно чувствуемой потребности прокормленія скота.

«Вслѣдствіе увеличившагося количества соломы и корма, самое скотоводство крестьянъ не только увеличилось, но сдѣлало также значительные успѣхи относительно доброты скота, какъ видно между прочимъ изъ выставокъ, ежегодно учреждаемыхъ земледѣльческими обществами. Большіе крестьянскіе хозяева, которые, вслѣдствіе отправленія барщинныхъ работъ, должны были прежде держать 4 лошади или 6 быковъ, по уничтоженіи барщины могли уменьшить соразмѣрно рабочій скотъ и увеличить молочный. Даже мелкіе хозяева, которые не могли совершить подобнаго сокращенія, несмотря на то, содержатъ нынѣ больше молочнаго скота и лучше кормятъ его. Овцы встрѣчаются нынѣ у крестьянъ весьма часто, и во многихъ деревняхъ начали улучшать породу посредствомъ пріобрѣтенія хорошихъ производителей. Коневодство у крестьянъ также значительно поднялось, особенно во многихъ мѣстахъ Бромбергскаго округа, гдѣ мѣстность и существованіе богатыхъ пастбищъ и луговъ въ особенности благопріятствуютъ ему. Здѣсь нерѣдко крестьяне воспитываютъ весьма хорошихъ и безпорочныхъ лошадей, за которыхъ платятъ иногда на рынкахъ до 200 и болѣе талеровъ. Въ особенности съ сильною ревностью разводятся свиньи и многіе хозяева получаютъ отъ этой отрасли хозяйства отъ 50 до 80 талеровъ въ годъ.

«Садоводство и огородничество, которыя съ давняго времени были вполнѣ пренебрежены въ этой провинціи, со времени появленія крестьянской собственности, сильно поднялись у мелкихъ хозяевъ; чему значительно содѣйствовало отведеніе участковъ при сепараціи для школъ садоводства, а также образованіе, которое получаютъ относительно садоводства учителя, воспитанные въ семинаріяхъ. Дороги нынѣ большею частью обсажены деревьями. Хорошо расположенные, надлежащимъ образомъ обработанные и тщательно содержимые огороды не составляютъ нынѣ уже рѣдкости у крестьянъ. Обработка овощей, какъ-то лука, моркови, рѣпы и т. п. доставляетъ также нынѣ многимъ крестьянамъ, особенно въ окрестностяхъ городовъ, значительный побочный доходъ» ¹⁾).

Вмѣстѣ съ этимъ улучшеніемъ всѣхъ отраслей сельскаго крестьянскаго хозяйства, улучшилась также вся обстановка домашняго крестьянскаго быта. «Постройка крестьянскихъ дворовъ, говоритъ тотъ же Клебсъ, со времени регуляціи, столь сильно улучшилась, что нынѣ едва можно узнать большую часть деревень. Большая часть крестьянскихъ строеній, вслѣдствіе уже прежняго разореннаго состоянія ихъ, была вновь перестроена или покрайней мѣрѣ подвергнута значительнымъ исправленіямъ. Сверхъ того, весьма многіе дворы, даже цѣлыя селенья, были построены на новыхъ мѣстахъ. При новой постройкѣ, хотя и былъ удержанъ обычный способъ, но съ значительными улучшеніями, именно жилища снабжены повсюду каменными трубами, комнаты устроены просторнѣе, выбѣлены внутри и снабжены досчатыми полами и порядочными стеклянными окнами, а иногда каменными и земляными стѣнами. Небольшіе огороды и сады, окружающіе ихъ, при-

¹⁾ Klebs «Die Landeskultur-gesetzgebung, deren Ausführung und Erfolge im Grossherzogthum Posen». 1856. стр. 225.

даютъ имъ веселый видъ. Въ большей части дворовъ вы видите хорошіе колодцы, а также запасы дровъ для зимы. Строенія нынѣ поддерживаются заботливѣе. Разрушенныя жилища, дырявыя соломенные крыши, составлявшія прежде общее правило, встрѣчаются нынѣ, какъ исключенія, у нѣкоторыхъ не-
радивыхъ хозяевъ или у хатниковъ, не имѣющихъ земли или живущихъ поденною работою. Сельскія дороги содержатся въ хорошемъ порядкѣ, въ нѣкоторыхъ большихъ деревняхъ вымощены, и пустыя деревенскія поляны во многихъ мѣстахъ превращены въ полезные сады. Словомъ, физіономія нынѣшнихъ польскихъ деревень сдѣлалась совершенно иною, нежели тридцать лѣтъ тому назадъ.

«Значительныя улучшенія замѣтны также въ домашнемъ хозяйствѣ и одеждѣ крестьянъ. Женщины сдѣлались болѣе дѣятельными и распорядительными. Онѣ стараются посредствомъ разведенія птицы, продажи яицъ, масла и молока, принести свою долю для покрытія домашнихъ издержекъ. Пища семейства, хстя и теперь самая простая, сдѣлалась вообще болѣе правильною и питательною. Мебель и посуда, которыя прежде встрѣчались только у самыхъ богатыхъ и зажиточныхъ нѣмецкихъ крестьянъ, все чаще и чаще встрѣчаются также и между польскими крестьянами. Грязные бараньи тулупы и шапки исчезаютъ, все болѣе и болѣе уступая мѣсто хорошей суконной одеждѣ, круглымъ шляпамъ и суконнымъ шапкамъ. Волоса чаще чешутся и вообще болѣе обращается вниманія на чистоту и опрятность, какъ относительно одежды, такъ и жилищъ.

«Особенно это замѣчается въ молодомъ поколѣніи, которое посредствомъ военной службы, пріучаясь къ порядку, чистотѣ и приличію, приноситъ эти привычки при возвращеніи въ отцовскій домъ и своимъ примѣромъ содѣйствуетъ распространенію ихъ. Подобный прослужившій Полякъ, вслѣд-

ствіе своего бѣльшаго образованія, пріобрѣтеннаго въ солдатской школѣ, вслѣдствіе умѣнья читать, писать, считать, выдается между прочими жителями и обыкновенно, наружно отличаясь своимъ синимъ кафтаномъ и военной фуражкой, пользуется между крестьянами извѣстнаго рода уваженіемъ, охотно выбирается въ шульцы и предсѣдатели при общественныхъ разсужденіяхъ и называется *krolewski* или *woyskowy cz'owiek*.

«Въ уплатѣ помѣщичьихъ оброковъ регулированные крестьяне доселѣ были вообще исправны и во всякомъ случаѣ далеко не столь медленны, какъ они были при исправленіи барщины, если исключить 1848—50 годы, когда внутренніе безпорядки не остались и здѣсь безъ вредныхъ послѣдствій. Продажи крестьянскихъ дворовъ, вслѣдствіе неисправной уплаты оброковъ, случались весьма рѣдко. Въ рентовыхъ банкахъ ежегодно также оказываются самыя незначительныя недоимки. Впрочемъ, эти оброки вообще весьма умѣренны, потому что среднимъ числомъ, считая по объему крестьянскихъ участковъ, не превосходятъ восемь зильберъ-грошей съ моргена, что хозяинъ во всякомъ случаѣ легко можетъ уплачивать вслѣдствіе отпуска одного батрака, сдѣлавшагося излишнимъ для его хозяйства.

«Но помѣщичья рента составляетъ только небольшую часть повинностей, лежащихъ на крестьянскихъ дворахъ. Если вспомнить, сколько, сверхъ того, крестьянскіе хозяева должны платить государственныхъ податей, взносовъ въ пользу церкви, окружныхъ повинностей, взносовъ въ пользу провинціальныхъ учреждений, общинныхъ повинностей разнаго рода; если вспомнить далѣе, какъ мало польскій крестьянинъ, вслѣдствіе своего прежняго положенія, привыкъ къ сбереженію лишнихъ средствъ, и какъ много долженъ былъ онъ платить за издержки развода полей, то дѣйствительно нельзя не удивляться подоб-

ному результату. Столь счастливое преодоленіе затрудненій перехода въ новое положеніе и значительные успѣхи относительно улучшенія хозяйства служатъ лучшимъ доказательствомъ необыкновенной жизненной силы въ крестьянскомъ словіи» ¹⁾).

Не менѣе благопріятное вліяніе имѣла свободная собственность на нравственное и умственное развитіе крестьянъ. Дѣятельность ихъ перестала быть инстинктивною, механическою. Она пріобрѣла опредѣленную цѣль и руководится обдумываніемъ и разсужденіемъ. Духовныя силы крестьянъ проснулись отъ долгаго усыпленія, и какъ ни скудны ихъ свѣдѣнія, какъ ни неразвиты ихъ сужденія, тѣмъ не менѣе они усвоили много новаго и научились преодолевать многіе изъ старинныхъ предразсудковъ. Все въ ихъ хозяйствѣ носитъ печать бѣльшаго порядка, который проявляется и въ образѣ ихъ жизни. Они сдѣлались бережливѣе, какъ относительно времени, такъ и денегъ. Прежде они расточали то и другое въ кабакахъ при посѣщеніи городскихъ рынковъ и къ тому же теряли свое здоровье. Со времени же регуляціи это сдѣлалось рѣдкимъ. Кабаки уже не посѣщаются столь часто; вмѣсто вредныхъ, справедливо уничтоженныхъ воскресныхъ ярмарокъ, явились воскресныя школы. Не видно уже, чтобы крестьяне по цѣлымъ днямъ бродили по дорогамъ; не видно уже, чтобы цѣлыя толпы пьяныхъ возвращались изъ городовъ. Повсюду вредный обычай пьянства значительно уменьшился, что уже одно свидѣтельствуетъ о значительномъ успѣхѣ на пути нравственнаго улучшенія.

Съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне достигли прочнаго и обезпеченнаго положенія, они научились цѣ-

¹⁾ Klebs «Die Landeskultur-gesetzgebung, deren Ausführung etc », стр. 230 и сл.

нить не только свою, но и чужую собственность. Со времени освобожденія крестьянъ нарушенія чужой собственности сдѣлались несравненно болѣе рѣдкими. Прежнія ежедневныя лѣсныя покражи, поврежденія сосѣднихъ луговъ, полей и садовъ, производившіяся отчасти вслѣдствіе необузданности и недоброжелательства, отчасти по небрежности и безпорядочности, замѣтно уменьшились. Общественныя заведенія также несравненно болѣе уважаются, нежели прежде.

Наконецъ, преобразование имѣло также вліяніе на ихъ преданность порядку и правительству; они чаще оказываютъ помощь бѣднымъ; въ нихъ развилось чувство красоты, проявляющееся въ улучшеніи жилищъ, одежды, въ домашнихъ украшеніяхъ и т. д.

«Поддержку богатства крестьянъ-собственниковъ, говоритъ познанскій помѣщикъ Лубеньскій, составляетъ свобода труда: она-то придала независимость ихъ характеру и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшила самонадѣянность. Они спокойнѣе, трудолюбивѣе, старательнѣе при постройкѣ, заботливѣе о воспитаніи дѣтей въ деревенскихъ школахъ, при погребеніи сохраняютъ болѣе достоинства, менѣе пьянства. Въ жилищѣ крестьянина можно очень часто встрѣтить кафельныя печи, полы, большія окна, чистыя постели, изысканный праздничный нарядъ, посуду кухонную поливанную, иногда мѣдную, дворы старательно огороженные и обсаженные фруктовыми деревьями. Изъ неспособнаго лѣнивца, предающагося часто пьянству, воровству, регуляція произвела совершенную метаморфозу; до положенія его не было никакого дѣла странѣ, пока она не признала его гражданиномъ; теперь онъ начинаетъ выходить изъ домашней жизни, входитъ въ составъ попечителей церкви, становится опекуномъ школы, сборщикомъ и плательщикомъ ея основныхъ капиталовъ, присутствуетъ на ежегодномъ экзаменѣ дѣтей, дѣлается опекуномъ малолѣтнихъ, управляетъ ихъ имѣніемъ,

отдаетъ отчетъ передъ судомъ въ ихъ капиталахъ, посылаетъ наконецъ депутатовъ на провинціальныя сеймы» ¹⁾.

Подобныя же результаты были произведены и въ другихъ провинціяхъ. Вотъ что говоритъ Рейхеншпергеръ о Рейнской области, хорошо ему извѣстной. «Достаточно бросить бѣглый взглядъ на красиво и хорошо построенныя деревни, на прекрасныя поля и проселочныя дороги, обсаженныя плодовыми деревьями, чтобы убѣдиться, что новое устройство поземельныхъ отношеній не только не повергло страну въ бѣдность и страданіе, какъ утверждали противники его; но, напротивъ, оказало самое благодѣтельное вліяніе на обработку земли и на положеніе народа.

«Хотя недѣлимость земли никогда не существовала здѣсь, какъ общій принципъ, обусловливаемый запретительными законами или силою обычнаго права, тѣмъ не менѣе фактически значительныя массы поземельной собственности были сосредоточены въ рукахъ дворянскихъ семействъ, а также духовныхъ и свѣтскихъ корпорацій. Онѣ обыкновенно отдавались на короткіе сроки временнымъ арендаторамъ, весьма рѣдко наследственнымъ, и почти всѣ безъ исключенія обрабатывались самымъ несчастнымъ образомъ. Несмотря на незначительность арендной платы, которая рѣдко была возвышаема и обыкновенно переходила отъ отца къ сыну, семьи арендаторовъ, даже при самыхъ большихъ хозяйствахъ, не только никогда не могли подняться до значительной степени благосостоянія, но подвергались лишенію самыхъ необходимыхъ предметовъ и не имѣли возможности ничего сберегать. Они не могли перенести ни малѣйшаго несчастія и даже павшая ло-

¹⁾ Лубеньскаго «Объ устройствѣ крестьянскихъ отношеній въ Царствѣ Польскомъ», 1843. Крестьянское дѣло въ царствѣ Польскомъ, изд. графа Северина Урускаго, переводъ Моллера 1859, стр. 109.

шадь не могла быть замѣнена иначе, какъ при помощи владѣльца, если онъ не желалъ довести арендатора до крайняго разоренія. Земля была обременена множествомъ повинностей, частью феодальныхъ, частью поземельныхъ, которыя, какъ, на примѣръ, десятины и другія натуральныя повинности, препятствовали всякому улучшенію земли.

«Этому несчастному, почти неподвижному состоянію въ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣдовало раздѣленіе земли, порожденное Французскою революціею и происшедшее главнымъ образомъ вслѣдствіе продажи такъ называемыхъ національныхъ имуществъ. Изъ одного земледѣльческаго хозяйства, которое въ прежнее время едва было достаточно для бѣднаго существованія одного арендатора, вслѣдствіе спекуляціи и раздѣленія весьма быстро образовалось нѣсколько небольшихъ участковъ для четырехъ и болѣе семействъ, которые несмотря на то, что цѣнность земли значительно превосходитъ нынѣ цѣнность прежнихъ хозяйствъ, въ короткое время достигли благоденствующаго положенія. Красивыя жилия и хозяйственные строенія, повсюду возвышающіяся подлѣ старинныхъ дворовъ, распространившіяся деревни и ихъ улучшенное внутреннее устройство, доказываютъ, что новые болѣе многочисленные владѣльцы земли получаютъ съ того же пространства втрое болѣе дохода, нежели прежніе арендаторы. Въ нѣсколько лѣтъ были выплачены выкупныя суммы, и вѣчно зависимый и бѣдный арендаторъ превратился въ свободнаго собственника. Воспитаніе скота улучшалось и возвышалось съ каждымъ годомъ, все болѣе и болѣе распространялась обработка клевера и другихъ кормовыхъ травъ, паръ постепенно исчезалъ, и посредствомъ большаго числа мелкихъ, но разумныхъ, дѣятельныхъ и обыкновенно снабженныхъ достаточнымъ капиталомъ владѣльцевъ, старая обычная земледѣльческая система мало по малу замѣнилась разумною и рациональною обра-

боткою. Болѣе справедливое распредѣленіе благосостоянія, равнодалекое и отъ страданій бѣдности и отъ избытка богатства, было слѣдствіемъ этой перемѣны; и если благосостояніе большихъ городовъ увеличивалось еще быстрѣе, то въ сельскихъ округахъ вліяніе этого улучшенія проявилось въ увеличеніи потребленія сырыхъ продуктовъ... Сельское населеніе Рейнской провинціи и сосѣднихъ мѣстностей, пользующихся системою свободнаго участія во владѣніи землею, можетъ гордиться передъ міромъ среди своихъ холмовъ и долинъ, которые оно сдѣлало столь счастливыми по наружности, и въ своихъ чистыхъ и удобныхъ деревняхъ; оно можетъ съ гордостью указать на людей, ежегодно посылаемыхъ подъ знамена отечества; оно можетъ громко хвалиться нравственностью своей частной и семейной жизни и безъ опасенія можетъ выдержать сравненіе съ какимъ бы то ни было племенемъ, за исключеніемъ развѣ въ высшей степени благоденствующихъ горныхъ жителей Штиріи, Тироля и Швейцаріи, которые впрочемъ по своей дѣятельности, силѣ и свободѣ не имѣютъ себѣ равныхъ. Жители Рейнской провинціи чувствуютъ, что они собственники обрабатываемой ими земли, и этотъ фактъ сильно отличаетъ ихъ во всѣхъ умственныхъ и физическихъ отношеніяхъ отъ неимущихъ и бездомовныхъ работниковъ, которые и нынѣ, какъ за сто лѣтъ тому назадъ, лѣнливо и медленно работаютъ на нераздѣльных помѣстьяхъ для большихъ собственниковъ, безъ всякой надежды на улучшеніе своей участи... Это процвѣтаніе Рейнской провинціи и громадная производительная сила ея земледѣлія становятся еще очевиднѣе, при сравненіи общаго народонаселенія Рейнской области съ народонаселеніемъ прочихъ странъ. Содержа на квад. милю 5501 жителя, она уступаетъ только плодородной и промышленной Бельгіи, которая содержитъ 7682 жителя, но приближается къ Англіи и далеко превосходитъ Францію и вообще Прус-

скую монархію, гдѣ на квад. милю приходится въ первой только 3470, а во второй 3944 жителя» ¹⁾).

Но не только положеніе крестьянъ значительно улучшилось вслѣдствіе новаго земледѣльческаго устройства, но и самое земледѣліе въ Пруссіи повсемѣстно сдѣлало громадныя успѣхи, такъ что нынѣ получается несравненно большее количество произведеній, и притомъ самая земля, благодаря болѣе искуснымъ сѣвооборотамъ, истощается несравненно менѣе.

Прежде нежели Прусское правительство рѣшилось испытать великій опытъ доставленія крестьянамъ возможности пріобрѣтать свободную собственность; прежде нежели оно рѣшилось создать классъ независимыхъ крестьянъ-собственниковъ, оно старалось улучшить положеніе земледѣлія въ королевствѣ посредствомъ раздачи значительныхъ денежныхъ капиталовъ большимъ поземельнымъ собственникамъ, съ цѣлью доставить имъ возможность ввести улучшенные способы обработки. Такъ, Фридрихъ II роздалъ значительныя денежныя суммы для поощренія земледѣлія. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, суммы эти въ теченіе періода съ 1763 по 1786 годъ простирались болѣе нежели до 24 милліоновъ талеровъ. Одна Померанія получила $5\frac{1}{2}$ милліоновъ талеровъ, изъ коихъ на долю дворянства этой провинціи досталось около 4 съ $\frac{1}{2}$ милліоновъ. Между тѣмъ эти суммы, истраченныя съ цѣлью улучшенія земледѣлія, не только не принесли никакой пользы, но напротивъ весьма часто имѣли гибельныя послѣдствія ²⁾).

Несравненно болѣе дѣйствительнымъ средствомъ оказалось освобожденіе земли и земледѣльческаго сословія отъ всѣхъ

¹⁾ Reichensperger «Die Agrarfrage», стр. 403. — Banfield's Agriculture on the Rhine, стр. 16.

²⁾ Reichensperger «Die Agrarfrage». стр. 306.

связывавших ихъ узъ. По словамъ Шуберта, Рейхеншпергера, Ленгерке, Коппе, Дитерици и другихъ писателей, съ этой эпохи начинается во всѣхъ провинціяхъ сильное развитіе земледѣлія и скотоводства. Никто въ настоящее время не можетъ охарактеризировать прусскую систему земледѣлія однимъ словомъ трехпольнаго хозяйства, какъ было тридцать лѣтъ тому назадъ; никто не можетъ ограничить свое изчисленіе хорошо обрабатываемыхъ округовъ немногими мѣстностями, какъ было прежде. Въ настоящее время нѣтъ округа въ Пруссіи, гдѣ бы знаніе, настойчивая энергія и щедрая затрата капиталовъ не увеличили громаднымъ образомъ производительности земли и скотоводства.

По словамъ Коппе, слѣдствіемъ освобожденія земли отъ различныхъ ограниченій относительно продажи и передачи ея, было оставленіе старыхъ и не научныхъ способовъ, распространеніе знаній земледѣльческой науки, возрастающее наблюденіе результатовъ опыта, лучшее пользованіе землею, употребленіе лучшихъ орудій и машинъ, увеличеніе количества удобреній и болѣе научное употребленіе ихъ, лучшая обработка пастбищъ, замѣчательныя улучшенія въ разведеніи и уходѣ за скотомъ, введеніе новыхъ, полезныхъ земледѣльческихъ методовъ и, какъ послѣдствіе всего этого—болѣе высокіе доходы и возвышеніе цѣнности земли. По свидѣтельству Дитерици, въ 1805 году въ Пруссіи производилось 44 милліона шеффелей хлѣба, въ 1831 году 55—милліоновъ, а въ 1841 году — 68 милліоновъ. Одинъ уже этотъ фактъ служитъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ земледѣльческаго развитія Пруссіи; но онъ становится еще очевиднѣе, если принять во вниманіе, что производство хлѣба возрасло несравненно болѣе, нежели въ то же время увеличилось народонаселеніе. Между тѣмъ какъ увеличеніе народонаселенія въ 1805, 1831 и 1841 годахъ было $1,1\frac{3}{10}$, $1\frac{1}{2}$;

увеличеніе производства хлѣба въ то же время было $1,1\frac{1}{2}$, $1\frac{2}{3}$. Далѣе статистическіе факты показываютъ также, что со времени освобожденія земли, кромѣ увеличеніа производства хлѣба въ Пруссіи, произошло также значительное увеличеніе въ количествѣ и качествѣ разводимаго скота.

Такъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, количество скота было слѣдующее:

	Лошадей:	рог. скота:	овецъ:	козъ:	свиней:
Въ 1819 году	1,332,000;	4,275,000;	9,065,000;	162,000;	1,495,000
Въ 1831 —	1,374,000;	4,446,000;	11,751,000;	214,000;	1,736,000
Въ 1843 —	1,564,000;	5,042,000;	16,235,000;	394,000;	2,115,000
Въ 1852 —	1,564,000;	5,334,000;	16,539,000;	588,000;	2,034,000
Въ 1855 —	1,550,000;	5,464,000;	15,061,000;	595,000;	2,096,000
Въ 1861 —	1,680,000;	5,634,000;	17,428,000;	805,000;	2,709,000

Таковы были главные непосредственные результаты поземельнаго переворота, не говоря уже о тѣхъ благотѣльныхъ послѣдствіяхъ, которыя произошли въ другихъ отрасляхъ промышленности, столь тѣсно связанныхъ съ земледѣліемъ ¹⁾.

Но несмотря на столь счастливые результаты, полученные въ короткій срокъ времени, новый порядокъ вещей въ Пруссіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, имѣетъ своихъ противниковъ, которые преимущественно осуждаютъ мобилизацію поземельной собственности, введенную новымъ законодатель-

¹⁾ О земледѣліи въ Пруссіи см. Koppe «Statistik des preussischen Staates», 1845.—Lengerke «Beiträge zur landwirthschaftlichen Statistik des preuss. Staates». 1847.—Reichensperger «Die Agrarfrage». стр. 386.—Dieterici «Statistische Mittheilungen», 1856, стр. 273.—Schubert «Handbuch der allgemeinen Staatskunde des preuss. Staates», ч. 2.—Frantz «Handbuch der Statistik». 1864.

ствомъ. По мнѣнію ихъ, полная свобода поземельной собственности и равный раздѣлъ наслѣдствъ, содѣйствуютъ постоянно усиливающемуся дробленію земли, которое неминуемо приведетъ къ упадку земледѣлія, къ исчезновенію независимаго и зажиточнаго сословія крестьянъ и къ появленію сельскаго пролетаріата. Вслѣдствіе этихъ опасеній нѣсколько разъ повторялись попытки положить предѣлы дробленію поземельной собственности и возвратиться снова къ порядку, который съ такими усиліями былъ уничтоженъ въ послѣднее время. Впрочемъ, жалобы на чрезмѣрное раздробленіе земли и вредныя послѣдствія его въ Пруссіи, по замѣчанію нѣкоторыхъ лицъ, спеціально изучавшихъ этотъ вопросъ, раздаются не столько вслѣдствіе экономическихъ и хозяйственныхъ соображеній, сколько изъ политическихъ тенденцій, изъ желанія возвратиться къ средне-вѣковымъ учрежденіямъ. «Замѣчательно, говоритъ Летте, что требованія относительно ограниченія дробимости земли и жалобы на послѣдствія раздробленія раздаются не въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ раздробленіе и свобода поземельной собственности, а также личная свобода господствуютъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ болѣе давнихъ временъ, но большею частію изъ тѣхъ провинцій, гдѣ крупная поземельная собственность преобладаетъ надъ малою и среднею, отчасти поглощаетъ ее, и гдѣ всеобщая свобода собственности и личности существуетъ еще не болѣе двухъ поколѣній» ¹⁾).

Чтобы убѣдиться въ неосновательности этихъ жалобъ сдѣлаемъ, на основаніи недавно изданныхъ офиціальныхъ данныхъ ²⁾, общій обзоръ положенія и раздѣленія поземельной

¹⁾ Lette «Die Vertheilung des Grundeigenthums». 1858. стр. 166.

²⁾ «Jahrbuch für die amtl. Statistik des preussischen Staates», стр. 157.

собственности, который послужить лучшимъ доказательствомъ, насколько справедливы эти жалобы и опасенія.

Всѣхъ владѣній счи- талось ¹⁾ :	въ 1849	1852	1855	1858
I ниже 5 моргеновъ . .	871,998	990,846	1,040,547	1,088,287
II. отъ 5 до 30 морг. . .	520,499	565,208	590,918	610,177
III. отъ 30 до 300 морг. .	370,190	382,785	37,6051	389,912
IV. отъ 300 до 600 морг.	13,486	14,111	14,443	15,042
V. свыше 600 моргеновъ.	14,696	17,048	17,584	18,211
Всего	1,790,869	1,969,998	2,049,543	2,121,629

Такимъ образомъ, съ 1849 по 1858 годъ общее количество владѣній возросло съ 1,790,869 до 2,121,629 или увеличилось на 331,760. Увеличеніе это главнымъ образомъ произошло вслѣдствіе болѣе интензивнаго хозяйства, увеличенія народонаселенія и разработки многихъ невоздѣланныхъ прежде мѣстъ. Этимъ объясняется, почему средняя величина хозяйствъ для всего государства понизилась весьма немногимъ. Въ 1849 году она составляла 46,5 моргеновъ, въ 1852 — 44,9, въ 1855—44,5, въ 1858—44 моргена.

Впрочемъ, эти среднія цифры не даютъ еще яснаго понятія о положеніи дробленія земли, ибо Прусская монархія представляетъ чрезвычайное разнообразіе въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Въ то время, какъ на востокѣ преобладаютъ крупныя владѣнія, на западѣ господствуетъ раздробленная собственность. Поэтому необходимо рассмотретьъ распредѣленіе поземельной собственности по провинціямъ.

¹⁾ За исключеніемъ Гогенцоллерна и области Яде, присоединенной въ 1853 году.

Помѣстья свыше 600 моргеновъ, число которыхъ въ 1858 году во всей Пруссіи простиралось до 18,302, занимали 41,117,312 моргеновъ или 43,86% всего пространства и были распределены слѣдующимъ образомъ: въ Пруссіи они составляли 43,93% всего пространства провинціи, въ Познани—57,50, въ Помераніи—62,65, въ Бранденбургѣ—49,83, въ Силезіи — 51,22, въ Саксоніи — 30,23, въ Вестфаліи — 16,65, въ Рейнской области — 22,63, въ Гогенцоллернѣ — 23,87%.

Помѣстья отъ 300 до 600 моргеновъ, количествомъ до 15,079 и заключавшія въ себѣ 6,048,222 или 6,45% всего пространства, занимали въ Пруссіи 8,30%, въ Познани 4,39%, въ Помераніи 5,45%, въ Бранденбургѣ 6,42, въ Силезіи 4,09, въ Саксоніи 7,54, въ Вестфаліи 8,13, въ Рейнской области 6,77, въ Гогенцоллернѣ 3,88% всего пространства.

Помѣстья отъ 30 до 300 моргеновъ, количествомъ до 391,596 и заключавшія въ себѣ 35,918,047 моргеновъ или 38,82% всего пространства, занимали въ Пруссіи 43,95%, въ Познани 32,54, въ Помераніи 27,31, въ Бранденбургѣ 38,09, въ Силезіи 30,75, въ Саксоніи 47,89, въ Вестфаліи 56,37, въ Рейнской области 33,70, въ Гогенцоллернѣ 30,32 всего пространства.

Помѣстья отъ 5 до 30 моргеновъ, количествомъ до 617,420 и заключавшія 8,428,751 моргеновъ, или 8,99% всего пространства, занимали въ Пруссіи 3,24%, въ Познани 5,16, въ Помераніи 3,82, въ Бранденбургѣ 4,62, въ Силезіи 11,77, въ Саксоніи 11,20, въ Вестфаліи 15,20, въ Рейнской области 26,64, въ Гогенцоллернѣ 25,39% всего пространства.

Наконецъ, самыя мелкія помѣстья въ 5 моргеновъ и ниже, количествомъ до 1,099,333 и заключавшія въ себѣ только 2,227,812 моргеновъ или 2,38% всего пространства, зани-

мали въ провинціи Пруссіи 0,58‰, въ Познани 0,58, въ Помераніи 0,77‰, въ Бранденбургѣ 1,04, въ Силезіи 2,17, въ Саксоніи 3,12, въ Вестфаліи 3,65, въ Рейнской области 10,26‰, въ Гегенцолернѣ 7,54‰ всего пространства.

Чтобы еще болѣе познакомиться съ самыми рѣзкими противоположностями, существующими въ различныхъ провинціяхъ Прусской монархіи относительно поземельной собственности, представимъ двѣ провинціи, изъ которыхъ въ одной поземельная собственность наиболѣе сосредоточена, въ другой наиболѣе раздроблена.

Во всей провинціи Помераніи на 10,486,672 моргена земли въ 1858 году приходилось 92,030 помѣстій, именно: 2595 помѣстій свыше 600 моргеновъ занимали пространство въ 6,569,734 или среднимъ числомъ каждое 2527 моргеновъ; 1436 помѣстій отъ 300 до 600 моргеновъ занимали пространство въ 5,72,163 морг. или среднимъ числомъ каждое 391 морг.; 26,247 помѣстій отъ 30 до 300 морг. занимали 2,863,780 или среднимъ числомъ каждое 109 морг.; 29,099 помѣстій отъ 5 до 30, занимали 400,405 морг. или среднимъ числомъ каждое 13; наконецъ 32,653 помѣстій ниже 5 морг. занимали 80,590 морг. или среднимъ числомъ каждое около $2\frac{1}{3}$.

Напротивъ, во всей Рейнской области при 9,802,097 моргенахъ общаго пространства считалось 822,849 помѣстій, именно: 1,512 помѣстій свыше 600 моргеновъ занимали 2,218,167 морг. или каждое среднимъ числомъ 1466 морг.; 1608 помѣстій отъ 300 до 600 морг. занимали 663,620 морг. или каждое среднимъ числомъ 412 морг.; 49,524 помѣстья отъ 30 до 300 морг. занимали 3,302,910 морг. или каждое среднимъ числомъ 66 морг.; 205,446 помѣстій отъ 5 до 30 морг. занимали 2,611,010 морг. или каждое среднимъ числомъ 12; наконецъ 564,579 помѣстій ниже 5 морге-

новъ занимали 1,006,390 морг. или каждое среднимъ числомъ 1,7 моргеновъ ¹⁾).

Это статистическое разсмотрѣніе показываетъ, что въ большей части восточной Пруссіи поземельная собственность не только не раздроблена, но, напротивъ, значительно сосредоточена. Такъ, средняя величина владѣній, превышающихъ 600 моргеновъ, простирается въ провинціи Пруссіи до 2551 морг., въ Познани до 2208, въ Помераніи до 2527, въ Бранденбургѣ до 2948, въ Силезіи до 2144 морг., и достигаетъ иногда громаднаго пространства одной или нѣсколькихъ квадратныхъ миль. Вообще большія помѣстья, превышающія 600 моргеновъ, занимаютъ въ Помераніи почти $\frac{2}{3}$ всего пространства, въ герцогствѣ Познанскомъ и Силезіи болѣе половины, въ Бранденбургѣ около половины, въ Пруссіи немного менѣе половины, въ Саксоніи третью часть. На оборотъ мелкія помѣстья ниже 5 моргеновъ въ этихъ же провинціяхъ составляютъ незначительное исключеніе, именно въ Пруссіи и Познани они немногимъ превосходятъ полпроцента, въ Помераніи $\frac{2}{3}$, въ Бранденбургѣ процентъ, въ Силезіи немного болѣе двухъ. Очевидно, что относительно почти всей восточной Пруссіи можно сказать, что именно въ интересахъ какъ всего общества, такъ и самого земледѣлія и лучшаго веденія хозяйства желательно даже, чтобъ эти крупныя помѣстья, большею частью обремененныя долгами и плохо обрабатываемыя, раздробились на болѣе мелкія хозяйства, что позволило бы обрабатывать ихъ тщательнѣе и интензивнѣе, подъ надзоромъ болѣе дѣятельныхъ и свѣдущихъ хозяевъ.

Болѣе дѣйствительное значеніе имѣютъ жалобы на раздробленіе земли въ западныхъ областяхъ Пруссіи, именно Вестфаліи и въ особенности Рейнской провинціи. Средняя величи-

¹⁾ Jahrbuch für die amt. Statistik des preuss. Staates. стр. 154.

на владѣній въ послѣдней области достигаетъ только 12 моргеновъ и изъ общаго числа владѣній $+ 8\frac{1}{2}$ процентовъ принадлежатъ помѣстьямъ ниже 5 моргеновъ, 25% помѣстьямъ отъ 5 до 30 моргеновъ, 6% владѣніямъ отъ 30 до 300 и только 0,30% владѣніямъ, имѣющимъ свыше 600 моргеновъ. Несмотря на то, на долю послѣднихъ приходится болѣе 29% общаго пространства; на долю же самыхъ мелкихъ немного болѣе 10%; остальное же пространство занято помѣстьями отъ 5 до 300 моргеновъ. Большинство помѣстій, даже большихъ, раздроблено на мелкіе участки, обрабатываемые руками или при помощи одной лошади или коровы. Но несмотря на такое сильное раздробленіе земли, ничто не доказываетъ, чтобы оно имѣло вредныя послѣдствія относительно общаго состоянія земледѣлія и благосостоянія жителей. Напротивъ, эта провинція принадлежитъ не только къ числу наиболѣе обработанныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу тѣхъ провинцій, гдѣ благосостояніе общей массы народонаселенія находится въ самомъ лучшемъ положеніи. Причины подобнаго дробленія большею частью заключаются въ особенныхъ условіяхъ этой провинціи, которыя дѣлаютъ это дробленіе почти необходимымъ. Съ одной стороны, оно обусловливается значительнымъ развитіемъ обработки винограда и другихъ земледѣльческихъ произведеній, могущихъ процвѣтать только при мелкой обработкѣ; съ другой стороны, значительнымъ развитіемъ народонаселенія, множествомъ фабрикъ, заводовъ и вообще широкимъ и постоянно возрастающимъ развитіемъ промышленности. Работники на фабрикахъ, заводахъ, многіе извозчики и другіе мелкіе ремесленники получаютъ, такимъ образомъ, возможность легче удовлетворять своимъ потребностямъ, прибавляя къ своимъ заработкамъ доходъ отъ своего небольшого поля. Большею частью плодородная почва и богатое удобреніе, обусловливаемое густымъ населеніемъ, также содѣйствуютъ тому, что эти небольшіе уча-

стки являются въ высшей степени полезными для ихъ владѣльцевъ и, во время застоя работы, доставляютъ имъ значительное вспомошествованіе ¹⁾. Поэтому запросъ на эти участки постоянно усиливается и въ той же пропорціи возвышается покупная цѣна ихъ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ стремленіи работниковъ и поденщиковъ къ употребленію сбереженій своихъ на приобрѣтеніе и обработку клочка земли, нельзя не видѣть хорошаго признака для народнаго хозяйства. Этимъ полагается основаніе многимъ дальнѣйшимъ сбереженіямъ и накопленію богатствъ, потому что свободное время ихъ употребляется съ пользою на земледѣльческія работы, а не на праздность и мотовство. Что густое населеніе и раздробленіе почвы въ Рейнской области не имѣютъ вредныхъ послѣдствій относительно земледѣльческаго производства, это очевидно, по мнѣнію Клебса и другихъ, изъ того, что эта провинція питаетъ вдвое болѣе многочисленное количество рогатаго скота и почти столько же лошадей на квадратную милю ²⁾. Не удивительно, что жители Рейнской области, сознавая благодѣтельные послѣдствія, проистекающія отъ свободы раздробленія земли, постоянно отвергали предложенія прусскаго правительства ограничить дальнѣйшее дробленіе земли ³⁾.

Такимъ образомъ, относительно Пруссіи, гдѣ главные успѣхи, безспорно вызваны были преимущественно раздробленіемъ земли, и гдѣ земледѣліе дѣлаетъ такіе значительные успѣхи, болѣе чѣмъ о какомъ-либо другомъ государствѣ, можно сказать, что раздробленіе имѣло пока одни благотворныя и ника-

¹⁾ Reden «Deutschland». 1854, стр. 40 — Rossbach «Geschichte der polit. Oek.», стр. 259. — Huhn «Handbuch der Volkswirtschaftslehre etc.», 2-te Abth., 1-te Th. стр. 140 — Schneer «Die Dismembrationsfrage»; Archiv der pol. Oek. von Rau. 1845 B. H. I, стр. 33 и слѣд.

²⁾ Klebs «Die Landeskultur-Gesetzgebung» etc. стр. 324.

³⁾ Reichensperger «Die Agrarfrage», стр. 408. — Lette «Die Vertheilung des Grundeigenthums», стр. 17.

ких вредных послѣдствій. Вообще, хотя отдѣльные случаи злоупотребленія свободою встрѣчаются, но они составляютъ рѣдкія исключенія и, судя вообще по статистическимъ свѣдѣніямъ, нельзя не заключить о благопріятномъ ходѣ развитія. Хотя число мелкихъ частицъ увеличивается, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаютъ соразмѣрно большія, среднія и малыя помѣстья; что отчасти объясняется разработкою невоздѣланныхъ прежде земель, такъ что уменьшеніе объема имѣній не идетъ, повидимому, сильнѣе, нежели сколько требуется и оправдывается возрастающею интенсивностью хозяйства.

Несравненно позже, нежели въ Пруссіи, было совершено преобразование поземельныхъ отношеній въ другомъ значительномъ нѣмецкомъ государствѣ, *Австріи*. Правда, первыя мѣры, относительно уничтоженія крѣпостнаго права и доставленія крестьянамъ болѣе прочнаго пользованія поземельною собственностью, начинаются здѣсь уже въ концѣ прошлаго столѣтія. Благодаря мѣрамъ Маріи Терезіи, а также наслѣдника ея Іосифа II, положеніе земледѣльцевъ было значительно улучшено. Крѣпостное право въ строгомъ смыслѣ было уничтожено и замѣнено умѣреннымъ подданствомъ; повинности крестьянъ были опредѣлены болѣе точнымъ образомъ; крестьянская земля была отдѣлена отъ господской и помѣщикамъ запрещено было присоединять ее къ господскимъ полямъ; крестьянамъ была обезпечена возможность пріобрѣтать ее въ потомственное владѣніе; а между тѣмъ помѣщикамъ запрещено было сгонять ихъ со дворовъ безъ основательныхъ и признанныхъ достаточными правительствомъ причинъ. Но преобразование, столь счастливо начатое въ прошломъ столѣтіи, пріостановилось, и почти до самаго 1848 года въ положеніи крестьянъ не произошло никакой значительной перемѣны. Крѣпостное право, перешедшее въ нѣсколько смягченное подданическое отношеніе (*Erbunterthänigkeit*), продолжало почти повсемѣстно существовать въ своихъ

главныхъ чертахъ. Свободные крестьяне-собственники встрѣчались только въ незначительномъ числѣ въ Тиролѣ, Форальбергѣ, Зибенбургѣ, отчасти въ Штиріи и Далмаціи. Между тѣмъ вредныя послѣдствія крѣпостнаго права, проявляясь все болѣе и болѣе, пробудили всеобщее сознаніе въ несостоятельности стараго порядка и въ необходимости кореннаго преобразованія всѣхъ поземельныхъ отношеній. Событія 1848 года побудили долго медлившее правительство сдѣлать наконецъ окончательный шагъ. Подъ вліяніемъ событій этого года сдѣланы были распоряженія, которыя положили конецъ остаткамъ крѣпостнаго права и повели къ совершенному освобожденію земли отъ всѣхъ лежавшихъ на ней феодальныхъ повинностей и налоговъ ¹⁾. До 1857 года въ тѣхъ коронныхъ земляхъ, о которыхъ есть точныя свѣдѣнія (т. е. за исключеніемъ Трансильваніи и Буковины), объявлено къ выкупу 38,587,940 пѣшихъ и рукодѣльныхъ дней, затѣмъ десятины на сумму 4,067,495 флориновъ въ годъ, хлѣбныя оброки на 3,707,005 флориновъ и взносы при смѣнѣ владѣльцевъ въ 2,143,911 флориновъ (средней годовой суммы). Число владѣльцевъ было 58,975, число обязанныхъ крестьянъ (т. е. въ сущности главъ семейства) 2,872,200; капиталъ выкупа простирался до 292,884,625 флориновъ ²⁾. Слѣдствіемъ переворота 1848 года было появленіе многочисленнаго класса свободныхъ крестьянъ-собственниковъ и значительное увеличеніе производства и народнаго благосостоянія. По словамъ Чернига ³⁾, съ уничтоженіемъ патримоніальныхъ отношеній и освобожденіемъ земли, земледѣліе вступило въ разрядъ промысловъ, въ которыхъ разумъ и свободная предпріимчивость нашли себѣ

¹⁾ Гакстгаузена «Объ уничтоженіи господскихъ правъ въ Австріи», Рус. Вѣст. 1857. № 20.

²⁾ Кольбъ «Руководство къ сравнит. статистикѣ», стр. 128.

³⁾ Czoernig «Oesterreich's Neugestaltung», 1858 стр. 540.

полный просторъ. Капиталы, болѣе чѣмъ прежде устремились на покупку земли, особенно въ восточныхъ мѣстностяхъ; стоимость земли быстро возрасла, застои въ обработкѣ большихъ помѣстій, обусловливавшійся существованіемъ обязательнаго труда, прекратился и уступилъ мѣсто болѣе раціональнымъ способамъ хозяйства, которые дали возможность получать съ ограниченного пространства бѣльшій доходъ, нежели какой получался прежде съ громадныхъ помѣстій. Впрочемъ, новые законы, вслѣдствіе своего непродолжительнаго существованія, не произвели еще всѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Благосостояніе еще невозможно: выкупныя суммы сильно тяготѣютъ еще надъ крестьянами и они все еще не вполне свободные собственники. Притомъ поземельная собственность, какъ необходимое послѣдствіе прежде существовавшаго устройства, все-таки значительно сосредоточена и принадлежитъ на правѣ мертвой руки дворянству и духовенству. Нераздѣльныя земли, особенно въ прежнихъ славянскихъ земляхъ Моравіи, Богеміи, Силезіи и Галиціи, часто достигаютъ величины небольшихъ государствъ. Раздробленіе встрѣчается только въ Нижней Штиріи и въ тѣхъ частяхъ, которыя прежде были во владѣніи Франціи—въ Тиролѣ и Форальбергѣ, гдѣ крестьяне-собственники существуютъ съ давняго времени. Въ прочихъ же частяхъ Имперіи—въ сѣверной и восточной части, въ верхней Австріи, Зальцбургѣ, Каринтіи, Верхней Штиріи поземельные участки болѣе значительны ¹⁾. Число собственниковъ, по словамъ нѣкоторыхъ, простирается до 3 милліоновъ. Но эта цифра, основанная на народномъ изчисленіи 1857 года, представляетъ только довольно большихъ поземельныхъ собственниковъ, именно тѣхъ, которые извлекаютъ свой доходъ исключительно изъ земледѣлія и занимаются имъ, какъ глав-

¹⁾ Reden «Deutschland und das übrige Europa», 1-te Lief. стр. 36.

нымъ промысломъ. Дѣйствительное же число поземельныхъ собственниковъ должно быть гораздо больше, какъ это видно изъ кадастра 1857 года, по которому въ Австріи считалось 6,479,592, подлежащихъ налогу участковъ ¹⁾.

Переходя отъ этого общаго обзора поземельнаго преобразованія въ главныхъ нѣмецкихъ государствахъ къ разсмотрѣнію положенія нѣкоторыхъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ, мы прежде всего остановимся на Саксоніи. Въ этомъ королевствѣ, въ началѣ еще нынѣшняго столѣтія, какъ и въ прочей Германіи, существовали многочисленные остатки средне-вѣковаго устройства, тяготѣвшіе надъ крестьянами и поземельною собственностью. Правда, правительство уже съ 1820 года постоянно имѣло въ виду устраненіе всѣхъ этихъ препятствій, стѣнявшихъ свободное развитіе народныхъ силъ, но мѣры его не имѣли рѣшительнаго результата и только событія 1830 года побудили его сдѣлать окончательный шагъ и издать положеніе о выкупѣ 17 марта 1832 года. По этому положенію различнаго рода повинности раздѣлены были на два разряда. Однѣ, вытекавшія изъ обветшалаго рыцарскаго права и личныхъ крѣпостныхъ отношеній, были упразднены безвозмездно; другія же, вытекавшія изъ поземельнаго владѣнія, были объявлены подлежащими выкупу, и для быстрѣйшей развязки отношеній между помѣщиками и крестьянами, былъ учрежденъ первый рентовый банкъ (Landrentenbank). Въ томъ же 1832 году были приняты также мѣры для прекращенія крепостнаго права въ Лузаціи, гдѣ оно существовало въ болѣе суровой формѣ ²⁾.

Въ настоящее время все пространство королевства Сак-

¹⁾ Frantz «Handbuch der Statistik», стр. 284.

²⁾ Welsch «Ueber Stätigung und Ablösung der bäuerlichen Grundlasten», 1848 стр. 44.—Лакіера «Законоположеніе о выкупѣ работъ и сельскихъ повинностей въ Саксоніи»; Сед. Благ. 1856 г. № 10.

соніи раздѣлено слѣдующимъ образомъ: государственные домены занимають 1,75 квад. миль, государственные лѣса 27,73, собственность церквей и школъ 5,46, общинная собственность 7,44, городское пространство 0,89, частная дворянская собственность 43,24 и владѣнія прочихъ лицъ 185,12 квадр. миль. Изъ дворянской земли на города приходится 2,10, изъ прочей частной собственности 13,53 квад. мили; остальное же пространство принадлежитъ селамъ. Число дворянскихъ помѣстій простиралось до 971 (а по послѣднимъ свѣдѣніямъ до 942), число всѣхъ поземельныхъ собственниковъ до 215,369; а число частицъ земли до 1,779,000. Слѣдовательно на одно дворянское помѣстье среднимъ числомъ приходилось 967 прусскихъ моргеновъ, на 214,398 остальныхъ владѣній 23, а вообще на каждого поземельнаго собственника 27 моргеновъ. Средняя же величина каждой частицы равнялась 3,3 моргенамъ. Вообще всѣ согласны, что раздробленіе земли въ Саксоніи не такъ велико, какъ въ южныхъ и западныхъ государствахъ Германіи ¹⁾).

Послѣдствія освобожденія земли и перехода ея въ руки свободныхъ поземельныхъ собственниковъ были столь же благотѣльны, какъ и въ другихъ государствахъ. Въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ совершены быстрые и замѣчательные успѣхи, какъ въ обработкѣ земли, такъ и въ бытѣ крестьянъ. «Съ цѣлью познакомиться съ положеніемъ земледѣлія и селъ, говоритъ англійскій путешественникъ Кэй, я прошелъ два раза ту часть Саксоніи, которая извѣстна подъ именемъ Саксонской Швейцаріи, и смѣло, не опасаясь возраженій, могу утверждать, что во всей Европѣ нѣтъ лучшей и болѣе тщательной обработки, нежели та, которую встрѣ-

¹⁾ Frantz «Handbuch der Statistik», стр. 278.—Reden «Deutschland und das übrige Europa»; 1 Lief. стр. 52.—Rossbach «Geschichte der polit. Oekon», стр. 262.

чаешь въ этой части Саксоніи. Здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ, именно Бернскомъ и Цюрихскомъ, а также въ прирейнскихъ областяхъ, хозяйства находятся въ самомъ цвѣтущемъ положеніи. Они содержатся въ самомъ прекрасномъ видѣ и отличаются своею чистотою и порядкомъ. Земля обработана, какъ садъ; она не загромождена заборами и кустарниками; только изрѣдка встрѣчается негодная трава; луга каждую весну орошаются жидкимъ удобреніемъ; трава до такой степени очищена отъ негодныхъ травъ, что луга Саксоніи напоминаютъ мнѣ болѣе, чѣмъ все, что я видѣлъ, искусственные англійскіе луга. Небольшіе участки земли, принадлежащіе крестьянамъ, лежатъ другъ возлѣ друга, не отдѣленные заборами, рвами и другаго рода границами. Крестьяне стараются превзойти другъ друга въ качествѣ и количествѣ своихъ произведеній, въ приготовленіи почвы и въ общей обработкѣ своихъ участковъ, и это истинное соперничество сильно содѣйствуетъ, какъ улучшенію самой системы обработки, такъ и возвышенію цѣнности земли. Мелкіе землевладѣльцы приискиваютъ все средства обработки, могущія доставить наиболѣе производительные результаты. Они прилежно слѣдятъ за улучшеніями, посылаютъ своихъ дѣтей въ земледѣльческія школы съ цѣлью сдѣлать ихъ способными помогать имъ и каждый собственникъ пользуется всякимъ улучшеніемъ, вводимымъ у его сосѣдей...» ¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что въ Саксоніи почти не существуетъ пауперизма. Народъ хорошо и прилично одѣтъ; изорванная или заплатанная одежда никогда не встрѣчается; нищихъ почти не видно; дома крестьянъ замѣчательно широки, просторны, прочно построены, выбѣлены и весьма порядочны по наружности; дѣти вѣжливы и чисто и хорошо одѣты. Вообще обработка земли и положеніе крестьянъ

¹⁾ Kay «The social cond. and. educ. of the people», ч I, стр. 136.

представляются въ самомъ цвѣтущемъ положеніи и уступаютъ, по его мнѣнію, быть можетъ, только нѣкоторымъ швейцарскимъ кантонамъ и Рейнской области. Столь благопріятное положеніе крестьянъ онъ главнымъ образомъ приписываетъ раздробленію земли и заботливости объ образованіи народа ¹⁾. Тоже повторяютъ и другіе путешественники, и даже Мак-Кулохъ, ревностный защитникъ большихъ помѣстій, говоря о Саксоніи, замѣчаетъ, что «поземельные участки не большого размѣра, но во всѣхъ сельскихъ округахъ народъ находится, повидимому, въ довольствѣ и вообще пользуется комфортомъ» ²⁾.

Исторія поземельнаго преобразованія въ *Баваріи* весьма схожа съ исторіею Австріи. Здѣсь также первыя мѣры къ уничтоженію крѣпостнаго права и къ превращенію неопредѣленной барщины въ опредѣленную были приняты въ концѣ XVIII столѣтія Максимиліаномъ Іосифомъ I; но преобразование на томъ и остановилось до самаго 1848 года. Хотя событія 1830 года принудили правительство принять нѣкоторыя мѣры относительно выкупа крестьянскихъ повинностей, но онѣ не имѣли никакого вліянія и только повторившееся въ 1848 году волненіе побудило къ окончательному разрѣшенію вопроса. Въ этомъ году 4 іюня былъ изданъ законъ объ уничтоженіи патримоніальной власти помѣщиковъ, объ упраздненіи всѣхъ личныхъ повинностей и о регулированіи и выкупѣ поземельныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянскихъ участкахъ ³⁾.

Вообще въ различныхъ провинціяхъ Баваріи господствуютъ еще нынѣ весьма разнообразныя поземельныя отношенія, смо-

¹⁾ Kay «The social cond. and. educ. of the people», ч. I, стр. 138.

²⁾ Mac-Culloch «Geographical Dictionary», art. Saxony.

³⁾ Die bayerische Gesetzgebung und Verwaltung im Bereich der Landwirthschaft. München. 1862. стр. 24.

тря потому, на сколько допускалась свобода и дѣлимость по-
земельной собственности. Въ то время какъ въ Рейнскомъ
Пфальцѣ, гдѣ средне-вѣковое устройство и различныя фео-
далныя повинности были уничтожены еще при французскомъ
владычествѣ, поземельная собственность издавна пользовалась
полною свободою, во всѣхъ прочихъ областяхъ Баваріи пре-
обладала неотчуждаемость и недѣлимость имуществъ. Число
дворянскихъ помѣстій съ патримоніальною властью простира-
лось около 1840 года до 741, пространство которыхъ неизвѣ-
стно. По старымъ офиціальнымъ свѣдѣніямъ 1839 года, сель-
ское населеніе вообще заключало въ себѣ 432,357 поземель-
ныхъ собственниковъ съ 17,090,219 частицами на 29,922,825
моргеновъ общаго пространства; слѣдовательно одинъ владѣ-
лецъ приходился среднимъ числомъ на 70 моргеновъ, а одна
частица на 1,72 моргена. По свѣдѣніямъ 1854 года, общее
пространство земли, занятой подъ земледѣліе, простиралось до
17,933,816 морген.; лѣса же занимали 9,811,792 морг. Изъ
нихъ 17,000,727 морг. земли, составлявшихъ 13,085,110
частицъ, находились въ рукахъ 879,850 частныхъ лицъ, такъ
что на каждое частное владѣніе приходилось 20 морг., а на
каждую частицу 1,3 моргена. Остальное же пространство въ
933,089 моргеновъ земли, занятой подъ земледѣліе, находи-
лось въ рукахъ государства, округовъ, корпорацій и другихъ
учрежденій. Лѣса же въ количествѣ 4,840,745 моргеновъ на-
ходились въ рукахъ 315,039 частныхъ владѣльцевъ и въ ко-
личествѣ 4,995,045 морг. въ рукахъ государства, корпорацій
и другихъ учрежденій. Если мы возьмемъ отношеніе этихъ
цифръ къ общему пространству за вычетомъ вышеозначенныхъ
корпоративныхъ, общинныхъ и государственныхъ владѣній,
то получимъ среднимъ числомъ на 1 владѣльца 25 моргеновъ
и на 1 частицу 1,9 моргена. Эти среднія числа, по мнѣнію
Франца, наиболѣе приближаются къ дѣйствительнымъ. Са-

мое сильное дробленіе господствуетъ въ Нижней Франконіи и въ Рейнскомъ Пфальцѣ, гдѣ 1 владѣніе среднимъ числомъ приходится на $5\frac{1}{3}$ моргена; болѣе же всего связана поземельная собственность въ Верхней Баваріи, гдѣ 1 владѣніе считается на 34 моргена. Изъ общаго числа частицъ 3,664,202 считается въ Нижней Франконіи и 2,036,578 въ Рейнскомъ Пфальцѣ: въ первой провинціи частица доходитъ до 0,92 моргена, во второй до 1,09. По всѣмъ этимъ среднимъ даннымъ можно принять, что число поземельныхъ собственниковъ и преимущественно мелкихъ увеличилось, что число частицъ, т. е. раздробленіе почвы уменьшилось, и въ обоихъ этихъ фактахъ нельзя не признать рѣшительнаго благотѣльнаго успѣха въ образованіи желательныхъ народно-хозяйственныхъ отношеній ¹⁾).

Несмотря на сильное раздробленіе земли въ Рейнскомъ Пфальцѣ, провинція эта принадлежитъ къ числу наиболѣе процвѣтающихъ провинцій Баваріи. Рейхеншпергеръ свидѣтельствуетъ о значительномъ благосостояніи мелкихъ владѣльцевъ этой провинціи. По его словамъ, положеніе земледѣлія и земледѣльческаго класса При-рейнской провинціи Баваріи весьма схоже во многихъ отношеніяхъ съ положеніемъ При-рейнской провинціи Пруссіи и самымъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о хорошихъ послѣдствіяхъ системы мелкой собственности. Уже одинъ поверхностный взглядъ на эту многолюдную процвѣтающую страну, говоритъ онъ, которая подѣляема дѣятельными руками ея многочисленныхъ мелкихъ владѣтелей и подѣляема свободою поземельнаго устройства производитъ въ богатомъ изобиліи всѣ продукты южной Европы, въ высшей степени свидѣтельствуетъ объ истинѣ этого положенія ²⁾). Утвержденіе, говоритъ Летте, что свободная передача

¹⁾ Frantz «Handbuch des Statistik», стр. 279.

²⁾ Reichensperger «Die Agrarfrage», стр. 419.

земли и раздробленіе поземельной собственности несогласимы съ умѣреннымъ благосостояніемъ народонаселенія, а также съ достаточнымъ земледѣльческимъ оборотнымъ капиталомъ и достаточнымъ скотоводствомъ, находятъ себѣ полное опроверженіе въ баварскомъ Рейнпфальцѣ. Несмотря на крайнее раздробленіе земли, какъ скотоводство, такъ и самая производительная сила земли постоянно возрастаютъ и сверхъ того, доставляется весьма значительное количество продуктовъ рынка¹⁾. На основаніи офиціальныхъ статистическихъ данныхъ, общее производство хлѣба во всей Баваріи въ 1840 простиралось до 10,788,868 шеффелей, изъ коихъ на долю Пфальца приходилось 1,315,635. Отсюда можно вывести слѣдующіе замѣчательные результаты: а) при дѣлимости земли въ Пфальцѣ на одну квадр. милю общаго пространства приходилось 12,320 шеффелей; при нераздѣльности же въ прочихъ семи округахъ Баваріи только 6811, т. е. почти половина; б) на одну квадр. милю обработанной и земледѣльчески занятой земли въ Пфальцѣ приходилось 24,800 шеффелей; въ пречихъ округахъ 11,908, слѣдовательно гораздо менѣе половины и с) на квадр. милю земли, занятой исключительно подъ хлѣбопашество, въ Пфальцѣ приходилось 49,600; въ прочихъ округахъ 17,730, слѣдовательно почти $\frac{2}{3}$ менѣе. Сравненіе урожаевъ съ количествомъ посѣва показываетъ, что въ Пфальцѣ получаютъ урожаи самъ восемь съ половиною; въ прочихъ же 7 округахъ только самъ-четверть и $\frac{5}{7}$. Столь же благоприятное отношеніе въ пользу Пфальца представляетъ сравненіе общаго производства всѣхъ другихъ родовъ хлѣба съ потребленіемъ. Несмотря на многочисленное народонаселеніе Пфальца, производство всѣхъ родовъ хлѣба превышало внутреннее потребленіе и доставляло излишекъ въ 203,700

¹⁾ Lette «Die Vertheilung des Grundeigenthums», стр. 107.

шеффелей; во всѣхъ же прочихъ округахъ Баваріи, за исключеніемъ Верхняго Пфальца, производство, хотя вообще и доставляло излишекъ, но въ нѣкоторыхъ родахъ хлѣба не удовлетворяло потребленію. Кромѣ этихъ хлѣбовъ, Баварія производила ежегодно 11,282,000 шеффелей картофеля, изъ коихъ на долю Пфальца приходилось 2,735,200, слѣдовательно почти $\frac{1}{4}$ доля, между тѣмъ какъ онъ занимаетъ едва $\frac{1}{13}$ часть пространства. Въ подобномъ же и даже еще болѣе благоприятномъ отношеніи представляются скотоводство и производство всѣхъ прочихъ важнѣйшихъ земледѣльческихъ отраслей. Такъ, Пфальцъ доставлялъ $\frac{3}{4}$ всего вина, $\frac{1}{2}$ табаку и все количество производимаго въ Баваріи крапа ¹⁾).

Въ сосѣднемъ съ Баваріею *Виртембергскомъ* королевствѣ, мѣры для улучшенія положенія крестьянскаго сословія принимаются довольно рано. Уже эдиктомъ 13 марта 1808 года дозволено было превращеніе поземельныхъ участковъ въ наследственные. Эдиктомъ 18 ноября 1817 года уничтожено крѣпостное право, опредѣлены повинности, пожизненные участки обращены въ наследственные; наконецъ, для многихъ повинностей былъ объявленъ выкупъ. Этотъ эдиктъ, а также послѣдующіе 1818 и 1821 годовъ, главнымъ образомъ относились къ казеннымъ и общиннымъ землямъ. Въ послѣдствіи же подобныя мѣры были распространены на имѣнія частныхъ лицъ, именно въ 1836 году, когда 27 декабря былъ изданъ общій законъ объ уничтоженіи различныхъ повинностей, дополненный постановленіями 28 декабря и послѣдующими ²⁾).

¹⁾ Staats-Lexikon von Rotteck und Welker, art. Baiern. стр. 220. — Кольбъ «Сравнит. статист.», ч. 2. стр. 40. — Reichensperger «Die Agrarfrage», стр. 419. — Kolb «Ueber die Theilbarkeit des Grundeigenthums»; Archiv der polit. Oekon. von Rau. 1843. Bd. 1. стр. 99.

²⁾ Welsch «Ueber Stätigung und Ablösung der bäur. Grundlasten.» стр. 62.

Въ настоящее время поземельная собственность въ Виртембергѣ раздроблена болѣе, нежели въ другихъ государствахъ Германіи. По свѣдѣніямъ штутгартскаго статистическаго бюро, въ 1857 году при общемъ народонаселеніи въ 1, 690,000 считалось 449,594 помѣстья, слѣдовательно среднимъ числомъ 1 владѣніе приходилось на 17 прусскихъ моргеновъ и на 3,77 жителей. Изъ нихъ 718 имѣли болѣе 209 виртемберг. моргеновъ, 2895 отъ 100 до 200, 11,721 отъ 50 до 100, 16,795 отъ 30 до 50, 61,098 отъ 10 до 30, 73,243 отъ 5 до 10 и 283,124 менѣе 5 виртембергскихъ моргеновъ ¹⁾. Число же частицъ круглымъ числомъ простиралось до 4 милліоновъ, такъ что среднимъ числомъ земля была раздроблена на частицы въ 1,91 моргена ²⁾.

Вобщемъ положеніе Виртемберга часто приводилось какъ доказательство вреднаго вліянія чрезмѣрнаго раздробленія поземельной собственности. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей, Моль, лѣтъ двадцать тому назадъ назвалъ это дробленіе ракомъ, который грозитъ смертельнымъ распространеніемъ, если не будетъ принято героическихъ мѣръ для излѣченія его ³⁾. Дѣйствительно положеніе мелкихъ собственниковъ послѣ освобожденія представляло нѣкоторыя неблагопріятныя явленія. Это преимущественно проявлялось въ многочисленныхъ часто повторявшихся продажахъ съ публичнаго торга крестьянскихъ владѣній, а также въ сильной эмиграціи крестьянъ. Такъ какъ эта страна, по своей земледѣльческой культурѣ, принадлежитъ нынѣ къ числу наиболѣе процвѣтающихъ и развивающихся мѣстностей Германіи, то весьма интересно прослѣдить причины неблагопріятнаго вліянія тамошняго раздѣленія земли со времени освобожденія поземельной собственности.

¹⁾ Виртембергскій моргенъ равняется 1,23 прусскаго.

²⁾ Frantz «Handbuch der statistik», стр. 277.

³⁾ Mohl «Die Polizeiwissenschaft», 1832. II, 26.

Неограниченная свобода отчужденія и раздѣла земель въ старомъ Виртембергѣ существовала уже съ XVI столѣтія для всѣхъ поземельныхъ имѣній, необремененныхъ феодальными оброками. Въ послѣдствіи эта свобода была распространена и на крестьянскіе участки, и уже въ прошломъ столѣтіи раздавались жалобы, что участки въ горахъ слишкомъ велики, а въ равнинахъ слишкомъ малы ¹⁾. Дробленіе еще болѣе усилилось съ 1817 года, вслѣдствіе уничтоженія ленной системы и освобожденія поземельной собственности также и въ новомъ Виртембергѣ. У сельскаго населенія появилось сильное стремленіе къ приобрѣтенію поземельной собственности. Поэтому особенно возвысилась цѣна мелкихъ участковъ, и большія помѣстья начали дробиться на малыя. Образовались цѣлыя компаніи для спекуляціи и раздробленія поземельной собственности (Hofschlächtereі). Въ то же время съ приливомъ капиталовъ къ поземельной собственности усилился реальный кредитъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ чрезвычайной степени возрасло удобство къ приобрѣтенію мелкихъ участковъ. Но главнымъ образомъ усилилось населеніе, которое вообще съ 1817 года удвоилось, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже утроилось. Послѣ этого капиталы были снова отвлечены отъ земледѣлія, реальный кредитъ и цѣнность поземельныхъ участковъ также понизились весьма быстро, и къ довершенію бѣдствія, страна въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду подвергалась неурожаямъ. Не удивительно, что послѣдовало множество продажъ съ публичнаго торгу, а сильно возросшее населеніе должно было выселиться.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей ²⁾, изучавшихъ этотъ

¹⁾ Meiners «Reisebeschreibung», 1801—II. 299. Roscher «System der Volkswirth.», II 378.

²⁾ «Huhn Handbuch der Volkswirthschaftslehre etc» 2te Abtheil. 1 T. стр. 136.—Lette «Die Vertheilung des Grundeig.» стр. 110.

вопросъ, раздробленіе земли въ Виртембергѣ могло имѣть печальныя послѣдствія только потому, что долгое время не существовало необходимыхъ побочныхъ условій

Виртембергъ, окруженный плодородными, преимущественно земледѣльческими странами: Баваріею и Баденомъ, не имѣлъ значительнаго сбыта для своихъ земледѣльческихъ произведеній и не могъ достигнуть высокихъ цѣнъ, потому что единственная сосѣдняя страна, нуждавшаяся въ хлѣбѣ — Швейцарія, была отдѣлена высокими горами Шварцвальда и Альпами, дѣлавшими перевозъ слишкомъ дорогимъ. Съ другой стороны, большая часть Виртемберга, вслѣдствіе гористаго положенія и отсутствія хорошихъ путей сообщенія, долгое время была почти совершенно лишена большаго торговаго обращенія и, кромѣ своей столицы, не имѣла другихъ городовъ съ богатымъ приливомъ иностранцевъ и развитою фабричною промышленностью. Далѣе, вблизи небольшихъ окружныхъ городовъ при помощи интензивнаго хозяйства можно было бы извлекать изъ земли хорошій доходъ, но подобное хозяйство встрѣчало себѣ непреодолимые препятствія въ различныхъ ограниченіяхъ, въ особенности же въ сильной черезполосности и разбросанности участковъ, противъ чего законъ долгое время не предпринималъ никакихъ мѣръ. Наконецъ, самая промышленная дѣятельность также не могла развиваться и усиливаться, потому что, вслѣдствіе замкнутости страны и недостатка путей сообщенія, издержки перевозки столь затрудняли привозъ и сбытъ сырыхъ матеріаловъ, что Виртембергъ могъ соперничать съ другими странами только въ нѣкоторыхъ весьма немногочисленныхъ отрасляхъ. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ постоянно возрастающее народонаселеніе, не находя себѣ возможности добывать средства пропитанія въ промышленности и торговлѣ, по необходимости должно было главнымъ образомъ предаваться земледѣлію. Возрастающее

сельское народонаселеніе не только не переходило въ города, но напро ивъ, случалось весьма часто на оборотъ, что мелкіе городскіе промышленники пріобрѣтали небольшіе клочки поземельной собственности. Поэтому участки дробились все болѣе и болѣе и наконецъ, дѣйствительно обратились въ столь мелкія частицы, что, при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ, очевидно, не могли не оказывать вреднаго вліянія на положеніе крестьянъ.

Притомъ должно замѣтить еще, что если допущена полная свобода поземельной собственности, такъ что каждый можетъ пріобрѣтать землю и обрабатывать ее, то на ряду съ этою свободою, какъ необходимое дополненіе ея, должна существовать также полная свобода промышленности и свобода поселенія и мѣстожителства. Только въ такомъ случаѣ излишнее земледѣльческое народонаселеніе, поселяясь въ городахъ и предаваясь промышленности, можетъ освобождать земледѣліе отъ избытка рукъ, содѣйствовать процвѣтанію городовъ и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставлять и сельскимъ продуктамъ болѣе обширный рынокъ и болѣе высокія цѣны. Въ Виртембергѣ же до послѣдняго времени не было полной промышленной свободы. Вслѣдствіе существованія цеховыхъ учрежденій и различныхъ затрудненій относительно поселенія въ городахъ, крестьяне не могли сдѣлать своихъ дѣтей ремесленниками и промышленниками и потому необходимо должны были дробить между ними свои наслѣдственные участки; ибо только такимъ способомъ могли доставить имъ самостоятельное существованіе. Отсюда вредный характеръ дробленія земли и гибельныя послѣдствія для мелкихъ крестьянъ-собственниковъ. Впрочемъ, эти гибельныя послѣдствія, вызванныя вышеизложенными неблагоприятными обстоятельствами, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, имѣли только временное значеніе, ибо въ настоящее время, съ тѣхъ поръ, какъ водвори-

лась промышленная свобода, дозволенъ свободный доступъ въ города и страна покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, вообще замѣчается рѣшительный поворотъ къ лучшему ¹⁾. Положеніе земледѣльческаго класса постепенно улучшается, какъ видно уже изъ того, что чрезмѣрно возросшія продажи съ публичнаго торго крестьянскихъ участковъ, начали въ послѣднее время замѣтно уменьшаться. Съ 1837 по 1840 годъ количество продажъ ежегодно простиралось до 1104; въ 1852 ихъ считалось 4893, въ 1853—8531, въ 1854—8815, въ 1855—7843, въ 1856—4772, въ 1857—2107, въ 1858—1009, въ 1859—824, въ 1860—850 и въ 1861—793. Эти цифры доказываютъ, что черезъ чуръ мелкія хозяйства, порожденные неблагопріятными условіями, исчезли сами собою. Многіе земледѣльцы, освободившись отъ земли, нашли себѣ занятія въ городахъ; многіе другіе, благодаря мобилизаціи земли, успѣли составить себѣ болѣе значительныя и соотвѣтственныя мѣстнымъ условіямъ хозяйственныя единицы, чему въ свою очередь правительство старалось содѣйствовать пониженіемъ пошлинъ при покупкѣ участковъ извѣстной величины. Такимъ образомъ все показываетъ, что вредныя послѣдствія черезъ-чуръ раздробившейся земли, стремятся исчезнуть сами собою и что хозяйство, благодаря устраненію, несоотвѣтствующихъ свободѣ поземельной собственности побочныхъ условій, принимаетъ все болѣе и болѣе правильный видъ.

Положеніе крестьянъ въ *Ганноверскомъ* королевствѣ до 1830 года было довольно печальное и притомъ въ различныхъ провинціяхъ представляло чрезвычайное разнообразіе. Повсе-

¹⁾ «Ueber die Ursachen der in den Jahren 1850—54 in Württemberg hervorgetretenen Zerrüttung der bauerlichen Kreditverhältnisse»; Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Jahrg. 12 1856 г. стр. 536.—Helferich «Studien über die württembergische Agrarverhältnisse»; Zeitschr. für die ges. Staatsw. Jahrg. 9 1853 г.

мѣстно существовали остатки крѣпостнаго права и различныя обязательныя повинности, какъ то: служба при господскомъ дворѣ, барщина, различныя натуральныя и денежныя повинности, десятины, словомъ вся средне-вѣковая система поземельнаго устройства была еще въ полномъ ходу. Не удивительно, что здѣсь повторилось то же печальное явленіе, примѣры котораго мы видимъ въ исторіи всѣхъ германскихъ государствъ. Іюльскія событія во Франціи, одновременныя волненія въ различныхъ германскихъ государствахъ и ко всему этому плохой урожай вызвали здѣсь возстаніе, проявившееся съ большею силою, нежели въ другихъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этого 10 ноября 1831 года, было издано постановленіе, по которому уничтожалось личное крѣпостное состояніе и обязательное положеніе, а также упразднялись различныя поземельныя и господскія повинности. Большая часть личныхъ повинностей была уничтожена безъ вознагражденія, право же на выкупъ было признано только за тѣми повинностями, которыя вытекали изъ дѣйствительнаго пользованія землею. Дальнѣйшее развитіе этихъ началъ послѣдовало 23 іюля 1833 года ¹⁾.

По офиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ 1851 году, въ Ганноверѣ считалось 281,916 поземельныхъ собственниковъ и въ томъ числѣ 166,372 владѣльца крестьянскихъ дворовъ. Изъ этихъ послѣднихъ 118,434 владѣли каждыи пространствомъ отъ 8 до 30 моргеновъ, 21,084 отъ 30 до 60, 19,754 отъ 60 до 120 и 17,600 болѣе 20 моргеновъ. Вообще, на большую собственность свыше 120 моргеновъ приходилось болѣе 32% общаго

¹⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufh. der Leibeig». стр. 449.—Ср.: Barkhausen «Die Ablösungs-Gesetzgebung des Königreichs Hannover», etc; Archiv der pol. Oek. von Rau und Hanssen. 1851. Bd. 9, V. 2.

пространства, на владѣнія отъ 15 до 120 моргеновъ болѣе 56%, а на владѣнія ниже 15 моргеновъ и на участки хатниковъ и мелкихъ людей около 11%. По мнѣнію Франца, новое поземельное законодательство значительно увеличило число мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, такъ что нынѣ общее число всѣхъ поземельныхъ собственниковъ можно считать до 350,000 или среднимъ числомъ одно владѣніе на 43 моргена и на 6, 46 жителей ¹⁾).

Не желая вдаваться въ подробное перечисленіе остальныхъ второстепенныхъ германскихъ государствъ, гдѣ, благодаря поземельному перевороту, совершившемуся въ теченіе нынѣшняго столѣтія, мелкая свободная собственность также получила повсемѣстное преобладаніе, мы не можемъ однако обойти безъ вниманія великихъ герцогствъ Мекленбургъ-шверинскаго и Мекленбургъ-стрелицкаго, которыя составляютъ рѣзкое исключеніе изъ общаго характера новѣйшаго нѣмецкаго поземельнаго законодательства и представляютъ лучшее доказательство бѣдственнаго положенія крестьянскаго сословія при исключительномъ господствѣ системы большихъ помѣстій.

Отчасти въ предшествовавшемъ, отчасти въ нынѣшнемъ столѣтіи, вслѣдствіе слабости правительственной власти и недостатка мѣръ, защищавшихъ крестьянъ и права ихъ на землю, большая часть осѣдлыхъ земледѣльцевъ въ помѣстьяхъ мекленбургскаго дворянства была лишена своихъ участковъ, которые мало по малу повсемѣстно были присоединены къ господскимъ полямъ. Старинное правило нѣмецкаго поземельнаго законодательства, по которому крестьянская земля считалась отдѣльною отъ господской и не могла быть присоединяема

¹⁾ Frantz «Handbuch der Statistik», стр. 277. — По Редену и Блоку, въ 1832 году въ Ганноверѣ считалось всего 265,629 поземельныхъ собственниковъ. Reden «Deutschland und das übrige Europa». 1-te Lief. стр. 53. Block «Charges de l'agric.», стр. 244.

къ ней, было совершенно пренебрежено. Крестьяне, большею частью лишенные земли, были превращены въ простыхъ поденщиковъ. Изъ числа 12,545 крестьянскихъ дворовъ, считавшихся еще во время тридцатилѣтней войны, въ 1849 году оставалось только 1213 ¹⁾. Къ счастію еще, что значительная часть земли, именно около $\frac{2}{5}$ всего пространства, находилась въ непосредственномъ владѣніи герцоговъ, которые съ 1820 года приступили къ превращенію временныхъ арендаторовъ въ наслѣдственныхъ, что впрочемъ совершалось столь медленно, что изъ 6000 всѣхъ арендаторовъ, въ 1856 году считалось всего только 1064 наслѣдственныхъ. Въ дворянскихъ же помѣстьяхъ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, совершившееся также въ 1820 году, въ противоположность общему германскому законодательству, было произведено безъ земли. Крестьяне получили свободу перехода, но никакихъ правъ на землю, что поставило ихъ въ совершенную зависимость отъ владѣльцевъ, такъ что о нихъ справедливо замѣчаютъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ они болѣе зависимы и прикрѣплены, нежели во время существованія крѣпостнаго права. Дѣйствительно, въ настоящее время между безземельною толпою сельскаго населенія и большими поземельными собственниками почти вовсе не существуетъ посредствующаго класса мелкихъ собственниковъ ²⁾. Повсюду преобладаетъ большая собственность и обработка. Нерѣдко можно встрѣтить дворянскія помѣстья въ 15 и 20 тысячъ десятинъ; помѣстья же, занимающія 1500 и 2000 десятинъ, считаются малыми ³⁾.

¹⁾ Въ 1857 году около 60% народонаселенія дворянскихъ помѣстій и около 45% народонаселенія казенныхъ имѣній состояло изъ поденщиковъ

²⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufh. der Leibeig.», стр. 433.

³⁾ Block «Des charges de l'agricul.», стр. 235.

Вообще въ Мекленбургъ-Шверинѣ изъ 244 кв. миль всего пространства 105, 5 кв. миль принадлежитъ доменамъ, 8 кв. миль монастырямъ, 103,5 кв. миль дворянамъ и 27 кв. миль городамъ. Дворянская собственность сосредочена въ рукахъ 630 лицъ, владѣющихъ 905 дворянскими помѣстьями. Кромѣ ихъ существуютъ еще 1002 наслѣдственныхъ арендатора, 6163 крестьянъ и 6596 союзниковъ (Büdner) съ ограниченнѣмъ правомъ собственности ¹⁾. Вообще 1 владѣніе приблизительно приходится на 33 жителя и на 300 моргеновъ.

Въ Мекленбургъ-Стрелицѣ же поземельная собственность состоитъ изъ 30 кв. миль государственныхъ земель, 11,62 кв. миль дворянскихъ помѣстій и 5,38 кв. миль городскихъ владѣній. Всѣхъ дворянскихъ помѣстій считается 52 или 1 дворянское помѣстье приходится на 20,525 моргеновъ общаго пространства. Всѣхъ же владѣльцевъ въ Мекленбургъ-Стрелицѣ считается 1800, такъ что одно владѣніе приходится на 590 моргеновъ ²⁾. Это самая большая собственность, какая только существуетъ въ германскихъ государствахъ.

Понятно, что подобное распредѣленіе поземельной собственности не могло остаться безъ вредныхъ послѣдствій для народонаселенія, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, особенно въ странѣ небольшой, замкнутой, не вошедшей даже въ составъ Германскаго таможеннаго союза.

При настоящемъ порядкѣ вещей, вслѣдствіе существующихъ фидеикомиссовъ, леновъ и отчасти ипотекарныхъ долговыхъ отношеній, а также при введенныхъ нынѣ хозяйственныхъ системахъ обработки, вся безземельная масса поденщиковъ и батраковъ живетъ безъ всякой надежды приобрѣсть когда нибудь для себя и дѣтей свой собственный уголъ, клочекъ земли

¹⁾ Кольбъ «Сравн. Статист.», ч. 2. стр. 56. — Frantz. стр. 276.

²⁾ Frantz «Handbuch des Statist.», стр. 274 и 287.

или покрайней мѣрѣ, какое-нибудь самостоятельное положеніе, потому что при подобномъ сосредоточеніи поземельной собственности, при отсутствіи развитой промышленной дѣятельности и значительной торговли, въ Мекленбургѣ существуютъ еще различныя затрудненія и ограниченія, какъ относительно вообще свободы промышленности, такъ и относительно права мѣстожителства.

По словамъ Летте и другихъ, хотя уже болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Мекленбургѣ уничтожена крѣпостная личная зависимость, а также прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, тѣмъ не менѣе фактическая личная зависимость земледѣльцевъ отъ помѣщиковъ существуетъ въ настоящее время едва ли не въ болѣе сильной степени, чѣмъ прежде, ибо помѣщики являются не только единственными владѣльцами земли, но и единственными хозяевами и промышленными предпринимателями, доставляющими работу, нанимателями жилищъ и въ то же время лицами, пользующимися судебною и полицейскою властью. Притомъ же, прежде помѣщикъ обязанъ былъ покрайней мѣрѣ заботиться о прокормленіи крестьянъ, а также о содержаніи старыхъ и неспособныхъ къ работѣ; со времени же упраздненія крѣпостнаго права онъ освобожденъ и отъ этой обязанности. «Поселяне, замѣчаетъ Раабе, униженные до положенія рабочихъ животныхъ, совершенно преданы произволу помѣщиковъ, злоупотребленія которыхъ находятъ себѣ единственный предѣлъ только въ опасеніи вмѣшательства правительства и въ боязни открытаго возстанія поденщиковъ, доведенныхъ до отчаянія ¹⁾». Что удивительнаго, что при настоящемъ порядкѣ, Мекленбургъ подверженъ страшной язвѣ постоянно возрастающаго пролетаріата и, несмотря на свою превосходную почву, имѣетъ самое рѣдкое населеніе изъ

¹⁾ Mecklenburg Jahrbuch. 1848. стр. 217.—Sugnnheim стр. 439.

всѣхъ германскихъ государствъ. Въ 1856 году Арндтъ представилъ слѣдующую картину положенія Мекленбурга. «Плачевное, безнравственное состояніе Мекленбурга происходитъ отъ прежняго пренебреженія, въ которомъ находились обязанные крестьяне и еще болѣе отъ полнаго почти разрушенія крестьянскихъ деревень, поля которыхъ обращены въ большія имѣнія или отошли къ замкамъ съ ежегоднымъ доходомъ отъ 5000 до 20,000 талеровъ. Въ Мекленбургѣ это было дѣломъ дворянства, которое дерзало на все.... Здѣсь остались только кое-гдѣ доменные деревни и селенія, принадлежащія отдѣльнымъ учрежденіямъ и городамъ; не видно больше ничего, кромѣ большихъ помѣстій и замковъ; возлѣ нихъ стоятъ домики переходящихъ съ мѣста на мѣсто поселенцевъ, или такъ называемыхъ *Katenleute*... Эти обстоятельства, недостатокъ въ деревняхъ и постоянныхъ жилищахъ людей, служатъ источникомъ жалкаго разврата въ низшихъ слояхъ сельскаго народонаселенія, т. е. между поденщиками; въ немъ погрязло почти все крестьянское населеніе Мекленбурга. Нѣкоторые приходы имѣютъ по полдюжинѣ или даже цѣлой дюжинѣ дворянскихъ помѣстій и часто ни одной деревни. Кругомъ дворянскія усадьбы съ 5 или 10 хатами, въ которыхъ живутъ семейства поденщиковъ, ежегодно переселяющихся въ другіе приходы; у нѣкоторыхъ пасторовъ не остается ни одного прихожанина, кромѣ владѣльцевъ или арендаторовъ большихъ помѣстій, да живущихъ въ самомъ селѣ въ собственныхъ домикахъ мельника, каретника, кузнеца... Вѣчно движущіяся семейства поденщиковъ, не удерживаемыя въ деревняхъ ни твердыми обычаями, ни осѣдлостью, ни родственными связями съ сосѣдними крестьянами, живутъ какъ бы безъ родины и отечества, и съ радостью покидаютъ страну, которая не обѣщаетъ имъ прочнаго счастья» ¹⁾).

¹⁾ Кольбъ «Сравнит. Статистика», ч. 2, стр. 55

Вредныя послѣдствія такого общественнаго устройства, гибельно дѣйствуя на матеріальную сторону быта крестьянъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ къ постепенному нравственному паденію, которое въ особенности проявляется въ высшей степени неблагопріятномъ отношеніи законныхъ и незаконныхъ рожденій. Между тѣмъ какъ въ 1795 году, когда, кромѣ дворянскихъ помѣстій, существовало еще много крестьянскихъ, одинъ незаконнорожденный приходился на $17\frac{2}{3}$ законнорожденныхъ, черезъ полстолѣтіе спустя одинъ незаконнорожденный приходился уже на $6\frac{1}{2}$, въ 1850 одинъ на $5\frac{1}{2}$, въ 1857 одинъ на 4, 7 ¹⁾. Въ 1851 году въ Мекленбургѣ было 260 мѣстностей, въ которыхъ болѣе трети всѣхъ родившихся въ году дѣтей было незаконнорожденныхъ; 209, въ которыхъ болѣе половины, а въ 79 мѣстностяхъ были только одни незаконнорожденные ²⁾.

Такимъ образомъ, отношеніе законнорожденныхъ къ незаконнорожденнымъ и число браковъ относительно всего числа жителей постепенно уменьшалось по мѣрѣ консолидаціи и уничтоженія крестьянскихъ дворовъ, вмѣстѣ съ чѣмъ уменьшалось число крестьянъ, владѣвшихъ собственностью и возрастало число безземельныхъ поденщиковъ.

Другимъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о печальномъ положеніи крестьянъ, служить изъ году въ годъ возрастающая эмиграція. Въ одинъ 1856 годъ при народонаселеніи въ 541,000, она составляла 5560 человекъ; на дворянскихъ же помѣстьяхъ одинъ переселенецъ приходился на 56 жителей ³⁾ и въ

¹⁾ Wappäus «Bevölkerungs-Statistik». ч. 2, стр. 387 и 451

²⁾ Lette «Die Vertheilung des Grundeigenth.» стр. 90.

³⁾ Между тѣмъ какъ во всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ произошло увеличеніе народонаселенія, въ Мекленбургѣ-Шверинѣ народонаселеніе оставалось не только въ застоѣ, но даже уменьшилось, особено на дворянскихъ помѣстьяхъ, гдѣ съ 1851 по 1856

последнее время дошло до того, что на нѣкоторыхъ помѣстьяхъ оказывался даже недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, и помѣщики во время лѣтнихъ работъ должны были прибѣгать къ помощи жителей сосѣднихъ странъ, преимущественно къ мелкимъ собственникамъ Силезіи ¹⁾).

Оба эти факта объясняются необезпеченностью и зависимымъ положеніемъ рабочаго класса, мало отличающимся отъ прежняго крѣпостнаго состоянія. Не удивительно, что Мекленбургъ въ 1848 году былъ единственнымъ нѣмецкимъ государствомъ, испытавшимъ кровавое возстаніе поденщиковъ ²⁾).

ГЛАВА VIII.

О КРЕСТЬЯНАХЪ-СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ШВЕЙЦАРІИ.

Швейцарія также не избѣгнула крѣпостнаго права и долго страдала подъ вліяніемъ феодальнаго устройства. Хотя крестъ-

годъ оно понизилось съ 141,466 до 136,696, и только возрастаніе въ городахъ и казенныхъ имѣніяхъ поддерживало нѣсколько равновѣсія. Archiv für Landeskunde in den Grossherzogthümern Meklenburg. 7. Jahrg. 1857, Heft. 8 и 9, стр. 453.

¹⁾ При населеніи въ 541,000 душъ, число эмигрантовъ, отправлявшихся въ дальніе края въ 1856 г. было 5500, нѣсколько болѣе въ 1853 и почти столько же въ 1851 и 1852; слѣдовательно въ годъ составляло около 1⁰/₀. Изъ нихъ среднимъ числомъ $\frac{1}{3}$ или 60⁰/₀ было поденщиковъ и батраковъ, т. е. такихъ работниковъ, которые принадлежали земледѣлію и изъ нихъ 30, 4⁰/₀ приходилось на домены, 11, 4⁰/₀ на города и 58, 2⁰/₀ на дворянскія помѣстья; такъ что на эти послѣднія, считая, соотвѣтственно общему количеству жителей, приходилось 1,76⁰/₀ или 1 на 56 жителей. Archiv für Landesk. стр. 503. — Otto Hübner •Jahrbuch für Volkswirthschaft und Statistik•. 1857. ч. V, стр. 289.

²⁾ Reichensperger •Die freie Agrarverfassung• стр. 51.

яне, свергнувшіе австрійское иго въ началѣ XIV столѣтія, а также тѣ, которые въ скоромъ времени присоединились къ ихъ союзу, освободились отъ крѣпостныхъ отношеній и пріобрѣли полную независимость, но это было не общеою участію всѣхъ крестьянъ Гельвеціи. Крѣпостныя отношенія продолжали существовать уже потому, что въ этой странѣ, кромѣ союзныхъ кантоновъ, долгое время находилось еще значительное число духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ, крестьяне которыхъ были подчинены различнымъ феодальнымъ повинностямъ и налогамъ и вообще не пользовались свободою. Долговременному поддержанію крѣпостныхъ отношеній сильно содѣйствовало также еще то обстоятельство, что освободившіеся крестьяне, а также бурги и города, присоединившіеся къ ихъ союзу, не могли устоять противъ соблазна господствовать надъ другими и владѣть подданными и крѣпостными. Поэтому жители тѣхъ странъ, которыя были пріобрѣтены свободными Швейцарцами въ теченіи долговременныхъ войнъ ихъ съ Австріею, съ другими князьями и дворянствомъ, а также посредствомъ покупокъ у сосѣднихъ дворянъ и духовныхъ учрежденій, не были сдѣланы равноправными членами ихъ союза, но были оставлены въ томъ же положеніи, въ какомъ находились прежде. Такимъ образомъ, крестьяне этихъ вн въ пріобрѣтенныхъ земель, хотя и перемѣнили своихъ господъ, но не перемѣнили своего положенія. Во многихъ мѣстахъ судьба ихъ даже ухудшилась, и что замѣчательно, болѣе всего тамъ, гдѣ они зависѣли отъ первоначальныхъ демократическихъ кантоновъ; между тѣмъ какъ въ аристократическихъ, гдѣ управленіе и власть находилась въ рукахъ городскихъ олигарховъ, рано уже начали стараться объ улучшеніи ихъ участи. Такъ, въ бернской территоріи уничтоженіе крѣпостнаго права началось еще въ XV столѣтіи и почти повсемѣстно было окончено къ концу среднихъ вѣковъ. Въ Цюрихѣ этому перевороту содѣйствовала

реформація и крестьянскія возстанія, которыя побудили къ безвозмездному уничтоженію крѣпостнаго права и всѣхъ истекшихъ изъ него личныхъ повинностей. Этимъ раннимъ уничтоженіемъ крѣпостнаго права объясняется значительное благосостояніе бернского и цюрихскаго народонаселенія, которымъ оно отличалось уже въ XVIII столѣтіи. Одинъ нѣмецкій ученый путешественникъ, объѣхавшій къ концу XVIII столѣтія Германію и Швейцарію, замѣчаетъ, что онъ нигдѣ не встрѣчалъ болѣе очевидныхъ признаковъ благосостоянія, богатства и изобилія, какъ въ Цюрихскомъ кантонѣ. Около Женевы, говоритъ онъ, окрестности богаче садами и зданіями, но эти зданія принадлежатъ богатымъ городскимъ жителямъ; въ Цюрихѣ же подобнымъ благосостояніемъ пользуются простые земледѣльцы ¹⁾).

Но Бернъ, Цюрихъ и нѣкоторыя другія мѣстности представляли счастливыя исключенія. Въ большей же части прочихъ кантоновъ положеніе крестьянъ въ XVI, XVII, даже въ XVIII вѣкѣ было самое печальное и нерѣдко побуждало къ общимъ и частнымъ возстаніямъ. Не далѣе, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія во многихъ мѣстахъ существовало еще крѣпостное право; повсемѣстно же господствовало неравенство политическихъ правъ, десятины, поземельные оброки и другія феодальныя повинности. Понятно, почему приближавшаяся французская революція нашла себѣ сильное сочувствіе между гельветійскимъ народонаселеніемъ и побудила нѣкоторыя правительства къ уничтоженію крѣпостнаго права. Такъ, въ Золотурнѣ оно было уничтожено въ 1785, въ Базелѣ въ 1790 году. Окончательное же повсемѣстное упраздненіе несвободныхъ отношеній совершилось только послѣ завоеванія Швейцаріи

¹⁾ Deutsche Museum. Jahrg. 1788. ч. II стр. 386. — Sugenheim «Geschichte der Aufh. der Leibeig.» стр. 532.

Французами въ 1798 году. Тотчасъ послѣ учрежденія Гельветійской республики, первымъ дѣломъ новыхъ властителей Швейцаріи было уничтоженіе крѣпостнаго права, провозглашенное 4 мая 1798 года. Въ томъ же году было сдѣлано распоряженіе относительно освобожденія земли отъ старинныхъ феодальныхъ повинностей посредствомъ обязательнаго выкупа, который впрочемъ съ паденіемъ единства республики и съ восстановленіемъ независимости отдѣльныхъ кантоновъ, былъ замѣненъ добровольнымъ ¹⁾. Но этотъ добровольный выкупъ снова въ скоромъ времени оказался недостаточнымъ и потому различные кантоны приняли другія болѣе дѣйствительныя мѣры, благодаря которымъ дѣло освобожденія земли быстро пошло впередъ. Въ настоящее время нѣкоторые кантоны вполне уже окончили операцію выкупа, въ другихъ же она быстро приближается къ концу. (²)

Швейцарія въ нынѣшнемъ ея положеніи представляется страной, гдѣ поземельная собственность наиболѣе распространена между народонаселеніемъ и гдѣ по преимуществу преобладаетъ обработка крестьянами собственниками. Здѣсь, вообще говоря, не существуетъ большихъ помѣстій, не существуетъ фермеровъ, но почти каждая семья обрабатываетъ свой собственный участокъ. Размѣры этихъ участковъ обыкновенно весьма незначительны. Въ кантонахъ Люцернскомъ, Цугскомъ и Ааргаускомъ хозяйства въ 60 и 70 юхартовъ (около 20 и 23 десятинъ) считаются уже большими. Самыя же большія помѣстья, заключающія и лѣса, не превышаютъ 200 юхартовъ (70 десятинъ); средними считаются отъ 40 до 70 юхартовъ; ниже 40 юхартовъ малыми. Въ Швицѣ хозяйства

¹⁾ Sugenheim, стр. 534.—Arwed Emminghaus «Die schweizerische Volkswirthschaft». 1860. ч. 1. стр. 31.

²⁾ Arwed Emminghaus «Die schweiz. Volksw.»; ч. 1 стр. 86.—Frantz «Handb. der Statistik»; стр. 272.

свыше 12, въ Граубинденѣ свыше 8 юхартовъ считаются средними, а ниже 8 малыми. Вообще, по общему народному мѣнію, въ срединной мѣстности Швейцаріи, хозяйства свыше 70, въ гористой же мѣстности свыше 20 юхартовъ пространства считаются большими; отъ 40 юхартовъ до 8 средними, а владѣнія, имѣющія меньшее пространство, малыми. Болѣе значительныя помѣстья встрѣчаются только въ кантонахъ Тессинскомъ и Бернскомъ, гдѣ существуютъ корпоративныя и частныя помѣстья въ 600 и 700 юхартовъ. Общее число поземельныхъ собственниковъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, круглымъ числомъ простиралось до 465,000, такъ что одинъ поземельный собственникъ приходился на 5,4 жителя, на 8 десятинъ общаго пространства и на 5,18 десятинъ доходной земли ¹⁾).

Относительно дробленія и отчужденія земли въ Швейцаріи повсемѣстно господствуетъ принципъ свободы собственности и ни одинъ кантонъ не представляетъ ограниченій въ этомъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе нераздѣльность крестьянскихъ участковъ находитъ себѣ могущественную опору въ консервативныхъ нравахъ и обычаяхъ крестьянъ. Въ кантонѣ Цугѣ, Швицѣ, Луцернѣ, Обвальденѣ, Граубинденѣ и другихъ мѣстахъ раздѣлы бывають весьма рѣдко и крестьянскіе участки всегда переходятъ къ одному мужскому наслѣднику, который удовлетворяетъ другихъ сонаслѣдниковъ деньгами ²⁾). Обычаи эти необходимы при сильномъ раздробленіи земли, которое въ Швейцаріи несравненно значительнѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ. Въ бернской Юрѣ, Золотурнѣ, городѣ Базелѣ, Ваадтѣ на одного владѣльца приходится среднимъ числомъ 12,25 частицъ. Въ бернской Юрѣ частица составляетъ среднимъ числомъ 0,353 юхарта. Кантонъ Золотурнъ имѣетъ на

¹⁾ Frantz «Handbuch der Statistik», стр. 286.

²⁾ Arwed Emminghaus «Die schweiz. Volksw.» ч. 1, стр. 25.

175,800 юхартовъ годной земли 116,933 кадастральныхъ частицъ, т. е. 1 частица равняется 1,48 юхарта. Городъ Базель съ его четырьмя общинами имѣетъ при 10,149 юхартахъ пространства 12,435 частицъ или 1 частица=0,80 юхарта. Въ Кантонѣ Ваадтѣ 1 кадастральный участокъ среднимъ числомъ заключаетъ 0,91 ваадтскихъ юхарта, а въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ провинціяхъ частицы еще меньшія. Вообще же для всей Швейцаріи среднюю величину частицы можно принять въ 1,6 прус. моргена или 0,37 десятины ¹⁾).

Несмотря на такое раздробленіе земли, земледѣліе процвѣтаетъ и жители пользуются замѣчательною степенью благосостоянія и довольства.

По свидѣтельству всѣхъ писателей, развитіе швейцарскихъ кантоновъ и увеличеніе благосостоянія народонаселенія главнымъ образомъ начинается съ эпохи освобожденія земли отъ стариннаго феодальнаго устройства. Вообще замѣчено, что раздробленіе множества обширныхъ помѣстій, принадлежавшихъ дворянству и правительствамъ кантоновъ, имѣло самое благотѣльное вліяніе. Съ этого времени совершился быстрый и поразительный успѣхъ во всѣхъ отрасляхъ земледѣлія, въ устройствѣ жилищъ, въ пищѣ и нравахъ народа.

Штромейеръ, описывая успѣхи, совершенные въ Золотурнскомъ кантонѣ, съ тѣхъ поръ какъ крестьяне сдѣлались свободными владѣльцами и избавились отъ всѣхъ феодальныхъ повинностей, говоритъ, что во время старинной аристократіи, крестьянинъ, шедшій позади плуга, цѣнился не болѣе животнаго, тащившаго плугъ. Онъ былъ стѣсненъ и лишенъ всѣхъ правъ, подавленъ податями, десятинами, оброками. Плоды его труда истреблялись празднымъ духовенствомъ и землевладѣльцами, которые держали его въ мракѣ невѣжества и суе-

¹⁾ Arwed Emminghaus «Die schweiz. Volksw.»; ч. 1, стр. 19. — Frantz «Handb. der Statistik»; стр. 286.

вѣрія; ничто не побуждало его къ трудолюбію, дѣятельности и къ лучшей обработкѣ земли. Съ тѣхъ же поръ, какъ крестьяне получили возможность дѣлаться собственниками и когда, посредствомъ школъ, было распространено образованіе между ними, то, по словамъ того же писателя, система земледѣлія, земледѣльческія орудія, обработка луговъ, орошеніе и удобреніе ихъ, огородничество и промышленность возрасли въ громадной степени и достигли значительнаго совершенства ¹⁾.

Пушикоферъ говоритъ, что въ Тургау со времени раздробленія феодальныхъ помѣстій на крестьянскіе участки, нерѣдко треть или даже четверть помѣстья начала производить столько же хлѣба и содержать столько же скота, сколько прежде было въ цѣломъ помѣстьи ²⁾.

Кнокау свидѣтельствуетъ о подобномъ же фактѣ въ Цюрихскомъ кантонѣ. По его словамъ, съ тѣхъ поръ, какъ правительство продало земли, принадлежавшія прежде кантону, и такимъ образомъ создало множество новыхъ крестьянскихъ участковъ, производство значительно увеличилось, и нерѣдко треть или четверть земли, принадлежавшей прежде правительству, производитъ нынѣ столько же хлѣба и содержитъ столько же скота, сколько прежде доставляло все имѣніе, обрабатываемое арендаторами ³⁾.

Нѣкоторые изъ швейцарскихъ писателей жалуются, что раздробленіе земли во многихъ мѣстахъ чрезмѣрно и иногда имѣетъ вредное вліяніе на обработку; но всѣ они соглашались, что дѣятельность и неутомимая настойчивость владѣльцевъ поразительна, и ни одинъ изъ нихъ никогда не думаетъ сравнивать обработку земли самими собственниками съ арендаторскою обработкою. Такъ, профессоръ Вюлліеминъ, описы-

¹⁾ Gemälde der Schweiz. т. X, стр. 81.—Кау; т. 1, стр. 165.

²⁾ Ibidem. т. XVII, стр. 73.

³⁾ Ibidem. т. 1, стр. 245.

вая успѣхи земледѣлія въ Ваадтскомъ кантонѣ, говоритъ, что раздробленіе собственности чрезмѣрно и что владѣлецъ пяти съ половиною десятинъ считается уже зажиточнымъ ¹⁾. По его словамъ, земли, обрабатываемыя самими владѣльцами, хотя и воздѣлываются съ необыкновенною старательностью и трудолюбіемъ, но нерѣдко несвѣдущими руками и съ бѣльшими издержками, нежели земли сравнительно бѣльшихъ владѣльцевъ; но въ то же время онъ прибавляетъ, что значительное раздробленіе постепенно уменьшается, и слишкомъ мелкіе участки снова начинаютъ соединяться. По мѣрѣ бѣльшаго развитія крестьянъ они начинаютъ лучше разсчитывать, какое количество земли можетъ съ выгодною вознаграждать трудъ одного лица или одной семьи, и пріобрѣтаютъ стремленіе достигнуть лучшаго и бѣлье почетнаго положенія въ обществѣ. Они не довольствуются уже осѣдлостью на небольшихъ участкахъ и откладываютъ свою женидбу, пока въ состояніи пріобрѣсть бѣлье значительный участокъ, такъ что, чѣмъ бѣлье возрастаетъ образованіе, тѣмъ бѣлье уменьшается чрезмѣрное дробленіе. Другія свидѣтельства объ этомъ же кантонѣ представляютъ также самые утѣшительные результаты. По словамъ Мюгге, успѣхи, совершенные этимъ кантономъ, нельзя не считать поразительными. Повсюду деревянныя строенія замѣнены каменными; цѣнность земли необыкновенно возрасла; кантонъ содержитъ наибольшее въ Швейцаріи количество коровъ, лошадей, овецъ, козъ и свиней; выдѣлываетъ огромное количество винъ и напитковъ и приготовляетъ прекрасный ваадтскій сыръ, извѣстный, какъ предметъ важной торговли. Эти успѣхи, по его мнѣнію, тѣмъ бѣлье замѣчательны, что совершены въ самый короткій періодъ времени, въ который приходилось притомъ уплачивать огромныя суммы за различ-

¹⁾ Gemälde der Schweiz, т. XIX, стр. 305.

ныя феодальныя повинности, лежавшія на поземельной собственности ¹⁾).

Но хотя нѣкоторые писатели и путешественники утверждаютъ, что раздробленіе земли въ Швейцаріи иногда слишкомъ значительно для наиболѣе экономной обработки, тѣмъ не менѣе всѣ они единогласно свидѣтельствуютъ, что положеніе швейцарскихъ крестьянъ, благодаря ихъ трудолюбію, дѣятельности, упорной энергіи, бережливости, умѣренности и трезвости, самое благопріятное, такъ что въ этомъ отношеніи рѣдкая страна можетъ соперничать съ Швейцаріею.

Сисмонди, одинъ изъ первыхъ, въ прекрасныхъ чертахъ описалъ счастливую жизнь швейцарскаго крестьянина. «Чтобы судить о благосостояніи крестьянъ собственниковъ, говоритъ онъ, нужно въ особенности проѣхать и изучить Швейцарію. Нужно узнать эту страну, чтобы убѣдиться, что земля, воздѣлываемая тѣми, которые пользуются плодами ея, можетъ доставить значительное довольство весьма многочисленному народонаселенію, породить независимость характера вслѣдствіе независимости положенія, обезпечить значительное обращеніе потребленія, вслѣдствіе благосостоянія всѣхъ жителей, даже въ такой странѣ, гдѣ климатъ суровъ, плодородіе почвы умѣренно и гдѣ поздніе морозы и непостоянство временъ года часто разрушаютъ надежды земледѣльца. Проходите ли вы черезъ веселый Эмменталь или углубляетесь въ самыя отдаленныя долины Бернскаго кантона, вы не можете безъ умиленія и удивленія видѣть эти просторные, хорошо огороженные, искусно построенные и покрытые рѣзьбою деревянные домики небольшихъ крестьянъ. Внутри большіе корридоры отдѣляютъ каждую комнату многочисленной семьи. Въ каждой комнатѣ

¹⁾ Theod. Mügge «Switzerland in 1847», transl. by M-rs Perny Smith. Cp. Bibliothèque universelle. Agriculture XI 93.—Arwed Emminghaus. ч 1, стр. 26.

стоитъ одна постель, изобильно снабженная занавѣсами, одѣялами и самымъ чистымъ бѣльемъ; ее окружаетъ тщательно содержимая мебель; коммоды наполнены бѣльемъ; молочная отличается просторностью и необыкновенною чистотою; подъ тою же кровлею находятся большіе запасы хлѣба, солонины, сыру и дровъ; въ хлѣвахъ вы видите тщательно содержимый и самый красивый скотъ въ Европѣ; садъ усеянъ цвѣтами; мужчины и женщины тепло и чисто одѣты; послѣднія съ гордостью хранятъ свои старинные костюмы, въ лицахъ вы видите отпечатокъ крѣпости и здоровья; они поражаютъ васъ тою красотою чертъ, которая становится характеромъ расы, если она въ теченіе многихъ поколѣній не подвергалась ни порокамъ, ни лишеніямъ. Пусть другіе народы гордятся своимъ изобиліемъ, Швейцарія всегда съ гордостью можетъ противопоставить имъ своихъ крестьянъ» ¹⁾.

«Во многихъ мѣстахъ Швейцаріи, говоритъ Кэі, какъ-то: въ Бернскомъ, Цюрихскомъ, Ваадтскомъ и Шафгаузенскомъ кантонахъ, жилища мелкихъ крестьянъ представляютъ картину сельскаго благосостоянія и счастія. Въ Швейцаріи дома обыкновенно построены въ болѣе или менѣе замысловатомъ стилѣ, извѣстномъ у насъ подъ именемъ швейцарскихъ домовъ, съ большими деревянными подстрѣхами, высоко выдающимися крышами, открытыми извнѣ галлереями, идущими кругомъ дома и образующими внѣшній проходъ изъ комнаты въ комнату, замысловатыми баллюстрадами, рѣзными перекладинами, съ раскрашенными надписями и фигурами, покрывающими стѣны или украшающими входъ. Широкія скамьи стоятъ около дверей, на которыхъ семья отдыхаетъ въ хорошіе вечера, по окончаніи полевыхъ работъ и послѣ обѣда по воскреснымъ днямъ. Въ высшей степени замѣчательна совершеннѣйшая чи-

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'econ. polit.»; ч. 1. стр. 119.

стота всего принадлежащаго къ этимъ домамъ. Жилище, которое находилось въ одной и той же семьѣ въ теченіе нѣсколь-ко продолжительнаго времени, поддерживается въ самомъ тща-тельномъ видѣ и съ глубочайшимъ уваженіемъ. Деревянный заборъ, окружающій дворъ, небольшой садъ воздѣ дома, дворъ и хозяйственныя строенія представляются въ такомъ видѣ, какъ будто бы семья употребляла каждую свободную минуту на поддержаніе ихъ въ порядкѣ» ¹⁾).

«Ничто меня такъ не радовало, говоритъ Коксъ, какъ внут-ренность швейцарскихъ хижинъ. Всѣ видѣнныя мною, пред-ставляютъ живѣйшій образъ чистоты, довольства и простоты и вообще внушаютъ всякому наблюдателю самое радостное убѣжденіе въ крестьянскомъ счастіи. Повсюду господствуетъ довольство и комфортъ. Въ теченіе всего моего путешествія, я почти не встрѣчалъ ни одного признака бѣдности. Во многихъ мѣстахъ дорогіе предметы, какъ-то серебряныя ложки, бѣлье и пр. свидѣтельствуютъ о достаткѣ и бережливости жите-лей. Между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ повсемѣстно носи-мыя дорогія украшенія на одеждѣ указываютъ на значитель-ную степень зажиточности ихъ владѣльцевъ. Прочные и чи-стые дома крестьянъ, особенно въ Унтервальденскомъ, Берн-скомъ и Люцернскомъ кантонахъ, роскошныя плодовые дере-вья, осѣняющія ихъ жилища, поразительная тщательность, съ которою обрабатываются ихъ участки и благоденствующій видъ самого народа производятъ въ душѣ наблюдателя впечат-лѣніе, котораго не можетъ истребить теченіе времени» ²⁾).

«Отличительная черта въ положеніи швейцарскаго народо-населенія, говоритъ извѣстный путешественникъ Ленгъ, со-

¹⁾ Kay «The social cond. and educ. of the people», ч. 1. стр. 199.

²⁾ James Beale «Free trade in land: an inquiry into the social and commercial influence of the law of succession and the system of entails». London. 1855. стр. 91.

ставляющая наибольшую прелесть Швейцаріи послѣ ея природныхъ красотъ, заключается въ томъ видѣ благосостоянія и чистоты, чувства собственности, которое отпечатлѣвается въ народѣ, въ его жилищахъ, въ его клочкахъ земли. Вокругъ ихъ домовъ и небольшихъ участковъ представляется дѣятельность, напоминающая Робинзона Крузе: крестьяне постоянно что-нибудь строятъ, поправляютъ, улучшаютъ въ своемъ участкѣ. Во всемъ, что видишь въ Швейцаріи, нельзя не признать вліянія собственности. Нѣкоторыя жилища, напримѣръ, украшены длинными библейскими текстами, нарисованными или выжженными надъ дверью; другія, особенно въ Зимменталѣ и въ Гаслиталѣ, родословными строителей или собственниковъ: онѣ свидѣлствуютъ иногда, что собственность сохраняется въ семьѣ до 200 лѣтъ. Новѣйшій вкусъ собственниковъ проявляется въ новыхъ окнахъ или пристройкахъ къ старинному оригинальному живописному жилищу, которое своею сильно выдающеюся крышею, покрывающею все постепенно прибавляемыя мелкія пристройки, напоминаетъ курицу, прикрывающую своими крыльями толпу цыплятъ. Небольшіе клочки земли, каждый не больше огорода, представляютъ слѣды той же ежедневной заботливости въ городьбѣ, копаньи, полотьѣ и орошеніи» ¹⁾.

«Съ какой стороны путешественникъ ни вступаетъ въ Швейцарію, замѣчаетъ Алисонъ, съ равнинъ ли Ломбардіи, съ песчаныхъ ли полей Франціи, съ возвышенныхъ ли холмовъ Швабіи или черезъ высокій хребетъ Юры, всюду онъ бываетъ пораженъ положеніемъ крестьянъ не менѣе, какъ и величественными картинами природы. Въ горахъ, какъ и въ равнинахъ, всюду господствуютъ признаки довольства и благосостоянія. Удивленіе его не менѣе, когда онъ вступаетъ въ тѣ-

¹⁾ Laing «Notes of a Traveller» etc. 170.

снины Альповъ, гдѣ комфортъ жителей, повидимому, соперничаетъ съ величіемъ его окружающимъ, гдѣ каждый клочокъ земли, способный къ обработкѣ, отысканъ среди лѣсовъ и скалъ его окружающихъ, и гдѣ, среди величественной природы свобода и счастіе нашли, повидимому, наконецъ ненарушимое пребываніе» ¹⁾).

Въ подобныхъ же чертахъ описываютъ положеніе швейцарскихъ крестьянъ множество другихъ путешественниковъ. Всѣ они свидѣлствуютъ о необыкновенномъ трудолюбіи, дѣятельности, благосостояніи народа и о цвѣтущемъ состояніи сельскаго хозяйства въ Швейцаріи ²⁾).

Ограничиваясь вышеприведенными свидѣтельствами, мы въ заключеніе скажемъ, что одно изъ главныхъ условій благопріятнаго положенія швейцарскихъ крестьянъ заключается въ соединеніи земледѣльческой промышленности съ мануфактурною. Въ зимнее и вообще въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время, мелкіе хозяева занимаются различными производствами: тканьемъ льна, бумаги, шелка, часовымъ мастерствомъ и т. д. Всѣ эти промышленности находятъ въ мелкихъ хозяевахъ столь дешевыхъ работниковъ, что они безъ помощи всякой покровительственной системы могутъ выносить соперничество даже англійскихъ мануфактуръ. Съ другой стороны, рабочіе, увлекаемые желаніемъ увеличить и улучшить свой небольшой участокъ, привыкаютъ къ порядку и бережливости, и такъ, мало по малу накапливаютъ капиталы, которые обыкновенно завѣщаютъ при смерти старшимъ членамъ, оставляя

¹⁾ Alison; ч. 1. стр. 416.

²⁾ Статистическія свѣдѣнія о матеріальной жизни Швейцарцевъ, можно найти въ сочиненіи Арведа Эммингауза. Подробное же описаніе жилищъ, одежды, пищи и вообще матеріальнаго положенія — въ сочиненіи: *Gemälde der Schweiz*, а также у многочисленныхъ англійскихъ путешественниковъ: Чемберса, Кокса, Ленга, Бауринга, Джелингера Симонса и другихъ.

младшему свои поземельные участки въ нераздѣльную собственность. Если же случается, что отецъ при большомъ семействѣ не можетъ уравнивать накопленный капиталъ по числу старшихъ сыновей съ цѣнностью земли, то онъ завѣщаетъ остальнымъ членамъ семьи пожизненную выдачу известной части того дохода, которымъ пользуется младшій сынъ. Другимъ не менѣе важнымъ двигателемъ хозяйства и благосостоянія въ Швейцаріи является ассоціація. Для удовлетворенія разнообразныхъ земледѣльческихъ потребностей, мелкіе владѣльцы составляютъ множество компаній. Такъ, существуютъ общества для покупки и пользованія машинами, компаніи для выдѣлки сыра, продажи молока; товарищества для застрахованія противъ смертности скота, взаимныя застрахованія отъ пожаровъ, компаніи для боя скота и продажи мяса и т. п. Нѣкоторыя общины имѣютъ даже общественныя хлѣбопекарни, общественныя кузницы, прессы для винограда и т. д.

Г Л А В А IX.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ БЕЛЬГИИ.

Не менѣе поразительный примѣръ благотѣльного вліянія раздѣленія поземельной собственности представляетъ Бельгія, гдѣ съ давняго времени господствуетъ полная свобода относительно раздробленія земли. Хотя въ теченіе смутныхъ среднихъ вѣковъ крѣпостное право установилось въ Бельгіи точно такъ же, какъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ, тѣмъ не менѣе оно не долго тяготѣло надъ крестьянами и рано начало исчезать вслѣдствіе могущественнаго развитія промышленности и городовъ. Впрочемъ, окончательное уничтоженіе феодальнаго устройства, слѣды котораго продолжали сущест-

вовать въ нѣкоторыхъ провинціяхъ до Французской революціи, послѣдовало только со времени присоединенія Бельгіи къ Франціи. Съ этого времени здѣсь прочно укоренилось свободное поземельное устройство, которое, оказывая непрерывное вліяніе въ теченіе полустолѣтія, содѣйствовало сильному раздробленію поземельной собственности. Въ настоящее время Бельгія, хотя и владѣетъ нѣсколькими большими помѣстьями, тѣмъ не менѣе по преимуществу является страной средней и мелкой собственности, средней и мелкой культуры. Вообще обработка совершается на весьма малыхъ пространствахъ отчасти мелкими собственниками, отчасти арендаторами. Въ какомъ положеніи находилось распредѣленіе поземельной собственности и раздробленіе земли въ 1846 году, можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Провинціи:	Народона- селеніе.	Общее про- стран. гект.	Число ча- стицъ.	Число соб- ственников.
Брабантъ.	406,354	328,323	627,709	149,399
Анверъ	691,357	283,309	426,405	66,091
Восточ. Фландрія	793,264	299,789	821,352	79,000
Запад Фландрія	643,004	323,449	674,148	86,161
Геннегау	714,708	372,208	755,874	164,112
Лютихъ	452,828	289,319	605,275	103,509
Люксембургъ . . .	185,913	440,000	849,619	74,849
Лимбургъ.	186,265	240,000	466,639	63,360
Намюръ.	263,505	366,177	534,113	76,520
Всего.	4 337,195	2,942,574	5,761,116	863,009

Такимъ образомъ, въ 1846 году, при народонаселеніи въ 4,337,195 душъ, число собственниковъ въ Бельгіи простиралось до 863,009 или 1 собственникъ приходился на 5 жителей и на 3,3 гектара общаго пространства. Въ то же время количество земледѣльческихъ хозяйствъ простиралось всего до 572,550, изъ коихъ 201,226 находились въ рукахъ самихъ собственниковъ, лично занимавшихся хозяйствомъ. Изъ нихъ 96,572 имѣли хозяйства не болѣе одного гектара; затѣмъ: 30,540 отъ 1 до 2 гектаровъ, 29,146 отъ 2 до 4, 21,618 отъ 4 до 8, 16,822 отъ 8 до 20, 6,545 отъ 20 до 100 и только 383 свыше 100 гектаровъ ¹⁾. Несмотря на такое сильное раздробленіе поземельной собственности и культуры, несмотря даже на то, что значительная часть всего пространства обрабатывается весьма мелкими арендаторами (именно изъ 371,324 арендаторовъ — 221,392 или $\frac{3}{5}$ считалось такихъ, которые имѣли не болѣе 1 гектара), земледѣліе находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи.

Примѣръ Бельгіи, говоритъ Милль, служить лучшимъ опроверженіемъ предубѣжденія Англичанъ противъ обработки земли крестьянами-собственниками. Почва Бельгіи принадлежала первоначально къ самой скудной въ Европѣ. «Провинціи Фландрія и Геннегау, говоритъ Мак-Кулохъ, составляютъ обширную равнину, богатая растительность которой указываетъ на неутомимыя попеченія и трудъ, приложенный къ землѣ; потому что природная почва состоитъ почти исключительно изъ бесплоднаго песка, и эти провинціи своимъ большимъ плодородіемъ обязаны единственно весьма искусному и благоразумному употребленію различныхъ удобреній» ²⁾. Подобная почва въ

¹⁾ Block «Des charges de l'agricult.»; стр. 127.—Deutsches Staats-Wörterbuch von Bluntschli. Belgien стр. 20

²⁾ Mac-Culloch «Geographical Dictionary. Belgium.—Mill «Principes d'ec. pol. т. 1. стр. 313.

рукахъ большихъ владѣльцевъ оставалась бы безплодною пустынею. Она не имѣла бы никакой цѣнности въ рукахъ фермеровъ, и никакой наемный трудъ не могъ бы замѣнить того неутомимаго и разумнаго прилежанія, которое превратило пустыню въ роскошныя поля. Это очевидно, если мы обратимъ вниманіе, какъ были произведены эти улучшенія. Авторъ пространнаго и тщательно составленнаго трактата о фламандскомъ земледѣліи въ «Farmer's series of the society for the diffusion of the useful knowledge», слѣдующимъ образомъ отзывается объ удивительномъ научномъ характерѣ системы обработки мелкихъ фермеровъ и крестьянъ. «Фламандскимъ земледѣльцамъ, замѣчаетъ онъ, кажется нужно одно только пространство земли, на которой они могли бы работать; они не замедляютъ сдѣлать плодородною всякую землю, какого бы качества и свойства она ни была. Пески Кампины (равнина въ предѣлахъ Брабанта, Антверпена и частью Лимбурга) можно сравнить только съ морскими берегами, какими вѣроятно они прежде и были. Въ высшей степени любопытно шагъ за шагомъ прослѣдить за успѣхами земледѣлія. Сначала вы встрѣчаете здѣсь сельское жилище и простой сарай для коровъ, выстроенныя на самой невзрачной на видъ почвѣ. Рыхлый бѣлый песокъ, представляющій неправильныя волненія, удерживается лишь корнями вереска. Только небольшой клочекъ земли уравниень и окружень рвомъ; часть его покрыта молодымъ дрокомъ, часть засажена картофелемъ и маленькій клочекъ занятъ краснымъ клеверомъ, самымъ мелкимъ, какой только въ состояніи производить подобная почва; но здѣсь собираются твердыя и жидкія удобренія, здѣсь зародышъ будущей фермы, которая развивается вокругъ этого хозяйства... Если у земледѣльца нѣтъ подъ рукой удобренія, то онъ на голомъ пескѣ можетъ сѣять только дрокъ. Дрокъ растетъ на самой безплодной почвѣ и черезъ три года его можно уже срѣзывать; онъ доставляетъ нѣ-

который доходъ, потому что употребляется хлѣбниками и кирпичниками на топливо. Опадающія листья слегка удабриваютъ землю, а волокна корней нѣсколько скрѣпляютъ ее. Тогда уже можно пахать, и не удобряя поля, засѣвать сарачинскимъ пшеномъ и даже рожью; позднѣе жнутъ этотъ хлѣбъ. Если удастся собрать нѣсколько удобренія, то приступаютъ къ правильнымъ засѣвамъ. Какъ же скоро клеверъ и картофель даютъ фермеру возможность завести скотъ и собирать удобренія, съ той поры успѣхи быстры; въ нѣсколько годовъ почва подвергается совершенному преобразованію. Она остается еще подвижною; въ ней еще находится сырость, но она обогащается растительными веществами, доставляемыми ей разложеніемъ корней краснаго клевера и другихъ растеній. По мѣрѣ постепеннаго улучшенія почвы, по мѣрѣ воздѣлыванія ее болѣе правильнымъ образомъ, все менѣе становится замѣтнымъ различіе между землями, которыя первоначально были хорошаго качества и тѣми, которыя стали удобными только благодаря труду и промышленности. Покрайней мѣрѣ жатвы съ обѣихъ кажутся болѣе сходными, нежели какими онѣ бываютъ съ земель разныхъ свойствъ въ другихъ странахъ. Вотъ прочное доказательство превосходства фламандской системы; потому что оно свидѣтельствуетъ, что земля находится въ состояніи постоянного улучшенія и что то, чего не достаетъ землѣ, вознаграждается большими стараніями, прилагаемыми къ обработкѣ и въ особенности къ удобренію».

Милль, рассуждая по поводу этого мѣста о фламандскомъ земледѣліи, говоритъ, что народъ, который предается столь упорному труду, потому что работаетъ для себя, въ теченіи уже нѣсколькихъ вѣковъ прилагаетъ на практикѣ тѣ начала сѣвооборотовъ и бережливости въ употребленіи удобреній, которыя въ Англіи считаются новѣйшими открытіями, и прибавляетъ, что въ настоящее время свѣдующіе судьи сознаютъ

превосходство сельскаго хозяйства во Фландріи надъ англійскимъ земледѣліемъ. Такъ, авторъ фламандскаго земледѣлія говоритъ: «Обработка легкой, неудобной или средняго качества почвы вообще несравненно выше во Фландріи, нежели обработка почвъ того же свойства въ наилучше содержимыхъ фермахъ въ Англіи. Мы значительно превосходимъ Фламандцевъ въ отношеніи капитала, разнообразія земледѣльческихъ орудій, выбора и воспитанія скота и овецъ, и притомъ англійскій фермеръ вообще получилъ лучшее воспитаніе, нежели фламандскій крестьянинъ; но намъ остается еще многому поучиться у Фламандцевъ относительно тщательнаго вниманія къ свойствамъ почвы, относительно разумнаго употребленія различнаго рода удобреній, удобной послѣдовательности посѣвовъ и особенно относительно экономическаго обработыванія земли, такимъ образомъ распределенной, что каждая часть ея постоянно производительна» ¹⁾).

То же подтверждаетъ американскій агрономъ Кольманъ, тщательно изучавшій хозяйство различныхъ странъ Европы:

«Фламандское земледѣліе, говоритъ онъ, выше всего, что мнѣ случалось видѣть. Ни въ Англіи, ни въ Шотландіи, ни во Франціи, ни въ Швейцаріи я не видѣлъ ни одной фермы, столь хорошо обработанной, какъ нѣкоторыя видѣнныя мною во Фландріи. Конечно, въ Шотландіи, Норсомберландѣ, Норфолькѣ, Линкольнширѣ, Бедфордширѣ, Бекширѣ, Кэмбриджскомъ графствѣ, Стаффордширѣ и въ другихъ мѣстахъ можно отобрать нѣсколько фермъ и даже значительные округа, гдѣ обработка доведена до высокой степени совершенства и производительности; но сравнивая ихъ съ большею частью Фландріи, посѣщенной мною, нельзя не признать, что по чистотѣ, тщательно-

¹⁾ Mill «Principes d'econ. polit.»; ч. 1, стр. 314. — Ср. Morton «A. Cyclopedia of agriculture»; art. Agriculture of Flanders.

сти и совершенству обработки, по равенству и роскоши жатвъ, сообразности и совершенству сѣвооборотовъ, бережливому и превосходному способу обращенія съ удобреніемъ, наконецъ, по очевиднымъ и замѣчательнымъ улучшеніямъ почвы, эта страна представляется непревзойденною. Не менѣе поразительно также то обстоятельство, что все это сдѣлано народонаселеніемъ сравнительно необразованнымъ, не имѣющимъ притязанія на такъ называемую земледѣльческую науку и притомъ съ немногими и далеко несовершеннѣйшими орудіями. Впрочемъ, утверждать, что фламандскіе земледѣльцы безъ образованія и незнакомы съ земледѣльческою наукою, совершенно ошибочно. Они обладаютъ самою вѣрною изъ всѣхъ наукъ, вырастающею изъ долгаго наблюденія, вытекающею изъ приложенія разума, изощряемаго необходимостью, ко всему, что совершается въ его предѣлахъ, пользующеюся всѣми уроками, внушаемыми опытомъ. Такимъ образомъ они достигли степени совершенства, до которой не дошли еще многія страны, пользующіяся большими выгодами въ другихъ отношеніяхъ. Хотя ихъ орудія несовершенны, тѣмъ не менѣе есть очевидныя причины, почему они дѣйствительны. Великое земледѣльческое орудіе Фландріи есть лопата... Но даже и это простое и низшаго рода орудіе, руководимое разумною рукою и мыслью, можетъ быть болѣе дѣйствительно, нежели сложныя и искусно придуманныя машины, если только отъ нихъ ожидаютъ, что онѣ все должны совершать сами собою» ¹⁾

Въ недавно изданномъ сочиненіи Лавеле о сельскомъ хозяйствѣ Бельгіи говорится слѣдующее: «Отличительная черта фламандскаго земледѣлія—это чрезвычайное раздробленіе почвы. Хозяйства среднимъ числомъ имѣютъ не болѣе 3,45 гек-

¹⁾ Henry Colman «The agriculture and rural economy of France, Belgium, Holland and Switzerland». London. 1848. стр. 206.

тара въ западной Фландріи, гдѣ на 270,802 гектара производительнаго пространства считаютъ 78,498 хозяевъ, и 2,48 гектара въ восточной Фландріи, гдѣ 218,098 гектаровъ раздѣлены между 88,305 земледѣльцами. Но и эти среднія величины, какъ ни малы онѣ кажутся, не даютъ еще вполне вѣрнаго понятія о невѣроятномъ раздробленіи обработки. Официальная статистика свидѣтельствуетъ, что въ западной Фландріи 45,073 хозяина или 57 на 100 имѣютъ не болѣе полугектара и что въ восточной Фландріи только двѣ фермы на 100 превосходятъ 20 гектаровъ и только одна на 100 имѣетъ болѣе 50... Несмотря на такое раздробленіе обработки, оно не только не оказываетъ вреднаго вліянія, но, напротивъ, постоянно содѣйствуетъ увеличенію, какъ валоваго, такъ и чистаго дохода. Земля лучше обрабатывается, болѣе удобряется, и соразмѣрно тому возвышается производство. Почти во всѣхъ общинахъ можно найти фермы, которыя недавно еще, отдаваемые въ наемъ въ цѣлости, доставляли 70 и 80 фр. съ гектара; нынѣ же, раздѣленные на участки, доставляютъ отъ 120 до 150 фр. Повсюду господствуетъ мнѣніе, что только одна большая обработка можетъ дать землѣ приличный сѣвооборотъ и посвятить необходимый капиталъ, чтобы привести въ дѣйствіе всѣ производительныя силы ея. Во Фландріи же на оборотъ: земля приноситъ и производитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе обширно хозяйство. Капиталъ также относительно болѣе значителенъ въ мелкихъ хозяйствахъ, нежели въ большихъ; потому что весьма немногіе рѣшаются затратить на 100 гектаровъ сумму въ 60,000 или 70,000 фр., между тѣмъ какъ мелкій земледѣлецъ, не имѣющій другой перспективы и не могущій жить одною рентою, накапливаетъ всѣ свои сбереженія въ землѣ, непрерывно увеличиваетъ число содержаемаго скота, количество покупаемаго удобренія и такимъ образомъ доводитъ свой капиталъ до 1000 фр. на гектаръ. Большія хозяйства

встрѣчаются только на глинистыхъ почвахъ, именно потому что плодородная отъ природы почва, требуетъ менѣе усилій и менѣе затратъ всякаго рода. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи, именно въ Альзасѣ и Лотарингіи жалуются на то, что чрезмѣрное дробленіе земли препятствуетъ введенію рациональныхъ сѣвооборотовъ и останавливаетъ распространеніе обработки кормовыхъ травъ. Во Фландріи же земледѣльцы и собственники, напротивъ, благословляютъ дробленіе. Первые, потому что оно даетъ имъ въ распоряженіе болѣе земель; вторые, потому что оно удваиваетъ ихъ поземельную ренту. Если участокъ имѣетъ только нѣсколько квадр. сажень, то земледѣлецъ, обрабатывающій его, слишкомъ хорошо понимаетъ важность закона сѣвооборотовъ, чтобъ заставить землю два года сряду производить истощающія жатвы. Раздѣленіе хозяйствъ не только не уменьшаетъ обработки растений, назначенныхъ для скота, но напротивъ, повидимому, увеличиваетъ, потому что Термондскій округъ, гдѣ хозяйства наиболѣе раздроблены, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ, который питаетъ наиболѣе рогатаго скота, именно 118 штукъ на 100 гектаровъ пахатной земли» ¹⁾).

Лучшее доказательство могущественнаго производства фламандскаго земледѣлія заключается, по мнѣнію Лавеле, въ томъ, что оно питаетъ самое густое населеніе въ Европѣ, именно одного жителя на 968 кв. сажень, и сверхъ того, вывозитъ значительное количество земледѣльческихъ произведеній во Францію и Англію ²⁾). Самое число земледѣльцевъ составляетъ новое доказательство значительности массы продуктовъ, доставляемыхъ посредствомъ ихъ труда общему потреб-

¹⁾ Lavelaye «Écon. rur. de la Belgique»; Rev. des deux mondes. 1860. 1 Déc. стр. 739.

²⁾ Такъ, одна западная Фландрія въ 1859 году вывезла земледѣльческихъ произведеній на 20 милліоновъ.

ленію. Для обработки 100 гектаровъ производительнаго пространства въ западной Фландріи находится 65, въ восточной— 105 земледѣльцевъ, между тѣмъ какъ для обработки того же пространства въ Англіи нужно только 30, во Франціи 40, въ Ирландіи 60. Но несмотря на то, что во Фландріи на каждого земледѣльческаго работника приходится самое незначительное производительное пространство земли, меньшее даже нежели въ Ирландіи, оно питаетъ болѣе двухъ лицъ, чуждыхъ земледѣльческому производству, потому что земледѣльческое население составляетъ здѣсь только треть общаго народонаселенія. Особенно въ восточной Фландріи, странѣ мелкой культуры по преимуществу, статистическія цифры самымъ очевиднымъ образомъ свидѣтельствуютъ о совершенствѣ способовъ и о значительности массы продуктовъ, доставляемыхъ столь раздробленною почвою. Тамъ каждый земледѣлецъ, развивая свою дѣятельность на пространствѣ менѣе гектара, кормитъ почти столько же лицъ, сколько англійскій земледѣлецъ, располагающій тремя гектарами производительной земли. Цѣнность земель и высота поземельной ренты присоединяются также къ предшествовавшимъ доказательствамъ, свидѣтельствующимъ какъ значителенъ долженъ быть валовой доходъ. Средняя цѣнность гектара въ 1846 году достигала по офиціальнымъ свѣдѣніямъ до 2,426 фр.; рента же, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, до 73 фр. въ первой провинціи и до 93 во второй. Съ тѣхъ же поръ цѣнность земли и рента возвысились еще болѣе ¹⁾.

Такимъ образомъ, нельзя не признать, что мелкимъ хозяйствамъ Фландріи принадлежитъ въ настоящее время пальма первенства относительно хорошей обработки, тѣмъ болѣе, что превосходство ея основывается не на выгодахъ почвы и кли-

¹⁾ Lavelaye «Econ. rur. de la Belgique», стр. 740 и 742.

мата, но главнымъ образомъ на неутомимой и разумной дѣятельности крестьянъ. Столь цвѣтущее состояніе земледѣлія показываетъ притомъ, что хотя, повидимому, раздробленіе земли чрезмѣрно, тѣмъ не менѣе не превосходитъ границъ, полагаемыхъ мѣстными, общественными и экономическими потребностями. Дѣйствительно, по свидѣтельству всѣхъ писателей, крестьяне никогда не дробятъ фермы или участки земли, если только это можетъ повести къ уменьшенію цѣнности земли или затруднить обработку. Въ такомъ случаѣ наследники почти всегда слишкомъ проникнуты сознаниемъ собственного интереса, чтобы требовать раздѣла. Они скорѣе продадутъ, уступятъ другъ другу или оставятъ въ нераздѣльномъ владѣніи ферму, нежели рѣшатся раздѣломъ понизить цѣнность ея. Всюду, гдѣ земледѣліе ведется тщательно, каждое поле имѣетъ извѣстную, сообразную съ свойствомъ мѣстности и почвы форму, сообщающую ему красоту и совершенство, которая крестьянинъ слишкомъ хорошо сознаетъ и не рѣшается уничтожить. Если тѣ, которые обрабатываютъ землю, понимаютъ чего требуетъ она для болѣе изобильнаго производства, раздробленіе не только не уменьшаетъ ея плодородія, но почти всегда значительно увеличиваетъ его. Если же они не понимаютъ, то и большія фермы будутъ обрабатываться не только не лучше малыхъ, но часто даже хуже. Такимъ образомъ можно смѣло утверждать, что среди нынѣшней организаціи Фландріи, раздробленіе хозяйствъ донынѣ имѣло для земледѣльческаго производства одни только выгодныя послѣдствія.

Но это раздробленіе оказывало благопріятное вліяніе не только относительно земледѣльческаго производства, но также и относительно положенія земледѣльческаго класса. Никольсъ, описывая бытъ бельгійскихъ крестьянъ, говоритъ: «Небольшія владѣнія отъ 5 до 10 акровъ, изобилующія во многихъ частяхъ Бельгіи, весьма напоминаютъ небольшіе участки въ Ирландіи;

но между тѣмъ какъ ирландскій земледѣлецъ существуетъ въ страшной нищетѣ и лишенъ всѣхъ удобствъ образованной жизни, бельгійскій крестьянинъ пользуется значительною долею этихъ удобствъ. Жилища небольшихъ земледѣльцевъ въ Бельгiи построены прочно и хорошо поддерживаются. Они обыкновенно имѣютъ спальню и отдѣльные чуланы для кроватей, находящіеся въ связи съ нижнимъ жильемъ, весьма удобнымъ по размѣрамъ, небольшой погребъ для молока, кладовую для хлѣба, а также помѣщеніе для картофеля съ обширнымъ скотнымъ дворомъ, свинымъ хлѣвомъ и птичникомъ. Въ домѣ обыкновенно находится весьма приличная мебель, достаточное количество бѣлья, и такъ какъ повсюду проглядываетъ тщательная опрятность Голландца, то на всемъ хозяйствѣ лежитъ печать комфорта и приличія. Въ коровьихъ стойлахъ скотъ постоянно снабжается соломой для подстилки; навозъ и моча тщательно собираются въ чаны; для сбора удобреній выкопаны рвы; сухія листья, остатки картофеля и пр. собираются во влажныя ямы, подвергаются процессу гніенія и приготавливаются кучи для удобренія. Всѣ принадлежности содержатся въ чистотѣ и порядкѣ; повсюду видна самая тщательная внимательность и строгая экономія. Семья прилично одѣта; не видно лохмотьевъ и неопрятности, хотя одежда и приготовлена изъ самаго грубаго матеріала. Мужчины обыкновенно носятъ блузу; деревянные башмаки употребляются обоими полами. Пища состоитъ въ значительной степени изъ ржаного хлѣба и молока, обѣдъ же обыкновенно изъ картофеля и лука съ прибавленіемъ иногда ветчины или солонины¹⁾. По свидѣтельству того же писателя, бельгійскіе крестьяне отличаются замѣчательными нравственными качествами. Большія полевые рабо-

¹⁾ Nicholls «Inquiry into the condition of the Poor in Holland and Belgium». стр. 164.—Mac - Culloch «Geogr. Diction». art. Belgium. т. 1. стр. 214.

ты, уходъ за скотомъ, приготовленіе удобренія, распределеніе системы сѣвооборота побуждаютъ крестьянина къ непрерывной дѣятельности и развиваютъ въ немъ оборотливость и предусмотрительность. Къ этимъ качествамъ присоединяется также строгая бережливость, обычная трезвость и довольство духа, который находитъ себѣ главное успокоеніе подъ домашнею кровлею, отъ которой отецъ семейства рѣдко отдаляется, чтобы искать себѣ развлеченія въ другихъ мѣстахъ ¹⁾.

Чтобы показать, какимъ образомъ можно безбѣдно существовать при столь малыхъ пространствахъ хозяйствъ, мы приведемъ расчетъ, заимствованный Миллемъ изъ сочиненія о фламандскомъ земледѣліи, о которомъ мы уже упоминали прежде. «Большая часть наилучше обработанной земли, говорится въ немъ, состоитъ изъ участковъ принадлежащихъ крестьянамъ и воздѣлываемыхъ самими собственниками при исключительномъ употребленіи заступа или при его содѣйствіи. Когда земля обрабатывается исключительно заступомъ и когда для обработки поля не держатъ лошадей, тогда на каждые три акра имѣютъ одну корову, которую кормятъ искусственнымъ сѣномъ и кореньями. Такой способъ земледѣлства употребляется преимущественно въ Вазскомъ округѣ, гдѣ участки довольно мелки. Вся работа исполняется здѣсь различными членами семейства; и дѣти съ ранняго возраста начинаютъ помогать въ мелочныхъ работахъ, соотвѣтствующихъ ихъ возрасту и силамъ, напр., они работаютъ бороной, граблями, кормятъ коровъ. Крестьяне счастливы, если удастся собрать достаточное количество ячменя и ржи на хлѣбъ, достаточно картофеля, рѣпы и моркови, достаточно клевера для коровъ, а продажа рѣпного сѣмени, льна, пеньки и масла, за покупкою удобреній, которыя составляютъ значительную издержку, до-

¹⁾ Nicholls «Inquiry etc». стр. 161.—Ср. Burn «Notes of an agricultural tour in Netherlands, Belgium and Rhine». 1862. стр. 176.

ставляетъ имъ хорошую прибыль. Предположимъ, что земля простирается до шести акровъ, что встрѣчается весьма часто. Если считать крестьянина съ женою и тремя молодыми дѣтьми за трехъ съ половиною взрослыхъ работниковъ, то семейству нужно будетъ 39 бушелей хлѣба, 49 картофеля, одну свинью, масла и молока одной коровы. Полтора акра земли дадутъ такое же количество хлѣба и картофеля и, сверхъ того, немного хлѣба для корма свиньи, на которую идетъ также излишекъ молока и масла; другаго акра съ клеверомъ, морковью, картофелемъ, прибавляя къ нему листья рѣпы, достаточно на кормъ коровы; слѣдовательно, для прокормленія семейства достаточно двухъ съ половиною акровъ земли, а произведенія трехъ съ половиною акровъ могутъ быть проданы на уплату аренды или процента покупной цѣны, на вознагражденіе употребляемыхъ орудій и одежды для семьи. Но эти акры доставляютъ самую большую прибыль фермы, потому что на нихъ сѣется пенька, ленъ, полевая рѣпа; а у кого есть, кромѣ того, одинъ акръ съ клеверомъ и кореньями, тотъ имѣетъ возможность держать другую корову и продавать доставляемые ею произведенія. Итакъ мы имѣемъ разрѣшеніе задачи, какимъ образомъ можетъ жить и благоденствовать одно семейство на шести акрахъ земли средняго качества».

Доказавъ далѣе вычисленіями, что такое пространство земли можетъ быть обработано однимъ семействомъ самымъ лучшимъ образомъ безъ содѣйствія наемнаго труда, авторъ фламандскаго земледѣлія продолжаетъ: «Если въ фермѣ, состоящей изъ десяти акровъ, обрабатываемыхъ единственно помощію заступа, къ труду членовъ семейства, прибавить трудъ одного человѣка и одной женщины, то работа значительно облегчается, и съ помощію одной лошади и повозки для перевозки удобренія и для своза произведеній, а иногда для борошенія земли, легко можно обрабатывать пятнадцать акровъ...

Изъ этого видно (здѣсь излагается результатъ 15 страницъ подробностей и вычисленій), что промышленный человѣкъ, снабженный небольшимъ капиталомъ и занимающій пятнадцать акровъ удобной земли, обрабатывая землю посредствомъ заступа, можетъ не только жить и содержать свое семейство, платя умѣренную ренту, но въ продолженіе своего существованія имѣеть возможность скопить значительную сумму».

Но неутомимая промышленность, замѣчаетъ по поводу этого мѣста Милль, при помощи которой достигаются подобные результаты и значительная доля которой употребляется не на одно земледѣліе, но и на улучшеніе почвы въ надеждѣ на отдаленные доходы,—эта промышленность не находится ли въ связи съ тѣмъ фактомъ, что земледѣлецъ не платитъ никакой ренты? Могло ли бы существовать подобное трудолюбіе, не предполагая покрайней мѣрѣ продолжительнаго срока аренды? Что же касается до обыкновеннаго существованія фламандскихъ крестьянъ, продолжаетъ Милль, то они живутъ болѣе экономно, нежели тотъ же классъ въ Англіи; они рѣдко употребляютъ говядину, только по воскресеньямъ и во время жатвы; обычную же ихъ пищу составляютъ молоко, масло и картофель съ ржанымъ хлѣбомъ. Основываясь на подобныхъ доказательствахъ, англійскіе путешественники, быстро проѣзжающіе по Европѣ, во всеуслышаніе объявляютъ, что крестьяне во всѣхъ странахъ бѣдны и жалки, что ихъ земледѣльческая и общественная система несовершенна и что только при порядкѣ, существующемъ въ Англіи, работники находятся въ хорошемъ положеніи. Правда, что только при такомъ порядкѣ рабочій классъ, хорошо ли ему или дурно, никогда не ищетъ лучшаго. Англійскіе работники до того привыкли считать невозможнымъ не издерживать всего ими получаемого, что признаки бережливости они смѣшиваютъ съ признаками нищеты. Взглянемъ на настоящее объясненіе этого явленія.

«Итакъ крестьяне мало по малу пріобрѣтають капиталъ и главное стремленіе ихъ имѣть землю, которая бы имъ принадлежала. Они съ жадностью хватаются за всякую возможность купить небольшую ферму, и цѣна, вслѣдствіе соперничества, возвышается до того, что земля не даетъ болѣе 2^о/_о покушнѣй цѣны. Большія помѣстья мало по малу исчезаютъ и раздѣляются на мелкіе участки, которые продаются по высокой цѣнѣ. Но богатство и промышленность постоянно увеличиваются и распредѣляются болѣе равномерно между массами, не сосредоточиваясь въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ».

При подобныхъ фактахъ, говоритъ Милль, всѣмъ извѣстныхъ и всѣмъ доступныхъ, нельзя не удивляться, когда на Фландрію указываютъ не для того, чтобы доказать выгоды крестьянской собственности, но съ цѣлью возставать противъ нее. Причиною тому выставляютъ воображаемую чрезмѣрность народонаселенія, которой приписываютъ бѣдность, обнаружившуюся между крестьянами Брабанта и восточной Фландріи въ несчастный 1846—1847 годъ. Но свидѣтельство приводимаго мною писателя, близко знакомаго съ предметомъ и не увлекающагося защитою какой-либо экономической теоріи, доказываетъ, что эти бѣдствія, какъ ни велики они были, происходили не отъ того, что мелкіе собственники не имѣли возможности удовлетворять при обыкновенныхъ обстоятельствахъ въ достаточномъ размѣрѣ потребностямъ тѣхъ, которыхъ они обязаны поддерживать; но что главнымъ образомъ они произошли отъ того существеннаго условія, которому подвержены всѣ лица, употребляющія свою собственность для производства средствъ продовольствія, т. е. что бѣдствія неурожаевъ они должны были испытывать на себѣ и не могли отстранить ихъ и перенести на потребителей, какъ то дѣлали большіе фермеры.

Если припомнимъ, что въ 1846 году мѣстами былъ не-

урожай на всѣ роды хлѣба и общій на картофель, то не удивительно, что при столь необыкновенномъ бѣдствіи, производство съ шести акровъ, половина которыхъ засѣяна льномъ, пенькою или маслянистыми растеніями, не было уже достаточно для годового содержанія цѣлаго семейства. Но мы не желаемъ проводить параллель между фламандскимъ крестьяниномъ, страдающимъ отъ неурожая, и англійскимъ капиталистомъ, который обрабатываетъ нѣсколько сотъ акровъ земли. Если бы крестьянинъ былъ Англичаниномъ, онъ не былъ бы капиталистомъ, но поденщикомъ, подчиненнымъ власти капиталиста. А развѣ поденщики не испытываютъ во время неурожая никакихъ бѣдствій? Не было ли и между ними голодныхъ въ той странѣ, гдѣ мелкіе собственники и мелкіе фермеры неизвѣстны? Я не вижу никакого основанія полагать, чтобы въ Бельгіи бѣдствіе было значительнѣе, нежели въ степени, соотвѣтствующей относительно пространству недостатка урожая, сравненному съ неурожаемъ другихъ странъ ¹⁾).

Г Л А В А X.

О КРЕСТЬЯНАХЪ-СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ШВЕДІИ И НОРВЕГІИ.

Швеція и Норвегія не знали крѣпостнаго права. Географическое положеніе страны и характеръ почвы благопріятствовали въ этихъ государствахъ развитію свободной политической жизни. Крестьяне съ самаго ранняго времени пользовались здѣсь значительною долею свободы, а въ первоначальную эпоху составляли даже высшее господствующее сословіе ²⁾).

¹⁾ Mill «Principes d'écon. politique», т. 1 стр. 314 и сл.

²⁾ Geier «Geschichte von Schweden», übers von Leffler 1832—1836. I. 99. — Nordenflycht «Die schwedische Staats-Verfassung. etc.». 1861.

Понятно, что исторія подобнаго земледѣльческаго сословія должна была имѣть совершенно отличный ходъ и характеръ отъ того, который мы привыкли видѣть въ исторіи крестьянъ феодальныхъ государствъ, основанныхъ другими германскими племенами. Въ государствахъ феодальныхъ всѣ отношенія крестьянина заключались въ его большемъ или меньшемъ подчиненіи господину, и исторія устройства такихъ крестьянъ представлялась не болѣе, какъ исторіею отношеній господъ и крѣпостныхъ, землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ. Въ Швеціи же и Норвегіи права и обязанности крестьянъ относились не къ землевладѣльцамъ, которые были тѣже крестьяне, но къ государству, котораго они были главными членами, и къ государственному управленію, въ которомъ они всегда принимали дѣятельное участіе. Правда, зародыши феодальной системы существовали и здѣсь, но они далеко не достигли того громаднаго значенія и развитія, которое приобрѣли въ другихъ государствахъ Европы. Феодальная система никогда не могла сдѣлаться здѣсь господствующимъ основаніемъ всей совокупной государственной жизни; никогда не могла вполне вытѣснить аллодіальной системы и привести къ тому исчезновенію независимости свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, которое составляетъ общую черту всѣхъ средневѣковыхъ государствъ. Первоначальное рабство, которое существовало здѣсь въ раннюю эпоху, мало по малу смягчалось, и подъ вліяніемъ христіанства, въ XIV столѣтіи почти совершенно исчезло. Съ тѣхъ поръ Швеція и Норвегія знаютъ только свободныхъ людей. Непрерывно продолжавшаяся крѣпкая старинная народная жизнь и почти всеобщее равенство всѣхъ свободныхъ лицъ передъ закономъ, служили достаточною защитою для отдѣльныхъ лицъ. Благодаря столь счастливому развитію, мелкіе свободные поземельные собственники не находились въ тягостной необходимости вступать въ зави-

симое отношеніе къ могущественнымъ лицамъ, чтобы обезпечить себѣ защиту и покровительство и избѣжать угнетеній и произвола. Даже въ самое золотое время для феодальной аристократіи, въ дни Кальмарской уніи трехъ Скандинавскихъ государствъ, дворянство не могло сдѣлаться слишкомъ опаснымъ для крестьянъ въ Норвегіи; потому что не имѣло тамъ значительной поземельной собственности, такъ какъ бѣдная и притомъ только мѣстами годная къ обработкѣ земля сама по себѣ уже не способствовала образованію большихъ помѣстій для отдѣльныхъ лицъ. Въ Швеціи же, хотя дворянство и стремилось въ эту эпоху послѣдовать примѣру дворянства прочихъ государствъ, но, благодаря защитѣ и покровительству королей, не успѣло лишить крестьянъ свободы и собственности. Извѣстно, какую роль играли крестьяне при уничтоженіи Кальмарской уніи и при выборѣ Густава Вазы. Отсюда тѣсный союзъ между новою династіею и земледѣльческимъ сословіемъ, союзъ столь плодотворный для обѣихъ сторонъ и потому тщательно поддерживаемый Густавомъ I и нѣкоторыми его наслѣдниками. Въ этомъ благопріятномъ отношеніи шведскихъ королей къ господствующей массѣ народонаселенія лежитъ главная причина долговременной, то явной, то скрытой борьбы между королевскою властью и аристократіею; а также объясненіе той поразительной силы, энергіи и могущества, которыя проявила эта небольшая, безлюдная и безденежная страна, бывшая въ теченіе цѣлаго столѣтія первенствующею державою Сѣвера. Въ то время, какъ въ прочихъ государствахъ лучшія силы крестьянскаго сословія были поглощены дворянствомъ и духовенствомъ, въ Швеціи они принадлежали королю и государству, и потому не удивительно, что шведскіе короли обязаны имъ своими побѣдами и своимъ европейскимъ значеніемъ.

Къ сожалѣнію, положеніе крестьянскаго сословія въ XVI и

XVII столѣтіяхъ начинается значительно ухудшаться. На крестьянъ, поселенныхъ на скатовыхъ земляхъ, начинаютъ смотрѣть, какъ на простыхъ арендаторовъ ¹⁾. Дворянство присвоиваетъ себѣ значительныя привилегіи и постоянно увеличиваетъ свое могущество. Оно получаетъ въ помѣстья множество крестьянскихъ скатовыхъ земель съ правомъ собирать съ крестьянъ казенныя подати, которыя прежде непосредственно вносились въ казну. Не довольствуясь прежними податями, оно нерѣдко произвольно увеличиваетъ ихъ, обременяетъ крестьянъ барщиною, вслѣдствіе чего многіе изъ нихъ бросаютъ свои земли, впервые обработанныя ихъ предками и въ теченіе многихъ лѣтъ находившіяся въ ихъ наследственномъ владѣніи. Въ какихъ громадныхъ размѣрахъ совершался этотъ переходъ казенныхъ земель въ руки дворянства, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: Густавъ-Адольфъ во время своихъ войнъ роздалъ и продалъ 8,900 геммановъ, приносившихъ казнѣ ежегоднаго дохода 218,000 талеровъ; во время малолѣтства Христины было роздано и продано казенныхъ помѣстій, приносившихъ дохода до 202,000; наконецъ, сама Христина продала во время своего царствованія 5000 геммановъ, при-

¹⁾ Происхожденіе скатовыхъ земель было слѣдующее: первоначально всѣ Свеи и Готы, положившіе основаніе Шведскому государству, были люди свободные и равноправные; земля же, которую они обрабатывали сами или при помощи рабовъ военно-плѣнныхъ, была ихъ собственностью. Но въ XIII вѣкѣ, вслѣдствіе постоянныхъ войнъ съ Датчанами, положеніе дѣлъ измѣнилось. Прежде всѣ свободные люди выходили въ поле защищать свое отечество и сражались пѣшіе, но съ той эпохи появилась необходимость въ тяжело-вооруженныхъ всадникахъ—рыцаряхъ, и потому всѣ свободные люди были раздѣлены на два класса. Тѣ, которые въ состояніи были послѣдовать зову своего короля, были освобождены отъ всякой поземельной подати и участки ихъ были названы *frälse*, свободными; вся же остальная поземельная собственность, обложенная податью, получила названіе «скать».

носившихъ дохода 150,000; раздарила же около 20,000 геммановъ, дававшихъ дохода до 600,000 талеровъ ¹⁾. Такъ объясняется громадное сосредоточеніе поземельной собственности въ рукахъ высшихъ сословіи. Хотя при Карлѣ XI большая часть казенныхъ земель была вновь насильственно отобрадена въ казну, тѣмъ не менѣе дворянство успѣло сохранить значительную еще долю поземельной собственности, и не далѣе какъ въ концѣ прошлаго вѣка владѣло почти третьею частью всей поверхности Швеціи. Впрочемъ, въ эту эпоху совершается значительная перемѣна. Въ 1789 году правительство признаетъ за скатовыми крестьянами право собственности на ихъ земли, которое оно столь долго отвергало; въ то же время всѣмъ лицамъ предоставляется полное право пріобрѣтать всякую недвижимую собственность, и, по словамъ Форселля, съ тѣхъ поръ какъ всѣ сословія получили возможность пріобрѣтать дворянскія помѣстья, поземельная собственность начала быстро ускользать изъ рукъ дворянства ²⁾. Въ настоящее время все земледѣльческое пространство Швеціи раздѣлено на 65,665 геммановъ или податныхъ поземельныхъ единицъ. Но это число никоимъ образомъ не представляетъ еще числа дѣйствительно существующихъ поземельныхъ собственниковъ, ибо нѣкоторые лица владѣютъ нѣсколькими подобными участками, другія же половиною, четвертью и т. д. Одно число крестьянъ, обработывавшихъ свои собственные земли простиралось въ сороковыхъ годахъ до 147,974 и сверхъ того, считалось множество сельскихъ работниковъ, также владѣвшихъ небольшими участками земли ³⁾.

¹⁾ Герье «О сословіяхъ въ Швеціи». Русскій Вѣстн. 1862 года. Апрѣль. стр. 783.

²⁾ Forsell «Statistik von Schweden», übers. von Freeze. 1845 стр. 288.

³⁾ Forsell «Statistik von Schweden». — Mac-Culloch «Geograph. Diction.», art. Sweden — Block «Des charges de l'agric.» стр. 222.

Такимъ образомъ, благодаря отчасти счастливому ходу исторіи, отчасти новѣйшимъ законодательнымъ мѣрамъ, Швеція владѣетъ въ настоящее время довольно еще многочисленнымъ классомъ свободныхъ крестьянъ-собственниковъ. Немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о положеніи ихъ, свидѣлствуютъ, что они пользуются значительною степенью благосостоянія и довольства. По словамъ Ленга, шведскіе крестьяне, хотя далеко уступаютъ относительно благосостоянія норвежскимъ, тѣмъ не менѣе несравненно лучше снабжены всѣми матеріальными потребностями, нежели земледѣльческіе работники или хижинники въ Шотландіи. Они лучше помѣщены, лучше кормятся и вообще пользуются бѣльшими удобствами относительно топлива и пищи ¹⁾).

Другой достойный вѣры путешественникъ, Коксъ, сообщаетъ слѣдующія подробности о положеніи шведскаго крестьянина. «Мнѣ часто, говоритъ онъ, случалось наблюдать обычаи, нравы и пищу крестьянъ. Входя въ хижину, я обыкновенно находилъ всю семью, занятою чесаньемъ льна, сученіемъ нитокъ и тканьемъ грубаго холста и шерсти. Крестьяне весьма находчивы и умѣютъ употреблять самыя грубые матеріалы для весьма полезныхъ цѣлей.... Пища ихъ главнымъ образомъ состоитъ изъ солонины, соленой рыбы, яицъ, молока и черстваго хлѣба. Къ Михайлову дню они обыкновенно убиваютъ свой скотъ и солятъ его для наступающей зимы и весны. Дважды въ годъ они пекутъ хлѣбъ широкими круглыми лепешками, которыя нанизываютъ на рядъ палокъ и привѣшиваютъ къ потолку. Этотъ хлѣбъ бываетъ столь твердъ, что его приходится иногда рубить топоромъ, тѣмъ не менѣе онъ не непріятенъ. Крестьяне употребляютъ пиво, какъ обычное питье, и вообще весьма привязаны къ солодовому спирту. Въ округахъ вблизи

¹⁾ Laing's Tour in Sweden. стр. 277.

западныхъ береговъ, а также на значительномъ разстояніи внутри страны, весьма нерѣдко въ хижинахъ встрѣчаются чай и кофе, которые въ изобиліи и по дешевой цѣнѣ доставляются изъ Готенбурга. Крестьяне хорошо одѣты въ плотныя ткани собственнаго издѣлія. Жилища ихъ, хотя одноэтажныя и деревянные, весьма порядочны и удобны» ¹⁾).

Въ столь же благопріятныхъ чертахъ описываютъ быть шведскаго крестьянина другіе путешественники. «Если вы войдете въ шведскую хижину, говоритъ Катто, то вы съ удовольствіемъ увидите живущаго въ ней крестьянина. Его пища проста, но питательна; его одежда, хотя и груба, но тепла и въ хорошемъ порядкѣ; его жилище, хотя и не затѣйливо, но чисто и удобно» ²⁾. «Вы можете проѣхать отъ одного конца до другаго, говоритъ Кларкъ, не встрѣтивъ ни одного нищаго и не найдя ни одного жилища, гдѣ бы обитатели проявляли видъ безнадежной бѣдности.... Даже въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ страны встрѣчаются признаки всеобщаго довольства» ³⁾.

Но хотя вообще состояніе крестьянъ довольно обезпечено, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздробленіе земли, по словамъ шведскаго статистика Форселля, чрезвычайно сильно и имѣетъ неблагопріятное вліяніе на земледѣліе. Вообще въ Швеціи, по королевскому декрету 1804 года и повелѣнію 19 декабря 1827 года, участки должны занимать такое пространство земли, которое могло бы содержать трехъ работниковъ и, сверхъ того, пропитывать въ теченіи круглаго года лошадь, пару рабочихъ воловъ, 3 или 4 коровы и 5 или 6 овецъ или козъ. Подобное пространство, какъ показываетъ опытъ, должно простираться, смотря по различному качеству

¹⁾ Coxe's Letter's, IV. стр. 277—279. — Mac-Culloch «Geograph. Dict.», art. Sweden.

²⁾ Catteau, стр. 243. — Alison «The princip. of popul.» ч. I. стр. 428.

³⁾ Clarke's Travels. X. стр. 172, 312. — Alison. I. 428.

земли, отъ 9 до 15 тоннъ земли или отъ 4 до 7 десятинъ ¹⁾. Но это ограниченіе дробимости земли не имѣло мѣста въ Далекарліи, гдѣ дробленіе участковъ началось вслѣдствіе особаго дозволенія Карла XI и въ настоящее время, по словамъ Форселля, дошло до такой сильной степени, что представляетъ дѣйствительныя препятствія улучшенію земледѣлія и благосостоянію сельскаго населенія. Отчасти вслѣдствіе продажъ, говоритъ онъ, отчасти путемъ наслѣдства и раздѣла между многими дѣтьми, участки раздробились до такой степени, что безпорядокъ отъ черезполосности и незначительности далеко отстоящихъ другъ отъ друга частицъ, давно уже достигъ своего крайняго предѣла. Узкія полосы земли часто столь малы, что когда нужно бываетъ провести необходимый ровъ, то значительная часть участка теряется. Нерѣдко встрѣчаются небольшія частицы въ нѣсколько квадратныхъ сажень. Въ каждомъ семействѣ необходимъ всегда старшина, который бы зналъ, гдѣ лежатъ всѣ частицы. Случается, что далекарлійцы продаютъ свои частицы за два, три талера, и тогда плата за купчую крѣпость нерѣдко стоитъ болѣе покупной цѣны участка ²⁾.

Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ могло быть вызвано столь неестественное дробленіе, мы должны однако замѣтить, что правительство давно приняло мѣры для исправленія зла и уже съ 1802 года приступило съ значительнымъ успѣхомъ къ уничтоженію черезполосности и къ соединенію чрезмѣрно раздробленныхъ участковъ.

Въ несравненно лучшемъ положеніи, какъ относительно раздробленія земли, такъ и вообще относительно положенія земледѣльческаго класса, находится Норвегія. Какъ мы сказали

¹⁾ Forsell «Statistik von Schweden». стр. 103.—Block стр. 222.

²⁾ Forsell «Statistik von Schweden». стр. 104.

уже прежде, крестьяне Норвегіи всегда пользовались свободою и независимостью. Они никогда не были прикрѣплены къ почвѣ, никогда не зависѣли личностью и имуществомъ отъ феодальныхъ владѣльцевъ. Съ самыхъ древнихъ временъ они владѣли свободною поземельною собственностью и были подчинены только общей государственной юрисдикціи. Мелкіе короли, изгнанные или потерявшіе независимость при Гаральдѣ Гаарфагерѣ въ IX столѣтіи, никогда не могли достигнуть того могущества и значенія, какимъ пользовались феодальные владѣльцы другихъ странъ. Аллодіальная система, глубоко укоренившаяся въ нравахъ народа, успѣла удержаться даже въ неблагопріятное время четырехъ-сотъ-лѣтняго датскаго владычества. Несмотря на абсолютную законодательную власть и феодальную организацію, Данія не могла ввести въ Норвегію феодальнаго порядка съ его привилегированнымъ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Земля сохранилась по прежнему въ рукахъ первоначальныхъ поземельныхъ собственниковъ, свободная отъ всѣхъ ограниченій и повинностей. Она не подлежала ни личнымъ службамъ, ни пошлинамъ при вступленіи новыхъ владѣльцевъ, ни господскому суду и расправѣ, ни тысячѣ другихъ тягостей и повинностей, обременявшихъ поземельную собственность въ другихъ государствахъ. Вслѣдствіе отсутствія феодальной системы здѣсь не могли также установиться законы первородства и фамилные фидеикомиссы. По древнему аллодіальному закону, собственность послѣ смерти родителей поравну дѣлилась между дѣтьми. Сверхъ того, всѣ родственники владѣльца, вслѣдствіе единства происхожденія, имѣли нѣкоторое право на землю и нѣкоторый интересъ въ землѣ, называемый «odelsbaarn ret». Поэтому, если владѣлецъ продавалъ или отчуждалъ землю, то ближайшій родственникъ имѣлъ право выкупить ее, уплативши покупную сумму; если же онъ отказывался, то это могъ сдѣлать слѣдующій родствен-

никъ и такъ далѣе. Сначала срокъ для выкупа не былъ ограниченъ, и только въ послѣднее время онъ сокращенъ былъ сначала до 20 лѣтъ, потомъ въ 1771 году до 10, а наконецъ, въ недавнее время до 5 лѣтъ, и притомъ опредѣлено, что выкупающій долженъ уплачивать, кромѣ продажной цѣны, за все улучшенія, сдѣланныя со времени продажи ¹⁾.

Эта система, покровительствовавшая удержанію собственности въ однихъ и тѣхъ же родахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе ровнаго раздѣла наслѣдствъ, препятствовавшая сильному скопленію поземельной собственности, очевидно благопріятствовала существованію многочисленнаго сословія крестьянъ-собственниковъ. Въ настоящее время, по словамъ статистика Блома, за исключеніемъ нѣсколькихъ дворянскихъ помѣстій, вся поземельная собственность раздѣлена на весьма умѣренныя владѣнія, которыя продолжаютъ притомъ дѣлиться сообразно требованіямъ экономическихъ условій. Такъ, число собственниковъ и фермеровъ въ 1825 году при народонаселеніи въ 1,051,318 лицъ простиралось до 90,385, а въ 1835 оно простиралось уже до 103,202. Но, по замѣчанію Блома, это дробленіе несомнѣнно полезно, потому что еще нынѣ многіе дворы слишкомъ велики и могутъ доставить средства для существованія нѣсколькихъ семействъ ²⁾. Изъ этого общаго числа хозяевъ, въ 1835 году считалось 72,624 поземельныхъ собственниковъ, которые сами обрабатывали свою землю, и только 30,568 пожизненныхъ арендаторовъ. Такъ какъ число всѣхъ начальниковъ семействъ немногимъ превышало 300,000, то количество свободныхъ собственниковъ составляло болѣе четверти всего народонаселенія. Притомъ необходимо замѣтить, что число поземельныхъ собственниковъ постоянно увеличи-

¹⁾ Blom «Das Königreich Norwegen», 1843, т. I, стр. 144.—MacCulloch «Geograph. Dict.»; art. Norway.

²⁾ Blom «Das Königreich Norwegen», т. I, стр. 144.—Block. стр. 227.

вается. Правительство закономъ 20 августа 1821 года постановило, чтобы арендные дворы, не составляющіе частной собственности, по мѣрѣ вымиранія пожизненныхъ арендаторовъ, были постепенно продаваемы крестьянамъ въ полную собственность за извѣстную покупную сумму и опредѣленный ежегодный хлѣбный оброкъ. Вслѣдствіе этого распоряженія съ 1822 года по 1838 годъ было продано до 3122 крестьянскихъ дворовъ. Даже большіе частные землевладѣльцы, по словамъ Блома, все болѣе и болѣе признаютъ полезнымъ превращеніе арендныхъ дворовъ въ собственность, такъ что со временемъ можно ожидать, что всѣ крестьяне Норвегіи будутъ собственниками ¹⁾).

Итакъ Норвегія является страной, въ которой по преимуществу преобладаетъ крестьянская обработка и притомъ съ весьма давняго времени. Понятно, какъ любопытно прослѣдить вліяніе, которое оказывало это устройство на бытъ и характеръ народа, на успѣхи земледѣлія и на раздробленіе поземельной собственности. Что касается во первыхъ до положенія земледѣльческаго народонаселенія, то изъ изслѣдованія Лепле, изъ словъ путешественника Ленга и статистика Блома видно, что норвежскіе крестьяне, несмотря на посредственное плодородіе почвы, суровость климата и вообще скудость природы, пользуются рѣдкимъ въ Европѣ матеріальнымъ и нравственнымъ благосостояніемъ и занимаютъ едва ли не первое мѣсто въ этомъ отношеніи ²⁾). Въ особенности чрезвычайно любопытный очеркъ общественнаго и экономическаго состоянія Норвегіи представилъ Ленгъ, три года употребившій на изученіе этой страны. По его словамъ, нѣтъ народа, столь хорошо помѣщеннаго и столь обильно снабженнаго топливомъ, какъ Норвежцы. Даже въ жилищахъ простаго рабо-

¹⁾ Blom «Das Königreich Norwegen», т. I, стр. 144.

²⁾ Leplay «Les ouvriers Européens».—Sargant «Economy of the labouring classes».

чаго класса неизвѣстна та нечистота, сырость, мрачность, то совершенное отсутствіе удобствъ и комфорта, которое характеризуетъ хижины земледѣльцевъ въ Шотландіи и Ирландіи. Самыя бѣдныя жилища въ Норвегіи имѣютъ деревянные полы, стеклянныя окна, отдѣльныя отъ общей комнаты спальныя для семьи, удобныя мѣста для храненія пищи. Жилища же зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ отличаются рѣдкою чистотою, опрятностью и удобствами. Даже многіе фермеры въ Шотландіи, по словамъ Ленга, платящіе отъ 300 до 500 фунтовъ ренты, далеко не имѣютъ столь хорошаго помѣщенія, какъ здѣсь лица, помѣстья которыхъ могутъ быть проданы за 500 фунтовъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, говоритъ Бломъ, напримѣръ, въ Эстендаленъ, чистота доведена до педанства. Стѣны и полы вычищены, какъ слоновою костью; мебель и посуда имѣютъ также бѣлизну, почти превосходящую естественный цвѣтъ дерева; кровати постоянно покрыты чистыми покрывалами и все имѣетъ видъ опрятности, производящей въ высшей степени отрадное впечатлѣніе ²⁾. Всѣ крестьяне Норвегіи, говоритъ Коксъ, пользуются хорошою пищею, одеждою, жилищемъ, и повидимому, вообще располагаютъ бѣльшими удобствами и бѣльшимъ комфортомъ, нежели какой мнѣ случалось видѣть въ теченіе всего моего путешествія, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ частей Швейцаріи ³⁾.

Одежда, наружность и обычаи норвежскихъ крестьянъ, замѣчаетъ другой путешественникъ, Кларкъ, а также постройка жилищъ и величественныя картины природы, среди которой они живутъ, часто напоминаютъ, швейцарскихъ крестьянъ

¹⁾ Laing • Residence in Norway in the years 1834, 1835, 1836.; The traveller's Library. стр. 24, 35, 72, 186 и др.

²⁾ Blom • Das Königreich Norwegen. ч. 1. стр. 148.

³⁾ Alison • The principles of popul.; ч. 1. стр. 428.

янъ, которымъ они нисколько не уступаютъ ни по личному комфорту, ни по чувству независимости ¹⁾).

«Бондеры или крестьяне-земледѣльцы, владѣющіе своими собственными фермами, говоритъ Ленгъ, занимаютъ страну отъ приморскихъ береговъ, до подошвы холмовъ, а также вверхъ по долинамъ и горамъ до предѣловъ произрастанія хлѣба. Эти бондеры составляютъ главное зерно націи. Они большею частью статные, крѣпко сложенные люди; такъ какъ участки ихъ не столь велики, чтобы освободить ихъ отъ собственноручной работы, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма достаточны, чтобы доставить имъ и ихъ домашнимъ изобиліе и даже излишество лучшей пищи,—они хозяйничаютъ не столько для того, чтобы продать свои произведенія, сколько произвести все необходимое для пищи, питья и одежды семьи. Они сами строятъ свои жилища, сами приготавливаютъ свои стулья, столы, плуги, телѣги, сбрую, желѣзные и деревянные вещи; словомъ: вся мебель и все, что находится въ ихъ домѣ, за исключеніемъ стеколъ, нѣкоторыхъ стальныхъ вещей и посуды, составляетъ плодъ ихъ собственнаго производства. Во всей Европѣ, по всей вѣроятности, нѣтъ такой значительной массы народонаселенія въ столь счастливомъ положеніи, какъ норвежскіе крестьяне. Классъ мелкихъ собственниковъ, изъ коихъ каждый владѣлъ бы своими тридцатью или сорока акрами, почти не существуетъ въ другихъ мѣстахъ Европы; если же онъ и встрѣчается, то на ряду съ значительнымъ количествомъ богатыхъ поземельныхъ собственниковъ и торговыхъ людей. Здѣсь же крестьяне-собственники составляютъ высшій классъ въ народѣ. Населеніе немногихъ городовъ составляетъ только одиннадцатую часть всего народонаселенія, и изъ него самая незначительная доля можетъ быть названа богатою. Количество ихъ слишкомъ ничтожно, чтобы они могли оказывать вліяніе на

¹⁾ Clarke's Travels. X. 133, 153, 448.

обычаи и образъ мыслей народа. Поселенцы въ новыхъ штатахъ Америки и въ нашихъ колоніяхъ также владѣютъ почти въ подобныхъ же размѣрахъ поземельною собственностью; но чтобы достигнуть такого же положенія, они должны проложить дороги, разчистить землю, построить жилища и совершить трудъ, который здѣсь исполненъ тысячу лѣтъ тому назадъ. Норвежскіе крестьяне находятся даже въ болѣе счастливомъ положеніи, нежели жители старинныхъ штатовъ Америки, потому что они не такъ сильно заражены духомъ корысти. Они обрабатываютъ свои небольшія помѣстья, и сами потребляютъ свои произведенія, не стараясь продать и сбыть ихъ, исключая того, что необходимо для уплаты налоговъ и покупки немногихъ употребляемыхъ ими предметовъ роскоши. Они пользуются удобствами превосходныхъ жилищъ, столь хорошихъ и просторныхъ, какъ жилища богатѣйшихъ лицъ, хорошею мебелью, постелями, бѣльемъ, одеждою, топливомъ, припасами и напитками, въ изобиліи приготовляемыми собственнымъ производствомъ. Они владѣютъ отличными лошадьми и домами полными народа, который больше ѣстъ, нежели работаетъ. Такъ какъ пища, мебель, одежда домашняго производства, то между хозяевами и слугами существуетъ весьма малая разница относительно этихъ предметовъ, хотя въ другихъ отношеніяхъ соблюдается строгое различіе. Слуги обыкновенно ѣдятъ, спятъ и сидятъ отдѣльно отъ семьи и помѣщаются въ особенныхъ жилищахъ, примыкающихъ къ хозяйскому дому» ¹⁾).

Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Если существуетъ счастливый классъ въ Европѣ, то это норвежскіе бондеры. Каждый изъ нихъ владѣетъ небольшимъ участкомъ; онъ не платитъ никакихъ феодальныхъ повинностей и не несетъ никакихъ феодальныхъ службъ. Онъ король своей земли

¹⁾ Laing «Residence in Norway»; стр. 258.

и поземельный владѣлецъ точно также, какъ и самъ король. Его налоги въ пользу бѣдныхъ и десятины слишкомъ незначительны, чтобы упоминать о нихъ. Его скать или поземельный налогъ тяжелъ, но тѣмъ дешевле все, употребляемое имъ, и притомъ онъ пользуется тѣмъ, что дѣлаетъ легкою самую тяжелую повинность -- именно правомъ, посредствомъ своихъ представителей, распоряжаться расходами и слѣдить за экономнымъ употребленіемъ ихъ. Онъ пользуется удовольствіемъ видѣть, какъ отъ стортинга къ стортингу повинности уменьшаются и общественный долгъ уплачивается. Онъ хорошо помѣщенъ, въ изобиліи пользуется топливомъ, и вообще владѣетъ такимъ количествомъ земли, которое, хотя и не освобождаетъ его отъ необходимости личного труда, тѣмъ не менѣе вполне обезпечиваетъ отъ лишеній и недостатка, если болѣзнь или старость не дозволяютъ ему работать. Онъ также не имѣетъ надъ собою высшаго класса; нѣтъ никого, кто бы могъ смотрѣть на него съ высока, или у кого бы онъ могъ добиваться предмета ложнаго честолюбія или изъ подражанія духу суетности. Онъ пользуется бѣльшимъ разнообразіемъ пищи, нежели подобный же классъ въ другихъ странахъ, потому что, сверхъ произведеній фермы, фіельды, рѣки, озера, и фіорды доставляютъ ему дичь, рыбу и другіе предметы. Онъ пользуется также разнообразіемъ труда, которое составляетъ, быть можетъ, наибольшее изъ удовольствій въ жизни рабочаго человека, потому что въ перемѣнѣ занятій заключается отдохновеніе. Его отдаленный хуторъ, рубка лѣса для топлива, ловля рыбы въ сосѣдней рѣкѣ или озерѣ доставляютъ ему родъ освѣжающаго праздничнаго труда. Его зимній трудъ, когда прекращаются полевые работы, такого же рода. Онъ состоитъ въ приготовленіи необходимой для семьи мебели и одежды, въ молотбѣ хлѣба, уходѣ за скотомъ, дистиллировкѣ картофеля, варкѣ пива, въ поѣздкахъ на рынки и къ сосѣдямъ. Наболѣе

тяжелая часть этого труда состоитъ въ перевозкѣ дровъ изъ лѣса и болотнаго сѣна изъ фіельдовъ. Онъ не беспокоится о своей семьѣ, потому что знаетъ, каково будетъ ея положеніе послѣ его смерти. Ему извѣстно, что его жена наслѣдуетъ ему, и пока будетъ жить не замужемъ, то единственная разница будетъ состоять въ томъ, что въ семьѣ будетъ однимъ членомъ меньше. При ея же смерти или второмъ бракѣ, онъ знаетъ, что каждое дитя его получитъ долю его собственности, и, смотря по числу ихъ, онъ дѣлаетъ распоряженіе должны ли они жить, какъ прежде, на землѣ или раздѣлить ее и перейти къ другимъ занятіямъ, получивши свою долю стоимости ея» ¹⁾).

Широкое распространеніе поземельной собственности оказываетъ не менѣе благопріятное вліяніе на нравственное положеніе норвежскаго народонаселенія. Между всѣми классами господствуетъ не только почти полное равенство относительно жилищъ, мебели, пищи, удовольствій, необходимыхъ потребностей и удобствъ жизни, но также въ правахъ, обычаяхъ и въ характерѣ. Всѣ классы приближаются къ одному и тому же уровню болѣе, нежели въ какой-либо другой странѣ и, несмотря на изолированность крестьянъ, разбросанность дворовъ и затруднительность путей сообщенія, этотъ уровень далеко не низокъ относительно характера, обычаевъ и привычекъ. Благодаря поземельной собственности, разливающей свое цивилизующее вліяніе во всѣхъ классахъ общества, даже между самымъ низшимъ слоемъ народа встрѣчаются въ высшей степени отрадные черты самоуваженія, нравственнаго воздержанія, предусмотрительности, самостоятельности, независимости духа и уваженія къ другимъ; словомъ: всѣ черты, которыя въ другихъ обществахъ можно встрѣтить только въ

¹⁾ Laing «Residence in Norway», стр. 214.

классахъ, пользующихся самымъ благопріятнымъ положеніемъ. «Норманнъ, говоритъ Бломъ, постоянно былъ свободнымъ человѣкомъ. Хотя въ древности въ Норвегіи были также свободные и рабы, но рабство исчезло рано и собственность дѣлилась поравну. вмѣстѣ съ собственностью крестьянинъ пріобрѣлъ права свободного человѣка. Феодальная система въ своемъ ненавистномъ видѣ не могла укорениться въ Норвегіи, крѣпостное право было неизвѣстно, служебныя отношенія были постоянно договорныя и всегда могли быть свободно уничтожены. Поэтому чувство самостоятельности составляетъ, такъ сказать, врожденное чувство Норманна и воплощено въ его существѣ и поступкахъ. Свободно выражаетъ онъ свои мысли передъ высшими и равными, вѣжливо и радушно пріѣтствуетъ всякаго знакомаго и незнакомаго встрѣчнаго; открыто и добродушно протягиваетъ свою руку отъ короля до нищаго, и его свободный взглядъ ясно показываетъ, что онъ хорошо сознаетъ свое достоинство человѣка и гражданина. Но онъ желаетъ также, чтобы съ нимъ обращались какъ съ свободнымъ человѣкомъ и не потерпѣть никакого притѣсненія и неуваженія. Добромъ можно отъ него добиться всего, грубостью ничего» ¹⁾). Сознвая свое достоинство, пользуясь собственностью и правами, онъ естественно является ревностнымъ патріотомъ и доблестнымъ гражданиномъ. «Онъ любитъ свою родину, говоритъ Бломъ, выше всего... Когда дѣло идетъ объ отечествѣ, для Норманна никакая жертва не кажется великою и, какъ защитникъ родины, онъ всегда занималъ высокое мѣсто. Хотя онъ не любитъ войны, даже, повидимому, страшится ея, но на полѣ брани трудно найти болѣе мужественнаго и стойкаго воина» ²⁾).

¹⁾ Blom «Das Königreich Norwegen»; ч. 1. стр. 139.

²⁾ Ibidem. ч. I. стр. 149.

Но подобное устройство и распространение поземельной собственности не только обеспечиваетъ высокую степень благосостоянія и нравственности земледѣльческаго народонаселенія, но также въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ процвѣтанію земледѣлія. Подъ дѣятельными и энергическими руками крестьянъ-собственниковъ, земледѣліе достигло въ Норвегіи значительной степени совершенства, насколько это позволяли климатическія, мѣстные и экономическія условія. По свидѣтельству Ленга, земледѣліе у мелкихъ собственниковъ производится со всеми усовершенствованіями, основанными на взаимной ассоціаціи. Они не отступаютъ ни передъ какими трудностями и тщательно заботятся о поддержаніи полезныхъ общественныхъ построекъ. «Если мелкіе собственники, говоритъ этотъ писатель, не принадлежатъ къ числу хорошихъ хозяевъ, то не по безпечности и недостатку дѣятельности, какъ въ Шотландіи. Совершенство, до котораго доведено орошеніе полей въ этихъ долинахъ, обнаруживаетъ духъ предприимчивости и товарищества, чему Шотландія не представляетъ ничего подобнаго. Такъ какъ сѣно, составляющее зимній кормъ для скота, а также хлѣбъ и картофель по неглубокости почвы и сильному отраженію солнца, падающаго на скалы, часто сгораютъ и высыхаютъ, то были употреблены самыя большія усилія для проведенія воды изъ высокихъ мѣстностей и притомъ въ такомъ направленіи, чтобы каждый владѣлецъ имѣлъ ее подъ руками у входа въ свои поля. Для достиженія этого воду проводили въ деревянныхъ жолобахъ (изъ разрубленныхъ пополамъ и грубо выдолбленныхъ деревъ) изъ самаго высокаго источника черезъ лѣса, овраги, слѣдуя по скалистымъ и часто сбывистымъ краямъ полянъ; изъ этого главнаго жолоба пролагались отрасли ко входу каждой фермы. Фермеръ подвижными проводниками распредѣляетъ воду по полю, и, помѣщая проводники между двумя бороздами, поливаетъ каждую

изъ нихъ, одну за другою, посредствомъ большой ложки, подобной той, которую употребляютъ бѣлильщики холста. Трудно повѣрить, не убѣдившись своими глазами, какое обширное пространство орошается вдругъ этими искусственными дождями... Величина главныхъ проводниковъ весьма значительна. Въ одной долигѣ я прошелъ около 10 миль, и она была обложена жолобами съ обѣихъ сторонъ; на одной изъ нихъ жолоба проходятъ болѣе 40 миль.

«Тѣ, которые трудятся подобнымъ образомъ, могутъ быть дурными хозяевами, но они не безпечны и имъ не чуждо начало, заключающееся въ соединенномъ трудѣ и въ поддержаніи хозяйственныхъ заведеній, устроенныхъ для общей пользы. Конечно, въ этомъ отношеніи они далеко превосходятъ товарищества коттэджеровъ въ высокихъ мѣстностяхъ Шотландіи. Они возбуждаются чувствомъ собственника, который пользуется выгодами всѣхъ своихъ усилій. Отличное состояніе мостовъ и дорогъ служитъ другимъ доказательствомъ, что страна эта населена народомъ, который сознаетъ общую пользу поддержанія и починки ихъ» ¹⁾.

Наконецъ, что касается до раздробленія земли, то и въ этомъ отношеніи Норвегія представляется въ весьма благопріятныхъ условіяхъ. Несмотря на долгое существованіе закона о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ, несмотря на то, что съ другой стороны не существуетъ мануфактуръ для поглощенія избытка народонаселенія, раздробленіе земли, по свидѣтельству Ленга и Мальтуса, не только не доведено до крайности, но сдѣлало такъ мало успѣховъ въ теченіе многихъ столѣтій, что весьма немногія помѣстья имѣютъ менѣе 40 акровъ, весьма же многія болѣе 300, независимо отъ обширныхъ горныхъ пастбищъ, принадлежащихъ къ каждой фермѣ.

¹⁾ Laing • Residence in Norway; стр. 34.

Мальтусъ приписывалъ это явленіе медленному развитію народонаселенія, а также существованію разумнаго обычая, по которому, послѣ смерти отца семейства, земля подвергается весьма умѣренной оцѣнкѣ и передается старшему сыну, который уплачиваетъ прочимъ сонаслѣдникамъ приходящуюся имъ долю ¹⁾. «Настоящее раздробленіе земли, говоритъ Ленгъ, нигдѣ не доходитъ въ дѣйствительности до частицъ, которыя не могли бы содержать приличнымъ образомъ семью, сообразно господствующимъ понятіямъ и обычаямъ. Очевидно, что кусокъ земли, безъ жилища на немъ и слишкомъ малый для содержанія семьи, сообразно съ народнымъ понятіемъ о необходимомъ, не имѣлъ бы никакой цѣнности, какъ отдѣльная собственность. Поэтому наслѣдники продаютъ другъ другу все имѣніе и дѣлятъ доходъ... Весьма часто, вмѣсто определенной суммы денегъ, которая рѣдко бываетъ въ распоряженіи покупателей, наслѣдники получаютъ пожизненную ренту или определенное количество хлѣба, содержаніе нѣсколькихъ коровъ, жилище или что-нибудь соотвѣтствующее. Это условіе называется *koag* или *wilkoag*» ²⁾.

Такимъ образомъ Норвегія, этотъ отдаленный уголокъ цивилизованнаго міра, въ которомъ въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія господствовалъ законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, свидѣтельствуешь, что при правильной организаціи общества, опасенія чрезмѣрнаго раздробленія земли неосновательны. Напротивъ, все доказываетъ, что народонаселеніе и собственность, если только они распредѣляются въ обществѣ на естественныхъ началахъ, взаимно вліяютъ и ограничиваютъ другъ друга.

¹⁾ Malthus «Essai sur la population», 1841. Brux. T. I, стр. 214.

²⁾ Laing «Residence in Norway», стр. 183.

Г Л А В А XI.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ ДАНИИ.

Совершенно иначе, нежели въ Швеціи и Норвегіи, развились поземельныя отношенія въ Даниі. Въ первоначальное время въ Даниі, точно такъ же какъ и въ прочихъ государствахъ сѣвера, земледѣльцы (*Bonden, Adelsbonden*) составляли главный классъ народонаселенія, пользовались свободою и независимостью и были полными владѣльцами своихъ поземельныхъ участковъ ¹⁾. Но это первоначальное устройство въ теченіе среднихъ и новыхъ вѣковъ, вслѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ историческихъ условій, въ особенности же вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, которыя вели датскіе короли со временъ Вольдемара Великаго, подверглось совершенной перемѣнѣ. Безпрерывныя войны содѣйствовали развитію помѣстной системы, этого общаго средне-вѣковаго способа вознагражденія за военную службу. Крестьяне потеряли право на поземельную собственность, которая сосредоточилась въ рукахъ короля и привилегированныхъ сословій — дворянства и духовенства. Вмѣстѣ съ потерей поземельной собственности, съ увеличеніемъ могущества и привилегій высшихъ сословій, они не замедлили потерять и личную свободу. Постепенно, подпадая все большей и большей зависимости, они превратились наконецъ въ крѣпостныхъ, вполне подчиненныхъ суду и произволу большихъ землевладѣльцевъ. Въ какомъ печальномъ положеніи находились они въ концѣ XVII столѣтія, видно изъ словъ Молесворта, англійскаго посланника при датскомъ дворѣ, который говоритъ, что крестьяне въ Даниі такіе же рабы, какъ

¹⁾ Dahlmann • Geschichte von Dänemark, 1840—43. I, 166; II, 85, 296.

Негры въ Барбадосѣ, съ тою только разницею, что пища ихъ не столь хороша. Ни они, ни ихъ потомки не имѣли права оставить земли, къ которой были прикрѣплены. Дворяне считали свои богатства не по количеству денегъ и земли, но по количеству крестьянъ. Въ случаѣ продажи помѣстій, крестьяне продавались вмѣстѣ съ землею, какъ неотъемлемая ихъ принадлежность. Если какой-нибудь крестьянинъ отличался трудолюбіемъ и зажиточностью, то помѣщикъ произвольно переводилъ его на другой дворъ для увеличенія своихъ доходовъ ¹⁾. Не удивительно, что изъ 100,000 крестьянскихъ дворовъ, считавшихся въ то время въ Даніи, 25,000 было совершенно пустыхъ и разоренныхъ, а 25,000 ожидали подобной же участи въ самомъ скоромъ времени ²⁾. Положеніе крестьянъ въ XVIII столѣтіи не только не улучшилось, но сдѣлалось, можно сказать, даже хуже. Хотя въ 1702 году крѣпостное право по распоряженію Фридриха IV было уничтожено, но въ скоромъ времени было снова возобновлено и продолжало существовать до самаго конца XVIII столѣтія. Почти всѣ земли принадлежали помѣщикамъ, казѣ и разнымъ учрежденіямъ. Крестьяне вполнѣ зависѣли отъ произвола помѣщика, не были обезпечены относительно поземельнаго владѣнія, не имѣли права оставлять помѣщичьихъ земель, подвергались господской расправѣ, были обременены тяжелою барщиною и принуждались къ работѣ до истощенія силъ. Естественными слѣдствіями такого порядка было плохое состояніе земледѣлія, самое безотрадное состояніе нравственности, всеобщая бѣдность и невѣжество. Крестьянскія усадьбы воздѣлывались дурно; посѣвъ, жатва и прочія работы совершались несвоевременно; повсюду господствовала трехпольная систе-

¹⁾ Mac-Culloch «Geograph Dictionary», art. Denmark.

²⁾ Sugenheim «Geschichte der Aufheb. der Leibeig.» ; стр. 505.

ма; урожаи были скудны; рожь и овесъ давали самъ-третей, ячмень самъ-шѣсть; скотъ былъ худъ; количество собираемаго хлѣба не составляло и трети нынѣшняго. Многіе изъ молодыхъ крестьянъ бѣжали отъ своихъ помѣщиковъ, нерѣдко пробирались за границу, и всюду находили себѣ хорошій приѣмъ, потому что каждый крестьянинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ укрывать подобныхъ бѣглецовъ.

Первыя рѣшительныя мѣры къ улучшенію быта крестьянъ и уничтоженію крѣпостнаго права въ Даніи начинаются только въ послѣдніе годы XVIII столѣтія. Въ 1784 году было повелѣно освобожденіе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ; въ 1788 году былъ изданъ указъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія во всей Даніи, а въ 1804 году послѣдовало окончательное уничтоженіе крѣпостной зависимости въ нѣмецкихъ провинціяхъ датскаго королевства, въ Шлезвигъ и Гольштейнѣ ¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ были приняты мѣры для обезпеченія крестьянъ собственностью и превращенія ихъ въ наслѣдственныхъ арендаторовъ и независимыхъ владѣльцевъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, количество самостоятельныхъ крестьянъ-собственниковъ значительно возрасло, и въ настоящее время, они составляютъ большинство земледѣльческаго населенія, какъ въ собственной Даніи, такъ и въ нѣмецкихъ провинціяхъ. Число наслѣдственныхъ и пожизненныхъ арендаторовъ съ каждымъ годомъ уменьшается и можно надѣяться, что въ скоромъ времени они исчезнутъ совершенно, превратившись въ болѣе самостоятельный классъ крестьянъ-собственниковъ. Это превращеніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что оно совершается не вслѣдствіе принужденія закона, но благодаря все болѣе и болѣе укореняющемуся убѣжденію самыхъ поземельныхъ соб-

¹⁾ Georg Hanssen «Die Aufhebung der Leibeigenschaft in den Herzogthümern Schleswig und Holstein». 1861, стр. 52.

ственниковъ, что подобное превращеніе арендъ въ свободную собственность соотвѣтствуетъ, какъ ихъ разумно понятымъ интересамъ, такъ и интересамъ государства и земледѣльческаго населенія.

Въ настоящее время вся земля въ Даніи относительно права владѣнія дѣлится на слѣдующіе четыре разряда. Къ первому относятся недѣлимая и неотчуждаемая земли, какъ-то майораты и имѣнія принадлежащія различнымъ ученымъ, учебнымъ и благотворительнымъ заведеніямъ. Эти имѣнія можно назвать завѣтными. Постановленія 1849 и 1854 годовъ стремятся впрочемъ къ ограниченію и уничтоженію этой поземельной завѣтности. На основаніи ихъ положено, что впредь никто не можетъ въ Даніи основывать новыхъ майоратовъ; дозволено каждому просить о снятіи заповѣдности съ его имѣнія; наконецъ, позволено владѣльцамъ заповѣдныхъ имѣній продавать крестьянскія усадьбы крестьянамъ и ихъ родственникамъ. Ко второму разряду относятся имѣнія, составляющія полную собственность, т. е. такія, которыя не только переходятъ по праву наслѣдства, но могутъ быть также продаваемы по произволу ихъ владѣльцевъ. Къ третьему относятся потомственные обязанныя земли, владѣльцы которыхъ платятъ условленный годичный оброкъ помѣщику, и которыя безъ его согласія не могутъ дѣлиться на мелкіе участки; впрочемъ, могутъ быть закладываемы, продаваемы и вообще находятся на правахъ собственности и считаются нерѣдко съ имѣніями второго класса. Наконецъ, къ четвертому разряду относятся обязанныя земли, т. е. усадьбы обязанныхъ крестьянъ, составляющія принадлежность заповѣданныхъ имѣній или собственниковъ, но находящіяся въ пожизненномъ или срочномъ владѣніи у крестьянъ.

По камералистической классификаціи имѣнія въ Даніи дѣлятся на пять отдѣловъ, именно: а) Большія имѣнія, къ кото-

рымъ причисляются всѣ имѣнія, барская усадьба которыхъ имѣетъ не менѣе двѣнадцати кулей борошна — tunna hartkorn ¹⁾; всѣхъ такихъ имѣній въ 1854 году считалось 1715; въ томъ числѣ 18 графствъ, 14 баронствъ, 35 дворянскихъ майоратовъ и 12 фундушей. b) Крестьянскія усадьбы, къ которымъ причисляются имѣнія отъ одного до двѣнадцати кулей борошна, все равно, кто бы не владѣлъ ими, т. е. къ какому бы сословію ни принадлежалъ владѣлецъ-собственникъ или владѣлецъ, живущій въ имѣніи и обрабатывающій его. c) Жихарскіе участки и дворы однодомцевъ, имѣющіе усадьбы въ одинъ куль борошна или менѣе. d) Городскія земли и e) разные мелкіе участки. Земли перваго отдѣла составляютъ 13,6 процентовъ всѣхъ земель въ Даніи, втораго — 76%, третьяго — 7,4, четвертаго — 1,7 и пятаго — 1,2.

Такимъ образомъ, крестьянскія усадьбы занимаютъ въ настоящее время слишкомъ три четверти всей земли въ Даніи, именно 76%. Большая часть изъ нихъ представляетъ по своему объему среднюю величину, именно шесть кулей борошна. Изъ общаго числа всѣхъ этихъ усадьбъ въ 1850 году только тридцать съ небольшимъ процентовъ были обязанными; остальные же 45 процентовъ составляли или полную собственность крестьянъ или потомственную съ обязательствомъ. Въ 1851 году было постановлено, что казенныя земли должны быть проданы крестьянамъ на слѣдующихъ условіяхъ: по точномъ опредѣленіи ежегодной поземельной подати съ усадьбы, сумма эта помножается на 25, прибавляется къ тому вводное съ прибав-

¹⁾ Tunna hartkorn (куль борошна) есть участокъ земли, составляющій податную единицу. Названіе это произошло въ старину оттого, что тогда съ такого участка брали податей куль борошна, т. е. куль хлѣба въ зернѣ: немолотой ржи, ячменя, пшеницы и т. д. Куль борошна составляетъ въ плодороднѣйшей части Даніи 10,29 десятинъ, въ самой неплодоносной 36,50 дес.; а среднюю мѣрою для всей Даніи 16,84 десятинъ.

леніємъ 44⁰/₀, и это составляетъ продажную цѣну. Пока владѣющій такою землею хозяйничаетъ хорошо и живъ самъ, или его вдова, до тѣхъ поръ казна не можетъ требовать уплаты и довольствуется ежегодно вносимыми 4⁰/₀. Купившему же предоставляется уплачивать по сколько хочетъ, только не менѣе 25 талеровъ въ разъ. Въ 1852 году это постановленіе распространено и на земли, принадлежащія копенгагенскому университету и датской академіи.

Но, кромѣ крестьянскихъ усадьбъ, въ 1850 году въ Даніи находилось еще 81,146 семействъ жихарей и 27,036 однодомцевъ, которые въ 1850 году владѣли слишкомъ 7⁰/₀ всей земли. У нѣкоторыхъ участки земли достаточно велики для того, чтобы прокормить ихъ семейства; другіе занимаются ремеслами, рыболовствомъ и т. п., а тысячь пятьдесятъ чело-вѣкъ живутъ отъ своей поденной платы. Но и эти поденщики и мелкіе ремесленники въ обезпеченномъ пользованіи своими жилищами, огородами, лугами и пашнями находятъ общественную и нравственную поддержку и дорожатъ каждый своимъ участкомъ земли. Изъ общаго числа жихарей и однодомцевъ 27⁰/₀ сидятъ на крестьянскихъ и 73⁰/₀ на господскихъ усадьбахъ, т. е. на земляхъ, принадлежащихъ къ большимъ помѣстьямъ. Изъ послѣднихъ 2⁰/₀ владѣютъ землею «по наслѣдственному обязательству», 7⁰/₀ «по обязательству» всегда пожизненному, 25⁰/₀ по найму и 3⁰/₀) находится въ услуженіи. Хотя правительство при преобразованіи крестьянскихъ отношеній и предоставило на произволь заключать съ жихарями договоры на любой, болѣе или менѣе долгій срокъ, тѣмъ не менѣе разными постановленіями, оно старалось содѣйствовать тому, чтобы сами владѣльцы видѣли для себя выгоду въ передачѣ усадьбъ жихарямъ въ пожизненное владѣніе для мужа и жены, или въ аренду на продолжительный срокъ, или даже въ потомственное владѣніе съ обязательствомъ.

Допуская мелкую дробность поземельныхъ участковъ съ цѣлью обезпечить быть крестьянъ, датское правительство приняло въ то же время нѣкоторыя мѣры для сохраненія крупныхъ участковъ и постановило ограниченія относительно дѣлимости ихъ. Во первыхъ, относительно крестьянскихъ участковъ, находящихся во владѣннн крестьянъ по обязательству, но принадлежащихъ въ собственность владѣльцамъ большихъ помѣстій, оно постановило, что эти крестьянскія усадьбы не могутъ быть присоединяемы къ господскимъ усадьбамъ и непремѣнно должны быть отдаваемы крестьянамъ по обязательству или въ кортому. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено дробить ихъ на части, за исключеніемъ того случая, когда помѣщикъ желаетъ раздѣлить усадьбу, потерявшую своего владѣльца, на участки для поселенія на нихъ жихарей. Первое ограниченіе обезпечиваетъ крестьянскому сословію возможность владѣннн по обязательству достаточнымъ количествомъ пахатныхъ земель; второе же ограниченіе содѣйствуетъ сохраненію крестьянскихъ участковъ въ довольно крупномъ размѣрѣ. По смерти хозяина и хозяйки, никто изъ дѣтей не получаетъ по наслѣдству ни цѣлой усадьбы, ни участка въ ней и потому только одинъ изъ нихъ можетъ арендовать усадьбу пожизненно, или на срокъ не менѣе пятидесяти лѣтъ; аренда на определенное число лѣтъ переходитъ къ дѣтямъ, если родители умираютъ по истеченіи срока.

Относительно же усадьбъ съ наслѣдственнымъ правомъ собственности или владѣннн законъ предоставляетъ братьямъ и сестрамъ право дѣлить свое наслѣдство по любому изъ двухъ слѣдующихъ способовъ: или одинъ изъ наслѣдниковъ беретъ все имѣніе нераздѣльно, а прочимъ сонаслѣдникамъ выплачиваетъ деньгами сумму, соотвѣтственную наслѣдственной части ихъ; или само имѣніе дѣлится на части между наслѣдниками. Въ послѣднемъ случаѣ однако постановлено, чтобы при

дѣлѣжъ оставался непремѣнно одинъ главный участокъ, который на крестьянскихъ усадьбахъ долженъ быть не менѣе 18 десятинъ, а на господскихъ не менѣе 56 десятинъ хорошей земли. Если объемъ имѣнія не позволяетъ соблюсти этого условія, то усадьба не можетъ дѣлиться. То же соблюдается и при продажѣ отдѣльныхъ участковъ имѣнія. При раздѣлѣ между наследниками и при продажѣ частей, какъ раздѣльный актъ, такъ и купчая утверждаются въ судѣ не иначе, какъ послѣ предварительной разверстки всего имѣнія. Цѣль этой разверстки опредѣлить въ куляхъ, или въ доляхъ куля борошна, цѣну каждаго участка, а тѣмъ самымъ количество государственныхъ и земскихъ повинностей, причитающихся на участокъ ¹⁾).

Итакъ, благодаря преобразованію поземельныхъ отношеній, Данія владѣетъ въ настоящее время многочисленнымъ сословіемъ среднихъ и мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, число которыхъ притомъ, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, постоянно возрастаетъ. Лучшимъ доказательствомъ благотѣльнаго вліянія этого переворота служитъ быстро возрастающее благосостояніе и довольство земледѣльческаго населенія, а также замѣчательные успѣхи земледѣлія и скотоводства.

Вообще Данія представляется въ настоящее время страной, гдѣ благосостояніе въ высшей степени равномерно распределено между всѣми слоями народа. Со времени преобразованія бѣдныя лачуги замѣнились опрятными удобными домами, худое платье — хорошимъ, скудная пища — обильною; нравственность и образованность сдѣлали также значительные успѣхи. Проѣзжая нынѣ по Даніи, замѣчаетъ Барановскій, повсюду

¹⁾ Всѣ эти свѣдѣнія о настоящемъ положеніи поземельной собственности въ Даніи заимствованы нами изъ прекрасной статьи Барановскаго: «Быть крестьянъ въ Даніи», помѣщенной въ августовской книгѣ Отечественныхъ Записокъ 1858 года.

встрѣчаешь довольство, благоустроенныя хозяйства, чистоту, порядочные дома въ деревняхъ, хорошо воздѣланныя земли, которыя не составляютъ теперь рѣдкаго исключенія, какъ было въ прошломъ вѣкѣ.

Столь же поразительные успѣхи сдѣлало земледѣліе, какъ это видно изъ постоянно возрастающаго количества вывозимаго хлѣба. Въ концѣ XVIII столѣтія Данія нерѣдко нуждалась въ привозномъ хлѣбѣ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, съ 1775 по 1784 годъ ежегодный привозъ превышалъ вывозъ 100,228 тоннами ржи и 27,042 тоннами ячменя. Съ 1821 по 1830 годъ Данія съ герцогствами среднимъ числомъ вывозила уже ежегодно отъ 1,800,000 до 1,900,000 тоннъ различнаго рода хлѣба. Въ 1840 году вывозъ достигалъ уже до 2,477,000 тоннъ, и изъ одной Даніи до 1,424,000 немолоченнаго и около 60,000 молоченнаго хлѣба. Наконецъ, въ 1850 году у Даніи былъ уже излишекъ въ 3,116,320 тоннъ, который она могла уступить другимъ странамъ. Такъ какъ число жителей въ 1850 году считалось въ собственной Даніи до 1,407,747 человѣкъ обоого пола и всѣхъ возрастовъ, то слѣдовательно количество хлѣба, оказавшагося тогда излишнимъ за удовлетвореніемъ домашней потребности, составляло около 2,2 тоннъ на cadaго человѣка. Въ настоящее время цѣна вывозимаго хлѣба, составляющаго только меньшую половину цѣнности сельско-хозяйственныхъ произведеній, отпускаемыхъ за границу, уже почти равняется сложности всего сбора государственныхъ доходовъ, идущихъ на государственныя потребности. По бюджету 1851—52 года этотъ сборъ въ Даніи составлялъ по 8 руб. на cadaго человѣка.

Другія отрасли земледѣльческой промышленности представляютъ подобныя же результаты. Между тѣмъ какъ въ началѣ текущаго столѣтія изъ собственно датскихъ провинцій не только не вывозилось масло, но даже значительное количе-

ство привозилось изъ нѣмецкихъ провинцій; съ 1826 по 1835 годъ средній вывозъ изъ Даніи составлялъ уже 54,000 тоннъ, въ 1837 году — 69,500, а въ 1840 — 74,000. Естественно, что поземельная собственность въ Датскомъ государствѣ превосходитъ въ настоящее время по крайней мѣрѣ втрое цѣнность поземельной собственности въ концѣ прошлаго столѣтія. Сообразно этому увеличенію производства возрасло и народонаселеніе. Въ 1769 году оно составляло 814,238, въ 1787 — 840,045, въ 1801 — 925,680, въ 1834 — 1,223,797, въ 1840 — 1,283,027, а въ 1850 — 1,407,747.

ГЛАВА XII.

О КРЕСТЬЯНАХЪ—СОБСТВЕННИКАХЪ ВЪ РОССИИ.

Несмотря на отсутствіе положительныхъ свѣдѣній о первоначальномъ поземельномъ устройствѣ славянскихъ племенъ, образовавшихъ въ послѣдствіи русское государство, съ полною почти вѣроятностью, можно предположить, что это устройство было патріархально-родовое. Необъятныя пустынные пространства въ особенности благопріятствовали господству родового быта. При обширности страны и сравнительной малочисленности народонаселенія, при изобиліи угодій и естественныхъ произведеній, земля не могла имѣть особенной цѣнности, не составляла еще собственности отдѣльныхъ лицъ; но, по всей вѣроятности, находилась въ совокупномъ владѣніи родовъ и общинъ, которые обрабатывали и пользовались ею сообща. Такое предположеніе находитъ себѣ прочную подпору въ общемъ порядкѣ развитія поземельной собственности у всѣхъ народовъ, въ совокупности прочихъ общественныхъ отношеній рус-

скихъ Славянъ, въ обычаяхъ представляемыхъ бытомъ другихъ родственныхъ племенъ; наконецъ, въ самомъ характерѣ первоначальнаго земледѣльческаго хозяйства, которое требуетъ совокупныхъ силъ для разчистки и обработки дѣвственной почвы и не допускаетъ существованія частной поземельной собственности.

Это древнѣйшее устройство поземельныхъ отношеній нашихъ предковъ впервые подверглось значительному измѣненію вслѣдствіе водворенія Варяговъ. Хотя водвореніе это совершилось первоначально путемъ мирнаго призванія, тѣмъ не менѣ дальнѣйшія послѣдствія его имѣли для устройства поземельной собственности въ Россіи почти такое же значеніе, какое имѣло въ другихъ мѣстахъ завоеваніе: именно съ той поры образовалось понятіе, что вся земля составляетъ принадлежность князей и ихъ дружинъ, съ тою только разницею, что въ большей части западныхъ государствъ понятіе это повело къ немедленному раздѣлу покоренныхъ земель, тогда какъ въ Россіи окончательный раздѣлъ земель и переходъ ихъ въ частную собственность совершился несравненно позже путемъ постепеннаго историческаго развитія. Разница эта главнымъ образомъ объясняется тѣмъ, что въ западной Европѣ военачальники и дружины ихъ, занявшія многолюдныя страны, покрытыя городами и селами, тотчасъ же сдѣлались осѣдлыми землевладѣльцами; между тѣмъ какъ у насъ въ Россіи, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ и общественныхъ условій, князья, занятые завоеваніями, пріобрѣтеніемъ добычи и своими родовыми счетами, долгое время продолжали еще кочевать и передвигаться изъ одной области въ другую ¹⁾. Не имѣя постоянной осѣдлости, они мало дорожили землею и потому оставляли

¹⁾ Соловьевъ «Историческія письма»; Русскій Вѣстникъ 1858 года, № 16. — Его же «Исторія Россіи», ч. 1, стр. 33. — Чичеринъ «Опыты по исторіи русскаго права»; стр. 9, 67 и др.

ее по прежнему въ потомственномъ владѣніи крестьянъ, которые однако обязаны были вносить оброкъ въ княжескую казну, отчего земли ихъ получили названіе черныхъ земель, а сами они названіе черныхъ людей. Но такое положеніе дѣлъ измѣняется, когда потомки призванныхъ князей окончательно водворяются и получаютъ наслѣдственный интересъ къ владѣемымъ ими областямъ. Вслѣдствіе увеличенія потребностей управленія, первоначальная легкая дань, собираемая съ черныхъ крестьянскихъ земель, мало по малу замѣняется разнообразными и многочисленными податями и повинностями. Изъ первоначальной безразличной массы черныхъ земель постепенно выдѣляется княжеская, церковная и частная собственность. Часть черныхъ земель переходитъ въ дворцовое вѣдомство для удовлетворенія потребностей двора; другая часть жалуется благочестивыми князьями монастырямъ, церквамъ и духовенству; наконецъ, третья раздается въ вотчины и помѣстья служилому сословію. Такимъ образомъ, земли, составлявшія первоначально полную собственность крестьянскихъ общинъ, находившіяся потомъ въ потомственномъ владѣніи ихъ, переходятъ наконецъ въ частную собственность князей, церквей и служилаго сословія. Въ половинѣ XVII вѣка черныя волости заключали въ себѣ уже не болѣе 20,000 дворовъ, между тѣмъ какъ въ то же время въ дворцовыхъ имѣніяхъ было до 3000 дворовъ, въ церковныхъ 117,000, а помѣщичьихъ нельзя было и счесть ¹⁾. Немного спустя, въ эпоху уложенія черныя волости, за исключеніемъ сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ, окончательно сливаются съ дворцовыми имѣніями.

Такой порядокъ дѣлъ былъ необходимымъ послѣдствіемъ тогдашняго экономическаго состоянія общества. При исключи-

¹⁾ Котошихинъ «Объ Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», гл. XI.

тельномъ преобладаніи земледѣлія, при отсутствіи промышленности и торговли и, слѣдовательно, значительныхъ денежныхъ средствъ, земля представляла единственный источникъ, изъ котораго можно было почерпнуть средства для удовлетворенія постоянно возрастающихъ потребностей быстро развивающагося государства. Съ нея взимались подати, собирались припасы, ставились подводы и ратные люди. Она служила также главнымъ способомъ вознагражденія за государственную гражданскую и военную службу и замѣняла денежное жалованье; ибо государство, раздавая земли въ вотчины и помѣстья служилымъ людямъ и представляя имъ многія права и преимущества, въ то же время требовало отъ нихъ исполненія различныхъ личныхъ службъ и повинностей, необходимыхъ для пользы всего государства, и строго преслѣдовало всякое неисполненіе возложенныхъ обязанностей. Между тѣмъ, съ постепеннымъ развитіемъ общественныхъ потребностей, бремя государственнаго управленія съ каждымъ днемъ возрастало и побуждало правительство увеличивать повинности и службы вотчинныхъ и помѣстныхъ владѣльцевъ, которые, въ свою очередь, должны были изыскивать всѣ средства, чтобы извлечь изъ земли возможно большій доходъ. Таковыхъ средствъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ было два. Необходимо было имъ привлекать на свои земли большее количество крестьянъ, или же увеличивать размѣры ихъ повинностей. Какъ то, такъ и другое средство оказывали одинаковое вліяніе на бытъ простаго народа. Они постоянно ослабляли прежнюю историческую связь крестьянъ съ землею, подрывали осѣдлость ихъ и пріучали къ бродячей жизни, что имѣло самыя неблагоприятныя послѣдствія въ обширномъ, по преимуществу земледѣльческомъ государствѣ. При общемъ кочеваніи народонаселенія, подати не могли собираться исправно, обширныя пространства земель оставались невоzdѣланными, деревни и села пустѣли, и

землевладѣльцы затруднялись въ отправленіи лежавшихъ на нихъ государственныхъ, особенно воинскихъ повинностей. Отсюда новое явленіе, какъ дальнѣйшее развитіе послѣдствій помѣстной системы—прикрѣпленіе всего сословія вольныхъ прежде крестьянъ къ землѣ. Желаніе оградить бѣдныхъ помѣщиковъ отъ переизбытка ихъ крестьянъ богатыми и обезпечить болѣе исправное собираніе податей; необходимость установить болѣе правильную финансовую систему и упрочить общественную безопасность, нарушаемую сильно развившимся бродяжничествомъ, принуждаютъ правительство въ концѣ XVI вѣка прибѣгнуть къ рѣшительной мѣрѣ прикрѣпленія сельскихъ жителей къ землѣ, на которой они жили. Такимъ образомъ, сельскія общины, потерявшія съ эпохи варяжскаго завоеванія право полной собственности на свои земли, перешедшія съ развитіемъ помѣстной системы подъ частную зависимость, утратили наконецъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ государства самую личную свободу и были лишены права свободного передвиженія. Съ этого времени начинается господство крѣпостнаго права, которое въ своемъ постепенномъ развитіи, переходя черезъ различныя видоизмѣненія, превратило наконецъ крестьянъ въ полную безгласную собственность землевладѣльцевъ ¹⁾).

Существованіе крѣпостнаго права, разумѣется, не могло благопріятствовать развитію сословія свободныхъ крестьянъ-собственниковъ, тѣмъ болѣе, что, по духу уложенія и всего послѣдующаго русскаго законодательства до Императора Александра I, право пріобрѣтенія и владѣнія поземельною собственностью принадлежало одному высшему, привилегированному сословію. Не удивительно, что на всемъ пространствѣ Россіи, крестьяне-собственники долгое время являлись какъ рѣдкія

¹⁾ См. Бѣляева «Крестьяне на Руси»; 1860, стр. 105 и сл.

исключенія, существованіе которыхъ объяснялось только особенными историческими причинами и снисхожденіемъ къ случайно уцѣлѣвшимъ древнимъ правамъ. Къ числу подобныхъ крестьянъ-собственниковъ принадлежали потомки Сусанина, обѣльные крестьяне Олонецкой губерніи, черносомные крестьяне бывшей Устюжской волости, нынѣ Вологодской губерніи, одноворцы южныхъ губерній, происшедшіе отъ прежнихъ служилыхъ людей, поселенныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ на границѣ украинской для защиты ея отъ нападеній крымскихъ и ногайскихъ Татаръ, и такъ далѣе. Полное и неограниченное право пріобрѣтенія незаселенныхъ земель было даровано лицамъ прочихъ сословій, за исключеніемъ впрочемъ помѣщичьихъ крестьянъ, только въ 1801 году, указомъ 12 декабря. Въ этомъ указѣ говорится: «Желая дать новое поощреніе земледѣлію и промышленности народной, соразмѣрно способамъ, какіе Россія по пространству и положенію своему имѣетъ, признали мы нужнымъ право пріобрѣтенія всякихъ, подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ея находится, распространить на всѣхъ Россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И вслѣдствіе того, предоставляемъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству не принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ, пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу, и утверждать таковыя пріобрѣтенія за собою совершеніемъ купчихъ, каждому отъ своего имени, въ учрежденныхъ на то мѣстахъ, законнымъ порядкомъ собственность ихъ ненарушимо ограждающимъ» ¹⁾).

¹⁾ П. С. З. XXVI. № 20,075.

Слѣдствіемъ этого указа было то, что многіе казенные крестьяне пріобрѣли нѣкоторое количество земли въ свою полную собственность. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1858 году вслѣдствіе предписаній Министра Государственныхъ Имуществъ, видно, что число крестьянъ-собственниковъ между государственными поселянами въ теченіе 56 лѣтъ, считая отъ указа 12 декабря 1801 года, достигло цифры 268,473. Предполагая, что пріобрѣтеніе крестьянами земель шло равномерно и постепенно, мы получимъ на каждый годъ по 4,794 новыхъ крестьянъ-собственниковъ. Общее количество земель владѣемыхъ ими простиралось въ 1858 году до 1,113,281 десятины. Впрочемъ, большая часть изъ этихъ крестьянъ, кромѣ собственныхъ земель, пользовалась также вмѣстѣ съ тѣмъ и казенными землями, и только 29,101 жили исключительно на собственныхъ земляхъ ¹⁾. Какъ незначительность этой цифры, такъ и сравненіе числа государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ собственною землею, съ общеою массою всѣхъ государственныхъ крестьянъ, показываетъ, что только весьма незначительное количество государственныхъ крестьянъ воспользовалось дарованнымъ имъ въ 1801 году правомъ пріобрѣтать земли въ собственность. Это объясняется отчасти бѣдностью способовъ крестьянъ, отчасти малою склонностью и потребностью въ личной поземельной собственности, вслѣдствіе обезпеченнаго пользованія казенными землями.

Но благодѣтельный указъ 1801 года важенъ не только потому, что онъ открылъ лицамъ всѣхъ свободныхъ сословій возможность дѣлаться хозяевами-собственниками, но также и потому еще, что однимъ изъ ближайшихъ его послѣдствій было учрежденіе класса свободныхъ хлѣбопашцевъ, который до

¹⁾ Вешнякова • Матеріалы для исторіи и статистики государственныхъ крестьянъ разныхъ наименованій.; Ж. М. Г. И. LXIX.

общаго освобожденія крестьянъ составлялъ у насъ лучшій въ экономическомъ отношеніи типъ земледѣльцевъ. Учрежденіе это послѣдовало вслѣдствіе указа 20 февраля 1805 года, изданнаго по поводу прошенія благороднаго графа Румянцева. На основаніи этого указа всѣмъ помѣщикамъ разрѣшено было отпускать крѣпостныхъ крестьянъ на волю, какъ по одиночкѣ, такъ и цѣлыми селеніями, съ предоставленіемъ имъ въ собственность участковъ земли и цѣлыхъ дачъ на основаніи обюдныхъ условій. Крестьянамъ же и селеніямъ, отпускаемымъ помѣщиками съ землею, предоставлено было, если они не пожелаютъ перейти въ другое сословіе, право оставаться на собственныхъ земляхъ земледѣльцами, составляя особенное сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ.

Дворовые люди и крестьяне, которые прежде были отпускаемы лично на волю съ обязательствомъ избрать родъ жизни, также получили право, въ положенный законами срокъ, вступать въ состояніе свободныхъ земледѣльцевъ, если пріобрѣтутъ себѣ земли въ собственность. Правило это распространено и на тѣхъ, которые, находясь уже въ другихъ состояніяхъ, пожелали бы перейти въ земледѣльческое, съ принятіемъ на себя всѣхъ его обязанностей.

Крестьяне, отпущенные такимъ образомъ на волю и получившіе землю въ собственность, должны были вносить подушный казенный окладъ наравнѣ съ помѣщичьими, отправлять рекрутскую повинность натурою и исправлять наравнѣ съ другими казенными крестьянами земскія повинности; но отъ оброчныхъ денегъ въ казну были освобождены. Вѣдаться судомъ и расправою свободнымъ хлѣбопашцамъ предоставлено было въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и казеннымъ крестьянамъ; по владѣніямъ же землею разбираться по крѣпостямъ, какъ владѣльцамъ недвижимой собственности. Получивъ землю, по исполненіи условій, въ собственность, крестьяне пріобрѣтали

право продавать ее, закладывать и оставлять въ наслѣдство, не раздробляя однакожь участковъ менѣе 8 десятинъ; равно предоставлено было имъ право вновь покупать земли и переходить изъ губерніи въ другую, но не иначе, какъ съ вѣдома казенной палаты, для перечисленія изъ подушнаго оклада и рекрутской повинности.

Указъ этотъ до самаго уничтоженія крѣпостнаго права служилъ главнымъ руководствомъ при увольненіи крестьянъ, которое, по правиламъ Высочайше утвержденнымъ 21 февраля 1803 года, должно было совершаться слѣдующимъ образомъ: при увольненіи крестьянъ помѣщикъ долженъ былъ означить въ условіи, съ какою деревнею и съ какими именно крестьянами заключилъ онъ договоръ; какія именно земли, лѣса, угодья и въ какомъ количествѣ уступалъ каждому изъ нихъ въ собственность; какую цѣну обязывались крестьяне уплачивать помѣщику какъ за земли и угодья, такъ и за увольненіе свое отъ нѣкоторыхъ повинностей, или же за полную свободу; въ какіе именно сроки обязывались они платить и т. д. Законъ указывалъ въ то же время три главныхъ рода договоровъ между помѣщиками и крестьянами. Послѣдніе могли быть вполне освобождены съ землею: во первыхъ, за извѣстную сумму непосредственно вносимую ими при совершеніи отпускной; во вторыхъ, платежъ могъ быть разсроченъ на опредѣленное число лѣтъ, въ теченіе которыхъ крестьяне продолжали оставаться въ извѣстныхъ повинностяхъ къ помѣщику; наконецъ въ третьихъ, крестьяне, продолжая оставаться крѣпкими землѣ, могли заключать съ помѣщикомъ условія, на основаніи которыхъ, владѣя его землею, обязывались въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ, по жизнь его или навсегда, исправлять извѣстныя повинности, или платить подать деньгами или продуктами. Земли, уступаемыя крестьянамъ, предписывалось дѣлить на участки, соотвѣтственно числу крестьянъ, такъ

чтобы каждый изъ нихъ могъ получить опредѣленный участокъ въ полную личную собственность. Это послѣднее условіе увольненія крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы особенно замѣчательно, какъ свидѣтельство глубокаго убѣжденія законодателей въ превосходствѣ личнаго способа владѣнія землею надъ общиннымъ.

Таковы были мѣры, принятыя въ 1803 году. Хотя онѣ принесли весьма незначительную матеріальную пользу, ибо до 1857 года на основаніи этихъ правилъ было уволено только 151,895 душъ мужскаго пола, тѣмъ не менѣе онѣ замѣчательны тѣмъ, что служили предвѣстниками новаго направленія законодательства, которое въ скоромъ времени должно было привести къ повсемѣстному уничтоженію крѣпостнаго права и превращенію крестьянъ въ свободныхъ собственниковъ.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что сословіе крестьянъ-собственниковъ до самой эпохи освобожденія составляло самое незначительное количество. Правда, кромѣ изчисленныхъ разрядовъ крестьянъ, владѣвшихъ своею землею, въ нѣкоторыхъ уголкахъ Россіи, большею частью присоединенныхъ къ ней вслѣдствіе завоеваній, существовали еще другіе виды свободныхъ сельскихъ обывателей, водворенныхъ на собственные земли, какъ то: однопорцы западныхъ губерній и Бессарабской области, вольные люди, иностранные выходцы въ Бессарабской области, именуемые Рупта де Вистерія и Рупта де Камара, колонисты, поселенные на пріобрѣтенныхъ ими въ собственность земляхъ, малороссійскіе казаки, панцырные бояре и татары-поселяне въ Таврической губерніи; но вообще количество ихъ было незначительно и они составляли рѣдкія исключенія, которыя не могли оказывать значительнаго вліянія на характеръ общественнаго устройства и земледѣльческаго производства.

Большинство же прочаго земледѣльческаго народонаселенія, занимавшее громадное пространство Россіи, хотя также пользовалось землею, но подъ самыми тягостными условіями и подъ гнетомъ личной крѣпостной зависимости. Оно лишено было самыхъ первыхъ зачатковъ гражданской свободы и вполне зависѣло отъ произвола помѣщиковъ. «Права помѣщиковъ, говорится въ манифестѣ 19 февраля 1861 года, были донинѣ обширны и не опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданія, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, отяготительному для крестьянъ, и неблагопріятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ». Мы не имѣемъ намѣренія вдаваться здѣсь въ подробное изложеніе пагубныхъ послѣдствій крѣпостнаго права, тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить, что оно служило непреодолимою преградою для развитія государства, мѣшало правильной организаціи народнаго труда, парализировало народныя силы, заглушало самыя благородныя стремленія человеческой природы, останавливало просвѣщеніе и всякое стремленіе къ улучшеніямъ и осуждало Россію, несмотря на ея природныя богатства, на крайнюю бѣдность и невѣжество. Понятно, почему правительство, хорошо сознававшее всю несостоятельность подобнаго порядка вещей и издавна стремившееся положить предѣлъ произволу помѣщичьей власти, рѣшилось наконецъ, удовлетворяя требованіямъ справедливости, предпри-

нять великую реформу съ цѣлью кореннаго измѣненія существовавшаго устройства земледѣльческаго сословія. Начало этому великому дѣлу было положено Высочайшими рескриптами 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года; а съ изданіемъ положенія о крестьянахъ 19 февраля 1861 года дѣло преобразования быстро начало приводиться въ исполненіе. Существенная цѣль предпринятой реформы несомнѣнно состояла въ возвращеніи свободы крестьянамъ, въ доставленіи имъ гражданской полноправности и возможности располагать своимъ трудомъ и своею личностью. Но этимъ еще не изчерпывалось все великое значеніе реформы. Задача ея была несравненно шире. Одно законное признаніе свободы и независимости крестьянъ безъ существеннаго обезпеченія ихъ матеріальнаго быта, не могло бы имѣть вполнѣ счастливыхъ и прочныхъ результатовъ. Безъ поземельной собственности—этого матеріальнаго основанія, крестьянское сословіе, особенно въ странѣ по преимуществу земледѣльской, несмотря на свою юридическую личную свободу, никогда не могло бы достигнуть фактической самостоятельности и составляло бы родъ сельскаго пролетаріата, быть-можетъ, не менѣе опаснаго, нежели прежнее крѣпостное право.

Поэтому, освобождая крестьянъ отъ ихъ вѣковой зависимости, правительство приняло въ то же время энергическія мѣры для упроченія ихъ осѣдлости и благосостоянія и представило имъ, кромѣ усадебной осѣдлости, право на выкупъ извѣстнаго количества положенныхъ въ надѣлъ полевыхъ земель и угодій. Такимъ образомъ окончательная цѣль законодательства состояла въ томъ, чтобы превратить прежнихъ зависимыхъ земледѣльцевъ въ сословіе свободныхъ крестьянъ, владѣющихъ поземельною собственностью. Для болѣе быстраго достиженія этой цѣли правительство рѣшилось даже содѣйствовать крестьянамъ въ приобрѣтеніи земли посредствомъ

выкупной операціи, выдавая помѣщикамъ слѣдующую имъ за землю сумму процентными кредитными билетами, по коимъ оно приняло на себя уплату процентовъ и капитала, взыскивая ихъ въ свою очередь съ крестьянъ съ разсрочкою на продолжительный срокъ времени. Благодаря этимъ разумнымъ и энергическимъ мѣрамъ, дѣло освобожденія крестьянъ и выкупа земли начало совершаться у насъ съ безпримѣрною въ лѣтописяхъ исторіи быстротою. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ о ходѣ крестьянскаго дѣла, полученнымъ въ теченіе августа 1864 года, число всѣхъ введенныхъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ простиралось до 111,568. Грамоты эти относились къ имѣніямъ, гдѣ приблизительно было водворено около 10,010,220 душъ. Не введенныхъ же въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ считалось всего только восемь, именно въ губерніяхъ Костромской и Новгородской. По болѣе же подробнымъ свѣдѣніямъ относительно 109,758 грамотъ, касающихся 9,776,017 душъ крестьянъ, видно: во первыхъ, что 35,544 грамоты прекращали обязательныя отношенія 4,521,178 душъ, почти половины всего числа, и во вторыхъ, что 2,133,043 души уже приобрѣли поземельный надѣлъ въ собственность и въ томъ числѣ 430,702 безъ содѣйствія правительства. Не принимая во вниманіе девяти западныхъ губерній, гдѣ всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне сдѣланы крестьянами-собственниками по исключительнымъ обстоятельствамъ, первое мѣсто по процентному отношенію крестьянъ-собственниковъ къ общему числу бывшихъ крѣпостныхъ, занимала Харьковская губернія, гдѣ это отношеніе было выше 72%; за нею слѣдовали губерніи Екатеринославская, Таврическая, Воронежская, Херсонская, Казанская и Черниговская, гдѣ крестьянами-собственниками сдѣлалось болѣе половины бывшихъ крѣпостныхъ (отъ 62% до 51%); въ Оренбургской губерніи собственниками сдѣлалась почти половина помѣщичьихъ крестьянъ (бо-

лѣе 49⁰/₀); въ Саратовской, Симбирской, Полтавской губерніяхъ, въ землѣ войска Донскаго и въ Самарской, Вятской и Пермской губерніяхъ — болѣе трети (отъ 44 до 34⁰/₀), въ Пензенской — почти треть (болѣе 32⁰/₀), въ Курской и Тамбовской — свыше 22⁰/₀, въ Смоленской — свыше 19⁰/₀; во всѣхъ прочихъ губерніяхъ процентное отношеніе крестьянъ-собственниковъ было ниже 15⁰/₀, въ губерніяхъ же Петербургской и Московской — выше 10, но ниже 11⁰/₀.

Совершающееся преобразование крестьянскаго быта открываетъ нашему отечеству самую свѣтлую будущность. Новое устройство сельскаго народонаселенія порождаетъ у насъ безпримѣрный въ исторіи бытъ. Когда новыя положенія объ устройствѣ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ достигнутъ своего окончательнаго результата и сдѣлаютъ изъ массы крѣпостныхъ крестьянъ массу свободныхъ гражданъ и поземельныхъ собственниковъ, то едва ли въ какой-либо странѣ міра, какъ общее число крестьянъ собственниковъ, такъ и относительное ко всему народонаселенію государства, будетъ больше, чѣмъ у насъ въ Россіи. Почти весь народъ за самыми немногими исключеніями будетъ причастенъ благу поземельной собственности. Новое крестьянское сословіе, главнымъ образомъ состоящее изъ самаго здороваго и важнаго элемента въ государствѣ — крестьянъ-собственниковъ, сольется въ себѣ всѣ прежніе классы сельскихъ обывателей, исторически образовавшихъ самую пеструю смѣсь полусвободнаго народонаселенія, и сдѣлается несокрушимою основою для будущаго развитія и величія Россіи. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ примѣръ всѣхъ государствъ, быстрое развитіе которыхъ вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостнаго права и съ появленіемъ самостоятельнаго класса мелкихъ собственниковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Примѣръ этотъ служитъ для насъ лучшимъ подтвержденіемъ въ нашихъ надеждахъ на свѣтлую и

могучую будущность. Крѣпостныя узы, насильственно привязывавшія крестьянина къ землѣ, замѣнятся узами личного интереса, врожденной любви къ своему дому, къ своей собственности, дѣйствующими на человѣка сильнѣе всякихъ побудительныхъ мѣръ.

Это новое, незнакомое еще для большинства русскаго народонаселенія чувство, безъ всякаго сомнѣнія, въ самомъ скоромъ времени переродитъ Россію, какъ въ нравственномъ, такъ и въ хозяйственномъ отношеніи, усилить ея производительныя силы, умножить ея богатство и могущество, подниметь нравственный и умственный уровень народонаселенія, водворить начала болѣе истинной и чистой нравственности, разольетъ образованіе, усилить сознаніе личности и человѣческаго достоинства.

Поселяне, столь долго прикрѣпленные къ дворянскимъ землямъ, подчиненные неограниченному произволу владѣльцевъ, сдѣлаются самостоятельнымъ сословіемъ, сознающимъ свое значеніе въ гражданскомъ тѣлѣ, и наряду съ прочими сословіями будутъ, по мѣрѣ способовъ и силъ своихъ, участвовать въ упроченіи и возвышеніи благосостоянія всѣмъ дорогого отечества на незыблемыхъ и живительныхъ началахъ свободы труда и личности.

Но, желая прочнаго развитія и укрѣпленія крестьянскаго землевладѣющаго сословія въ Россіи, намъ нужно желать также, чтобы улучшились тѣ условія, которыхъ безусловно требуетъ самостоятельное существованіе этого полезнаго сословія. Условія эти заключаются въ господствѣ строгой справедливости и правосудія, въ обезнеченности всякой собственности, какъ бы ничтожны ни были ея размѣры, въ полной безопасности личности, въ отсутствіи возможности угнетенія со стороны частныхъ богатыхъ лицъ, а также блюстителей и исполнителей закона, въ справедливомъ распредѣленіи нало-

говъ и повинностей, въ свободномъ распоряженіи поземельною собственностью; наконецъ, въ удобствахъ земледѣльческаго кредита.

Только при такихъ условіяхъ, мелкая крестьянская собственность можетъ пустить глубокіе корни и вполнѣ оказать все свое благотѣльное вліяніе на развитіе нашего будущаго общественнаго и экономическаго устройства.

Привѣтствуя, впрочемъ, наступающее развитіе свободной крестьянской собственности, отъ которой въ недалекомъ будущемъ, мы ожидаемъ самыхъ благотворныхъ результатовъ, мы съ другой стороны нисколько не являемся безусловными противниками большой поземельной собственности и нисколько не желаемъ окончательнаго ея исчезновенія. Напротивъ, мы глубоко убѣждены, что при современномъ экономическомъ состояніи нашего отечества, при его климатическихъ и мѣстныхъ условіяхъ, способствующихъ преимущественно хлѣбопашеству и скотоводству, при обширности пространствъ и рѣдкости народонаселенія, при чрезмѣрномъ преобладаніи сельскаго народонаселенія надъ городскимъ, большая поземельная собственность можетъ въ свою очередь оказать самыя громадныя услуги для развитія нашего земледѣлія и народнаго богатства.

Но для того, чтобы эти ожиданія дѣйствительно осуществились, необходимо, чтобы существованіе большой поземельной собственности обуславливалось не насильственными законодательными мѣрами, какъ это было доселѣ, но свободнымъ развитіемъ хозяйственныхъ отношеній. Только въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что представители большой поземельной собственности, отказавшись отъ удовольствій городской и столичной жизни и откинувши барскую спѣсь, порожденную долговременнымъ существованіемъ крѣпостнаго права, лично стануть во главѣ сельско-хозяйственныхъ пред-

пріятій и посредствомъ разумнаго веденія хозяйства, при помощи современной науки, значительныхъ капиталовъ, приложенія усовершенствованныхъ орудій и машинъ, будутъ оказывать благотворное вліяніе на земледѣльческое производство, вліяя въ то же время на умственное и нравственное развитіе прочаго земледѣльческаго народонаселенія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

ВЛІЯНІЕ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ НА ЗЕМЛЕ- ДѢЛІЕ.

Laudat ingentia rura—exiguum colito!
Virg.

Предшествовавшее изложеніе историческаго развитія обработки крестьянами-собственниками достаточно показываетъ, что общественное и экономическое устройство предшествовавшихъ вѣковъ постоянно содѣйствовало сосредоточенію поземельной собственности въ немногихъ рукахъ и что, напротивъ, экономическое и общественное устройство новаго времени дѣйствуетъ въ совершенно обратномъ направленіи. Во всѣхъ почти государствахъ Европы замѣчается неудержимое стремленіе къ раздробленію поземельной собственности и къ развитію мелкой крестьянской обработки. Такое явленіе, составляющее характеристическую черту настоящей эпохи, невольно привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе и возбуждаетъ весьма важный вопросъ объ экономическомъ и общественномъ значеніи этого повсемѣстно совершающагося факта. Служить ли развитіе и распространеніе обработки крестьянами-собственниками ко благу народовъ, можетъ ли оно считаться признакомъ успѣха

и залогомъ новаго развитія обществъ или, напротивъ, въ этомъ явленіи заключается гибельное начало, которое при безпрепятственномъ дальнѣйшемъ развитіи можетъ привести къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ? Вопросъ этотъ, необыкновенно важный по своему значенію, уже съ конца прошлаго вѣка постоянно тревожилъ умы, и съ тѣхъ поръ не разъ служилъ предметомъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ и самыхъ противорѣчащихъ воззрѣній. Въ то время какъ одна часть экономистовъ, публицистовъ и агрономовъ горячо отстаивала мелкую крестьянскую собственность и вообще раздробленіе земли между возможно большимъ числомъ лицъ; другая часть рѣзко возставала противъ этого и въ то же время столь же ревностно защищала большую собственность или по крайней мѣрѣ большую обработку. Такое разнообразіе мнѣній относительно одного и того же предмета происходило отчасти отъ невѣрнаго пониманія дѣла и недостаточнаго изученія предмета; отчасти объяснялось одностороннимъ пристрастіемъ и увлеченіемъ существующими явленіями и фактами дѣйствительной жизни. Такъ, на примѣръ, наиболѣе ревностные приверженцы большой собственности и большой обработки исходили изъ рядовъ экономистовъ Англіи, гдѣ вслѣдствіе разнообразныхъ условій получила преобладаніе большая обработка, и наоборотъ, самые горячіе поборники мелкой собственности и обработки принадлежали къ числу экономистовъ Франціи, гдѣ исторія породила противоположное земледѣльческое устройство. Какъ тѣ, такъ и другіе старались доказать безусловное превосходство своей системы, и въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній приводили множество отдѣльных фактовъ и общихъ разсужденій, благодаря которымъ, вопросъ, хотя и не рѣшенъ окончательно, тѣмъ не менѣе значительно двинутъ впередъ и представляетъ въ настоящее время возможность сдѣлать нѣкоторыя окончательныя заключенія.

Желая изучить и опредѣлить общее значеніе обработки крестьянами-собственниками, намъ слѣдуетъ показать вліяніе, которое оказываетъ она на производительную силу труда и успѣхи земледѣлія, на матеріальное, нравственное и умственное развитіе народа, вліяніе ея на правильное размноженіе народонаселенія и на распредѣленіе его по занятіямъ, косвенное вліяніе на промышленность и торговлю, и наконецъ, вліяніе ея на внутреннюю организацію обществъ и на внѣшнюю силу ихъ.

Прежде всего намъ предстоитъ вопросъ, какое вліяніе оказываетъ обработка крестьянами-собственниками на производство богатствъ вообще и на земледѣліе въ особенности. Составляетъ ли раздѣленіе поземельной собственности между многими лицами желательное явленіе въ экономическомъ отношеніи, или, напротивъ, оно оказываетъ вредное вліяніе на земледѣліе и по естественной связи на другія отрасли промышленности?

Если послушать приверженцевъ большой обработки, то мелкая обработка, слѣдовательно и обработка крестьянами-собственниками, имѣетъ самое пагубное и вредное вліяніе на развитіе и процвѣтаніе земледѣлія. При нынѣшнемъ развитомъ состояніи земледѣлія, говорятъ они, значительная масса сельскихъ произведеній можетъ быть получена только при томъ способѣ производства, который съ такою выгодною и пользою употребляется въ мануфактурномъ производствѣ; именно: при приложеніи благотѣльнаго принципа раздѣленія труда, при употребленіи въ значительной мѣрѣ машинъ и животныхъ силъ, при затратахъ значительныхъ капиталовъ на прочныя улучшенія земли, при обладаніи тѣми разнородными и обширными знаніями, которыя добыты въ настоящее время наукою. Мелкая же крестьянская обработка, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не можетъ удовлетворить ни одному изъ этихъ требованій. Она не допускаетъ раздѣленія труда, не обладаетъ зна-

чительными капиталами, не можетъ пользоваться машинами и улучшенными орудіями, не имѣетъ достаточныхъ свѣдѣній и знаній для веденія раціональнаго хозяйства, приспособленнаго къ мѣстнымъ и хозяйственнымъ условіямъ страны, не можетъ предпринимать улучшеній почвы посредствомъ орошеній, осушеній, введенія новыхъ растений и удобреній, не обладаетъ, наконецъ, значительнымъ количествомъ скота и слѣдовательно удобренія необходимаго для поддержанія плодородія почвы. Естественнымъ послѣдствіемъ всѣхъ этихъ недостатковъ бываетъ то, что хотя мелкая обработка, вслѣдствіе большаго количества прилагаемаго труда, даетъ иногда большой валовой доходъ, за то всегда меньшій чистый доходъ, который одинъ служитъ наиболѣе вѣрнымъ мѣриломъ промышленнаго процвѣтанія страны и единственнымъ источникомъ народнаго богатства и благосостоянія.

Для разрѣшенія этого вопроса необходимо подробно разсмотрѣть всѣ вышеприведенные доводы и только послѣ тщательнаго изслѣдованія произнести окончательный приговоръ, осуждающій обработку крестьянами-собственниками, если эти доводы окажутся справедливыми, или, напротивъ, оправдывающій ее, если дѣйствительность ихъ не будетъ подтверждена фактами.

Приступая къ этому разбору, мы прежде всего обратимъ вниманіе на то вліяніе, которое оказываетъ обработка крестьянами-собственниками на свойство и качество труда — этого главнаго двигателя въ области всякаго производства

Непосредственный трудъ человѣка, играющій столь важную роль во всѣхъ отрасляхъ производства, имѣетъ въ земледѣліи несравненно большее значеніе, нежели въ какомъ-либо мануфактурномъ и торговомъ занятіи. Нѣсколько рукъ могутъ управлять обширнымъ кораблемъ, нагруженнымъ громадными богатствами и совершающимъ отдаленныя плаванія; дитя мо-

жетъ наблюдать за огромнымъ числомъ веретенъ; сила одного колеса можетъ приводить въ движеніе громадную и сложную машину. Земледѣліе же, хотя также пріобрѣтаетъ значительныя выгоды отъ приложенія механическихъ силъ, и можетъ посредствомъ ихъ въ значительной мѣрѣ увеличить свое производительное могущество, тѣмъ не менѣе въ настоящее время и, быть-можетъ, въ теченіе еще долгихъ лѣтъ, главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ непосредственнаго человѣческаго труда. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ производствѣ, является необходимость, чтобы каждая малѣйшая операція производилась дѣятельною и разумною рукою человѣка. При различіи ухода за каждымъ растеніемъ, при разнообразіи обработки, требуемой почвою на самыхъ небольшихъ пространствахъ, машинное производство никогда не можетъ вполне водвориться въ земледѣліи. Что бы ни придумывалъ человѣческій геній, ему никогда не удастся достигнуть тѣхъ же результатовъ, которые съ такимъ успѣхомъ достигнуты уже относительно мануфактурной и фабричной промышленности. Поэтому естественно, что та обработка, которая наиболѣе содѣйствуетъ могуществу, энергіи и разумности труда, необходимо должна вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе содѣйствовать могуществу земледѣльческаго производства. Какое же вліяніе оказываетъ изучаемая нами обработка относительно успѣшности труда? Въ этомъ отношеніи вѣковой опытъ показываетъ, что личная поземельная собственность составляетъ самое могущественное побужденіе къ трудной, непрерывной и наиболѣе разумной работѣ. Правда, нѣкоторые противники мелкой собственности, между множествомъ другихъ обвиненій, приводятъ также обвиненіе крестьянъ-собственниковъ въ лѣни, говоря, что они любятъ ѣздить на рынки сначала по необходимости, потомъ для развлеченія и по привычкѣ. Притомъ частый недостатокъ труда, прибавляютъ они, пріучаетъ ихъ къ праздности, потому

что у нихъ нѣтъ такихъ побужденій къ усиленному труду, какъ у наемныхъ работниковъ, находящихся подъ постояннымъ надзоромъ и понужденіемъ. Но подобное возраженіе показываетъ совершенное непониманіе человѣческой природы и совершенное незнаніе человѣческихъ побужденій. Напротивъ, едва ли какой-либо другой работникъ имѣетъ болѣе дѣйствительныя и могущественныя побужденія къ труду. Во первыхъ, крестьянина-собственника соединяютъ съ землею самыя неразрывныя узы. Ни къ чему человѣкъ такъ не привязывается, какъ къ землѣ, если владѣніе ею обезпечено. Съ клочкомъ земли такъ сильно соединяются воспоминанія молодости и воспоминанія семейныя, что обыкновенно деревья, воды, растенія и человѣка, который выросъ среди нихъ или ихъ выростилъ, связываетъ семейный, родственныи духъ. Эта удивительная любовь сохраняется даже къ землѣ некрасивой и дурной, и что замѣчательнѣе, люди сильнѣе привязываются къ малымъ клочкамъ земли, нежели къ огромнымъ пространствамъ. Эта страстная любовь и привязанность къ землѣ заставляетъ собственника напрягать всѣ усилія, преодолевать самыя тяжкіе труды, рѣшаться на самыя великія пожертвованія для улучшенія и украшенія ея. Онъ трудится не только для настоящаго поколѣнія, не только для удовлетворенія насущныхъ нуждъ, но и для будущаго; ибо, благодаря его неутомимымъ трудамъ и усиліямъ, въ землѣ накапливаются капиталы, которые обезпечиваютъ участь будущихъ поколѣній. «Любовь предка къ неизвѣстному, еще неродившемуся потомству, говоритъ Сисмонди, едва ли была бы достаточна для пожертвованія своими личными наслажденіями, если бы къ желанію столь отдаленнаго блага не примѣшивалось удовольствіе, соединенное съ творчествомъ, увеличеніемъ, украшеніемъ. Человѣкъ трудится для своихъ потомковъ, потому что онъ столько же любитъ свое дѣло, сколько и ихъ самихъ. Онъ отказывается отъ своихъ наслажденій, чтобы посред-

ствомъ улучшенія земли создать постоянный доходъ для своихъ потомковъ, и онъ дѣлаетъ это безъ ропота, потому что удовольствіе завладѣть временемъ, котораго онъ болѣе не увидитъ, дѣйствовать еще, когда его не будетъ, служить главнымъ вознагражденіемъ для него. Въ странѣ, гдѣ земледѣлецъ въ то же время собственникъ и гдѣ произведенія безраздѣльно принадлежатъ тѣмъ самымъ лицамъ, которыя совершаютъ трудъ, на каждомъ шагу мы видимъ заботы, порождаемыя любовью къ дому и землѣ. Онъ не думаетъ о томъ, сколько труда будетъ ему стоить тропинка, которую онъ проложитъ, фонтанъ, роща; самый трудъ служить для него наслажденіемъ; онъ находитъ время и силы для совершенія его; никакія деньги не заставили бы его сдѣлать то, къ чему побуждаетъ его любовь къ собственности ¹⁾.

Еще болѣе могущественное побужденіе къ дѣятельному и непрерывному труду при господствѣ этой обработки составляетъ увѣренность въ полномъ, обеспеченномъ владѣніи участкомъ, убѣжденіе, что результаты труда будутъ принадлежать исключительно ему, сознаніе, что чѣмъ болѣе будетъ употреблено усилій, тѣмъ выше будутъ удобства и благосостояніе его, а вмѣстѣ съ тѣмъ благосостояніе близкихъ и дорогихъ ему лицъ. Вслѣдствіе этого онъ не щадитъ никакихъ усилій и заботъ, не считаетъ труда и не боится его. Онъ знаетъ, что всякій шагъ сопряженъ съ его личною выгодною, что всякая минута потраченная за работою принесетъ ему плодъ хотя поздній, хотя для будущихъ поколѣній.

Наконецъ, тому же результату содѣйствуетъ нѣкотораго рода чувство чести, благородная гордость, свойственная свободному и независимому человѣку при мысли, что участокъ его обработанъ столь же хорошо или, быть можетъ, лучше, нежели

¹⁾ Sismondi «Nouveaux principes d'écon. pol.» т. 1 стр. 166.

участки его сосѣдей. Въ цвѣтущемъ состояніи его хозяйства проглядываетъ его дѣятельность, знаніе и искусство; отъ степени обработки его участка зависитъ не только его благосостояніе, но и положеніе въ обществѣ, а также то уваженіе, которое оказываютъ ему окружающія лица.

Такимъ образомъ все побуждаетъ крестьянина-собственника къ самому прилежному, неутомимому и разумному труду. Этимъ объясняется та почти сверхъ-естественная дѣятельность его, о которой свидѣлствуютъ всѣ экономисты и агрономы, изучавшіе страны мелкой обработки. «Во всякомъ углу земнаго шара, говоритъ Бонмеръ, гдѣ крестьянинъ успѣлъ побѣдоносно водрузить заступъ собственника, въ безлюдной ли пустынѣ, въ тинистомъ ли болотѣ, или на голой скалѣ, вездѣ онъ, подобно Моисею, извлекалъ воду изъ песковъ пустыни. Болота онъ осушилъ, на скалы геройски перенесъ на своей спинѣ груды земли, расположилъ ихъ террасами и удержалъ стѣнами. Вездѣ замѣнилъ онъ плодородіемъ бесплодіе, движеніемъ и жизнью мертвую неподвижность. Однимъ словомъ, онъ почти творилъ; ибо Богъ создалъ землю, но поле создано человекомъ» ¹⁾. Близко знакомый съ каждымъ клочкомъ своего участка, за которымъ онъ слѣдитъ со всѣмъ интересомъ и любовью, внушаемыми собственностью, находя удовольствіе не только въ обработкѣ, но и въ украшеніи его, мелкій собственникъ, безъ всякаго сомнѣнія, является самымъ дѣятельнымъ, разумнымъ и наиболѣе успѣвающимъ земледѣльцемъ. Только онъ способенъ превратить безплодныя скалы и песчаныя пустыни въ цвѣтушіе сады, въ плодородныя поля и роскошныя луга. Очевидно, что въ этомъ отношеніи съ дѣятельностью крестьянина-собственника не можетъ срав-

¹⁾ Journal des Econom 1858 № 1, стр. 410.—«Раздробленіе поземельной собственности и ассоціація». Ж. М. Г. И. LXXII стр. 33.

ниться трудъ наемнаго поденщика, работающаго въ опредѣленные часы на чужихъ поляхъ, ни трудъ временнаго владѣльца участка, стѣсненнаго въ своей дѣятельности условіями опредѣленнаго срока времени. Это различіе труда и его результатовъ столь велико, что его можно, на основаніи опыта, выразить въ числахъ. Если работу двухъ свободныхъ наемныхъ работниковъ обыкновенно приравниваютъ работѣ трехъ барщинныхъ, то работу двухъ самостоятельныхъ собственниковъ можно приравнять работѣ трехъ наемныхъ работниковъ.

Чтобы наглядно представить вліяніе собственности на трудъ земледѣльца, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ описаній различныхъ путешественниковъ, наиболѣе свидѣтельствующихъ о поразительной и, можно даже сказать, волшебной силѣ этого вліянія. Здѣсь на первомъ планѣ мы приведемъ слова Артура Юнга, который несмотря на то, что принадлежалъ къ числу первыхъ противниковъ мелкой крестьянской обработки, представилъ тѣмъ не менѣе самыя рѣзкія доказательства въ пользу могучаго вліянія собственности на трудъ земледѣльца. Проѣзжая по Франціи незадолго до революціи, въ эпоху, когда большинство земель, сосредоточенныхъ въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ владѣльцевъ, находилось въ самомъ жалкомъ положеніи, онъ невольно признавалъ, что всюду, гдѣ встрѣчалъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ, ему представлялась совершенно противоположная картина цвѣтущаго земледѣлія, хорошихъ системъ обработки, неутомимой дѣятельности, зажиточнаго положенія крестьянъ. «Оставляя Совъ, говоритъ онъ, я былъ пораженъ зрѣлищемъ обширнаго пространства земли, повидимому, состоявшаго изъ огромныхъ скалъ, но которое между тѣмъ было огорожено и обработано самымъ тщательнымъ образомъ. У cadaго земледѣльца есть свои оливковыя, тутовця, миндальныя деревья, между которыми разсѣяны обширные виноградники такъ что

вся поверхность представляет самую оригинальную смѣсь этихъ растеній и выдающихся скалъ. Жители этой деревни достойны поощренія за свое трудолюбіе, и если бы я былъ французскимъ министромъ, они получили бы его. Они не замедлили бы обратить въ сады пустыни ихъ окружающія. Подобные дѣятельные земледѣльцы, превращающіе скалы въ плодородныя поля, потому что эти скалы составляютъ ихъ собственность, также бы дѣйствовали на земляхъ необработанныхъ, если бы ихъ одушевляло тоже могущественное чувство собственности».

«Странствованіе мое между Ганжемъ и горою весьма дурной почвы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, представляло для меня одну изъ самыхъ интереснѣйшихъ поѣздокъ во Франціи. Тутъ я увидѣлъ вполне до какихъ удивительныхъ результатовъ доходить дѣятельность и трудъ человѣка. Преодолевъ всѣ препятствія, онъ покрылъ растеніями голыя скалы, превратилъ камень въ плодородную почву. Объясненіе такого результата лежитъ въ началѣ собственности. Дайте человѣку бесплодную скалу, но дайте ему въ полную собственность, и онъ превратитъ ее въ садъ». — «Изъ всѣхъ побужденій къ трудной и непрерывной работѣ, замѣчаетъ онъ далѣе, самое могущественное — поземельная собственность. Эта истина имѣетъ такую силу и объемъ, что еслибъ я захотѣлъ видѣть голую вершину горы обработанною и воздѣланною, то я не нашелъ бы другаго болѣе вѣрнаго средства, какъ позволить жителямъ ближайшихъ деревень пріобрѣсти ее въ собственность. Мы дѣйствительно видѣли въ горахъ Лангедока, что крестьяне-собственники носили на себѣ землю въ корзинахъ, чтобы образовать почву тамъ, гдѣ природа отказалась отъ всякой растительности».

Подобныя же свидѣтельства относительно могущественнаго вліянія чувства собственности на трудъ земледѣльца, мы въ

изобилии встрѣчаемъ въ настоящее время почти относительно всѣхъ мѣстностей, гдѣ господствуетъ обработка крестьянами-собственниками. Такъ, Яцини, описывая гористую мѣстность Ломбардіи, гдѣ преобладаетъ мелкая крестьянская собственность, замѣчаетъ, что земледѣліе, за исключеніемъ долинъ, могло явиться тамъ только вопреки неблагоприятнымъ природнымъ условіямъ. «Человѣкъ, говоритъ онъ, могъ побѣдить здѣсь природу только при помощи прилежанія и неутомимости, которыя могутъ быть порождены только сознаніемъ собственности. Кто, за исключеніемъ тѣхъ, которые работаютъ для самихъ себя, рѣшится предпринять тягостный трудъ для перенесенія необходимой земли изъ долинъ на скалистые склоны, чтобы образовать террасы, гдѣ процвѣтаютъ виноградъ и тутовое дерево, доставляющія содержаніе семьѣ? Пусть ручей уноситъ черезъ каждые три, четыре года слой нанесенной земли, земледѣлецъ не откажется отъ своего прилежанія. Такимъ образомъ сознаніе собственности вызвало здѣсь жизнь, которая иначе не существовала бы» ¹⁾.

Рау, описывая земледѣліе въ мѣстности, расположенной между Рейномъ и Неккаромъ, гдѣ земля до того раздроблена, что многіе участки имѣютъ не болѣе трети десятины, большинство же не превосходитъ семи десятинъ, говоритъ слѣдующее: «Кто быстро проѣзжаетъ по этой мѣстности, можетъ быть пріятно пораженъ роскошною растительностью полей, огородовъ и виноградниковъ, покрывающихъ склоны холмовъ, размѣрами деревень, шириною улицъ, красотою общественныхъ зданій, чистотою и роскошью домовъ, хорошею одеждою, въ которой народъ является по праздникамъ, и вообще видомъ общаго благосостоянія, порожденнаго дѣятельностью и искусствомъ, которыя пережили всѣ политическіе перевороты. Не

¹⁾ Jacini «Grundbesitz und Landvolk in Lombardie»; стр. 176.

можетъ быть сомнѣнія относительно превосходства господствующей здѣсь земледѣльской системы. Что касается труда, обращеннаго на землю, то можно сказать вообще, что онъ совершается въ высшей степени предприимчиво и искусно. Неутомимое прилежаніе крестьянъ, которые ежедневно и въ теченіе цѣлаго года бываютъ постоянно заняты и никогда не бываютъ праздны, потому что умѣютъ благоразумно распредѣлять свой трудъ и назначать для каждаго времени года соотвѣтствующее ему занятіе, рвеніе, съ которымъ они спѣшатъ воспользоваться каждымъ обстоятельствомъ и каждымъ нововведеніемъ, могущимъ быть полезнымъ для нихъ, наконецъ, умѣнье ихъ приискывать новые выгодные способы въ высшей степени замѣчательны и достойны всякихъ похвалъ» ¹⁾.

«Для англійскаго народа, говоритъ Кэй, восемь лѣтъ употребившій на изученіе положенія крестьянъ въ различныхъ государствахъ Европы, была бы поразительна та напряженная дѣятельность, которую проявляютъ на своихъ поляхъ крестьяне Франціи, Германіи, Швейцаріи и Голландіи. Въ ней участвуетъ вся семья земледѣльца. Это не невольная работа, но трудъ, въ которомъ они находятъ удовольствіе, потому что знаютъ, что чѣмъ сильнѣе они будутъ работать, тѣмъ болѣе будетъ ихъ доходъ и тѣмъ лучше будутъ ихъ средства существованія. У нихъ всегда есть что дѣлать. Когда они могутъ работать на поляхъ — они проводятъ рвы, разбиваютъ глыбы земли, разбрасываютъ удобреніе, копаютъ, чистятъ, вырываютъ сорныя травы, сѣютъ или собираютъ жатву. Когда же они не могутъ работать на поляхъ — они приводятъ въ порядокъ дворъ и хозяйственныя строенія, бѣлятъ, поправляютъ стѣны, готовятъ навозъ или что-нибудь другое для сво-

¹⁾ Rau «Ueber die Landwirthschaft der Rheinpfalz und insbesondere in der Heidelberger Gegend»; стр. 13.

ихъ сельскихъ операцій. Не должно забывать, что все это дѣлается для самихъ себя, что они находятъ удовольствіе въ трудѣ и потому дѣлаютъ все въ десять разъ лучше и скорѣе, нежели бѣдные наемные и невѣжественные земледѣльческіе работники Англіи, которые не имѣютъ никакого интереса къ землѣ и не видятъ ничего въ будущемъ какъ вѣчно оставаться работниками, получающими отъ семи до девяти шиллинговъ въ недѣлю; лучше даже нежели англійскіе арендаторы, нанимающіе чужую землю, не имѣющіе часто опредѣленнаго контракта, необезпеченные относительно своихъ затратъ на землю и потому не заботящіеся о землѣ и строеніяхъ, а старающіеся только извлечь изъ нихъ, какъ можно болѣе при возможно меньшихъ издержкахъ» ¹⁾).

Въ томъ же духѣ выражается Говитъ, который, говоря о прирейнскихъ крестьянахъ, хотя и не упускаетъ изъ виду грубости ихъ орудій и несовершенства ихъ системы земледѣлыванія, тѣмъ не менѣе свидѣтельствуетъ, что при живительномъ вліяніи чувства собственности, эти крестьяне умѣютъ вознаграждать несовершенство своихъ земледѣльческихъ орудій упорнымъ трудомъ. Крестьяне, по его словамъ, боронуютъ поля и очищаютъ ихъ отъ дурной травы до тѣхъ поръ, пока они представляются совершенно ровными и чистыми, такъ что нельзя налюбоваться на собираемую ими жатву. «Поселяне, говоритъ онъ, не лишены большею частью, воздѣлываемой ими земли, какъ въ Англіи, гдѣ они совершенно зависятъ отъ труда, доставляемаго другимъ, — они сами собственники. Быть можетъ, благодаря этой причинѣ, они принадлежатъ къ самымъ промышленнымъ земледѣльцамъ въ мірѣ. Они работаютъ дѣлательно, начиная рано и кончая поздно, потому что чувствуютъ, что трудятся для себя. Нѣмецкіе

¹⁾ Kay «The social. condit and educ. of the people»; ч. 1, стр. 146.

крестьяне работают много; у каждого есть свой домъ, свой огородъ, свои деревья по краямъ дороги, которыя обыкновенно до того отягощены плодами, что ихъ должно подпирать и всѣми мѣрами сохранять, чтобы они не сломились. У него своя небольшая запашка, свой уголъ для свекловицы, для пеньки и т. д. Онъ самъ себѣ господинъ: и онъ и всѣ члены его семейства имѣютъ самыя побудительныя причины работать. Послѣдствія такого порядка вещей замѣтны, какъ въ той непрерывной дѣятельности, которая превосходитъ все доселѣ известное, такъ и въ бережливости, которая еще болѣе.... Они трудятся одинаково, каждый день, каждый годъ, и конечно, изъ всѣхъ работниковъ самыя терпѣливыя, самыя постоянныя... Нѣтъ часа въ году, въ который бы они не имѣли постоянного занятія. У нихъ есть работа въ самую глубокую зиму, когда время вовсе не позволяетъ выходить изъ дому. Они перевозятъ въ поля мерзлыя удобренія, очищаютъ ямы, или срубаютъ старыя и поврежденные фруктовыя деревья» ¹⁾. «Въ то время, какъ въ Англіи, говоритъ онъ далѣе, гдѣ преобладаютъ пастбища и большія фермы, какъ только хлѣбъ убранъ съ поля и сѣнокосы окончены, вся страна кажется погруженною, сравнительно, въ состояніе тишины и покоя; здѣсь же, напротивъ, заступъ и плугъ всегда и вездѣ находятъ себѣ дѣйствіе: то сажаютъ, то подрѣзываютъ, то полютъ, то жнутъ. У нихъ, какъ у огородниковъ, послѣдовательный рядъ жатвъ. У нихъ есть морковь, макъ, пенька, ленъ, рѣпа, медунка (луцерна), капуста, радисы, рѣдка бѣлая и шведская, земляныя груши, свекловица, пастернакъ, бобы и горохъ, кукуруза, сарачинское пшено, марена для мануфактуристовъ, картофель, значительные сборы табаку, проса. Большая часть продуктовъ въ этихъ маленькихъ наслѣдственныхъ хозяйствахъ обрабатывается подъ

¹⁾ Howitt «Rural and domestical life in Germany», стр. 27.

управленіемъ семейства. Всѣ эти растенія надо посѣять, очищать отъ травъ и насѣкомыхъ; большую часть ихъ надо косить, собирать. У нихъ свои искусственные луга: надо проводить воду, собирать ранніе плоды, зелень, нести ихъ на рынокъ; надо заботиться о скотѣ, телятахъ, жеребятахъ, о дворовой птицѣ; надо подрѣзывать виноградныя лозы, которыя въ лѣтніе жары роскошно разрастаются, срѣзывать листья, когда они слишкомъ сгущаются. Послѣ всего сказаннаго, можно себѣ представить, какая сцена непрерывнаго труда представляется глазамъ зрителя».

Эта картина неутомимаго прилежанія и страстной привязанности къ землѣ оправдывается также и относительно Швейцаріи. «Въ какую сторону ни обратишься въ окрестностяхъ Цюриха, говоритъ англійскій путешественникъ Инглисъ, всюду бываешь пораженъ необыкновенною дѣятельностью жителей, и если трудъ собственника вознаграждается здѣсь въдесятеро, то нельзя не признать, что онъ вполнѣ заслуживаетъ этого. Хотя Цюрихскій народъ вообще славится своимъ прилежаніемъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности; но въ особенности относительно дѣятельности, проявляемой въ обработкѣ земли, можно смѣло сказать, что онъ не имѣетъ соперниковъ. Когда я открывалъ окно между четвертымъ и пятымъ часомъ утра, чтобы посмотреть вдаль на озеро и Альпы, я примѣчалъ земледѣльца въ поляхъ; когда я возвращался съ моей вечерней прогулки, много спустя по заходѣ солнца, земледѣлецъ былъ еще тамъ.... Почти каждое поле, садъ, огородъ, почти каждое дерево, растеніе, цвѣтокъ, носятъ на себѣ слѣды самой поразительной заботливости и прилежанія». Тотъ же самый писатель слѣдующимъ образомъ отзывается объ Энгадинѣ, одной изъ отдаленныхъ долинъ Альповъ, гдѣ земля исключительно принадлежитъ крестьянамъ. «Страна не въ состояніи получить лучшей обработки, нежели та какою пользуется эта

мѣстность. Все, что только можетъ придумать прилежаніе и крайняя любовь къ барышу, сдѣлано для нея. Во всемъ Энгадинѣ, самая низшая часть котораго не ниже Снодона, нѣтъ ни одного фута пустующей земли. Гдѣ только можетъ расти трава, тамъ она растетъ; гдѣ скала можетъ держать какое-нибудь растеніе, вы видите его на немъ, гдѣ только можетъ созрѣть колосъ ржи, вы его найдете. Ячмень и овесъ также имѣютъ свое мѣсто, и гдѣ только можетъ взойти небольшое количество пшеницы, тамъ сдѣлана попытка обработать ее¹⁾.

Какъ приведенныя нами подробности, такъ и множество другихъ, встрѣчаемыхъ у различныхъ писателей примѣровъ, свидѣтельствующихъ о самомъ рачительномъ воздѣлываніи земли, о неутомимомъ прилежаніи и находчивости крестьянъ-собственниковъ, употребляющихъ съ пользою всѣ свободныя часы и минуты, чтобы сколько-нибудь увеличить будущій доходъ своего участка, служатъ неопровержимыми доказательствами, что относительно степени энергіи, разумности и слѣдовательно успѣшности труда, обработка крестьянами-собственниками въ значительной мѣрѣ превосходитъ всѣ остальные виды обработокъ. Этимъ главнымъ образомъ объясняется то замѣчательное явленіе, что всѣ отрасли земледѣльческаго производства, успѣхъ которыхъ преимущественно зависитъ отъ качества, постоянства и энергіи труда, могутъ процвѣтать только подъ заботливою и трудолюбивою рукою крестьянина-собственника. Въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ соперниковъ и потому повсемѣстно, гдѣ господствуетъ садоводство, огородничество, винодѣліе, шелководство, обработка различныхъ промышленныхъ растеній, крестьянинъ-собственникъ, если только ему не препятствуютъ общественныя учрежденія и законы, вытѣсняетъ всякую другую обработку. Отсюда такъ

¹⁾ Inglis «Switzerland and South of the France», т. 1, гл. 2, 8 и 10.

же объясняется другой не менѣе очевидный фактъ, что во всѣхъ скудно одаренныхъ мѣстностяхъ, гдѣ природа, повидимому, отказалась отъ всякой производительности, земледѣліе можетъ возникнуть только при помощи всепреоборающей дѣятельности крестьянъ-собственниковъ, которые находятъ въ себѣ достаточныя силы торжествовать не только надъ скудостью природы, но и надъ недостаткомъ средствъ, несовершенствомъ орудій, невѣдѣніемъ ученыхъ теорій. Въ этомъ насъ убѣждаютъ, какъ только что приведенные примѣры, такъ и тѣ, которые заимствовали мы изъ трактата о фламандскомъ земледѣліи, говоря о Бельгіи (см. стр. 284), которые особенно поучительно свидѣтельствуютъ о способахъ, употребляемыхъ крестьянами-собственниками для оплодотворенія земель, повидимому, самыхъ бесплодныхъ и неблагодарныхъ. Если же истина этихъ двухъ фактовъ не подвержена ни малѣйшему сомнѣнію, то достаточно уже ихъ, чтобы имѣть законное право съ полною увѣренностью утверждать, что мелкая обработка крестьянами-собственниками далеко не такъ невыгодна и непроизводительна, какъ утверждаютъ защитники большой обработки и собственности, и что существованіе ея, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, вполне оправдывается съ экономической точки зрѣнія, ибо обеспечивая счастливое существованіе значительному классу лицъ, она вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ общей народной производительности и слѣдовательно общему народному доходу.

Но, если мелкая обработка крестьянами-собственниками представляетъ несомнѣнныя и неоспоримыя преимущества относительно свойствъ и качествъ индивидуальнаго труда, то, повидимому, въ не столь благопріятномъ видѣ является она въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно приложеніе принципа раздѣленія труда. Очевидно, что работники, особенно отличающіеся въ какой-нибудь отдѣльной части, какъ, напр., плугари, молотиль-

щики, конюхи, пастухи, овчары, молочницы и т. д. могутъ вполне развить свою дѣятельность только въ большихъ хозяйствахъ. Отсюда заключаютъ, что всѣ работы, вслѣдствіе раздѣленія труда, совершаются на большихъ хозяйствахъ лучше, нежели на малыхъ.

Дѣйствительно, нельзя не признать громаднаго значенія и поразительныхъ результатовъ раздѣленія труда въ области промышленнаго производства. Это важное значеніе Адамъ Смитъ объясняетъ тремя главными причинами. Во первыхъ, постоянное и продолжительное повтореніе одной и той же операціи порождаетъ мало по малу въ фабричномъ работникѣ необыкновенную ловкость, быстроту и увѣренность въ его спеціальной работѣ — качества, которыхъ никогда не можетъ достигнуть обыкновенный ремесленникъ, занимающійся приготовленіемъ цѣлаго предмета, состоящаго изъ различныхъ частей. Далѣе, раздѣленіе труда избавляетъ отъ неизбѣжной потери времени при переходѣ отъ одного занятія къ другому, и наконецъ, исключительное занятіе простыми, постоянно повторяющимися операціями, научаетъ самому лучшему и быстрому способу исполненія ихъ, потому что все вниманіе работника сосредоточено на его спеціальной работѣ.

Но эти чрезвычайныя экономическія выгоды раздѣленія труда, не обходящіяся, впрочемъ, въ промышленной области безъ важныхъ неудобствъ и унижающія иногда человека до степени простой машины, далеко не имѣютъ такого обширнаго значенія въ земледѣліи, и уже по самой природѣ вещей никогда не могутъ быть приложены къ нему въ тѣхъ размѣрахъ и съ тѣмъ успѣхомъ, какъ въ фабричномъ производствѣ. Земледѣліе не допускаетъ, чтобы обработка различныхъ растений становилась предметомъ отдѣльныхъ операцій. Напротивъ, въ противоположность фабричному производству, оно требуетъ, чтобы, сообразно временамъ года и качествамъ почвы, изъ земли извлекалось

возможно большее разнообразіе продуктовъ, которое способствовало бы поддержанію производительной силы почвы, а также доставляло работникамъ возможность труда въ теченіе цѣлаго года; ибо иначе они оставались бы въ бездѣйствіи, что значительно увеличивало бы издержки производства. Вслѣдствіе этого, трудъ, обращенный на производство различныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, бываетъ въ высшей степени кратковременный, перерывчатый, разнообразный. Невозможно, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ постоянно сѣялъ, другой пахалъ, третій молотилъ или жалъ, и такимъ образомъ усвоилъ себѣ всѣ выгоды раздѣленія труда, отличающія фабричнаго работника, который, напримѣръ, въ соединеніи съ другими работниками, ежедневно приготовляетъ 48,000 булавокъ, между тѣмъ какъ работая отдѣльно безъ раздѣленія труда, онъ могъ бы приготовить не болѣе двадцати.

Итакъ, хотя можно признать, что большія хозяйства имѣютъ нѣкоторое преимущество надъ малыми относительно раздѣленія труда, но это преимущество никоимъ образомъ не должно быть преувеличиваемо и поставляемо слишкомъ высоко; ибо при малыхъ хозяйствахъ оно богато вознаграждается нравственными преимуществами, порождаемыми разнообразіемъ труда, вслѣдствіе чего многочисленный и важный классъ общества не обращается въ простую машину, работающую механически, но думаетъ и обсуждаетъ каждый свой шагъ, и такимъ образомъ, сохраняя свое человѣческое достоинство, оказываетъ весьма важное вліяніе на результаты производства.

Какъ ни велико, впрочемъ, значеніе труда въ дѣлѣ земледѣльческаго производства, но успѣхъ земледѣльческихъ предпріятій зависитъ не отъ него одного. Не менѣе важную роль играетъ капиталъ, нерѣдко составляющій даже главную пружину и главное мѣрило производительности земледѣльческихъ предпріятій. Участіе капитала въ производствѣ земледѣльче-

скихъ богатствъ можетъ проявляться въ различныхъ видахъ; именно: во первыхъ, въ видѣ капитала поземельнаго, состоящаго изъ всѣхъ издержекъ, затраченныхъ въ теченіе времени для поддержанія земли въ хорошемъ состояніи или для доставленія ей, посредствомъ орошеній, осушеній и другихъ подобныхъ улучшеній, условій, необходимыхъ для богатаго и обильнаго производства; во вторыхъ, въ видѣ капитала оборотнаго, состоящаго изъ машинъ, орудій, животныхъ силъ, удобреній, сѣмянъ и т. д.; наконецъ въ третьихъ, въ видѣ капитала нравственнаго и умственнаго, совершенствующагося при помощи опыта, размышленія, изученія и заключающагося въ предпримчивости, оборотливости, практическихъ и научныхъ свѣдѣніяхъ. Понятно, какъ важно изучить вліяніе обработки крестьянами-собственниками въ этихъ различныхъ отношеніяхъ.

Судя по мнѣнію большинства англійскихъ экономистовъ и агрономовъ, вліяніе мелкой обработки на приложеніе различного рода капиталовъ въ высшей степени неблагопріятное. Они считаютъ неопровержимою истиною, что существованіе мелкой собственности и обработки необходимо обусловливаетъ недостатокъ капиталовъ, недостатокъ предпримчивости и недостатокъ самыхъ обыкновенныхъ земледѣльческихъ знаній. У нихъ по этому поводу сложилась даже слѣдующая экономическая поговорка: «Small farms, small capital and profound ignorance in the arts of agriculture». Такое неблагопріятное вліяніе мелкой собственности нѣкоторые писатели стараются объяснить тѣмъ, что раздробленіе поземельной собственности препятствуетъ быстрому образованію и накопленію капиталовъ. Быстрое образованіе и накопленіе капиталовъ, говорятъ они, возможно только при большой собственности и обработкѣ; потому что лица, получающія значительный доходъ, легче могутъ откладывать и сберегать, нежели тѣ, которыя весь свой доходъ главнымъ образомъ должны употреблять на поддержа-

ніе своего ежедневнаго существованія. Но эта возможность не болѣе какъ теоретическая, которая въ дѣйствительности нисколько не обезпечиваетъ еще большой собственности преимуществъ относительно образованія и приложенія къ земледѣлію болѣе значительныхъ капиталовъ. Вѣковой опытъ показываетъ, что богатые землевладѣльцы, вслѣдствіе своего общественнаго положенія, болѣе склонны употреблять большую часть своихъ доходовъ на предметы роскоши и на удовлетвореніе своихъ многочисленныхъ потребностей, а не на дѣйствительныя нужды земледѣльческаго производства. Напротивъ, мелкіе собственники, по всеобщему свидѣтельству, какъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться далѣе, отличаются постоянною бережливостью, экономностью и самымъ благоразумнымъ употребленіемъ своихъ небольшихъ излишковъ. Понятно, почему весьма часто небольшія суммы мелкихъ землевладѣльцевъ, взятые въ совокупности, образуютъ на равномъ пространствѣ болѣе значительныя количества и чаще употребляются на непосредственныя издержки для улучшенія земледѣлія. Это доказывается быстрымъ развитіемъ земледѣлія во всѣхъ странахъ, гдѣ поземельная собственность раздроблена, что невозможно было бы безъ капиталовъ и сбереженій. «Я не знаю, говоритъ Ж. Б. Сэй, не находится ли на мелкихъ крестьянскихъ участкахъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Швейцаріи и Германіи на равномъ пространствѣ земли столь же значительной капитальной цѣнности, сколько на самыхъ большихъ фермахъ Англіи» ¹⁾. Извѣстно далѣе, что во Франціи, Бельгіи, Испаніи, Пруссіи, Италіи наиболѣе процвѣтающія въ земледѣльческомъ отношеніи мѣстности суть тѣ, гдѣ преобладаетъ мелкая крестьянская собственность. По словамъ Вирта, накопленіе капиталовъ въ Германіи идетъ гораздо быстрѣе въ странахъ, гдѣ господству-

¹⁾ J. B. Say «Cours complet d'econ. politique», ч. 1. стр. 242.

еть мелкая собственность, какъ, напр., на Рейнѣ, въ Саксоніи, нежели въ Ганноверѣ, Мекленбургѣ, Старой Баваріи, гдѣ поземельная собственность болѣе сосредоточена ¹⁾. Всѣ эти факты не покажутся намъ непонятными, если мы сообразимъ, какія условія наиболѣе содѣйствуютъ образованію и размноженію капиталовъ. Капиталъ, по словамъ политической экономіи, есть ничто иное какъ накопленный трудъ. Чѣмъ болѣе разныхъ продуктовъ остается въ странѣ отъ одного года къ другому, отъ одного поколѣнія къ другому, тѣмъ болѣе растеть сумма народнаго капитала. Тутъ два необходимыхъ условія: во первыхъ, народъ долженъ какъ можно болѣе трудиться, и во вторыхъ, онъ долженъ какъ можно болѣе сберегать продуктовъ своего ежедневнаго труда для будущихъ временъ и поколѣній. Другими словами: первое условіе состоитъ въ абсолютномъ, безотносительномъ возрастаніи производства; второе — въ сравнительномъ возрастаніи производства по отношенію къ потребленію. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, мелкая крестьянская собственность, побуждающая къ самому энергическому и неутомимому труду, къ самой тщательной бережливости и къ самой разумной затратѣ сбереженій, является наиболѣе полезною. Нѣтъ болѣе могучаго побужденія къ труду и бережливости, какъ желаніе пріобрѣсти, улучшить или расширить свою поземельную собственность. А если такъ, то слѣдовательно нѣтъ болѣе вѣрнаго средства содѣйствовать увеличенію капиталовъ въ странѣ, какъ облегчая возможно большому числу людей доступъ къ поземельной собственности. Надобно, чтобы люди, принадлежащіе къ работающимъ классамъ, были оживляемы и поощряемы въ трудѣ своемъ, одни — надеждою пріобрѣсти поземельную собственность; другіе — желаніемъ улучшить собственность уже пріобрѣтенную. Тогда

¹⁾ Wirth «Grundzüge der National-Oekonomie», 1859, т. 2 стр 169.

только можно надѣяться, что количество капиталовъ будетъ дѣйствительно быстро возрастать въ странѣ. Очевидно, что существованіе большихъ помѣстій не составляетъ еще вѣрнаго ручательства, что земледѣліе необходимо будетъ совершаться съ болѣе значительными капиталами; напротивъ, скорѣе можно предположить совершенно противное, если обратить вниманіе на то, что при существованіи мелкой обработки, рабочая сила многочисленнаго, разумнаго и дѣятельнаго класса самостоятельныхъ собственниковъ и ихъ семействъ доставляетъ землѣ значительный суррогатъ капитала и тѣмъ самымъ уже вызываетъ болѣе интензивное и развитое хозяйство; между тѣмъ какъ большая обработка, именно вслѣдствіе сбереженія труда, весьма часто принуждена бываетъ прибѣгать къ нехозяйственнымъ способамъ обработки, напр. къ трехпольному хозяйству и къ пастбищной системѣ.

Другое доказательство того, что мелкіе землевладѣльцы доставляютъ менѣе капиталовъ земледѣлію, нежели крупные, стараются отыскать въ ограниченности средствъ крестьянина. Мелкіе собственники, говорятъ, тѣснимые нуждою, нерѣдко бываютъ принуждаемы дѣлать весьма невыгодные займы, платить огромные проценты, и такимъ образомъ, впадая въ неоплатные долги, содѣйствуютъ обремененію земли громадными долгами. Съ особенною силою нападаютъ на ту, будто бы свойственную всѣмъ крестьянамъ ошибку, что они, побуждаемые желаніемъ округлить свой небольшой участокъ, покупаютъ землю за чрезвычайно высокія цѣны, далеко превосходящія ихъ средства, надѣясь уплатить ихъ посредствомъ усиленнаго труда и сбереженія. Понятно, прибавляютъ, что они съ трудомъ уплачиваютъ издержки и процентъ отъ занятаго на тяжелыхъ условіяхъ капитала; потомъ—случается ли неурожай, появится ли падежъ скота, и они погружаются все болѣе и болѣе въ долги. Въ то время, какъ разумъ совѣтуетъ

имъ продать свой участокъ, самолюбіе и тщеславіе удерживаютъ ихъ на этомъ трудномъ пути, что по необходимости приводитъ ихъ къ экспроприаціи и разоренію. Въ совершенно иномъ положеніи находятся, по мнѣнію тѣхъ же писателей, крупные землевладѣльцы, которые, благодаря своимъ обширнымъ помѣстьямъ, пользуются большею извѣстностью, довѣріемъ, слѣдовательно кредитомъ, а потому могутъ дѣлать займы на несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Но одна возможность болѣе выгодныхъ займовъ далеко не служитъ еще рѣшительнымъ доводомъ въ пользу большой собственности. Здѣсь весьма важно опредѣлить, на сколько эти займы дѣйствительно употребляются производительнымъ образомъ. Извѣстно же, что займы большихъ собственниковъ только въ случаяхъ самой крайней необходимости употребляются на дѣйствительныя нужды земледѣлія; большею же частью тратятся самымъ непроизводительнымъ образомъ для совершенно другихъ цѣлей. Напротивъ, мелкіе собственники, если и пользуются каждымъ случаемъ занять необходимыя суммы, то употребляютъ ихъ почти всегда на улучшеніе земли, необходимыя постройки или на расширеніе своихъ участковъ, соблюдая при томъ въ употребленіи ихъ самую тщательную экономію и бережливость. Что же касается до того, что мелкіе владѣльцы, увлекаемые страстью къ поземельной собственности, впадаютъ иногда въ затруднительное положеніе, то подобные случаи бывають не только при малой, но и при большой собственности. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что крестьяне совершаютъ подобныя покупки большею частью тогда только, когда онѣ дѣйствительно выгодны и полезны; ибо въ небольшихъ имѣніяхъ, расширеніе участка служитъ къ прямому увеличенію доходовъ безъ всякихъ почти издержекъ производительности, за исключеніемъ покупной цѣны. Крестьянинъ, владѣющій землею, обыкновенно имѣетъ на ней главныя хозяйственныя

строения, скотъ, земледѣльческія орудія и т. д., и покупая новый клочекъ земли, онъ можетъ обрабатывать его тѣми же средствами, безъ всякаго увеличенія издержекъ производства. Притомъ это стремленіе, содѣйствуя сосредоточенію многихъ клочковъ земли въ однѣхъ рукахъ, служитъ тѣмъ самымъ значительнымъ препятствіемъ къ сильному раздробленію почвы. Очевидно, что займы, сдѣланные съ подобною цѣлью, суть самыя полезныя, и, если не случится особыхъ несчастій, которыхъ не можетъ предвидѣть человѣческій разумъ, всегда доставляютъ возможность крестьянину съ выгодною выплатить ихъ.

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему мы не только не можемъ согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что мелкіе собственники чрезмѣрно обременяютъ землю долгами, но напротивъ, согласно съ фактами, рѣшаемся даже утверждать совершенно противное, именно: что большіе землевладѣльцы болѣе обременяютъ землю долгами, нежели мелкіе. Правда, противъ мелкой собственности приводятъ обыкновенно въ примѣръ Францію, почву которой будто бы мелкіе собственники обременили такими чрезмѣрными долгами, какихъ не встрѣчается ни въ какой другой странѣ. Но это мнѣніе совершенно ошибочно. Хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи поземельные долги весьма значительны, но подобные случаи, по словамъ Пасси, составляютъ рѣдкія исключенія, и въ общей массѣ поземельная собственность во Франціи обременена долгами менѣе, нежели въ другихъ странахъ Европы. По увѣренію этого писателя, общая сумма обеспеченныхъ недвижимою собственностью долговъ во Франціи простирается до 12 милліардовъ, изъ коихъ половина, частью заключается въ ручательствахъ по займамъ, частью же уплачена, но не исключена изъ общей суммы; такъ что сумма дѣйствительныхъ долговъ, подлежащихъ уплатѣ, не превышаетъ шести милліардовъ и составляетъ, слѣдовательно, только девятую часть общаго поземель-

наго капитала, ибо французская недвижимая собственность вмѣстѣ съ городскими и сельскими строениями цѣнится въ 50 милліардовъ. Долгъ собственно поземельный еще бы уменьшился, если бы отдѣлить отъ него долгъ, лежащій на собственности, заключающейся въ постройкахъ, который гораздо выше чисто поземельнаго долга. Въ то же время на капиталъ недвижимой собственности лежало долговъ въ Германіи отъ 30 до 50⁰/₀; въ Англіи до 50, въ Шотландіи и Ирландіи еще болѣе ¹⁾. Очевидно, какъ несправедливо упрекать мелкую собственность въ чрезмѣрномъ обремененіи земли долгами. Если она и платитъ иногда сравнительно большій процентъ, то это потому что для нея поземельный кредитъ сливается съ земледѣльческимъ, т. е. занятый капиталъ играетъ въ одно и то же время роль капитала основнаго и оборотнаго, и если та часть его, которая превращается въ основное помѣщеніе, приноситъ не болѣе трехъ процентовъ дохода, то за то остальная часть, пущенная въ ходъ, какъ оборотный капиталъ приноситъ восемь и десять процентовъ.

Но, хотя и несправедливо утверждать, что мелкая собственность болѣе обременяетъ землю долгами, чѣмъ крупная, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ настоящее время въ Бельгіи, Франціи, Ломбардіи и въ другихъ мѣстахъ мелкая соб-

¹⁾ Струкова «О поземельномъ владѣніи и пользованіи», приложение къ Землед. Газетѣ 1858.—По словамъ Воловскаго, въ ежегодно заключаемыхъ ссудныхъ операціяхъ во Франціи, большіе займы играютъ преобладающую роль. Воловскій «О поземельномъ кредитѣ»; Сельс. Благ. 1858, № 1.—Въ дешевые 1820—30 годы въ провинціи Пруссіи около 80⁰/₀ всѣхъ дворянскихъ помѣстій подверглись секвестру и публичной продажѣ, сравнительно гораздо болѣе, нежели имѣнія мелкихъ владѣльцевъ. Въ Помераніи изъ 1600 дворянскихъ помѣстій было продано съ публичнаго торгу 1300. Въ Курмаркѣ въ 1827 году дворянскія помѣстья были обременены долгами до ⁷/₉ своей стоимости, крестьянскія же только до 21⁰/₀. Bülow «Der Staat und der Landbau», стр. 31.

ственность дѣйствительно терпитъ значительныя стѣсненія и неудобства, вслѣдствіе недостатка кредита, чему можно помочь только посредствомъ устройства хоршей кредитной системы. Пользоваться правомъ ипотеки, занимать подъ свою собственность для ея улучшенія, составляетъ существенную необходимость всякой поземельной собственности; но до сихъ поръ мелкая собственность почти повсемѣстно находилась въ этомъ отношеніи въ самомъ неблагопріятномъ положеніи. Это происходило отъ недостатка кредитныхъ учрежденій, которыя, если и существовали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно существовали для большихъ землевладѣльцевъ. Поэтому не удивительно, что мелкимъ поземельнымъ собственникамъ не разъ приходилось занимать за проценты далеко превосходящіе уровень обыкновенныхъ. Облегченіе поземельнаго кредита для мелкой поземельной собственности было бы поэтому истиннымъ благодѣяніемъ для земледѣлія въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаетъ мелкая крестьянская обработка, и общій фактъ привязанности крестьянина къ землѣ, а также бережливость, свойственная ему, служатъ лучшими ручательствами, что подобное облегченіе кредита послужитъ къ дѣйствительному улучшенію земледѣльческаго производства и принесетъ несравненно бѣльшую пользу земледѣлію, нежели это было при большихъ помѣстьяхъ.

Такимъ образомъ доказать, что большія помѣстья на равномъ пространствѣ употребляютъ болѣе значительное количество капиталовъ, невозможно. Напротивъ, скорѣе можно согласиться на другой доводъ, приводимый въ пользу большой собственности и обработки, именно: что она пользуется значительными преимуществами и выгодами относительно приложенія и затраты капиталовъ. Трудно спорить противъ того, что большая обработка экономичнѣе малой относительно сельско хозяйственныхъ строеній и принадлежностей разнаго рода, потому

что однѣ и тѣ же издержки распредѣляются на большей поверхности. Такъ, обработка помѣстья во сто десятинъ требуетъ одну житницу, ригу, конюшню, одинъ господскій домъ и дворъ, однѣ и тѣ же земледѣльческія орудія, скотъ и матеріалы разнаго рода; между тѣмъ какъ если то же пространство раздроблено между десятью или пятнадцатью участками, то каждое хозяйство требуетъ своего обзаведенія, что значительно увеличиваетъ издержки производства. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что большой зажиточный хозяинъ можетъ сдѣлать нѣкоторыя сбереженія относительно издержекъ перевозки и охраненія, относительно покупокъ и сбыта произведеній, потому что онъ можетъ пользоваться болѣе удобнымъ временемъ; тогда какъ мелкій собственникъ, побуждаемый необходимостью, часто долженъ продавать свои произведенія тотчасъ же послѣ сбора, несмотря ни на какія условія. Но при обсужденіи этихъ выгодъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, не должно забывать, что большая часть этихъ выгодъ получается на счетъ благосостоянія прочихъ членовъ общества, что значительно уменьшаетъ благотворное народно-хозяйственное значеніе ихъ. Такъ, выгода, происходящая въ экономіи относительно издержекъ на сельско-хозяйственныя постройки, главнымъ образомъ основывается на большей потребности дорогихъ многочисленныхъ человѣческихъ жилищъ при малой обработкѣ; но эта выгода вполнѣ вознаграждается народно-хозяйственной пользою, проистекающею отъ большаго количества отдѣльныхъ и независимыхъ существованій. Тоже можно сказать относительно болѣе выгоднаго пріобрѣтенія и сбыта произведеній. Здѣсь также выгода получается на счетъ другихъ членовъ общества. Притомъ выгоды, проистекающія отъ этой экономіи значительно уменьшаются вслѣдствіе необходимыхъ при большихъ помѣстьяхъ издержекъ для дорого стоящаго наздора и присмотра, который поглощаетъ значительную

часть дохода и никогда не можетъ достигнуть того, чего достигаетъ собственный присмотръ мелкаго собственника, лично заинтересованнаго въ пользованіи малѣйшею выгодною и, который, работая наряду съ своимъ батракомъ, собственнымъ своимъ примѣромъ побуждаетъ его къ подобной же дѣятельности.

Еще болѣе важное и существенное возраженіе противъ мелкой собственности состоитъ въ томъ, что она не можетъ пользоваться различными усовершенствованными орудіями и машинами, сберегающими время и трудъ, не можетъ совершать различныхъ улучшеній почвы посредствомъ оплодотворенія луговъ, осушенія болотистыхъ мѣстъ, орошенія сухихъ, не можетъ, наконецъ, заводить нѣкоторыхъ побочныхъ промысловъ, какъ, на примѣръ, винокуренныхъ и сахароварныхъ заводовъ, столь благопріятно дѣйствующихъ на земледѣльческую промышленность, но требующихъ затраты значительныхъ капиталовъ, а главное большихъ пространствъ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что большія хозяйства имѣютъ въ этомъ отношеніи значительныя удобства и преимущества, тѣмъ не менѣе трудно доказать, чтобы мелкая собственность была вполнѣ лишена возможности достигать подобныхъ же результатовъ при нѣсколько болѣе сложныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ. Напротивъ, факты, представляемые хозяйствомъ различныхъ странъ Европы, служатъ въ этомъ отношеніи лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу мелкой обработки и доказываютъ, что эта возможность не есть только теоретическая, но въ значительной степени нашла себѣ приложеніе въ дѣйствительной жизни. Такъ, на примѣръ, самыя сложныя и дорогія работы относительно орошенія луговъ и земель существуютъ нынѣ въ тѣхъ частяхъ Европы, гдѣ земля наиболѣе раздроблена и находится въ рукахъ мелкихъ владѣльцевъ. Рейхеншпергеръ приводитъ въ примѣръ равнины въ окрестностяхъ Валенсіи, многіе департаменты южной Франціи, особенно Воклюзскій и устье Роны, Ломбар-

дію, Тоскану, округа Сіенны, Лукки и Бергамо, Піемонтъ и нѣкоторыя части Германіи ¹⁾. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ земля чрезвычайно раздроблена и, несмотря на то, во всѣхъ введены дорогія системы общаго орошенія, и эти системы, поддерживаемыя въ настоящее время самыми мелкими владѣльцами, указываютъ, до какой степени они въ состояніи посредствомъ товариществъ и компаній исполнять работы, требующія значительной затраты капитала и пользоваться улучшениями необходимыми для успѣховъ земледѣлія. Между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ мѣстахъ, гдѣ господствуетъ большая собственность: въ Кастиліи, въ римской Кампаніи, Венгріи, Ирландіи, во многихъ провинціяхъ Испаніи и Португаліи, какъ то въ Эстремадурѣ, Альгарвіи, въ значительной части Алентейо и такъ далѣе, орошеніе или вовсе не существуетъ, или, если и было основано при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, то предоставлено совершенному упадку.

Другіе примѣры также свидѣтельствуютъ въ этомъ отношеніи въ пользу мелкой обработки. На Британскихъ островахъ, говоритъ Торнтонъ, между мелкими владѣльцами повсемѣстно употребляется плугъ, называемый «la grande quegue», столь большой и громоздкій, что часто для того, чтобы тащить его, употребляютъ до восьми и десяти лошадей или воловъ. Весьма немногіе крестьяне столь богаты, чтобы владѣть подобнымъ плугомъ или необходимымъ для того количествомъ скота, тѣмъ не менѣе самыя бѣдныя легко пользуются имъ при помощи сосѣдей ¹⁾. Во Франціи, по словамъ Лемерсье, въ особенности послѣ 1848 года, многіе небогатые собственники и фермеры весьма часто сообща покупали различныя машины, какъ-то молотилки, жатвенныя и такъ далѣе, и

¹⁾ Reichensperger «Die freie Agrarverfassung»; стр. 39. — Его же «Agrarfrage»; стр. 104. — Mill «Principes d'econ pol.», ч. 1, стр. 303.

¹⁾ Thornton «Plea for peasant-proprietors»; стр. 51.

при производствѣ работъ съобща помогали другъ другу ¹⁾. Но въ особенности любопытный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Швейцарія, гдѣ, какъ мы упомянули уже прежде, существуетъ множество товариществъ и компаній мелкихъ собственниковъ для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ земледѣльческихъ потребностей. Такъ, на примѣръ, тамъ существуютъ общества для покупки и пользованія машинами, компаніи для застрахованія противъ смертности скота, взаимныя страхованія отъ огня и града, компаніи для боя скота и продажи мяса, компаніи для выдѣлки сыра и продажи молока. Во многихъ общинахъ встрѣчаются даже общественныя хлѣбопекарни, кузницы, прессы для винограда и такъ далѣе ²⁾. Въ какихъ значительныхъ размѣрахъ могутъ производиться операціи посредствомъ подобныхъ ассоціацій, можно видѣть изъ примѣра, приводимаго Делавернемъ, относительно выдѣлки сыровъ въ горахъ Юры во Франціи. Во Франшъ-Конте, говоритъ онъ, считается около 800 сырень, производящихъ 8 милліоновъ кил. сыра. Всѣ эти сырни организованы на началѣ свободной ассоціаціи мелкихъ собственниковъ. Производство, требующее разомъ 300 литровъ молока, повидимому, несовмѣстимо съ раздробленіемъ поземельной собственности. Но это затрудненіе исчезаетъ передъ сознаніемъ общаго интереса. Иногда для устройства одной сырни нужно соединить отъ 50 до 60 товарищей, изъ коихъ каждый владѣетъ одною, много двумя, тремя коровами. Во всемъ господствуетъ совершенный порядокъ. Кто рѣшился бы налить воды въ свое молоко, тотъ навсегда исключается изъ всякаго рода обществъ и слѣдовательно бываетъ разоренъ. Все придумано самымъ разумнымъ образомъ, чтобы возратить всякому все, чтò принадлежитъ ему, даже

¹⁾ Lemerrier «Etudes sur les associations ouvrières»; стр. 192.

²⁾ Мелкія хозяйства въ Швейцаріи, Землед. Газета 1858. № 79.

относительно самыхъ малыхъ доходовъ молочнаго производства ¹⁾). Подобныя же ассоціаціи существуютъ въ гористой мѣстности Ломбардіи и въ Швейцаріи. «Каждый приходъ въ Швейцаріи, говоритъ Ленгъ, нанимаетъ особаго человѣка, обыкновенно уроженца Грюйеры, въ Фрибургскомъ Кантонѣ, для присмотра за стадами и для производства сыра. На 40 коровъ обыкновенно полагается нужнымъ имѣть одного дѣлателя сыра, помощника и пастуха. У cadaго хозяина коровъ, есть книжка, въ которой каждый день отмѣчается, сколько молока дано каждой коровой. Дѣлатель сыра и его помощники доятъ коровъ, сливаютъ молоко вмѣстѣ, дѣлаютъ изъ него сыры, и въ концѣ лѣта каждый владѣлецъ получаетъ количество сыра, соразмѣрно тому, сколько молока дали его коровы. Вслѣдствіе этого товарищества, поселянинъ вмѣсто маленькихъ, негодныхъ на продажу сыровъ, какіе могъ бы дѣлать изъ молока трехъ или четырехъ коровъ, получаетъ большіе, годные на продажу сыры лучшаго качества, потому что они производятся людьми исключительно тѣмъ занимающимися. Сырникъ и его помощники получаютъ извѣстную плату съ каждой коровы, или иногда сами нанимаютъ коровъ у хозяевъ и платятъ за это деньгами или сыромъ ¹⁾).

Всѣ эти примѣры очевидно доказываютъ, что обработка крестьянами-собственниками не заключаетъ въ себѣ непреодолимыхъ препятствій относительно возможности приложенія капиталовъ въ значительныхъ размѣрахъ съ цѣлью совершенія важнѣйшихъ агрономическихъ улучшеній, обнимающихъ разномъ значительныя пространства земель, какъ, на примѣръ, производства дренажа, орошенія луговъ и вообще другихъ предпріятій, требующихъ содѣйствія значительнаго количе-

¹⁾ De Laverigne «Economie rurale de la France»; стр. 144.

²⁾ Laing's Notes of a Traveller etc. стр. 15.

ства рабочихъ силъ. Ничто не препятствуетъ мелкимъ землевладѣльцамъ соединяться въ товарищества и общими силами въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ предпринимать различныя сельско-хозяйственныя улучшенія, возможныя только на большихъ пространствахъ и при значительныхъ капиталахъ. Ничто не препятствуетъ имъ сообща пріобрѣтать различныя орудія и машины, имѣть общіе магазины для склада припасовъ, производить сообща продажу произведеній, имѣть общую мельницу, молотильню, общую печь, словомъ пользоваться большею частью выгодъ и преимуществъ, свойственныхъ большой обработкѣ. Хорошіе законы о дренажѣ и ирригаціи могутъ всегда доставить имъ возможность сообща производить и у себя эти работы, а кредитъ всегда можетъ снабдить ихъ необходимыми для этого капиталами. Правда, доселѣ свободная ассоціація въ дѣлѣ земледѣльческаго производства не получила еще значительнаго развитія даже въ странахъ наиболѣе замѣчательныхъ по своему агрономическому развитію. Это произошло отъ недостатка взаимнаго довѣрія, отъ страсти къ обособленію и независимости, особенно сильной послѣ столь недавняго уничтоженія крѣпостнаго права; но главнымъ образомъ отъ трудности согласить интересы и желанія, права и обязанности значительнаго числа лицъ. Но всѣ эти препятствія особенно важны только въ началѣ. По мѣрѣ же распространенія ассоціацій, при видѣ благотѣльныхъ послѣдствій, которыя вытекаютъ изъ этого плодотворнаго начала, и при большемъ сознаніи, что индивидуализмъ, изолирующій силы, составляетъ нерѣдко причину слабости, препятствія эти не замедлятъ ослабѣть; тѣмъ болѣе, что тому же результату содѣйствуетъ постоянно возрастающее образованіе, вслѣдствіе повсемѣстнаго основанія земледѣльческихъ школъ въ Германіи, Швейцаріи, Франціи, Бельгіи и Голландіи. Образованіе не замедлитъ породить въ крестьянахъ болѣе ясное

сознаніе собственныхъ выгодъ, проистекающихъ отъ соединенія ихъ въ подобныя предпріятія, для приведенія въ дѣйствіе которыхъ необходима соединенная сила значительныхъ капиталовъ. Вмѣстѣ же съ бѣльшимъ приложеніемъ принципа ассоціаціи, мелкая собственность можетъ достигнуть неизвѣданной доселѣ степени развитія и будетъ составлять форму земледѣльческаго производства, въ которой энергія личнаго труда, свобода собственности и справедливость распределенія богатствъ будутъ соединяться съ выгодами совокупнаго производства и потребленія Ассоціація, ежедневно совершающая новыя чудеса въ области промышленности, не отнимая у крестьянина его собственности, можетъ доставить ему преимуществъ большой обработки и подкрѣпить его теперешнее одинокое положеніе. Всѣ эти мелкіе собственники, соединивши усилія, могутъ упростить трудъ, избѣгнуть ненужныхъ издержекъ, предпринять различныя улучшенія, увеличить свои произведенія и такимъ образомъ, сообща достигнуть того, что невозможно было для каждаго въ отдѣльности. Этимъ способомъ можетъ быть сохранено раздѣленіе поземельной собственности, столь благопріятное во многихъ отношеніяхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можно избѣгать тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, которыя проистекаютъ иногда отъ чрезмѣрнаго раздробленія обработки.

«Ассоціація, говоритъ Росси, въ особенности могла бы быть легко и съ выгодною примѣнена къ обработкѣ хлѣбныхъ, корнеплодныхъ, смолистыхъ и красильныхъ растеній, къ пастбищамъ и лѣсамъ, къ раздѣленію земли на разныя нивы и къ сбереженію лѣсовъ... Намъ кажется, что условія ассоціаціи слѣдуетъ измѣнять, согласно съ нравами и обычаями страны, съ родомъ культуры и съ свойствомъ продуктовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно было бы соединяться для того, чтобы изъ нѣсколькихъ мелкихъ владѣній составить большое

и препоручить фермеру, тогда какъ владѣльцы могли бы найти въ какомъ-нибудь фабричномъ дѣлѣ болѣе полезное приложеніе своего труда. Въ другомъ мѣстѣ можно будетъ устроить управленіе на общій счетъ подъ надзоромъ одного или нѣсколькихъ собственниковъ, вошедшихъ въ товарищество. Здѣсь могли бы сложиться только на покупку и общее употребленіе нѣкоторыхъ машинъ и орудій для обработки; тамъ—для устройства способовъ орошенія и распредѣленія водъ между заинтересованными сторонами. И мало ли что еще! Однажды пробудившись, умъ земледѣльца не замедлитъ отыскать тѣ виды ассоціацій, которые будутъ наиболѣе удобопримѣнимы къ мѣстнымъ обстоятельствамъ...

«Приложеніе этого принципа столь плодотворнаго въ дѣлѣ усовершенствованій и прогресса, было бы возможно и даже до извѣстной степени легко, если бы правительство и всѣ вліятельные люди, убѣдясь въ выгодахъ, которыя можетъ извлечь изъ этого общественный порядокъ и общественная экономія, употребили бы дѣйствительныя старанія на то, чтобы отстранить препятствія, противопоставляемыя ему предразсудками, невѣжествомъ и ложными системами.

«Къ несчастію, общество еще не вполне ясно понимаетъ условія этой задачи, къ которой оно призвано; поэтому и указываемый нами прогрессъ, не можетъ быть дѣломъ мгновеннымъ: это цѣль, къ которой мы приближаемся понемногу съ каждымъ днемъ. Между разрывомъ старыхъ узъ и добровольнымъ образованіемъ новыхъ, которыя, подъ вліяніемъ гражданского равенства, должны соединить и направить, согласно общей цѣли, индивидуальныя силы, необходимо долженъ былъ быть промежутокъ, переходное время, смутное, трудное время, пора необузданности, страстей и распрей. Это-то переходное время, полное затрудненій и опасностей, мы уже почти пережили; можно уже явственно видѣть его крайній рубежъ;

но было бы заблужденіемъ воображать себя у цѣли, между тѣмъ какъ мы еще въ дорогѣ.

«Если все, что мы сейчасъ сказали, не лишено основанія, то экономическіе результаты законовъ, управляющихъ поземельною собственностью, могутъ быть измѣнены и исправлены посредствомъ соглашеній землевладѣльцевъ, въ особенности посредствомъ ассоціацій» ¹⁾).

Но Росси является не единственнымъ защитникомъ ассоціацій. Мнѣніе о томъ, что ассоціація можетъ оказать благотѣльные послѣдствія для развитія земледѣлія, а также для сохраненія мелкой поземельной собственности, раздѣляется Волковскимъ, М. Шевалье, Ш. Ребо, Піоже, Бонмеромъ, Лекуте, Д. Стюартомъ Миллемъ, Губеромъ, Кормененомъ, словомъ, почти всѣми экономистами, писавшими объ этомъ вопросѣ. Всѣ они видятъ въ ассоціаціи дальнѣйшую форму сельской промышленности и разумной организаціи сельскаго труда. Наконецъ, во многихъ случаяхъ относительно различныхъ машинъ и орудій, можно достигнуть тѣхъ же результатовъ, не прибѣгая даже къ ассоціаціи. Для этого достаточно, чтобы въ околоткахъ, разбитыхъ на множество мелкихъ владѣній, явились предприниматели, имѣющіе въ виду общія потребности. Они-то на свой счетъ могутъ завести тѣ механическія орудія и заведенія, въ которыхъ нуждаются собственники и которыя ни одинъ изъ нихъ въ отдѣльности не можетъ содержать исключительно для своего хозяйства. Такимъ образомъ очевидно, что мелкая собственность далеко не такъ противна нѣкоторымъ важнѣйшимъ агрономическимъ улучшеніямъ, какъ это кажется съ перваго взгляда и какъ это утверждаютъ пристрастные защитники большой обработки. Что же касается до

¹⁾ Journal des Économ. 1858. № 1.—Раздробленіе поземельной собственности и ассоціація. Ж. М. Г. И. LXXII.

того, что большіе владѣльцы съ большимъ удобствомъ могутъ заводить винокуренные и сахароварные заводы, то съ общенародной точки зрѣнія все равно, будетъ ли ихъ заводить богатый землевладѣлецъ, или же капиталистъ и промышленный предприниматель, который будетъ скупать необходимые для того предметы у крестьянъ, содержать скотъ для откармливанія и продавать удобреніе крестьянамъ.

Къ числу дальнѣйшихъ возраженій противъ мелкой собственности присоединяютъ обыкновенно еще тотъ важный упрекъ, что она будто бы не содержитъ и не можетъ содержать относительно одного и того же пространства столь значительнаго количества скота, какъ большія хозяйства, вслѣдствіе чего происходитъ недостатокъ въ удобреніи и земля раздробленная на мелкія части находится въ состояніи непрерывной бѣдности, постоянно истощается, что не только оказываетъ вредное вліяніе на настоящее положеніе земледѣлія, но грозитъ весьма печальными результатами въ будущемъ. Этотъ капитальный упрекъ долгое время съ особенною силою употреблялся противъ мелкой собственности; но легко убѣдиться, что онъ рѣшительно неоснователенъ и что раздробленіе почвы можетъ произвести это послѣдствіе только въ такомъ исключительномъ случаѣ, когда земля находится въ рукахъ земледѣльцевъ столь бѣдныхъ, что они не въ состояніи держать достаточнаго количества скота, соотвѣтствующаго пространству ихъ участковъ. Но малое хозяйство и хозяйство плохо содержимое не суть синонимы. Чтобы установить справедливое сравненіе, мы должны, согласно съ дѣйствительностью, предположить, что тотъ же капиталъ, которымъ владѣютъ большія хозяйства, находится также въ рукахъ мелкихъ хозяевъ, взятыхъ въ совокупности. Если подобное условіе существуетъ, то разсужденіе, опытъ и факты не только не оправдываютъ того, что мелкая обработка неблагопріятна размноженію

скота, но, напротивъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываютъ совершенно противное. Ошибочное заключеніе въ этомъ отношеніи главнымъ образомъ произошло оттого, что брали для сравненія состояніе двухъ странъ, гдѣ причины процвѣтанія скотоводства, совершенно различны. Количество скота зависитъ не только отъ формы обработки, но также отъ множества другихъ, преимущественно мѣстныхъ и климатическихъ условій. Поэтому, чтобы правильно судить, какое вліяніе оказываютъ большіе или меньшіе размѣры обработки, необходимо брать мѣстности съ одинаковыми природными условіями или, по крайней мѣрѣ, сравнивать большую или малую обработку въ однѣхъ и тѣхъ же странахъ. При подобномъ же сравненіи большихъ и малыхъ хозяйствъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что мелкая обработка не только не уступаетъ въ этомъ отношеніи большой, но имѣетъ надъ нею значительное преимущество, естественно объясняющееся самымъ характеромъ мелкой обработки.

Начнемъ съ того, что согласимся, что обширныя пастбища и выгоны, громадныя стада скота составляютъ существенную черту большихъ хозяйствъ и вообще мало согласимы съ существованіемъ мелкой обработки, при которой пастбищная и выгонная земля, вслѣдствіе естественнаго хода дѣлъ, весьма скоро подвергается обработкѣ и быстро уменьшается. Но, соглашаясь съ этимъ, мы не только не видимъ въ этомъ фактѣ дѣйствительнаго недостатка мелкой собственности, но, напротивъ, считаемъ его однимъ изъ экономическихъ преимуществъ ея.

Извѣстно, что пастбищная земля доставляетъ самый низкій доходъ сравнительно съ тѣмъ количествомъ, которое можно извлечь изъ нея при значительной затратѣ труда и капитала. Поэтому самое естественное и необходимое требованіе народнаго хозяйства состоитъ именно въ томъ, чтобы по воз-

возможности ограничить ее теми местностями, которые абсолютно неспособны къ обработкѣ. За исключеніемъ же этихъ случаевъ, существованіе пастбищной земли объясняется или недостаточнымъ, рѣдкимъ народонаселеніемъ, или плохимъ по-земельнымъ устройствомъ и законодательствомъ ¹⁾. При нормальномъ же и развитомъ состояніи хозяйства большія пастбища должны находиться только на горахъ и крутыхъ склонахъ, или тамъ, гдѣ частыя наводненія не допускаютъ обработки. Очевидно, что существованіе громадныхъ стадъ несогласимо съ подобнымъ раціональнымъ состояніемъ земледѣлія, хотя отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобы самое скотоводство — этотъ естественный и неизмѣнный спутникъ земледѣлія, доставляющій такъ много полезныхъ земледѣльческихъ продуктовъ, — былъ вслѣдствіе того въ упадкѣ. Напротивъ, посредствомъ искусственнаго разведенія кормовыхъ травъ и кормленія скота въ стойлахъ, количество скота при подобномъ раціональномъ состояніи земледѣлія, можетъ быть несравненно болѣе на данномъ пространствѣ, нежели при существованіи естественныхъ пастбищъ и выгоновъ; ибо при искусственномъ травосѣяніи то же самое пространство можетъ давать въ шесть и болѣе разъ корма для скота. Мелкая же обработка, по самой природѣ вещей, вслѣдствіе недостатка естественныхъ пастбищъ и выгоновъ принуждена прибѣгать къ травосѣянію и связанному съ нимъ кормленію скота въ стойлахъ, а потому очевидно можетъ содержать, и дѣйствительно содержитъ на одномъ и томъ же пространствѣ большее количество скота. До какой степени можетъ доходить производительность мелкихъ участковъ, воздѣлываемыхъ лопатою, видно изъ того, что во многихъ мѣстахъ Саксоніи съ одного акра получается

¹⁾ Thaer «Grundsätze der rationellen Landwirthschaft», ч. III, стр. 228.

до 1000 центнеровъ свекловицы и до 500 центнеровъ свекловичныхъ листьевъ, что въ совокупности по питательности равняется 4000 фунтамъ сѣна, а такъ какъ на содержаніе коровы требуется до 1000 фунтовъ сѣна, то одинъ акръ въ состояніи прокормить отъ трехъ до четырехъ коровъ ¹⁾; между тѣмъ какъ при естественныхъ пастбищахъ, по расчету Теэра, каждая корова среднимъ числомъ въ теченіе лѣта требуетъ по крайней мѣрѣ трехъ моргеновъ пастбищной земли, или принимая во вниманіе разнообразіе различныхъ свойствъ земли отъ двухъ до шести моргеновъ ²⁾).

Новѣйшія изслѣдованія относительно этого предмета представляютъ столь точныя и поразительныя числовыя изчисленія, что всякое противорѣчіе исключается. Такъ, значительное количество скота и изобильное употребленіе удобренія на мелкихъ хозяйствахъ Фландріи, Германіи, Швейцаріи и Франціи, составляетъ самую характеристическую общую черту этихъ хозяйствъ, приводящую въ удивленіе всѣхъ знатоковъ сельскаго хозяйства. Во Фландріи, напр., на одну десятину земли обыкновенно приходится одна штука рогатаго скота, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Вазской области, на небольшихъ участкахъ количество это еще болѣе.

«Безъ всякаго сомнѣнія, говоритъ Пасси, Англія на равномъ пространствѣ питаетъ наибольшее количество скота; въ этомъ могутъ соперничать съ нею только нѣкоторыя части Голландіи, Даніи и Ломбардіи. Но есть ли это слѣдствіе формы обработки и не обусловливается ли это климатическими условіями и мѣстнымъ положеніемъ? По моему мнѣнію, это не подлежитъ сомнѣнію. Дѣйствительно, чтò бы ни говорили, повсю-

¹⁾ Сравнительные результаты поземельной собственности въ Саксоніи. Ж. М. Г. II

²⁾ Thaer «Grundsätze der rationellen Landwirthschaft», ч. III, стр. 272.

ду, гдѣ большая и малая обработка встрѣчаются въ одномъ и томъ же мѣстѣ, эта послѣдняя, хотя не можетъ содержать столько овецъ, владѣетъ взаменъ того бѣльшимъ количествомъ скота, производящаго удобреніе. Двѣ провинціи, въ которыхъ господствуетъ самая мелкая обработка, Анверъ и восточная Фландрія, владѣютъ среднимъ числомъ на 100 гектаровъ обрабатываемой земли 74 штуками рогатаго скота и 14 овцами. Въ двухъ же другихъ провинціяхъ, гдѣ находятся самыя наибольшія хозяйства, въ Намюрѣ и Геннегау, на 100 гект. обрабатываемой земли среднимъ числомъ приходится только 30 штукъ рогатаго скота и 45 овецъ. Или считая, по обыкновению, 10 овецъ равными одной штукѣ рогатаго скота, получимъ съ одной стороны 76 штукъ рогатаго скота, служащаго для удобренія почвы, съ другой—менѣе 35; разница громадная!

«Притомъ должно замѣтить, что число скота въ тѣхъ частяхъ Бельгіи, гдѣ земля раздроблена на мелкія фермы, весьма немногимъ менѣе, нежели въ Англіи. Въ этой послѣдней на 100 гектаровъ обрабатываемой земли приходится 65 штукъ рогатаго скота и 250 овецъ, что соотвѣтствуетъ 91 штукѣ, или пятнадцатю штуками болѣе, чѣмъ въ Бельгіи. Сверхъ того, въ Бельгіи, вслѣдствіе содержанія скота круглый годъ въ стойлахъ, ничто не теряется изъ удобренія, между тѣмъ какъ въ Англіи, вслѣдствіе пастбы скота подъ открытымъ небомъ, количество удобренія, которымъ можно было бы пользоваться, значительно уменьшается.

«Въ сѣверныхъ департаментахъ Франціи наибольшее количество скота также содержится въ округахъ, гдѣ хозяйства имѣютъ наименьшую величину. Въ то время какъ Лильскій и Газебрукскій округа, кромѣ болѣе значительнаго числа лошадей, содержатъ первый количество равное 52 штукамъ рогатаго скота, второй количество равное 46 штукамъ,—округи Дюнкирхенскій и Авенскій, гдѣ хозяйства самыхъ бо-

льшихъ размѣровъ содержатъ: первый только 44, а второй только 40»¹⁾).

Подобныя же изысканія относительно другихъ частей Франціи представили бы, по словамъ Пасси, подобные же результаты; и если случается, что мелкая обработка въ окрестности городовъ воздерживается отъ содержанія скота, то это потому что она легко можетъ вознаградить недостатокъ его покупкою удобреній, и невозможно предположить, чтобы обработка, наиболѣе требующая отъ почвы, не была бы вмѣстѣ съ тѣмъ тою, которая наиболѣе поддерживаетъ плодородіе ея.

Статистическія свѣдѣнія о другихъ государствахъ служатъ также подтвержденіемъ этихъ изслѣдованій Пасси. Въ мелкихъ имѣніяхъ Саксоніи, гдѣ, по словамъ Ангеля, существуютъ участки въ одинъ, половину и три четверти акра, на 1000 акровъ, составленныхъ изъ дробныхъ участковъ, приходится 3000 штукъ рогатаго скота: т. е. около трехъ штукъ на десятину, между тѣмъ какъ въ имѣніяхъ болѣе 1000 акровъ на 1000 десятинъ приходится всего 52 коровы или приблизительно по одной штукѣ на 20 десятинъ. Столь же выгодные результаты получаются тамъ относительно разведенія козъ и свиней. Такъ, сравнивая имѣнія въ 5 акровъ съ имѣніями въ 50, видимъ, что на 20 послѣднихъ разводится 52 свиньи, а на 200 пяти-акровыхъ до 79 головъ. Здѣсь впрочемъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, большая обработка имѣетъ нѣкоторое преимущество только относительно овцеводства, но и то, пока дѣло идетъ о рунномъ овцеводствѣ; что же касается до производства овецъ съ цѣлью сбыта мяса, то мелкая обработка мало уступаетъ большой²⁾).

¹⁾ Passy «Des systemes de culture en France», 1852, стр. 112.—Сравъ его же «Des changements, survenus dans la situation agricole du départ. de l'Eure»; Journ. des Econ. 1849.

²⁾ Lette «Die Vertheilung des Grundeigenthums» стр. 199.—Маслова

Примѣръ Пруссіи также служить въ этомъ отношеніи неопровержимымъ доказательствомъ. На одну квадратную милю, по Дитерици, въ Пруссіи приходилось рогатаго скота и лошадей: въ Бранденбургѣ 1027, въ Помераніи—1058, въ Познани 1234, въ Саксоніи—1247, въ Пруссіи—1272, въ Силезіи 1445, въ Вестфалии 1729, въ Рейнской области—1845. Одного рогатаго скота: въ Пруссіи на одну квад. милю приходилось 900, въ Познани—980, въ Бранденбургѣ—780, въ Помераніи—790, въ Силезіи—1210, въ Саксоніи—1040, въ Вестфалии—1390, въ Рейнской области 1640 штукъ. Такимъ образомъ, принявъ во вниманіе размѣры хозяйствъ, господствующихъ въ этихъ различныхъ провинціяхъ, очевидно, что наибольшее количество скота приходится на провинціи съ дробными хозяйствами, что выступаетъ еще ярче, если сравнить округа, гдѣ наиболѣе сосредоточены большія хозяйства съ округами, гдѣ земля наиболѣе раздроблена. Такъ, число коровъ на квадр. милю приходилось: въ округѣ Маріенведерѣ—271, въ Кеслинѣ—308, въ Кенигсбергѣ—337, въ Данцигѣ—342; въ наиболѣе же раздробленныхъ округахъ: Кобленцскомъ—839, Ахенскомъ—1021, Кельнскомъ—1165, Дюссельдорфскомъ—1200 ¹⁾. Даже, если сравнить количество скота съ общимъ народонаселеніемъ отдѣльныхъ провинцій, то и тогда увидимъ сильное превосходство мелкой обработки, доходъ которой идетъ наравнѣ съ успѣхами промышленности. Въ Пруссіи вообще на 10 человѣкъ приходилось 3,28 штукъ рогатаго скота, между тѣмъ какъ въ Рейнской области, со включеніемъ наиболѣе населеннаго и по преимуществу промышленнаго Дюссельдорфскаго округа, это число достигало

«О вліяніи различныхъ родовъ поземельной собственности на народное богатство», стр. 65.

¹⁾ Lengerke «Landwirthschaftliche Statistik der deutschen Bundesstaaten». ч. 2, отд. 2, стр. 384.

до 3,3; въ округѣ же Дюссельдорфскомъ упало до 2,05 и возвышалось въ самомъ раздробленномъ округѣ до 3,57 ¹⁾).

Итакъ не только раціональныя основанія, но и дѣйствительные факты и наблюденія показываютъ, что упреки мелкой собственности въ томъ, что она содержитъ менѣе скота, нежели большая, съвершенно неосновательны и несправедливы. Напротивъ, все свидѣтельствуетъ, что при одинаковыхъ мѣстныхъ и общественныхъ условіяхъ, мелкая обработка, хотя и не содержитъ столь многочисленныхъ стадъ овецъ, за то болѣе содержитъ рогатаго скота, чтò весьма понятно, ибо она болѣе требуетъ отъ земли и потому необходимо должна болѣе заботиться о вознагражденіи ея плодородія. Если бы она не могла удовлетворить этой потребности, она не могла бы держаться, и по закону необходимости должна была бы уступить мѣсто другой, болѣе выгодной обработкѣ. А между тѣмъ безпристрастное наблюденіе показываетъ, что мелкая обработка, столь долго господствующая въ Бельгіи, Швейцаріи, въ Рейнскихъ областяхъ, Тосканѣ, Ломбардіи, не только не истощила почвы, но сдѣлала ее болѣе плодородною. Если большая обработка имѣетъ нѣкоторое преимущество, то исключительно относительно разведенія овецъ, а также относительно разведенія различныхъ дорогихъ, улучшенныхъ породъ скота, которыя весьма часто разводятся большими собственниками по страсти, хотя и въ ущербъ собственнымъ выгодамъ, но нерѣдко съ значительною пользою для развитія и усовершенствованія породъ.

Выше приведенныя возраженія не изчерпываютъ еще всѣхъ упрековъ, дѣлаемыхъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія мелкой собственности и связанной съ нею мелкой обработкѣ. Какъ на новую невыгодную сторону ея сравнительно съ боль-

¹⁾ Reichensperger «Die freie Agrarverfassung». — Его же «Agrarfrage», стр. 118.

шою обработкою указываютъ еще на недостатокъ въ крестьянахъ достаточнаго образованія, теоретическихъ знаній, предприимчивости, что препятствуетъ имъ совершать различныя сельско-хозяйственныя усовершенствованія и опыты, вводить рациональное хозяйство и улучшенные методы, сообразныя съ требованіями науки. При высокой степени, до которой достигла нынѣ наука земледѣлія, говорятъ защитники большой обработки, весьма важно и даже необходимо, чтобы руководство земледѣльческими предпріятіями находилось въ рукахъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ усовершенствованными способами производства, и которыя не держались бы свойственной крестьянамъ медленности и привязанности къ стариннымъ обычаямъ. Очевидно, что различныя усовершенствованія въ дѣлѣ земледѣльческаго производства могутъ быть предпринимаемы только большими владѣльцами, которые одни владѣютъ достаточными средствами и образованіемъ для совершенія ихъ.

Теоретически это вполне справедливо, но дѣйствительно ли это такъ бываетъ на дѣлѣ? Дѣйствительно ли большіе землевладѣльцы всегда или, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ обладаютъ необходимыми свойствами и условіями для совершенія этихъ желанныхъ результатовъ? Въ этомъ можно сильно усомниться при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла.

Для приведенія въ исполненіе всѣхъ подобныхъ земледѣльческихъ предпріятій требуется одновременное совпаденіе множества условій. Необходимы, во первыхъ, охота и желаніе совершать ихъ; во вторыхъ, умѣнье и способности; наконецъ, достаточныя средства и искусное употребленіе ихъ. Если одного изъ этихъ условій не достаетъ, то ожиданія относительно значительныхъ сельско-хозяйственныхъ услугъ, которыя можетъ оказать большая собственность для развитія земледѣлія, далеко не осуществляются. Такъ, напримѣръ, неискусное употребленіе капитала можетъ лишить земледѣльца-предпринимателя не

только процентовъ, но и самой ренты. Природа самая щедрая, капиталы самые изобильные въ неопытныхъ рукахъ могутъ превратиться въ безполезныя орудія или принесутъ менѣе пользы, нежели въ рукахъ осторожнаго и знающаго свое дѣло предпринимателя. Въ какомъ же видѣ представляется большой поземельный собственникъ, какъ предприниматель земледѣльческаго производства? Ближайшее изученіе дѣйствительнаго порядка вещей показываетъ, что крупныя землевладѣльцы только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ удовлетворить всѣмъ необходимымъ условіямъ и, можно даже сказать, несравненно рѣже, нежели мелкіе собственники.

Главное основаніе предубѣжденія въ пользу большихъ собственниковъ въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что ихъ представляютъ себѣ всегда лицами зажиточными, высоко-образованными, вполне обладающими возможностью посредствомъ общаго научнаго образованія, путешествій и наблюденій приобрести хорошее теоретическое знаніе сущности раціональнаго земледѣльческаго хозяйства, приложить его практически, и такимъ образомъ осуществить различныя улучшенія и усовершенствованія. Но подобное предположеніе есть не болѣе, какъ идиллическая мечта, опровергаемая ежедневнымъ опытомъ. Для подобныхъ баловней судьбы сельская жизнь рѣдко представляетъ достаточно привлекательности, чтобы дѣйствительно привязать ихъ къ ея интересамъ. Правда, роскошь и красота природы, магическая прелесть сельской жизни, столь часто прославленная и воспѣтая прозою и стихами, всегда оказываетъ могущественное вліяніе на каждое человѣческое сердце; но иное дѣло время отъ времени предаваться этимъ возвышеннымъ наслажденіямъ сельской жизни, или же неразрывно связать съ нею свое существованіе и такъ сродниться съ нею, чтобы спокойно переносить ея простоту и однообразіе и не чувствовать влеченія къ искусственнымъ наслажденіямъ горо-

дозъ — этихъ фокусовъ всякаго умственнаго развитія и образованія. Этотъ недостатокъ постоянно возрастающей привлекательности сельской жизни составляетъ существенную причину, почему въ нашъ цивилизованный вѣкъ, главнымъ образомъ направленный на уточненныя нравственные наслажденія, большинство крупныхъ землевладѣльцевъ, за весьма рѣдкими исключеніями, живутъ въ городахъ и столицахъ, проводятъ время въ гражданской и военной службѣ, въ путешествіяхъ или на водахъ, словомъ всюду, только не на своихъ помѣстьяхъ. Помѣстья служатъ для нихъ не болѣе какъ вѣрными и почетными источниками доходовъ, тщательная присылка которыхъ возлагается на управителей и арендаторовъ. Всѣ же агрономическія улучшенія, оплодотвореніе горныхъ склоновъ, осушеніе болотъ, орошеніе сухихъ мѣстъ, введеніе раціональныхъ способовъ, предприниманіе земледѣльческихъ опытовъ, слишкомъ далеки отъ ихъ просвѣщеннаго взгляда. Къ этому не допускаютъ ихъ ни ихъ сословные интересы, ни ихъ положеніе въ обществѣ, ни ихъ воспитаніе и привычки, влекуція ихъ къ совершенно иной дѣятельности, къ инымъ занятіямъ, къ иному препровожденію времени. Но, если и случаются рѣдкія исключенія, что большіе помѣщики живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, обладаютъ въ извѣстной степени дѣятельностью и предприимчивостью, имѣютъ достаточный капиталъ и рѣшаются даже употребить его на имѣнія, то большею частью, уступая соблазнамъ роскоши, заботятся не столько о полезныхъ народно-хозяйственныхъ улучшеніяхъ, сколько объ украшеніи и наружномъ видѣ своихъ помѣстій. Уже Адамъ Смитъ замѣтилъ, что крупный землевладѣлецъ рѣдко бываетъ большой улучшатель земли.

«Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, большой землевладѣлецъ исключительно былъ занятъ заботою о расширеніи своихъ владѣній и о защитѣ противъ сосѣдей. Когда же водвореніе

порядка и законности дало ему этот досугъ, то у него рѣдко была къ тому охота и почти никогда не было гачествъ, нужныхъ для этого занятія. Его личные и домашніе расходы поглощали и даже превышали его доходъ; чаще всего бывало послѣднее, и гдѣ же при этомъ нашелся бы у него капиталъ, нужный для улучшенія? Если характеръ былъ у него экономный, то онъ вообще находилъ болѣе выгоднымъ употреблять свои избытки на пріобрѣтеніе новыхъ земель, нежели на улучшение старинныхъ владѣній. Чтобы съ выгодною заниматься земледѣльческимъ производствомъ, нужна, какъ и для всѣхъ промышленныхъ предпріятій, величайшая заботливость о малѣйшихъ выгодахъ и малѣйшихъ сбереженіяхъ, къ чему рѣдко бываетъ способенъ человѣкъ, рожденный въ богатствѣ, хотя бы онъ былъ экономенъ по характеру. Положеніе человѣка подобнаго рода скорѣе располагаетъ его заняться какимъ-нибудь украшеніемъ, льстящимъ его фантазіи, нежели разсчитывать на выгоды, мало ему нужныя. Изящество одежды, помѣщенія, экипажа, мебели -- вотъ предметы, которымъ онъ съ дѣтства привыкъ отдаваться съ полною заботою. Замашка, которую пріобрѣли его мысли отъ такой привычки, оказывается и управляетъ имъ и тогда, когда онъ примется улучшать свои земли. Онъ можетъ-быть украсить четыреста или пятьсотъ акровъ около своего двора, израсходовавъ на то въ десять разъ болѣе, чѣмъ будетъ стоить послѣ того участокъ этотъ со всѣми своими украшеніями, и видитъ, что если бы онъ вздумалъ производить такое улучшеніе на всемъ пространствѣ своихъ земель, то разорился бы прежде, нежели исполнить десятую часть такого предпріятія. Въ Англіи до сихъ поръ есть большія помѣстья со временъ феодальной анархіи непрерывно остававшіяся въ рукахъ одной фамиліи. Стоитъ только сравнить настоящее состояніе этихъ владѣній съ участками мелкихъ сосѣднихъ собственниковъ, чтобы безъ всякихъ другихъ дово-

довъ судить, на сколько большая собственность неблагоприятна успѣхамъ земледѣлія».

Такимъ образомъ, предположеніе, что большіе поземельные собственники содѣйствуютъ развитію земледѣлія, какъ предприниматели и улучшатели, есть не болѣе какъ одно теоретическое предположеніе, нисколько не оправдываемое фактами дѣйствительной жизни. Имъ постоянно недостаетъ то желанія и охоты, то свѣдѣній и знаній, то предприимчивости и экономіи, то наконецъ необходимыхъ капиталовъ. Понятно, почему во Франціи собственникъ, непосредственно обрабатывающій сколько-нибудь значительное имѣніе, по словамъ Траси, составляетъ родъ феномена, предметъ любопытства, мало благосклонной критики, чаще же ироническаго состраданія. Общее мнѣніе о немъ, если онъ не богатъ, что онъ непремѣнно разорится, а если имѣетъ нѣкоторое состояніе, что земледѣліе составляетъ для него разорительное препровожденіе времени, которое впрочемъ онъ можетъ позволить себѣ, какъ можетъ удовлетворять другимъ своимъ фантазіямъ: охотѣ, лошадямъ, хорошему столу, быть можетъ болѣе стѣющимъ, но, разумѣется, болѣе привлекательнымъ ¹⁾. «Даже въ самой Англіи, замѣчаетъ Милль, если бы сельское хозяйство въ помѣстьяхъ велось самими землевладѣльцами, легко было бы представить себѣ его результаты. Въ нѣсколькихъ случаяхъ проявлялись бы глубокое знаніе и энергія; во многихъ отдѣльныхъ примѣрахъ посредственный успѣхъ; общее же положеніе земледѣлія было бы самое печальное ²⁾».

Этимъ недостаткомъ качествъ и свойствъ, необходимыхъ для веденія земледѣльческихъ предпріятій, главнымъ образомъ объясняется тотъ повсемѣстный фактъ, что всюду, гдѣ гос-

¹⁾ Tracy «Lettres sur l'agriculture»; Journ. des Econ. 1848, XIX.

²⁾ J. S. Mill «Principes d'économie politique», т. 1. стр. 290.

подствуесть большая собственность, земледѣліе переходитъ въ руки управителей и сѣмщиковъ. Но уже одно это обстоятельство, что имѣнія большихъ собственниковъ должны отдаваться въ аренду, составляетъ главное основаніе противъ ихъ народно-хозяйственнаго значенія; ибо интересъ арендатора состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о возможно большемъ извлеченіи изъ земли, не давая ей въ замѣнъ своихъ сбереженій, которыя могутъ быть потеряны по окончаніи договора, ибо собственникъ можетъ присвоить себѣ всѣ выгоды, повывисивъ арендную плату. Поэтому подобные арендаторы рѣшаются дѣлать только такіа улучшенія, которыя могутъ возвратить имъ процентъ и затраченный капиталъ до истеченія срока контракта. Правда, расширяя срокъ контрактовъ, дѣлая положеніе сѣмщика болѣе прочнымъ, можно заинтересовать его къ болѣе значительнымъ улучшеніямъ; но какая система фермерства можетъ побудить его сдѣлать все необходимое? какая система можетъ внушить ту любовь къ помѣстью, которая одушевляетъ самого собственника? Отсюда необходимость улучшать земли не издержками фермеровъ, а капиталами землевладѣльцевъ, какъ это и дѣлается въ большинствѣ случаевъ въ Англіи.

Если отъ этої нерадостной картины обратимся теперь къ положенію мелкаго собственника, который съ своею сѣмьею долженъ существовать умѣреннымъ доходомъ съ своего не большаго участка, то увидимъ, что условія представляются въ совершенно иномъ видѣ. Стоить только взглянуть на жизнь простаго земледѣльца, чтобы убѣдиться, что благосостояніе, гордость и счастіе его заключаются въ возможномъ улучшеніи его участка. Онъ выросъ на своемъ участкѣ, всѣ мысли, всѣ желанія, склонности его обращены на земледѣліе; онъ не знаетъ лучшаго употребленія своихъ денегъ и не желаетъ другаго. Всѣ излишки его идутъ на земледѣльческое производство и направлены къ наиболѣе выгоднымъ цѣлямъ. Улу-

чшивъ свои строенія и поля, онъ знаетъ, что улучшилъ этимъ свою собственную участь и участь своихъ дѣтей, обезпечилъ себѣ уваженіе сосѣдей, заслужилъ благодарность своихъ потомковъ. Этимъ объясняется, почему онъ съ особенною ревностью и заботливостью слѣдитъ за всѣми улучшеніями, за опытами другихъ и тщательно спѣшитъ воспользоваться всѣми нововведеніями, если только они приносятъ дѣйствительную пользу. Къ этому побуждаетъ его притомъ самый сильный двигатель всѣхъ преобразованій — необходимость; ибо въ то время какъ большой собственникъ, пользующійся богатствомъ и изобиліемъ, можетъ пренебрегать мелочами, мелкій собственникъ долженъ тщательно пользоваться всѣми способами, чтобы увеличить свой скромный доходъ. Побуждаемый инстинктомъ постоянно возбуждаемаго личнаго интереса, бодрый стражъ малѣйшихъ выгодъ, бережливый до крайности, онъ пользуется каждымъ клочкомъ земли и посвящаетъ обработкѣ его столько же энергіи и заботъ, сколько большой собственникъ употребляетъ на пространство въ двадцать разъ большее.

Правда, мелкому собственнику весьма часто недостаетъ обширныхъ научныхъ свѣдѣній, знанія теорій раціональнаго хозяйства. Но, за рѣдкими исключеніями, едва ли можно доказать вообще, что этотъ недостатокъ крестьянъ - собственниковъ представляетъ дѣйствительно важное неудобство, слишкомъ губительно дѣйствующее на процвѣтаніе земледѣлія. Наболѣе образованные теоретики-земледѣльцы, люди наболѣе проникнувшіе въ тайны сельскаго хозяйства, единогласно признаютъ, что въ земледѣліи главное условіе успѣха заключается въ опытѣ и что всеобщія теоретическія правила подвергаются на практикѣ многочисленнымъ и разнообразнымъ измѣненіямъ. По ихъ всеобщему убѣжденію, первое и главное условіе раціональной обработки и успѣшности земледѣльческаго производства, заключается въ точномъ знаніи родовъ земель и свойствъ

почвъ, которое можетъ быть пріобрѣтено только многолѣтнимъ опытомъ. Въ этомъ же отношеніи крестьяне-собственники находятся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. По свидѣтельству всѣхъ знатоковъ, они весьма часто владѣютъ въ высшей степени замѣчательными познаніями, отчасти унаслѣдованными и перешедшими по преданію, отчасти пріобрѣтенными вслѣдствіе ежедневнаго опыта, тщательнаго вниманія, въ высшей степени развитаго собственнаго такта и даже нѣкотораго унаслѣдованнаго инстинкта къ пониманію малѣйшихъ выгодъ и всякаго дѣйствительнаго средства къ улучшенію своего участка. Каждый членъ семейства знаетъ какъ обрабатывали его отцы и дѣды; каждое поле, каждый клочекъ земли является для него старымъ знакомымъ, съ которымъ связаны извѣстные воспоминанія.

«Въ счастливой странѣ, гдѣ господствуетъ обработка крестьянами-собственниками, говоритъ Сисмонди, свойства каждаго поля тщательно изучаются и передаются дѣтямъ; зерно годное для нихъ, время для посѣва, опасности отъ града и морозовъ — все обозначено, и кто жилъ съ земледѣльцами, тотъ знаетъ, что нѣтъ такого малаго хозяйства, гдѣ бы опытъ не установилъ различія между различными частями земли». Для доказательства необыкновенныхъ знаній, получаемыхъ такимъ образомъ по преданію, можно указать на обработку винограда крестьянами тѣхъ странъ, гдѣ производятся наилучшія вина, а также на тѣ мѣстности, гдѣ образцовая обработка издавна совершается крестьянами, какъ, напр., во Фландріи и нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи. Цвѣтущее и замѣчательно искусное земледѣліе развилось въ этихъ мѣстностяхъ несравненно прежде, нежели въ другихъ государствахъ, да и нынѣ еще оно считается едва ли не лучшимъ въ мірѣ.

Такимъ образомъ, утвержденіе, что обработка крестьянами-собственниками несовмѣстна съ развитымъ земледѣліемъ, съ

успѣхами и процвѣтаніемъ его, далеко не имѣетъ той важности и значенія, какое стараются придать ему исключительные защитники большой обработки. Напротивъ, факты, повсемѣстно наблюдаемые въ настоящее время въ Европѣ, свидѣтельствуютъ, что главные успѣхи обработки, самыя замѣчательныя усовершенствованія и улучшенія совершаются не только тамъ, гдѣ господствуетъ большая собственность, но и тамъ, гдѣ преобладаетъ мелкая обработка крестьянами-собственниками. Разумѣется, крестьянинъ не можетъ производить неизвѣданныхъ еще и рискованныхъ опытовъ, которые возможны только для богатыхъ лицъ. Но и эта невыгода значительно ослабляется въ настоящее время повсемѣстнымъ учрежденіемъ учебныхъ фермъ, образцовыхъ хозяйствъ и сельскихъ обществъ, пробующихъ открытія и ихъ примѣненія, что доставляетъ разумнымъ мелкимъ собственникамъ возможность вводить эти усовершенствованія въ свои хозяйства, не дожидаясь даже примѣра большихъ. Быстрота, съ которою въ теченіе послѣдняго времени предпринимались различныя улучшенія крестьянами многихъ мѣстностей Германіи, Бельгіи, Швейцаріи и отчасти Франціи, доказываетъ, что, какъ не упрекаютъ крестьянъ въ преданности рутинѣ и стариннымъ обычаямъ, тѣмъ не менѣе они умѣютъ легко принимать и истинно полезное и выгодное.

Послѣ всего сказаннаго о тѣхъ могущественныхъ побужденіяхъ, которыя непрерывно дѣйствуютъ на мелкаго собственника и дѣлаютъ его находчивымъ и внимательнымъ къ наиболѣе выгоднымъ способамъ производства, нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что изъ всѣхъ земледѣльцевъ крестьянинъ-собственникъ извлекаетъ наибольшую выгоду изъ земли; потому что онъ болѣе другихъ просвѣщенъ опытомъ, лучше другихъ пользуется трудомъ, умѣетъ обращать въ пользу самыя краткіе досуги, болѣе точно знаетъ

каждый уголокъ своего поля или огорода и болѣе искусно пользуется имъ, прилагая къ воздѣлыванію всевозможныя заботы и всѣ свои сбереженія. Тщательное вниманіе къ мелочамъ замѣняетъ иногда недостатокъ раціональнаго плана; знаніе мѣстныхъ явленій вслѣдствіе опыта и постоянное вниманіе, обращенное на мелочи, даютъ возможность пользоваться многими мелкими выгодами, невозможными при большихъ хозяйствахъ, а также избѣгать неизбѣжныхъ при послѣднихъ мелкихъ потерь. Притомъ, вслѣдствіе близости участковъ, онъ берегаетъ болѣе времени. Лично наблюдая за хозяйствомъ, онъ дѣлаетъ также значительныя сбереженія относительно надзора, не нуждаясь въ наймѣ управителей и другихъ потребностяхъ, свойственныхъ большимъ хозяйствамъ. Множество мелкихъ весьма цѣнныхъ продуктовъ, которыми въ большомъ хозяйствѣ невыгодно заниматься вслѣдствіе значительнаго количества работы, требуемой ими, и въ которыхъ однако нуждается общество, служатъ для него источникомъ барышей, въ сложности немаловажныхъ. Таково, напр., разведеніе домашней птицы, не принимаемое даже въ расчетъ большими хозяевами. Далѣе огородничество, садоводство, винодѣліе, производство табаку и другихъ промышленныхъ и торговыхъ растеній также преимущественно процвѣтаютъ при мелкихъ хозяйствахъ. Известно, что въ Англіи, гдѣ существуетъ большая обработка, замѣтенъ чувствительный недостатокъ въ разныхъ мелкихъ земледѣльческихъ продуктахъ, живности, яйцахъ, плодахъ, ягодахъ. Лондонъ и другіе приморскіе города на Ламанскомъ проливѣ ежегодно выписываютъ на громадныя суммы эти продукты изъ Нормандіи и Бельгіи ¹⁾. Притомъ для успѣшности большаго хозяйства нуженъ хозяинъ-капиталистъ, одаренный болшею расчетливостью, между тѣмъ какъ мелкое хозяйство

¹⁾ Piogey «Du morcellement du sol», стр. 89.

можетъ процвѣтать въ рукахъ небольшого собственника; ибо оно основано на трудѣ, бережливости и внимательности, и одинъ уже интересъ, неразлучный съ собственностью, придаетъ человѣку достаточно нравственныхъ силъ для извлеченія всевозможной пользы изъ небольшого клочка земли. Наконецъ, немаловажное условіе успѣшности производства составляетъ еще и то, что мелкій хозяинъ всѣ работы, улучшенія и предположенія выполняетъ самъ съ своею семьею, между тѣмъ какъ большой хозяинъ долженъ положиться въ этомъ на равнодушныхъ, весьма часто небрежныхъ и враждебно настроенныхъ работниковъ и управителей. Всѣ эти, ничтожныя повидимому, выгоды въ совокупности представляютъ однако замѣчательные результаты и имѣютъ рѣшительное вліяніе на валовой и чистый доходъ, къ разсмотрѣнію котораго мы и перейдемъ.

Но заключая эту главу, мы не можемъ не привести словъ Ленга ¹⁾, изучавшаго этотъ вопросъ на фактахъ дѣйствительной жизни. «Если послушать большаго фермера, говоритъ онъ, ученаго сельскаго хозяина, англійскаго политико-эконома, то хорошая обработка земли должна погибнуть съ исчезновеніемъ большихъ фермъ; имъ кажется нелѣпостью самая мысль, что будто хорошая обработка можетъ существовать безъ большихъ фермъ, воздѣлываемыхъ при помощи значительнаго капитала. Дренажъ, удобреніе полей, расчетливое распредѣленіе земли, разчистка ея отъ бесполезныхъ растеній, правильные сѣвообороты, хорошіі скотъ, дорогія орудія—все это, по ихъ мнѣнію, исключительно принадлежитъ большимъ хозяйствамъ, оживленнымъ значительнымъ капиталомъ и наемнымъ трудомъ. На бумагѣ доказывать это легко; но если, отложивъ въ сторону книги, мы обратимся къ самимъ полямъ и хладно-

¹⁾ Laing's Notes of a Traveller, стр. 299. — Kay «The social condition and education of the people», ч. I, стр. 175. — Mill «Principes d'économie politique», т. I, стр. 303.

кровно сравнимъ хозяйство наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ большими фермами, съ хозяйствомъ наилучшихъ округовъ, воздѣлываемыхъ малыми фермами, то увидимъ, и этого факта нельзя отрицать, что во Фландріи, восточной Фрисландіи, Гольштейнѣ и во всей полосѣ удобной земли отъ Зунда до Кале, хлѣбопашество лучше, нежели на противоположномъ берегу Англіи на такой же почвѣ и подъ тѣми же градусами отъ Фортскаго залива до Дувра. Очевидно, что при одинаковости почвѣ и климата, тщательный трудъ на мелкихъ участкахъ земли даетъ большее количество произведеній тамъ, гдѣ мелкіе участки составляютъ собственность земледѣльца, какъ это мы видимъ во Фландріи, Голландіи, Фрисландіи и гольштейнскомъ Дитмарсенѣ. Наши агрономы не смѣютъ утверждать, что наши большіе фермеры даже въ Бервикскомъ и Роксбургскомъ графствахъ и округѣ Лоуіанскомъ могутъ сравниться съ тою превосходною обработкою земли, съ тѣми попеченіями объ удобреніи, осушеніи и прекрасномъ содержаніи земли, наконецъ, съ тою производительностью, которою отличаются хозяйства мелкихъ фламандскихъ фермеровъ, владѣющихъ небольшими и притомъ весьма неплодородными отъ природы участками. Даже въ наилучше воздѣланныхъ приходахъ Шотландіи и Ирландіи на большихъ фермахъ бросается безъ пользы очень много земли по угламъ и краямъ полей; сверхъ того, значительное количество пропадаетъ подъ дурными и широкими полевыми дорогами, подъ заброшенными и необработанными общественными выгонами, подъ бесполезными закраинами, дурными кустарниками и другими непроизводительными участками, такъ что въ совокупности эти земли, еслибъ соединить и обработать ихъ, были бы болѣе нежели достаточны для содержанія бѣдныхъ всѣхъ этихъ приходовъ.

«Значительный капиталъ, употребляемый на земледѣліе, прилагается только къ лучшимъ землямъ въ странѣ. Онъ не мо-

жетъ прилагаться къ небольшимъ непроизводительнымъ клочкамъ, оплодотвореніе которыхъ требуетъ несравненно больше труда и времени, нежели сколько это совмѣстимо съ необходимостью быстрого возврата капитала. Но если время и трудъ наемныхъ работниковъ не могутъ быть съ выгодною употреблены для подобной обработки, то это является возможнымъ для собственника этихъ земель, употребляющаго свое собственное время, свой личный трудъ. Сначала онъ работаетъ для того, чтобы добыть изъ земли необходимое для своего существованія; но по прошествіи нѣсколькихъ поколѣній, благодаря постоянному труду, плодородіе земли и цѣнность ея возрастаютъ, и такимъ образомъ достигается не только довольство, но и болѣе усовершенствованные способы обработки. Дренажъ, кормленіе скота въ стойлахъ цѣлое лѣто, жидкія удобренія почти повсемѣстно введены во многихъ хозяйствахъ Фландріи, Швейцаріи, Ломбардіи, между тѣмъ какъ на большихъ фермахъ Англіи это улучшеніе только что начинаетъ вводиться въ округахъ съ самымъ лучшимъ хозяйствомъ. Далѣе, въ странахъ, гдѣ земля принадлежитъ мелкимъ собственникамъ, мы находимъ также хозяйство, основанное на молочныхъ скопахъ, выдѣлку сыровъ самыхъ большихъ размѣровъ посредствомъ соединенія многихъ мелкихъ хозяевъ, товарищества мелкихъ собственниковъ для взаимнаго застрахованія отъ огня и града, самое научное и дорогое изъ всѣхъ земледѣльческихъ производствъ новѣйшаго времени — производство свекловичнаго сахара, обширное производство льна и пеньки, которыми мелкіе собственники снабжаютъ европейскіе рынки, обиліе овощей, плодовъ, дворовой птицы, составляющихъ обыкновенную пищу низшихъ классовъ, въ то время какъ въ Англіи это разнообразіе въ пищѣ отсутствуетъ даже у среднихъ классовъ. Это обиліе въ соединеніи съ способами земледѣлія, употребляемыми мелкими хозяевами — все это составляетъ

существенную принадлежность мелкой поземельной собственности. Всѣ эти факты заставляютъ наблюдателя усомниться въ справедливости мнѣнія англійскихъ агрономовъ, будто бы большія фермы, воздѣлываемыя при помощи наемнаго труда и значительнаго капитала, извлекаютъ изъ земли наибольшее производство, снабжаютъ страны наибольшимъ количествомъ предметовъ необходимости и комфорта, и будто бы при иной системѣ это невозможно».

ГЛАВА II.

ВЛІЯНІЕ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ НА ВАЛОВОЙ И ЧИСТЫЙ ДОХОДЪ.

*Nec dubium, quin minus reddet laxus ager
non recte cultus, quam angustus eximie.*

Colum.

Мы разсмотрѣли вліяніе, оказываемое обработкою крестьянами-собственниками на различныя условія, содѣйствующія производству богатствъ. Постоянно сравнивая ее съ большею обработкою, мы видѣли, что, хотя она имѣетъ многія неотъемлемыя преимущества, но въ то же время представляетъ свои недостатки и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уступаетъ первенство большой обработкѣ. Спрашивается, какимъ же образомъ опредѣлить общій результатъ этихъ обработокъ? какимъ образомъ рѣшить, какая изъ нихъ, при всей совокупности вышеизложенныхъ условій, имѣетъ болѣе благотворное вліяніе на производительное могущество страны? какъ узнать, дѣйствуютъ ли выгоднѣе и плодотворнѣе богатства и значительные капи-

талы, скопленные въ рукахъ большихъ хозяевъ и прилагаемые къ обширнымъ пространствамъ, или личная дѣятельность, внимательныя заботы и мелкіе раздробленные капиталы мелкихъ собственниковъ, прилагаемые къ пространствамъ небольшихъ размѣровъ?

Вопросъ этотъ не разъ занималъ экономистовъ и агрономовъ, рѣшался самымъ различнымъ образомъ, но, къ сожалѣнію, доселѣ не приведенъ къ окончательному и вполне удовлетворительному рѣшенію. Главное затрудненіе заключается въ несогласіи экономистовъ относительно мѣрила производительности различныхъ системъ. По мнѣнію однихъ, настоящее мѣрило достоинства различныхъ способовъ производства, истинный критеріумъ ихъ народно-хозяйственнаго значенія заключается въ общей массѣ производства или въ общемъ валовомъ доходѣ, происходящемъ отъ совокупнаго дѣйствія земли, труда и капитала. То, что важно для народа, говорятъ защитники этого мнѣнія, то, что главнымъ образомъ должно прилекать вниманіе экономиста — это количество всего сбора или валовой доходъ; ибо онъ заключаетъ въ себѣ доходъ всѣхъ лицъ, прилагающихъ трудъ и капиталы къ производству, и посредствомъ его обезпечивается пропитаніе народа и довольство всѣхъ классовъ.

Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что валовой доходъ имѣетъ важное значеніе въ народномъ хозяйствѣ и что величиною его отчасти опредѣляется степень силы, благосостоянія и производительнаго могущества страны. Чѣмъ выше система земледѣлія, чѣмъ лучше обработка, тѣмъ обильнѣе валовой доходъ, тѣмъ большее количество лицъ пропитываетъ онъ. Въ то время, напримѣръ, какъ польская трехпольная система извлекаетъ изъ каждой квадратной мили пропитаніе только для 2229 человѣкъ, мекленбургская полевая система на такомъ же пространствѣ доставляетъ пропитаніе для 3182

человѣкъ; бельгійская же плодоперемѣнная система можетъ уже прокармливать 7345 человѣкъ ¹⁾. Очевидно, что большее валовое производство составляетъ одинъ изъ признаковъ наилучшей обработки земли. Всѣ усилія человѣка направлены на увеличеніе производительности земли. Къ этому побуждаютъ его возрастающія потребности постоянно размножающагося народонаселенія, и при равенствѣ другихъ условій, нѣтъ сомнѣнія, что та страна, которая на одномъ и томъ же пространствѣ производитъ наибольшее количество произведеній и можетъ одинаковымъ образомъ питать болѣе значительное народонаселеніе, пользуется лучшею и болѣе производительною обработкою земли. Въ этомъ духѣ выражаются главные представители экономической науки Адамъ Смитъ, Ж. Б. Сэй, Сисмонди, Рау, Лоцъ, и другіе. Такъ, отсюда вытекаетъ, напри- мѣръ, мысль Смита, что обращеніе капиталовъ на земледѣліе, промышленность и внутреннюю торговлю полезнѣе для общества, нежели обращеніе ихъ на внѣшнюю торговлю; потому что въ первыхъ трехъ случаяхъ они приводятъ въ движеніе болѣе труда внутри страны и даютъ бѣльшій валовой доходъ.

Но дѣйствительно ли валовое производство, взятое одно, само по себѣ можетъ служить достаточнымъ мѣриломъ производительности различныхъ системъ и слѣдовательно степени благосостоянія и процвѣтанія страны? Сами защитники этого воззрѣнія сознаются, что увеличеніе валоваго производства не всегда можетъ быть полезно и иногда влечетъ за собою бѣдственное положеніе народа, именно въ томъ случаѣ, когда народъ становится не богаче, но многочисленнѣе. Чтѣ пользы въ увеличеніи общей суммы народнаго производства, если въ то же время доля каждаго, вслѣдствіе еще бѣльшаго увеличенія народонаселенія, уменьшается. Богатство народа выражается

¹⁾ Roscher «System des Volkswirthschaft», ч. 2, стр. 81.

не только въ общей суммѣ его дохода, но также и въ отноше-
ніи этого дохода къ числу лицъ, между которыми происхо-
дитъ раздѣлъ. Если одна страна производитъ громадное коли-
чество произведеній, но въ то же время оно дѣлится между
значительнымъ количествомъ лицъ, то доля cadaго можетъ
быть несравненно менѣе, нежели въ другой странѣ, гдѣ хотя
на равномъ пространствѣ производится меньшее количество,
но оно дѣлится между меньшимъ количествомъ лицъ. Плохая
система земледѣльческаго устройства можетъ породить чрез-
мѣрное народонаселеніе, которое посредствомъ бѣльшаго тру-
да, хотя и успѣетъ пріобрѣсть болѣе обильныя жатвы, но прі-
обрѣтетъ ихъ слишкомъ дорогою цѣною. Количество произве-
деній увеличится, но производители, пріобрѣтая недостаточное
существованіе черезъ-чуръ сильными трудами, будутъ стра-
дать среди этого болѣе обильнаго производства. Они сами бу-
дутъ потреблять бѣльшую часть производства, ничего не до-
ставляя рынкамъ. Въ подобномъ случаѣ не будетъ городовъ,
обмѣна сырыхъ и мануфактурныхъ произведеній, раздѣленія
труда; всѣ члены, занимаясь земледѣліемъ, должны будутъ
сами производить всѣ необходимыя мануфактурныя произведе-
нія. Все будетъ сдѣлано поэтому скверно и при значительной
потерѣ труда и времени. Въ искусствахъ, наукахъ не будетъ
совершаться никакихъ успѣховъ; общество будетъ оставаться
въ грубомъ состояніи, и вмѣсто благодѣяній цивилизаціи, тамъ
будетъ господствовать невѣжество и родъ грубой и дикой не-
зависимости.

Очевидно, что одно валовое производство, взятое безотноси-
тельно, не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ наибѣлье вы-
годнаго для государства производства. Необходимо поэтому об-
ращать вниманіе на тѣ издержки, которыя употребляются на
пріобрѣтеніе его, или, говоря иначе, нужно обращать вниманіе
на чистый доходъ.

Значеніе чистаго дохода, т. е. цѣнности валоваго дохода за исключеніемъ издержекъ производства, столь важно въ дѣлѣ земледѣлія, что многіе экономисты новѣйшаго времени, въ противоположность первому воззрѣнію, въ этомъ чистомъ доходѣ видятъ, въ свою очередь, единственное мѣрило степени производительности и выгоды различныхъ системъ обработки относительно общественнаго богатства и благосостоянія.

Дѣйствительное увеличеніе народнаго богатства, говорятъ они, выражается не въ массѣ добытыхъ произведеній вообще, но въ томъ излишкѣ, который остается за вычетомъ издержекъ производства или въ чистомъ доходѣ. Нѣтъ другаго признака, нѣтъ другой мѣры могущества системы, замѣчаетъ Пасси, какъ количество чистаго дохода, получаемаго съ даннаго пространства. Изъ двухъ промышленныхъ предпріятій одинаковой важности то, которое окончательно доставляетъ бѣльшій излишекъ, необходимо имѣетъ за собою преимущество. Въ земледѣліи, гдѣ предметомъ разработки служитъ самая земля, та система обработки, которая на равномъ пространствѣ, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, доставляетъ болѣе излишка или чистаго дохода, должна считаться наиболѣе могущественною и лучшею. «Всякое промышленное предпріятіе, продолжаетъ тотъ же писатель, требуетъ издержекъ, и отсюда раздѣленіе дохода на двѣ части: одна идетъ на покрытіе издержекъ; другая, образующая излишекъ, составляетъ созданное богатство, которое свидѣтельствуетъ объ энергіи и искусствѣ труда. Принимать во вниманіе издержки производства, значитъ забывать, что эти издержки имѣютъ свое вознагражденіе, и что этотъ излишекъ можетъ существовать только тогда, когда онѣ вполне вознаграждены. Поэтому не должно заботиться, въ какой мѣрѣ капиталъ и трудъ были призваны для содѣйствія производству. Они имѣютъ свое особенное вознагражденіе, и въ какомъ бы количествѣ они ни

были употреблены, такъ какъ чистый доходъ остается только тогда, когда эти издержки вознаграждены, то этотъ чистый доходъ служить единственною и истинною мѣрою болѣе или менѣе развитаго состоянія искусства, бѣльшаго или менѣшаго могущества системы труда».

Противъ этого положенія трудно было бы что-нибудь возразить, если бы въ дѣйствительности понятіе о чистомъ народномъ доходѣ имѣло ясный, опредѣленный смыслъ. Но, къ сожалѣнію, какъ ни просто, повидимому, это понятіе, тѣмъ не менѣе въ наукѣ народнаго хозяйства у самыхъ главныхъ представителей ея — физіократовъ, Смита, Сэя, Рикардо, Симонди и другихъ, о природѣ и значеніи чистаго народнаго дохода встрѣчаются самыя разнообразныя и противорѣчащія воззрѣнія; такъ что подъ этимъ понятіемъ разумѣютъ совершенно различныя вещи.

Такъ, физіократы, признавая производительнымъ только земледѣліе, которое, по ихъ мнѣнію, одно, вознаграждая издержки производства, вмѣстѣ съ прибылью доставляетъ еще чистый доходъ въ видѣ поземельной ренты, полагали, что въ этой поземельной рентѣ и только въ ней одной заключается чистый доходъ общества, посредствомъ котораго уплачиваются услуги прочихъ непродизводительныхъ классовъ, считая въ числѣ ихъ и предпринимателей, дѣятельность которыхъ, по мнѣнію ихъ, нисколько не увеличиваетъ массы существующихъ богатствъ. Такимъ образомъ, они смѣшивали чистый народный доходъ съ рентою. Но, очевидно, что одна рента можетъ быть мала, можетъ даже вовсе не существовать, и въ то же время чистый доходъ можетъ быть значителенъ. Предположимъ страну новую, плодородную, занятую народонаселеніемъ, которое не конкурируетъ другъ съ другомъ, снабженную достаточными капиталами и свѣдѣніями; предположимъ далѣе, что земля въ изобиліи находится въ распоряженіи земледѣльцевъ, и тогда

рента не будетъ существовать, между тѣмъ какъ чистый доходъ будетъ значителенъ. Очевидно, что одна поземельная рента не можетъ служить мѣриломъ чистаго дохода. Не менѣе ошибочно понимали чистый народный доходъ другіе экономисты. Ж. Б. Сэй утверждалъ ¹⁾, что для народа чистый доходъ его есть то же самое, что и валовой доходъ, ибо издержки одного предпринимателя составляютъ доходъ другаго. Понятіе чистаго и валоваго дохода, по его мнѣнію, можно различать вообще только въ хозяйствѣ частныхъ лицъ; относительно же общественнаго хозяйства подобное различіе не имѣетъ смысла; ибо общество живетъ не чистымъ, а валовымъ доходомъ, т. е. общою цѣнностью всѣхъ произведенныхъ богатствъ безъ исключенія (*sur la valeur totale de tous les produits de la société, sans défalcation*), и этотъ валовой доходъ состоитъ изъ чистаго дохода всѣхъ отдѣльныхъ личностей. Противъ этого опредѣленія справедливо возстаютъ Шторхъ, Росси, Рикадро, Мак-Кулохъ и другіе. По мнѣнію ихъ, эта формула не логическая; ибо для того, чтобы чистый доходъ былъ равенъ валовому, необходимо предположить, что народъ производитъ безъ затратъ, безъ пожертвованій, безъ потребленія, такъ что истина *ex nihilo nihil fit* становится болѣе невѣрна. По ихъ мнѣнію, подъ чистымъ общественнымъ доходомъ должно понимать тотъ излишекъ цѣнностей, полезныхъ вещей, который остается за вознагражденіемъ и покрытіемъ всего, что было употреблено въ видѣ труда и капитала для полученія валоваго производства. Отсюда слѣдуетъ, что издержки содержанія труда во время производства, считаемыя издержками съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя, они считаютъ также издержками съ точки зрѣнія общаго народнаго хозяйства. Если предприниматель, говорятъ они, потребивъ все, что ему необходимо во время

¹⁾ J. B. Say «Cours complet d'économie politique». 1837.

производства, находится подъ конецъ операціи съ тѣмъ же капиталомъ, какъ и въ началѣ; если всѣ работники не извлекли ничего болѣе, какъ только средства для своего существованія во время труда; если всѣ по окончаніи производства находятся въ томъ же положеніи, какъ и въ началѣ, то чистаго дохода нѣтъ ¹⁾. Отсюда очевидно, что подъ именемъ чистаго народнаго дохода они понимаютъ доходъ землевладѣльца, получаемый отчасти отъ затраченнаго капитала, отчасти отъ бѣльшаго или мѣньшаго плодородія почвы или, говоря иначе, прибыль предпринимателя и ренту поземельнаго собственника. Въ самыхъ яркихъ чертахъ выразилъ это Рикардо въ слѣдующемъ знаменитомъ мѣстѣ: «Какая выгода, говоритъ онъ, можетъ произойти для страны отъ приложенія бѣльшаго количества труда, если чистая рента и прибыль остаются тѣ же при бѣльшемъ или мѣньшемъ приложеніи труда? Все производство отъ земли и труда извѣстной страны дѣлится на три части: заработную плату, капитальную прибыль и поземельную ренту. Только изъ послѣднихъ двухъ можно дѣлать вычеты для налоговъ и сбереженій; первая же, если она умѣренна, всегда составляетъ необходимую издержку производства. Для отдѣльнаго лица, владѣющаго капиталомъ въ двадцать тысячъ фунтовъ, рѣшительно все равно, занимаетъ ли его капиталъ сто или тысячу человѣкъ, продается ли произведенное имъ богатство за десять или за двадцать тысячъ, если только доходъ его не понижается. Не таковъ ли дѣйствительный интересъ народа? Предположимъ, что дѣйствительный чистый доходъ его, т. е. поземельная рента и прибыль, суть однѣ и тѣ же, то не все ли

¹⁾ Rossi «Cours d'economie politique», II, 38. Впрочемъ, прибавляетъ Росси, даже при подобномъ предположеніи можетъ быть, что производство совершалось не безъ пользы для страны, потому что земледѣльцы могли по крайней мѣрѣ существовать во время труда.

равно, состоитъ ли народъ изъ десяти или двѣнадцати милліоновъ лицъ. Его богатства, флоты, войска и всякаго рода поддержка непроизводительнаго труда, должны находиться въ соотношеніи съ чистымъ, а не валовымъ доходомъ. Еслибы пять милліоновъ людей могли производить столько же одежды и пищи, сколько необходимо для десяти милліоновъ, тогда пропитаніе и одежда пяти милліоновъ была бы чистымъ доходомъ. Будетъ ли для страны сколько-нибудь полезно, если для производства этого самаго количества чистаго дохода будетъ требоваться семь милліоновъ лицъ, т. е. если семь милліоновъ должны будутъ трудиться, чтобы доставить достаточное количество пищи и одежды для двѣнадцати милліоновъ? Употребленіе бѣльшаго количества людей не дастъ возможности увеличить ни однимъ человѣкомъ наши войска и флоты, не прибавитъ ни одной гинеи къ нашимъ государственнымъ доходамъ» ¹⁾.

Такое воззрѣніе Рикардо, по нашему мнѣнію, еще далѣе отъ истины, нежели ошибка Ж. Б. Сэя, потому что оно основывается на непониманіи цѣли всякаго производства. Чтѣ бы ни говорили, нельзя отвергнуть того, что истинная, конечная цѣль всякаго производства, какъ на это уже указывалъ съ особенною силою Сисмонди, есть не производство само по себѣ, но человѣкъ съ его матеріальными нуждами и потребностями, и потому главнымъ образомъ должно заботиться не о безотнositельномъ накопленіи богатствъ, но о лучшемъ удовлетвореніи этихъ нуждъ. Всякое человѣческое благосостояніе и богатство зависитъ не столько отъ владѣнія массами богатствъ, сколько отъ полезнаго употребленія ихъ для человѣческихъ цѣлей, для поддержанія правильнаго развитія человѣческой

¹⁾ Ricardo «Grundgesetze der Volkswirtschaft und Besteuerung»; übersetzt und erläutert von Baumstark. ч. 1. стр. 379.

дѣятельности. Потребленіе, которое одно можетъ улучшить положеніе людей, доставляя имъ условія необходимыя для ихъ развитія, составляетъ такимъ образомъ конечную цѣль всякаго производства даже тогда, если созданный продуктъ потребляется не тотчасъ, а откладывается, какъ капиталъ, чтобы посредствомъ его обезпечить болѣе продолжительное и усиленное потребленіе. Для Рикардо же и многочисленныхъ его послѣдователей продукты служатъ не для того, чтобы питать счастливый и благоденствующій народъ, но на оборотъ, народъ существуетъ для того, чтобы производить продукты. Богатство поэтому является не средствомъ, а цѣлью, въ интересахъ которой требуется человѣческое общество, наиболѣе способствующее достиженію ея. Отсюда вытекаетъ печальное воззрѣніе на рабочіе классы, поддержаніе существованія которыхъ составляетъ, по мнѣнію этой школы, только средство для достиженія цѣли, лежащей внѣ ихъ собственнаго существованія, именно цѣль эта заключается не въ ихъ благосостояніи, но въ доставленіи бѣльшей прибыли капиталисту и бѣльшей ренты поземельному собственнику. Таковъ настоящій плутизмъ нашего вѣка! Впрочемъ, ученіе это не такъ ново, какъ кажется съ перваго взгляда. Начало его кроется въ заблужденіяхъ меркантильной системы, считавшей богатыми только тѣхъ, которые имѣютъ что либо продать другимъ. Уже въ концѣ прошлаго вѣка, англійскій экономистъ Джемсъ Милль, выставляя исключительную важность чистаго дохода въ этомъ смыслѣ, говорилъ, что существованіе земледѣльца, который самъ погребляетъ производимые имъ продукты, совершенно не имѣетъ никакого значенія для государства. «Землетрясеніе, которое поглотитъ его съ землею, не принесетъ никакого вреда, потому что пища и потребитель исчезнутъ вмѣстѣ» ¹⁾.

¹⁾ James Mill «An Inquiry into the principles of political economy» 1796 т. 1. стр. 116.

Какъ будто бы подобный производитель однимъ уже своимъ счастливымъ существованіемъ не увеличиваетъ массы общаго благосостоянія, и какъ будто бы сила и счастье государства, составляютъ что-либо другое, нежели счастье отдѣльныхъ людей. Подобное послѣдствіе, вслѣдствіе котораго несчастному и бѣдствующему фабричному работнику придается большее политическое значеніе, нежели зажиточному собственнику, который богато питается самъ съ семьею и домашними и столь же мало думаетъ о покупкахъ, какъ и о продажахъ, потому только, что онъ всѣ потребности удовлетворяетъ самъ и при помощи содержимыхъ имъ лицъ, — подобное послѣдствіе, уже одно само по себѣ, достаточно для того, чтобы возбудить сомнѣніе въ справедливости этого воззрѣнія относительно чистаго народнаго дохода.

И дѣйствительно, въ основѣ этого воззрѣнія лежитъ смѣшеніе частно-хозяйственнаго и народно-хозяйственнаго чистаго дохода, потому что высказывается мысль, что интересы нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ или, правильнѣе говоря, частные интересы двухъ классовъ, именно поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ тождественны съ интересами общественными. Но можно ли признать истинность такого положенія, можно ли согласиться съ такимъ исключительнымъ воззрѣніемъ? Разсмотримъ нѣсколько случаевъ, очевидно доказывающихъ несостоятельность этого положенія. Предположимъ, что землевладѣльцы (или земледѣльцы и капиталисты) при одной системѣ земледѣльческой обработки, напримѣръ при хлѣбопашествѣ, получаютъ съ извѣстнаго пространства земли 10,000 рублей валоваго дохода при 5,000 рубляхъ издержекъ, или 5,000 чистаго дохода; при другой же системѣ, напр. пастбищной, они получаютъ только 7,500 руб. валоваго дохода при издержкахъ въ 2,500 руб. или также 5,000 руб. чистаго дохода. Очевидно, что они предпочтутъ послѣднюю систему, какъ

приносящую равный чистый доходъ и требующую меньшихъ издержекъ производства. Личная выгода ихъ вполне удовлетворена, но дѣйствительно ли столь же выгодна эта послѣдняя система для государства. Въ первомъ случаѣ валовой доходъ въ 10,000 руб. доставлялъ, положимъ, существованіе 100 лицъ; во второмъ же случаѣ валовое производство, понизившееся до 7,500 рублей въ состояніи содержать только 75 лицъ. Очевидно, что 25 лицъ, вполне обезпеченныхъ относительно существованія при первой системѣ, въ послѣднемъ случаѣ пропадаютъ для государства, нисколько не увеличивая доли другихъ, потому что чистый доходъ остается одинъ и тотъ же. Несомнѣнно, что первая система, хотя и доставляющая съ одинаковаго пространства тотъ же самый чистый доходъ, но доставляющая въ то же время бѣльшій валовой доходъ, является для государства болѣе производительною и прибыльною, потому что, покрывая издержки производства, она распредѣляетъ бѣльшій валовой доходъ между живыми трудящимися силами и тѣмъ способствуетъ поддержанію и развитію бѣльшаго народонаселенія, которое въ подобномъ случаѣ, такъ какъ оно существуетъ на счетъ своего собственнаго труда, не только не составляетъ тягости для государства, но положительно увеличиваетъ его силу и могущество, ибо изъ двухъ странъ, гдѣ народонаселенія пользуются одинаковою степенью благосостоянія, та страна, гдѣ народонаселеніе многочисленнѣе, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ преимущество.

Этотъ примѣръ очевидно доказываетъ, что чистый доходъ въ вышеприведенномъ смыслѣ, не служитъ еще вѣрнымъ опредѣлителемъ народно-хозяйственнаго значенія производства. Но этого мало. Могутъ быть случаи, когда увеличеніе чистаго дохода поземельныхъ владѣльцевъ и капиталистовъ, не только не увеличиваетъ дѣйствительнаго народнаго богатства, но приводитъ даже къ вреднымъ народно-хозяйственнымъ по-

слѣдствіямъ. Это бываетъ тогда, когда помѣщикъ-предприниматель для увеличенія своего чистаго дохода сокращаетъ трудъ и издержки производства сравнительно на бѣольшую сумму, нежели получаетъ дѣйствительно чистаго дохода. Это вполнѣ замѣтилъ уже Сисмонди «Землевладѣльцы, говоритъ онъ, часто воображаютъ, что система земледѣлія тѣмъ лучше, чѣмъ значительнѣе ихъ чистый доходъ, или та часть земледѣльческихъ произведеній, которая остается на ихъ долю, за исключеніемъ издержекъ производства .. Но весьма часто увеличеніе чистаго дохода на счетъ валоваго, бываетъ великимъ народнымъ бѣдствіемъ. Если собственникъ земли, подверженной разумной и дорого стоющей обработкѣ и доставляющей 1000 рублей валоваго дохода, отдаетъ ее въ наемъ за 100 рублей и если потомъ онъ найдетъ, что онъ получить 110 руб., оставивъ ее необработанною и отдавъ безъ всякихъ издержекъ подъ пастбища, то онъ не затруднится отослать садовника и виноградаря и пріобрѣтетъ этимъ 10 руб. излишку; народъ же потеряетъ 890, потому что все капиталы, употреблявшіеся для столь производительнаго производства, останутся безъ употребленія, слѣдовательно безъ прибыли; все работники, которые прежде содѣйствовали этому производству, останутся безъ труда, слѣдовательно также безъ дохода. Самая казна потеряетъ болѣе, нежели выиграетъ владѣлецъ, потому что она прежде участвовала во всехъ доходахъ капиталиста, фермера и землевладѣльца и часть ея была больше, нежели теперь весь доходъ послѣдняго» ¹⁾).

Отсюда очевидно, что тотъ высшій чистый доходъ, который получается на счетъ уменьшенія человѣческаго труда и оборотнаго капитала, слѣдовательно на счетъ валоваго производства, никоимъ образомъ не только не составляетъ прибыли

¹⁾ Sismondi «Nouveaux principes d'econ. polit.» ч. 1, стр. 159.

для общества, но напротивъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ вредить его интересамъ. Ни одна страна не представляетъ столь поразительнаго доказательства практической истинности этого положенія, какъ Великобританія, гдѣ совершались опыты, которые, если бы продолжали совершаться въ строго послѣдовательномъ порядкѣ, весьма легко могли бы привести къ сомнѣнію относительно полезности того основнаго права, на которомъ зиждется вся европейская культура, именно права собственности. Но, къ счастью, какъ въ злѣ, такъ и въ добрѣ, люди никогда не дѣйствуютъ строго послѣдовательно, и злоупотребленія все-таки остаются исключеніями. Въмѣсто многихъ подобныхъ примѣровъ можно привести наиболѣе замѣчательный, столь краснорѣчиво описанный Сисмонди, именно способъ дѣйствія Маркизы Стэффордъ, графини Созерландской. Графиня владѣла въ Шотландіи 400,000 гектарами земли (болѣе 366,166 десятинъ), на которыхъ было водворено 3000 семействъ или около 15,000 душъ. Эти семьи, остатки древнихъ клановъ, держали фермы, кормились произведеніями земли и скотоводства, а помѣщицѣ уплачивали умѣренную наслѣдственную ренту. Въ промежутокъ времени отъ 1811 года до 1820 она согнала всѣхъ своихъ фермеровъ, снесла всѣ деревни и устроила на мѣсто ихъ 29 громадныхъ дворовъ для содержанія 131,000 тонкорунныхъ овецъ; всѣ поля были запущены подъ пастбища, а выгнанные поселяне навсегда покинули родину и большею частью перебрались въ Америку. Вся эта операція была подробно описана исполнителемъ ея Лохомъ въ особой брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Отчетъ объ улучшеніи въ имѣніи маркизы Стэффордъ». Выгодность ея для помѣщицы доказана и подтверждена тѣмъ, что многіе владѣльцы послѣдовали ея примѣру. Она успѣла учредить большое хозяйство и обезпечить себѣ болѣе высокій чистый доходъ; но ни государство, ни человѣчество не могутъ радо-

ваться этому чистому доходу, добытому насчетъ счастія, независимости и благосостоянія нѣсколькихъ тысячъ лицъ. Доходы графини увеличились на нѣсколько тысячъ фунтовъ, но въ то же время Шотландія потеряла 15,000 трудолюбивыхъ пахарей. Нынѣ опустѣлыя горы и долины, оглашавшіяся нѣкогда пѣснями и звуками охотничьихъ роговъ воинственного и довольнаго своею участію народонаселенія, которое проливало свою кровь и жертвовало жизнью въ тысячахъ битвъ за своихъ наслѣдственныхъ предводителей, населены стадами и рѣдкими пастухами; между тѣмъ какъ владѣтельница ихъ съ королевскою пышностью царить въ своемъ замкѣ Трентгамѣ.

Другой подобный же примѣръ представляетъ римская Кампанія, которая нынѣ на разстояніи 2,250 италіянскихъ квадр. миль составляетъ фидеикомиссарную собственность нѣсколькихъ семействъ и находится въ рукахъ сорока большихъ арендаторовъ. Она также въ колоссальномъ размѣрѣ представляетъ доказательство вредности системы, которая, пренебрегая валовымъ доходомъ, обращаетъ все свое вниманіе на одинъ чистый доходъ. Эти монопольные большіе арендаторы, подобно маркизѣ Стэффордъ, въ возможномъ сбереженіи человѣческаго труда, т. е. въ преимущественномъ употребленіи почвы подъ пастбища, находятъ свою рѣшительную личную пользу; а между тѣмъ, вслѣдствіе этого прекрасная, нѣкогда процвѣтавшая и многолюдная страна, о прежнемъ благосостояніи которой свидѣтельствуютъ развалины многочисленныхъ городовъ и мѣстечекъ, нынѣ опустошена и безлюдна. Точно такіе же примѣры совершались въ концѣ прошлаго вѣка въ различныхъ государствахъ Германіи, что не разъ побуждало правительства къ предпринятію мѣръ противъ подобныхъ злоупотребленій, нарушающихъ общественные и государственные интересы.

Эти примѣры показываютъ, что личные интересы, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ сословій, не всегда совпа-

даютъ съ общими интересами, и что увеличеніе чистаго дохода предпринимателей и землевладѣльцевъ не всегда необходимо влечетъ за собою увеличеніе народнаго богатства. Напротивъ, нерѣдко значительный чистый доходъ подобныхъ предпринимателей можетъ получаться на счетъ уменьшенія заработной платы, и очевидно, что въ подобномъ случаѣ онъ никакъ не можетъ служить признакомъ благосостоянія страны и изобильнаго производства, а напротивъ, служить признакомъ ненормальнаго и вреднаго состоянія хозяйства, основаннаго на угнетеніи рабочаго класса; ибо по мѣрѣ увеличенія чистаго дохода землевладѣльцевъ и предпринимателей, соразмѣрно можетъ уменьшаться доля рабочихъ классовъ. Отсюда очевидно, что чистый доходъ предпринимателей и землевладѣльцевъ и чистый народный доходъ не одно и то же. Дѣйствительно, съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя часть оборотнаго капитала, употребленнаго на содержаніе труда, составляетъ издержку производства; но въ совершенно иномъ видѣ представляется этотъ вопросъ, если разсматривать его съ общенародной точки зрѣнія. Стоитъ только взглянуть въ способъ возникновенія всѣхъ продуктовъ, чтобы прійти къ несомнѣнному убѣжденію, что то, что для одного служитъ валовымъ производствомъ, слѣдовательно издержкою производства, для другаго снова является чистымъ доходомъ. Для отдѣльнаго землевладѣльца имѣетъ значеніе остающійся у него чистый доходъ, потому что посредствомъ его онъ увеличиваетъ свое богатство, но для него же несравненно важнѣе, нежели эта небольшая часть, тѣ издержки, которыя употреблены имъ для содержанія себя и семейства въ теченіе цѣлаго года. Одежда, употребленная имъ во время производства, средства пропитанія, горючій матеріалъ и пр. составляютъ, повидимому, издержки, но кто захочетъ утверждать, что эти предметы не суть истинныя богатства и цѣнности потому только, что они

употреблены для удовлетворенія потребностей семьи и такъ вполне исполнили свое назначеніе; ибо, какъ мы сказали, потребление есть окончательная цѣль всякаго производства. Издержки и плата, которыя даются земледѣльческимъ работникамъ и поденщикамъ, составляютъ для предпринимателя издержку производства, но для работниковъ онѣ составляютъ богатство и чистый доходъ, который отчасти идетъ на удовлетвореніе ихъ потребностей и наслажденій, отчасти откладывается ими въ видѣ сбереженія, и такимъ образомъ увеличивается ихъ богатство и благосостояніе. Въ этомъ же болѣе обеспеченномъ существованіи многочисленнаго класса нельзя не признать признака увеличенія народнаго богатства. При томъ суммы, употребляемыя работниками на покупку платья, обуви, орудій и товаровъ разнаго рода, хотя для нихъ, повидимому, также составляютъ издержку производства, но тѣмъ не менѣе, въ свою очередь, доставляютъ средства существованія и извѣстный чистый доходъ ремесленнымъ и промышленнымъ классамъ, и такимъ образомъ обогащаютъ и оживляютъ, въ свою очередь, промышленность и торговлю. Понятно, почему чистый доходъ частныхъ лицъ не всегда совпадаетъ съ чистымъ народнымъ доходомъ.

Главное противорѣчіе и запутанность происходитъ здѣсь, повидимому, оттого, что смѣшиваютъ чистый доходъ народной промышленности и увеличеніе народнаго богатства. А между тѣмъ это двѣ совершенно различныя вещи. Собственникъ, напр., самъ обрабатываетъ свою землю, употребляетъ сѣмена, орудія, удобренія и вообще капиталъ въ 100 руб. и получаетъ количество произведеній, составляющее валовой доходъ въ 400 рублей. Ему остается 300 руб., которые онъ издерживаетъ для своего существованія. Очевидно, что онъ не увеличилъ своего богатства, но триста рублей, употребленныхъ на его содержаніе, составляютъ для него не издержку, а чи-

стый доходъ. Такимъ образомъ необходимо признать, что всякое промышленное предпріятіе, если только оно возвратило затраченный капиталъ, оставило производителей въ концѣ операціи въ томъ же положеніи какъ и въ началѣ и, сверхъ того, дало излишекъ, который содержалъ работниковъ во время ихъ труда, что такое предпріятіе дало чистый доходъ, именно излишекъ, который питалъ производителей. Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, чистый доходъ есть всегда, какъ скоро въ валовомъ доходѣ есть излишекъ надъ употребленнымъ капиталомъ, даже въ томъ случаѣ, когда этотъ излишекъ представляетъ только заработную плату, даже плату недостаточную; потому что, какъ бы она ни была мала, для народа лучше имѣть производство, нежели оставаться въ недѣтельности. Но очевидно, что промышленность можетъ дѣйствительно увеличивать народное богатство только тогда, когда чистый доходъ довольно великъ, чтобы дать достаточную заработную плату рабочему, барышъ предпринимателю, процентъ капиталисту и если возможно, ренту землевладѣльцу. Впрочемъ, и въ послѣднемъ случаѣ увеличеніе народнаго богатства будетъ все-таки зависѣть отъ степени бережливости народа и характера его потребленія. Ибо если народъ, хотя и будетъ получать значительный чистый доходъ, но въ то же время будетъ проживать его безъ остатка, то увеличенія богатства происходить не будетъ.

Такимъ образомъ, чистый народный доходъ составляется не изъ одной прибыли предпринимателя и ренты землевладѣльца, какъ утверждалъ Рикардо и его послѣдователи, но также и изъ заработной платы, доставляющей существованіе рабочему классу. Въ этомъ смыслѣ чистый народный доходъ дѣйствительно можетъ быть истиннымъ мѣриломъ народнаго производства; ибо, понимаемый въ этомъ смыслѣ, онъ представляетъ собою всю совокупность вновь произведенныхъ цѣнно-

стей въ извѣстный хозяйственный періодъ времени, за исключеніемъ только капитала, употребленнаго на производство. Чистый народный доходъ извѣстнаго хозяйственного періода времени состоитъ слѣдовательно изъ всего, что произведено и можетъ быть потреблено, не уменьшая этимъ существующаго основнаго общественнаго капитала, основнаго народнаго богатства. Отсюда обратно слѣдуетъ, что только чистый народный доходъ, то есть, совокупность вновь произведенныхъ цѣнностей, можетъ быть потреблена безъ уменьшенія народнаго богатства. Если какой-нибудь хозяйственный періодъ времени прокормилъ вообще народонаселеніе и рабочій классъ въ особенности, и если въ концѣ этого хозяйственного періода основное народное богатство осталось не уменьшеннымъ, то уже отсюда очевидно, что это народонаселеніе должно было существовать вновь созданными имъ цѣнностями, которыя по этому нельзя исключить изъ чистаго дохода. Таково наше понятіе о чистомъ народномъ доходѣ, понятіе, вполне согласное, по нашему мнѣнію, съ ученіемъ великаго основателя экономической науки, Адама Смита. «Валовой доходъ всѣхъ жителей страны, говоритъ онъ во 2-й главѣ 2-й книги, обнимаетъ собою общее ежегодное производство земли и ихъ труда; чистый же доходъ составляетъ только то, что остается свободнымъ для ихъ распоряженія послѣ исключенія всего, что необходимо для поддержанія постояннаго и оборотнаго капитала; другими словами: изъ всего, что они могутъ обратить для собственнаго употребленія и удовлетворенія личныхъ цѣлей, безъ нарушенія основнаго народнаго капитала. Дѣйствительное богатство страны зависитъ такимъ образомъ не отъ валоваго, но отъ чистаго дохода». Это опредѣленіе чистаго народнаго дохода можно назвать достаточно удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что далѣе прибавляется, что если желаютъ изчислить чистый доходъ, то издержки, которыя должны быть сдѣланы

для поддержанія безъ уменьшенія постоянного капитала, должны быть вычтены изъ общаго дохода, но что иначе должно поступить съ оборотнымъ капиталомъ, потому что составныя части его, хотя и составляютъ капиталъ одного, служатъ однако въ то же время доходомъ другимъ. Отчасти изъ этого мѣста, отчасти изъ другихъ мѣстъ его книги, видно, что Ад. Смитъ былъ того мнѣнія, что заработная плата работникамъ почерпается изъ чистаго дохода общества.

Ту же мысль защищаютъ многіе другіе экономисты, какъ то: Германнъ, Ридель, Бернгарди, Рошеръ, Мингетти и т. д. По общему ихъ убѣжденію, все народонаселеніе страны, слѣдовательно производительные работники, точно также какъ и другіе классы общества, предназначены существовать и во всякомъ правильно развивающемся хозяйствѣ дѣйствительно существуютъ чистымъ народнымъ доходомъ. Отсюда очевидно, что съ точки зрѣнія обще-народнаго хозяйства, заработная плата не составляетъ издержки производства, какъ можно было бы заключить съ точки зрѣнія частнаго предпринимателя, но также входитъ въ составъ чистаго народнаго дохода, какъ рента поземельнаго собственника, барышъ и содержаніе предпринимателя, процентъ капиталиста.

Такимъ образомъ истинное мѣрило могущества всякаго производства съ обще-хозяйственной точки зрѣнія дѣйствительно заключается въ чистомъ доходѣ; но въ чистомъ доходѣ не въ томъ частно-хозяйственномъ смыслѣ, какъ понимали его послѣдователи и приверженцы ученія Рикардо, а въ обще-народномъ чистомъ доходѣ, въ составъ котораго входитъ не только рента землевладѣльца, прибыль капиталиста-предпринимателя, но и заработная плата работника. Земледѣльцы не суть простыя машины, орудія, единственное назначеніе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы доставлять пищу прочимъ людямъ при возможно мѣньшихъ издержкахъ и доля потребленія которыхъ

можетъ считаться народною потерей, вычетомъ изъ суммы народнаго богатства и потому, по возможности, должна быть ограничиваема. Ихъ назначеніе не состоитъ только въ томъ, чтобы цѣною личныхъ лишеній и пожертвованій доставлять возможно бѣльшій доходъ прочимъ классамъ общества. Напротивъ, они сами составляютъ важную часть общества и потому бѣльшая или мѣньшая доля ихъ, бѣльшая или мѣньшая степень благосостоянія ихъ, имѣетъ огромное значеніе для народнаго хозяйства, для котораго весьма важно, чтобы они пользовались благосостояніемъ и изобиліемъ наравнѣ съ другими классами. Политическая экономія, разумѣется, должна обращать вниманіе на возможно бѣльшее производство, но это увеличеніе производства никоимъ образомъ не должно производиться тираннически на счетъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія производителей. Въ тропическихъ странахъ, напр., гдѣ обрабатываютъ сахарный тростникъ и кофе, рабство, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ иногда содѣйствовать производству; но политическая экономія никоимъ образомъ не можетъ оправдывать подобной эксплуатаціи челоуѣка, которая нарушаетъ всѣ законы справедливости, жертвуетъ благомъ и счастьемъ однихъ въ пользу другихъ и приводитъ къ самымъ безчеловѣчнымъ и противнымъ свободѣ учрежденіямъ. Точно также и чистый доходъ землевладѣльца и капиталиста, полученный на счетъ заработной платы, на счетъ благосостоянія и довольства рабочаго класса, не можетъ считаться народнымъ выигрышемъ. Подобное увеличеніе чистаго дохода однихъ на счетъ уменьшенія дохода другихъ производитъ то, что народъ становится не богаче, но бѣднѣе и несчастнѣе. Самый народный капиталъ вообще, вслѣдствіе уменьшенія труда и заработной платы столь многихъ лицъ, вслѣдствіе произтекающаго отсюда непроизводительнаго потребленія нѣсколькихъ праздныхъ богачей, наконецъ вслѣдствіе чи-

сленнаго уменьшенія общаго народонаселенія, а также постоянно возрастающей нужды и бѣдности большинства, теряетъ несравненно болѣе, нежели сколько выигрываютъ отъ подобныхъ операцій нѣсколько отдѣльныхъ лицъ. Слѣдовательно, подобный болѣе высокій чистый доходъ, который можетъ быть полученъ на счетъ ограниченія существованія и благосостоянія людей, не только не составляетъ народной прибыли, но проклятіе для отдѣльныхъ лицъ и народовъ. Богатство и благосостояніе народа возвышаются не отъ того, что немногіе, при помощи своей дѣятельности, пріобрѣтаютъ излишки и сберегаютъ капиталы на счетъ дѣятельности и благосостоянія большинства. Они возвышаются только тамъ, гдѣ всѣ черпаютъ изъ своей дѣятельности все, что только могутъ извлечь для себя. Только при такомъ условіи всѣ классы общества, а не тѣ и другіе отдѣльныя лица, будутъ имѣть вѣрную и надежную возможность посредствомъ пріобрѣтенія богатствъ и разумнаго употребленія ихъ сдѣлаться возможно счастливыми, и только тогда можно съ увѣренностью ожидать, что народная дѣятельность будетъ развиваться правильно и излишекъ, доставляемый благодѣтельнымъ чистымъ доходомъ, будетъ приносить пользу для всѣхъ. Графъ де Местръ выразилъ это простое и плодотворное положеніе въ своемъ сочиненіи: «Lettre à un gentilhomme russe sur l'inquisition espagnole», въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «Въ естественныхъ наукахъ постоянно идетъ рѣчь о среднихъ величинахъ, такъ, напр., говорятъ о среднемъ отдаленіи, о среднемъ движеніи и т. д. Быть можетъ, прійдетъ время, когда этотъ же терминъ будетъ приложенъ и къ политикѣ и когда поймутъ, что лучшія учрежденія не тѣ, которыя доставляютъ людямъ или только отдѣльнымъ лицамъ высшую степень возможнаго счастія въ тотъ или другой моментъ, но тѣ, которыя обезпечиваютъ бѣольшую сумму возможнаго счастія возможно бѣольшому числу лю-

дей и поколѣній: это-то и есть среднее счастье». Ту же мысль выражаетъ Сисмонди съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ и высокою любовью къ человѣчеству: «Мы сказали и не устанемъ повторять, что благосостояніе народа измѣряется не по массѣ накопленныхъ въ его странѣ богатствъ, но по массѣ счастья, которое распредѣляетъ это богатство между народомъ. Истинная цѣль политической экономіи состоитъ въ такомъ распредѣленіи богатствъ, которое обезпечивало бы выгоды всѣмъ, хотя одни и могутъ быть болѣе надѣлены, нежели другіе. Необходимо, чтобы всѣ пользовались своею долею наслажденій, физическаго и нравственнаго развитія, доставляемаго богатствомъ; необходимо, чтобы всѣ, по мѣрѣ обогащенія народа, пользовались лучшею пищею, одеждою, жилищемъ, были болѣе обезпечены въ своемъ существованіи, имѣли болѣе надежды на будущее и въ то же время болѣе умеренности въ желаніяхъ; необходимо, чтобы всѣ могли пользоваться бѣльшимъ досугомъ для развитія своего разума, для отдохновенія своихъ утомленныхъ членовъ и для поддержанія своего здоровья; необходимо наконецъ, чтобы всѣ, участвуя въ возрастающемъ богатствѣ, находили въ немъ, не возбужденіе къ большей враждѣ, а новое побужденіе къ взаимному благоволенію» ¹⁾).

Все вышесказанное достаточно свидѣтельствуешь, что при обсужденіи производительнаго могущества различныхъ способовъ хозяйства и вообще для опредѣленія народно-хозяйственнаго могущества всякаго рода производства, необходимо обращать вниманіе не на одинъ чистый доходъ, получаемый предпринимателями и землевладѣльцами, но также и на валовой народный доходъ, ибо только такимъ образомъ мы можемъ получить понятіе о дѣйствительномъ обще-народномъ доходѣ.

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'écon. polit.» т. I, Essai 8, стр. 262.

Установивши такимъ образомъ справедливое мѣрило для опредѣленія производительнаго могущества различныхъ системъ обработки, мы можемъ теперь снова обратиться къ обработкѣ крестьянами-собственниками и разсмотрѣть, какое вліяніе оказываетъ она на общенародный чистый доходъ. Доходъ этотъ, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всего зависитъ отъ общаго валоваго народнаго дохода, изъ котораго почерпается заработная плата, прибыль предпринимателя и рента поземельнаго собственника.

Но что касается до валоваго дохода, то почти все экономисты и агрономы, какъ защитники, такъ и противники мелкой собственности, почти единогласно соглашаются, что мелкая обработка вообще, а тѣмъ болѣе обработка крестьянами-собственниками, при равенствѣ другихъ условій, содѣйствуетъ наибольшему валовому производству и вообще, на данномъ пространствѣ даетъ бо́льшую массу произведеній и питаетъ бо́льшее народонаселеніе, нежели какая-либо другая обработка. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости этого утвержденія, достаточно взглянуть на тѣ доводы, которые приводятся въ пользу его.

Общее и очевидное доказательство преимущества мелкой обработки крестьянами-собственниками относительно валоваго дохода прежде всего, по мнѣнію многихъ писателей, проявляется въ томъ неоспоримомъ и неподлежащемъ сомнѣнію фактѣ, что мѣстности, гдѣ преобладаетъ эта обработка, отличаются болѣе густымъ и многочисленнымъ народонаселеніемъ, которое притомъ, если только раздробленіе земли не доведено до вредной и неестественной крайности, пользуется лучшею одеждою и помѣщеніемъ и вообще является физически и нравственно болѣе развитымъ, нежели при большихъ помѣстьяхъ. Эта взаимная связь между раздробленіемъ земли и густотою народонаселенія столь очевидна, что на ней главнымъ обра-

зомъ основанъ упрекъ мелкой собственности и раздробленію земли въ томъ, что они ведутъ къ чрезмѣрному народонаселенію, упрекъ, дѣйствительное значеніе котораго мы рассмотримъ въ послѣдствіи. Въ настоящемъ же случаѣ для насъ пока вполне достаточно признать тотъ фактъ, что подъ благотворнымъ вліяніемъ мелкой обработки крестьянами-собственниками всѣ страны повсемѣстно проявляютъ признаки неутомимаго прилежанія, хорошо вознаграждаемой обработки и вообще, вслѣдствіе пріятнаго разнообразія разнородныхъ, перемежающихся культуръ, вслѣдствіе пестрой смѣси огородныхъ, промышленныхъ и другихъ разнообразныхъ растений, представляютъ самый пріятный и радостный видъ, свидѣтельствующій о равно распределенномъ, наружно выдающемся благосостояніи. Между тѣмъ какъ, напротивъ, печальная картина рѣдко прерываемаго однообразія обширныхъ полей, утомляющая взоръ обработка однородныхъ растений на пространствахъ громадныхъ размѣровъ, поразительный контрастъ между чрезмѣрнымъ богатствомъ помѣщичьихъ жилищъ и крайнею бѣдностью жилищъ несчастныхъ сельскихъ рабочихъ и арендаторовъ — этихъ необходимыхъ спутниковъ большой обработки, составляютъ лучшее доказательство, что здѣсь избытокъ немногихъ счастливыхъ основанъ на лишеніи и необезпеченности цѣлыхъ народныхъ массъ. Эта повсемѣстно встрѣчающаяся противоположность, уже одна, сама по себѣ, служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу болѣе богатаго производства земледѣлія при мелкой обработкѣ крестьянами-собственниками; потому что болѣе многочисленное и болѣе благоденствующее народонаселеніе можетъ существовать только на счетъ большаго валоваго производства.

Впрочемъ, это внѣшнее наблюденіе служитъ не единственнымъ основаніемъ въ пользу большаго валоваго производства при мелкихъ хозяйствахъ. Къ подобному же заключенію приво-

дять также различные народно-хозяйственные доводы. Сюда прежде всего относится все сказанное нами въ предшествовавшей главѣ о тѣхъ могущественныхъ побужденіяхъ, которыя непрерывно дѣйствуютъ на мелкаго собственника и заставляютъ его предаваться самому тщательному труду и самой усиленной дѣятельности. Очевидно, что при обработкѣ земли крестьянами-собственниками уже одно и то же количество рабочихъ силъ, вслѣдствіе большей интензивности труда и большихъ усилій, можетъ произвести несравненно большее количество произведеній, нежели при существованіи крупныхъ хозяйствъ, гдѣ почти вовсе не существуетъ работниковъ, благосостояніе и гибель которыхъ непосредственно зависѣли бы отъ успѣха труда.

Но извѣстно притомъ, что при господствѣ мелкой обработки къ земледѣлію прилагается не только величайшее прилежаніе, но въ то же время, вслѣдствіе болѣе густаго народонаселенія, постоянно сопровождающаго раздробленіе поземельной собственности, большее количество рукъ, такъ что никогда не ощущается недостатка въ рабочихъ силахъ, необходимыхъ для извлеченія ихъ земли богатыхъ сокровищъ, въ изобиліи скрытыхъ въ ея нѣдрахъ.

Если къ этой усиленной дѣятельности большаго количества лицъ, присоединить далѣе другія выгоды мелкой обработки, происходящія отъ тщательнаго накопленія и приготовленія удобреній, отъ сбереженія земли, наконецъ отъ множества мелкихъ, побочныхъ произведеній, какъ то: масла, молока, яицъ, птицъ, овощей, плодовъ, меда, цвѣтовъ и т. д., то увидимъ, что для совокупности мелкихъ хозяевъ всегда возможно добыть столь значительную массу цѣнныхъ продуктовъ, которая абсолютно недостижима на равномъ пространствѣ для большаго хозяйства. Мелкій собственникъ, личный интересъ котораго служитъ самымъ лучшимъ побудителемъ къ дѣятель-

ности, изобрѣтательности, находчивости, пользующійся каждымъ благопріятнымъ условіемъ погоды и мѣстности, каждою свободною минутою, каждою малѣйшею силою, совершающій эти труды при помощи семьи и большею частью въ свободное время, всегда можетъ достигнуть этихъ результатовъ, не требующихъ отъ него особенныхъ пожертвованій и издержекъ. Напротивъ, большой собственникъ, для достиженія подобной же цѣли, необходимо долженъ значительно усилить количество служащихъ и надзирающихъ лицъ и столь увѣличить издержки производства, что достиженіе подобной цѣли становится для него слишкомъ дорогимъ и невыгоднымъ. Понятно, почему вслѣдствіе различныхъ непреодолимыхъ препятствій относительно надзора и дороговизны и недѣйствительности всякой наемной работы, большія хозяйства главнымъ образомъ при-
нуждены ограничиваться обработкою простыхъ родовъ хлѣба и скотоводствомъ, и вообще осуждены на экстензивное хозяйство, основанное на возможномъ сокращеніи человѣческаго труда и сбереженіи издержекъ производства; между тѣмъ какъ мелкая обработка по преимуществу является интенсивною, приближающеюся къ огородной, ибо она, посредствомъ качества и количества труда, старается вознаградить недостатокъ земли и всегда съ успѣхомъ достигаетъ до чрезвычайнаго разнообразія обрабатываемыхъ растеній. Обработка, соединенная съ значительнымъ количествомъ труда, замѣчаетъ по этому поводу Шверцъ, вполне соотвѣтствуетъ человѣку, который большую часть работъ совершаетъ самъ съ женою, дѣтьми и батракомъ; потому что, не дѣлая никакихъ издержекъ, онъ мало или даже совсѣмъ не принимаетъ во вниманіе количества употребленнаго труда, и всякое увеличеніе производства считаетъ чистымъ доходомъ. Онъ пашетъ, копаетъ и работаетъ съ неутомимымъ прилежаніемъ, потому что приноситъ пользу себѣ и близкимъ. Совершенно же иначе бываетъ при большихъ

помѣстяхъ. Все здѣсь стѣитъ денегъ; всякое лишнее движеніе составляетъ для производителя чистую потерю, и понятно, почему онъ долженъ приступать къ дѣлу съ величайшею осторожностью въ издержкахъ» ¹⁾).

Все сказанное достаточно доказываетъ превосходство мелкой обработки относительно валоваго производства и вполне объясняетъ тѣ поразительные экономическія результаты, которые достигаются ею. Такъ, при помощи подобной обработки половина или три четверти десятины въ Рейнской области, въ особенности вблизи городовъ и желѣзныхъ дорогъ, въ состояніи доставить самостоятельное и удобное существованіе цѣлой семьѣ огородника. Лучшимъ мѣриломъ притомъ высоты получаемого такимъ образомъ дохода служатъ цѣны поземельной собственности, которыя вблизи Бреславля, Бамберга, Нюрнберга, Эрфурта достигаютъ до 1500, а у воротъ Гамбурга даже до 2000 и болѣе талеровъ за прусскій моргенъ ²⁾). Извѣстно далѣе, что жители Монтрейля, деревни близъ Парижа, посредствомъ производства плодовъ получаютъ ежегодно съ десятины земли до 1500 рублей дохода, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ такой значительной прибыли не могутъ доставить даже нѣсколько сотъ десятинъ. Но эти поразительные результаты, добываемые при помощи огородничества и садоводства не находятся ли въ тѣсной связи съ раздробленіемъ земли и съ обработкою земли крестьянами-собственниками? Въ этомъ нельзя сомнѣваться при видѣ фактовъ, несомнѣнно подтверждаемыхъ статистикою. Такъ, Рейхеншпергеръ приводитъ въ примѣръ Пруссію, гдѣ въ 1845 году отношеніе огородной земли къ общему пространству представлялось въ слѣдующемъ видѣ: въ провинціи Бранденбургъ, какъ 1:251, въ

¹⁾ Schwerz «Anleitung zum prakt. Ackerbau», ч. 3, стр. 116.

²⁾ Rau «Volkswirtschaftslehre» I. § 379 и 381.

Познани, какъ I: 235, въ Помераніи, какъ 1:201, въ Пруссіи, какъ 1:150, въ Силезіи, какъ 1:120, въ Вестфаліи, какъ 1:85, въ Саксоніи, какъ 1:76, въ Рейнской области, какъ 1:36. Отсюда очевидно, что въ то время, какъ въ Бранденбургѣ одинъ моргенъ огородной земли приходился на 251 моргенъ общаго пространства, въ Рейнской области одинъ моргенъ огородной земли приходился на 36 моргеновъ общаго пространства. Такое сильное развитіе огородничества, по мнѣнію Рейхеншпергера (*Agrarfrage*, стр. 48), никоимъ образомъ нельзя объяснить однимъ болѣе умѣреннымъ климатомъ Рейнской области, ибо безъ господствующаго тамъ раздробленія земли не доставало бы необходимыхъ рабочихъ рукъ.

Таковы доводы, приводимые въ пользу превосходства мелкой обработки крестьянами-собственниками относительно получения большаго валоваго дохода. Если взвѣсить, въ какомъ смыслѣ понимается валовой доходъ писателями, доказывающими это положеніе, то можно увидѣть, что вышеприведенными словами доказывается, покрайней мѣрѣ отчасти, существованіе при мелкой обработкѣ крестьянами-собственниками большаго чистаго народнаго дохода въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ. Благодаря подобному раздробленію почвы, не превосходящему впрочемъ извѣстныхъ границъ, при помощи обработки крестьянами-собственниками изъ земли извлекается бóльшая масса благъ, болѣе средствъ для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ и потребностей, пріобрѣтается возможность пропитывать болѣе многочисленное народонаселеніе и слѣдовательно въ большей мѣрѣ достигается конечная цѣль всякой человѣческой дѣятельности. Но, какъ мы сказали уже въ началѣ главы, валовой народный доходъ, какъ ни важно его значеніе для человѣческихъ обществъ, не можетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ служить вѣрнымъ мѣриломъ производительнаго могущества страны. Могутъ быть случаи, когда об-

работка крестьянами-собственниками извлекаетъ бѣльшій валовой доходъ на счетъ существующаго народнаго капитала, на счетъ истощенія производительныхъ силъ земли, на счетъ благосостоянія будущихъ поколѣнй. Могутъ быть случаи, когда бѣльшій валовой доходъ пріобрѣтается такимъ количествомъ труда и усилй, которое поглощаетъ все свободное время и силы народа, не даетъ ему досуга предаваться другимъ занятйямъ, не обезпечиваетъ излишка необходимаго для существованія многочисленнаго народонаселенія, посвящающаго себя мануфактурной промышленности, торговлѣ, мореплаванію, защитѣ страны, распространенію знаній, либеральнымъ профессіямъ, государственной службѣ, искусствамъ, наукамъ, лутературѣ. Очевидно, что подобный народъ будетъ стоять на низкой степени цивилизаціи и будетъ лишенъ главныхъ благъ, обезпечиваемыхъ ею. Отсюда необходимость обращать вниманіе и на чистый доходъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаютъ его послѣдователи Рикардо, именно подразумѣвая подъ нимъ тотъ излишекъ, который остается за исключеніемъ издержекъ производства въ рукахъ предпринимателей и землевладѣльцевъ. Хотя, какъ мы видѣли прежде, этотъ чистый доходъ, понимаемый въ такомъ частно-хозяйственномъ смыслѣ, не можетъ составлять исключительнаго мѣрила производительности различныхъ обработокъ, ибо часто можетъ получаться на счетъ благосостоянія многочисленнаго рабочаго земледѣльческаго класса; тѣмъ не менѣе онъ, въ свою очередь, если только не совпадаетъ съ уменьшеніемъ количества заработной платы, можетъ имѣть громадное значеніе для народнаго хозяйства, ибо обусловливаетъ собою существованіе прочихъ не земледѣльческихъ классовъ и обезпечиваетъ имъ досугъ и свободу предаваться другимъ болѣе утонченнымъ занятйямъ. Какое же вліяніе оказываетъ обработка крестьянами-собственниками на чистый доходъ предпринимателей и земле-

владѣльцевъ? Въ этомъ отношеніи значительная часть экономистовъ, признавая за обработкой крестьянами-собственниками бóльшій валовой доходъ, полагаетъ, что она, въ свою очередь, уступаетъ большой обработкѣ относительно чистаго дохода, понимаемаго въ этомъ смыслѣ. «Единственный недостатокъ мелкой обработки, говоритъ Делавернь, состоитъ въ томъ, что она требуетъ много рукъ, и при большемъ валовомъ доходѣ даетъ меньшій чистый доходъ. Когда большая обработка занимаетъ только тридцать человѣкъ на сто гектаровъ земли, мелкая требуетъ вдвое или втрое болѣе»¹⁾. Несмотря на столь распространенное и укоренившееся мнѣніе, мы никакимъ образомъ не можемъ согласиться въ абсолютномъ превосходствѣ большой обработки надъ малою, совершаемою крестьянами-собственниками, даже и въ этомъ отношеніи. Для доказательства рассмотримъ тѣ доводы, которые обыкновенно приводятся въ пользу сравнительно бóльшаго чистаго дохода при крупныхъ хозяйствахъ.

Мелкіе владѣльцы, говорятъ защитники бóльшой обработки, во время труда потребляютъ бóльшую часть добытыхъ произведеній, довольствуясь что могутъ удовлетворить своимъ потребностямъ; а если тѣ же участки сосредоточены обширными массами въ рукахъ одного лица, то одинъ предприниматель, который долженъ кормить только себя, семью и несравненно меньшее количество работниковъ, благодаря разумному порядку, раздѣленію труда, сбереженію времени и человѣческихъ силъ, содержанію большею частью неженатыхъ работниковъ, занимаемыхъ и кормимыхъ соотвѣтственно потребности, отпускаемыхъ въ свободное время, можетъ, благодаря всѣмъ этимъ совокупнымъ условіямъ, получить несравненно бóльшій излишекъ отъ продажи произведеній, за исключеніемъ издержекъ обработки и содержанія себя. Но весь этотъ расчетъ

¹⁾ De Lavergne «Economie rurale de la France», стр. 114.

основанъ на обольщеніи. Хотя въ амбарахъ и житницахъ крупнаго помѣщика весьма часто бываетъ накоплена громадная масса хлѣбныхъ запасовъ, хотя онъ доставляетъ рынкамъ въ совокупности значительныя массы продуктовъ, тѣмъ не менѣе это еще нисколько не доказываетъ, чтобы сумма излишковъ, получаемыхъ съ такого же пространства мелкими хозяевами — если только раздробленіе земли не доведено до чрезмѣрной и неестественной крайности, — не только не давала равнаго чистаго дохода, но даже бѣльшаго. Во первыхъ, это послѣднее предположеніе очень вѣроятно, если мы сообразимъ нѣкоторыя обстоятельства. Тому доводу, что крестьянинъ долженъ кормить свою семью круглый годъ и слѣдовательно долженъ потреблять значительную часть добытыхъ продуктовъ, можно противопоставить то обстоятельство, что семья мелкаго землевладѣльца не остается круглый годъ сложа руки, какъ семьи богатыхъ лицъ, но принимаетъ самое дѣятельное участіе въ полевыхъ работахъ, и безъ сомнѣнія, за меньшую плату, нежели наемные работники, получающіе, кромѣ пропитанія, еще значительное денежное вознагражденіе. Къ этому присоединяется величайшая заботливость и тщательная бережливость, постоянно господствующая въ мелкихъ хозяйствахъ, гдѣ каждый заинтересованъ въ избѣжаніи малѣйшихъ потерь и гдѣ ни что не портится вслѣдствіе небрежности, равнодушія и враждебнаго расположенія работниковъ. Далѣе, большой помѣщикъ, хотя и обязанъ содержать одну семью, одно хозяйство и незначительное количество батраковъ, но вслѣдствіе своего сословнаго положенія необходимо долженъ дѣлать совершенно иныя издержки, нежели крестьянинъ; такъ что, если исключить ихъ изъ воображаемаго бѣльшаго чистаго дохода съ крупнаго помѣстья, то отношеніе будетъ совсѣмъ не таково, какимъ воображаютъ себѣ защитники его. Сверхъ того, крупное помѣстье требуетъ многихъ издержекъ, которыя

обусловливаются только его величиною и которыя сами по себѣ бесполезны. Такъ, напр., нельзя избѣжать лицъ, необходимыхъ для надзора за многочисленными работниками и обширными строеніями, за отдаленными участками, между тѣмъ какъ въ мелкихъ хозяйствахъ этотъ надзоръ совершается самими крестьянами, которые такимъ образомъ исполняютъ два дѣла: надзоръ и работу, сберегая издержки перваго. Значительные капиталы должны быть также употреблены на постройку строеній для храненія запасовъ, между тѣмъ какъ мелкіе хозяева сохраняютъ свои произведенія безъ особенныхъ издержекъ, и если сравнить издержки обоихъ, то излишекъ придется на сторону большихъ. Такимъ образомъ, уже одни эти общія соображенія служатъ достаточнымъ основаніемъ, чтобы возбудить сомнѣніе относительно превосходства большой обработки въ чистомъ доходѣ.

Но обратимся къ фактамъ. Въ пользу бóльшаго чистаго дохода, получаемаго при большихъ хозяйствахъ, приводятъ обыкновенно сравненіе результатовъ, получаемыхъ при большой обработкѣ въ Англіи съ результатами малой обработки въ другихъ странахъ, особенно во Франціи. Во Франціи обыкновенно считаютъ, что земледѣльческое народонаселеніе составляетъ двѣ трети общаго, въ Англіи же — одну треть. Отсюда заключаютъ, что такъ какъ во Франціи только три лица содержатся двумя земледѣльцами, между тѣмъ какъ въ Англіи трудъ тѣхъ же двухъ земледѣльцевъ содержитъ шесть человѣкъ, то англійское земледѣліе вдвое производительнѣе французскаго, и эту разницу главнымъ образомъ приписываютъ превосходству производительнаго могущества земледѣльской обработки. Но во первыхъ, факты преувеличены. Трудъ двухъ лицъ въ Англіи не содержитъ шести человѣкъ, потому что значительное количество сѣстныхъ припасовъ привозится изъ-за границы и Ирландіи. Подобнымъ же образомъ во Фран-

ціи трудъ двухъ земледѣльцевъ доставляетъ не одно только пропитаніе для трехъ лицъ, но доставляетъ также имъ, а часто и за границу, коноплю, ленъ, въ извѣстной мѣрѣ шелкъ, масляничныя растенія, табакъ, сахаръ, и многія другія произведенія, которыя въ Англію привозятся изъ другихъ странъ. Почти весь строительный лѣсъ, употребляемый во Франціи, внутренняго производства; почти весь лѣсъ, употребляемый въ Англіи, привозной; большая часть топлива во Франціи получается и привозится на рынки черезъ посредство лицъ, считаемыхъ въ земледѣльческомъ классѣ; въ Англіи же лицами, не составляющими этого класса и т. д. Но, не придавая даже особенной важности всѣмъ этимъ вычетамъ, возьмемъ вопросъ такъ, какъ онъ представляется. Положимъ даже, что два лица въ Англіи дѣйствительно производятъ пищу для шести человѣкъ, между тѣмъ какъ во Франціи для того же результата необходимъ трудъ четырехъ человѣкъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что подобный результатъ земледѣльской дѣятельности составляетъ необходимое послѣдствіе различія обработокъ, господствующихъ въ этихъ двухъ странахъ? Процвѣтаніе сельскаго хозяйства во всякой странѣ обусловливается бездною разнообразныхъ экономическихъ и общественныхъ причинъ, часто мало или совершенно не зависящихъ отъ формы поземельнаго устройства. Такъ, напр., успѣхи англійскаго сельскаго хозяйства главнымъ образомъ происходятъ отъ выгодности общей обстановки всякихъ промышленныхъ предпріятій въ Англіи, отъ болѣе густаго народонаселенія, порождаемаго громадною промышленною и торговою дѣятельностью, отъ легкой возможности сбыта произведеній, отъ изобилія и дешевизны капиталовъ, приливающихъ въ нее изъ всѣхъ странъ міра, наконецъ отъ множества другихъ экономическихъ и общественныхъ условій. Справедливо ли поэтому приписывать земледѣльческое развитіе и успѣхи Англіи въ сельскомъ хо-

звѣдѣ исключительно сосредоточенной поземельной собственности и большимъ хозяйствамъ? Не естественнѣе ли видѣть въ этомъ слѣдствіе болѣе разумной и усовершенствованной обработки, которую можно приложить независимо отъ существованія, или, по крайней мѣрѣ, исключительнаго существованія большой собственности? Очевидно, что сравнивать два государства, находящіеся въ столь различныхъ положеніяхъ, для доказательства превосходства той или другой системы обработки, совершенно несправедливо. Чтобы сравнивать достоинство двухъ принциповъ, нужно сравнивать ихъ при одинаковыхъ условіяхъ для дѣйствія обѣихъ. Подобное же сравненіе, при болѣе одинаковыхъ условіяхъ, служитъ скорѣе доказательствомъ въ пользу мелкой обработки, нежели большой. Въ самой Англіи примѣръ Ламаншскихъ острововъ, гдѣ, какъ мы видѣли, господствуютъ мелкія хозяйства, служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что хозяйство поселянъ-собственниковъ при одинаковыхъ условіяхъ несравненно успѣшнѣе хозяйства фермеровъ-капиталистовъ. Какъ мы приводили уже прежде (см. стр. 158), на этихъ островахъ не только общенародонаселеніе, но и народонаселеніе не земледѣльческое, величина котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ опредѣлителемъ чистаго дохода, несравненно гуще, нежели въ Великобританіи и, сверхъ того, земля доставляетъ несравненно болѣшую ренту, нежели въ Великобританіи ¹⁾. Подобные же факты повторяются во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Извѣстно, напримеръ, что во Франціи мелкія хозяйства суть наилучше обработанныя, наилучше удобренныя, огороженныя, содержимыя и ухаживаемыя во всѣхъ отношеніяхъ, такъ что владѣлецъ, желающій получить болѣшую ренту, можетъ достигнуть этого только посредствомъ раздробленія земли,—очевидное доказа-

¹⁾ Thornton «Plea for peasant-proprietors», стр. 30 и сл.

тельство, что раздробленіе земли увеличиваетъ чистый доходъ. Делавернь свидѣтельствуєтъ, что наиболѣе процвѣтающія въ земледѣльческомъ отношеніи мѣстности во Франціи суть тѣ, гдѣ господствуетъ мелкая обработка, какъ, напр., въ Сѣверномъ и Нижне-Рейнскомъ департаментахъ, а также почти во всѣхъ богатыхъ кантонахъ другихъ департаментовъ. Изъ послѣдней оцѣнки явствуетъ притомъ, что въ то время какъ цѣнность и чистый доходъ большихъ помѣстій въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ увеличились не болѣе, какъ на треть или на четверть, цѣнность мелкихъ помѣстій учетверилась и даже унятерилась ¹⁾. По свидѣтельству Летте и Рейхеншпергера, въ Рейнской провинціи, а также во многихъ частяхъ Вестфалии, со времени прогрессивнаго возрастанія городовъ, а также съ развитіемъ промышленности, вслѣдствіе постоянно возрастающаго запроса на земледѣльческіе продукты, а также вслѣдствіе сокращенія разстоянія посредствомъ проведенія желѣзныхъ дорогъ, владѣльцы большихъ помѣстій при своей непосредственной обработкѣ не могли получать столько чистаго дохода, сколько при системѣ мелкихъ арендъ ²⁾. О подобномъ же фактѣ свидѣтельствуєтъ Лавеле относительно Бельгіи (см. стр. 288).

Не удивительно поэтому, что многіе писатели, какъ Альбрехтъ Теэръ, Лоцъ, Шверцъ, Коппе, Шнееръ, Рейхеншпергеръ, Рау, Торнтонъ, Милль, Пасси, Кольбъ, и множество другихъ признають за мелкой обработкой крестьянами-собственниками не только бóльшій валовой, но и бóльшій чистый доходъ. Такъ, знаменитый нѣмецкій агрономъ Теэръ въ своемъ сочиненіи «Основанія рациональнаго хозяйства» (пер. Маслова. 1838, стр. 97) говоритъ слѣдующее: «Гдѣ мелкопомѣстные

¹⁾ De Lavergne «Economie rurale de la France» стр. 445.

²⁾ Lette «Die Vertheilung des Grundeigenthums», стр. 198.—Reichensperger «Die freie Agrarverfassung», стр. 22.

хозяева при дѣятельности имѣютъ достаточныя средства къ земледѣлію, гдѣ они могутъ заниматься имъ неограниченно, безъ притѣсненій, тамъ плодородная земля при собственноручной ихъ работѣ, или, покрайней мѣрѣ, при дѣятельномъ ихъ надзорѣ за работами, не только болѣе произведетъ, съ чѣмъ конечно согласится всякій, но еще можетъ доставить болѣе чистаго дохода, — а этому многіе не повѣрятъ. Опасеніе, что такой производитель все потребитъ для собственнаго продовольствія и что ему нечего будетъ продавать, совершенно неосновательно и родился при взглядѣ на жалкое земледѣліе крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ причины худаго хозяйства ихъ совершенно иныя. Сколько есть примѣровъ, что въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, гдѣ совсѣмъ не отличная земля, небольшіе наслѣдственные арендаторы исправно платятъ за ферму, покупаютъ для себя все нужное, живутъ по своему состоянію хорошо и, сверхъ того, сберегаютъ небольшое состояніе. Надобно же, чтобы они имѣли избытокъ, и этотъ избытокъ, если хорошо разсмотрѣть, превзойдетъ получаемый въ большихъ хозяйствахъ съ одинаковаго пространства земли». Это мнѣніе Теэра тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ ранніе годы своей жизни, онъ весьма сильно склонялся къ англійской системѣ большихъ помѣстій и большихъ фермъ.

Въ подобномъ же духѣ высказывается Рау. По его мнѣнію, крупныя помѣстья тогда только могли бы превосходить въ дѣйствительности мелкія относительно чистаго дохода, если бы послѣднія обрабатывались совершенно въ томъ же родѣ, какъ большія, но этого никогда не бываетъ. Напротивъ, раздробленіе большихъ помѣстій на мелкія необходимо влечетъ за собою совершенно иной способъ хозяйства. Поэтому Рау полагаетъ, что среднія и мелкія помѣстья, если только они обрабатываются, какъ этому дается возможность, съ большою старательностію и прилежаніемъ, доставляютъ не только бѣль-

шій валовой, но и бóльшій чистый доходъ, и старается подтвердить это въ своихъ «*Ansichten der Volkswirthschaft*» описаніемъ хозяйствъ и разсчетами весьма поучительнымъ образомъ. Правда, говоритъ онъ, чистый доходъ, по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ помѣстій, становится сравнительно меньшею долею валоваго, такъ какъ онъ увеличивается медленнѣе нежели послѣдній и даже за извѣстною границею начинаетъ уменьшаться, тѣмъ не менѣе до этой границы, взятый самъ по себѣ, онъ болѣе, нежели какой могутъ доставить на подобномъ же пространствѣ большія помѣстья ¹⁾).

Не менѣе любопытно мнѣніе Рейхеншпергера, который также отдаетъ мелкой обработкѣ крестьянами-собственниками рѣшительное преимущество не только относительно валоваго, но и чистаго дохода. По его мнѣнію, преимущество мелкой обработки относительно чистаго дохода подтверждается самыми очевидными фактами и наблюденіями. Уже одно то, что мелкая обработка сравнительно съ большими хозяйствами даетъ высшій валовой доходъ, дѣлаетъ, по его словамъ, въ высшей степени вѣроятнымъ, что она даетъ также бóльшій чистый доходъ; ибо этотъ послѣдній, какъ извѣстно по опыту, постоянно составляетъ опредѣленную процентную часть всего валоваго дохода для каждаго рода почвъ, и потому, въ случаѣ сомнѣнія или до доказательства противнаго, возрастаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ прогрессивномъ отношеніи. Покрайней мѣрѣ справедливость подобнаго предположенія принимается или предполагается закономъ при учрежденіи всякаго кадастра и основаннаго на немъ распредѣленія поземельнаго налога; потому что при этомъ никоимъ образомъ не обращается вниманіе на различіе размѣровъ помѣстій, но только на абсолютное достоинство почвы, обусловливаемое, какъ естественными причина-

¹⁾ Rau „*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*“, § 371.

ми, такъ и прилежаніемъ и затратою капиталовъ, способъ, который на основаніи финансовой науки и точныхъ финансовыхъ законовъ, только въ такомъ случаѣ можетъ быть признанъ справедливымъ, если утвержденіе относительно бѣльшаго чистаго дохода при крупныхъ помѣстьяхъ неосновательно, потому что несомнѣнно, что только дѣйствительный чистый доходъ каждаго поземельнаго участка можетъ быть равномерно обложенъ налогомъ, такъ какъ обложеніе налогомъ валоваго дохода въ самое короткое время необходимо привело бы къ уничтоженію народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ, законъ повсемѣстно признаетъ, что свойственная всякому мелкому собственнику тщательная обработка, усиленная бережливость и воздѣлываніе такихъ произведеній, которыя, подобно масляничнымъ, прядильнымъ и вообще промышленнымъ растеніямъ, требуютъ непрерывныхъ и тщательныхъ заботъ, доставляетъ при малыхъ хозяйствахъ не только бѣльшій валовой доходъ, обезпечивающій существованіе лицъ, способствующихъ производству и возвращающій цѣнность затраченныхъ для производства издержекъ, но также и бѣльшій подлежащій налогу чистый доходъ, соотвѣтствующій качеству почвы, нежели какой можетъ быть полученъ при большихъ хозяйствахъ.

Но если даже не обращать вниманіе на это формальное предположеніе, лежащее въ основѣ распредѣленія налоговъ, то непреложное и неопровержимое доказательство того же, можно найти, по мнѣнію Рейхеншпергера, въ результатахъ кадастральной оцѣнки земель въ Рейнской провинціи и Вестфаліи, изъ которой очевидно, что именно огородная земля, которая въ Рейнской провинціи составляетъ $\frac{1}{36}$, а въ Вестфаліи $\frac{1}{85}$ часть всей земли, доставляетъ въ этихъ провинціяхъ 136 зильберъ-грошей чистаго дохода съ моргена, между тѣмъ какъ пахатная земля только 68, а пастбищная только 48 зильберъ-грошей. Съ другой стороны, не менѣе очевиднымъ дока-

зательствомъ, что при этой хозяйственной системѣ добывается несравненно бѣльшая масса земледѣльческихъ продуктовъ не только для непосредственнаго потребленія самыхъ производителей, но и вообще для продажи, служить также то, до очевидности доведенное статистикою обстоятельство, что болѣе густое народонаселеніе, постоянно замѣчаемое при преобладающемъ господствѣ мелкой обработки, простирается не только на тѣ промышленные классы, которые посредственно или непосредственно заняты земледѣліемъ, но и на города и всѣ другія отрасли промышленности безъ исключенія, что съ достаточною опредѣленностью указываетъ на соответствующій высшій чистый доходъ. Понятно, что эта обильная продажа продуктовъ въ промышленныхъ центрахъ, возможна только послѣ обезпеченнаго пропитанія производителей, слѣдовательно по покрытіи непосредственныхъ и важнѣйшихъ издержекъ производства. Это тѣмъ болѣе свидѣтельствуетъ въ пользу значительнаго излишка общаго производства надъ издержками, т. е. соответствующаго чистаго дохода, что ежедневное наблюденіе показываетъ, что существованіе мелкихъ собственниковъ не только не бѣдно и не лишено утонченныхъ наслажденій, доставляемыхъ промышленностью и торговлею, но вообще среднюю мѣру представляетъ въ лучшемъ положеніи, нежели существованіе арендаторовъ, поденщиковъ и слугъ на большихъ помѣстьяхъ, и сверхъ того, даетъ мелкимъ собственникамъ возможность дѣлать нѣкоторыя сбереженія для устройства своихъ дѣтей.

Это ежедневное наблюденіе болѣе высокаго чистаго дохода при мелкой обработкѣ находитъ себѣ далѣе, по мнѣнію Рейхеншпергера, Рау, Торнтонна и многихъ другихъ, самое полное подтвержденіе въ высокой арендной платѣ и покупныхъ цѣнахъ, платимыхъ за землю, назначаемую для мелкой интенсивной обработки. Это явленіе, по ихъ мнѣнію, никоимъ обра-

зомъ нельзя объяснять единственно усиленною конкуренціею покупателей, какъ это предполагалось донинѣ; потому что хотя подобные случаи изрѣдка и встрѣчаются, тѣмъ не менѣе они никоимъ образомъ не могутъ объяснить всеобщаго и постоянного возвышенія цѣнъ, какъ это показываетъ опытъ. Во всякомъ же случаѣ это явленіе необходимо должно вести къ тому, чтобы чистый доходъ подобныхъ мелкихъ хозяйствъ дѣйствительно возросъ до высоты, сдѣлавшейся необходимою, вслѣдствіе издержекъ пріобрѣтенія, и чтобы посредствомъ усиленной промышленной дѣятельности вознаграждалась первоначальная недостаточная рента; ибо, если бы было иначе, то, по закону необходимости, вмѣстѣ съ доходомъ должна была бы также понизиться и цѣна участковъ, и мелкая обработка была бы поглощена большою собственностью, которая могла бы получать бѣльшій чистый доходъ и слѣдовательно платить бѣльшую покупную цѣну ¹⁾).

Такимъ образомъ, признавая, что цѣна мелкихъ участковъ можетъ возвышаться нѣкоторымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что при этомъ увеличивается конкуренція запроса и пріобрѣтателю представляется возможность обезпеченно добывать себѣ заработную плату на собственной землѣ, вмѣсто того, чтобы искать ее у другаго, вышеназванные писатели никоимъ образомъ не придаютъ этому обстоятельству исключительнаго значенія и полагаютъ, что это возвышеніе цѣнъ происходитъ также, и даже быть можетъ главнымъ образомъ, оттого что мелкая обработка, вслѣдствіе увеличенія человѣческаго труда и богатаго удобренія, болѣе содѣйствуетъ возрастанію доходности земли и увеличенію поземельнаго богатства, нежели большая; потому что земля, обрабатываемая

¹⁾ Rau «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» § 371.—Reichensperger «Agrarfrage», стр. 53.—Thornton «Plea for peasant-proprietors», стр. 32.

подобнымъ образомъ, получаетъ всѣ свойства огородной земли, вслѣдствіе чего не только мелкими земледѣльцами, но и большими собственниками пріобрѣтается по высокимъ цѣнамъ. Такъ, по словамъ Рейхеншпергера, въ Рейнской области, вблизи городовъ и желѣзныхъ дорогъ, два, три моргена земли богато питаютъ семью, которая ежедневно выручаетъ до 20 зильберъ-грошей и, сверхъ того, присоединяетъ къ тому доходъ отъ молока одной или двухъ коровъ, для содержанія которыхъ въ видѣ исключенія принимаютъ иногда четверть моргена клевернаго поля ¹⁾).

Всѣ эти соображенія приводятъ вышесказанныхъ писателей къ убѣжденію, что мелкая обработка даетъ не только большій валовой, но и большій чистый доходъ.

Къ подобному же результату приходитъ Пасси въ своемъ сочиненіи о сравнительномъ достоинствѣ различнаго рода культуръ. Полагая, что главнымъ опредѣлителемъ производительнаго могущества различныхъ системъ обработокъ служить чистый доходъ, понимаемый въ частно-хозяйственномъ смыслѣ, онъ допускаетъ, что этотъ чистый доходъ можетъ отчасти измѣряться доходомъ собственника или арендною платою ²⁾).

¹⁾ Reichensperger «Die freie Agrarverfassung», стр. 22.

²⁾ Passy «Des systemes de culture en France», стр. 95. Впрочемъ, по мнѣнію Пасси, арендная плата можетъ служить выраженіемъ чистаго дохода съ значительными ограниченіями, ибо чистый земледѣльческій доходъ, говоритъ онъ, состоитъ не только изъ арендной платы, но также изъ всѣхъ общественныхъ налоговъ, и сверхъ того изъ той доли произведеній, которая остается въ рукахъ фермера въ видѣ барыша. Съ другой стороны, арендная плата, взаимно того, включаетъ въ себѣ сумму, представляющую процентъ съ капитала, затраченнаго на строенія... Притомъ, при сравнительномъ изчисленіи чистаго дохода должно, по его мнѣнію, обращать также вниманіе на вліяніе, оказываемое густотою народонаселенія, въ особенности цѣнами земледѣльческихъ продуктовъ на количество арендной платы; ибо такъ какъ послѣдняя выражаетъ въ дѣй-

Средняя же арендная плата съ гектара земли представляетъ, по его изысканіямъ, слѣдующія цифры:

Большая культура:

Англія.—Графства Линкольнъ и Норсомберландъ	111 фр.
Графства Вильтсъ, Беркъ, Доргэмъ и Йоркъ	92 фр.
Франція — Бри, Босъ, Вексенъ, Пикардія, Нормандія, Фландрія, округа Дюнкирхенскій, Авенскій и Камбрейскій . .	80 фр.

Средняя культура:

Италія.—Миланъ, фермы отъ 15 до 20 гектаровъ.	240 фр.
Франція.—Сѣверный департаментъ, фермы отъ 13 до 30 г.	90 фр.
Департаменты между границами Бельгіи и Бретани. . . .	80 фр.

Малая культура:

Испанія — Нижняя Каталонія и Валенсія	260 фр.
Италія — Тоскана, Лукка, Сиенна, Бергамо	230 фр.
Бельгія.—Вазская область и Термондъ отъ 160 до	160 фр.
Франція. — Департамента Сены и Оазы отъ 100 до	180 фр.
Сѣверный Департаментъ. отъ 100 до	120 фр.
Альзасъ, Артуа, Пикардія, Нормандія. отъ	80 до 100 фр.

Такъ какъ благорастворенный климатъ Испаніи и Италіи, а также выгодное положеніе французскихъ фермъ вблизи Парижа дѣлаютъ сравненіе не вполне вѣрнымъ, то Пасси, для болѣе очевиднаго сравненія достоинства различныхъ культуръ, беретъ только примѣры, взятые изъ Англіи, Бельгіи и Франціи почти при равныхъ условіяхъ относительно климата, производства и числа народонаселенія и приходитъ къ тому выводу, что большая культура даетъ съ гектара 102 фр., средняя 85, а малая 100. Но такъ какъ при этомъ на арендную плату значительное вліяніе оказываютъ продажныя цѣны продуктовъ, то для обозначенія сравнительной производительности

часть урожая, то она возвышается и понижается по мѣрѣ повышенія и пониженія рыночныхъ цѣнъ, и потому можетъ случиться, что хотя арендная плата въ одной странѣ выше, чѣмъ въ другой, тѣмъ не менѣе обѣ страны представляютъ равную производительную способность.

сти различныхъ системъ обработокъ, онъ беретъ доходъ съ участка натурою и получаетъ среднимъ числомъ на гектаръ большой культуры 419 литровъ хлѣба чистаго дохода, на гектаръ средней — 405, а на гектаръ — малой 489; или тѣ же количества, выраженные общемою мѣрою въ деньгахъ по 20 фр. за гектолитръ, дадутъ для выраженія производительнаго могущества различныхъ способовъ обработки слѣдующія цифры: 83 фр. 80 сант., 81 фр. и 97 фр. 80 сант.

Всѣ эти изысканія не только не доказываютъ превосходства большой обработки относительно чистаго дохода, но напротивъ даютъ возможность съ большимъ правомъ утверждать совершенно противоположное, именно, что мелкая обработка крестьянами-собственниками, даетъ не только бѣльшій валовой, но и бѣльшій чистый доходъ. Впрочемъ, мы не можемъ скрыть и того, что совершенно неопровержимаго и прямаго доказательства, относительно чистаго дохода на различныхъ помѣстьяхъ нельзя ожидать, вслѣдствіе чрезвычайной трудности вполне обнять всѣ обстоятельства дѣла и точно изчислить издержки затраченнаго труда, удобренія, посѣва, доли общихъ издержекъ, приходящихся на каждый отдѣльный участокъ, процента отъ капитала, затраченнаго въ строеніяхъ, и другихъ мелкихъ потребностей. Поэтому, за недостаткомъ подобныхъ доказательствъ, необходимо довольствоваться вышеприведенными теоретическими соображеніями и нѣкоторыми фактами, которые однако болѣе свидѣтельствуютъ въ пользу мелкой, нежели большой обработки и побуждаютъ насъ отдать первой изъ нихъ преимущество въ народно-хозяйственномъ отношеніи.

Принимая во вниманіе поразительный недостатокъ прямыхъ доказательствъ въ пользу превосходства большихъ помѣстій относительно чистаго дохода, нельзя не прійти къ убѣжденію, что главная причина подобнаго ошибочнаго воззрѣнія заключается не столько въ фактахъ, сколько съ одной стороны въ об-

манчивой наружности и блестящемъ видѣ большихъ хозяйствъ, которыя не дробятъ своихъ запасовъ между сотнями небольшихъ амбаровъ, а совокупляютъ ихъ въ громадныхъ житницахъ; съ другой, на ошибочной аналогіи большой обработки съ большимъ фабричнымъ производствомъ и на неоспоримомъ превосходствѣ мануфактуръ и фабрикъ надъ мелкими промышленными предпріятіями. Но эта послѣдняя аналогія никоимъ образомъ не можетъ быть безусловно допущена въ земледѣліи; ибо превосходство большой фабричной промышленности главнымъ образомъ основывается на силѣ громадныхъ капиталовъ и на раздѣленіи труда, между тѣмъ, какъ первое, такъ и въ особенности второе преимущество, какъ мы уже видѣли при предшествующемъ обсужденіи сравнительныхъ выгодъ большой и малой обработки, имѣютъ въ земледѣліи самое незначительное приложеніе.

Итакъ, разсматривая вопросъ съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, нельзя не прійти къ убѣжденію, что мелкія хозяйства крестьянъ-собственниковъ, по всѣмъ наблюденіямъ и фактамъ могутъ давать, и, повидимому, дѣйствительно даютъ, не только большій валовой, но и большій чистый доходъ. Но если бы даже послѣднее было еще сомнительно, то и тогда бы оно не могло служить окончательнымъ приговоромъ для мелкой обработки; ибо чистый доходъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его разсматривали, т. е. съ частно-хозяйственной точки зрѣнія не имѣетъ еще того рѣшительнаго значенія, которое старались придать ему нѣкоторые экономисты и указываютъ только на болѣе благопріятное положеніе нѣсколькихъ большихъ собственниковъ, но нисколько не на высокое народно-хозяйственное значеніе большихъ помѣстій; потому что если принимать во вниманіе благосостояніе большинства или всего народа, то должно обращать вниманіе также на валовой народный доходъ, въ составъ котораго входитъ заработная

плата, и который поэтому при извѣстныхъ условіяхъ опредѣляетъ собою общее благосостояніе народа и процвѣтаніе всѣхъ отраслей промышленности. Но само собою разумѣется, что это положеніе о высокой народно-хозяйственной полезности и выгоды обработки крестьянами-собственниками, имѣетъ мѣсто только тогда, когда раздробленіе почвы не перешло извѣстной границы, обусловливаемой экономическими, мѣстными и хозяйственными условіями, за предѣлами которой выгоды мелкой собственности могутъ также прекратиться, что впрочемъ, какъ мы увидимъ далѣе, при нормальномъ, естественно и правильно устроенномъ хозяйствѣ, если иногда и случается, то въ видѣ крайняго исключенія, которое никогда не можетъ долго длиться.

Окидывая еще разъ бѣглымъ взглядомъ добытые нами изъ всего предшествующаго народно-хозяйственнаго изысканія результаты, нельзя не признать того несомнѣннаго окончательнаго вывода, что мелкая обработка крестьянами-собственниками, насколько она возникаетъ естественнымъ путемъ и при свободѣ поземельныхъ отношеній, вслѣдствіе возрастанія народонаселенія, увеличенія народнаго богатства и капитала, не только не полагаетъ непреодолимыхъ препятствій развитію и раціональному веденію земледѣлія, какъ утверждаютъ исключительные защитники большой обработки, но, напротивъ, значительно содѣйствуетъ ему и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, является наиболѣе разумною и выгодною для увеличенія народнаго богатства системою обработки.

Но, защищая мелкую обработку крестьянами-собственниками отъ несправедливыхъ нареканій и упрековъ людей предубѣжденныхъ, недостаточно изучившихъ предметъ или преданныхъ старинному порядку вещей, мы въ то же время нисколько не являемся противниками большой обработки, если только существованіе ея обусловлено естественными экономическими и со-

ціальними причинами, а не вызвано рядомъ законодательныхъ мѣръ, или предшествовавшими историческими условіями, основанными на насиліи и монополіи; ибо хотя на основаніи предшествоващаго разбора существующихъ фактовъ и условій большой и малой обработки мы пришли къ результату, свидѣтельствующему, повидимому, въ пользу рѣшительнаго превосходства мелкой обработки, тѣмъ не менѣе мы нисколько не воображаемъ выдавать этотъ результатъ за абсолютно вѣрный для всѣхъ временъ и состояній и признаемъ за нимъ только относительное значеніе для настоящей эпохи и для настоящаго положенія дѣлъ. Мы вполне увѣрены, что какъ сама природа, несмотря на присущій ей законъ единства, никогда не является однообразною, точно также мало терпитъ или требуетъ она грубаго приложенія одной исключительной системы обработки при всѣхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Напротивъ, порождая разнообразіе мѣстныхъ, хозяйственныхъ и общественныхъ условій, она въ то же время требуетъ величайшаго разнообразія обработокъ. Поэтому бѣльшая или мѣньшая выгодность того или другаго размѣра обработокъ можетъ быть рѣшена не абсолютно, но только относительно для каждаго даннаго случая при помощи тщательнаго соображенія всѣхъ данныхъ условій.

Обращаясь къ разсмотрѣнію условій, опредѣляющихъ размѣры наиболѣе выгодныхъ участковъ, мы видимъ, что они бываютъ самого разнообразнаго свойства и заключаются отчасти въ природныхъ условіяхъ: въ свойствахъ мѣстности, климата, въ физическихъ и химическихъ свойствахъ почвъ, въ качествахъ обрабатываемыхъ растений; отчасти въ условіяхъ общественныхъ и экономическихъ: въ системахъ сѣвооборотовъ, въ густотѣ народонаселенія, въ преобладаніи городовъ и мануфактурной промышленности, въ самомъ направленіи промысловъ, въ степени развитія земледѣльческаго искусства, въ

количествѣ и распредѣленіи капиталовъ и во множествѣ другихъ условій, дѣйствующихъ то совокупно, то порознь и имѣющихъ самое разнообразное вліяніе.

Во первыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что болѣе или менѣе выгодные размѣры участковъ обуславливаются тѣмъ или другимъ расположеніемъ мѣстности. Такъ, большая обработка, если тому не препятствуютъ другія причины, съ значительною выгодною можетъ утвердиться на обширныхъ равнинахъ, удобныхъ для хлѣбопашества и луговодства, гдѣ притомъ съ особеннымъ успѣхомъ могутъ дѣйствовать различнаго рода машины и земледѣльческія орудія; напротивъ, въ мѣстахъ гористыхъ, изрѣзанныхъ долинами и орошаемыхъ многочисленными ручьями, гдѣ на каждомъ шагу участки раздѣлены естественными препятствіями, преимущество принадлежитъ дробной обработкѣ. Такъ, въ Ломбардіи въ южныхъ низменныхъ равнинахъ, лежащихъ между Тессиною и Аддою, преобладаетъ многочисленное скотоводство, обработка риса, которыя, въ соединеніи съ раздѣленіемъ полей, обуславливаемымъ орошеніемъ, дѣлаютъ необходимою большую обработку, вслѣдствіе чего тамъ и существуютъ хозяйства отъ 1500 до 4000 и болѣе рутеновъ (отъ 100 до 300 десятинъ); напротивъ, въ гористой мѣстности въ провинціяхъ Комо, Сондріи, Бергамо и отчасти Бресчіи господствуетъ мелкая крестьянская обработка, ибо тамъ земледѣліе, по словамъ Яцини, можетъ процвѣтать только благодаря неутомимому труду мелкаго собственника (см. стр. 206). Подобное же явленіе видимъ въ Тосканѣ, гдѣ большія фермы господствуютъ въ сырыхъ долинахъ, болѣе способствующихъ разведенію хлѣбныхъ растеній; на скатахъ же холмовъ, пригрѣваемыхъ солнцемъ и способствующихъ винодѣлію и шелководству, преобладаетъ мелкая обработка ¹⁾. Наконецъ, повсе-

¹⁾ Sismondi „Etudes sur l'économie politique“, т. I. стр. 198.

мѣстное существованіе обработки крестьянами-собственниками въ гористыхъ мѣстахъ Бискаіи, Наварры, Галиціи, Каталоніи, Оверни, юго-западной Германіи, Тироля, Швейцаріи и даже въ горахъ Скандинавіи, также главнымъ образомъ объясняется вліяніемъ мѣстности. Во всѣхъ этихъ гористыхъ мѣстностяхъ, большею частью одаренныхъ бѣдною и скудною почвою, только неутомимая дѣятельность собственника могла побѣдить природу, покрыть голыя скалы почвою и образовать террасы, на которыхъ во многихъ мѣстностяхъ теперь растутъ виноградныя лозы, плодовые и туловыя деревья.

Не менѣе важное вліяніе на размѣры участковъ оказываетъ почва, какъ по своимъ качествамъ, такъ и по составу. Весьма часто рѣзкій контрастъ, замѣчаемый въ обработкѣ однѣхъ и тѣхъ же областей и даже общинъ, главнымъ образомъ объясняется составомъ почвъ, которыя бываютъ сильныя и легкія, плотныя и рыхлыя, и притомъ съ различными подпочвами, изъ которыхъ однѣ пропускаютъ корни на значительную глубину, другія нѣтъ. Понятно, что это разнообразіе почвъ не допускаетъ обработки однихъ и тѣхъ же растений и требуетъ различныхъ способовъ приложенія труда. Такъ, существуютъ многія почвы, негодящіяся для мелкой обработки, которая можетъ процвѣтать только тогда, когда на ряду съ хлѣбными растениями, воздѣлываются нѣжныя и дорогія произведенія, а потому необходимо требуетъ почвъ, на которыхъ хорошо произрастаютъ бы различныя произведенія и которыя удовлетворяли бы ихъ различнымъ требованіямъ. Вслѣдствіе этого мелкая обработка не можетъ съ успѣхомъ распространяться на почвахъ глинистыхъ, трудныхъ для поднятія, требующихъ сильной упряжи; на почвахъ холодныхъ, удерживающихъ влагу въ теченіи дурнаго времени и не допускающихъ углубляться длиннымъ и вѣтвящимся корнямъ. Напротивъ, тѣ же самыя земли съ успѣхомъ производятъ хлѣбныя растенія, и потому особен-

но удобны для большой обработки, главное производство которой состоитъ въ разведеніи хлѣбныхъ растений и кормовыхъ травъ и которая, увеличивъ количество плуговъ и рабочаго скота, легко можетъ предпринять на большихъ пространствахъ работы, простота которыхъ дозволяетъ удобно исполнить ихъ. «Такимъ образомъ, говоритъ Пасси, всякій разъ, если никакое искусственное препятствіе не нарушаетъ естественнаго хода дѣлъ, то размѣры хозяйствъ обусловливаются качествомъ почвъ. Большой обработкѣ предоставляются мѣстности, гдѣ хорошо произрастаютъ только хлѣба и небольшое количество сильныхъ растений; мелкой—тѣ, гдѣ могутъ соединяться всѣ роды растений. Такъ, даже въ Англіи, гдѣ столько причинъ благопріятствуютъ большому хозяйству, существуетъ также болѣе мелкихъ фермъ, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Это потому, что тамъ есть мѣстности, гдѣ учрежденіе ихъ выгодно вслѣдствіе качествъ почвы. Во Франціи глинистый составъ почвъ обусловливаетъ существованіе большихъ фермъ въ Бри, Босѣ, Вексенѣ; точно также какъ легкія и глубокія почвы французской Фландріи вызываютъ мелкія и среднія фермы. Но ни одна страна не можетъ служить такимъ рѣзкимъ подтвержденіемъ вліянія разнообразнаго состава почвъ на характеръ обработки, какъ Бельгія. Сколько существуетъ тамъ родовъ земель, столько существуетъ тамъ и системъ сельскихъ организацій. Въ странѣ Валоновъ, вокругъ Жошъ, Жодень, Нивелль тяжелыя и плотныя земли раздѣлены на большія фермы; въ Брабантѣ же на земляхъ рыхлыхъ и менѣе тяжелыхъ преобладаютъ среднія; на влажныхъ же пескахъ мѣстностей св. Николая и Термонда существуютъ только малыя» ¹⁾).

Отсюда очевидно, въ какой тѣсной связи находятся размѣры хозяйствъ съ качествомъ почвъ, и нѣтъ сомнѣнія, что по

¹⁾ Passy «Des systemes de culture en France». стр. 53.

мѣръ развитія земледѣльческаго искусства, по мѣръ увеличенія народонаселенія, промышленности и знаній, вліяніе состава почвъ на распредѣленіе системъ обработокъ будетъ постоянно возрастать. Большая обработка навсегда останется наиболѣе свойственною почвамъ, гдѣ стада находятъ себѣ обильное пропитаніе и гдѣ съ успѣхомъ могутъ быть разводимы различныя растенія, не требующія многихъ работъ; напротивъ, мелкая и средняя обработка будутъ постоянно обращаться къ почвамъ легкимъ и глубокимъ, наиболѣе удобнымъ для растеній, требующихъ тщательнаго труда.

Еще болѣе могущественное вліяніе на размѣры обработокъ имѣетъ климатъ и температура. Въ то время, какъ въ южныхъ странахъ, щедро одаренныхъ природою, велѣдствіе богатаго разнообразія растеній и благопріятнаго распредѣленія временъ года, обработка можетъ продолжаться круглый годъ, и потому для существованія цѣлаго семейства необходимъ небольшой клочокъ земли; на сѣверѣ, наоборотъ, велѣдствіе скудости количества обрабатываемыхъ растеній и непродолжительности рабочаго времени, для той же цѣли необходимо несравненно болѣе громадное пространство земли. Не обращая уже вниманія на различіе, существующее между различными странами міра, достаточно взглянуть на одну Европу, чтобы убѣдиться въ этомъ поразительномъ различіи. Въ то время какъ въ сѣверныхъ странахъ знаютъ только хлѣбныя растенія и нѣкоторыя прядильныя и овощныя, во многихъ частяхъ Германіи показывается уже виноградъ; далѣе на югѣ Франціи существуетъ уже олива, мансъ, сарачинское пшено, каперцовое, фиговое и тутовое дерево; въ Италіи сверхъ того рисъ, шафранъ, померанцы, кедры, лимоны, апельсины, а на самыхъ богатыхъ почвахъ Испаніи и Португаліи, въ долинахъ Миньйо и на плодородныхъ поляхъ Бейры на ряду съ растеніями, разсѣянными во всѣхъ прочихъ странахъ Европы, зрѣютъ алоэ,

перець, пальмовое дерево, иногда сахарный тростникъ, хлопчатобумажникъ и даже растенія, заимствованныя изъ полуденнаго міра и акклиматизированныя при помощи искусства и настойчивости. Всѣ эти растенія требуютъ различнаго ухода и различной степени труда и налагаютъ на обработку свой отпечатокъ. Въ то время какъ простыя, однообразныя породы сѣвера доставляютъ земледѣльцу возможность обрабатывать ихъ на значительныхъ пространствахъ, дорогія и нѣжныя произведенія юга требуютъ отъ него значительныхъ заботъ и тщательнаго ухода на небольшомъ пространствѣ. Очевидно, что при одинаковости другихъ условій, вслѣдствіе одного уже климата и порождаемаго имъ разнообразія растеній, размѣры наиболѣе выгодныхъ участковъ должны быть иные на сѣверѣ, нежели на югѣ. То же самое пространство, которое на сѣверѣ оставило бы земледѣльца почти безъ работы, на югѣ, вслѣдствіе разнообразія и цѣнности растеній, соединенныхъ на одномъ и томъ же пространствѣ, можетъ вполне удовлетворить и занять земледѣльца. Этимъ объясняется постепенное уменьшеніе участковъ по мѣрѣ приближенія къ югу. Въ то время какъ фермы Ломбардіи и Піемонта среднимъ числомъ состоятъ изъ 7 десятинъ, въ окрестностяхъ Сіенны, Лукки и Бергамо они состоятъ уже изъ трехъ и четырехъ; но и это пространство показалось бы чрезмѣрнымъ жителю Валенсіи, по мнѣнію котораго норія и два журнала, или около десятины и трехъ четвертей вполне достаточны для заботъ и благосостоянія семьи ¹⁾).

Но это различіе растеній обусловливаетъ разнообразіе размѣровъ обработки не только въ различныхъ странахъ, но и въ одной и той же странѣ. Каждый народъ нуждается не только въ одномъ хлѣбѣ и мясѣ, но также въ плодахъ, овощахъ,

¹⁾ Passy «Des systemes de culture en France», стр 45.

винахъ, масляничныхъ, красильныхъ и прядильныхъ растенійхъ. Всѣ эти произведенія требуютъ для своей обработки не одинаковаго искусства, количества и степени труда; отсюда различіе въ родѣ обработокъ. Нѣтъ ничего легче, напр., какъ разведеніе на обширныхъ пространствахъ различныхъ породъ скота, потому что этого рода промышленность требуетъ надзора одного хозяина и небольшого количества слугъ. То же можно сказать и о тѣхъ земледѣльческихъ продуктахъ, которые требуютъ мало рукъ, съ удобствомъ могутъ производиться машинами и земледѣльческими орудіями, и потому преимущественно соотвѣтствуютъ большой обработкѣ; напротивъ, виноградники, огороды, сады, конопляники, шелководство, табачныя плантаціи, обработка хмѣля, льна и другія производства, приближающіяся къ огородничеству и садоводству, требуютъ значительнаго труда на небольшомъ пространствѣ, и потому съ успѣхомъ могутъ производиться только при мелкой обработкѣ. Такимъ образомъ, въ одной и той же странѣ, смотря по различію производства, могутъ существовать самыя различныя размѣры обработокъ.

Таковы главныя естественныя причины, вліяющія на опредѣленіе величины земледѣльческихъ участковъ; но кромѣ ихъ существуетъ безчисленное множество другихъ, обусловливаемыхъ степенью развитія общества, характеромъ системъ земледѣлія, количествомъ и распредѣленіемъ капиталовъ, бѣльшимъ или мѣньшимъ преобладаніемъ городского и промышленнаго народонаселенія, степенью развитія земледѣльческихъ знаній и т. д.

По мѣрѣ развитія и увеличенія народонаселенія измѣняются системы полеводства. Съ одного и того же пространства приходится извлекать болѣе многочисленныя жатвы, что требуетъ бѣльшаго удобренія земли, бѣльшаго труда и капитала. Простыя переложныя и подсѣчныя системы, господствующія

въ началѣ народной жизни, замѣняются трехпольною; съ дальнѣйшимъ же развитіемъ эта послѣдняя уступаетъ мѣсто системамъ плодоперемѣннымъ. Очевидно, что для всѣхъ этихъ системъ требуется различный размѣръ хозяйства. Такъ, при плодоперемѣнной системѣ, вслѣдствіе бѣльшаго напряженія хозяйственнаго сѣвооборота, пространство можетъ быть въ семь разъ менѣе противъ трехпольнаго и прокармливать то же количество народонаселенія. Отсюда ясно, что чѣмъ болѣе земля требуетъ удобренія, чѣмъ болѣе входитъ въ обычай плодоперемѣнная система, чѣмъ болѣе труда и капитала употребляется на землю, тѣмъ невыгоднѣе и труднѣе становится обработка на обширныхъ пространствахъ, вслѣдствіе неудобства удобрять отдаленныя поля, перевозить жатвы, совершать многочисленныя работы, и наоборотъ, тѣмъ выгоднѣе обрабатывать землю по огородному, сокращая размѣры хозяйства. Поэтому въ самомъ свойствѣ интензивнаго хозяйства лежитъ достаточное основаніе, почему при развитіи всего народнаго хозяйства, земледѣльческая обработка принимаетъ постоянно менѣшїе размѣры. Въ Мекленбургѣ средняя величина дворянскаго помѣстья, составляющаго одну хозяйственную единицу, равняется 2700 прус. моргенамъ или 631 десятинѣ, причемъ встрѣчаются хозяйства, доходящія до 10,000 моргеновъ, которыя при тамошнихъ отношеніяхъ не считаются слишкомъ большими; между тѣмъ какъ въ Саксоніи, гдѣ господствуетъ болѣе интензивное хозяйство, средняя величина дворянскаго помѣстья составляетъ не болѣе 950 или 1000 прусскихъ моргеновъ. Въ восточной Пруссіи существуютъ хозяйственныя единицы въ 20,000 моргеновъ; въ Курмаркѣ имѣнія ниже 300 мор. считаются малыми, между тѣмъ какъ въ Кобленцскомъ округѣ на Нижнемъ Рейнѣ имѣнія отъ 200 до 400 моргеновъ причисляются по размѣрамъ къ первому разряду и притомъ по цѣнности мало уступаютъ громаднымъ пространствамъ

на востокъ ¹⁾). Среднею величиною фермъ въ Англіи Ар. Юнгъ въ 1771 году считалъ для сѣверной Англіи около 107 десятинъ, для восточной около 137; Синклеръ въ 1821 году считалъ большимъ хозяйствомъ ферму въ 74 десятины, между тѣмъ какъ Мак-Кулохъ въ 1847 году среднюю величину фермъ принимаетъ отъ 59 до 63 десятинъ. Въ Брабантѣ рѣдко существуютъ хозяйства, превышающія 60 десятинъ; въ бельгійской же Фландріи только 562 хозяйства заключаютъ болѣе 56 десятинъ, и только 33 свыше 93.

Но не только различныя системы полеводства вообще, но и различныя улучшенія и открытія въ земледѣліи могутъ измѣнять размѣры хозяйства. Одни изъ нихъ могутъ дѣйствовать на уменьшеніе размѣровъ, другія на увеличеніе. Исторія развитія земледѣлія въ различныхъ странахъ, наиболѣе славящихся процвѣтаніемъ земледѣльческаго искусства, представляетъ множество примѣровъ тому. Такъ, земли, которыя въ теченіе цѣлыхъ столѣтій считались слишкомъ плохими, чтобы употреблять на нихъ постоянныя и правильныя заботы, считаются нынѣ наиболѣе плодородными. При несовершенствѣ земледѣлія, долгое время, напр., земли, состоявшія изъ песчаныхъ слоевъ извѣстной толщины, менѣе годныя для производства хлѣбныхъ растеній, нежели тѣ, гдѣ преобладаетъ глина, были предметомъ презрѣнія земледѣльцевъ. Нынѣ же, когда научились удобрять ихъ и когда начали разводить болѣе нѣжные и изысканныя произведенія, которымъ онѣ особенно способствуютъ—земли этого рода сдѣлались предметомъ значительнаго запроса и постоянно повышаются въ цѣнѣ. Въ самой

¹⁾ Средняя величина дворянскихъ владѣній въ Гумбиненскомъ округѣ простирается до 2860 прус. морг., въ Кенигсбергскомъ до 2030; въ Познанскомъ до 3000. По словамъ Клебса (*Landeskultur-Gesetzgebung etc.*, стр. 93), въ Познани есть имѣнія, занимающія отъ половины до двухъ квад. миль; имѣнія же отъ 1000 до 2000 морг. считаются малыми.

Англии во многихъ графствахъ, земли, считавшіяся прежде хорошими, отдаются нынѣ за 22 и 25 шиллинговъ, и наоборотъ, земли, считавшіяся прежде бѣдными, отдаются за 30 и 35 шиллинговъ ¹⁾. Подобный же фактъ совершился, по словамъ Пасси, во многихъ мѣстахъ Франціи ²⁾.

Естественно, что подобная перемѣна содѣйствовала также увеличенію мелкой обработки, потому что преимущество принадлежитъ ей всегда, какъ скоро улучшение земли требуетъ значительнаго труда и когда это неудобство вознаграждается качествомъ доставляемыхъ произведеній. Но съ другой стороны необходимо замѣтить также и то, что есть также улучшения, оказывающія совершенно противоположное вліяніе. Такъ, всякое механическое улучшение, всякое сокращеніе человѣческаго труда, всякій успѣхъ въ раздѣленіи занятій, побуждающій земледѣльца ограничиваться однимъ сельско-хозяйственнымъ промысломъ, производитъ обратное дѣйствіе и расширяетъ размѣры наиболѣе выгодныхъ участковъ, чему примѣромъ служитъ Англія, гдѣ остроумное приложеніе паровой машины къ осушенію земель благопріятствовало большой обработкѣ.

Такимъ образомъ очевидно, что характеръ земледѣльской системы, степень искусства и развитія сельско-хозяйственныхъ знаній, также имѣютъ важное вліяніе на размѣры обработокъ.

То же можно сказать о капиталахъ. Величина хозяйствъ и поземельной собственности прежде всего должна быть пропорціональна оборотному капиталу. Это аксіома, которую непрерывно повторяли всѣ извѣстные агрономы: Ар. Юнгъ, Теэръ, Домбаль, Гаспаренъ и др. Поэтому въ странахъ богатыхъ, гдѣ

¹⁾ Porter «Progress of the nation», стр. 165.

²⁾ Passy «Des systemes de culture en France», стр. 56.

въ рукахъ землевладѣльцевъ или фермеровъ, сосредоточены значительные капиталы, земледѣліе съ успѣхомъ можетъ процвѣтать при обширныхъ хозяйствахъ; напротивъ, въ странахъ отсталыхъ и бѣдныхъ, гдѣ у земледѣльцевъ мало или почти вовсе нѣтъ капиталовъ или гдѣ они раздроблены между множествомъ лицъ, съ большимъ успѣхомъ можетъ производиться мелкая обработка. Такъ, въ Англіи, гдѣ много богатыхъ фермеровъ съ большими капиталами, мелкія владѣнія постоянно исчезаютъ, потому что борьба бѣдныхъ мелкихъ владѣльцевъ съ богатыми капиталистами невозможна; напротивъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мало владѣльцевъ съ большими капиталами и гдѣ число большихъ поземельныхъ владѣній превышаетъ число малыхъ, тамъ эти большія владѣнія, плохо снабженныя капиталами и другими способами для дѣятельнаго и хорошаго хозяйства, оказываются невыгодными, и по необходимости уступаютъ мѣсто малымъ, небольшіе капиталы и усиленный трудъ которыхъ доставляютъ возможность вести болѣе дѣятельное и исправное хозяйство. Въ этомъ недостаткѣ капиталовъ часто заключается главная причина преобладанія мелкаго раздробленнаго хозяйства во многихъ мѣстностяхъ. Такъ, даже въ Ирландіи, бѣдственное положеніе которой столь часто приписывали раздробленію земли, было совсѣмъ наоборотъ; именно чрезмѣрное раздробленіе земли и происходившая отъ того бѣдность, главнымъ образомъ происходили отъ недостатка капиталовъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго устройства поземельныхъ отношеній, политическаго гнета и другихъ причинъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что, отстранивши мѣстные условія, нѣкоторыя личныя побужденія и насильственныя мѣры, размѣры обработокъ въ значительной степени обусловливаются распредѣленіемъ богатствъ, болѣею или меньшею массою сбереженій, накопленныхъ земледѣльческимъ классомъ. Пока капиталъ рѣдки и разсѣяны, то каковы бы

ни были физическія условія мѣстности, температуры, почвы, большая обработка существовать не можетъ. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ вся исторія земледѣльческаго развитія. Такъ, въ началѣ земледѣльской жизни, размѣры участковъ долгое время ограничивались только такимъ количествомъ труда, какое могло доставить семейство, и только съ постепеннымъ развитіемъ общества, по мѣрѣ накопленія богатствъ въ рукахъ немногихъ, появилась большая обработка, совершаемая первоначально несвободнымъ трудомъ. Съ теченіемъ же времени несвободный трудъ исчезъ; распредѣленіе богатства приняло болѣе правильный характеръ; явилось большее количество мелкихъ капиталовъ, и мелкая обработка снова пріобрѣла значительный перевѣсъ.

Далѣе размѣры обработокъ обусловливаются степенью промышленнаго развитія страны и преобладаніемъ городовъ и мануфактурныхъ центровъ. Вообще, въ промышленныхъ мѣстностяхъ поземельные участки могутъ доходить до значительной степени дробности, не причиняя никакого вреда земледѣлію. Лучшимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служитъ Бельгія, въ которой, по общему отзыву знатоковъ, земледѣліе находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, а между тѣмъ въ Брабантѣ поземельные участки рѣдко превышаютъ 55 десятинъ, во Фландріи хозяйства еще дробнѣе, а въ Вазскомъ округѣ они большею частью имѣютъ отъ одной до семи десятинъ.

Главная причина, почему развитіе и появленіе многочисленныхъ городовъ въ сильной мѣрѣ содѣйствуютъ уменьшенію участковъ и раздробленію земли, заключается въ значительномъ развитіи потребностей и въ усиленіи запроса на различные цѣнные и нѣжныя произведенія, какъ то: овощи, красивые, масляничныя и другія промышленныя растенія, обработка которыхъ слишкомъ приближается къ садоводству и огородничеству, чтобы могла производиться въ большихъ размѣ-

рахъ. Притомъ сосѣдство цвѣтущихъ и многочисленныхъ городовъ облегчаетъ и удешевляетъ перевозку произведеній, а также доставляетъ избытокъ удобренія, столь необходимыя для мелкой обработки. Этимъ развитіемъ богатыхъ, промышленныхъ и многолюдныхъ городовъ объясняется раннее развитіе мелкой обработки во многихъ мѣстахъ Италіи и Фландріи, гдѣ, напр. въ окрестностяхъ Гента, Анвера, Брюжа, мелкая обработка господствуетъ съ эпохи среднихъ вѣковъ. Этимъ же объясняется преобладаніе мелкой обработки въ окрестностяхъ всѣхъ нынѣшнихъ большихъ городовъ. Такъ, возлѣ Лондона, вслѣдствіе удобства сбыта цѣнныхъ произведеній и легкости полученія значительной массы удобренія, семейство земледѣльца можетъ существовать на трехъ десятинахъ столь же хорошо, какъ среднимъ числомъ въ прочей Англіи на 55 ¹⁾. Гектаръ земли, посвященный вблизи Парижа производству фруктовъ и винограда, стоить иногда до 30,000 фр. и приноситъ доходу до 6000 фр. ²⁾).

Въ подобномъ же направленіи относительно раздробленія земли дѣйствуютъ улучшенные водные и сухопутные пути сообщенія, которые, облегчая перевозъ и доставку произведеній, содѣйствуютъ значительному раздробленію земли, вполне выгодному для народнаго благосостоянія, потому что довольство жителей свидѣтельствуетъ, что это дробленіе не перешло разумныхъ предѣловъ. Такъ, напр., во Франціи долина Гаронны, въ Германіи Рейнская долина, въ Испаніи приморскіе берега лежатъ въ наиболѣе раздробленныхъ и наиболѣе богатыхъ мѣстностяхъ.

Таковы разнообразныя причины, имѣющія вліяніе на наиболѣе выгодные размѣры участковъ, отчасти заключающіяся

¹⁾ Roscher «System der Volkswirtschaft», т. 2. стр. 129.

²⁾ De Lavergne «Economie rurale de la France», стр. 115.—Piogey «Du morcellement du sol», стр. 84.

въ естественныхъ свойствахъ мѣстности, климата и почвы, отчасти порождаемая развитіемъ цивилизаціи и богатствъ. Соображая значеніе ихъ относительно размѣровъ обработокъ, нельзя не прійти къ слѣдующимъ положительнымъ результатамъ:

Во первыхъ: чѣмъ старательнѣе человѣкъ будетъ сообразоваться съ этими данными условіями, большею частью не зависящими отъ его воли, тѣмъ скорѣе можно ожидать успѣховъ земледѣльческаго производства.

Во вторыхъ: слишкомъ большія помѣстья, точно также какъ и слишкомъ малыя, превосходящія предѣлы, назначаемые совокупностью этихъ условій въ каждой данной мѣстности, необходимо должны оказывать вредное вліяніе на производство, слѣдовательно и на народное богатство и благосостояніе.

Въ третьихъ: всякая законодательная мѣра, полагающая препятствіе поземельной собственности и обработкѣ сообразоваться съ этими естественными условіями, необходимо должна вредно дѣйствовать на народное хозяйство и препятствовать развитію его.

Въ четвертыхъ: всякій споръ о выгодахъ большой и малой обработки, большой и малой собственности, совершенно празденъ въ странѣ, гдѣ дробленіе или совокупленіе земли является результатомъ только тѣхъ причинъ, которыя вытекаютъ изъ экономическаго положенія страны, ея мѣстныхъ и климатическихъ условій и вообще условій, порождаемыхъ развитіемъ цивилизаціи.

Наконецъ, въ пятыхъ: абсолютное рѣшеніе вопроса о выгодности большой или малой системы обработки для всѣхъ странъ, эпохъ и мѣстностей, совершенно невозможно, ибо все зависитъ отъ разнообразія мѣстныхъ, климатическихъ и общественныхъ условій. Въ однѣхъ мѣстностяхъ при извѣстномъ сочетаніи условій, въ извѣстный моментъ времени наи-

болѣе выгодною можетъ быть большая обратотка, ведущая хозяйство при помощи усовершенствованныхъ машинъ и орудій, при помощи значительныхъ капиталовъ, прилагаемыхъ въ большихъ размѣрахъ; напротивъ, въ другихъ мѣстностяхъ, наиболѣе выгодною можетъ быть мелкая обработка съ ея тщательнымъ вниманіемъ и неутомимымъ прилежаніемъ и трудолюбіемъ.

Прилагая эти общіе выводы къ хозяйствамъ отдѣльныхъ странъ, нельзя не согласиться съ тою мыслью, что во всякомъ нѣсколько обширномъ государствѣ самое желательное, съ точки зрѣнія производства богатствъ, распредѣленіе обработокъ должно быть таково, чтобы на ряду съ большими хозяйствами, не превосходящими извѣстныхъ предѣловъ, назначаемыхъ совокупностью мѣстныхъ и экономическихъ условій, существовали также мелкія, не доходящія впрочемъ до вредныхъ и чрезмѣрныхъ крайностей. Только подобное правильное смѣшеніе хозяйствъ различныхъ родовъ, сообразное съ данными существующими условіями, можетъ вполне обезпечить странѣ наиболѣе выгодное и могущественное производство.

Большія хозяйства, если только они соотвѣтствуютъ требованіямъ мѣстныхъ и общественныхъ условій, будутъ въ такомъ случаѣ оказывать самое благотворное вліяніе на народное хозяйство, занимаясь преимущественно хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, приводя въ исполненіе системы, требующія значительнаго числа лѣтъ, производя различные опыты, употребляя улучшенныя машины и орудія, разводя лучшія породы скота, учреждая различные побочные земледѣльческіе промыслы, какъ-то: винокуренныя и свеклосахарныя производства и т. д.

Съ другой стороны, мелкія хозяйства, въ свою очередь, будутъ приносить также несомнѣнныя народно-хозяйственныя выгоды, предаваясь огородничеству, садоводству, винодѣлію,

шелководству, обработкѣ различныхъ промышленныхъ и торговыхъ растеній, пчеловодству, разведенію домашней птицы и вообще всѣмъ тѣмъ отраслямъ земледѣлія, которыя требуютъ неутомимыхъ заботъ и трудовъ на небольшомъ пространствѣ земли.

Такое правильное соотношеніе различнаго рода обработокъ будетъ служить лучшимъ ручательствомъ, что всѣ отрасли хозяйства будутъ производиться наиболѣе выгоднымъ и дешевымъ образомъ; ибо различныя обработки, занимаясь наиболѣе соответствующими имъ отраслями при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ, будутъ оказывать другъ другу взаимную помощь.

Если теперь обратимся къ вопросу, какимъ образомъ достигнуть этого желаннаго распредѣленія обработокъ, то нѣтъ сомнѣнія, что достиженіе его возможно только при полной свободѣ поземельнаго устройства. Очевидно, что всякій разъ, если только ничто не препятствуетъ естественному порядку вещей, земледѣльческія предпріятія различныхъ размѣровъ не замедлятъ установиться сами собою, сообразно мѣстнымъ условіямъ, свойству требуемыхъ произведеній, духу народонаселенія, изобилію капиталовъ, обширности рынковъ и т. д.; потому что при свободѣ и порождаемомъ ею соперничествѣ, лучше руководимыя и болѣе выгодныя при данныхъ условіяхъ предпріятія, будутъ ли то большія или малыя, одни будутъ въ состояніи удержаться и пережить. Впрочемъ, къ подробному разсмотрѣнію этого вопроса мы возвратимся еще въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

ГЛАВА III.

ВЛІЯНІЕ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ НА МАТЕРІАЛЬНОЕ, ПРАВСТВЕННОЕ И УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ НАРОДА.

Beatus ille, qui procul negotiis, ut prisca gens
mortalium, paterna rura bobus exercet suis.

Horat.

Мы разсмотрѣли экономическую сторону вопроса, именно вліяніе, оказываемое обработкою крестьянами-собственниками на производство богатствъ и на развитіе производительнаго могущества страны. Какъ ни важна эта сторона вопроса, тѣмъ не менѣе она не изчерпываетъ всего предмета и не можетъ служить исключительною мѣрою для опредѣленія достоинства различныхъ обработокъ. Различныя обработки оказываютъ вліяніе не на одно производство богатствъ: онѣ имѣютъ также громадное вліяніе на болѣе или менѣе счастливое положеніе членовъ общества, на степень благосостоянія народа, на его умственное и нравственное развитіе, наконецъ на внѣшнюю и внутреннюю силу и прочность государства. «Богатство и счастіе лицъ, составляющихъ общество, говоритъ Сисмонди, измѣряется не одною суммою общаго дохода, но главнымъ образомъ способомъ распредѣленія его». «Когда желаютъ опредѣлить, говоритъ Рау, что полезно и вредно для благосостоянія народа, то нельзя ограничиваться однимъ измѣреніемъ общаго количества богатства, необходимо также узнать какимъ образомъ оно распредѣляется между членами». Дѣйствительно, богатство и благосостояніе народа не всегда совпадаютъ. Первое не составляетъ непреложнаго признака втораго. Нерѣдко

чрезмѣрное скопленіе богатствъ съ одной стороны сопровождается соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ съ другой, и въ то время, какъ одна часть народонаселенія становится богаче, другая часть бѣднѣетъ и страдаетъ. Правда, общественный интересъ требуетъ, чтобы народонаселеніе, занимающееся обработкою земли, извлекало изъ нея возможно бѣльшую массу произведеній, но тѣмъ не менѣе онъ не можетъ никоимъ образомъ оправдать производства, совершающагося на счетъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія производителей. Какъ мы замѣтили уже прежде, рабство при извѣстныхъ условіяхъ способствуетъ иногда производству; но можно ли оправдывать съ политико-экономической точки зрѣнія подобный способъ, нарушающій самыя святыя человѣческія права? То же можно сказать о всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣе обильное производство получается на счетъ благосостоянія рабочаго класса. Если бы лица, составляющія этотъ классъ, считались одушевленными орудіями, исключительно организованными для исполненія работъ, удовлетворяющихъ нашимъ прихотямъ, потребностямъ роскоши и наслажденій, то улучшеніе ихъ участи и нравственнаго характера, могло бы привлекать вниманіе политико-эконома только въ такой мѣрѣ, насколько улучшеніе машины можетъ повести къ увеличенію производства. Но, если въ этомъ отношеніи должна господствовать болѣе гуманная точка зрѣнія, если люди должны чувствовать свою взаимную отвѣтственность другъ за друга, если они должны заботиться о нравственномъ усовершенствованіи и облагороженіи тѣхъ, на челѣ которыхъ, точно также какъ и на челѣ ихъ болѣе счастливыхъ братьевъ, напечатлѣнъ божественный образъ, то болѣе или менѣе благопріятное положеніе рабочихъ классовъ должно заслуживать самаго серьезнаго вниманія и самаго теплаго сочувствія со стороны всѣхъ, въ комъ есть искра общественного духа и любви къ ближнимъ. Очевидно, что для опре-

дѣленія достоинства извѣстной системы недостаточно опредѣлить экономическое вліяніе ея на производство богатствъ, но необходимо также опредѣлить вліяніе ея на распредѣленіе богатствъ и на степень благосостоянія различныхъ классовъ.

Предшествовавшее народно-хозяйственное разсмотрѣніе привело насъ къ убѣжденію, что мелкая обработка крестьянами-собственниками при естественномъ развитіи ея даетъ болѣе большой валовой доходъ и слѣдовательно на равномъ пространствѣ занимаетъ и питаетъ болѣе многочисленное народонаселеніе, нежели большая. Это явленіе для противниковъ свободы поземельнаго устройства не разъ служило основаніемъ для обвиненія мелкой собственности въ томъ, что она содѣйствуетъ чрезмѣрному развитію народонаселенія. По ихъ словамъ, такое вліяніе мелкой собственности тѣмъ болѣе опасно, что влечетъ за собою дальнѣйшее бѣдствіе, именно, что разъ начавшееся дробленіе, вслѣдствіе заманчивой прелести пріобрѣтенія поземельной собственности и обманчивой надежды на постоянное возрастаніе поземельнаго дохода, продолжаетъ непрерывно увеличиваться, и такимъ образомъ, содѣйствуя еще большому размноженію земледѣльческаго народонаселенія, приводитъ къ черезъ-чуръ дробному хозяйству и размельченію почвы, и наконецъ, къ всеобщему обѣднѣнію и пауперизму. Мнѣніе это стараются подкрѣпить нѣкоторыми отдѣльными примѣрами и частными фактами, взятыми изъ Германіи, Бельгіи и Франціи. Нисколько не опровергая дѣйствительности подобныхъ фактовъ, мы тѣмъ не менѣе думаемъ, что мнѣніе это, считающее крестьянскую собственность и тѣсно связанную съ нею свободу поземельнаго устройства источникомъ бѣдности, совершенно неосновательно и несправедливо; ибо факты, приводимые въ подтвержденіе его, составляя рѣдкія исключенія, никоимъ образомъ не могутъ служить основаніемъ для общихъ выводовъ о значеніи явленія вообще. Притомъ, приводя подоб-

ные примѣры, недостаточно еще указать на одновременное существованіе двухъ фактовъ — раздробленія земли и бѣдности, но необходимо доказать, что бѣдность произошла именно отъ раздробленія, а не отъ другихъ причинъ, а этого доказать невозможно. Напротивъ, во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ случаяхъ мы видимъ, что чрезмѣрное раздробленіе земли и бѣдствія, оттого проистекающія, кроются не въ крестьянской собственности и не въ свободѣ поземельнаго устройства, какъ предполагаютъ поверхностные наблюдатели, но въ совершенно иныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ. Такъ, на примѣръ, въ Виртембергѣ бѣдственное положеніе мелкихъ собственниковъ было вызвано недостаткомъ промышленной свободы и затрудненіями относительно мѣста жительства. Такъ, во Фландріи бѣдность, которую приписывали раздробленію земли, происходила въ дѣйствительности не отъ земледѣлія, но отъ быстрого введенія машинъ и фабричнаго производства, которое лишило сельскихъ жителей прежнихъ побочныхъ занятій пряжею и тканьемъ. Наконецъ, даже въ самой Ирландіи бѣдствіе происходило не отъ мелкой обработки, а отъ совершенно другихъ историческихъ и общественныхъ причинъ. Но, если бы даже существовали рѣдкіе случаи, когда бѣдствіе дѣйствительно происходило отъ неумѣнья пользоваться свободою, то и тогда, они нисколько не могли бы служить дѣйствительнымъ основаніемъ противъ мелкой собственности; ибо не должно забывать старую истину, что всякое человѣческое учрежденіе страдаетъ нѣкоторымъ несовершенствомъ и что всякая свобода предполагаетъ также и случаи злоупотребленія. Если иногда многіе мелкіе владѣльцы и приходятъ въ бѣдственное положеніе, если они и страдаютъ отъ чрезмѣрной малости участковъ, то все-таки въ этомъ виновата не свобода поземельной собственности, не возможность доставленная имъ улучшать свое положеніе, но ихъ собственное неблагоразуміе и ошибки,

неумѣнье пользоваться въ высшей степени полезнымъ орудіемъ, или наконецъ, въ болѣе извинительномъ случаѣ, непредвидѣнные естественныя и общественныя бѣдствія, которыхъ не можетъ избѣгнуть никакая человѣческая предусмотрительность. Свобода поземельной собственности, предоставляя каждому возможность пріобрѣтать поземельный участокъ, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ лучшей способъ къ улучшенію благосостоянія. Пользуются ли этою возможностью разумно или неблагоразумно, приносятъ ли имъ эта собственность благословеніе или проклятіе — это зависитъ отъ ихъ собственной предусмотрительности и энергіи, а гдѣ этихъ качествъ нѣтъ, тамъ не поможетъ никакая другая система. Поземельная собственность, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свойство доставлять земледѣльческому классу довольство и благосостояніе, но вліянію ея можетъ противодѣйствовать безчисленное множество другихъ причинъ, и происходящія оттого бѣдствія никоимъ образомъ нельзя приписывать поземельной собственности. Люди не суть машины, неизмѣнно дѣйствующія въ одномъ и томъ же направленіи. Своенравіе можетъ иногда превозмочь сознаніе собственнаго интереса, и даже, если бы люди желали руководиться благоразуміемъ, то не всегда могли бы избѣгнуть несчастій и непредвидѣнныхъ бѣдствій. Случаи, когда дѣти крестьянъ не рѣшаются продать свое небольшое имущество и предпочитаютъ раздѣлить его на дробныя части, чтобы извлекать изъ нихъ скудное существованіе, разумѣется, могутъ встрѣчаться; но подобные случаи никакъ не могутъ считаться общимъ правиломъ и служить возраженіемъ противъ свободной мелкой собственности. Чтобы судить о дѣйствительномъ вліяніи мелкой собственности на благосостояніе народныхъ массъ, нужно судить не по частнымъ исключеніямъ, но по общей массѣ случаевъ, по большинству существующихъ фактовъ. Только тогда мы можемъ быть увѣрены, что наше

заключеніе будетъ правильно и близко къ истинѣ. Что же представляютъ намъ факты?

Какъ историческое изученіе, такъ и наблюденіе надъ современною жизнью показываютъ, что мелкая поземельная собственность и раздробленіе земли вообще, доставляя большому числу лицъ участіе въ поземельной собственности, уменьшая число зависимыхъ лицъ и равномернѣе распредѣляя общественный доходъ, способствуетъ благосостоянію общей массы народонаселенія болѣе, нежели какая-либо другая система. Въ этомъ отношеніи, между странами малой и большой поземельной собственности существуетъ самая рѣзкая разница. Въ то время какъ при сосредоточеніи поземельной собственности обыкновенно бываетъ только нѣсколько богатыхъ землевладѣльцевъ и безчисленное количество работниковъ и поденщиковъ, — при раздробленіи собственности является множество мелкихъ собственниковъ, положеніе которыхъ не только лучше положенія простыхъ поденщиковъ, но даже и мелкихъ фермеровъ; ибо въ то время какъ послѣдніе зависятъ отъ поземельнаго собственника, съ которымъ они должны дѣлиться своимъ производствомъ, первые являются вполне независимыми предпринимателями, сосредоточивающими въ своихъ рукахъ и заработную плату, и барышъ предпринимателя, и ренту поземельнаго собственника. «Сельское счастье, говоритъ Сисмонди, картину котораго намъ представляетъ исторія славныхъ временъ Италіи и Греціи, не чужда и нашему вѣку. Всюду, гдѣ встрѣчаешь крестьянина-собственника, находишь также то довольство, ту обезпеченность, то довѣріе къ будущему, ту независимость, которая въ то же время обезпечиваютъ счастье и добродѣтель... Крестьянинъ, совершающій съ своими дѣтьми всѣ работы на своемъ небольшомъ наслѣдственномъ полѣ, не платящій ренты никому выше его, ни заработной платы никому ниже его, сообразующій свое производство съ потребе-

ніемъ, питающійся своимъ собственнымъ хлѣбомъ, пьющій собственное вино, одѣвающійся собственной коноплею и льномъ, мало заботится о рыночныхъ цѣнахъ, потому что ему приходится мало покупать и продавать, и онъ никогда не можетъ разориться вслѣдствіе переворотовъ торговли. Будущее не только не пугаетъ его — напротивъ, представляется ему въ лучшемъ свѣтѣ, потому что каждую минуту, остающуюся у него отъ годичнаго труда, онъ употребляетъ съ пользою для своихъ дѣтей, для будущихъ вѣковъ. Ему достаточно нѣсколько минутъ труда, чтобы посадить орѣхъ, изъ котораго черезъ столѣтъ вырастетъ огромное дерево, чтобы провести источникъ свѣжей воды, который навсегда освѣжитъ его поле, чтобы улучшить, часто повторяемыми въ свободное время заботами, всѣ роды животныхъ и растеній, которыми онъ окружаетъ себя. Его небольшое имѣніе представляется настоящею сберегательною кассою, всегда готовою принять всѣ небольшія сбереженія его, сдѣлать полезною каждую минуту его досуга. Всегда дѣйствующая сила природы оплодотворяетъ ихъ и возвращаетъ сторицею. Крестьянинъ живо чувствуетъ счастье, соединенное съ положеніемъ собственника, и этимъ объясняется его страстное желаніе приобрѣсть землю во что бы то ни стало. Онъ платитъ за нее болѣе, нежели она стоитъ, болѣе нежели она быть можетъ возвратить ему; но не имѣетъ ли онъ основанія высоко цѣнить выгоду помѣщать впредь свой трудъ всегда выгодно, не предлагая его съ торгу, и въ случаѣ нужды всегда находить свой хлѣбъ, не будучи обязаннымъ покупать его на рынкѣ» ¹⁾).

Правда, нѣкоторые лица, полагающія, что низшіе классы осуждены на всегдашнее несовершеннolѣтіе, ребячество и зависимость, и что окончательная участь ихъ состоитъ въ томъ,

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'économie politique,» т. 2 стр. 170.

чтобы находиться подъ вѣчною опекою и покровительствомъ высшихъ и образованныхъ сословій, смотреть не совѣмъ благосклонными глазами на это независимое положеніе мелкихъ собственниковъ и полагають, что оно вовсе не является завиднымъ; ибо предоставляя крестьянина собственному произволу, возлагая на него отвѣтственность за собственное благосостояніе, подвергаетъ его всѣмъ бѣдствіямъ, случайностямъ и совершенной безпомощности въ затруднительныхъ случаяхъ. Но такое мнѣніе показываетъ совершенное непониманіе человѣческой природы и ея законныхъ требованій. Въ такомъ случаѣ необходимо предположить, что самое лучшее состояніе есть состояніе раба, ибо онъ вполне обезпеченъ относительно своего животнаго существованія, о которомъ заботится господинъ. Но такой выводъ показываетъ всю нелѣпость подобнаго возраженія противъ независимаго положенія крестьянина-собственника. Безъ сомнѣнія, свобода налагаетъ на всякаго болѣе отвѣтственности, болѣе заботъ и безпокойствъ относительно собственного благосостоянія. Но эти заботы и безпокойства не составляютъ ли отличительную черту свободного и разумнаго человѣка? не составляютъ ли они величайшаго и драгоцѣннѣйшаго блага, къ приобрѣтенію котораго стремилась вся исторія? не составляютъ ли они, наконецъ, самаго драгоцѣннаго орудія воспитанія и самаго могущественнаго побужденія къ напряженію всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ для улучшенія своей участи? Сомнѣваться въ этомъ нѣтъ никакой возможности при видѣ тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которые порождены этою формою обработки всюду, гдѣ только успѣла она прочно укорениться. Исторія представляетъ множество поразительныхъ примѣровъ необыкновенно быстрого улучшенія быта крестьянъ, вслѣдствіе распространенія между ними свободной поземельной собственности. Посредствомъ этой системы старались обезпечить благосостояніе народа всѣ вели-

чайшіе законодатели древности; посредствомъ ея французскіе крестьяне были выведены изъ того печальнаго и бѣдственнаго положенія, въ которомъ находились они, по свидѣтельству всѣхъ писателей, въ концѣ прошлаго столѣтія; посредствомъ ея же министры Штейнъ и Гарденбергъ доставили прусскому народонаселенію то независимое, спокойное и благоденственное существованіе, которымъ оно пользуется нынѣ; посредствомъ ея, далѣе, швейцарскіе и норвежскіе крестьяне достигли той замѣчательной степени благосостоянія, которая столь справедливо служитъ предметомъ удивленія и похвалъ всѣхъ путешественниковъ; наконецъ, къ этой же системѣ рѣшились обратиться и мы, какъ скоро родилось въ насъ искреннее желаніе улучшить положеніе большинства нашего земледѣльческаго населенія, и нѣтъ сомнѣнія, что эта система не обманетъ нашихъ ожиданій и надеждъ.

Столь поразительные результаты мелкой крестьянской собственности не покажутся намъ сверхъестественными и необъяснимыми, если мы сообразимъ вліяніе ея на человѣка.

Поземельная собственность есть та, которую человѣкъ желаетъ пріобрѣсть болѣе всякой другой. Съ нею соединяются преданія, семейныя привязанности, воспоминанія дѣтства, утѣшеніе въ старости, идея вѣчности. Только одна поземельная собственность, давая прочную осязательность, обуславливая меньшую зависимость отъ людей и обстоятельствъ, порождая независимость и полную свободу труда, обеспечиваетъ спокойное и самостоятельное существованіе, въ которомъ самый трудъ сопровождается пріятнымъ сближеніемъ съ природою. «Движимая собственность или капиталъ, говоритъ Гизо, можетъ доставить человѣку всѣ выгоды, пріобрѣтаемыя богатствомъ; но поземельная собственность даетъ ему большія преимущества: она дѣлаетъ его участникомъ въ обладаніи міромъ, она связываетъ жизнь человѣка съ жизнью, одушевляющею все

мірозданіе. Деньги доставляютъ средства къ удовлетворенію нашихъ нуждъ и желаній. Поземельная же собственность ставитъ человѣка владыкою среди природы: она удовлетворяетъ не только его нуждамъ и желаніямъ, но и глубоко вкоренившимся въ немъ стремленіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласуясь болѣе, чѣмъ всякаго другаго рода собственность, съ природою человѣка, она вводитъ въ кругъ дѣятельности, наиболѣе способствующій его нравственному развитію. Люди безотчетно, т. е. инстинктивно признаютъ эти начала; иначе они не окружили бы поземельную собственность тѣмъ уваженіемъ, какимъ она пользуется предпочтительно предъ всякаго другаго рода собственностью. Такое уваженіе вытекаетъ изъ естественныхъ и законныхъ источниковъ, и интересы цѣлаго общества, въ особенности обширнаго государства, требуютъ, чтобы это чувство было поддерживаемо» ¹⁾).

Но если самый фактъ владѣнія землею дѣлаетъ всякаго человѣка счастливымъ, потому что въ этомъ фактѣ осуществляется врожденное въ человѣкѣ стремленіе къ обладанію поземельной собственностью, то еще большее значеніе имѣетъ это владѣніе для человѣка, собственноручно обрабатывающаго землю, для котораго она, сверхъ того, является главнымъ орудіемъ производства, источникомъ дохода и признакомъ свободы. Чувство независимости въ настоящемъ, безопасность въ будущемъ, спокойствіе подъ своею кровлею въ лѣта старости, обезпеченіе при жизни — вотъ причины, которыя побуждаютъ всякаго земледѣльца выносить самые тяжелые труды, самыя тягостныя лишенія, чтобы только накопить небольшую сумму, посредствомъ которой можно было бы купить собственный клочекъ земли, и такимъ образомъ пріобрѣсть прочную основу для своего счастія и благосостоянія. Всякаго другаго рода соб-

¹⁾ Guizot «De la démocratie en France», 1849. Brux. стр. 41.

ственность легко можетъ быть расточена, и только поземельная собственность, сродная и сливая человѣка съ участкомъ земли, превращаетъ этотъ участокъ въ твердую, неприступную сокровищницу, куда онъ не жалѣя влагааетъ свои усилія, свои пожертвованія въ твердомъ убѣжденіи, что ихъ плодами воспользуется онъ самъ, или его дѣти, семья и лица близкія ему.

Такимъ образомъ, невозможно сомнѣваться въ благопріятномъ вліяніи поземельной собственности и необходимо признать, что народное и частное благосостояніе всегда будутъ зависѣть отъ наибольшаго числа лицъ, участвующихъ въ землевладѣніи.

Велика или мала эта собственность, она во всякомъ случаѣ оказываетъ самое благотѣльное дѣйствіе на матеріальное и нравственное положеніе земледѣльца. Если участокъ великъ и въ состояніи занять все время крестьянина, онъ обезпечиваетъ ему самое независимое и самостоятельное положеніе. Если же участокъ малъ, то собственникъ можетъ искать подспорья въ какомъ-нибудь ремеслѣ, промыслѣ или побочной работѣ, какъ это дѣлаютъ мелкіе собственники Бельгій, Швейцаріи, Тосканы, Ломбардіи, южной Германіи, занимающіеся плетеніемъ кружевъ, выдѣлкою соломенныхъ шляпъ, приготовленіемъ часовъ и т. д. Во всякомъ же случаѣ положеніе этихъ послѣднихъ несравненно лучше, нежели положеніе городскихъ и сельскихъ работниковъ, вовсе не имѣющихъ земли. Небольшой участокъ доставляетъ имъ возможность съ пользою употреблять все свободное время на обработку его и нерѣдко обезпечиваетъ, особенно въ минуты застоя промышленности и недостатка работъ, весьма значительную помощь. Если въ худой годъ они и получаютъ только половину урожая, то они должны питаться полупорціями; но земледѣлецъ, живущій заработною платою, по причинѣ возвышенія цѣнъ также не въ состояніи купить болѣе половины потребной ему

пищи и даже меньше, потому что цены возвышаются сильнее действительного недостатка.

Итакъ, нѣтъ сомнѣнiя, что мелкая обработка крестьянами-собственниками, порождающая многочисленное, самостоятельное дѣйствующее земледѣльческое населенiе, которое посредствомъ тяжелыхъ, но здоровыхъ работъ, обеспечиваетъ себѣ умѣренное и счастливое существованiе, народному же богатству доставляетъ массу наиболѣе необходимыхъ и дорогихъ сырыхъ продуктовъ, служащихъ не только для непосредственнаго потребленiя, но и для дальнѣйшей переработки, что эта обработка имѣетъ самое благотворное влiянiе относительно общественнаго благосостоянiя. Населенiе, порождаемое подобною обработкою, не состоитъ изъ массы несчастливцевъ, подобныхъ фабричнымъ работникамъ, бѣдственное существованiе которыхъ зависитъ отъ постоянныхъ случайностей, внезапныхъ механическихъ изобрѣтенiй, переменъ тарифовъ, наконецъ отъ произвола и соглашенiя нѣсколькихъ большихъ фабрикантовъ, которые, посредствомъ временной остановки машинъ и произвольнаго пониженiя заработной платы, могутъ усилить свои собственные барыши на счетъ благосостоянiя рабочихъ классовъ. Это земледѣльческое населенiе, порождаемое раздробленiемъ земли, не осуждено на безпрерывное повторенiе однообразныхъ работъ, превращающихъ человѣка въ машину, не заперто среди зараженнаго воздуха фабрикъ или въ глубокихъ шахтахъ горныхъ заводовъ, не приковано къ мученической скамьѣ ткацкаго станка, не подвержено пылающему аду доменныхъ печей. Оно не лишено своего собственнаго очага и семьи, не осуждено послѣ тягостно проведенныхъ дней скрываться по ночамъ въ бѣдственныхъ пристанищахъ — этихъ настоящихъ могилахъ для каждого благороднаго чувства и для всякой нравственности и стыдливости, гдѣ нерѣдко въ одной комнатѣ помѣщаются цѣлыя семьи съ

лицами различныхъ возрастовъ и половъ. По истинѣ, земледѣльческому населенію, вызываемому естественнымъ раздробленіемъ почвы, порождаемымъ свободою, обезпечена лучшая участь. Населеніе это состоитъ изъ свободныхъ, здоровыхъ земледѣльцевъ, которые, хотя и осуждены на тяжелую работу, но трудятся съ охотою и удовольствіемъ, ибо въ тщательной обработкѣ небольшихъ своихъ участковъ, соединенной иногда съ побочными занятіями, находятъ себѣ средства для независимаго и безбѣднаго существованія, если только ихъ не постигаютъ особенные несчастные случаи. Въ этомъ населеніи, связанномъ съ родною почвою всеми воспоминаніями и всею любовью, внушаемою поземельною собственностью, вѣрно хранящемъ хорошіе старинные нравы — живая народная сила находитъ себѣ постоянное обновленіе въ свѣжихъ и цвѣтущихъ поколѣніяхъ, государство же самую прочную опору своего могущества и процвѣтанія.

Если мы сравнимъ теперь этихъ сильныхъ, доблестныхъ, физически и нравственно здоровыхъ земледѣльцевъ, обрабатывающихъ большую часть Германіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и отчасти Италіи, съ бѣдными, физически и нравственно разслабленными фабричными работниками мануфактурныхъ округовъ, то не трудно рѣшить, какимъ изъ нихъ должно отдать преимущество въ общественномъ и государственномъ отношеніи.

Это сравненіе, доказывая преимущество земледѣльческаго народонаселенія, состоящаго изъ собственниковъ, надъ фабричнымъ народонаселеніемъ, имѣетъ также значеніе и для сравненія мелкой обработки крестьянами-собственниками съ большою обработкою; ибо, хотя между большою земледѣльческою обработкою и большимъ фабричнымъ и мануфактурнымъ производствомъ, не существуетъ правильной аналогіи въ экономическомъ отношеніи въ дѣлѣ производства, за то существу-

еть весьма близкая аналогія въ соціальному отношенію относительно общаго вліянія ихъ на положеніе народонаселенія.

При существованіи большой поземельной собственности, особенно при насильственномъ поддержаніи ея посредствомъ различныхъ ограничительныхъ законовъ, на ряду съ незначительнымъ количествомъ богатыхъ землевладѣльцевъ мы видимъ громадную толпу поденщиковъ или, въ лучшемъ случаѣ, арендаторовъ, которымъ необходимо чуждъ всякій продолжительный интересъ къ прочному улучшенію почвы и къ благосостоянію государства, которые ненавидятъ при томъ всякій трудъ, не могущій принести имъ мгновеннаго вознагражденія. Надежда посредствомъ прилежанія, бережливости и напряженія всѣхъ своихъ силъ пріобрѣсть поземельную собственность и обезпечить себѣ и семьѣ спокойное и самостоятельное существованіе — это могущественное побужденіе къ улучшенію собственнаго, а слѣдовательно общественнаго благосостоянія, — при существованіи большихъ помѣстій или вовсе неизвѣстно для земледѣльческаго народонаселенія, или существуетъ въ самой незначительной степени. Подобное народонаселеніе, подобно фабричнымъ работникамъ, осужденное на вѣчную бѣдность и зависимость, не имѣющее никакой надежды на болѣе счастливое будущее, не можетъ знать другаго удовольствія и наслажденія, какъ минутнаго удовлетворенія животныхъ потребностей и забвенія въ силѣ напитковъ ежедневныхъ заботъ о тягостномъ существованіи, котораго не можетъ улучшить самое неутомимое прилежаніе. Порокъ праздности и лѣни бываетъ поэтому неразлучнымъ спутникомъ подобнаго безнадежнаго положенія; потому что предпринимать усилія для будущаго, послѣ того какъ минутныя потребности удовлетворены, можетъ только человѣкъ, обладающій значительною долею самоуваженія и нравственнаго развитія. Люди же, которые живутъ въ полной зависимости отъ

другихъ, никогда не могутъ приобрести ни клочка земли, подвержены постоянному изгнанію по волѣ другаго, обусловливаемой капризомъ, скупостью, эгоизмомъ, гордостью или необузданнымъ могуществомъ; подобные люди никогда не могутъ имѣть нравственнаго уровня, необходимаго для дѣятельности, цѣль которой скрывается въ отдаленномъ будущемъ. Они съ безпечною тратятъ все, что приобретаютъ, предоставляя будущему заботу вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія. Этотъ фактъ столь извѣстенъ, что всѣ тѣ, которые живо сочувствуютъ благосостоянію рабочихъ классовъ, принимаютъ за неопровержимую истину, что увеличеніе заработной платы немного можетъ принести пользы, если въ то же время не измѣнятся къ лучшему нравы и привычки работниковъ. Понятно, что подобное населеніе, вслѣдствіе своей постоянной зависимости, настроенно рабски, отличается грубостью, и едва способно къ духовному развитію, которое, какъ извѣстно, идетъ рука объ руку съ матеріальнымъ улучшеніемъ быта, избавляющимъ духъ отъ мучительныхъ заботъ о тѣлѣ. Даже самый внѣшній видъ ихъ часто проявляетъ послѣдствія безпрерывныхъ лишеній, что нерѣдко усиливается неумѣреннымъ употребленіемъ горячихъ напитковъ, какъ это рѣзко замѣтно въ Ирландіи, во многихъ графствахъ Англіи, въ Мекленбургѣ и вездѣ, гдѣ существуютъ подобныя причины. Такимъ образомъ очевидно, что большимъ помѣстьямъ свойственны почти всѣ тѣ же условія, которыя дѣлаютъ столь гибельнымъ и небезпечнымъ положеніе фабричныхъ работниковъ.

Совершенно противоположное вліяніе оказываетъ мелкая крестьянская собственность. Существованіе открытой и законной возможности для каждаго лица приобрести участокъ по своимъ силамъ и средствамъ, въ высшей степени стимулируетъ дѣятельность крестьянина и успѣхи его благосостоянія, и дѣлаетъ то, что положеніе простаго работника никакимъ об-

разомъ не представляется безнадежнымъ и неизмѣннымъ, но какъ бы ступенью къ пріобрѣтенію собственности и независимости. При помощи сбереженій и кредита, каждый порядочный работникъ легко можетъ въ такомъ случаѣ пріобрѣсти внѣшнее условіе для самостоятельнаго приложенія своихъ силъ и способностей и постепенно достигнуть независимости, счастья и благосостоянія. Подобные примѣры постоянно встрѣчаются при существованіи свободы и земельного устройства. Поэтому нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что свобода поземельной собственности составляетъ лучшее средство для устраненія бѣдственнаго, безнадежнаго и полного отчаянія положенія, въ которое погружена большая часть фабричныхъ работниковъ, — средство несравненно болѣе дѣйствительное, нежели положительное вспомошествованіе и всякая такса для бѣдныхъ. Съ другой стороны, нельзя также не признать и того, что подобное устройство представляетъ единственно возможный способъ осуществленія соціалистическаго идеала относительно распредѣленія имущества сообразно способностямъ и достоинству каждого лица.

Въ этомъ благотѣльномъ вліяніи мелкой поземельной собственности лежитъ главная причина того явленія, о которомъ свидѣлствуютъ всѣ путешественники, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ земля раздроблена на небольшіе участки, положеніе земледѣльческаго класса отличается благосостояніемъ, отсутствіемъ бѣдности и пролетаріата, высокимъ нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ, независимостью и любовью къ родинѣ.

Для доказательства благотѣльности вліянія мелкой поземельной собственности на матеріальный бытъ крестьянина, рассмотримъ вліяніе, оказываемое ею, на одну изъ важнѣйшихъ сторонъ матеріальнаго быта — на улучшеніе жилищъ. Жилища, безъ всякаго сомнѣнія, составляютъ одно изъ главныхъ условій хорошаго положенія народонаселенія и служатъ

несомнѣннымъ признакомъ, по которому можно судить о большей или меньшей степени народнаго благосостоянія. Вопросъ этотъ подробно былъ разобранъ Кэемъ, который, по порученію Кембриджскаго университета, въ теченіи восьми лѣтъ тщательно изучалъ бытъ рабочаго народонаселенія въ различныхъ странахъ Европы. Въ сочиненіи своемъ онъ приводитъ множество примѣровъ, взятыхъ изъ различныхъ странъ, свидѣтельствующихъ о замѣчательномъ вліяніи, оказываемомъ мелкою поземельною собственностью на улучшение жилищъ. Вообще, всѣ наблюденія привели его къ несомнѣнному убѣжденію, что жилища земледѣльцевъ въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, Швейцаріи, Голландіи, Бельгіи, гдѣ они владѣютъ поземельною собственностью, несравненно лучше, просторнѣе, прочнѣе, опрятнѣе, удобнѣе, нежели тамъ, гдѣ земля принадлежитъ большимъ владѣльцамъ и гдѣ крестьяне суть только поденщики, или не обезпеченные во владѣніи мелкіе арендаторы. Слова его вполне подтверждаются, какъ приведенными уже нами фактами, такъ и всеобщимъ свидѣтельствомъ путешественниковъ, которые увѣряютъ, что достаточно одного бѣглаго взгляда на наружный видъ и состояніе жилищъ, чтобы безошибочно опредѣлить кому принадлежатъ они — крестьянамъ ли собственникамъ или большимъ владѣльцамъ и поселеннымъ въ нихъ арендаторамъ и поденщикамъ. Разумныя заботы, удобство, чистота, опрятность и совершенство, тотчасъ же свидѣтельствуютъ о присутствіи первыхъ.

Такое явленіе нисколько не покажется страннымъ, если мы лишь, сообразимъ причины, обусловливающія его.

Во первыхъ нѣтъ, сомнѣнія, что крестьяне-собственники имѣютъ несравненно болѣе средствъ для улучшения своихъ жилищъ, нежели наемные работники и мелкіе арендаторы.

Тамъ, гдѣ господствуетъ мелкая поземельная собственность, какъ на примѣръ въ Германіи, Бельгіи, Швейцаріи, Франціи,

поземельный доходъ остается въ рукахъ мелкихъ собственниковъ и идетъ на улучшеніе ихъ положенія; между тѣмъ какъ, напротивъ, въ странахъ, гдѣ поземельная собственность сосредоточена, тотъ же поземельный доходъ идетъ на содержаніе не только лицъ, непосредственно обрабатывающихъ землю, но также и на содержаніе роскошныхъ поземельныхъ владѣльцевъ, которые обыкновенно нуждаются въ великолѣпныхъ жилищахъ, въ дорогой мебели, въ экипажахъ и другихъ предметахъ роскоши. Понятно, что та часть поземельнаго дохода, которая остается за уплатою издержекъ производства, можетъ доставить одно и то же количество произведеній при обѣихъ организаціяхъ общества. На нее можно пріобрѣсть только определенное количество произведеній. Если она будетъ издержана на постройку одного большаго дома, на снабженіе его великолѣпною мебелью, на украшеніе большаго сада избранными цвѣтами и растеніями, она не можетъ доставить ничего болѣе. Если же, съ другой стороны, она будетъ употреблена на постройку многихъ мелкихъ домовъ, на снабженіе ихъ болѣе простою мебелью, на украшеніе ихъ небольшихъ садовъ простыми цвѣтами и плодовыми деревьями, то доставитъ удобное существованіе несравненно большому количеству лицъ. Этимъ объясняется, почему повсемѣстно въ мѣстностяхъ, гдѣ поземельная собственность сосредоточена большими массами, мы встрѣчаемъ изрѣдка разстѣянные великолѣпныя и громадныя жилища большихъ собственниковъ, а на ряду съ ними бѣдныя хижины земледѣльческихъ работниковъ и арендаторовъ. Напротивъ, тамъ, гдѣ поземельная собственность раздроблена, хотя и не видимъ громадныхъ жилищъ, за то во множествѣ встрѣчаемъ въ высшей степени удобные и чистые домики—пріюты умѣреннаго счастія и довольства. Нечего распространяться о томъ, какой способъ распредѣленія поземельнаго дохода наиболѣе соответствуетъ общественному благосостоянію.

Другая причина, почему жилища крестьянъ-собственниковъ несравненно лучше сельскихъ жилищъ земледѣльческаго класса на помѣстьяхъ большихъ владѣльцевъ, заключается въ томъ, что крестьяне-собственники имѣютъ не только болѣе возможности совершать улучшенія жилищъ, но и большее желаніе предпринимать ихъ. Въ то время, когда наемные работники, получающіе самое скудное содержаніе, а также временные арендаторы, доля которыхъ значительно уменьшается, вслѣдствіе раздѣла произведеній съ землевладѣльцемъ, лишены всякихъ побужденій расточать свои труды, заботы и дельги на улучшеніе чужихъ жилищъ, которыя рано или поздно должны отойти отъ нихъ,—крестьяне-собственники, занимающіе собственно принадлежащія имъ дома, имѣютъ самыя побудительныя причины старательно ухаживать за ними, содержать ихъ въ чистотѣ и опрятности, тщательно исправлять всѣ поврежденія, наносимыя разрушительною рукою времени, и вообще предпринимать все необходимое для возможнаго улучшенія ихъ. Къ этому побуждаетъ ихъ привязанность къ дому, наслѣдованному отъ предковъ или пріобрѣтенному посредствомъ собственнаго труда, сознаніе личной выгоды и пользы отъ постройки болѣе крѣпкихъ и хорошихъ жилищъ, удовольствіе, ощущаемое при видѣ благосостоянія того, что принадлежитъ имъ и что доставляетъ кровъ, удобства и поддержку семьѣ и вообще лицамъ дорогимъ для нихъ; наконецъ, нѣкотораго рода гордость и соревнованіе съ другими относительно удобствъ, чистоты и приличнаго вида своихъ жилищъ. Въ этомъ заключается вторая причина того опрятнаго, наряднаго вида деревень и сельскихъ жилищъ, который, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, представляютъ мѣстности, принадлежащія крестьянамъ-собственникамъ въ Швейцаріи, Германіи, Бельгіи и Норвегіи. Напротивъ, въ странахъ, гдѣ господствуетъ большая обработка, постройка сельскихъ жи-

лищъ для земледѣльческаго класса зависитъ главнымъ образомъ отъ землевладѣльцевъ, которые рѣдко имѣютъ достаточныя средства, а еще рѣже желаніе построить удобныя жилища для земледѣльцевъ. Большинство доходовъ ихъ поглощается обыкновенно издержками на ихъ собственную жизнь, на поддержаніе ихъ положенія въ обществѣ. Они рѣдко рѣшаются употреблять свои доходы на помѣстья, еще рѣже на устройство хорошихъ жилищъ для работниковъ. Если необходимость принуждаетъ ихъ приступить къ постройкамъ, то личная выгода и польза ихъ побуждаютъ издерживать только абсолютно необходимое, чтобы доставить земледѣльцамъ скудный пріютъ и кровъ для защиты отъ непогоды и для помѣщенія семей. Не удивительно, что подобныя жилища не отличаются особенною роскошью и затѣйливостью, и большею частью представляютъ самую печальную картину, тѣмъ болѣе поразительную, что наряду съ убогими жилищами возвышаются великолѣпныя палаты—эти очевидные свидѣтели неравномѣрнаго распределенія богатства и благосостоянія.

Но вліяніе мелкой обработки крестьянами-собственниками не ограничивается однимъ улучшеніемъ матеріальнаго быта крестьянъ. Оно проявляется также въ развитіи нравственнаго чувства въ земледѣльческомъ классѣ, и обусловливаетъ множество въ высшей степени замѣчательныхъ нравственныхъ качествъ.

Извѣстно, на примѣръ, какое важное значеніе въ области народнаго хозяйства имѣетъ воздержаніе и бережливость. Эти качества составляютъ необходимое условіе образованія капиталовъ, которые, какъ извѣстно, суть результаты воздержанія и нравственнаго господства человѣка надъ собою и своими склонностями. Бережливость и образованіе капиталовъ находятся поэтому въ самой тѣсной связи и возрастаютъ вообще по мѣрѣ успѣховъ образованія и цивилизаціи. Человѣкъ, ко-

торый сберегаетъ часть своихъ доходовъ, чтобы превратить ихъ въ капиталъ, жертвуетъ настоящимъ наслажденіемъ въ пользу будущихъ благъ. Очевидно, что эти качества являются въ высшей степени полезными для общества и служатъ несомнѣнными признаками высокаго нравственнаго уровня. Но никакая другая общественная организація не содѣйствуетъ болѣе развитію этихъ качествъ, какъ обработка земли крестьянами-собственниками.

Тамъ, гдѣ поземельная собственность раздроблена, гдѣ каждому работнику открыта возможность посредствомъ труда и прилежанія пріобрѣсти со временемъ свой участокъ земли, замѣчаютъ вообще въ этомъ отношеніи самыя утѣшительныя явленія. Сознаніе, одушевляющее работника, что онъ не отдѣленъ непреодолимой преградой отъ слѣдующей ступени въ общественной лѣстницѣ, что судьба его вполне находится въ его собственныхъ рукахъ и зависитъ отъ его собственного трудолюбія, что онъ легко можетъ пріобрѣсти независимое положеніе при помощи труда и бережливости, придаетъ необыкновенную энергію его труду, побуждаетъ его къ самой строгой воздержности, экономіи и бережливости. Это сознаніе возможности успѣха и надежда на будущее держатъ его въ постоянномъ напряженіи, заставляютъ его забывать лишенія настоящаго и спасаютъ его отъ необходимости прибѣгать къ тѣмъ губительнымъ и безнравственнымъ крайностямъ, къ которымъ столь часто прибѣгаютъ люди отчаявшіеся, съ цѣлью потопить свое горе или добиться возбужденія, котораго не доставляетъ имъ обыденная жизнь. «Честное пріобрѣтеніе небольшой собственности, говоритъ лордъ Брумъ, болѣе нежели какое-либо другое средство, можетъ содѣйствовать нравственному преобразованію бѣднаго человѣка, порождая въ немъ чувство самоуваженія и привязанности къ обществу и доставляя ему возможность при помощи прилежанія достигнуть безбѣднаго и комфортабельнаго

существованія. Если же эта собственность такого рода, что требуетъ постоянной дѣятельности, чтобы она имѣла какую-нибудь цѣнность; если она далѣе вызываетъ тотъ родъ промышленной дѣятельности, который доставляетъ работнику не богатство и роскошь, но обеспеченное существованіе и довольство; словомъ, если эта собственность есть земля раздѣленная на мелкія части и населенная немногими жителями, то трудно себѣ представить другое болѣе благопріятное сочетаніе условій для содѣйствія самымъ прямымъ образомъ къ преобразованію нравственнаго характера новыхъ поселенцевъ» ¹⁾).

Вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поземельная собственность доступна каждому поденщику и работнику, всякій изъ нихъ, не владѣющій еще землею, живо чувствуетъ, что каждая копѣйка, издержанная имъ на чувственные удовольствія, служитъ какъ бы вычетомъ изъ того капитала, который нѣкогда долженъ доставить ему желанный участокъ земли или огородъ. Если же онъ былъ уже столь счастливъ, что, при помощи труда и бережливости успѣлъ уже пріобрѣсть клочокъ земли, то онъ не менѣе сильно заинтересованъ въ улучшеніи и увеличеніи своей собственности. Этотъ клочокъ земли, составляющій неотъемлемую его собственность, наполняетъ его благородною гордостью, и онъ еще лучше сознаетъ пользу и значеніе добрепорядочной и экономной жизни. Поэтому онъ работаетъ еще болѣе и тратитъ на нее все, что не является существенно необходимымъ для поддержанія его и его семейства. Онъ знаетъ, что это помѣщеніе вѣрно и что со временемъ онъ или его дѣти воспользуются плодами его труда и воздержанія. Земля, по счастливому выраженію Сисмонди, служитъ, для него лучшею сберегательною кассою, всегда готовою принять самыя малѣйшія его сбереженія. Терпѣливый и

¹⁾ Brougham's Colonial Policy. ч. 1, стр. 62.

умѣренный, онъ въ тѣхъ же обычаяхъ воспитываетъ своихъ дѣтей, дѣлая изъ нихъ добрыхъ работниковъ и хорошихъ гражданъ. Вмѣстѣ съ землею, онъ передаетъ имъ тотъ же духъ экономіи, порядка и предусмотрительности, ту же страстную привязанность къ землѣ, которая одушевляла его въ теченіе его жизни, и такимъ образомъ создается неутомимый и дѣятельный классъ крестьянъ-собственниковъ, у котораго сельскіе труды развиваютъ физическое сложеніе и содѣйствуютъ крѣпости и здоровью большей части народонаселенія.

Самый трудъ мелкаго землевладѣльца оказываетъ благотворное вліяніе на его характеръ. «Во всѣхъ человѣческихъ занятіяхъ, говоритъ Гизо, успѣхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ самого человѣка, отъ его способностей, смысленности, благоразумія и бдительности. Всѣми этими качествами долженъ обладать и земледѣлецъ; но не отъ нихъ однихъ зависитъ успѣхъ его труда. Онъ зависитъ также отъ божественной силы, распоряжающейся и временами года, и температурою, и дождемъ, и солнцемъ, словомъ: всѣмъ, отъ чего зависитъ успѣхъ или неудача труда, употребленнаго на землю. Какая человѣческая гордость не преклонится передъ этою зависимостью? Какое искусство можетъ избавить отъ нея? Но земледѣльческій трудъ научаетъ земледѣльца не одной покорности силамъ природы, стоящимъ выше его власти; онъ научаетъ его еще постоянству и терпѣнію. Земледѣлецъ не можетъ ласкать себя надеждою, что одно искусство или усиленная дѣятельность обезпечитъ для него непремѣнный успѣхъ». Отсюда тѣ нравственныя качества, которыя отличаютъ крестьянъ-собственниковъ: скромная твердость, умѣнье принаровляться къ дѣйствительности, примиряться съ существующимъ порядкомъ вещей, не отказываясь отъ вліянія на него, но всегда соразмѣряя свои дѣйствія съ силами. Притомъ весьма естественно, что здоровая и упражняющая силы работа, производимая

не взаперти, а среди широкой природы, подъ солнечнымъ свѣтомъ или грозными тучами, сохраняя душу человѣка въ наиболѣе здоровѣйшемъ состояніи, воспитываетъ въ немъ серьезность и степенность, внимательную наблюдательность и правильное сужденіе».

Не менѣе поразительная нравственная черта, порождаемая раздробленіемъ земли и мелкою собственностью, заключается въ уваженіи къ собственности другаго. Никто не питаетъ такого уваженія къ собственности другаго, какъ тотъ, кто желаетъ, чтобы уважали его собственную. Люди ничѣмъ не владѣющіе, хотя весьма хорошо могутъ знать заповѣдь: не укради, но не вполнѣ убѣждены въ ея справедливости. Они не находятъ на нее отвѣта въ своемъ положеніи. Почему они не должны красть? Имъ можно отвѣтить, что они должны дѣлать для другихъ то, что желали бы, чтобы дѣлали для нихъ другіе; но они не опасаются быть обокраденными, потому что ничего не имѣютъ, и не зная чувства собственности, не могутъ хорошо понять тѣхъ бѣдствій, которыя производятся нарушеніемъ ея. Совершенно иначе бываетъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣльцы въ то же время собственники земли. Они хорошо понимаютъ и чувствуютъ свои нравственныя обязанности. Дорожа своею собственностью, желая сохранить ее, они привыкаютъ уважать право собственности и въ другихъ, и самымъ обязательнымъ образомъ понимаютъ, какъ необходимо защищать это право. Какъ скоро человѣкъ пріобрѣлъ подобное чувство, онъ сдѣлалъ громаднѣйшій шагъ въ цивилизаціи, и раздробленіе поземельной собственности между возможно большимъ числомъ лицъ научаетъ этой истинѣ низшіе классы лучше всякаго другаго способа. Эта черта, отличающая страны, гдѣ преобладаетъ мелкая собственность, особенно сильно поражала англійскихъ путешественниковъ. Они съ удивленіемъ рассказываютъ о ней. Въ Англіи, по словамъ Кэя, трудно, почти не-

возможно защитить сады, огороды и поля вблизи городовъ отъ поврежденій и покражъ, между тѣмъ какъ въ Германіи и Швейцаріи эта трудность почти неизвѣстна. «Несмотря на отсутствіе оградъ, заборовъ, говоритъ онъ, собственность каждаго соблюдается ненарушимо и неприкосновенно. Каждый крестьянинъ уважаетъ собственность своего сосѣда, потому что желаетъ, чтобы уважали точно также его собственность. Эта причина, а также надежда сдѣлаться со временемъ собственникомъ у тѣхъ, которые не имѣютъ еще ея, удерживаютъ всякаго отъ поврежденія какимъ бы то ни было способомъ сосѣдней собственности. Тамъ, гдѣ каждый или самъ поземельный собственникъ, или имѣетъ родныхъ и друзей, владѣющихъ поземельною собственностью, тамъ каждый заинтересованъ въ предупрежденіи поврежденій и покражъ, и вообще въ защитѣ правъ своихъ сосѣдей» ¹⁾. «Французскіе крестьяне, говоритъ Ленгъ, болѣе честны, нежели англійскіе. Голодный нищій не коснется плодовъ, растущихъ вблизи дороги, несмотря на то, что никто не охраняетъ ихъ. Вообще, собственность болѣе уважается во Франціи. Это уваженіе къ собственности, повидимому, болѣе тщательно вселяется родителями низшихъ классовъ при домашнемъ воспитаніи дѣтей, нежели у насъ» ²⁾. Покражи въ Англіи, говоритъ Торнтонъ, обыкновенны; между тѣмъ какъ во Франціи и Германіи деревья, растущія по краямъ дороги, остаются неприкосновенными. То же самое замѣчается на островахъ Ламанша, гдѣ соблазнительные огороды защищены не болѣе, какъ если бы они принадлежали Аѳинянину Кимону. Если и совершаются покражи на этихъ островахъ, то большею частью не туземными жителями, а пришлыми. Изъ 2107 преступниковъ разнаго рода, судимыхъ на Джерси въ

¹⁾ Kay «The social condit. and educat. of the people», ч. I, стр. 105.

²⁾ Laing «Notes of a Traveller», стр. 39.—Ср. Howitt «Rural and domestical life in Germany», стр. 7.

теченіе 10 лѣтъ до 1845 года, только 670 было туземцевъ этого и сосѣднихъ острововъ, 1264 было Англичанъ, Шотландцевъ и Ирландцевъ и 173 чужестранца, такъ что на 33,000 жителей приходилось только два преступника на 100 ¹⁾. О подобномъ же фактѣ свидѣтельствуесть Кордье относительно французской Фландріи. По его словамъ, Фламандскій крестьянинъ питаетъ религіозное уваженіе къ чужой собственности, что служитъ одною изъ главныхъ причинъ процвѣтанія тамошняго земледѣлія. «Уваженіе сельскаго народонаселенія къ собственности таково, что жатвы цѣлые годы остаются въ поляхъ, вдали отъ жилищъ; стада пасутся большую часть ночей на лугахъ и безъ пастуховъ, а между тѣмъ примѣровъ покражъ и поврежденій между этимъ многочисленнымъ народонаселеніемъ не было даже въ теченіе послѣднихъ бѣдственныхъ лѣтъ, когда столько несчастныхъ по необходимости должно было жить травами и дикими кореньями» ²⁾.

Всѣ эти свидѣтельства достаточно доказываютъ, что владѣніе мелкою поземельною собственностью дѣйствуетъ самымъ благотворнымъ образомъ на развитіе чувства права и уваженія къ собственности другаго. Но въ странахъ, гдѣ господствуетъ мелкая собственность, развито не только уваженіе къ собственности, но и вообще чувство чести — этотъ несомнѣнный признакъ сознанія человѣческаго достоинства, характеризующій всякаго свободнаго и независимаго человѣка. Чувство это, вытекающее изъ независимаго положенія, порождаемаго свободною поземельною собственностью — естественное слѣдствіе самоуваженія, сознанія своего достоинства, уваженія къ характеру и общественному мнѣнію, качествъ, вызываемыхъ или тѣсно связанныхъ съ поземельною собственностью и ока-

¹⁾ Thornton «Plea for the peasant-proprietors», стр. 170.

²⁾ Cordier «Mémorial sur l'agriculture de la Flandre française», 1823, стр. 25.

зываютъ столь благотѣльное вліяніе на обычаи, нравственность и образъ мыслей всего народа. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательный примѣръ представляетъ Норвегія, гдѣ свободная поземельная собственность существовала съ самаго древняго времени и гдѣ свободный крестьянинъ никогда не былъ подъ гнетомъ феодальнаго устройства, никогда не зналъ надъ собою никого выше, кромѣ закона. «Въ этой странѣ мелкихъ собственниковъ, говоритъ Ленгъ, чувство чести болѣе развито и болѣе распространено, нежели въ какой-либо другой странѣ съ феодальнымъ устройствомъ. Потеря чести съ самыхъ древнихъ временъ считалась однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ уголовныхъ наказаній, почти приближавшимся къ смертной казни» ¹⁾).

Наконецъ, мелкая собственность, привязывая къ дому и семьѣ, сильнѣе скрѣпляетъ семейныя узы въ земледѣльческомъ сословіи, и служитъ какъ бы общимъ узломъ, связывающимъ одинаковыми интересами всѣхъ членовъ семьи, на ней живущихъ. Содѣйствуя семейной жизни и всѣмъ благотворнымъ качествамъ, вытекающимъ изъ нея, она также представляетъ весьма значительныя удобства для техническаго и нравственнаго образованія дѣтей; ибо въ то время какъ жена простаго поденщика или работника должна постоянно оставлять дѣтей, чтобы посредствомъ своего труда дополнять недостаточный заработокъ мужа, жена поземельнаго собственника въ большинствѣ случаевъ остается среди дѣтей. Работаетъ ли она дома, помогаетъ ли мужу въ полѣ, она всегда можетъ наблюдать за дѣтьми и такимъ образомъ содѣйствовать ихъ нравственному развитію и воспитанію.

Итакъ, нельзя не признать, что раздробленіе поземельной собственности имѣетъ самое громадное вліяніе на развитіе

¹⁾ Laing «Residence in Norway», стр. 152.

правственныхъ силъ и качествъ большинства народонаселенія. Обусловливая большую степень независимости и свободы, поощряя обычаи благоразумія, порядка, трезвости и воздержанія, приучая къ самому тщательному и добросовѣстному труду, порождая самоуваженіе, чувство чести, истинный страхъ Божій, поддерживая семейную жизнь и добрые старинные нравы, содѣйствуя уменьшенію количества преступленій, она является, безъ всякаго сомнѣнія, могущественнѣйшимъ рычагомъ цивилизаціи и прогресса, доставляетъ низшимъ классамъ тѣ же предметы честолюбія и тѣ же средства счастія, которыя принадлежатъ высшимъ, и такимъ образомъ, устанавливая постепенность состояній и богатствъ, уничтожаетъ гибельную преграду между богатыми и бѣдными и дополняетъ ту прекрасную цѣпь въ общественной системѣ, которая связываетъ всѣ классы народонаселенія.

Но мелкая собственность, дѣйствующая столь благотворно на матеріальное положеніе и нравственное облагороженіе земледѣльческаго класса, является въ то же время необыкновенно важнымъ орудіемъ и для умственного развитія и воспитанія народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что одно изъ самыхъ могущественныхъ препятствій къ умственному развитію, заключается въ бѣдности. Гдѣ человѣкъ едва пріобрѣтаетъ столько, сколько требуется для самого необходимаго существованія, гдѣ для этого онъ долженъ употребить всѣ свои способности и силы — тамъ онъ не имѣетъ средствъ для удовлетворенія высшихъ духовныхъ потребностей. Среди заботъ о ежедевной жизни у него теряется смыслъ и стремленіе къ умственному развитію. Если это справедливо для отдѣльныхъ лицъ, то тѣмъ болѣе справедливо относительно цѣлыхъ классовъ народа, на которыхъ лежитъ гнетъ бѣдности и нищеты. Извѣстная степень матеріальнаго благосостоянія составляетъ поэтому необходимое

условіе умственного развитія. Очевидно, что все, что содѣйствуетъ матеріальному развитію, служитъ въ то же время къ умственному возвышенію и облагороженію. Не удивительно поэтому, что мелкая собственность, дѣйствующая столь благопріятно на матеріальную и нравственную сторону народа, имѣетъ въ то же время самое благотворное вліяніе на развитіе умственныхъ способностей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ одной и той же странѣ, при равенствѣ другихъ условій, умственное развитіе будетъ дѣлать бѣльшіе успѣхи при раздробленіи поземельной собственности, нежели при всякой другой организациі земледѣльческаго труда. Въ этомъ насъ вполне убѣждаютъ факты современной европейской жизни, свидѣтельствующіе, что самыя быстрые успѣхи народнаго образованія и умственного развитія сдѣланы именно въ странахъ, гдѣ крестьянамъ доставлена свободная возможность пріобрѣтать поземельную собственность, и тѣмъ полагать прочную основу ихъ матеріальному благосостоянію. Для этого достаточно указать на Швейцарію, Пруссію и нѣкоторыя другія германскія государства.

Итакъ, нельзя не признать тѣсной связи между распространеніемъ поземельной собственности и развитіемъ образованія и воспитанія народа. Это необходимо вытекаетъ изъ самаго положенія мелкаго собственника. Бѣльшее благосостояніе его облегчаетъ устройство школъ и содержаніе учителей. Но вліяніе мелкой собственности не ограничивается этимъ. Хотя чтеніе и преподаваніе существенно необходимы для воспитанія народа, тѣмъ не менѣе ихъ никакъ нельзя считать вполне достаточными средствами для полнаго достиженія цѣли. Бѣльшій или мѣньшій успѣхъ воспитанія зависитъ также отъ многихъ другихъ матеріальныхъ условій. «Если въ воспитаніи существуетъ основное правило, говоритъ Милль, то оно состоитъ въ томъ, что ученіе можетъ улучшить умы только тогда,

когда они находятся въ постоянной самодѣтельности, а не въ страдательномъ положеніи. Тайна развитія умственныхъ способностей, заключается въ доставленіи имъ наибольшей дѣятельности и въ предоставленіи имъ живыхъ представленій, вызывающихъ эту дѣятельность. Этимъ не отнимается ни важность, ни необходимость другихъ родовъ умственной дѣятельности. Но это могучее поощреніе, данное одной сторонѣ умственной дѣятельности, нисколько не мѣшаетъ другимъ способамъ развитія ума. Напротивъ, развивая привычку примѣнять къ принятымъ обычаямъ всякую долю пріобрѣтеннаго знанія, она доставляетъ возможность съ пользою употреблять поученіе и книги, которыя безъ такого вліянія, часто бываютъ сѣменами, брошенными на скалу» ¹⁾).

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что умственные способности наиболѣе развиваются тамъ, гдѣ ихъ наиболѣе упражняютъ. А что же можетъ заставить ихъ дѣйствовать съ болѣею энергіею, какъ не многочисленные интересы крестьянина-собственника, изъ которыхъ ни однимъ нельзя пренебречь, и которые постоянно требуютъ всѣхъ усилій воли и разсудка? Крестьянинъ-собственникъ не составляетъ, подобно простому рабочему, существа отдѣленнаго отъ среднихъ сословій: его труды, его цѣли подобны тѣмъ, которыя занимаютъ эти классы и которые сообщаютъ умственнымъ способностямъ ихъ большую часть получаемого имъ образованія. Независимые владѣльцы своихъ участковъ, самостоятельные предприниматели, они должны сами руководить своими хозяйствами, должны постоянно строго обсуждать всѣ свои дѣйствія, поступать въ высшей степени осторожно и разумно, ибо отъ ихъ дѣйствій и распоряженій зависитъ, какъ ихъ собственная участь, такъ и благосостояніе лицъ близкихъ и дорогихъ имъ. Кругъ

¹⁾ Mill «Principes d'économie politique», ч. I, стр. 330.

дѣятельности ихъ довольно обширенъ. Они должны о многомъ подумать, многое обсудить, многое сдѣлать. Общественныя повинности, различные земледѣльческіе опыты и усовершенствованія, совершаемые вблизи, вліяніе временъ года, вліяніе различныхъ мѣръ на цѣны припасовъ, различныя мѣстныя и общинныя дѣла, назначеніе опекуновъ, учителей, присутствіе на экзаменахъ дѣтей, выборъ общинныхъ властей и земскихъ представителей—все это возбуждаетъ и интересуется ихъ вниманіе, развиваетъ ихъ сужденіе и составляетъ лучшую школу для умственного развитія и образованія. Таково естественное объясненіе того факта, что во всѣхъ странахъ, гдѣ въ послѣднее время наиболѣе развилась поземельная собственность, вмѣстѣ съ тѣмъ совершены самыя замѣчательныя успѣхи относительно умственного развитія и образованія.

Но, выставляя благотворныя послѣдствія мелкой крестьянской собственности относительно общественнаго вліянія, мы нисколько не думаемъ скрывать недостаточныхъ сторонъ ея. Совершенство невозможно на землѣ, и крестьянская собственность, точно также, какъ и всякое другое человѣческое учрежденіе, имѣетъ свои недостатки. Самыя добродѣтели, доведенныя до крайности, нерѣдко становятся пороками. Такъ, нерѣдко воздержность и бережливость крестьянъ-собственниковъ, составляя главную основу ихъ благосостоянія, превращается въ скупость и переходитъ иногда предѣлы честности. Разумный обычай бережливости, вслѣдствіе долгаго навыка, обращается въ удовольствіе, наконецъ въ страсть, которая часто не разбираетъ средствъ, удовлетворяющихъ ее. Джерсейскіе крестьяне, по словамъ Торнтона ¹⁾, такъ мало гостепріимны, что не даютъ безъ платы самой пустой вещи, а по словамъ Инглиса, хотя вообще далеки отъ обмана и неспособ-

¹⁾ Thornton «Plea for the peasant-proprietors», стр. 179

ны къ нарушенію истины, не всегда однако могутъ устоять противъ искушенія надуть при продажѣ. То же самое испытываетъ путешественникъ въ Швейцаріи, гдѣ его окружаютъ толпы дѣтей, просящихъ милостыни, между тѣмъ какъ родители ихъ, быть можетъ, болѣе богатые, нежели вы сами, стоятъ у дверей своего дома съ видомъ гордой независимости. Этимъ также объясняется скудость, замѣчаемая относительно пищи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и Франціи, что нерѣдко приписывали бѣдности, но что въ дѣйствительности происходитъ отъ бережливости и скупости; ибо мелкій собственникъ болѣе заботится о своихъ карманахъ, нежели о желудкѣ и добровольно осуждаетъ себя на постную пищу. «Между такими лицами, говоритъ Милль, которыхъ путешественники, судя по хижинамъ, въ которыхъ они живутъ, по зелени и кореньямъ, которыми питаются, считаютъ представителями общей нищеты, большое число имѣютъ сокровища, которыя они прячутъ въ кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пяти-франковыми и сберегаютъ въ теченіе цѣлаго поколѣнія, а если и вынимаютъ, то единственно для удовлетворенія своей страсти пріобрѣсть землю» ¹⁾. Но, если мелкая собственность и порождаетъ иногда это неудобство, то нельзя не признать, что оно составляетъ дешевую плату за неоцѣнимыя благодѣянія личной независимости, разумной бережливости и другія качества, составляющія общій характеръ подобнаго народонаселенія.

Другіе недостатки, въ которыхъ иногда справедливо упрекаютъ крестьянъ-собственниковъ происходятъ большею частью изъ того же источника, какъ и ихъ скупость. Неразвитость, самодовольство, грубость обращенія весьма естественны у тѣхъ, которые постоянно проводятъ свое время въ тяжелыхъ

¹⁾ Mill «Principes d'economie politique», т. I, стр. 331.

физическихъ трудахъ, живутъ въ уединеніи и лишены сообщества другихъ классовъ, пользующихся бѣльшимъ досугомъ и бѣльшими средствами для умственнаго образованія. Живя среди равнаго себѣ народонаселенія, не видя высшихъ вокругъ себя, не видя примѣровъ роскоши и изящества, они часто остаются въ невѣденіи высшихъ наслажденій, пристращаются къ своему образу жизни и пріобрѣтаютъ глупое предубѣжденіе противъ всего, что отличается отъ ихъ собственной жизни. Ихъ жилища, мебель, одежда, пища, посуда, нравы и даже самый способъ труда, особенно въ глухихъ и отдаленныхъ отъ промышленнаго движенія мѣстностяхъ, весьма часто опредѣляются древними обычаями, отъ которыхъ никто не смѣетъ отступить, не подвергнувшись сильному осужденію сосѣдей. Путешественникъ весьма часто въ различныхъ мѣстностяхъ Европы можетъ попасть въ округа, гдѣ все жители одѣты въ особый мѣстный костюмъ, нерѣдко весьма старинной формы и обыкновенно приготовленный изъ домашнихъ матеріаловъ. Онъ можетъ быть увѣренъ, что попалъ въ страну, гдѣ крестьянская собственность преобладаетъ съ давняго времени. Эти мѣстные костюмы бываютъ иногда весьма интересны для любителя древностей; ибо часто по формѣ и матеріалу представляютъ одежду, которую носили высшіе классы въ раннюю эпоху среднихъ вѣковъ, прежде нежели повсемѣстно распространились шелкъ и тонкія сукна, вытѣснившія матеріалы домашняго производства. Но, если эти мѣстные костюмы имѣютъ интересъ для антикварія, то еще бѣльшій интересъ представляютъ для экономиста, свидѣтельствуя о старинномъ и равно-распространенномъ благосостояніи всѣхъ. Впрочемъ, подобные примѣры въ настоящее время встрѣчаются только въ наибѣлье глухихъ и отдаленныхъ мѣстностяхъ и съ каждымъ годомъ становятся все рѣже и рѣже, вслѣдствіе повсемѣстнаго улучшенія путей сообщенія и проведенія желѣзныхъ до-

рогъ. Во всякомъ же случаѣ, они не могутъ оправдать того обвиненія, взводимого на основаніи ихъ противъ мелкой собственности, что эта система, по достиженіи извѣстной степени благосостоянія, необходимо обусловливаетъ собою стаціонарное положеніе, не допускаетъ дальнѣйшаго усовершенствованія и прогресса въ способѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, и системахъ труда. Такое мнѣніе, основанное на нѣсколькихъ частныхъ случаяхъ, нисколько не оправдывается быстрыми успѣхами и развитіемъ благосостоянія, проявляющимся въ большинствѣ мѣстностей, гдѣ мелкая крестьянская собственность находится въ болѣе выгодныхъ условіяхъ относительно промышленнаго движенія.

Итакъ, разсматривая вліяніе, оказываемое раздробленіемъ поземельной собственности на положеніе земледѣльческаго класса, нельзя не признать, что это вліяніе въ высшей степени благотворно относительно матеріальнаго благосостоянія, нравственнаго развитія и умственнаго усовершенствованія большинства народа. Въ этомъ отношеніи обработка крестьянами-собственниками, несомнѣнно, стоитъ выше всѣхъ другихъ обработокъ, и каково бы ни было благосостояніе поселенина-собственника, нельзя не признать, что положеніе арендатора въ той же мѣстности, представляло бы несравненно менѣе благосостоянія, наемнаго работника — еще менѣе, не говоря уже о людяхъ несвободныхъ. Если мы этотъ, только что добытый результатъ присоединимъ къ тому, который былъ полученъ нами вслѣдствіе экономическаго разсмотрѣнія вопроса, именно, что мелкая собственность не только не препятствуетъ производству, но наиболѣе содѣйствуетъ ему, то нельзя не признать, что эта форма обработки не только не составляетъ причины бѣдности и пауперизма, но, напротивъ, самое могущественное, быть можетъ, единственное спасающее и отвращающее средство противъ этой общественной болѣзни.

Въ этомъ можно еще болѣе убѣдиться, если обратить вниманіе на ту очевидную выгоду, которую доставляетъ мелкая собственность обществу вслѣдствіе соединенія земледѣлія съ домашнею промышленностью. Раздробленіе земли создаетъ для сельскихъ и мало-городныхъ ремесленниковъ и промышленныхъ людей возможность, нисколько не нарушая ихъ главнаго промысла, удовлетворять своимъ собственнымъ трудомъ домашнимъ потребностямъ въ припасахъ разнаго рода. Ремесла въ селахъ и мелкихъ городахъ рѣдко могутъ обезпечить промышленной семьѣ достаточную работу и доходъ въ теченіи круглаго года; они обыкновенно занимаютъ половину, третью или четверть ихъ рабочаго времени и силъ; притомъ нерѣдко, по недостатку организованнаго рыночнаго обращенія, припасы могутъ быть доставаемы съ трудомъ. Всѣмъ этимъ неудобствамъ помогаетъ небольшая поземельная собственность, которая доставляетъ ремесленнику не только возможность круглый годъ заниматься выгоднымъ производствомъ, но обезпечиваетъ его отъ несчастныхъ случаевъ и плохихъ промышленныхъ заработковъ, способствуетъ къ поддержанію физическихъ силъ, здоровья и свѣжести, которыя столь легко теряются ремесленниками, прикованными къ своимъ мастерскимъ.

Это соединеніе промышленныхъ и сельскихъ занятій, не ограничиваясь однимъ разрядомъ самостоятельныхъ ремесленниковъ, можетъ съ чрезвычайною выгодною быть распространено и на фабричныхъ работниковъ, особенно на тѣхъ, которые работаютъ поштучно и на дому и, слѣдовательно, свободно могутъ располагать своимъ временемъ. Въ пользу высокаго народно-хозяйственнаго значенія подобнаго учрежденія достаточно говорить уже одно вниманіе къ здоровью фабричныхъ работниковъ. Перемежающееся занятіе земледѣліемъ и промыслами, составляя благо для простаго ремесленника, яв-

ляется, совершенною необходимостью для фабричнаго работника, работы котораго обыкновенно соединены съ вреднымъ вліяніемъ на здоровье, и потому можетъ служить для него настоящимъ жизненнымъ элексиромъ. Послѣ дневныхъ работъ въ зараженномъ воздухѣ фабрикъ, онъ будетъ находить себѣ тѣлесный отдыхъ въ умѣренномъ занятіи на чистомъ воздухѣ, подѣ открытымъ небомъ, и вообще, нѣкоторое сокращеніе фабричной работы въ пользу огородной или полевой принесетъ ему, кромѣ здоровья, еще значительныя экономическія выгоды. Онъ будетъ въ состояніи, хотя отчасти, пріобрѣтать себѣ овощи, держать козъ, коровъ, птицу, заботы о которыхъ доставятъ выгодное занятіе семьѣ его внѣ фабрики. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ будетъ заключаться противодѣйствіе вредному вліянію фабричной промышленности на семейныя узы. Подобное мелкое хозяйство можетъ существовать, разумѣется, только при свободѣ поземельной собственности, и систематическое проведеніе его можетъ постепенно повести къ самой децентрализаціи фабричной промышленности и къ болѣе равномерному распредѣленію ея по странѣ. Во всякомъ же случаѣ, оно представляетъ значительную соціальную выгоду, ибо доставляетъ фабричному работнику возможность, посредствомъ прилежанія и бережливости, пріобрѣсть и увеличить свои средства жизни, достигнуть самостоятельности и, такимъ образомъ, избавиться того безнадёжнаго положенія, которое является неистощимымъ источникомъ безчисленныхъ страданій и пороковъ.

Такимъ образомъ, раздробленіе земли и свобода поземельнаго устройства, находящія себѣ вполне достаточное оправданіе съ народно-хозяйственной точки зрѣнія, являются еще болѣе полезными въ области политики и въ особенности относительно пауперизма и пролетаріата; потому что составляютъ наиболѣе дѣйствительное и спасительное средство противъ этой болѣзни, порожденной нынѣшнимъ промышленнымъ ус-

тройствомъ. Такое благодѣтельное вліяніе мелкой собственности противъ этого общественнаго бѣдствія, все болѣе и болѣе начинаетъ сознаваться въ самой Англіи, этой главной странѣ латифундіи и большой обработки. Тамъ въ настоящее время существуетъ множество обществъ для доставленія работникамъ, въ свободное отъ фабричныхъ занятій время, возможности посвящать себя здоровому и вмѣстѣ съ тѣмъ прибыльному земледѣльческому труду. Такъ, общество друзей земледѣльца роздало, напримѣръ, въ центральныхъ графствахъ нѣкоторымъ изъ рабочихъ поземельные участки въ 1210 кв. ярдовъ (около 250 кв. с.) для разведенія на нихъ огородовъ, которые могли бы въ теченіе года снабжать семейства ихъ зеленью. Вотъ что доносить объ этомъ обществу агентъ его: «Рабочимъ, говоритъ онъ, роздано до 2400 участковъ, и они принялись съ ревностью за воздѣлываніе ихъ. Многіе изъ нихъ говорили мнѣ, что при недавно бывшемъ застоѣ работъ на фабрикахъ, они не знали бы что и дѣлать, еслибы у нихъ не было огородовъ» ¹⁾.

Даже многіе большіе англійскіе землевладѣльцы, несмотря на отвращеніе ихъ къ раздробленію поземельной собственности, считавшіе за честь имѣть только большихъ фермеровъ, и тѣ, въ послѣднее время, руководимые болѣе человѣческими воззрѣніями, начали также учреждать «allotments», т. е. доставлять работникамъ въ аренду, кромѣ дома и сада, небольшое количество земли, гдѣ бы они могли заниматься земледѣліемъ. «Благодаря ревностнымъ стараніямъ, какъ либеральной, такъ и консервативной партіи, говоритъ Губеръ, при руководствѣ и содѣйствіи многихъ почетнѣйшихъ представителей большой аристократической поземельной собственности, не болѣе какъ въ тридцать лѣтъ, двадцать пять или тридцать тысячъ неиму-

¹⁾ О поземельной собств. въ Англіи, Землед. газета 1858. № 93.

шихъ семействъ сдѣлались собственниками ихъ жилищъ и небольшихъ участковъ, которые покрайней мѣрѣ достаточны для обработки лопатою».

«Вліяніе этихъ allotments на характеръ работника, говоритъ Колманъ, въ высшей степени замѣчательно. Онъ становится собственникомъ земли; онъ имѣетъ чувство независимости, котораго ничто другое не можетъ дать и которое въ то же время возвышаетъ его характеръ. Онъ можетъ самъ воспользоваться выгодами труда какъ своего, такъ и жены и дѣтей, совершаемаго на участкѣ большею частью въ часы, которые иначе были бы совершенно потеряны. Участокъ его доставляетъ значительный запасъ овощей для семьи, даетъ возможность держать одну или пару свиней, а также нѣсколько птицъ, что значительно способствуетъ комфорту семейства. Обработка участка занимаетъ свободное время, которое иначе были бы проведено въ кабацѣ, гдѣ полагается начало гибели многихъ работниковъ, а слѣдовательно и ихъ семействъ. Кроме этихъ выгодъ, система аллотментовъ имѣетъ еще благоприятное вліяніе въ томъ отношеніи, что съ ранняго возраста приучаетъ молодыхъ дѣтей къ обычаямъ порядка, трудолюбія и бережливости» ¹⁾).

Извѣстный фактъ, говоритъ Губеръ, что эти владѣльцы мелкихъ участковъ считаются у хозяевъ самыми лучшими и надежными работниками, и потомъ прибавляетъ, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подобный опытъ сдѣлался всеобщимъ, произошло поразительное уменьшеніе всѣхъ признаковъ и послѣдствій грубости и одичанія работниковъ. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде возрастающій пауперизмъ, сельскія покражи, порубки лѣса и другія преступленія не могли быть прекращены, несмотря на всѣ строгости и полицейскія мѣры,

¹⁾ Colman «European agriculture» стр. 74.

на всѣ старанія и различныя матеріальныя, нравственныя и соціальныя средства, употребляемыя высшими сословіями, — въ настоящее время, вслѣдствіе введенія системы аллотментовъ, въ теченіе небольшого числа лѣтъ прекратились сами собою или ограничились весьма незначительными размѣрами ¹⁾.

Но, если даже столь малый поземельный участокъ, рѣдко превосходящій четверть акра, по сознанію англійскихъ экономистовъ, можетъ имѣть столь благотворное вліяніе на положеніе работниковъ, то можно судить, какъ велико должно быть вліяніе дѣйствительной поземельной собственности со всѣми ея преимуществами. Понятно, почему, по мнѣнію многихъ Англичанъ, въ распространеніи этой собственности заключается единственное средство для того, чтобы вывести самую Ирландію изъ ея бѣдственнаго положенія. «Уничтожьте законы, говоритъ Кэ», препятствующіе продажѣ поземельной собственности въ Ирландіи и удерживающіе всю страну въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ, изъ коихъ бѣольшая часть обременена долгами и не имѣетъ капиталовъ для обработки своихъ помѣстій; дайте возможность землевладѣльцамъ вполне свободно продавать землю, дайте возможность арендаторамъ и крестьянамъ пріобрѣтать поземельную собственность, и вы вскорѣ измѣните положеніе подобно тому, какъ такимъ же способомъ великіе государственные люди Штейнъ и Гарденбергъ произвели обновленіе въ положеніи Пруссіи. Ирландцы, являющіеся столь хорошими поселенцами всюду, куда они не переселяются, могутъ при системѣ свободной продажи земель сдѣлаться столь же хорошими гражданами въ своемъ отечествѣ. Подъ вліяніемъ этой оживляющей системы громадныя пространства пустыхъ земель вскорѣ будутъ обработаны, подобно гористымъ

¹⁾ Huber «Die Genossenschaften und die ländlichen Tagelöhner». 1863. стр. 13.

склонамъ Саксоніи и Швейцаріи, подобно песчанымъ равнинамъ Пруссіи, подобно низменнымъ пространствамъ Голландіи. Капиталы появятся въ Ирландіи изъ тысячи неожиданныхъ источниковъ, здоровый классъ крестьянъ-собственниковъ возникнетъ точно такъ же, какъ въ Германіи, Бельгіи, Даніи, Швейцаріи, Франціи, и подобно тому, какъ въ этихъ странахъ, вмѣстѣ съ раздробленіемъ земли между крестьянами, привычки, нравы, одежда, наружность и промышленная дѣятельность народа оживутъ и усовершенствуются подъ оживляющимъ вліяніемъ чувства собственности и вслѣдствіе сознанія земледѣльца, что онъ можетъ достигнуть благосостоянія и счастія, если только будетъ терпѣливъ, бережливъ и трудолюбивъ».

Все сказанное служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ, что система поземельнаго устройства, содѣйствующая возможно большому распространенію поземельной собственности и доставляющая каждому полную возможность пріобрѣсти себѣ клочокъ земли по силамъ и средствамъ, является вполне благопріятною не только съ точки зрѣнія производства, но и съ точки зрѣнія распредѣленія богатствъ. Поэтому нельзя не согласиться съ словами Сисмонди, который говоритъ, что «никакая другая общественная организація не обеспечиваетъ болѣе счастія и доблестей самому многочисленному классу, болѣе благосостоянія для всѣхъ, болѣе общественного порядка, какъ обработка земли крестьянами-собственниками».

ГЛАВА IV.

ВЛІЯНІЕ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ—СОБСТВЕННИКАМИ НА РАЗВИ-
ТІЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

Предшествовавшее изысканіе привело насъ къ тому результату, что мелкая собственность не только не ведетъ къ бѣдности и пауперизму, но, напротивъ, составляетъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и могущественныхъ средствъ противъ этого общественнаго зла. Новое подтвержденіе этому выводу можно найти въ разсмотрѣніи вліянія, оказываемаго мелкою собственностью на развитіе народонаселенія. Вліяніе различныхъ обработокъ на развитіе народонаселенія имѣетъ громадное значеніе при обсужденіи вопроса о достоинствѣ различныхъ обработокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ двухъ системъ, та, которая оказываетъ болѣе благопріятное вліяніе на правильное и равномерное развитіе народонаселенія, имѣетъ на своей сторонѣ преимущество, потому что обуславливаетъ лучшее положеніе рабочаго класса.

Не далѣе какъ въ прошломъ вѣкѣ въ теоріи и практикѣ преобладала мысль, что многочисленное народонаселеніе содѣйствуетъ народной промышленности и народному благосостоянію и составляетъ главное основаніе силы, могущества и процвѣтанія государствъ. Поэтому главною задачею народно-хозяйственной политики, верхомъ правительственной мудрости, считали споспѣшествованіе этому увеличенію всѣми возможными мѣрами. Вмѣсто того, чтобы предоставить это увеличеніе естественному развитію, его старались вызывать различными искусственными мѣрами, и съ этою цѣлью бракъ считали государственнымъ учрежденіемъ; холостую жизнь преслѣдовали,

какъ преступленіе; многочисленныя семьи поощряли различнаго рода наградами.

Но эта прекрасная мечта была безпощадно разрушена Мальтусомъ, который въ началѣ нынѣшняго вѣка примѣромъ всей исторіи и всѣми имѣвшимися въ его время статистическими данными о народонаселеніи, доказалъ, что увеличеніе народонаселенія можетъ быть безвредно только тогда, если оно идетъ параллельно съ увеличеніемъ средствъ пропитанія; въ противномъ же случаѣ ведетъ къ недостатку, постоянному обѣдненію, болѣзнямъ, бѣдствіямъ, преступленіямъ, которыя, при страшныхъ общественныхъ страданіяхъ, снова вдвигаютъ народонаселеніе въ перейденныя имъ предѣлы. Съ той поры сильное увеличеніе народонаселенія сдѣлалось страшилищемъ, противъ котораго старались придумать самыя затѣйливыя, безумныя и нерѣдко безнравственныя мѣры.

Не вдаваясь въ изложеніе этихъ мѣръ, мы замѣтимъ только, что въ настоящее время страшный призракъ быстрого размноженія народонаселенія далеко не вселяетъ прежняго ужаса. Напротивъ, нынѣ все болѣе и болѣе убѣждаются, что взглядъ, господствовавшій въ прошломъ столѣтіи, не былъ послѣдствіемъ однихъ только предразсудковъ и невѣжества, а въ значительной мѣрѣ оправдывался всѣмъ ходомъ цивилизаціи, а также основнымъ началомъ политической экономіи, что трудъ есть единственный источникъ богатства, и что, слѣдовательно, увеличеніе числа трудящихся и производящихъ людей есть необходимое и главное условіе для увеличенія суммы продуктовъ и для развитія народной промышленности. Нынѣ никто не сомнѣвается, что степень густоты народонаселенія въ большинствѣ случаевъ находится въ тѣсной связи съ благосостояніемъ государствъ и указываетъ на благопріятныя народно-хозяйственныя условія, на обильное производство богатствъ, на дѣятельную промышленность, на значительное накопленіе ка-

питаловъ и на оживленную торговлю. Нѣтъ сомнѣнія, что вслѣдствіе большаго количества семействъ, соединенныхъ на извѣстномъ пространствѣ, не только возрастаетъ общественная сила и могущество, но также дѣятельность и общественное богатство. Если только необыкновенное стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ не разрушаетъ человѣческихъ усилій, то люди, совокупленные въ большія массы, стремятся произвести болѣе продуктовъ, нежели они потребляютъ. Чѣмъ сильнѣе сгущаются они на извѣстномъ пространствѣ, тѣмъ производительнѣе становится ихъ дѣятельность, ибо посредствомъ болѣе развитой матеріальной и духовной жизни облегчаются самыя громадныя предпріятія для общаго благосостоянія, болѣе разумное пользованіе почвою, естественными силами и капиталами, дѣлается возможнымъ лучшее раздѣленіе труда, усиливается прилежаніе и накопленіе капиталовъ, расширяются потребности, совершенствуются искусства, ускоряется обращеніе, облегчается перевозка, и вообще, обеспечивается каждому болѣе богатое пользованіе благами, нежели это возможно на низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія при рѣдкомъ и незначительномъ народонаселеніи. Въ этомъ удостовѣряетъ насъ весь ходъ цивилизаціи, свидѣтельствующій, что постояннымъ слѣдствіемъ естественнаго возрастанія народонаселенія, происходило ли оно въ городахъ или въ селахъ, было всегда одно и то же, именно: благо и выгода для всѣхъ, ибо вмѣстѣ съ числомъ жителей еще быстрѣе возрастало богатство и довольство ихъ.

Такимъ образомъ, въ настоящее время приходятъ къ тому же воззрѣнію, какое господствовало въ прошломъ столѣтіи, съ тою только разницею, что благодѣтельные послѣдствія возрастанія народонаселенія признаютъ не безусловно, какъ полагали теоретики и практики прошлаго столѣтія, но подъ тѣмъ существеннымъ ограниченіемъ, чтобы возрастаніе народонасе-

ленія не совершалось быстрѣе, нежели увеличеніе народнаго богатства; ибо въ противномъ случаѣ народонаселеніе возрастающее несоотвѣтственно съ средствами существованія, необходимо будетъ бѣдствовать, ибо доля cadaго будетъ уменьшаться.

Итакъ нѣтъ причинъ опасаться и избѣгать увеличенія народонаселенія. Подобное увеличеніе, сопровождающееся приращеніемъ живыхъ производительныхъ силъ, если только оно не превосходитъ извѣстныхъ предѣловъ, обусловливаемыхъ силою развитія общаго народнаго богатства, всегда есть благо, и только тогда можетъ грозить опасностью, когда оно переходитъ эти предѣлы и становится чрезмѣрнымъ. Отсюда очевидно, что чрезмѣрное народонаселеніе есть понятіе совершенно относительное, ибо постоянно обозначаетъ неправильное отношеніе къ существующей и производимой массѣ богатства. Одно и то же число жителей, въ одинъ и тотъ же моментъ времени можетъ быть чрезмѣрнымъ для одной страны и недостаточнымъ для другой. Ясно также, что чрезмѣрное народонаселеніе можетъ быть при самомъ рѣдкомъ народонаселеніи, если только обширныя пространства при данной степени искусства, не могутъ пропитывать его; между тѣмъ какъ, наоборотъ, въ самыхъ многолюдныхъ городахъ и странахъ можетъ ощущаться недостатокъ народонаселенія, которое при дѣятельности и промышленности не замедлило бы найти себѣ производительное и выгодное занятіе, а слѣдовательно и средства существованія.

Установивши такимъ образомъ настоящую точку зрѣнія относительно народонаселенія, мы можемъ приступить теперь къ обсужденію вліянія, оказываемаго въ этомъ отношеніи обработкою крестьянами-собственниками.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей раздробленіе земли и вообще легкость пріобрѣтенія поземельной собственности, ока-

зываетъ на развитіе народонаселенія, самое гибельное вліяніе. Такъ, англійскій экономистъ Джонсъ полагалъ, что крестьяне-собственники находятся именно въ такомъ положеніи, въ которомъ животное стремленіе къ увеличенію рода встрѣчаетъ менѣе всего препятствій въ тѣхъ уравнивающихъ побужденіяхъ и желаніяхъ, которыя регулируютъ размноженіе высшихъ сословій и болѣе образованной части народонаселенія ¹⁾. Другіе утверждали, что мелкая поземельная собственность ведетъ къ постоянному обѣднѣнію, вслѣдствіе быстрого увеличенія народонаселенія и раздѣла земель между дѣтьми. Раздробленіе земли, по ихъ словамъ, доставляетъ каждому земледѣльцу и работнику столь легкую и удобную возможность пріобрѣсти клочокъ земли и основать свой собственный очагъ, что рѣдкій изъ нихъ можетъ противостоятъ соблазнительной прелести семейной жизни, отчего страна въ самое короткое время покрывается безчисленною массою мелкихъ собственниковъ, которые, подъ тяжестью постоянно возрастающей бѣдности, теряютъ всякую заботу о будущемъ и неизбѣжно доходятъ до печальнаго состоянія ирландскихъ крестьянъ. Вслѣдствіе подобнаго устройства, въ самыхъ богатыхъ и плодородныхъ мѣстностяхъ крестьяне быстро приходятъ къ всеобщему картофельному хозяйству, то-есть: къ тому состоянію нищеты, въ которомъ большинство земледѣльцевъ всю жизнь свою употребляетъ на то только, чтобы обрабатывать и ѣсть картофель; въ которомъ оно страдаетъ отъ недостатка не только всякой укрѣпляющей пищи, но даже самаго необходимаго предмета—соли, безъ которой вырождается физически даже скотъ; въ которомъ человѣкъ исполняетъ работу осла, лошади, быка, не пользуясь укрѣпляющею пищею этихъ животныхъ; въ которомъ, сверхъ того, бѣлая часть рабочаго класса осуждена проводить время

¹⁾ Jones «An essay on the distribution of wealth»; стр 146.

въ праздности и рутинѣ, потому что каждый имѣетъ болѣе времени, нежели сколько необходимо для заботъ объ его скудномъ хозяйствѣ ¹⁾).

Для опроверженія этихъ утвержденій рассмотримъ сначала апріористическія причины, доказывающія, что крестьянская собственность не только не имѣетъ стремленія приводить къ подобному чрезмѣрному народонаселенію, но, напротивъ, содѣйствуетъ наибольшему благоразумію относительно браковъ, и вслѣдъ за тѣмъ перейдемъ къ дѣйствительнымъ фактамъ, которые на дѣлѣ покажутъ, что она вызываетъ самое правильное и равномѣрное развитіе народонаселенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что стремленіе къ семейной жизни столь сильно въ человѣческой природѣ, что только самыя могущественныя побужденія и положительныя препятствія могутъ принудить человѣка отказаться отъ подобнаго желанія. Къ числу подобныхъ побужденій главнымъ образомъ принадлежитъ невозможность прилично содержать семью. Нѣтъ такихъ людей, которые охотно и безъ особыхъ побудительныхъ причинъ оставляли бы своимъ дѣтямъ положеніе въ жизни хуже своего. Ежедневный опытъ показываетъ, что люди высшихъ и среднихъ классовъ, пользующіеся извѣстною степенью развитія и общественнаго благосостоянія, рѣшаются на бракъ только тогда, когда увѣрены, что бракъ не будетъ имѣть вліянія на ухудшеніе ихъ общественнаго положенія, не принудитъ ихъ низойти къ низшему образу жизни, позволить наконецъ доставить женѣ и дѣтямъ тѣ же выгоды и удобства, то же общественное положеніе, какимъ пользуются они сами. Понятно, что побужденіе это, служащее самымъ могущественнымъ и законнымъ препятствіемъ противъ вѣчно угрожающей опасности

¹⁾ «Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung». List's gesammelte Werke. 1850. ч 2, стр. 162.

избытка народонаселенія, проявляется въ большей степени, дѣйствуетъ съ большею или меньшею силою, смотря по общественному положенію лицъ, по степени ихъ развитія и благосостоянія. Замѣчено, напр., что низшая степень этого нравственнаго воздержанія относительно брака проявляется у людей, стоящихъ на самой низкой ступени общественной лѣстницы. Такъ, поденщики и работники, живущіе исключительно своимъ трудомъ и заработной платою, особенно если общественная и промышленная организація не позволяетъ имъ выйти изъ этого состоянія, не даетъ надежды на перемѣну ихъ участи, женятся обыкновенно рано, предполагая, что семьи ихъ, какъ бы ни были многочисленны, могутъ существовать, точно также какъ и они, заработной платою. Для нихъ, слѣдовательно, почти не существуетъ этого спасительнаго нравственнаго препятствія, и потому не удивительно, что между подобными лицами народонаселеніе удерживается въ своихъ предѣлахъ только вслѣдствіе сильной смертности, господствующей между бѣдными и преимущественно между дѣтьми.

Въ совершенно иномъ положеніи находится крестьянинъ-собственникъ. Немногія положенія въ жизни рабочаго класса оказываютъ на человѣка столь могущественное нравственное вліяніе. Крестьянинъ, владѣющій небольшимъ клочкомъ земли, находится подъ вліяніемъ тѣхъ же нравственныхъ побужденій, которыя дѣлаютъ осторожными относительно браковъ средніе и высшіе классы. Онъ является не простымъ безправнымъ поденщикомъ, но настоящимъ гражданиномъ и собственникомъ, который долженъ поддерживать свое общественное положеніе, жить столь же прилично, какъ и равные ему, держиваться обычнаго уровня относительно одежды, жилища, мебели и пищи. На него разомъ дѣйствуетъ и опасеніе обѣднѣть, произведши на свѣтъ многочисленное потомство, и надежда улучшить, при помощи прилежанія и бережливости, свое

положеніе, и желаніе, наконецъ, оставить своимъ дѣтямъ увеличенное наслѣдство. Понятно, почему онъ тщательно обдумываетъ каждый свой шагъ и идетъ по пути, лежащему передъ нимъ, съ благоразуміемъ и осторожностью, неизвѣстною простымъ работникамъ. Убѣжденный въ превосходствѣ своего положенія, онъ опасается неразумнымъ бракомъ или многочисленной семьей нарушить свое благосостояніе, лишиться милости судьбы, и перейти въ низшее положеніе наемнаго работника. Онъ работаетъ и сберегаетъ неутомимо, и рѣдко случается, чтобы увеличеніе его семейства превосходило размѣръ, до котораго доросла его собственность. Такимъ образомъ, нельзя не признать, что степень нравственнаго воздержанія должна быть сильнѣе развита у крестьянъ, владѣющихъ поземельною собственностью, нежели у простыхъ работниковъ и поденщиковъ.

Но вліяніе мелкой собственности на развитіе народонаселенія не ограничивается только этимъ. Предположивши даже равную степень силы нравственнаго воздержанія у тѣхъ и другихъ, мы все-таки необходимо должны признать, что положеніе крестьянъ-собственниковъ представляетъ въ этомъ отношеніи важное преимущество надъ положеніемъ простыхъ рабочихъ. Какъ фабричный работникъ, добывающій себѣ заработную плату на мануфактурѣ, такъ и земледѣльческій поденщикъ, работающій на большихъ помѣстьяхъ, не могутъ легко сообразить вліяніе размноженія народонаселенія на работную плату, потому что зависимость заработной платы отъ народонаселенія, составляетъ предметъ споровъ и преній даже для экономистовъ и требуетъ для обсужденія значительной степени развитія мыслительной способности. Поэтому, какъ тотъ, такъ и другой, видятъ въ мануфактурахъ и большихъ помѣстьяхъ плодородную и, такъ сказать, неизсякаемую мину, которая постоянно должна доставлять заработную плату имъ и

ихъ семействамъ, какъ бы ни было велико число лицъ, составляющихъ ихъ, и разсуждая такимъ образомъ, не опасаются ранней женитьбы и увеличенія семьи. Вслѣдствіе этого рабочее народонаселеніе, даже при обыкновенныхъ условіяхъ, возрастаетъ всегда несравненно сильнѣе дѣйствительныхъ потребностей промышленности и служить причиною пониженія заработной платы. Но что еще печальнѣе и что составляетъ еще бѣльшее несчастіе для работниковъ, это то, что они солидарны относительно другъ друга и что непредусмотрительность однихъ влечетъ за собою пониженіе заработной платы для всѣхъ, такъ что, еслибы даже нѣкоторые сознавали этотъ законъ и слѣдуя ему, придерживались разумной воздержности, то и тогда не могли бы прійти ни къ какому полезному результату, ибо вліяніе отдѣльныхъ семей не могло бы имѣть никакого значенія относительно общаго факта.

Совершенно иначе представляется вопросъ при мелкой крестьянской собственности. При ней не существуетъ подобной солидарности относительно другъ друга. Напротивъ, каждый легко можетъ разсчитать всѣ гибельныя послѣдствія увеличенія народонаселенія; каждый легко можетъ видѣть, въ состояніи ли производительная сила его участка земли содержать нѣсколько семействъ въ томъ же довольствѣ, въ какомъ онъ самъ содержитъ свою семью. Отецъ, который долженъ оставить своимъ дѣтямъ землю, имѣетъ, слѣдовательно, полную возможность разсудить, могутъ или не могутъ они кормиться этою землею, и такъ какъ рѣдкій отецъ охотно оставляетъ своихъ дѣтей въ положеніи хуже своего, то естественно, что онъ скорѣе можетъ воздержаться отъ неразумнаго брака или отъ излишняго размноженія своей семьи, тѣмъ болѣе что нравственное чувство его болѣе развито, и онъ лучше можетъ цѣнить свою отвѣтственность. Судьба дѣтей занимаетъ его болѣе, и благоразуміе побуждаетъ его къ тому добровольному

воздержанію, которое составляет истинное цѣломудріе нравовъ. «Въ самыхъ необходимыхъ искусствахъ и мануфактурахъ, говоритъ Ленгъ, нѣтъ очевиднаго, извѣстнаго, постоянного и опредѣленнаго запроса; но запросъ такого свойства существуетъ для земледѣлія при системѣ мелкихъ собственниковъ. Трудъ, который слѣдуетъ выполнить, средства жизни, которыя онъ доставитъ — вотъ ясныя и опредѣленные основанія для вычисленія каждаго о средствахъ существованія. Можетъ ли или не можетъ клочокъ его земли прокормить его семейство? Каждый въ состояніи отвѣчать на этотъ вопросъ, не запинаясь, не колеблясь, не разсуждая. Одна увѣренность въ случай, безъ всякаго участія разсудка, порождаетъ необдуманные и неблагоразумные браки какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ слояхъ общества и бываетъ причиною тѣхъ бѣдствій, которыя обыкновенно происходятъ отъ излишка народонаселенія; когда же всякая неизвѣстность отстранена — непременно вмѣшивается случайность во всѣ расчеты, подобно тому, какъ она вмѣшивается тамъ, гдѣ извѣстная доля нашихъ средствъ къ жизни, по производящемуся у насъ распредѣленію поземельной собственности, достается лишь въ удѣлъ незначительной части, вмѣсто того, чтобы распредѣляться между двумя третями народонаселенія» ¹⁾).

Не было писателя, который бы живѣе Сисмонди сочувствовалъ бѣдствіямъ, тяготѣющимъ на рабочихъ классахъ отъ излишка народонаселенія. Въ этомъ заключается главная причина его горячей защиты крестьянской собственности. Онъ имѣлъ многочисленные случаи во многихъ странахъ наблюдать вліяніе ея на народонаселеніе. Послушаемъ же, что онъ говоритъ: «Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ обработка земли крестьянами-собственниками, народонаселеніе растетъ правильно и

¹⁾ Laing «Notes of a Traveller», стр. 33.

быстро, пока не достигнетъ естественныхъ предѣловъ, то есть: наслѣдства дѣлятся между дѣтьми дотолѣ, пока каждое семейство, при помощи увеличенія труда, можетъ извлекать равный доходъ изъ меньшаго участка. Отецъ, которому принадлежали обширныя естественныя пастбища, дѣлитъ ихъ между сыновьями, которые обращаютъ ихъ въ пахатную землю и луга; сыновья его дѣлятъ уже между своими дѣтьми, которыя отказываются отъ системы оставленія части земли подъ паръ. Каждое новое усовершенствованіе въ наукѣ земледѣлія доставляетъ возможность новаго подраздѣленія собственности; но не должно опасаться, что собственникъ будетъ воспитывать своихъ дѣтей для того, чтобы сдѣлать ихъ нищими. Онъ хорошо знаетъ, что онъ можетъ оставить имъ въ наслѣдство; онъ знаетъ, что законъ раздѣлитъ это наслѣдство между ними на равныя доли; онъ видитъ границу, перейдя которую это дѣленіе заставитъ дѣтей его сойти съ той степени достатка, которою онъ пользовался, и справедливая семейная гордость, общая какъ крестьянину, такъ и дворянину, препятствуетъ ему вызывать къ жизни дѣтей, которыхъ онъ не можетъ обезпечить. Если же родится большее число дѣтей, то по крайней мѣрѣ они не женятся или соглашаются избрать между собою того, кто долженъ продолжать родъ. Въ Швейцарскихъ кантонахъ нигдѣ не видно, чтобы крестьянскіе наслѣдственные участки дробились до чрезмѣрной степени и низводили бы крестьянъ до состоянія низшаго, нежели честное довольство» ¹⁾...

Но въ странахъ, гдѣ существуетъ мелкая крестьянская собственность, благопріятное дѣйствіе, оказываемое ею на развитіе народонаселенія, отражается не только на самомъ классѣ мелкихъ собственниковъ, но и на прочемъ народонаселеніи, живущемъ заработною платою и не успѣвшемъ еще при-

¹⁾ Sismondi «Nouveaux principes d'econ. politique», ч. I, стр. 370.

обрѣсть поземельной собственности. «Различные классы, говорит Рошеръ, размножаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе необходимо для содержанія семьи по ихъ сословнымъ понятіямъ. Поэтому, если сельское населеніе привыкло считать поземельную собственность, хотя бы незначительную, необходимою для жизни, то многіе изъ тѣхъ, которые не владѣютъ еще ею, откладываютъ свой бракъ» ¹⁾. Дѣйствительно, во всѣхъ странахъ, гдѣ земля раздроблена на мелкіе участки и гдѣ господствуетъ полная свобода относительно поземельной собственности, каждый работникъ, начиная свою трудовую жизнь, знаетъ, что если онъ отложить свою женитьбу на нѣсколько лѣтъ, то будетъ въ состояніи сдѣлать сбереженія и пріобрѣсти землю или, по крайней мѣрѣ, огородъ въ собственность, что значительно можетъ увеличить благосостояніе, счастье и уваженіе, которымъ будетъ пользоваться онъ самъ, а также его будущая семья, и на оборотъ, если онъ женится рано, то будетъ лишень этой возможности, будетъ занимать несравненно болѣе низкое положеніе въ обществѣ и пользоваться мѣньшимъ благосостояніемъ, нежели сосѣди его. Фактъ, что многіе изъ его знакомыхъ и друзей владѣютъ небольшими участками и удовольствіе пріобрѣсти подобный же участокъ въ свою собственность, побуждаютъ его трудиться съ двойною энергіею, отказывать себѣ во многомъ, изъ желанія достигнуть предназначенной цѣли. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что низшій рабочий классъ въ этихъ странахъ не женится такъ рано и не имѣетъ такихъ многочисленныхъ семей, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поземельная собственность сосредоточена и гдѣ работникъ лишень этой возможности пріобрѣсть клочекъ земли, какъ, напр., въ Англіи и Ирландіи. «Гдѣ я только ни путешествовалъ, говорит Кэй, въ сѣверной Германіи, Швейца-

¹⁾ Roscher «System der Volkswirtschaft», ч. 2, стр. 347.

ріи, повсюду увѣряли меня, что страсть къ приобрѣтенію земли дѣйствуетъ на крестьянъ, какъ самое лучшее препятствіе къ ненормальному увеличенію народонаселенія». «Въ нѣкоторыхъ частяхъ Швейцаріи, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, напр. въ кантонѣ Ааргау, крестьянинъ не женится ранѣе 25 лѣтъ, обыкновенно же позже; женщины же въ этомъ кантонѣ рѣдко выходятъ замужъ ранѣе 30 лѣтъ. Швейцарскій народъ такъ хорошо понимаетъ по опыту потребность для сыновей и дочерей откладывать бракъ, что народныя собранія четырехъ или пяти наиболѣе демократическихъ кантоновъ, избираемые, не должно забывать, всеобщею подачею голосовъ, издали постановленія, по которымъ всѣ молодые люди, женившіеся прежде, нежели могутъ доказать мѣстнымъ властямъ, что они въ состояніи содержать семью, подвергаются тяжелой пенѣ. Въ Люцернѣ, Ааргау, Унтервальденѣ и полагаю также въ С. Галленѣ, Швицѣ и Ури законы подобнаго рода существуютъ уже съ давняго времени. Я упоминаю о нихъ, впрочемъ, болѣе, какъ о слѣдствіяхъ, нежели какъ о причинахъ благоразумія и воздержности крестьянъ. Но раздѣленіе земли и свободная, не сопряженная съ издержками передача поземельной собственности изъ рукъ въ руки, развиваетъ духъ предусмотрительности не только въ рабочемъ классѣ сельскихъ округовъ, но подобнымъ же образомъ, хотя и въ меньшей мѣрѣ, дѣйствуетъ также и на работниковъ небольшихъ городовъ. Въ малыхъ провинціальныхъ городахъ каждый работникъ владеетъ небольшимъ клочкомъ земли за городомъ. Этотъ уголокъ, служащій ему для производства овощей, обрабатывается имъ по вечерамъ. Онъ собираетъ съ него овощи и зелень на зиму для своего семейства. Окончивъ дневную работу, онъ съ семействомъ отправляется въ этотъ огородъ и, смотря по времени года, засѣваетъ, очищаетъ, приготовляетъ къ посѣву или собираетъ жатву. Желаніе приобрѣсти подобный огородъ весь-

ма сильно дѣйствуетъ на улучшеніе нравственности и способствуетъ къ ограниченію необдуманныхъ браковъ. Нѣкоторые фабриканты кантона Ааргау увѣряли меня, что рѣдко городской житель удовлетворяется, пока не пріобрѣтетъ огорода или жилища и огорода, и что городскіе работники обыкновенно откладываютъ свой бракъ, чтобы имѣть возможность сбечить на пріобрѣтеніе одной или обѣихъ этихъ роскошей» ¹⁾).

Для доказательства своихъ словъ, онъ приводитъ нѣкоторые статистическія данныя, свидѣтельствующія, что средніе годы заключенія браковъ въ этой странѣ значительно позднѣе, нежели въ Англіи, и что эта эпоха съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отдалается. Притомъ извѣстно, что средняя жизнь въ Швейцаріи, благодаря главнымъ образомъ небольшому количеству рожденій и смертей, болѣе долга, чѣмъ въ прочей Европѣ, что также прямо указываетъ на благопріятное развитіе народонаселенія.

Но Швейцарія представляется не единственною страной, доказывающею благопріятныя послѣдствія мелкой собственности на нравственное воздержаніе и на развитіе народонаселенія. Подобныя же свидѣтельства встрѣчаемъ мы и относительно другихъ странъ. «Слишкомъ быстрое размноженіе народонаселенія въ Бельгіи, говоритъ Чамберсъ, находитъ себѣ препятствіе въ общемъ желаніи жениться только тогда, когда содержаніе семейства можетъ быть честно и прилично обезпечено посредствомъ труда» ²⁾. Во Фландріи, по удостовѣренію англійскаго консула въ Остенде Фоша, дѣти фермеровъ и тѣ, которые имѣютъ возможность сдѣлаться фермерами, охотно откладываютъ женитьбу до того времени, пока не пріобрѣтутъ въ свое владѣніе фермы. Сдѣлавшись же фермерами,

¹⁾ Kay «The social cond. and educ. of the people», ч. I, стр. 69 и 77.

²⁾ Chamber's Tour in Holland and Belgium.—Thornton «Plea for the peasant-proprietors», стр. 138.

вся цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлаться собственниками. Копенгагенскій консулъ Браунъ свидѣтельствуемъ о подобномъ же стремленіи земледѣльческаго народонаселенія въ Даніи ¹⁾. Но особенно интересный примѣръ представляетъ Норвегія, гдѣ свобода поземельной собственности и равный раздѣлъ наслѣдствъ существуютъ съ самого древняго времени и гдѣ, несмотря на то, раздробленіе земли и увеличеніе народонаселенія никогда не превосходило границъ, предписываемыхъ благоразуміемъ и увеличеніемъ средствъ существованія. Этотъ фактъ, по словамъ Мальтуса, тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что въ этой странѣ не существуетъ фабрикъ и мануфактуръ и вообще развитой промышленной дѣятельности, которая могла бы поглощать избытокъ земледѣльческаго народонаселенія ²⁾. «Раздѣленіе земли между дѣтьми, говоритъ Ленгъ, оказывавшее тамъ вліяніе въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія, не довело однако поземельныхъ участковъ до такихъ размѣровъ, которые не въ состояніи были бы поддерживать чело-вѣческое существованіе. Я насчитывалъ на фермахъ отъ 5 до 20 и 40 коровъ, и это въ странѣ, гдѣ хозяинъ долженъ по крайней мѣрѣ въ теченіе семи мѣсяцевъ въ году имѣть зимній запасъ для скота. Очевидно, что есть какая-то причина, которая, дѣйствуя на поземельную собственность, препятствуетъ дробительному вліянію равнаго раздѣла между дѣтьми. Эта причина не можетъ быть иная, какъ та, вліяніе которой при подобной общественной системѣ давно было мною замѣчено, именно, что тамъ, гдѣ землею владѣютъ не на правахъ временной аренды, какъ въ Ирландіи, но въ полную собственность, сосредоточеніе ея, по случаю смерти сонаслѣдниковъ и браковъ женскихъ наслѣдницъ въ общей массѣ вла-

¹⁾ Mill «Principes d'économie politique», ч. I стр. 327.

²⁾ Malthus «Essai sur le principe de population» ч. I, стр. 214.

дѣльцевъ земли, превышаетъ подраздѣленіе, происходящее отъ равнаго раздѣла наслѣдствъ между дѣтьми» ¹⁾). Въ другомъ же мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что увеличеніе народонаселенія въ Норвегіи составляетъ поразительное доказательство, что народонаселеніе и собственность, если послѣдняя раздѣляется въ общественномъ тѣлѣ на естественномъ началѣ свободы, взаимно вліяютъ и ограничиваютъ другъ друга ²⁾).

Еще болѣе любопытный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи Франція. Это та страна, гдѣ раздробленіе земли господствуетъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, та страна, которой еще Артуръ Юнгъ въ прошломъ столѣтіи предсказывалъ, что если она будетъ держаться системы дробленія, то современемъ дойдетъ до состоянія Китая, такъ что многочисленные обитатели ея будутъ принуждены питаться трупами собакъ, кошекъ, крысъ и другою дрянью. Съ тѣхъ поръ система не только не измѣнена, но, напротивъ, усилена: дробленіе земли еще болѣе облегчено и количество собственниковъ возрасло въ громадной мѣрѣ. Какое же вліяніе имѣло такое распространеніе поземельной собственности на общее увеличеніе народонаселенія? То, что въ настоящее время Франція представляется въ Европѣ страной, гдѣ народонаселеніе возрастаетъ самымъ медленнымъ образомъ и гдѣ притомъ сельское народонаселеніе остается почти неподвижно, между тѣмъ какъ городское народонаселеніе постоянно возрастаетъ въ замѣчательной степени. По изчисленію Пасси, основанному на офиціальныхъ документахъ, періодъ удвоенія для настоящаго народонаселенія Франціи, составляетъ 118 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ другихъ европейскихъ государствахъ онъ простирается только отъ 41 до 97 лѣтъ ³⁾). Инте-

¹⁾ Laing «Residence in Norway», стр. 18

²⁾ Laing «Residence in Norway», стр. 254.

³⁾ Passy «Des systemes de culture en France», стр. 211.

ресно также прослѣдить постепенное движеніе народонаселенія. Въ теченіе первыхъ лѣтъ, непосредственно слѣдовавшихъ за раздѣленіемъ большихъ помѣстій прежняго феодальнаго дворянства и духовенства, народонаселеніе возрастало сильно; но быстрота этого увеличенія вскорѣ уменьшилась, и новое поколѣніе, возросшее при иныхъ обстоятельствахъ, болѣе пропитанное привычками благосостоянія, духомъ бережливости и нравственнаго воздержанія, начало увеличиваться несравненно медленнѣе, несмотря на то, что развитіе богатства совершается все быстрѣе и быстрѣе.

На основаніи офиціальныхъ источниковъ, увеличеніе народонаселенія во Франціи съ 1801 по 1806 годъ представляло ежегодное приращеніе въ 1,28%, съ 1806 по 1821 давало только 0,51, съ 1821 по 1831—0,69, съ 1831 по 1836—0,60, съ 1836 по 1841—0,41, съ 1841 по 1846—0,68, съ 1846 по 1851—0,21, съ 1851 по 1856—0,11 ¹⁾. По изчисленію Легуа съ 1836 по 1851 годъ народонаселеніе увеличилось въ теченіе пятнадцати лѣтъ отъ 33,540,910 до 35,781,628, или возрасло въ теченіе этого времени на 2,240,718 душъ, изъ коихъ на долю городовъ приходилось 1,613,372; на долю же сельскихъ обществъ, не превышавшихъ 3000 душъ приходилось только 627,346. Если мы примемъ во вниманіе еще то, что во многихъ общинахъ находится весьма мало собственно земледѣльцевъ, то нельзя не признать, что увеличеніе сельскаго народонаселенія было самое медленное, и что, напротивъ, городское населеніе возрастало въ замѣчательной прогрессіи ²⁾.

Такіе благопріятные результаты относительно развитія народонаселенія служатъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу

¹⁾ Staats-Lexikon von Rottek und Welcker, art. Frankreich; стр. 583.

²⁾ Annuaire de l'écon. politique. 1853.—Passy. стр. 205.

раздробленія земли и тѣмъ болѣе замѣчательны, что при медленномъ возрастаніи общаго народонаселенія успѣхи промышленности, богатства и вообще накопленіе капиталовъ возрастали въ несравненно болѣе сильной пропорціи.

Что подобное равномерное, медленное возрастаніе народонаселенія дѣйствительно обусловливалось благотворнымъ вліяніемъ мелкой собственности, это доказывается, по мнѣнію Пасси, тѣмъ, что въ тѣхъ мѣстахъ Франціи, гдѣ крестьяне не владѣютъ поземельною собственностью, замѣчаются совершенно иныя послѣдствія относительно увеличенія народонаселенія. Народонаселеніе, по его словамъ, наиболѣе развивается въ самыхъ отсталыхъ департаментахъ, преимущественно въ тѣхъ, гдѣ надъ земледѣльческимъ классомъ тяготѣетъ недостаточная система арендаторства и гдѣ ему затрудненъ доступъ къ поземельной собственности. Въ самыхъ же богатыхъ департаментахъ, въ тѣхъ, гдѣ земледѣльцы владѣютъ уже небольшими участками, этотъ классъ развивается наименѣе. Такъ, прогрессивное увеличеніе земледѣльческаго народонаселенія, за исключеніемъ городского, съ 1836 года по 1851 въ старинной Бретани было отъ 5 до 11%; въ большей части центральныхъ департаментовъ отъ 4 до 9, а въ нѣкоторыхъ южныхъ отъ 5 до 7. На Сѣверѣ же подобное увеличеніе произошло только въ департаментѣ Па-де-Кале, гдѣ оно составляло 3%. Ни въ одномъ же департаментѣ старинной Пикардіи сельское народонаселеніе не возрасло болѣе 2%, а что касается до старинной Нормандіи, то изъ 5 департаментовъ, составляющихъ ее, только въ одномъ департаментѣ Нижней Сены произошло увеличеніе на 3%, въ Ламаншскомъ же увеличеніе было менѣе 1%, въ Кальвадосѣ, Ерескомъ и Орнскомъ, несмотря на увеличеніе городского, сельское населеніе уменьшилось, именно въ первыхъ двухъ департаментахъ немного болѣе 2%.

«Подобные факты, замѣчаетъ Пасси ¹⁾, служатъ рѣшительнымъ доказательствомъ. Они свидѣтельствуютъ, что свобода дробленія земли во Франціи не только не побуждаетъ къ чрезмѣрному увеличенію сельскаго народонаселенія, но, напротивъ, служить уздою для наклонностей, которыя всякій разъ, когда не сдерживаются въ правильныхъ границахъ разумомъ чело-вѣка, препятствуютъ и останавливаютъ развитіе общей дѣятельности».

Итакъ, какъ общія соображенія, такъ и самыя факты доказываютъ, что въ странахъ, гдѣ существуетъ значительное число мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, развитіе народонаселенія совершается правильнѣе и равномѣрнѣе относительно средствъ существованія, нежели тамъ, гдѣ масса народонаселенія состоитъ по преимуществу изъ работниковъ и поденщиковъ. «Я не знаю ни одного дѣйствительнаго примѣра, говоритъ Милль, который подтверждалъ бы доводъ, что подъ вліяніемъ собственности, владѣемой крестьянами, развивается чрезмѣрное размноженіе людей» ²⁾. Но если подобныхъ примѣровъ не существуетъ, то на чемъ же основывается подобное мнѣніе? Главное основаніе его, повидимому, заключается въ томъ, что странамъ съ раздробленною собственностью дѣйствительно свойственно болѣе густое и многочисленное народонаселеніе, нежели странамъ съ большою, особенно несвободною поземельною собственностью. Факты показываютъ, что всюду, гдѣ свободное поземельное устройство приводило къ раздробленію большихъ недѣлимыхъ прежде помѣстій, оно влекло за собою быстрое увеличеніе народонаселенія. Но эти факты находятъ себѣ полное оправданіе и объясненіе въ болѣе-шей производительной силѣ мелкой обработки крестьянами-

¹⁾ Passy «Des systemes de culture en France», стр. 213.

²⁾ Mill «Principes d'économie politique», ч. I, стр. 342.

собственниками. Раздробленіе земли, содѣйствуя большому валовому и чистому доходу, естественнымъ образомъ вызываетъ болѣе многочисленное народонаселеніе. Но очевидно, что это народонаселеніе, порождаемое увеличенными средствами пропитанія и усиленнымъ производствомъ, не только не составляетъ народнаго бѣдствія, котораго должно опасаться и избѣгать; но, напротивъ, является въ высшей степени благопріятнымъ явленіемъ, ибо увеличиваетъ живыя производительныя силы и содѣйствуетъ дальнѣйшему народному развитію и могуществу. Развитіе народонаселенія только тогда можетъ быть вредно, когда оно грозитъ быть излишнимъ и не находитъ себѣ средствъ существованія. Раздробленіе же земли вызываетъ не только болѣе многочисленное народонаселеніе, но также болѣе зажиточное и болѣе благоденствующее. Народонаселеніе это состоитъ не изъ бѣдныхъ, зависимыхъ и преданныхъ всѣмъ случайностямъ работниковъ и поденщиковъ, но, напротивъ, изъ прилежныхъ, независимыхъ и здоровыхъ крестьянъ-собственниковъ, *gens dura exregiensque laborum*, которые посредствомъ неутомимаго труда и энергіи, обезпечиваютъ себѣ собственное благосостояніе, а государству могущество и силу. Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что увеличеніе народонаселенія при подобныхъ обстоятельствахъ является вполне полезнымъ и не представляетъ никакой опасности; иначе изъ боязни, чтобы народонаселеніе не превзошло средствъ пропитанія, можно дойти до нелѣпости и вмѣсто того, чтобы открывать новые источники производства, закрывать существующіе.

Другое доказательство, которое приводятъ противъ крестьянской собственности, заключается въ примѣрѣ Ирландіи. Мелкая арендаторская обработка, господствующая тамъ и нѣкоторымъ образомъ приближающаяся къ мелкой обработкѣ крестьянами-собственниками, имѣла, по словамъ противниковъ дробной

обработки, самое гибельное вліяніе, потому что владѣльцы мелкихъ участковъ, не контролируемые болѣе разумными болѣшими владѣльцами, могли дробить землю до размѣровъ, несоотвѣтственныхъ съ достаточнымъ положеніемъ населенія и привели страну къ самому жалкому положенію, которое разразилось страшнымъ кризисомъ 1847 года. Отвѣтъ на этотъ доводъ заключается въ слѣдующихъ словахъ Ленга: «Мнѣ всегда казалось, говорить онъ, что примѣръ Ирландіи не только не подтверждаетъ этого довода, но доказываетъ совершенно противное. Тамъ поземельная собственность не была раздѣлена между многими мелкими владѣльцами, между массою жителей. Напротивъ, она была соединена въ громаднхъ массахъ у самой незначительной части народонаселенія. Крестьяне, лишенные собственности и всякой надежды, когда-либо владѣть ею, не могли имѣть тѣхъ обычаевъ, нравовъ, образа мыслей, благоразумія и предусмотрительности, которыя сопровождаютъ владѣніе собственностью и въ то же время образуютъ самое дѣйствительное и естественное препятствіе стремленію народонаселенія превзойти средства существованія. Ирландскій крестьянинъ удовлетворяетъ естественному побужденію къ браку именно потому, что лишенный собственности и вліянія ея на человѣческій разумъ, выросъ и возмужалъ безъ всякаго ограничительнаго вліянія его наклонностей. Возьмите того же ирландскаго крестьянина, который столь безпечно женится въ своей собственной странѣ, потому что не имѣетъ здоровыхъ привычекъ и обычаевъ человѣка, пропитаннаго чувствомъ собственности, и перенесите его въ Лондонъ, гдѣ онъ добываетъ десять или двѣнадцать шиллинговъ въ недѣлю, и вы увидите, что это уже не тотъ безпечный и непредусмотрительный человѣкъ. Потребности его расширяются; онъ старается имѣть такую же одежду, жилище и пищу, какими пользуются его сотоварищи, и потому столь же силь-

но, какъ и высшіе, образованные классы общества, опасается неразумнымъ образомъ сократить свои обычныя наслажденія. На немъ отражается ограничительное вліяніе собственности. Онъ является дѣйствительно воспитаннымъ человѣкомъ; ибо истинное воспитаніе человѣческаго ума заключается въ томъ, что ежедневно и ежечасно упражняетъ умственную силу человѣческаго разума и нравственный характеръ, именно во владѣніи собственностью. Человѣкъ можетъ читать и писать, и имѣть вполнѣ невоспитанный умъ. Тотъ же, кто владѣетъ собственностью, умѣетъ ли онъ читать или нѣтъ, имѣетъ воспитанный умъ; онъ обладаетъ предусмотрительностью, осторожностью, благоразуміемъ, которыя руководятъ каждымъ его дѣйствіемъ; онъ понимаетъ значеніе воздержанія и постоянно придерживается его. Этотъ родъ воспитанія, производимый распространеніемъ собственности и связанныхъ съ нею развитыхъ вкусовъ, обычаевъ и побужденій, есть тотъ, который долженъ держать народонаселеніе въ предѣлахъ средствъ пропитанія. Это-то инстинктивное желаніе владѣть, накапливать, которое можно назвать чувствомъ собственности, составляетъ предупредительное препятствіе, установленное природою противъ стремленія къ чрезмѣрному размноженію, и этого препятствія недостаетъ въ Ирландіи. Посредствомъ искусственнаго устройства поземельной собственности въ обществѣ, вслѣдствіе существованія феодальной системы относительно наслѣдства, народонаселеніе совершенно лишено ограничительнаго вліянія собственности, и потому наклонность къ непредусмотрительнымъ бракамъ вполнѣ освобождена отъ всѣхъ препятствій, полагаемыхъ противъ нея природою. Положеніе страны, въ которой вся земля составляетъ собственность восьми или девяти тысячъ лицъ, при народонаселеніи достигающемъ столькихъ же милліоновъ, не можетъ быть, разумѣется, изображеніемъ того, что могло бы быть, если бы поземельная собствен-

ность, вслѣдствіе справедливаго и естественнаго закона наслѣдства, была распространена между всеѣмъ народомъ. Такимъ образомъ, предположеніе, что въ странѣ, гдѣ народъ пропитанъ привычками, обычаями, и вліяніемъ, порождаемымъ собственностью, земля можетъ быть раздроблена на участки слишкомъ ничтожныя для цивилизованнаго существованія, есть предположеніе не подтверждаемое опытомъ» ¹⁾.

Итакъ примѣръ Ирландіи нисколько не доказываетъ, что раздробленіе земли между крестьянами-собственниками можетъ повести къ чрезмѣрному народонаселенію. Чрезмѣрное народонаселеніе въ Ирландіи было вызвано совершенно другими причинами: печальною историческою судьбою, завоеваніями, безпримѣрнымъ въ исторіи угнетеніемъ, конфискаціею и сосредоточеніемъ поземельной собственности въ рукахъ чуждой аристократіи ²⁾, отяготительною и несправедливою системою налоговъ и другими подобными причинами, которыя привели несчастнаго Ирландца къ послѣдней степени человѣческаго униженія, убили всякую нравственность и человѣческія чувства, сдѣлали его пьяницею, бродягою, человѣкомъ беззаботнымъ и празднолюбомъ. Не удивительно, что въ своемъ угнетенномъ и забитомъ положеніи, онъ считаетъ, какъ говоритъ Ирландская пословица, что для женитьбы нужно имѣть только пукъ соломы для постели, одѣяло, горшокъ для варенія пищи, да стулъ, и потому не затрудняется взять жену, которая имѣетъ достаточно средствъ для приготовленія картофеля и водки для брачнаго торжества ³⁾.

¹⁾ Laing «Residence in Norway», стр. 22.

²⁾ Съ 1640 по 1810 годъ $\frac{15}{16}$ всей поверхности Ирландіи было конфисковано въ разное время. Съ 1640 по 1788 годъ ни одному католику не позволялось владѣть недвижимою собственностью въ Ирландіи.

³⁾ Gustave de Beaumont «L'Irlande sociale, politique et religieuse».

Такимъ образомъ, не раздробленіе земли было причиною голоднаго и чрезмѣрнаго народонаселенія, но, наоборотъ, чрезмѣрное народонаселеніе, порожденное совершенно другими причинами, при отсутствіи капиталовъ, промышленности и при существованіи несвободнаго поземельнаго устройства, по необходимости привело къ раздробленію земли и къ мелкой обработкѣ, какъ одному изъ главныхъ средствъ, обезпечивающихъ занятіе большому числу лицъ, усиливающихъ производство и слѣдовательно облегчающихъ бѣдствіе. Въ этомъ легко убѣдиться при болѣе тщательномъ вникновеніи въ сущность дѣла. Если въ какой-нибудь странѣ въ извѣстный моментъ времени, вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій, плохого общественнаго и экономическаго устройства, произошло относительно средствъ существованія чрезмѣрное народонаселеніе, то очевидно, что если оно не желаетъ подвергнуться голоду и болѣзнямъ, оно необходимо должно искать средствъ къ своему существованію; но однимъ изъ самыхъ могущественныхъ подобныхъ средствъ является раздробленіе земли, ибо мелкая обработка, привлекая къ себѣ большее количество рабочихъ силъ, давая имъ производительное занятіе, содѣйствуетъ увеличенію валоваго и чистаго дохода. Очевидно, что въ подобный моментъ времени раздробленіе земли является полезнымъ и необходимымъ; ибо увеличивая производство, доставляетъ прибыльное и выгодное занятіе празднымъ рукамъ и, такимъ образомъ, снова приводитъ въ равновѣсіе существующее неправильное отношеніе между народонаселеніемъ и средствами существованія. Въ этомъ отношеніи мелкая обработка дѣйствуетъ тѣмъ благотворно, что не только устраняетъ бѣдственное положеніе, но и отдаляетъ наступленіе новаго подобнаго момента несоотвѣтствія между народонаселеніемъ и средствами пропитанія; ибо доставляя болѣе большой валовой доходъ для непосредственнаго потребленія земледѣльческихъ классовъ, въ то

же время обусловливаетъ бѣльшій чистый доходъ, обезпечивающій нѣкоторую долю общаго производства городскому потребленію и доставляющій работу болѣе многочисленному промышленному классу для удовлетворенія потребностей возросшаго сельскаго населенія. Если тѣ же причины, которыя первоначально вызвали относительно чрезмѣрное народонаселеніе, будутъ продолжать оказывать свое гибельное вліяніе, вслѣдствіе чего народонаселеніе снова превзойдетъ существующія, уже увеличенныя посредствомъ раздробленія земли средства пропитанія, и дойдетъ до того, что никакое дальнѣйшее усиленіе производства невозможно, то такое положеніе разразится страшнымъ народнымъ кризисомъ: голодомъ, болѣзнями, выселеніемъ и т. д. Но очевидно, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ наступившее бѣдствіе снова нельзя никоимъ образомъ приписать существующему раздробленію земли; потому что безъ этого бѣдствіе наступило бы несравненно раньше и по крайней мѣрѣ человекъ употребилъ всѣ средства, представляемыя прилежаніемъ, разумомъ и опытомъ, для предотвращенія грозящаго кризиса, не отдался робко и малодушно наступившему бѣдствію, но мужественно и бодро оспаривалъ у него каждый клочекъ земли и уступилъ только передъ неотразимою силою роковаго стеченія обстоятельствъ.

Итакъ несомнѣнно, что раздробленіе земли и мелкая обработка крестьянами-собственниками не только не содѣйствуютъ чрезмѣрному увеличенію народонаселенія, но, напротивъ, служатъ самыми простыми, дѣйствительными и законными средствами, для ограниченія весьма естественной склонности къ заключенію неблагоразумныхъ браковъ и для предупрежденія чрезмѣрнаго развитія народонаселенія несоотвѣтствующаго существующимъ средствамъ пропитанія. Поэтому распространеніе поземельной собственности и облегченіе пріобрѣтенія ея

посредствомъ труда и прилежанія, есть единственный радикальный способъ противъ пауперизма и пролетаріата—этихъ бѣдствій всѣхъ феодальныхъ обществъ. Оно составляетъ тѣмъ болѣе дѣйствительное средство, что не нарушая никакихъ общественныхъ и экономическихъ интересовъ, единственно вслѣдствіе открытой возможности мало по малу пріобрѣтать поземельную собственность, вызываетъ въ человѣкѣ спасительную жажду къ пріобрѣтенію и расширенію собственности, возбуждаетъ всѣ нравственныя силы, порождаетъ въ немъ бережливость, осторожность, воздержность и неутомимое трудолюбіе.

ГЛАВА V.

ВЛІЯНІЕ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ НА РАС- ПРЕДѢЛЕНІЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ ПО ЗАНЯТІЯМЪ.

Различныя обработки, оказывая вліяніе на производительное могущество страны и на общее количество народонаселенія, имѣютъ также весьма важное значеніе относительно развитія промышленности и торговли, обуславливая то или другое распредѣленіе народонаселенія по занятіямъ. Въ этомъ отношеніи мелкая обработка вообще, а слѣдовательно и обработка крестьянами-собственниками, подвергалась сильному осужденію за то, что она будто бы на одномъ и томъ же пространствѣ питаетъ несравненно меньшее, нежели большая обработка, количество народонаселенія, посвящающаго себя мануфактурамъ, промышленности, торговлѣ, мореплаванію, защитѣ страны, распространенію знаній, искусствамъ, наукамъ, литературѣ и т. д.

Возраженіе это главнымъ образомъ основывалось на томъ несомнѣнномъ фактѣ, что мелкая обработка для производства одного и того же количества чистаго дохода, въ видѣ прибыли и ренты, требуетъ несравненно болѣе человѣческаго труда, нежели большая обработка, которая посредствомъ раздѣленія труда, употребленія животныхъ силъ, машинъ и болѣе усовершенствованныхъ орудій, можетъ произвести то же количество чистаго дохода при помощи несравненно меньшаго числа рукъ, и слѣдовательно, на равномъ пространствѣ можетъ занимать менѣе многочисленное земледѣльческое народонаселеніе, нежели въ странахъ, гдѣ господствуетъ дробная собственность.

Чтобы представить въ цифрахъ излишекъ народонаселенія, который могутъ пропитывать большія хозяйства сравнительно съ малыми, Артуръ Юнгъ сравниваетъ число земледѣльцевъ, занятыхъ и содержимыхъ хозяйствами различныхъ размѣровъ, предполагая равное плодородіе почвы. Онъ дѣлитъ вообще хозяйства на малыя, требующія одного плуга; среднія, требующія двухъ, и большія, требующія трехъ и болѣе. По его наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ Англіи, хозяйство въ 30 акровъ, обрабатываемое однимъ плугомъ, занимаетъ цѣлый годъ трехъ лошадей и фермера съ работникомъ; хозяйство въ 55 акровъ, обрабатываемое двумя плугами, занимаетъ всего только пять лошадей, фермера и двухъ работниковъ; наконецъ, хозяйство въ 88 акровъ, обрабатываемое тремя плугами, занимаетъ шесть лошадей, фермера и трехъ работниковъ. Изъ этого расчета вытекаетъ, что при мелкихъ хозяйствахъ одинъ земледѣлецъ приходится на 15 акровъ и одна лошадь на 10; при среднихъ одинъ земледѣлецъ на 18 акровъ и одна лошадь на 11 акровъ; при большихъ же одинъ земледѣлецъ на 22 акра и одна лошадь на 14 акровъ.

Герреншвандъ, принимая этотъ расчетъ, предполагаетъ территорію, имѣющую до 30,000,000 акровъ годной къ об-

работкѣ земли и дѣлаетъ слѣдующій выводъ: при первой системѣ страна будетъ имѣть миллионъ хозяйствъ въ 30 акровъ каждое, два миллиона земледѣльческаго народонаселенія и три миллиона лошадей; при второй системѣ она будетъ имѣть 545,000 хозяйствъ въ 45 акровъ каждое, 1,635,000 земледѣльцевъ и 2,725,000 лошадей; наконецъ, при системѣ большихъ хозяйствъ будетъ всего 341,000 хозяйствъ въ 88 акровъ каждое, 1,364,000 земледѣльцевъ и 2,046,000 лошадей. Предполагая количество произведеній необходимыхъ для содержанія лошади равнымъ по цѣнности тому, что необходимо для земледѣльца, онъ получаетъ тотъ окончательный результатъ, что страна при системѣ мелкихъ хозяйствъ будетъ имѣть 5,000,000 осѣдлыхъ земледѣльцевъ, при системѣ среднихъ 4,360,000; при системѣ же большихъ только 3,410,000.

Очевидно, что при этой послѣдней системѣ страна будетъ имѣть 950,000 земледѣльцевъ менѣе, нежели при системѣ среднихъ хозяйствъ, а при системѣ среднихъ 640,000 менѣе, нежели при мелкихъ. Слѣдовательно, заключаетъ онъ, при системѣ большихъ хозяйствъ страна можетъ кормить 1,590,000 промышленныхъ лицъ болѣе, нежели при системѣ малыхъ ¹⁾).

Таковъ расчетъ, приводимый въ пользу большой обработки для доказательства того, что она питаетъ болѣе многочисленное неземледѣльческое народонаселеніе, нежели малая. Но весь этотъ расчетъ, главнымъ образомъ основанный на томъ предположеніи, что большая обработка доставляетъ при равномъ валовомъ доходѣ болѣе чистый доходъ въ видѣ ренты и прибыли, нежели малая обработка, никоимъ образомъ не можетъ быть допущенъ послѣ всего сказаннаго нами во вто-

¹⁾ Herrenschwand «Discours fondamental sur la population» 1768 года.

рой главѣ, гдѣ, на основаніи общихъ разсужденій, существующихъ фактовъ и главнѣйшихъ авторитетовъ науки, мы пришли къ совершенно противоположному результату: именно, что мелкая обработка крестьянами-собственниками, при настоящихъ условіяхъ европейской культуры, даетъ не только бóльшій валовой, но, со всею вѣроятностью, также и бóльшій чистый доходъ. Но, если этотъ послѣдній результатъ и не можетъ считаться непреложно вѣрнымъ и неопровержимо доказаннымъ, то во всякомъ случаѣ, мы можемъ съ полнымъ правомъ предположить, что большая и малая обработка, дѣйствуя при благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, могутъ дать съ одного и того же пространства одинаково значительный чистый доходъ, при чемъ на долю мелкой обработки выпадаетъ бóльшій валовой доходъ, ибо она употребляетъ большее количество человѣческаго труда.

Считая такое положеніе вполне допустимымъ и въ высшей степени вѣроятнымъ, мы можемъ на основаніи его приступить къ дальнѣйшему обсужденію послѣдствій, производимыхъ большою и малою обработкою относительно распределенія народонаселенія по занятіямъ.

Предположимъ, что двѣ страны даютъ одинаковый чистый доходъ для прокормленія 60 человѣкъ на квадратную версту; но въ одной странѣ при господствѣ малой обработки для пріобрѣтенія этого дохода требуется 60 земледѣльцевъ, въ другой же при господствѣ большой только 30. Очевидно, что тогда произойдетъ значительная разница какъ въ цифрѣ общаго народонаселенія, такъ и во взаимномъ отношеніи земледѣльческаго и неземледѣльческаго классовъ. Но этого мало: земледѣльцы также покупаютъ и потребляютъ предметы мануфактурной промышленности, въ замѣнъ которыхъ уступаютъ часть произведеній своего собственнаго труда. Полагая, что эта часть потребностей составляетъ треть того, чтò вообще необходимо

для существованія человѣка, получимъ съ одной стороны 20, съ другой 10 человѣкъ сверхъ тѣхъ, которые пропитываются суммою произведеній, не идущихъ на уплату земледѣльческаго труда. И тогда составъ всего народонаселенія, будетъ таковъ: первая страна будетъ имѣть 60 земледѣльцевъ и 80 другихъ лицъ, — всего 140 человѣкъ; вторая же страна 30 земледѣльцевъ и 70 другихъ лицъ, всего 100 душъ. Въ первой странѣ отношеніе земледѣльцевъ ко всему народонаселенію будетъ какъ 48:100; во второй какъ 38:100.

Эти цифры, отчасти соотвѣтствующія дѣйствительнымъ фактамъ, показываютъ какимъ образомъ могутъ вліять на общее народонаселеніе и его распредѣленіе обработки, получающія одинаковый чистый доходъ при помощи неравнаго количества рукъ.

Онѣ свидѣлствуютъ во первыхъ, что при равномъ чистомъ доходѣ мелкая обработка, какъ занимающая большее количество рукъ, даетъ бѣльшій валовой доходъ и слѣдовательно обусловливаетъ болѣе многочисленное абсолютное народонаселеніе, нежели большая обработка.

Во вторыхъ, что при равномъ чистомъ доходѣ мелкая обработка питаетъ также болѣе многочисленное промышленное народонаселеніе, потому что, производя бѣльшій валовой доходъ, вознаграждаетъ трудъ добавочнаго числа земледѣльцевъ, часть доходовъ которыхъ переходитъ въ руки промышленнаго народонаселенія. Наконецъ, въ третьихъ, что хотя пропорція земледѣльческаго народонаселенія къ неземледѣльческому въ странѣ мелкой обработки можетъ быть менѣе, нежели въ странѣ большой обработки, тѣмъ не менѣе это нисколько еще не доказываетъ преимущества большой обработки надъ малою относительно общей величины промышленнаго народонаселенія. Въ первой странѣ отношеніе представляется какъ 48:100, во второй какъ 38:100, и несмотря на то количество промыш-

ленного народонаселенія въ первой странѣ приходится на квадратную версту 80 человѣкъ, во второй же—только 70.

Справедливость подобнаго вывода признается большею частью новѣйшихъ экономистовъ. Такъ, Милль въ своемъ курсѣ политической экономіи говоритъ: «Безъ всякаго сомнѣнія неземледѣльческое народонаселеніе будетъ составлять при системѣ мелкой обработки мѣньшую пропорцію относительно земледѣльческаго народонаселенія, нежели при системѣ большой; но отсюда еще нисколько не слѣдуетъ, что это неземледѣльческое народонаселеніе будетъ менѣе многочисленно, говоря вообще. Если вся совокупность земледѣльческаго и неземледѣльческаго народонаселенія будетъ значительнѣе, то часть неземледѣльческаго народонаселенія можетъ быть многочисленна сама по себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ составлять менѣе многочисленную часть всей массы. Если валовой доходъ болѣе значителенъ, чистый доходъ можетъ быть также болѣе значителенъ, хотя и быть въ менѣе слабой пропорціи къ валовому производству. Обыкновенно во Франціи считаютъ двѣ трети земледѣльческаго народонаселенія; въ Англіи же одну треть. Отсюда заключаютъ, что такъ какъ во Франціи только три лица содержатся двумя земледѣльцами, между тѣмъ какъ въ Англіи трудъ тѣхъ же двухъ земледѣльцевъ содержитъ шесть лицъ, то англійское земледѣліе вдвое производительнѣе французскаго, благодаря превосходству производительнаго могущества большой обработки».

Но такой выводъ, по мнѣнію Милля, невѣренъ, ибо факты преувеличены и въ дѣйствительности англійское промышленное народонаселеніе питается болѣе многочисленнымъ земледѣльческимъ народонаселеніемъ, нежели предполагается въ этомъ расчетѣ. Но, допуская даже истинность этого положенія, онъ полагаетъ, что даже и въ такомъ случаѣ, доводъ этотъ никакъ не можетъ служить доказательствомъ болѣе зна-

чительнаго излишка не земледѣльческаго народонаселенія, существующаго въ Англіи. «Предположимъ, говоритъ онъ, что производство будетъ вдвое значительнѣе и что одна треть будетъ равняться двумъ третямъ, тогда въ дѣйствительности, можетъ случиться, что то же пространство, которое при англійской системѣ производитъ средства существованія только для шести лицъ, при помощи французской системы, благодаря болѣе значительному количеству труда, произведетъ средства существованія для двѣнадцати лицъ; тогда, хотя существованіе двѣнадцати лицъ будетъ производиться при помощи труда восьми человѣкъ, между тѣмъ какъ шесть человѣкъ будутъ питаться трудомъ только двухъ, окажется въ той и другой странѣ одинаковое количество рукъ свободныхъ для другихъ занятій. Я не имѣю притязанія утверждать, что всегда именно происходитъ такъ. Я знаю, что валовой доходъ съ акра земли во Франціи даетъ среднимъ числомъ менѣе, нежели въ Англіи, и что относительно пространства и плодородія двухъ странъ, Англія имѣетъ въ томъ смыслѣ, о которомъ мы нынѣ говоримъ, болѣе значительное народонаселеніе. Но не должно мѣрять этого неравенства по этому критерию. Въ такомъ случаѣ о Соединенныхъ-Штатахъ Америки, гдѣ изъ пяти семействъ, по послѣднему изчисленію, четверо посвящаютъ себя земледѣлію, можно было бы утверждать, что тамъ земледѣліе еще менѣе производительно нежели во Франціи» ¹⁾).

Такимъ образомъ очевидно, какъ ошибочно мнѣніе тѣхъ писателей, которые, судя только по одному отношенію числа земледѣльцевъ къ остальному народонаселенію, заключаютъ о степени сельскаго благосостоянія и промышленнаго развитія народовъ. Въ этомъ, между прочимъ, заключается новое доказательство ошибочности воззрѣнія на значеніе чистаго дохода въ

¹⁾ Mill «Principes d'économie politique», т. I, стр. 174.

томъ смыслѣ, въ какомъ понимается чистый доходъ послѣдователями школы Рикардо. Но, не возвращаясь снова къ этому предмету, достаточно опровергнутому нами въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, мы обратимся снова къ тому выводу, который добытъ нами въ настоящее время, именно, что мелкая обработка, хотя и порождаетъ иное отношеніе между различными составными частями народонаселенія, тѣмъ не менѣе при равенствѣ чистаго дохода въ видѣ прибыли и ренты представляется тою системою, которая на одинаковомъ пространствѣ питаетъ какъ большее земледѣльческое народонаселеніе, такъ и большее промышленное. По свидѣтельству Пасси, подобное вліяніе мелкой обработки доказывается всѣми фактами, которые только можно опредѣлить съ достовѣрностью ¹⁾. «Нигдѣ, говоритъ онъ, большая обработка не имѣетъ такого широкаго приложенія, какъ въ Англіи, и нигдѣ не существуетъ такой неравномѣрной пропорціи между различными классами народонаселенія. Тамъ считаютъ 29 земледѣльцевъ на 100 лицъ общаго народонаселенія, и принимая, что пятнадцатая доля средствъ пропитанія привозится изъ другихъ странъ, все таки пропорція будетъ какъ 29 къ 93 или 31 къ 100. Въ Бельгіи, Италіи, Франціи, вездѣ, гдѣ земля даетъ чистый доходъ равный или высшій чистаго дохода Англіи, число земледѣльцевъ сравнительно съ общимъ народонаселеніемъ возвышается въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ обработки. Въ бельгійскихъ провинціяхъ Анверѣ и Гентѣ оно составляетъ 40% на 100, въ Тосканѣ и Ломбардіи 44, въ двухъ депар-

¹⁾ Затрудненіе въ этомъ отношеніи заключается въ томъ, что есть страны, гдѣ вывозъ и привозъ средствъ пропитанія оказываютъ весьма значительное вліяніе на промышленное народонаселеніе. Далѣе есть страны, гдѣ значительное число земледѣльцевъ занимается также промышленными трудами и гдѣ, слѣдовательно, классификація народонаселенія по занятіямъ весьма неопредѣленна.

таментахъ Альзаса 40; въ Сѣверномъ департаментѣ 43. Слѣдующія цифры представляютъ различіе существующее въ этомъ отношеніи:

на квадр. километръ	общее населеніе	число земледѣл.	прочее населеніе
Англія	93	27	66
Часть Франціи между бель- гійскою границею, Оазою, моремъ и границами Мена и Бретани	97	34	63
Альзасъ. — Департаменты Верхняго и Нижняго Рейна .	117	47	70
Сѣверный департаментъ . .	191	82	109
Бельгія. — Восточная Флан- дрія и Анверъ	186	80	106
Ломбардія	121	53	68

«Эти цифры, прибавляетъ Пасси, показываютъ, какимъ образомъ различные способы обработки, вслѣдствіе неравномѣрнаго требованія труда, вліяютъ на составъ и густоту народонаселенія. Различіе, замѣчаемое въ нихъ, происходитъ отчасти вслѣдствіе того, что нѣтъ полнаго однообразія обработокъ. Всюду существуетъ извѣстное смѣшеніе и во Франціи; между прочимъ въ той области, относительно которой мы привели цифры для сравненія, встрѣчаются не только одни среднія и малыя хозяйства, но также и значительное количество большихъ. Еслибъ намъ нужно было выразить факты въ окончательныхъ цифрахъ, то мы сказали бы, что среднимъ числомъ и при той степени искусства, до которой достигли въ настоящее время, мелкая обработка употребляетъ 40 земледѣльцевъ для того, чтобы доставить излишекъ, который могъ бы пропитывать 60 другихъ лицъ, большая же только 30.

«Во всякомъ же случаѣ достаточно засвидѣтельствовать, что на равномъ пространствѣ мелкая обработка, населяя болѣе деревни, вмѣстѣ съ тѣмъ содержитъ наибольшее промышленное народонаселеніе. Ея чистый доходъ, какъ только онъ не ниже чистаго дохода большой обработки, доставляетъ существованіе сначала такому же количеству лицъ; потомъ часть валоваго дохода, посредствомъ котораго удовлетворяетъ своимъ потребностямъ въ промышленныхъ произведеніяхъ излишнее количество земледѣльцевъ, существующее при мелкой обработкѣ, питаетъ добавочное количество. Это очевидно изъ всѣхъ вышеприведенныхъ цифръ. Повидимому, одна Англія составляетъ исключеніе; но и она становится подтвержденіемъ того же правила, если принять во вниманіе привозъ, питающій покрайней мѣрѣ пятнадцатую часть народонаселенія, вслѣдствіе чего количество народонаселенія, которому 27 земледѣльцевъ доставляютъ существованіе понижается до 60 человекъ на квадратный километръ» ¹⁾).

Такимъ образомъ, мнѣніе тѣхъ, которые утверждаютъ, что мелкая обработка обусловливаетъ меньшее количество промышленнаго народонаселенія, а также вообще народонаселенія, предающагося различнымъ занятіямъ, имѣющимъ цѣлью воспитаніе народа, охраненіе его внутренней и внѣшней безопасности, развитіе искусствъ, наукъ и т. д., нисколько не подтверждается фактами дѣйствительной жизни. Это мнѣніе могло бы быть справедливымъ только тогда, если бы можно было доказать, что мелкая обработка всегда даетъ съ одного и того же пространства мѣньшій доходъ и вообще мѣньшій излишекъ произведеній, идущій на содержаніе прочихъ классовъ. Но этого доказать нельзя. Напротивъ, все говоритъ, что мелкая обработка при благопріятныхъ условіяхъ, ненарушаемыхъ

¹⁾ Passy «Des systemes de culture en France», стр. 123.

никакими другими историческими, экономическими и общественными причинами, даетъ бѣльшій излишекъ произведеній и слѣдовательно имѣетъ рѣшительное преимущество; ибо даже при предположеніи равнаго излишка, она питаетъ не только бѣльшее абсолютное, но и бѣльшее не земледѣльческое народонаселеніе. Вся разниа между большою и малою обработкою, если онѣ производятъ равный чистый доходъ въ смыслѣ Рикардо, состоитъ въ томъ, что вторая производитъ то же количество этого чистаго дохода при большемъ употребленіи чело-вѣческаго труда, слѣдовательно, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій питаетъ бѣльшее количество земледѣльческаго народонаселенія. Поэтому, чтобы окончательно рѣшить вопросъ, остается опредѣлить, какое значеніе имѣетъ для государства болѣе или менѣе многочисленное народонаселеніе и во вторыхъ, какое вліяніе оказываетъ на судьбу общества и государства существованіе болѣе многочисленнаго земледѣльческаго народонаселенія.

Что касается перваго вопроса, то, какъ мы видѣли въ предшествовавшей главѣ, всякое естественное и правильное увеличеніе народонаселенія, не превосходящее соразмѣрнаго увеличенія массы народнаго богатства, необходимо признать явленіемъ благопріятнымъ для развитія и могущества народа. Увеличеніе народонаселенія только тогда можетъ быть невыгодно для государства, если постоянно возрастающее народонаселеніе не находитъ себѣ достаточнаго и обезпеченнаго существованія и осуждается на бѣдность, невѣжество и страданія. Но все предшествующее изысканіе и всѣ факты доказываютъ, что бѣльшее народонаселеніе, вызываемое мелкою обработкою крестьянами-собственниками, представляется въ самомъ благопріятномъ положеніи. Оно является наиболѣе физически, нравственно и умственно развитымъ, и вообще, относительно благосостоянія и счастья далеко превосходитъ не толь-

ко бѣдное, зависимое земледѣльческое народонаселеніе, порождаемое большою обработкою, но также и промышленное народонаселеніе, главнымъ образомъ существующее невѣрною заработной платою. Такимъ образомъ, вліяніе мелкой обработки крестьянами-собственниками, требующей бѣльшаго количества человѣческаго труда, ограничивается тѣмъ, что къ народонаселенію, которое существовало бы при всякомъ другомъ устройствѣ земледѣльческаго труда, прибавляется излишекъ, который не представляетъ собою никакого особеннаго неудобства. Поэтому о послѣдствіяхъ этого излишка должно судить по правиламъ, прилагаемымъ вообще къ извѣстной степени густоты народонаселенія, и слѣдовательно, необходимо считать его какъ прибавленіе полезное, какъ одно изъ тѣхъ прибавленій, которое, увеличивая число жителей страны, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и ея производительную силу и дѣятельность.

Переходя къ другому вопросу, именно къ тому, какое вліяніе оказываетъ излишекъ земледѣльческаго народонаселенія, обусловливаемый мелкою обработкою на судьбу общества и устройство государства, мы прежде всего разсмотримъ, какое особенное вліяніе оказываетъ онъ на судьбу промышленнаго и торговаго сословія, и вслѣдъ за тѣмъ въ слѣдующей главѣ перейдемъ къ вліянію его на общее гражданское и государственное устройство страны.

По мнѣнію нѣкоторыхъ, излишекъ земледѣльческаго народонаселенія дѣйствуетъ неблагопріятно на мануфактурную промышленность и торговлю, ибо отнимаетъ у нихъ руки и препятствуетъ ихъ развитію. Но подобное мнѣніе основывается на ложной оцѣнкѣ фактовъ. Замѣтили, что страны наименѣ развитыя представляютъ мало промышленной жизни и дѣятельности, и изъ этого заключили, что это происходитъ оттого, что земледѣліе занимаетъ слишкомъ много рукъ. Но такое

объясненіе совершенно ошибочно. Промышленность и торговля утверждаются не по произволу, а по мѣрѣ накопленія капиталовъ, расширенія знаній и развитія потребностей въ народѣ. Поэтому, чтобы извѣстная форма обработки могла останавливать или ограничивать полетъ промышленности, необходимо, чтобы она имѣла своимъ слѣдствіемъ уменьшеніе сбереженій, накопленіе которыхъ развиваетъ и разнообразитъ предложеніе труда и открываетъ новые пути производства. Но, какъ мы видѣли прежде, никакая другая обработка не дѣйствуетъ столь могущественно на духъ бережливости, какъ обработка крестьянами-собственниками, и такъ какъ притомъ она является наиболѣе производительною, то отсюда несомнѣнно, что она содѣйствуетъ наибольшему возрастанію народнаго богатства, ибо въ одно и то же время при ней производится и сберегается болѣе. Очевидно, что мелкая обработка крестьянами-собственниками нисколько не является опаснымъ соперникомъ промышленности и торговли и нисколько не отнимаетъ рукъ у мануфактурнаго и торговаго производства; ибо эти промыслы имѣютъ ихъ всегда столько, сколько требуется существующимъ запросомъ и обширностью рынковъ, и это столь справедливо, что есть страны, какъ напримѣръ Англія и Голландія, гдѣ, благодаря изобилію накопленныхъ капиталовъ, существуетъ несравненно болѣе промышленнаго и торговаго народонаселенія, нежели сколько можетъ питать тотъ излишекъ произведеній, который доставляется производителями за удовлетвореніемъ ихъ потребностей.

Такимъ образомъ, упрекъ этотъ, дѣлаемый мелкой обработкѣ крестьянами-собственниками, совершенно уничтожается при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, которое, напротивъ, наводитъ на другую, совершенно противоположную мысль, именно, что мелкая обработка является наиболѣе выгодною для развитія промышленности и торговли. Въ этомъ легко убѣдиться,

если мы обратимъ вниманіе на условія главнымъ образомъ содѣйствующія развитію этихъ отраслей народной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что самые могущественные двигатели мануфактурной и торговой промышленности заключаются въ обширности рынковъ и въ прочности и обезпеченности сбыта. Только при существованіи значительнаго количества состоятельныхъ потребителей возможно и удобовыполнимо раздѣленіе труда, усовершенствованіе способовъ производства, размноженіе предпріятій и вообще увеличеніе тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ промышленный трудъ черпаетъ средства для своей поддержки и развитія. Какимъ же образомъ дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи большая и малая обработка?

Страна, въ которой преобладаетъ большая собственность и большая обработка, вслѣдствіе сокращенія человѣческаго труда, производитъ такое количество, которое далеко превосходитъ потребности земледѣльческаго народонаселенія, состоящаго изъ небольшого количества собственниковъ и поденщиковъ, и потому необходимо должна содержать или многочисленное промышленное народонаселеніе, или вывозить излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ въ чужія страны.

Въ послѣднемъ случаѣ, подобная страна должна вывозить не потому, что она пользуется отъ природы плодородіемъ, не потому, что земледѣльцу представляется естественное богатство дѣвственной, нетронутой почвы, требующей самаго незначительнаго оборотнаго капитала, не потому, наконецъ, что она можетъ легче и дешевле производить земледѣльческіе продукты, нежели другія страны и получать такимъ образомъ значительную прибыль; но исключительно потому, что этого требуетъ внутреннее устройство ея хозяйства, ибо въ странѣ, гдѣ поземельная собственность сосредоточена, большая часть поземельнаго дохода скопляется въ рукахъ немногихъ лицъ, потребности которыхъ обращены преимущественно на удобства,

роскошь, высшее образованіе; вслѣдствіе чего въ странѣ могутъ развиваться только утонченныя, высшія промышленности, удовлетворяющія потребностямъ роскоши и моды. Такъ какъ при такомъ положеніи обыкновенно внутренняя промышленность бываетъ недостаточно развита, чтобы удовлетворять подобнымъ потребностямъ, то онѣ главнымъ образомъ удовлетворяются заграничнымъ привозомъ, что безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствуетъ самымъ вреднымъ образомъ на развитіе внутренней промышленности. Но этого мало: вывозъ за границу требуетъ, чтобы хлѣбъ производился возможно дешевле; поэтому постоянно нужно сокращать издержки производства, увеличивать размѣры помѣстій, уменьшать количество земледѣльческаго населенія. Но сокращеніе издержекъ производства, при застоѣ земледѣльческаго искусства, возможно только при болѣе экстензивномъ хозяйствѣ. Отсюда постоянное превращеніе пахатныхъ земель въ пастбища, уменьшеніе количества валоваго производства, уменьшеніе населенія, запустѣніе полей и городовъ и возвращеніе къ пастушескому быту, гдѣ снова порождается страшное неравенство, скопленіе богатствъ съ одной стороны, постепенное обѣдненіе другихъ. Такова была исторія древняго Рима, Испаніи, Римской области, Мекленбурга.

Но кромѣ этого случая, при существованіи большихъ помѣстій и обусловливаемой ими большой обработкѣ, можетъ быть другой, именно тотъ, когда излишекъ продуктовъ земледѣльческаго производства идетъ на содержаніе многочисленнаго промышленнаго населенія. Здѣсь мы видимъ нѣсколько другія явленія, тѣмъ не менѣе столь же нерадостныя. Такое положеніе, вызываемое не состояніемъ всемірной торговли, но внутреннимъ устройствомъ общества, можетъ также представлять множество весьма печальныхъ послѣдствій. Вслѣдствіе сосредоточенія всего капитальнаго и поземельнаго дохода

въ рукахъ немногихъ лицъ, вслѣдствіе бѣдности и ничтожности средствъ остальнаго народонаселенія, исключительно живущаго заработною платою, внутренняя промышленность должна существовать не внутреннимъ запросомъ и потребленіемъ, а главнымъ образомъ разсчитывать на отдаленные чужестранные рынки и подвергаться всѣмъ бѣдствіямъ, происходящимъ отъ коммерческихъ кризисовъ, перемѣнъ въ тарифахъ иностранныхъ государствъ, измѣненій въ потребностяхъ, конкуренціи другихъ государствъ, возникновенія подобныхъ же промышленныхъ въ мѣстѣ сбыта и т. д. Чтобы вполне убѣдиться въ этомъ стоить только взглянуть на Англію. Съ какимъ трудомъ борется она противъ неудобствъ, происходящихъ отъ отсутствія вѣрныхъ и обезпеченныхъ рынковъ. Ни одна страна не имѣетъ столь изобильныхъ капиталовъ; ни одна страна не осуществила столько чудесъ промышленнаго искусства, не открыла себѣ столь обширныхъ рынковъ и между тѣмъ ни одна страна не подвергается столь часто гибельнымъ кризисамъ. Это потому, что отдаленные рынки, не позволяющіе предвидѣть всѣхъ колебаній, происходящихъ въ нихъ, составляютъ только слабое вознагражденіе недостаточнаго числа внутреннихъ потребителей. Тщетно спекулянты и фабриканты соображаютъ всѣ данные опыта: непредвидѣнныя случайности обманываютъ всѣ ихъ соображенія; рынки, на которые они разсчитывали, отказываются принять ихъ товары; начинается накопленіе произведеній, остановка въ промышленности; мануфактуристы сокращаютъ свое производство и промышленное народонаселеніе, передъ которымъ внезапно закрываются мастерскія и фабрики, оказывается излишнимъ и въ ожиданіи будущей продажи, подвергается бѣдствіямъ, отъ которыхъ не можетъ освободить его самая неутомимая дѣятельность, и которыя продолжаютъ свирѣпствовать до тѣхъ поръ, пока не возстановится равновѣсіе. Сознаніе неудобства

подобнаго положенія дѣль чувствуется все болѣе и болѣе въ самой Англіи. Вотъ что читаемъ мы въ одномъ земледѣльческомъ журналѣ:

«Есть много основаній полагать, что благосостояніе Англіи до тѣхъ поръ будетъ лежать на шаткихъ основаніяхъ, пока мануфактурное народонаселеніе ея будетъ значительно превышать продовольственные средства, доставляемыя ей земледѣліемъ, пока народная энергія будетъ обращена на то, чтобы сдѣлать Англію всемірною лавкою, какъ будто назначеніе ея состоитъ въ продажѣ бумажныхъ тканей копѣйкою дешевле на аршинъ, чѣмъ всякая другая нація. Сосредоточеніе народнаго богатства въ мануфактурной дѣятельности повлечетъ за собою плачевныя послѣдствія: множество капиталовъ пустятся въ приготовленіе фабричныхъ произведеній, требованіе на которыя естественно должно имѣть свои границы; они, наконецъ, дойдутъ до того, что будутъ заниматься лишь фабрикаціею, не производя новыхъ цѣнностей, потому что трудъ фабриканта, обращенный на существующій уже матеріалъ, сообщаетъ этому послѣднему новую цѣнность только тогда лишь, когда рынки не преизобилуютъ товаромъ. Фабриканты не создаютъ такихъ предметовъ, которые имѣютъ существенную и постоянную цѣнность, какъ хлѣбныя и мясныя продукты, которыми никогда не могутъ быть переполнены рынки. Капиталъ, употребленный на мануфактурную дѣятельность, доставляетъ работу ремесленнику и извѣстный процентъ фабриканту; употребленный же на обработку земли, онъ приноситъ не только тѣ же выгоды хлѣбопашцу и землевладѣльцу, но еще увеличиваетъ естественную производительность земли и дѣлаетъ ее на долгое время способною поддерживать существованіе увеличивающагося числа человѣческихъ существъ и животныхъ, приносящихъ пользу человѣку. Поэтому благосостояніе, вытекающее изъ успѣховъ земледѣлія

зидается на болѣе прочныхъ основаніяхъ, чѣмъ то, которое доставляетъ народу торговля и промышленность» ¹⁾).

«Намъ скажутъ, замѣчаетъ далѣе авторъ, что все это справедливо; но гдѣ же, спрашивается, взять землю для бѣдняковъ, не лишая богатыхъ земледѣльцевъ и не подвергая передѣлу всей поземельной собственности въ государствѣ?» На этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ, что въ Великобританіи имѣется еще 14,304,000 акровъ пустопорожней, способной къ воздѣлыванію земли. «Отчего, говоритъ онъ, земли эти остаются въ ихъ естественномъ состояніи, къ явному ущербу общества? Отчего, при такомъ изобиліи земель, англійское сельское народонаселеніе вынуждается отправляться за тридевять земель, чтобы удовлетворить естественному желанію пріобрѣсть въ собственность клочокъ земли? Отчего при ежегодно уменьшающемся числѣ работниковъ, занимающихся земледѣліемъ не попробовать привязать наше сельское населеніе къ ихъ родинѣ, сдѣлавъ ихъ участниками въ землевладѣніи въ той мѣрѣ, въ какой позволяютъ обстоятельства? Если наши читатели согласны съ нашимъ мнѣніемъ, но тревожатся при мысли, объ общемъ передѣлѣ земель во всемъ государствѣ, то мы скажемъ имъ на это, что мы и не думаемъ предлагать такого передѣла; пусть каждый продолжаетъ владѣть своею поземельною собственностью, въ какихъ бы огромныхъ размѣрахъ она ни была, но мы просимъ такого владѣльца сказать намъ только согласна ли съ достоинствомъ человѣка роль собаки, которая лежитъ на снѣгъ и сама не ѣстъ и другимъ не даетъ».

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что преобладаніе большихъ хозяйствъ и большой обработки, порождая въ Англіи дисгармонію между земледѣльческимъ и промышленнымъ наро-

¹⁾ «О поземельной собственности въ Англіи» *Journal of agriculture*, пер. въ *Земл. Газетѣ* 1858 года № 93.

донаселеніемъ, приводитъ ее къ необходимости обращаться къ отдаленнымъ рынкамъ, подвергаетъ всѣмъ бѣдствіямъ, сопряженнымъ съ подобнымъ положеніемъ, дѣлаетъ наконецъ непрочнымъ самое существованіе ея. Совершенно было бы иначе, если бы Англія получала излишекъ, необходимый для содержанія нынѣшняго промышленнаго торговаго народонаселенія, посредствомъ земледѣльской системы, которая производила бы подобный же излишекъ при помощи болѣе значительной затраты человѣческаго труда, слѣдовательно при помощи бѣльшаго земледѣльческаго народонаселенія. Предположимъ, что на мѣсто ея большихъ фермъ, занимающихъ только 29% народонаселенія, она имѣла бы мелкія, которыя, подобно фландрскимъ, занимали бы 40% народонаселенія. Тогда къ тому же числу жителей, которое существуетъ нынѣ, присоединилось бы еще нѣсколько милліоновъ земледѣльцевъ, и это было бы вполне достаточно, чтобы обезпечить ее отъ большей части тѣхъ потрясеній, которымъ она подвергается нынѣ.

Порожденное такимъ образомъ добавочное количество потребителей, усиливъ требованія, поддерживающія мануфактурную промышленность, содѣйствовало бы значительному расширенію рынка для прочихъ классовъ. Излишекъ земледѣльческаго народонаселенія, обусловливаемый мелкою обработкою, не можетъ существовать только одними произведеніями земли. Онъ необходимо нуждается въ жилищахъ, одеждѣ, орудіяхъ и въ другихъ мануфактурныхъ произведеніяхъ. На пріобрѣтеніе этихъ предметовъ идетъ часть его дохода, получаемого въ видѣ ренты, барыша или заработной платы, доставляемой земледѣльческою промышленностью, и очевидно, что, доходя до промышленныхъ классовъ, доходъ этотъ увеличиваетъ средства ихъ жизни, позволяетъ имъ въ бѣльшихъ размѣрахъ проявить свои силы, обезпечиваетъ, наконецъ, рабочимъ промышленнаго

класса лучшее и болѣе вѣрное вознагражденіе за ихъ труды. Послѣдній результатъ является естественнымъ слѣдствіемъ болѣе прочной сбыта, обусловливаемой постояннымъ требованіемъ земледѣльческаго народонаселенія. Хотя капиталы, употребленные на разнаго рода промышленности, по естественному закону промышленнаго равновѣсія, стремятся дать одинаковые проценты, тѣмъ не менѣе не всѣ роды промышленности равно обезпечиваютъ довольство тѣхъ, существованіе которыхъ зависитъ отъ нихъ. Въ этомъ отношеніи огромное значеніе имѣетъ правильность, съ которою различнаго рода промыслы распредѣляютъ заработную плату. Поэтому очевидно, что въ интересахъ рабочаго класса тѣ роды промышленности, произведенія которыхъ назначены для вывоза на отдаленные рынки или для удовлетворенія изящнаго и измѣнчиваго вкуса богатыхъ лицъ, какъ это обыкновенно бываетъ при существованіи большихъ помѣстій и большой обработки, никогда не могутъ имѣть того достоинства, какъ тѣ роды промышленности, которые работаютъ для удовлетворенія болѣе существенныхъ потребностей большинства и не опасаются потрясеній, происходящихъ отъ измѣнчиваго каприза моды или случайностей спекуляціи. Въ этомъ отношеніи потребленіе излишка народонаселенія, обусловливаемого мелкою обработкою, благопріятствуетъ именно послѣдняго рода промышленностямъ; ибо семейства, составляющія этотъ излишекъ, требуютъ не столько продуктовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ роскоши и утонченнаго вкуса, сколько громаднаго количества произведеній, необходимость которыхъ обезпечиваетъ имъ правильный сбытъ. Очевидно, что чѣмъ болѣе многочисленны эти семейства, тѣмъ болѣе требованія ихъ, къ выгодѣ промышленнаго класса, содѣйствуютъ увеличенію количества именно тѣхъ занятій, прочность которыхъ обусловливаетъ имъ самое продолжительное благосостояніе.

Итакъ очевидно, что мелкая, естественно развивавшаяся обработка крестьянами-собственниками, оказывая благопріятное вліяніе на производство страны, на положеніе народонаселенія, на правильное размноженіе его, является столь же благодѣтельною и относительно развитія промышленности и торговли. Нѣтъ ничего ошибочнѣе поэтому мнѣнія, утверждающаго, что чѣмъ менѣе обработка занимаетъ рукъ, тѣмъ болѣе она оставляетъ ихъ въ распоряженіи фабрикъ и торговли, и что, чѣмъ меньше земледѣльцевъ въ странѣ, тѣмъ болѣе процвѣтаетъ промышленность. Истина заключается въ совершенно противоположномъ, потому что ничто такъ не содѣйствуетъ дѣятельности и благосостоянію земледѣльческихъ классовъ, какъ существованіе значительнаго количества потребителей мануфактурныхъ произведеній. Въ этомъ же отношеніи мелкая обработка, преимущественно же обработка крестьянами-собственниками, обусловливающая при равномъ чистомъ доходѣ болѣе валовой доходъ, питаетъ болѣе многочисленное земледѣльческое народонаселеніе, которое притомъ, пользуясь болѣе благосостояніемъ, нежели какимъ пользуется подобное же народонаселеніе при большой обработкѣ, доставляетъ несравненно болѣе могущественное поощреніе фабрикамъ и ремесламъ, нежели незначительное число богатыхъ владѣльцевъ и множество поденщиковъ и слугъ, едва удовлетворяющихъ посредствомъ заработной платы самымъ необходимымъ жизненнымъ потребностямъ. Такимъ образомъ, мелкая обработка, столь благопріятная во всѣхъ отношеніяхъ для земледѣльческаго класса, оказываетъ въ то же время благопріятное косвенное вліяніе и на благосостояніе самаго промышленнаго народонаселенія, обезпечивая ему два существенныхъ условія благосостоянія и процвѣтанія его -- обширность и прочность рынковъ, слѣдовательно увѣренность въ запросъ труда и въ средствахъ существованія.

ГЛАВА VI.

ВЛІЯНІЕ ОБРАБОТКИ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ НА ГРАЖДАНСКОЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ОБЩЕСТВЪ.

Мы прослѣдили вліяніе обработки крестьянами-собственниками на производство и благосостояніе народа, на его нравственное и умственное развитіе, на размноженіе народонаселенія, на промышленность и торговлю. Какъ ни разнообразны эти стороны, тѣмъ не менѣе онѣ не изчерпываютъ предмета во всей его полнотѣ. Болѣе или менѣе широкое распространеніе обработки крестьянами-собственниками имѣетъ весьма важное вліяніе на характеръ гражданского и государственнаго устройства обществъ. Количество лицъ, владѣющихъ поземельною собственностью въ государствѣ, отношеніе земледѣльческаго народонаселенія къ прочему народонаселенію, нравственные качества, порождаемыя распредѣленіемъ поземельной собственности — всѣ эти стороны находятся въ тѣсной связи съ государственными и политическими учрежденіями страны, обусловливаютъ внутреннее устройство, сословныя отношенія, крѣпость и силу государства, внѣшнюю безопасность и политическое могущество, словомъ, весь строй общественной и государственной жизни. Понятно, почему поземельное устройство постоянно привлекало къ себѣ особенное вниманіе всѣхъ наиболѣе замѣчательныхъ законодателей и правителей. Исторія свидѣтельствуетъ, что ни одинъ вопросъ общественной жизни никогда не волновалъ и не потрясалъ такъ сильно человѣческихъ обществъ, какъ вопросъ о пріобрѣтеніи и распредѣленіи поземельной собственности и соединенныхъ съ нею политическихъ правъ. Подъ знаменемъ поземельныхъ за-

коновъ постоянно толпились различныя народно-хозяйственныя, соціальныя, и политическія партіи. Болѣе или менѣе правильное рѣшеніе этого вопроса обусловливало собою характеръ и ходъ историческаго развитія всѣхъ существовавшихъ государствъ. Отсюда очевидно, какъ важно для политико-эконома прослѣдить вліяніе, оказываемое обработкою крестьянами-собственниками на гражданское и государственное устройство обществъ. Не имѣя намѣренія вдаваться въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мы не можемъ однако оставить его совершенно безъ вниманія, и потому рѣшаемся указать на нѣкоторыя главныя и существенныя черты.

Предшествовавшее изслѣдованіе служитъ достаточнымъ основаніемъ заключить, что обработка, имѣющая столь благотворное вліяніе на производство богатствъ, на матеріальное, нравственное и умственное развитіе народа, на правильное размноженіе его, необходимо должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣть столь же благотворное вліяніе на внутреннюю организацію общества, на взаимное отношеніе членовъ его, на политическое значеніе и могущество государствъ.

Дѣйствительно, въ государствахъ, гдѣ законы и общественныя учрежденія благопріятствуютъ или, по крайней мѣрѣ, не препятствуютъ развитію мелкой свободной крестьянской собственности, мы видимъ, что поземельная собственность распространяется сообразно потребностямъ обработки и порождаетъ собою многочисленную массу самостоятельнаго, свободного и независимаго земледѣльческаго народонаселенія. Какое же вліяніе можетъ оказывать преобладаніе подобной массы земледѣльческаго народонаселенія на гражданское и государственное устройство страны сравнительно съ тою массою земледѣльческаго народонаселенія, которая существуетъ при большой обработкѣ и собственности и состоитъ изъ нѣсколькихъ богатыхъ поземельныхъ собственниковъ и громаднаго количе-

ства бѣдныхъ поденщиковъ, работниковъ и, въ лучшемъ случаѣ, арендаторовъ?

Нѣтъ сомнѣнія, во первыхъ, что преобладаніе мелкой свободной крестьянской собственности, содѣйствуя болѣе развитой и самостоятельной жизни отдѣльныхъ сельскихъ общинъ, способствуетъ облегченію государственнаго управленія, обезпечиваетъ народу бѣольшую долю свободы и самостоятельности, и такимъ образомъ приводитъ къ болѣе правильному гражданскому порядку и къ болѣе полному осуществленію главной цѣли всякаго общественнаго сожитія.

Самостоятельное существованіе сельскихъ общинъ или совершенно невозможно въ странахъ, гдѣ исключительно господствуетъ большая поземельная собственность, или если и бываетъ, то не имѣетъ никакого дѣйствительнаго смысла и значенія. Земледѣльческое народонаселеніе, состоящее изъ лицъ, вполнѣ зависящихъ отъ произвола небольшого количества поземельныхъ владѣльцевъ, никогда не можетъ составлять свободныхъ, независимыхъ общинъ; но всегда будетъ находиться подъ вліяніемъ богатыхъ поземельныхъ владѣльцевъ, въ рукахъ которыхъ посредственно или непосредственно будетъ сосредоточена полицейская, административная и судебная власть. Въ этомъ убѣждаетъ исторія развитія всѣхъ государствъ, свидѣтельствующая, что большая поземельная собственность всегда служила могущественною опорою для господства незначительнаго числа лицъ, которыя, вопреки всѣмъ требованіямъ законности и справедливости, окружали себя различными преимуществами, привилегіями и правами. Большая поземельная собственность породила рабство въ древнемъ мірѣ, феодальное устройство средне-вѣковыхъ государствъ, крѣпостное право и другія болѣе или менѣе тягостныя поземельныя и личныя отношенія, привилегіи и права, съ которыми человѣчество донынѣ ведетъ самую упорную борьбу съ той самой минуты,

какъ, на ряду съ поземельною собственностью, возникла новая сила движимаго богатства и капитала, давшая правительствамъ прочную точку опоры для противодѣйствія исключительному преобладанію большой поземельной собственности и для уравненія политическихъ и гражданскихъ правъ всѣхъ подданныхъ.

Совершенно иначе бываетъ при раздробленіи поземельной собственности и полной свободѣ пріобрѣтать ее. Сельское населеніе въ подобномъ случаѣ состоитъ изъ самостоятельныхъ, независимыхъ собственниковъ, равноправныхъ гражданъ, изъ которыхъ каждый принимаетъ самое живое и сильное участіе въ общинныхъ дѣлахъ, потому что все, что дѣлаетъ община, касается и близко затрогиваетъ его личные интересы, и потому что онъ своимъ голосомъ можетъ имѣть важное вліяніе на рѣшеніе дѣлъ. Очевидно, что здѣсь, вслѣдствіе разнообразія отношеній, порождаемыхъ собственностью, спорами о ней, займами, раскладкою податей и вообще бѣльшаго столкновенія личныхъ и имущественныхъ интересовъ, возникаетъ несравненно болѣе оживленная, свободная и дѣятельная общинная жизнь, болѣе сложное судебное, полицейское и финансовое управленіе, столь благотворно дѣйствующее на развитіе самостоятельности сельскаго народонаселенія съ точки зрѣнія личной и политической свободы.

Не менѣе благопріятно дѣйствуетъ свободная крестьянская собственность на взаимныя отношенія различныхъ классовъ и сословіи въ государствѣ. Въ этомъ отношеніи между большой и малой собственностью существуетъ столь же рѣзкая разница, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Въ странахъ, гдѣ преобладаетъ большая собственность, бѣдное и зависимое народонаселеніе поденщиковъ, работниковъ и мелкихъ арендаторовъ, враждебно смотритъ на своихъ хозяевъ и господъ, какъ на притѣснителей, пользуется каждымъ случаемъ выразить свою ненависть и вражду противъ нихъ, охотно слуша-

етъ рѣчи возмущающихъ демагоговъ, и при первой вспышкѣ революціонныхъ страстей, при первомъ порывѣ революціонной бури, тотчасъ же пристаеъ къ революціонной партіи; ибо при этомъ ничего не теряетъ, но напротивъ имѣетъ надежду многое выиграть. Даже въ самой Англіи, несмотря на достоинство ея политическихъ учрежденій, несмотря на громадное промышленное и торговое богатство, отчасти вознаграждающее недостатокъ поземельнаго устройства, земледѣльческое и вообще рабочее народонаселеніе слишкомъ склонно къ общественнымъ переворотамъ, и не разъ уже проявляло духъ, одушевляющій его. «Большинство у насъ, говоритъ Кэй, глубоко заинтересовано въ общественномъ переворотѣ, надѣясь пріобрѣсти часть обширныхъ помѣстій аристократіи или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую долю обширныхъ невоздѣланныхъ пространствъ. Они говорятъ: намъ нечего терять вслѣдствіе общественнаго переворота; мы не можемъ быть бѣднѣе и несчастнѣе, но можемъ многое выиграть. Подобнымъ образомъ у насъ разсуждаютъ значительныя массы не только городского, но и сельскаго народонаселенія, постоянно находящіеся въ распоряженіи перваго демагога, который вздумаетъ возбудить ихъ дремлющее чувство. Симптомы этой затаенной страсти проявлялись повременамъ то въ заговорѣ Реввеки, то въ чартистскомъ движеніи, то въ возстаніяхъ и пожарахъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; наконецъ, въ постоянномъ возстаніи Ирландіи и служатъ предостереженіемъ ежеминутно готоваго вспыхнуть волкана» ¹⁾).

¹⁾ Kay «The social condit. and educat. of the people», ч I, стр. 276 — Бунты въ Ирландіи повторялись въ 1760, 1772, 1806, 1811, 1815, 1820, 1821, 1823, 1829, 1831, 1832, 1833, 1837, и являлись подъ названіями: White-Boys, Oak-Boys, Steel-Boys, Right-Boys и т. д. Gust. de Beaumont «L'Irlande sociale, politique et religieuse, т. I, стр. 248.

Совершенно противоположную этому картину представляютъ тѣ страны, гдѣ, какъ въ Германіи, Швейцаріи, Бельгіи, Швеціи, Норвегіи, главная масса земледѣльческаго народонаселенія состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ. Тамъ нѣтъ тайной вражды между одною и другою частью земледѣльческаго народонаселенія, нѣтъ возмущеній между сельскимъ населеніемъ, нѣтъ поджигателей и истребителей чужаго имущества. Крестьяне-собственники этихъ странъ не только не имѣютъ причинъ завидовать или ненавидѣть владѣльцевъ большихъ помѣстій, но, напротивъ, расположены соединиться съ ними для защиты общихъ правъ отъ нападеній. Они глубоко заинтересованы въ сохраненіи общественнаго мира и страшатся всѣхъ потрясеній, въ которыхъ могутъ потерять все. Но не только крестьяне, владѣющіе поземельною собственностью, но даже и тѣ, которые не успѣли еще пріобрѣсти ее, никогда не будутъ мятежными, ибо не имѣютъ причинъ къ тому. Каждый крестьянинъ знаетъ, что его благосостояніе и общественное положеніе вполне зависятъ отъ его собственной энергіи. Онъ знаетъ, что если не пріобрѣлъ себѣ земли въ собственность, то въ этомъ исключительно самъ виноватъ. Онъ знаетъ, что никакой законъ, никакое учрежденіе не препятствуютъ его благосостоянію и не уменьшаютъ дохода отъ его труда; что ни одинъ классъ лицъ не является болѣе благопріятствуемымъ, нежели его собственный; что онъ ничего не можетъ ожидать отъ общественной перемѣны, кромѣ уменьшенія налоговъ и улучшенія образованія. Поэтому онъ сознаетъ, что общественный переворотъ не можетъ принести ему пользы, но напротивъ можетъ лишить его многихъ выгодъ, которыми онъ пользуется. Поэтому онъ противникъ всякаго рода переворотовъ; онъ естественно и вслѣдствіе побужденій личнаго интереса является приверженцемъ сильнаго и мирнаго правленія. Даже примѣръ Франціи, несмотря на ея частыя революціи, не

только не составляет исключенія изъ этого правила, но, напротивъ, подтверждаетъ истинность его. Въ послѣднее время тамъ весьма часто происходили народныя волненія и политическіе перевороты; но, за исключеніемъ великой революціи, когда крестьяне поднялись для освобожденія себя и собственности отъ гнета феодальнаго дворянства, они не происходили въ сельскихъ округахъ. Земледѣльцы не только не участвовали въ нихъ, но, напротивъ, всегда стояли за порядокъ. «Французскій крестьянинъ, говоритъ Инглисъ, не политикъ: онъ предоставляетъ устройство государственныхъ дѣлъ жителямъ городовъ; онъ съ благодарностью принимаетъ предлагаемыя ему благодѣянія политической свободы и гордится тѣмъ, что онъ Французъ; но подобныя дѣла не занимаютъ его ума, и если бы дѣло шло о томъ, долженъ ли онъ присутствовать на политическомъ сборищѣ или на сельскомъ праздникѣ, то онъ не задумался бы прицѣпить цвѣтокъ къ своей груди и ленту къ своей шляпѣ и отправился бы на сельскій лугъ» ¹⁾. «Съ тѣхъ поръ, какъ во Франціи число собственниковъ болѣе нежели утроилось, говоритъ Шапталъ (*De l'industrie française*), любители безпорядковъ не находятъ болѣе поддержки въ селахъ». «Страна мелкихъ собственниковъ, говоритъ Бульверъ, можетъ знать много переворотовъ, но она не знаетъ конвульсій, и если революція 1830 года отличалась отъ 1789, то это потому что первая была революціею бѣдняковъ, другая революціею собственниковъ» ²⁾. «Двѣ страны, говоритъ Гаспаренъ, которыя въ новѣйшее время испытали наиболѣе сильныя потрясенія отъ развитія соціалистическихъ идей, Франція и Швейцарія, могли совершить двѣ политическія революціи, не доводя общественнаго порядка до совершеннаго разрушенія. Разлившій-

¹⁾ Inglis • *Switzerland and south of the France*., ч. 2. стр. 241.

²⁾ Bulwer • *The monarchy of the middle classes*».

ся революціонный потокъ, не имѣя содѣйствія въ земледѣльческомъ народонаселеніи, долженъ былъ остановиться, когда захотѣлъ перейти границы политическихъ реформъ и обратиться на разрушеніе существующихъ основъ общества. Препградой ему послужила преимущественно мелкая собственность, которая составляетъ лучшую гарантію противъ уклоненій общества отъ здравыхъ началъ и несправедливыхъ стремленій». «Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ женеvскій ученый Шербюлье, что въ Швейцаріи именно дробность поземельной собственности, а не что другое, предохранило нашу страну отъ послѣдствій болѣе горестныхъ, чѣмъ тѣ, которыя она испытала» ¹⁾. По словамъ Кэя, среди всеобщаго революціоннаго возбужденія 1848 года, крестьяне-собственники Франціи, Германіи, Голландіи и Швейцаріи почти повсемѣстно стояли на сторонѣ порядка противъ революціонныхъ крайностей, и только въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ земля была сосредоточена въ рукахъ немногихъ лицъ, какъ напр. въ польскихъ провинціяхъ Пруссіи и Австріи, въ Богеміи и нѣкоторыхъ частяхъ южной Германіи, крестьяне оказались мятежными. Въ Пруссіи они посылали депутацію за депутаціею къ Фридриху Вильгельму съ заявленіями своей преданности; въ одной провинціи крестьяне-собственники избрали даже брата его своимъ представителемъ; въ другихъ же посредствомъ адресовъ и выборовъ также старались заявить, какъ сильно стремленія ихъ были противоположны стремленіямъ анархической партіи въ Берлинѣ. Возстанія, вспыхнувшія въ Германіи, по преимуществу проявились въ большихъ городахъ среди того бѣднаго городского класса, который не владѣетъ никакою собственностью и нисколько лично не заинтересованъ въ сохраненіи общественнаго порядка и спокойствія.

²⁾ Воловскаго «О поземелн. кредитѣ», Сельс. Благ. 1858. № 1.

Геккеръ и Струве, переходившіе изъ деревни въ деревню, несмотря на ихъ подкупы и угрозы, не находили себѣ приверженцевъ между крестьянами-собственниками и главнымъ образомъ вербовали ихъ среди городскихъ жителей ¹⁾).

Всѣ эти примѣры, къ которымъ можно присоединить еще множество другихъ, показываютъ, что владѣніе поземельною собственностью съ особенною силою выдвигаетъ охранительный, консервативный элементъ въ обществѣ, способствующій установленію самаго прочнаго порядка. Этотъ элементъ свойственъ вообще земледѣльческому классу уже по самому характеру его занятій, подчиненныхъ неизмѣннымъ законамъ природы и ея мимопреходящимъ явленіямъ, привязывающихъ человѣка къ почвѣ его питающей, обусловливающихъ успѣхъ не столько вслѣдствіе смѣлости и изобрѣтательности, сколько вслѣдствіе труда, терпѣнія и бережливости; наконецъ, осуждающихъ его на болѣе уединенную жизнь, сосредоточенную въ семейномъ кругу, гдѣ наиболѣе сохраняются старинныя преданія, добрыя нравы и обычаи. Но если это чувство консерватизма свойственно вообще земледѣльческому классу, то наибольшей степени своего развитія достигаетъ оно въ крестьянахъ-собственникахъ, которые, владѣя небольшими участками земли, имѣютъ еще болѣе причинъ дорожить существующимъ порядкомъ. Никогда человѣкъ не сознаетъ такъ хорошо необходимости законовъ, покровительствующихъ собственности, какъ тогда, когда онъ самъ владѣетъ ею. Каждого поземельнаго собственника поэтому справедливо считаютъ акціонеромъ государственной области, цѣна акцій котораго возрастаетъ и падаетъ по мѣрѣ безопасности и хорошаго или худаго управленія цѣлаго. Понятно, почему онъ долженъ болѣе всего заботиться о сохраненіи во что бы то ни стало общественнаго по-

¹⁾ Kay «The social cond. and educ. of the people», ч. I, стр. 273.

рядка, столь необходимаго для обезпеченія его собственности, для его жизни и занятій. Подобный земледѣлецъ, почерпая главнымъ образомъ средства для своего существованія изъ мирнаго занятія земледѣльческимъ промысломъ, не имѣетъ времени задумываться надъ системами перерожденія общества; ибо знаетъ, что трудъ, благоразуміе и бережливость всегда доставятъ ему средства безбѣдно и независимо прожить свой вѣкъ, и потому никогда не рѣшится рисковать своимъ небольшимъ имуществомъ, принявъ участіе въ общественныхъ переворотахъ и революціяхъ. Эти качества дѣлаютъ мелкаго землевладѣльца драгоцѣннымъ членомъ общества, потому что въ нихъ заключается самая прочная гарантія внутренняго порядка и общественнаго спокойствія.

Отсюда очевидно, что относительно внутренней крѣпости прочности и устойчивости государства, относительно соблюденія внутренняго мира, спокойствія и порядка, для государства несравненно выгоднѣе имѣть здоровое и сильное земледѣльческое народонаселеніе, главнымъ образомъ состоящее изъ самостоятельныхъ крестьянъ-собственниковъ, нежели небольшое число богатыхъ владѣльцевъ и массу необезпеченныхъ поденщиковъ, работниковъ и слугъ, составляющихъ постоянный элементъ броженія.

Тоже можно сказать о крестьянахъ-собственникахъ относительно внѣшней безопасности и политическаго могущества и значенія страны. Поземельная собственность есть мать и кормилица патріотизма. Крестьянинъ-собственникъ, связанный неразрывными узами съ почвой его питающею, не замедлитъ вооружиться для защиты своей родины, собственности, наслѣдства дѣтей съ энергіею, всегда пылкою при защитѣ матеріальныхъ интересовъ. Фактъ, что онъ владѣетъ поземельною собственностью, что онъ пользуется полноправіемъ наравнѣ съ прочими членами общества, вызываетъ въ немъ самое

горячее сочувствіе къ прочности, славѣ и могуществу своего отечества и правительства. Хотя по характеру онъ не любитъ войны, даже страшится ея и болѣе склоненъ къ миру, необходимому для его трудовой жизни и спокойнаго владѣнія его собственностью, тѣмъ не менѣе, когда потребуютъ обстоятельства, онъ можетъ быть самымъ мужественнымъ и стойкимъ воиномъ. Къ этому приготовляетъ его самая жизнь и занятіе. Дѣйствительно, земледѣльческій промыслъ, находящійся въ столь сильной зависимости отъ стихій и силъ природы, приучаетъ человѣка уступать необходимости, слѣдовательно развиваетъ въ немъ способность къ повиновенію, а здоровая работа въ полѣ, на чистомъ воздухѣ, закаляющая физическія силы человѣка, дѣлаетъ его наиболѣе способнымъ переносить всѣ тревоги и лишенія военной жизни. Уже Римляне говорили: «ex agricolis et viri fortissimi et milites strenuissimi gignuntur». Вся исторія Рима служитъ подтвержденіемъ этой истины. Въ то время, когда собственность была равномерно распределена между гражданами, когда земледѣліемъ занимались наиболѣе знаменитые граждане, величіе и могущество Рима постоянно возрастали; напротивъ, сосредоточеніемъ поземельной собственности въ громадныхъ размѣрахъ, съ исчезновеніемъ свободнаго сословія крестьянъ, Римская имперія падала все болѣе и болѣе по недостатку лицъ, заинтересованныхъ въ защитѣ отечества, и наконецъ, окончательно погибла подъ напоромъ варваровъ. Та же причина объясняетъ печальное положеніе Франціи въ теченіи IX, X и XI столѣтій, когда нѣсколько сотъ Нормановъ безнаказанно грабили и разоряли обширную страну. Подобные же примѣры представляетъ исторія всѣхъ другихъ народовъ, свидѣтельствующая, что паденіе политическаго могущества и независимости государствъ совершалось главнымъ образомъ вслѣдствіе угнетеннаго и печальнаго положенія низшихъ классовъ народа, нисколько не

заинтересованных мужественно поддерживать порядок, не обезпечивающій имъ никакихъ правъ и никакой возможности улучшенія ихъ быта. Напротивъ, всюду, гдѣ существовало многочисленное независимое сословіе крестьянъ-собственниковъ — въ Швейцаріи и Тиролѣ, въ Швеціи при Густавѣ Адольфѣ, въ Норвегіи въ теченіи всей ея исторіи, въ Англіи среднихъ вѣковъ, — всюду оно самымъ могущественнымъ образомъ содѣйствовало свободѣ и независимости, славѣ и величію своего отечества. Делавернъ въ слѣдующихъ одушевленныхъ словахъ описываетъ общественную роль французскаго крестьянина: «Во всѣхъ нашихъ великихъ историческихъ кризисахъ, французскій крестьянинъ, такъ хорошо олицетворенный въ лицѣ Жака Бонома, является нашимъ спасителемъ и избавляетъ насъ отъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Обратитесь къ крестовымъ походамъ, къ феодальнымъ войнамъ, къ войнамъ противъ Англичанъ, къ религіознымъ войнамъ, къ италіянскимъ войнамъ, къ войнамъ Людовика XIV, революціи и имперіи, — всегда Жакъ Бономъ исправляетъ зло, совершенное другими. Тотъ же Жакъ Бономъ вынесъ всю тяжесть послѣдней революціи и послѣдней войны; онъ геройски переносилъ печальныя испытанія голода, несравненно болѣе смертоноснаго въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Онъ не уставалъ съ непоколебимымъ упорствомъ воздѣлывать родную землю, и навѣрно извлечетъ изъ нея новые плоды. Ряды его значительно порѣдѣли съ нѣкотораго времени, но еще остается довольно, лишь бы ихъ не уменьшали болѣе. Онъ незнакомъ съ наслажденіями роскоши, съ случайными выигрышами, съ горячечнымъ честолюбіемъ и владѣетъ еще мужественными доблестями и производительными инстинктами своихъ отцовъ. Предоставьте ему свободу дѣйствовать, и онъ не замедлитъ, безъ шума и пышности, вскорѣ возвратитъ вамъ, если не то, что вы потеряли, то по-

крайней мѣрѣ все, что можетъ сдѣлать трудъ и экономія для произведенія новыхъ богатствъ».

Но мелкая обработка крестьянами-собственниками содѣйствуетъ силѣ и могуществу государства не только тѣмъ, что порождаетъ болѣе заинтересованное и болѣе способное къ защитѣ страны народонаселеніе, но также и тѣмъ, что, содѣйствуя производству, развитію народонаселенія и процвѣтанію промышленности, даетъ правительству возможность пользоваться въ видѣ государственныхъ доходовъ несравненно болѣе большими матеріальными средствами, нежели какія можетъ доставить большая поземельная собственность, искусственно сосредоточенная въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ лицъ. Въ этомъ отношеніи, опытъ исторіи показываетъ многочисленные примѣры, что правительства въ затруднительныхъ обстоятельствахъ не разъ прибѣгали къ раздробленію помѣстій и къ увеличенію сословія крестьянъ-собственниковъ для исправленія своихъ финансовыхъ средствъ и вообще для увеличенія производства, и не подлежитъ сомнѣнію, что они постоянно достигали своей цѣли. «Въ продолженіи французской исторіи, говоритъ Мишле, поселяне три раза были покупателями земли и за этими тремя періодами тотчасъ же наступали три главные эпохи земледѣльческаго благосостоянія Франціи. Во времена очень тяжелыя, въ эпохи всеобщей бѣдности, когда и богачъ бываетъ принужденъ продавать, бѣднякъ видитъ себя въ состояніи покупать; не является никакихъ покупателей; приходитъ въ лохмотьяхъ поселянинъ съ своимъ луидоромъ и пріобрѣтаетъ кусокъ земли. За этимъ временемъ разоренія, когда поселянинъ могъ дешево покупать землю, всегда слѣдовало внезапное возвышеніе изобилія, котораго не умѣли объяснить. Напримѣръ, около 1500 года, когда Франція, истощенная Людовикомъ XI, довершаетъ свое разореніе въ Италіи, дворянство, идущее въ походъ, принуждено прода-

вать; земли, перейдя въ новыя руки, быстро разцвѣтають; народъ работаетъ, строится. Это прекрасное время на языкѣ монархической исторіи называется временемъ добраго Людовика XII.

«Къ несчастію оно непродолжительно. Едва земля приведена въ хорошее положеніе, на нее обрушивается фискъ; начинаются религіозныя волненія, истребляющія все, что есть на землѣ, начинаются ужасныя бѣдствія, страшные голодные годы, въ которые матери ѣдятъ своихъ дѣтей. Можно ли повѣрить, что страна оправится? Но едва окончилась война, на этомъ опустошенномъ полѣ, изъ этой еще дымящейся хижины является поселянинъ съ деньгами, которыя успѣлъ сберечь. Онъ покупаетъ. Черезъ десять лѣтъ лице Франціи измѣнилось; черезъ двадцать или тридцать всѣ имѣнія удвоились, утроились въ цѣнности. Эта эпоха также называется именемъ короля, именемъ добраго Генриха IV и великаго Ришелье.

«О третьей эпохѣ не нужно и говорить — это была эпоха революціи.

«Кто хочетъ изучать причины противоположныя этимъ, пусть сравнить эти историческіе періоды, ознаменованные раздробленіемъ большой и созданіемъ малой собственности, съ тяжелымъ страданіемъ націи, сопровождавшимъ изгнаніе мелкихъ йоменовъ для очищенія мѣста большимъ пастбищамъ, съ этимъ великимъ экономическимъ событіемъ англійской исторіи въ XVI вѣкѣ и съ продолжительнымъ ухудшеніемъ въ положеніи рабочихъ классовъ послѣ этого событія».

Такимъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, что обработка крестьянами-собственниками, имѣющая столь благотворное вліяніе во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ не менѣе благотворное вліяніе на общественное и государственное устройство. Изъ рядовъ подобныхъ многочисленныхъ независимыхъ крестьянъ-собственниковъ образуется самая крѣпкая и прочная основа

народной жизни, изъ которой государство почерпаетъ не только постоянно свѣжія силы для своего дальнѣйшаго развитія, но также и главнѣйшіе элементы для прочнаго, незыблемаго, свободнаго и независимаго существованія. Очевидно поэтому, что цѣль всякой разумной политики должна состоять не въ томъ, чтобы по возможности уменьшать и сокращать подобный классъ гражданъ; но скорѣе, на оборотъ, въ томъ, чтобы увеличивать его, дѣлать его возможно счастливымъ и благоденствующимъ, обезпечивая ему всѣ средства къ мирному и плодотворному занятію его промысломъ. Эта истина хорошо сознавалась всѣми величайшими законодателями, политиками и государями, и исторія показываетъ, что они постоянно стремились къ осуществленію ея. Понятно, какъ узко, односторонне и ложно пониманіе тѣхъ, которые видятъ въ подобномъ народонаселеніи исключительное орудіе для производства богатствъ, способъ для приобрѣтенія возможно бѣльшаго количества произведеній и которые поэтому стараются всѣми силами сократить подобное народонаселеніе, уменьшить часть общественнаго дохода, выпадающую на долю его, полагая, что этимъ они увеличиваютъ народное богатство и могущество. Подобное воззрѣніе вполне напоминаетъ воззрѣніе древняго челоука на рабовъ, въ которыхъ онъ не хотѣлъ признавать никакого челоуческаго достоинства, считалъ ихъ одушевленными орудіями, живыми машинами, исключительно назначенными для удовлетворенія его потребностей въ роскоши и богатствѣ. Но такое воззрѣніе, извинительное для той неразвитой эпохи, непростительно въ нашъ вѣкъ, гордящійся своимъ образованіемъ и высокою цивилизаціею. Нынѣ нельзя не признать той великой истины, что благосостояніе земледѣльческаго класса, не менѣе какъ и благосостояніе всѣхъ прочихъ классовъ, составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей всякаго общественнаго событія и что, слѣдовательно, справедливое, соотвѣтственное за-

слугамъ cadaго распредѣленіе богатства должно обезпечивать имъ, точно такъ же, какъ и другимъ классамъ, счастливое и благоденствующее существованіе.

Мы окончили разсмотрѣніе обработки крестьянами - собственниками. Представивъ сначала историко-статистическій очеркъ постепеннаго развитія и настоящаго положенія этой формы обработки въ различныхъ государствахъ Европы, мы, вслѣдъ за тѣмъ, перешли къ народно-хозяйственной оцѣнкѣ ея, съ цѣлью опредѣлить значеніе ея въ кругу другихъ обработокъ. Полагая, что цѣль всякаго общественнаго сожитія заключается въ достиженіи возможно бѣльшаго счастія, благосостоянія и развитія всѣхъ членовъ, составляющихъ его, и что слѣдовательно лучшая обработка, есть та, которая содѣйствуетъ наибѣлье могущественному производству богатствъ и наибѣлье справедливому распредѣленію его, мы приступили къ разсмотрѣнію обработки крестьянами-собственниками съ этихъ двухъ сторонъ.

Разсматривая ея съ точки зрѣнія производства богатствъ, мы на основаніи существующихъ фактовъ, пришли къ убѣжденію, что эта обработка, при настоящемъ состояніи знаній и сельской практики, въ высшей степени благотворно дѣйствуетъ на увеличеніе земледѣльческаго богатства и доставляетъ наибѣльшій валовой и чистый доходъ въ видѣ прибыли и поземельной ренты.

Разсматривая ея далѣе съ точки зрѣнія распредѣленія богатствъ, мы пришли къ столь же удовлетворительному результату и убѣдились, что эта обработка содѣйствуетъ также наибѣльшему матеріальному, нравственному и умственному развитію народа, обусловливаетъ самое правильное размноженіе народонаселенія, оказываетъ самое благопріятное косвенное вліяніе на промышленность и торговлю, содѣйствуетъ соразмѣрному отношенію земледѣльческаго народонаселенія къ го-

родскому и имѣть, наконецъ, самое благотѣльное вліяніе на гражданское и государственное устройство общества, порождая классъ гражданъ, наиболѣе привязанный къ общественному порядку, наиболѣе питающій любви къ родной землѣ, наиболѣе мужественно защищающій ея.

Но, отстаивая обработку крестьянами собственниками отъ пристрастныхъ упрековъ и враждебныхъ нападеній, выстав-
ляя ея высокое народно-хозяйственное значеніе, мы никоимъ образомъ не упускали изъ виду того весьма важнаго обстоятельства, что эти благотѣльные результаты относительно производства и распредѣленія богатства могутъ быть достигнуты не безусловно, но только тогда, когда эта обработка возникаетъ естественно, сообразно съ существующими хозяйственными условіями. Нѣтъ сомнѣнія, что мелкая обработка крестьянами-собственниками, какъ ни полезна она для народнаго развитія и благосостоянія, можетъ, въ свою очередь, породить весьма неблагопріятныя послѣдствія, если перейдетъ разумные предѣлы и вслѣдствіе какихъ-нибудь государственныхъ мѣръ, неправильнаго общественнаго устройства и законодательства, получить исключительное и одностороннее преобладаніе, не оправдываемое суммою данныхъ мѣстныхъ географическихъ, климатическихъ и общественныхъ условій. Предположимъ, что вслѣдствіе какихъ-нибудь искусственныхъ мѣръ поземельная собственность и обработка дошли до такой степени раздробленія, что каждая семья имѣетъ только количество земли безусловно необходимое для ея существованія. Очевидно, что въ подобномъ случаѣ, хотя валовое производство можетъ быть въ высшей степени значительно, потому что каждый мелкій собственникъ будетъ извлекать изъ своего клочка все, что онъ можетъ дать, но въ то же время онъ будетъ самъ потреблять всѣ свои продукты, и такимъ образомъ не въ состояніи будетъ доставлять излишка земледѣль-

ческаго дохода для обмѣна на произведенія городской промышленности. Тогда города и рынки не будутъ имѣть сельскихъ произведеній для продажи; всѣ фабрики, всѣ предпріятія обрабатывающей промышленности низойдутъ до самыхъ грубыхъ производствъ, соотвѣтствующихъ первымъ потребностямъ общества; прекратится всякое раздѣленіе труда, составляющее первый и жизненный элементъ всякаго человѣческаго успѣха, и общество, не получая ни денегъ, ни людей отъ населенія, находящагося въ подобномъ положеніи, низойдетъ до послѣдней степени грубости и невѣжества. Вмѣстѣ съ промышленностью, торговлею, свободными искусстваами, погибнетъ все, что составляетъ силу и славу народовъ. Человѣчество дойдетъ до крайней степени униженія и принуждено будетъ возложить на свои плечи весь грубый трудъ, который въ развитыхъ и благоустроенныхъ обществахъ совершается животными и силами природы. Таковы могутъ быть печальныя послѣдствія принципа въ высшей степени полезнаго, но доведеннаго до послѣдней крайности. Послѣдствія эти неизбѣжно вытекаютъ изъ того закона, господствующаго въ земледѣльческомъ производствѣ, вслѣдствіе котораго по мѣрѣ бѣльшей интензивности хозяйства, по мѣрѣ бѣльшаго приложенія труда и капитала, хотя валовой и чистый народный доходъ постоянно увеличиваются, но количество чистаго дохода въ видѣ ренты и прибыли постоянно становится сравнительно мѣньшею долей валоваго дохода, вслѣдствіе чего можно предположить ту минуту, когда сумма издержекъ, считая въ числѣ ихъ и вознагражденіе труда, будетъ равняться валовому доходу. Очевидно, что тогда хотя производство будетъ доведено до послѣдней степени могущества, хотя оно будетъ извлекать изъ земли самую громадную массу продуктовъ, тѣмъ не менѣе будетъ поглощать слишкомъ много труда и не будетъ оставлять излишка для прочихъ классовъ. Народъ посредствомъ упорнаго

труда будетъ добывать себѣ существованіе, но не въ состояніи будетъ размножаться далѣе и будетъ осужденъ на самое бѣдственное состояніе, гдѣ всякій излишекъ народонаселенія будетъ уноситься болѣзнями, голодомъ и эмиграціями, или постоянно будетъ дѣйствовать на уменьшеніе доли каждаго.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что мелкая обработка крестьянами-собственниками, какъ ни выгодна она для государства въ извѣстныхъ размѣрахъ, тѣмъ не менѣе доведенная до крайности искусственными мѣрами, можетъ сдѣлаться причиною гибели государства и произвести голодъ въ общественномъ тѣлѣ. Осюда необходимость существованія на ряду съ нею большой обработки.

Хотя предшествовавшее народно-хозяйственное изысканіе привело насъ къ тому положенію, что мелкая обработка собственниками, при настоящемъ положеніи земледѣльческаго промысла, является наиболѣе производительною и тою обработкою, которая обусловливаетъ наибольшій валовой и чистый доходъ, тѣмъ не менѣе мы никоимъ образомъ не придавали этому результату, справедливому для настоящей эпохи, абсолютнаго значенія для всѣхъ эпохъ и народовъ. Напротивъ, рассматривая условія, опредѣляющія размѣры обработокъ, мы видѣли, что эти условія въ высшей степени разнообразны и требуютъ иногда то болѣшихъ, то менѣшихъ размѣровъ обработки, откуда мы заключили, что всякое нормальное состояніе хозяйства, сообразное съ этими данными условіями, не исключаетъ ни малой, ни большой обработки и что, слѣдовательно, онѣ равно необходимы и выгодны для общественнаго благосостоянія и развитія. Но, если малая и большая обработки при нормальномъ состояніи хозяйства, должны быть равно выгодны и полезны для народнаго хозяйства, то какъ объяснить то странное и ненормальное явленіе, вслѣдствіе котораго въ настоящій моментъ историческаго развитія мелкая обработка

въ большой части европейскихъ государствъ является наиболѣе выгодною и производительною, нежели большая обработка. Явленіе это естественно объясняется историческимъ ходомъ развитія различныхъ обработокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между большой обработкой и большой собственностью (также какъ и между малой обработкой и малой собственностью) существуетъ самая тѣсная связь. Хотя во многихъ случаяхъ мы видимъ, что большая собственность существуетъ одновременно съ мелкою обработкою, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ самомъ свойствѣ большой собственности лежитъ сильное стремленіе къ большой обработкѣ и что всякій разъ, если только не встрѣчается другихъ препятствій и другихъ болѣе сильныхъ противодѣйствующихъ причинъ, — большая собственность необходимо приведетъ къ большой обработкѣ. Въ этомъ свойствѣ большой собственности насъ убѣждаетъ весь ходъ европейской культуры. Но извѣстно, что почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ распределеніе поземельной собственности почти до настоящаго вѣка, совершалось не на основаніи свободнаго экономическаго принципа, но обуславливалось различными законодательными мѣрами, историческими причинами и общественными учрежденіями, повсемѣстно содѣйствовавшими развитію большой собственности, слѣдовательно и большой обработки. Такимъ образомъ, большая обработка весьма часто вызывалась не естественнымъ развитіемъ народно-хозяйственныхъ отношеній, но искусственными мѣрами, вліявшими на распределеніе поземельной собственности. Очевидно, что большая обработка, возникшая подобнымъ образомъ, нерѣдко, наперекоръ естественнымъ и общественнымъ условіямъ, не всегда вполне благотворно дѣйствовала на развитіе народовъ, или покрайней мѣрѣ далеко не приносила той пользы, которую она въ состояніи принести при иномъ болѣе правильномъ общественномъ устройствѣ и при болѣе правильномъ

распредѣленіи поземельной собственности. Это искусственное сосредоточеніе большой поземельной собственности и порожаемое имъ искусственное существованіе большой обработки, служить достаточнымъ объясненіемъ того существеннаго факта нынѣшней европейской культуры, почему мелкая обработка крестьянами-собственниками почти повсемѣстно является болѣе производительною и болѣе благопріятною для могущественнаго производства; ибо большая обработка, искусственно вызванная и поддерживаемая законами и учрежденіями, содѣйствовавшими большой поземельной собственности, никоимъ образомъ не можетъ сравниться съ мелкою обработкою, естественно вызванною мѣстными климатическими и другими хозяйственными условіями.

Но, если въ настоящій моментъ большая обработка не можетъ равняться по производительности съ малою обработкою крестьянами-собственниками, то не въ столь неблагопріятномъ видѣ представляется она въ недалекомъ будущемъ. При глубокомъ переворотѣ, которому подверглось поземельное устройство въ большей части европейскихъ государствъ въ послѣднее время, при всеобщемъ почти провозглашеніи и признаніи принципа промышленной свободы, при всеобщемъ стремленіи устранить всѣ препятствія къ свободному движенію поземельной собственности, нѣтъ сомнѣнія, что поземельная собственность и различныя обработки не замедлятъ установиться сообразно съ требованіями хозяйственныхъ условій. При такомъ предположеніи большая и малая собственность, большая и малая обработка будутъ приносить равно великую пользу во всѣхъ народныхъ организамахъ. Онѣ будутъ содѣйствовать не только наиболѣе могущественному производству богатствъ, не только наиболѣе справедливому распредѣленію ихъ, но также и наиболѣе правильному и сообразному съ требованіями природы и разума общественному устройству.

Мелкая обработка крестьянами-собственниками укоренится тамъ, гдѣ она въ состояніи будетъ приносить наибольшую пользу и будетъ удаляться тѣхъ мѣстъ, гдѣ ей будетъ предстоять невыгодная борьба. Она съ особеннымъ успѣхомъ установится вблизи многочисленныхъ городовъ и рынковъ, вблизи водныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія, въ гористыхъ изрѣзанныхъ мѣстахъ, на почвахъ легкихъ и песчаныхъ и вообще во всѣхъ земледѣльческихъ производствахъ, требующихъ интенсивной обработки, слѣдовательно тщательнаго труда, неутомимаго ухода, заботливости и значительнаго капитала, затраченнаго на небольшомъ пространствѣ. Къ такимъ производствамъ относятся огородничество, садоводство, винодѣліе, шелководство, производство различныхъ торговыхъ и промышленныхъ растеній, пчеловодство, разведеніе птицы и т. д.

Напротивъ, большая обработка съ подобнымъ же успѣхомъ установится тамъ, гдѣ въ состояніи будетъ съ выгодною выдерживать соперничество мелкой обработки, именно въ мѣстахъ равнинныхъ, на почвахъ глинистыхъ, вдали отъ городовъ и рынковъ и вообще въ тѣхъ производствахъ, гдѣ возможно приложеніе усовершенствованныхъ орудій и машинъ, гдѣ требуется приложеніе соединенныхъ въ значительныя массы капиталовъ къ большимъ пространствамъ; слѣдовательно: главнымъ образомъ въ производствѣ хлѣбныхъ растеній, скотоводствѣ, лѣсоводствѣ. Основанная на двухъ плодотворныхъ началахъ соединенія силъ и раздѣленія труда, она будетъ оказывать самое благотворное вліяніе на народное хозяйство посредствомъ улучшенія породъ, усовершенствованныхъ машинъ, посредствомъ наиболѣе экономическаго и изобильнаго земледѣльческаго производства; наконецъ, тѣмъ, что будетъ доставлять для городского и промышленнаго населенія большую массу сырыхъ продуктовъ и средствъ пропитанія.

Нѣтъ сомнѣнія, что при подобномъ разумномъ распределе-

ніи труда между большою и малою обработкою, сообразномъ съ данными мѣстными климатическими, почвенными и другими хозяйственными условіями, будетъ достигнуто самое раціональное устройство земледѣльческаго промысла, наиболѣе выгодное для производства, въ которомъ всѣ будутъ принимать равно дѣятельное участіе. Земледѣліе не замедлитъ достигнуть высокой степени совершенства и процвѣтанія; земля окажется щедрою и украсится самою богатою производительностью.

Но такое распредѣленіе обработокъ и собственности будетъ соотвѣтствовать не только наибольшему производству богатства, но и наилучшему распредѣленію его.

Мелкая обработка, доставляя овощи, цвѣты, плоды, птицу и множество другихъ полезныхъ, разнообразныхъ и цѣнныхъ продуктовъ, производство которыхъ съ выгодною можетъ занимать многочисленныхъ работниковъ на небольшомъ пространствѣ, будетъ обеспечивать имъ выгодное и прибыльное занятіе, и слѣдовательно благосостояніе и довольство. Народонаселеніе, порождаемое этою обработкою, обеспеченное въ своемъ счастіи и благосостояніи, будетъ отличаться неутомимымъ трудолюбіемъ, предусмотрительностью, бережливостью, воздержаніемъ, уваженіемъ къ закону, къ общественному порядку, къ самой строгой справедливости, любовью къ родинѣ и многими другими высокими нравственными и умственными качествами, порождаемыми поземельною собственностью. Качества эти, въ свою очередь, будутъ оказывать самое благотворительное вліяніе на правильное размноженіе народонаселенія и придадутъ государству внутреннюю силу и крѣпость, а слѣдовательно и внѣшнее могущество.

Съ другой стороны, большая обработка будетъ оказывать также не менѣе благопріятное вліяніе. Содѣйствуя производству, доставляя прочему народонаселенію значительную массу наи-

болѣе необходимыхъ продуктовъ по самой низкой цѣнѣ и въ наибольшемъ изобиліи, она породитъ классъ большихъ землевладѣльцевъ, который можетъ быть въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ органомъ правильно устроеннаго государственнаго организма. Если классъ большихъ землевладѣльцевъ, присвоивающій себѣ всю собственность и все вліяніе, ограждающій и отдѣляющій себя отъ прочаго народонаселенія правами и привилегіями, оставляющій сельскую жизнь для городовъ и столицъ, является тягостнымъ для народа, вреднымъ для общественнаго благосостоянія и развитія, то не въ такомъ видѣ представляется онъ при правильной общественной организаціи, когда онъ состоитъ преимущественно изъ лицъ, руководящихъ земледѣльческимъ производствомъ, посвящающихъ ему свою просвѣщенную дѣятельность, знанія, капиталы и богатства. Сельская жизнь развиваетъ у богатыхъ лицъ, живущихъ въ деревняхъ и занимающихся земледѣліемъ, качества, которыя весьма важны и необходимы для народа. Она развиваетъ въ нихъ, какъ и въ добрыхъ крестьянахъ, здоровье и силу, бодрость и мужество, любовь къ порядку и къ родинѣ. Собственность, передаваемая изъ рода въ родъ, порождаетъ въ нихъ чувство прочности, живое воспоминаніе прошлаго и съ особенною силою развиваетъ охранительный элементъ. Они менѣе страдают жаждою барыша, менѣе подвержены враждѣ и ненависти, потому что благосостояніе и бѣдствіе ихъ зависятъ не отъ людскихъ интригъ, а отъ Божьей кары и благодати. Довольство, досугъ и воспитаніе доставляютъ имъ возможность развивать разумъ, пріобрѣтать свѣдѣнія и порождаютъ въ нихъ сознаніе человѣческаго достоинства, любовь къ порядку и общественной свободѣ. Качества эти дѣлаютъ народъ великимъ, сильнымъ, свободнымъ и независимымъ, ибо отражаются въ свою очередь на прочемъ земледѣльческомъ народонаселеніи. При добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, боль-

шіе собственники содѣйствуютъ распространенію образованія между народомъ, вліяють на развитіе въ немъ болѣе утонченныхъ нравовъ и привычекъ, доставляютъ ему возможность участвовать во всѣхъ успѣхахъ, совершаемыхъ земледѣльческою наукою; служатъ, наконецъ, лучшими представителями его нуждъ и потребностей, ибо ближе находятся къ нему, лучше знаютъ его положеніе и болѣе связаны интересомъ и любовью съ областью, въ которой жчвуть.

Такимъ образомъ, большая и малая обработки собственниками, удовлетворяя различнымъ потребностямъ и оказывая взаимное благотѣльное вліяніе, равно необходимы для благосостоянія общества. Поэтому нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что у всякаго развитаго и правильно организованнаго народа, необходимо долженъ существовать рядъ ступеней хозяйствъ, начиная отъ самыхъ малыхъ частицъ, доставляющихъ побочное занятіе, до большихъ хозяйствъ, руководимыхъ большими землевладѣльцами, такъ чтобы каждому можно было найти соотвѣтствующее своимъ средствамъ и знаніямъ поле дѣятельности, на которомъ онъ могъ бы постепенно подниматься, начиная отъ низшихъ ступеней до высшихъ. Тогда только можно надѣяться, что многочисленное сельское сословіе, этотъ остовъ государства, по выраженію Рилля, будетъ составлять однородное цѣлое, крѣпко связанное любовью и довѣренностью, которое будетъ обезпечивать государству могущественное производство, всеобщее благоденствіе, внутренній порядокъ и несокрушимую внѣшнюю силу. Но если правильно устроенное и развитое общество требуетъ необходимой пропорціи между большою и малою обработкою собственниками, между классомъ большихъ и малыхъ землевладѣльцевъ, то не менѣе настоятельно требуетъ оно также равновѣсія между земледѣльческою промышленностью и прочими отраслями народной дѣятельности, сосредоточенными въ городахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что земледѣліе, производя самыя необходимыя средства для поддержанія человѣческаго существованія, занимая повсемѣстно наиболѣе многочисленную часть народа, доставляя сырой матеріалъ всѣмъ прочимъ отраслямъ промышленности и порождая въ народонаселеніи, занимающемся этимъ промысломъ въ высшей степени благотворныя для общественнаго сожитія физическія, нравственные и умственные качества, составляетъ главную основу всякаго прочнаго, продолжительнаго и самостоятельнаго общественнаго сожитія.

Но какъ ни важно значеніе земледѣльческаго промысла для всякаго народнаго организма, тѣмъ не менѣе одностороннее преобладаніе его можетъ имѣть весьма невыгодныя послѣдствія.

Народъ, исключительно преданный земледѣлію и удерживаемый при этомъ занятіи искусственными мѣрами и общественными учрежденіями, никогда не можетъ достигнуть высокаго экономическаго и политическаго процвѣтанія. Онъ, по необходимости, постоянно будетъ обмѣнивать свои произведенія на произведенія иностранныхъ мануфактуръ и слѣдовательно уступать ихъ по дешевой цѣнѣ; потому что если мануфактурныя произведенія могутъ легко перевозиться, то совершенно иначе бываетъ съ перевозкою громоздкихъ и по объему малоцѣнныхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Подобный народъ, хотя и будетъ предохраненъ отъ вредныхъ потрясеній, колеблющихъ все существованія въ мануфактурныхъ странахъ, зато никогда не выйдетъ изъ состоянія постоянной бѣдности, невѣжества и застоя. Скромность земледѣльца легко можетъ превратиться въ рабскую покорность, довольство малымъ въ слѣпую и лѣнивую привязанность къ старинѣ, земледѣліе въ простой обычай. Расточительность въ хорошіе годы, нищета и голодная смерть въ дурные, могутъ сдѣлаться обычными явленіями народнаго быта. Такимъ образомъ, богатство, благо-

состояніе, процвѣтаніе наукъ и искусствъ окажутся недосигаемыми.

Очевидно, что для всякаго развитаго народа необходима другая группа труда, другой разрядъ лицъ, состоящій изъ ремесленниковъ и фабричныхъ работниковъ, изъ торговыхъ лицъ, изъ лицъ, предающихся умственному труду, посвящающихъ себя религіознымъ обязанностямъ, защитѣ общества, военному искусству, поддержанію народнаго здоровья, сохраненію внутреннего порядка, преслѣдованію преступленій, наукамъ, искусствамъ, литературѣ и т. д., словомъ, необходимъ классъ лицъ, извѣстный подъ именемъ городского народонаселенія.

Существованіе его необходимо для земледѣлія, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно можетъ процвѣтать и развиваться только тогда, когда есть многочисленный классъ, потребляющій произведенія земледѣльческой промышленности, съ которымъ сельское народонаселеніе, можетъ мѣняться своими продуктами. Существованіе его необходимо, далѣе, для цѣлаго общества, ибо посредствомъ труда этой группы лицъ обусловливается удовлетвореніе самыхъ разнообразныхъ и высокихъ потребностей человѣческой природы. Существованіе его необходимо, наконецъ, для государства, ибо городской классъ представляетъ собою элементъ прогресса, движенія впередъ, который столь же важенъ для правильнаго развитія народа, какъ и элементъ консервативный, земледѣльческій. Но какъ ни велико значеніе этой второй группы труда въ общественномъ организмѣ, тѣмъ не менѣе несправедливо было бы утверждать, что всякое увеличеніе этого класса лицъ на счетъ земледѣльческаго, содѣйствуетъ счастію и благосостоянію народа. Напротивъ, здѣсь точно также, какъ и въ земледѣльческомъ народонаселеніи, одностороннее развитіе можетъ быть гибельно для народа. Нѣтъ сомнѣнія, что городское народонаселеніе, состоящее изъ различныхъ разрядовъ лицъ, во всякомъ правильно

организованномъ и развитомъ народѣ, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, не должно превышать извѣстныхъ предѣловъ, обусловливаемыхъ существующею потребностью и запросомъ; ибо въ противномъ случаѣ, если какой-нибудь разрядъ лицъ, принадлежащій этому классу и занимающійся удовлетвореніемъ извѣстной народной потребности, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, или искусственныхъ и поощрительныхъ мѣръ, размножится чрезмѣрно, то необходимо своимъ соперничествомъ будетъ отбивать работу другъ у друга, понижать долю, достаемуюся каждому; будетъ, слѣдовательно, бѣдствовать и своимъ несчастнымъ положеніемъ нарушать гармонію общественныхъ интересовъ. Хотя быть можетъ остальное народонаселеніе будетъ получать выгоду отъ излишняго размноженія этого класса лицъ, но эта выгода будетъ приобрѣтаться на счетъ страданія другихъ, и такимъ образомъ, великая цѣль общественнаго сожитія не будетъ достигнута; ибо эта цѣль состоитъ не въ томъ, чтобы одна часть благоденствовала, развивалась, увеличивалась и обогащалась на счетъ другой, но чтобы всѣ пользовались тою долею благосостоянія, которая по праву принадлежитъ имъ на основаніи заслугъ, оказываемыхъ ими обществу.

Отсюда очевиденъ законъ общественнаго равновѣсія, требующій соразмѣрнаго отношенія между различными частями народонаселенія. Всякое нарушеніе этого закона, всякое несоразмѣрное увеличеніе одного класса лицъ на счетъ другихъ необходимо влечетъ за собою бѣдствія и страданія. Въ одной странѣ это несоразмѣрное отношеніе можетъ проявиться въ классѣ земледѣльческомъ; въ другой вслѣдствіе несоразмѣрнаго увеличенія мануфактурнаго и торговаго народонаселенія; въ третьей вслѣдствіе несоразмѣрнаго увеличенія разряда лицъ, занимающихся военнымъ искусствомъ, внутреннею администраціею, отправленіемъ религіозныхъ обязанностей и т. д.

Поэтому несомненно, что для того, чтобы народъ могъ достигнуть высшей степени личнаго и общественнаго благосостоянія необходимо, чтобы всѣ отрасли народной дѣятельности развивались гармонически, т. е. чтобы земледѣліе, промышленность, торговля и прочія отрасли находились въ правильномъ отношеніи и развивались соразмѣрно другъ другу. Законъ этотъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе народовъ. Вотъ что говоритъ Риль объ этомъ равновѣсіи народнаго труда: «Народъ, односторонне предающійся только земледѣлію или только промышленности, торговлѣ, умственному труду, не въ состояніи прочно сохранить свою личность въ состязаніи съ образованными народами. Великіе народы и великіе люди должны трудиться универсально, хотя какъ тѣ, такъ и другіе могутъ достигнуть высшей степени совершенства и самостоятельности только въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ. Ни одинъ изъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ никогда не будетъ имѣть достаточнаго вещества для благоустроеннаго государства, если не будетъ заключать въ себѣ всѣхъ вполнѣ развитыхъ группъ гражданскаго общества. Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ министры и ученые совершенно не думали объ этомъ равновѣсіи отдѣловъ народнаго труда и потому односторонне искали спасенія то въ покровительствѣ промышленности, то въ заботахъ о земледѣліи. Они никогда не могли представить себѣ трудъ государственнаго народа, какъ нѣчто цѣлое».

Итакъ, правильное равновѣсіе между сельскою и городскою промышленностью, между сельскимъ и городскимъ населеніемъ составляетъ необходимое условіе всякаго хорошо организованнаго и вполнѣ развитаго народа. Только въ такомъ случаѣ всѣ отрасли народнаго производства будутъ развиваться стройно и органически, а потому и всѣ классы народа будутъ пользоваться тою долею благосостоянія и богатства, которая слѣдуетъ имъ по ихъ заслугамъ и участию

въ дѣлѣ общественнаго производства и такимъ образомъ будетъ достигнута окончательная цѣль общественнаго сожитія — благо всѣхъ.

ГЛАВА VII.

ВЛІЯНІЕ ГОСУДАРСТВА НА ОБРАБОТКУ КРЕСТЬЯНАМИ-СОБСТВЕННИКАМИ.

Все предшествовавшее историческое и народно-хозяйственное изученіе обработки крестьянами-собственниками порождаетъ несомнѣнное убѣжденіе, что эта обработка, если только она не переходитъ разумныхъ предѣловъ, предписываемыхъ разнообразными хозяйственными условіями, является въ высшей степени благопріятною для производства и распредѣленія богатствъ, для процвѣтанія и могущества государствъ. Поэтому рождается весьма важный практическій вопросъ, какимъ образомъ должно дѣйствовать государство? Должно ли оно поддерживать эту обработку какими-нибудь законодательными мѣрами или предоставить ее свободному и безпрепятственному развитію?

Чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ, сообразно съ справедливостью, общественною и личною пользою, необходимо установить общія понятія. Нѣтъ сомнѣнія, что поддержаніе, сохраненіе и развитіе своего собственнаго существа составляетъ неотъемлемое, прирожденное право всякаго человѣка. Уже отсюда необходимо вытекаетъ то послѣдствіе, что свобода пріобрѣтенія и распоряженія поземельною собственностью не должна быть ограничиваема и затрудняема, ибо земля служить не только жилищемъ человѣка, но и главнымъ источни-

комъ его существованія и развитія. Это общее правило, непосредственно вытекающее изъ самой природы вещей, можетъ находить себѣ единственное законное ограниченіе въ томъ, чтобы эта свобода не оказывалась вредною для производства и благосостоянія людей, точно также какъ свободное движеніе отдѣльныхъ лицъ не должно препятствовать благу цѣлаго. Но изъ предшествовавшаго изслѣдованія очевидно, что какъ скопленіе поземельной собственности, такъ и раздробленіе ея свыше предѣловъ, полагаемыхъ совокупностью мѣстныхъ климатическихъ и другихъ хозяйственныхъ условій, можетъ быть вредно для производства, а слѣдовательно и для благосостоянія. Понятно поэтому, что всякое разумное правительство должно тщательно оберегаться, чтобы своими мѣрами не содѣйствовать развитію той или другой крайности; напротивъ, зорко должно наблюдать, чтобы равновѣсіе не было нарушено и въ случаѣ необходимости помогать возстановленію его различными законодательными мѣрами, ибо въ принципѣ нельзя отвергать, что государство—этотъ высшій распорядитель, имѣетъ право, въ виду общаго блага, регулировать распредѣленіе поземельной собственности. Правда, нѣкоторые писатели полагаютъ, что законодательныя мѣры не имѣютъ никакого вліянія на размѣры обработокъ; но такое мнѣніе совершенно неосновательно и опровергается опытомъ всей исторіи. Хотя размѣры обработокъ главнымъ образомъ обусловливаются различными природными условіями, тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что въ этомъ отношеніи не менѣе важное вліяніе имѣютъ различныя общественныя условія, зависящія отъ учрежденій и преимущественно отъ законовъ, обусловливающихъ распредѣленіе поземельной собственности. Нѣтъ сомнѣнія, что законодательство, благопріятствующее большой поземельной собственности, будетъ содѣйствовать существованію большой обработки и на оборотъ, законодательство, благопріятствующее

малой поземельной собственности, будетъ содѣйствовать раздробленію обработки. Отсюда очевидно, какъ важно для народнаго производства, благосостоянія и развитія опредѣлить свойство различныхъ законодательныхъ системъ, управляющихъ распредѣленіемъ поземельной собственности. Отъ этихъ системъ главнымъ образомъ зависитъ правильное или неправильное устройство различныхъ обработокъ, правильное или неправильное развитіе всего народнаго хозяйства.

Самое разумное законодательство, безъ всякаго сомнѣнія, есть то, которое содѣйствуетъ развитію наиболѣе выгодныхъ размѣровъ обработокъ. Изучая условія, которыя опредѣляютъ эти наиболѣе выгодные размѣры, мы видѣли, что они въ высшей степени разнообразны и измѣнчивы, ибо зависятъ не только отъ постоянныхъ неизмѣнныхъ естественныхъ условій: качествъ почвы, расположенія мѣстности, свойствъ климата, но и отъ непрерывно измѣняющихся общественныхъ условій: густоты народонаселенія, родовъ и системъ хозяйствъ, развитія земледѣльческаго искусства, развитія и направленія промышленности, количества и распредѣленія капиталовъ, наконецъ, отъ разнообразія личныхъ свойствъ и качествъ народонаселенія. Очевидно, что обозначить одинъ общій предѣлъ наиболѣе выгодныхъ размѣровъ обработки не только для всѣхъ странъ, эпохъ и народовъ, не только для каждаго отдѣльно взятаго народа, но даже для каждой нѣсколько обширной области, невозможно. Какой бы ни былъ опредѣленный размѣръ для даннаго момента, онъ будетъ имѣть характеръ мѣстный, временный, подлежащій непрерывнымъ видоизмѣненіямъ и потому можетъ оказаться непригоднымъ для другаго момента. Никакое законодательство не можетъ собрать всѣхъ данныхъ для опредѣленія этихъ размѣровъ въ каждой мѣстности и въ каждый моментъ времени. Поэтому, еслибъ оно вздумало искусственно опредѣлять размѣры подобныхъ участковъ, то

непремѣнно уклонилось бы отъ дѣйствительной потребности. Если бы размѣръ, опредѣленный имъ, былъ менѣе размѣра наиболѣе выгоднаго участка, то онъ не воспрепятствовалъ бы потерѣ производительной силы земли, застою земледѣлія и замедленію успѣховъ народнаго благосостоянія. Если бы онъ былъ болѣе, то точно также служилъ бы препятствіемъ къ выгодному развитію земледѣлія, замедлялъ бы успѣхи его, не допуская дальнѣйшаго дробленія, которое въ иныхъ случаяхъ могло бы быть необходимо по требованію мѣстныхъ и хозяйственныхъ условій.

Таковы неразрѣшимыя трудности, предстоящія всякому правительству, которое вздумало бы принять на себя обязанность руководить наилучшимъ распредѣленіемъ собственности, а слѣдовательно и обработокъ. Чтобы достигнуть желательнаго результата, оно должно было бы въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять бездну самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, обусловливающихъ наиболѣе выгодный размѣръ обработокъ; ибо иначе, еслибъ оно руководилось какимъ-нибудь общимъ размѣромъ для цѣлой страны или даже для каждой отдѣльной области, то всегда бы дѣйствовало губительно: въ однихъ случаяхъ препятствовало бы необходимому сосредоточенію поземельной собственности, въ другихъ необходимому раздробленію ея. Отсюда очевидно, что нельзя не согласиться съ тѣми, которые утверждаютъ, что законъ и административныя распоряженія не должны вмѣшиваться въ устройство экономическихъ отношеній, въ условія наилучшаго и болѣе правильнаго распредѣленія поземельной собственности; но должны предоставить это дѣло, въ интересахъ общаго производства и благосостоянія, свободному движенію личныхъ интересовъ, которые лучше всякихъ законовъ и административныхъ соображеній покажутъ каждому, какъ лучше и выгоднѣе въ каждомъ данномъ случаѣ устроить, извлечь, сберечь

и увеличить доходъ съ своей собственности, ограничивая это правило только тѣмъ случаемъ, когда личный интересъ прямо противорѣчитъ общественной пользѣ и справедливости. «Достаточно предоставить человѣческіе интересы ихъ свободному развитію, говоритъ Сисмонди, чтобы въ каждомъ обществѣ, гдѣ свобода и собственность обезпечены, семьи возвысились къ довольству и богатству» ¹⁾. «Если предоставить вещи ихъ естественному теченію, говоритъ Дрозъ, раздѣленіе земель будетъ такое, какое всего болѣе содѣйствуетъ развитію и распредѣленію богатствъ въ странѣ. Будутъ малыя, среднія и большія поземельныя владѣнія. Нужно только, чтобы законы не мѣшали свободному переходу поземельной собственности изъ рукъ въ руки. Это лучшее ручательство для избѣжанія неудобствъ и затрудненій отъ чрезмѣрнаго раздробленія и скопленія поземельной собственности» ²⁾.

Таково окончательное рѣшеніе вопроса о лучшемъ распредѣленіи поземельной собственности, рѣшеніе, признанное не только теоретически, но все болѣе и болѣе осуществляющееся на практикѣ. Извѣстно, что почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ до самой французской революціи господствовала совершенно противоположная система замкнутости и недѣльности. Распредѣленіе поземельной собственности не было предоставлено свободному движенію личныхъ интересовъ, но обуславливалось различными законодательными мѣрами и общественными учрежденіями, содѣйствовавшими сосредоточенію. Система эта, вызванная различными историческими требованіями и политическими соображеніями, имѣла самое гибильное вліяніе на производство и распредѣленіе богатствъ. Она служила непреодолимымъ препятствіемъ наиболѣе выгодному упот-

¹⁾ Sismondi «Etudes sur l'économie politique», т. 2, стр. 121.

²⁾ Droz «Economie politique», 1846. стр. 81.

ребленію земли, затрудняя съ одной стороны развитіе энергической расы земледѣльцевъ собственниковъ, наиболѣе способныхъ и заинтересованныхъ въ обработкѣ, и превращая съ другой стороны собственниковъ въ простыхъ пользователей, которые не могли свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, что лишало ихъ значительной доли интереса относительно собственности и самымъ вреднымъ образомъ отражалось на земледѣліи и производствѣ богатствъ. Но, оказывая вредное вліяніе на производство богатствъ, система эта еще гибильнѣе дѣйствовала на распредѣленіе богатствъ; ибо, сосредоточивая поземельную собственность въ рукахъ немногихъ привилегированныхъ лицъ, лишала остальную массу народонаселенія возможности пріобрѣтать поземельную собственность и обезпечивать себѣ ею независимое и самостоятельное существованіе. Понятно, почему эта система, противная свободѣ, справедливости и общественной пользѣ, съ развитіемъ юридическаго и народно-хозяйственнаго пониманія, повсемѣстно подверглась коренному преобразованію. Прежде всего переворотъ при страшныхъ общественныхъ потрясеніяхъ совершился во Франціи подъ вліяніемъ событій 1789 года. Всѣ старинныя учрежденія: майораты, фидеикомиссы, субституціи были уничтожены; имѣнія, въ громадныхъ массахъ сосредоточенныя въ рукахъ духовенства и аристократіи, конфискованы и распроданы; всѣмъ лицамъ предоставлено неограниченное право пріобрѣтенія, отчужденія, обремененія земли долгами; наконецъ, вмѣсто прежнихъ наслѣдственныхъ законовъ, содѣйствовавшихъ скопленію поземельной собственности, введенъ обязательный законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ. Система эта, порожденная революціею, быстро распространилась въ Нидерландахъ, Швейцаріи, Рейнской области и другихъ мѣстностяхъ, подвластныхъ французскому владычеству. Въ 1807 году она провозглашена въ Пруссіи, и съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ

новыя завоеванія, такъ что въ настоящее время, безъ всякаго сомнѣнія, является господствующею въ Европѣ системою распредѣленія поземельной собственности. Въ предшествовавшемъ историко-статистическомъ очеркѣ мы тщательно старались собрать всѣ факты, которые могутъ служить для опредѣленія послѣдствій этой новой системы. Факты эти привели насъ къ несомнѣнному убѣжденію, что во всѣхъ государствахъ, гдѣ совершился переходъ отъ средневѣковой системы замкнутости и недѣлимости къ свободѣ поземельной собственности, сдѣланы въ самое короткое время громадныя и безпримѣрные успѣхи въ матеріальномъ, нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ

Но, признавая благодѣтельные результаты новой системы относительно развитія народнаго богатства и всеобщаго благосостоянія, нельзя также не признать того факта, что быстрый переходъ отъ одной системы къ другой, не обошелся безъ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ послѣдствій и повелъ къ противоположной крайности, именно: къ чрезмѣрному раздробленію земли. Такъ, жалобы на чрезмѣрное раздробленіе земли раздаются не только во Франціи, но также въ Пруссіи, Виртембергѣ, Швейцаріи, Ломбардіи, Испаніи, Швеціи. Этотъ фактъ послужилъ главнымъ поводомъ къ самымъ ожесточеннымъ нападеніямъ на новое поземельное устройство, основанное на свободѣ поземельной собственности и равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ. Подъ знаменемъ этого новаго явленія столпились не только всѣ представители стариннаго поземельнаго устройства, но и множество въ высшей степени замѣчательныхъ людей, руководимыхъ не однимъ пристрастнымъ влеченіемъ къ старинному порядку, но и болѣе высокими цѣлями, направленными ко благу человѣчества. Къ такимъ людямъ принадлежатъ Нибуръ, Вильгельмъ Гумбольдтъ, Штейнъ, Риль, Мольтъ, Финке, Козегартенъ, Шарре и множество другихъ. Мало того: даже

многія правительства, опасаясь чрезмѣрнаго дробленія, рѣшились прибѣгнуть къ нѣкоторымъ ограниченіямъ права произвольнаго дробленія. Понятно поэтому, какъ важно опредѣлить, дѣйствительно ли полная свобода поземельной собственности и равный раздѣлъ наслѣдствъ могутъ содѣйствовать наиболѣе выгодному распредѣленію поземельной собственности и не заключаютъ ли они въ себѣ гибельнаго начала, которое можетъ привести къ чрезмѣрному раздробленію, несогласному съ хозяйственными условіями и съ наиболѣе выгодными размѣрами обработокъ? Ненормальное и чрезмѣрное раздробленіе, составляющее несомнѣнное зло, господствующее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся крестьяне-собственники, не можетъ ли сдѣлаться общимъ явленіемъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ допущена неограниченная свобода поземельной собственности? Многіе писатели не сомнѣваются въ этомъ, и въ доказательство своего мнѣнія приводятъ нѣкоторыя общія соображенія и частные факты.

По ихъ словамъ, свобода поземельной собственности и въ особенности законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ имѣютъ неодолимую силу относительно раздробленія земли. Возьмемъ напр., говорятъ они, крестьянина, имѣющаго десять десятинъ земли и положимъ, что, умирая, онъ оставилъ двухъ дѣтей, которыя дѣлятъ землю между собою. Такимъ образомъ возникнетъ два двора съ пятью десятинами каждый. Далѣе, если у каждаго изъ нихъ будетъ снова по двое дѣтей, то внукамъ перваго владѣльца достанется уже по двѣ съ половиною десятины и т. д. Очевидно, что поземельная собственность, продолжая дробиться такимъ образомъ, необходимо дойдетъ до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, что будетъ препятствовать всякому земледѣльческому успѣху, уменьшить производство и доведетъ народонаселеніе до крайней степени бѣдности, грубо-сти, невѣжества. Плугъ замѣнится лопатою, стѣснится сво-

бода сѣвооборотовъ, уменьшится количество скота и удобреній, истощится почва, и вмѣстѣ съ тѣмъ зажиточное сословіе крестьянъ превратится въ классъ мелкихъ пролетаріевъ собственниковъ, которые едва будутъ находить средства пропитанія на своемъ небольшомъ клочкѣ земли, а съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ народонаселенія необходимо погибнуть съ голоду.

Такова печальная картина, представляющаяся воображенію противниковъ свободнаго устройства и равнаго раздѣла наслѣдствъ. Дѣйствительно, если бы неограниченная свобода и равный раздѣлъ наслѣдствъ дѣйствовали въ подобной возрастающей прогрессіи, то, безъ сомнѣнія, привели бы къ подобнымъ печальнымъ результатамъ. Но эта прогрессія прежде всего не согласна съ дѣйствительнымъ развитіемъ народонаселенія. Извѣстно, что въ большей части европейскихъ государствъ развитіе народонаселенія совершается весьма медленно и въ рѣдкихъ случаяхъ превосходитъ одинъ процентъ. Поэтому, предполагая, что въ данной мѣстности находится 1000 семействъ и что народонаселеніе ежегодно возрастаетъ на одинъ процентъ, получимъ, что число семействъ черезъ 15 лѣтъ будетъ 1150, черезъ 33 года — 1388, черезъ 66 лѣтъ — 1928, черезъ 100 лѣтъ возрастетъ до 2704; средній же объемъ помѣстій въ то же время понизится до 8,6, — 7,2, — 5,2, — 3,7 десятинъ. Но этого мало. Лица, приводящія подобные математическіе расчеты и основывающія на нихъ свои выводы въ родѣ тѣхъ, что земля можетъ превратиться въ пыль, нисколько не обращаютъ вниманія на то, что несомнѣнная дробительная сила закона равнаго раздѣла наслѣдствъ дѣйствуетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ, но въ извѣстной общественной средѣ, гдѣ постоянно встрѣчаетъ себѣ сопротивление и противодѣйствіе другихъ силъ, дѣйствующихъ въ обратную сторону и способствующихъ совокупленію участковъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что раздробленіе почвы тамъ, гдѣ существуетъ законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, встрѣчаетъ себѣ прежде всего важное препятствіе въ супружескихъ союзахъ, дѣйствіе которыхъ въ этомъ отношеніи столь сильно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, совершенно уравниваетъ разъединительное начало, заключающееся въ законѣ о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ. Если одно имѣніе дѣлится между тремя или четырьмя наслѣдниками, то многія части также соединяются посредствомъ браковъ и наслѣдствъ въ побочныхъ линіяхъ.

Далѣе, если нѣкоторыя мѣстности по своему положенію, качествамъ почвы, свойствамъ климата или по близости къ многолюднымъ городамъ способствуютъ дробленію и мелкой обработкѣ, то есть также и другія, гдѣ съ успѣхомъ можетъ быть ведена только большая обработка, которая и не замедляетъ водвориться въ нихъ при первомъ благопріятномъ стеченіи условій. Стремленіе это такъ сильно, что большая обработка нерѣдко водворяется въ подобныхъ мѣстностяхъ, несмотря даже на существованіе мелкой раздробленной собственности. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ близъ Парижа, гдѣ выгоды большой обработки становятся очевидными, объемъ хозяйствъ увеличивается и фермеры округляютъ свои хозяйства, нанимая участки у различныхъ собственников¹⁾.

Этому стремленію мелкихъ, невыгодно лежащихъ участковъ къ соединенію между собою въ настоящее время особенно могущественно содѣйствуютъ двѣ силы: приложеніе механическихъ дѣятелей къ производству и приращеніе капиталовъ. Механическіе двигатели и изобрѣтенія, произведшіе столь громадный переворотъ въ промышленной области, оказываютъ въ настоящее время все болѣе и болѣе вліянія и въ области

¹⁾ De Lavergne «Econ. rurale de la France», стр. 470.—Kosegarten «Betrachtungen über die Veräusserlichkeit und Theilbarkeit des Landbesitzes» 1842. стр. 31.

сельскаго хозяйства. Съ каждымъ днемъ увеличивается количество сельскихъ машинъ и орудій, облегчающихъ производство. Если пахатныя машины не нашли себѣ еще удобнаго приложенія, то за то сѣятельныя, молотильныя, вѣяльныя, жатвенныя и др. находятся во многихъ мѣстахъ въ полномъ ходу. Въ этомъ могуществѣ механики лежитъ неодолимая сила къ соединенію мелкихъ участковъ, сила, противъ которой тщетно будетъ бороться мелкій собственникъ, если только онъ не найдетъ себѣ опоры и помощи въ мѣстныхъ и другихъ хозяйственныхъ условіяхъ.

Но самое могущественное противодѣйствіе чрезмѣрному раздробленію земли заключается въ личномъ интересѣ каждаго собственника и въ условіяхъ производства вообще тамъ, гдѣ дѣйствуетъ законъ свободнаго соперничества. Если равный раздѣлъ наслѣдствъ постоянно дробитъ землю, то въ личномъ интересѣ каждаго производителя заключается сильное и дѣйствительное побужденіе не доводить этого дробленія до крайности, вредной для производства, и сохранять тѣ размѣры, которые наиболѣе выгодны при данныхъ условіяхъ. «Двѣ причины, говоритъ Дрозъ, личный интересъ богатаго и личный интересъ бѣднаго, будутъ постоянно противодѣйствовать чрезмѣрному подраздѣленію, котораго опасаются поверхностные наблюдатели... Есть сила, которая притягиваетъ отдѣльныя поля къ фермѣ... Слишкомъ большое раздробленіе можетъ временно существовать въ какой-нибудь странѣ, но это бѣдствіе, которое современемъ исчезаетъ и находитъ себѣ вознагражденіе, почти ничтожно въ массѣ общественныхъ интересовъ».

Дѣйствительно, всякое чрезмѣрное раздробленіе почвы невыгодное для производства, носить въ самомъ себѣ причину своей гибели. Предположимъ, что вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздробленія участки дошли до такого размѣра, что не въ состояніи обрабатываться съ выгодною и обуславливаютъ пониженіе

дохода. Народонаселеніе будетъ постепенно бѣднѣть, и земля, которою оно не умѣло пользоваться разумно и съ выгодною, не замедлитъ перейти въ руки тѣхъ, которые могутъ извлечь изъ нея наибольшую выгоду. Такой результатъ неизбѣженъ. Тщетно земледѣлецъ-собственникъ будетъ стараться сохранить слишкомъ разбросанныя и раздробленныя поля; тщетно будетъ онъ удваивать прилежаніе, усилія и труды; раньше или позже онъ необходимо падетъ, какъ падаетъ всякій промышленный предприниматель, процессъ производства котораго не удовлетворяетъ требованіямъ соперничества, и земля его, обремененная долгами, не замедлитъ перейти въ руки другого лица, болѣе способнаго разумно и выгодно пользоваться ею. Таковъ общій законъ для всякаго промышленнаго предпріятія, и владѣніе землею не освобождаетъ отъ него землевладѣльцевъ. Какъ скоро обработка ихъ не даетъ столько, сколько можетъ дать другой способъ, какъ скоро они не въ состояніи удовлетворить условіямъ, которыя могли бы оплодотворить почву, гибель ихъ неизбѣжна. Если они противятся этому, потребляя мало по малу самый капиталъ, то все-таки подъ конецъ не замедлятъ пасть подъ бременемъ долговъ, ибо по необходимости наступаетъ эпоха, когда нѣсколько плохихъ годовъ принуждаютъ ихъ уступить свою поземельную собственность другимъ. Такіе примѣры нерѣдки во Франціи и во многихъ мѣстахъ Германіи. Разумѣется, подобные перевороты въ собственности и обработкѣ производятся не безъ страданій народонаселенія, не безъ печальныхъ послѣдствій для народнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе они являются спасительными кризисами для будущаго развитія, ибо устанавливають болѣе правильное пользованіе землею. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, которые послѣ подобныхъ кризисовъ имѣютъ смѣлость и средства пріобрѣтать земли, необходимо должны быть болѣе разумными и лучшими хозяевами, нежели тѣ, которые пали подъ бременемъ

долговъ и неурожаевъ, вслѣдствіе ничтожности средствъ и неумѣнія пользоваться землею. Иначе, если новые хозяева не въ состояніи будутъ удовлетворить необходимымъ требованіямъ производства, опредѣляемымъ даннымъ положеніемъ, они не замедлятъ погибнуть въ свою очередь.

Итакъ несомнѣнно, что свобода поземельной собственности и равный раздѣлъ наслѣдствъ, противодѣйствуемые другими противоположными могущественными силами, никогда не могутъ привести къ тому всеобщему раздробленію поземельной собственности и обработки въ цѣлой странѣ, о которой безпрерывно твердятъ противники свободы, не обращающіе вниманія на противодѣйствующія силы. Всѣ опасенія въ этомъ отношеніи оказываются химерическими и преувеличенными. Но если неограниченная свобода поземельной собственности и равный раздѣлъ наслѣдствъ не могутъ произвести всеобщаго раздробленія почвы въ странѣ, то, повидимому, безумно утверждать, какъ дѣлаютъ многіе защитники свободной системы, что эта система никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ довести раздробленія далѣе той границы, за которою становится невыгоднымъ существованіе участковъ извѣстныхъ размѣровъ. Подобное утвержденіе находитъ себѣ, по словамъ противниковъ свободы, рѣзкое опроверженіе въ нѣкоторыхъ частныхъ примѣрахъ, представляемыхъ устройствомъ хозяйства и распредѣленія собственности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, средней и южной Германіи, отчасти Италіи, Испаніи, Швеціи, гдѣ свобода поземельной собственности нерѣдко приводитъ къ чрезмѣрному раздробленію, быстрому и частому переходу поземельной собственности изъ рукъ въ руки, къ тягостному обремененію земли долгами и наконецъ, къ секвестрамъ и распродажѣ имуществъ.

Изъ множества примѣровъ, которые находятся у насъ подъ руками, остановимся на одномъ болѣе поразительномъ примѣ-

рѣ, именно на чрезмѣрномъ раздробленіи земли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Рейнѣ, гдѣ законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ существуетъ съ давняго времени. Вильгельми, изучавшій этотъ вопросъ на мѣстѣ, по порученію прусскаго правительства, слѣдующимъ образомъ описываетъ послѣдствія этого дробленія: «Черезполосность и дробность дошли до того, что принятіе законодательныхъ мѣръ для округленія участковъ становится необходимымъ. Пахатная земля, прирѣзанная къ деревнѣ, обыкновенно дѣлится на нѣсколько частей по мѣстному удобству; въ каждой изъ нихъ всѣ земледѣльцы той деревни имѣютъ по нѣскольку полосокъ; у инаго принадлежащая ему земля состоитъ изъ 80 и до 120 несвязанныхъ между собою кусковъ; конца дробленію предвидѣть нельзя, ибо въ видахъ соблюденія уравнительности при семейныхъ раздѣлахъ принято обычаемъ дѣлить каждую полосу на столько частей, сколько состоитъ на лицо наслѣдниковъ. Такимъ образомъ, количество дѣлянокъ возрастаетъ до безконечности; нѣкоторыя изъ нихъ такъ узки, что черезъ нихъ можно перешагнуть; съ одного луга хозяйка убираетъ все накошенное сѣно въ своемъ передникѣ. Кругомъ можно полагать на каждую дѣлянку треть моргена или 187 кв. сажень. Само собою разумѣется, что рѣдкая изъ нихъ имѣетъ правильную форму, удобную для обработки; но это еще не все: доступъ къ этимъ дѣлянкамъ становится почти невозможнымъ. Чтобы попасть на свой участокъ должно проѣхать черезъ десять чужихъ, а постоянныхъ дорогъ къ каждому нѣтъ возможности провести; иначе половина поля ушла бы на дороги. По той же причинѣ нельзя ясными знаками обозначить предѣлы владѣнія; сами хозяева безпрестанно въ нихъ сбиваются; отсюда безконечныя тяжбы, жалобы на поправки и совершенная невозможность правильнаго хозяйства»¹⁾.

¹⁾ Ю. Самарина „Общинное владѣніе и собст.". Сел. Бл. 1858. № 10.

Что подобное раздробленіе участковъ, принадлежащихъ одному и тому же собственнику имѣетъ весьма вредныя послѣдствія для земледѣлія, въ этомъ согласны всѣ извѣстнѣйшіе ученые и практическіе агрономы. Легко видѣть всѣ гибельныя послѣдствія такого дробленія для земледѣльца, который долженъ тратить много драгоцѣннаго времени при переходѣ съ одного участка на другой для производства работъ, на перевозку произведеній, жатвъ, удобреній и т. д. Къ потерѣ времени присоединяется трудность наблюдать и охранять жатву; легко порождаются столкновенія съ многочисленными сосѣдями, составляющія источникъ нескончаемыхъ процессовъ и тяжбъ. Кромѣ того, пропадаетъ значительное количество земли для производства, вслѣдствіе множества бесполезныхъ дорогъ и пограничныхъ бороздъ; на дорогахъ скрывается множество насѣкомыхъ, вредныхъ для посѣвовъ; хлѣбъ, стоящій по краямъ, всегда худшаго качества, нежели находящійся въ серединѣ и терпитъ отъ потравъ прогоняемаго скота; при перевозкѣ мелкими частями бесполезно растрачивается и пропадаетъ значительное количество удобреній; происходитъ множество затрудненій относительно улучшенія хозяйства. Истребленіе сорныхъ травъ бесполезно, если смежный владѣлецъ не предприметъ подобной же операціи, потому что сѣмена травъ заносятся вѣтромъ; перемѣна системы хозяйства невозможна, ибо участки перемѣшаны другъ съ другомъ и требуютъ одновременныхъ работъ, вслѣдствіе чего каждый зависитъ отъ системы, принятой сосѣдями; устройство искусственныхъ луговъ невозможно, ибо участки перемѣшаны съ сосѣдними, гдѣ на паровыхъ поляхъ пасется скотъ, постоянно угрожающій посѣву; наконецъ, значительныя затраты на орошеніе, осушеніе и т. п. также невозможны, ибо необходимо не только согласіе сосѣдей, но также и участіе ихъ въ издержкахъ. Словомъ, дѣятельный, образованный и предприимчивый хозяинъ

не можетъ совершать никакихъ улучшеній и необходимо долженъ придерживаться старинной трехпольной системы, вслѣдствіе чего производительность бываетъ ничтожна, доходъ незначителенъ и успѣхи земледѣлія невозможны ¹⁾).

Въ виду подобныхъ фактовъ, представляемыхъ хозяйствами почти всѣхъ странъ, повидимому, никоимъ образомъ, нельзя согласиться, что неограниченная свобода дробленія поземельной собственности и равный раздѣлъ наслѣдствъ не оказываютъ вреднаго вліянія на земледѣльческую промышленность и на распределеніе поземельной собственности. Дѣйствительно, какимъ образомъ могли произойти подобныя явленія, вредныя для всѣхъ и въ нравственномъ и въ хозяйственномъ отношеніи? Какимъ образомъ личный интересъ могъ допустить установленіе подобнаго безобразнаго порядка въ родѣ того, который установился на Рейнѣ? Почему онъ не научилъ cadaго болѣе выгодному пользованію землею? Отчего бы членамъ семьи не вести своего хозяйства вмѣстѣ, раздѣливъ между собою занятія, а не земли?

Таковы возраженія нѣкоторыхъ противниковъ свободнаго поземельнаго устройства, возраженія, повидимому, доказывающія несостоятельность неограниченной свободы распоряженія землею. Но дѣйствительно ли справедливы эти упреки, дѣйствительно ли подобное раздробленіе было единственнымъ послѣдствіемъ свободы поземельнаго устройства, а не какихъ либо другихъ причинъ? Вопросъ этотъ стоитъ тщательнаго разсмотрѣнія и достаточно правильное рѣшеніе его можетъ послужить окончательнымъ отвѣтомъ противникамъ свободнаго устройства. Разсматривая причины подобной черезполосности, мы видимъ, что онѣ происходятъ отчасти отъ историчес-

¹⁾ Thudichum «Untersuchungen über die Nachtheile der Boden-zersplitterung» etc. 1857. стр. 5 и сл.

кихъ причинъ, отъ чрезвычайно быстраго перехода отъ прежней системы замкнутости къ неограниченной свободѣ, отчасти отъ различныхъ общественныхъ учрежденій и нѣкоторыхъ законодательныхъ мѣръ.

Нѣтъ сомнѣнiя, что начало подобному порядку вещей во всей Европѣ было положено прежними системами земледѣлiя и пользованiя землею. Первый зародышъ его коренится въ общинномъ владѣнiи и трехпольномъ хозяйствѣ, которое побуждало cadaго хозяина имѣть различнаго рода и различно расположенные участки. Извѣстно, что общинная земля дѣлилась на нѣсколько полосъ и каждому хозяину отводились участки въ каждой полосѣ ¹⁾).

Когда отъ общиннаго владѣнiя пахатными землями перешли къ личному способу владѣнiя, земля уже была раздроблена, и такимъ образомъ раздробленiе существовало во всей Европѣ еще до введенiя свободы поземельной собственности и равнаго раздѣла наслѣдствъ. Очевидно, какъ несправедливо приписывать подобное раздробленiе земли исключительно свободѣ поземельнаго устройства. Но, если свобода поземельной собственности нисколько не виновна въ происхожденiи этого зла, которое болѣе справедливымъ образомъ можно приписать прежней патрiархальной системѣ, тѣмъ не менѣе нельзя отвергать того, что быстрый переходъ отъ несвободной системы къ свободной, послужилъ къ усиленiю существовавшаго уже и глубоко вкоренившагося зла. Свобода поземельной собственности, безъ всякаго сомнѣнiя, есть лучшее средство для достиженiя наиболѣе правильнаго распредѣленiя поземельной собственности и обработокъ, но для полнаго проявленiя всѣхъ своихъ благотѣльныхъ послѣдствiй, она необходимо требу-

¹⁾ Hanssen «Ueber den Flurzwang und dessen Aufhebung» Archiv der polit. Oekonomie von Rau. 1844. ч. 2, стр. 54.

еть отъ народонаселенія извѣстныхъ качествъ и свойствъ, которыя, въ свою очередь, могутъ быть пріобрѣтены только при долгомъ пользованіи свободою. Поэтому не удивительно, что народонаселеніе долгое время находившееся подъ вліяніемъ средне-вѣковой системы покровительства и патроната, при быстромъ переходѣ къ системѣ полной гражданской и экономической свободы не оказало тѣхъ качествъ, которыя необходимо требуются свободою поземельной собственности и только ею могутъ быть порождены. Крестьяне, столь долго лишенные самостоятельности и права свободного владѣнія и распоряженія поземельною собственностью, весьма естественно съ особенною страстью и увлеченіемъ бросились на поземельную собственность, пріобрѣтая ее во что бы то ни стало и въ какихъ бы то ни было размѣрахъ. Естественная склонность человека къ пріобрѣтенію поземельной собственности, превратившаяся въ страсть вслѣдствіе долгаго историческаго гнета и лишенія, постоянно заглушала голосъ разсудка и приводила къ чрезмѣрному дробленію; тѣмъ болѣе что сначала подобное дробленіе прежнихъ недѣлимыхъ участковъ было выгодно и содѣйствовало производству, вслѣдствіе чего образовался обычай дробить отцовское наслѣдство, обычай, отъ котораго нелегко уже было разомъ отказаться даже тогда, когда дробленіе наслѣдства становилось невыгоднымъ для производства. Отсюда легкомысленное поведеніе крестьянъ относительно раздѣла наслѣдственныхъ участковъ, поведеніе, которое нерѣдко приводило ихъ къ печальнымъ кризисамъ, вслѣдствіе обѣднѣнія, чрезмѣрныхъ долговъ, распродажи имущества.

Таковы были естественныя послѣдствія быстраго перехода крестьянъ отъ системы замкнутости и ограниченности поземельной собственности къ полной свободѣ. Но все доказываетъ, что подобныя бѣдствія были только временныя и пере-

ходныя. Въ этомъ насъ вполнѣ убѣждаетъ наблюденіе надъ нравами крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ свобода существуетъ съ болѣе давняго времени и гдѣ вслѣдствіе того крестьяне болѣе развиты и лучше сознаютъ свои собственные выгоды. Исторія крестьянскихъ нравовъ представляетъ множество въ высшей степени любопытныхъ чертъ въ этомъ отношеніи.

Во Фландріи, хотя не существуетъ никакихъ закономъ установленныхъ ограниченій для дробимости поземельной собственности, тѣмъ не менѣе привычка не раздроблять хозяйствъ и мнѣніе, что подобное раздробленіе не выгодно, до того сильно укоренились въ народѣ, что нынѣ, когда крестьянинъ умираетъ и оставляетъ нѣсколькихъ дѣтей, то эти послѣдніе нисколько не думаютъ раздѣлять между собою наслѣдство. Они скорѣе соглашаются продать отцовское наслѣдіе въ цѣлости и раздѣлить вырученную отъ продажи сумму, считая это наслѣдство драгоцѣннымъ камнемъ, который теряетъ свою цѣнность отъ раздробленія его на части ¹⁾.

«Раздробленіе, производимое не экономическими потребностями, говоритъ Лавеле, не интензивностью запроса, но вслѣдствіе раздѣла наслѣдствъ, можетъ представлять дѣйствительныя неудобства и вредить производительнымъ силамъ почвы. Къ счастью, это случается весьма рѣдко и, можно даже сказать, никогда въ областяхъ, гдѣ обработка ведется съ наибольшею разумностью, какъ, напримѣръ, въ Вазской странѣ. Когда раздробленіе фермы или участка земли можетъ повести къ уменьшенію цѣнности его или къ затрудненію обработки, то наслѣдники почти всегда слишкомъ проникнуты сознаніемъ собственного интереса, чтобы требовать раздѣла. Въмѣсто того, чтобы понизить цѣнность собственности раздробленіемъ ея,

¹⁾ Rau «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» 373.

они продаютъ ее, уступаютъ другъ другу или оставляютъ въ нераздѣльномъ владѣніи ¹⁾).

Подобные же примѣры все чаще и чаще встрѣчаются во Франціи и представляютъ весьма любопытную черту нравовъ. По свидѣтельству Лепле, въ Бретани, Овернѣ, въ нѣкоторыхъ южныхъ провинціяхъ сила старинныхъ нравовъ довольно могущественна еще въ семьяхъ для противодѣйствія закону равнаго раздѣла наслѣдствъ и для сохраненія отцовскаго наслѣдія недѣлимымъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ даже древній обычай не даетъ никакихъ особенныхъ преимуществъ старшему сыну, выгоды, происходящія отъ нераздѣльнаго сохраненія отцовскаго имущества, побуждаютъ наслѣдниковъ передавать его одному лицу. Такъ, у огородниковъ вблизи Парижа, сами дѣти, если только отецъ не приготовилъ при жизни рѣшенія этого вопроса, уступаютъ обыкновенно все имѣніе болѣе способному наслѣднику съ условіемъ, чтобы онъ выплатилъ слѣдующую имъ долю наслѣдства. Въ Севенскихъ горахъ, гдѣ господствуетъ обработка тутовыхъ деревьевъ, а также во многихъ южныхъ и центральныхъ мѣстностяхъ, мелкіе собственники стараются при жизни посредствомъ различныхъ уловокъ передать собственность одному наслѣднику. Въ Морванѣ дочерямъ обыкновенно стараются дать приданое съ условіемъ, чтобы онѣ отказались отъ земли ²⁾).

Подобные же примѣры встрѣчаются, наконецъ, во всѣхъ странахъ, гдѣ съиздавна господствуетъ свободная обработка крестьянами собственниками: во многихъ кантонахъ Швейцаріи, въ Норвегіи, въ южномъ Тиролѣ, въ сѣверной побережной Германской равнинѣ, въ Голштиніи, Шлезвигѣ, Альтенбургѣ, Аалгау, Вестфалии, возлѣ Гамбурга, въ баварскихъ и баден-

¹⁾ Laveleye «Economie rurale de la Belgique», Revue de deux mondes. 1860 1 Décem. стр. 746.

²⁾ Leplay «Les ouvriers européens», стр. 241.

скихъ мѣстностяхъ; словомъ, всюду, гдѣ сохранились старинные обычаи, коренившіеся въ правильной оцѣнкѣ хозяйственной жизни ¹⁾).

Такимъ образомъ, нельзя не признать, что въ этихъ описанныхъ нами случаяхъ, народный тактъ, пріобрѣтенный опытомъ, сильнѣе и несравненно лучше, нежели законъ опредѣляетъ норму, далѣе которой участокъ не долженъ подлежать дальнѣйшему дробленію.

Но если свобода поземельной собственности для того, чтобы произвести всѣ свои благодѣтельные послѣдствія, требуетъ отъ народонаселенія извѣстныхъ личныхъ качествъ, воздержанія, предусмотрительности, осторожности, то не менѣе настоятельно требуетъ она также извѣстной общественной организаціи, находящейся въ полномъ согласіи съ нею. Свобода поземельной собственности не составляетъ собою отдѣльнаго цѣлаго, но является только частью извѣстной системы государственнаго и общественнаго устройства. Поэтому необходимыми условіями существованія ея являются свобода промышленности, а также свобода мѣстожителства — эти два существенныя условія неограниченнаго пользованія духовными и физическими силами, составляющими драгоцѣннѣйшее благо, какъ цѣлаго народа, такъ и въ особенности низшихъ классовъ. Только при существованіи этихъ условій можно надѣяться, что излишнее земледѣльческое народонаселеніе будетъ переселяться въ города и, предаваясь промышленности, увеличивая городское сословіе, будетъ въ свою очередь доставлять земледѣльцамъ болѣе обширный рынокъ и болѣе высокія цѣны. Если же поземельная собственность мобилизована, въ промышленности же господствуютъ замкнутые цѣхи и корпораціи и

¹⁾ Schenk «Ueber die Folgen der Güter-Zersplitterung», 1853. стр. 5. — Kosegarten. стр. 11. — Roscher «System der Volkswirthschaft», т. 2, стр. 381. — Rau «Volkswirtschaftslehre» § 374.

переходъ въ города излишняго земледѣльческаго народонаселенія затрудненъ, то возрастающее земледѣльческое народонаселеніе, по необходимости предаваясь земледѣлію, все болѣе и болѣе дробить отцовскія наслѣдія и наконецъ, доводитъ раздробленіе земли до такой крайности, что первые неурожайные годы приводятъ его въ самое бѣдственное положеніе, къ распродажѣ имуществъ и эмиграціи, какъ это очевидно доказалъ опытъ Виртемберга.

Наконецъ, полная свобода поземельной собственности необходимо требуетъ соотвѣтственнаго ей законодательства относительно передачи поземельной собственности и въ особенности относительно передачи наслѣдствъ.

Наслѣдственное право, непосредственно вытекающее изъ права собственности, составляетъ краеугольный камень всякаго гражданского общества и государственнаго союза. Оно является необходимымъ условіемъ для вѣчности государствъ, для прочности семейныхъ узъ, для возбужденія наибольшаго прилежанія, для кредита, словомъ, для всѣхъ общественныхъ отношеній. Оно соединяетъ людей, потому что, по словамъ Цахаріэ, увѣковѣчиваетъ ихъ ¹⁾. Это право въ рукахъ государства всегда служило могущественнымъ орудіемъ распределенія поземельной собственности, а слѣдовательно орудіемъ вліянія на успѣхи земледѣлія и сельскаго хозяйства, на общее благосостояніе и развитіе страны. Смотри по характеру и цѣли, къ которой стремился законодатель, онъ давалъ этому праву то или другое направленіе и достигалъ тѣхъ или другихъ результатовъ. Такъ, извѣстно, что въ большей части феодальныхъ государствъ, передача наслѣдствъ совершалась на основаніи майоратовъ, фидеикомиссовъ, субституцій и другихъ ограниченій, стремившихся удержать собственность въ

¹⁾ Zachariä «Vierzig Bücher von Staat», ч. 3, стр. 234.

рукахъ немногихъ привилегированныхъ лицъ. Мы не будемъ вдаваться въ опроверженіе несправедливости и зловредности подобныхъ учрежденій. Вопросъ этотъ окончательно рѣшенъ въ теоріи и практикѣ, и въ настоящее время повсемѣстно признано, что наиболѣе справедливый и полезный для общества законъ есть законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ.

Но система равнаго раздѣла наслѣдствъ не во всѣхъ европейскихъ государствахъ существуетъ въ одномъ и томъ же видѣ. Въ то время какъ одни законодательства рѣшили вопросъ равнаго раздѣла наслѣдствъ въ пользу полной завѣщательной свободы, предоставивъ себѣ право опредѣлять равный раздѣлъ наслѣдствъ только въ томъ случаѣ, когда не оставлено завѣщанія; другія законодательства приняли на себя обязанность опредѣлять равный раздѣлъ наслѣдствъ даже помимо воли завѣщателя. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательнъ французскій законъ, имѣвшій громадное историческое значеніе и еще въ настоящее время находящій горячихъ защитниковъ и поклонниковъ. Подъ вліяніемъ событій конца прошлаго вѣка, французскіе законодатели, не довольствуясь тѣмъ, что уничтожили всѣ средне-вѣковыя узы, связывавшія поземельную собственность, установили, кромѣ того, обязательное равенство наслѣдства и ограничили власть отца семейства распоряжаться собственностью самыми тѣсными предѣлами. По французскому нынѣ дѣйствующему закону, лице имѣющее одного наслѣдника можетъ распоряжаться только половиною своей собственности; лице имѣющее двухъ наслѣдниковъ можетъ располагать только третьею частью; тѣ же, которыя имѣютъ болѣе двухъ, могутъ располагать только четвертою частью. Въ случаѣ же смерти безъ завѣщанія, собственность дѣлится поровну, не обращая вниманія на полъ и старшинство. Такъ какъ законъ этотъ имѣлъ громадное вліяніе на законодательства многихъ другихъ европейскихъ государствъ,

то весьма важно опредѣлить, на сколько онъ соотвѣтствуетъ общественной пользѣ, свободѣ и справедливости.

Большая часть французскихъ ученыхъ признаютъ этотъ законъ, предписывающій обязательный раздѣлъ наслѣдствъ, вполне согласнымъ съ принципомъ свободы, столь ревностно провозглашаемымъ экономистами. Но дѣйствительно ли этотъ законъ соотвѣтствуетъ принципу свободы вообще и свободы поземельной собственности въ частности? Подъ понятіемъ свободного распоряженія поземельною собственностью должно понимать, безъ всякаго сомнѣнія, такое положеніе, въ которомъ никакія административныя и законодательныя мѣры, никакія общественныя учрежденія не препятствуютъ какъ раздѣленію, такъ и совокупленію участковъ по произволу, и гдѣ всѣ перемены въ поземельной собственности совершаются единственно по личной воли собственниковъ, сообразно ихъ потребностямъ и желаніямъ, руководимымъ личнымъ интересомъ. Очевидно, что всякое вмѣшательство закона, какъ въ пользу соединенія и нераздѣльности участковъ, такъ и обратно въ пользу раздробленія, составляетъ нарушеніе этой свободы, и тамъ, гдѣ существуютъ подобныя мѣры, тамъ нѣтъ полной, неограниченной свободы относительно поземельной собственности. Во французскомъ же законѣ государство беретъ на себя обязанность содѣйствовать лучшему распредѣленію поземельной собственности, поощряя раздробленіе и лишая такимъ образомъ собственника возможности распорядиться при смерти своимъ имуществомъ, какъ ему кажется лучше и справедливѣе. Очевидно, что равный раздѣлъ наслѣдствъ, совершаемый противъ воли собственника, по распоряженію закона, есть такое же нарушеніе свободы, какъ и непосредственная передача по закону одному лицу, помимо другихъ наслѣдниковъ.

Обыкновенно главный доводъ въ пользу этого закона заключается въ томъ, что онъ будто бы удовлетворяетъ требованію

ямъ справедливости и не можетъ быть, чтобы то, что справедливо, было бы вредно въ народномъ хозяйствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сравненіи съ закономъ первородства, равный раздѣлъ наслѣдствъ по закону имѣетъ на своей сторонѣ большую справедливость, но дѣйствительно ли онъ справедливъ въполнѣ? Въ этомъ можно сильно усомниться. Если поземельная собственность находится въ рукахъ тѣхъ, которые пріобрѣли ее цѣною трудолюбивой, экономной и дѣятельной жизни, то по какому праву законъ можетъ отнимать у собственника возможность распоряжаться при смерти своимъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ честнымъ трудомъ? По какому праву, вторгаясь въ область семейныхъ отношеній, онъ лишаетъ отца семейства права и возможности распорядиться своей собственностью между дѣтьми по заслугамъ, по ихъ положенію, по ихъ большей или меньшей обезпеченности? По какому праву, отецъ, накопившій поземельную собственность цѣною лишеній, труда и бережливости, необходимо долженъ оставить часть его сыну моту, развратнику, непослушному? Почему онъ необходимо долженъ оставить равную часть сыну, въполнѣ установившемуся, разбогатѣвшему въ то время, когда онъ имѣетъ братьевъ, сестеръ и другихъ дѣтей, лишенныхъ всякаго состоянія и въ юномъ возрастѣ? Это очевидная несправедливость, которая можетъ быть оправдана только требованіемъ общественнаго блага. Но, что сказать о законѣ, который, дѣйствуя подобнымъ образомъ, не только не содѣйствуетъ общему благу, но напротивъ вредитъ ему; ибо нѣтъ сомнѣнія, что законъ обязательнаго равнаго раздѣла наслѣдствъ, нарушая личную свободу, нарушая требованія справедливости, является не менѣе вреднымъ съ точки зрѣнія общественной пользы.

Нѣтъ сомнѣнія, что онъ оказываетъ самое вредное вліяніе какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Дѣлая дѣтей въ извѣстной степени независимыми, онъ подрыв-

ваетъ семейныя узы, ослабляетъ отцовскую власть и вмѣстѣ съ тѣмъ, подавая имъ надежду на наслѣдство, лишаетъ ихъ энергіи, парализируетъ ихъ усилія и дѣлаетъ ихъ менѣе предпріимчивыми, нежели еслибы они не имѣли подобной надежды. Ограничивая право свободного распоряженія поземельною собственностью, онъ уменьшаетъ побужденіе къ накопленіямъ и побуждаетъ французскихъ капиталистовъ собирать денежные богатства предпочтительно передъ помѣщеніемъ ихъ въ поземельной собственности, что безъ всякаго сомнѣнія не остается безъ вреднаго вліянія на распределеніе поземельной собственности и на развитіе земледѣлія. Но этого мало. Законъ этотъ, дѣйствуя губительнымъ образомъ на семейныя узы, на ослабленіе бережливости, порождаетъ, сверхъ того, чрезмѣрное земледѣльческое народонаселеніе и чрезмѣрное раздробленіе земли. Сильное предпочтеніе, которое питаютъ дѣти земледѣльца къ отцовскому занятію, замѣчено всѣми, сколько-нибудь знакомыми съ сельскою жизнью. Очевидно, что законъ, обуславливающей обязательный раздѣлъ поземельной собственности, доставляетъ чрезвычайныя удобства для исполненія этого предпочтенія. Онъ доставляетъ многимъ лицамъ, которыя иначе должны были бы переселиться въ города или предаться другимъ занятіямъ, возможность продолжать свою жизнь, которая имъ болѣе сродна и нравится по раннимъ воспоминаніямъ молодости, столь сильно дѣйствующимъ на всякаго. Поэтому въ большинствѣ случаевъ они продолжаютъ оставаться на небольшомъ участкѣ, влѣдствіе чего увеличивается земледѣльческое народонаселеніе и раздробленіе земли. Въ этомъ заключается главная причина тѣхъ бѣдственныхъ кризисовъ, которые столь часто и столь несправедливо приписываются свободѣ поземельной собственности. Очевидно, что хотя обязательный законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, противодѣйствуемый другими силами, не можетъ произвести окон-

чательнаго раздробленія земли, тѣмъ не менѣе онъ можетъ производить постоянные періодическіе кризисы въ земледѣліи, что, безъ всякаго сомнѣнія, не можетъ имѣть хорошаго вліянія на народное хозяйство и народное благосостояніе. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ слова Лепле, автора весьма замѣчательнаго сочиненія «*Les ouvriers européens*». «Вообще теорія, требующая насильственнаго раздробленія земли, говоритъ онъ, рѣдко оправдывается дѣйствительнымъ положеніемъ народонаселенія. Всякое препятствіе, мѣшающее распредѣленію почвы сообразно заботливости и усмотрѣнію отцовъ семействъ, составляетъ причину непрочности для отдѣльныхъ лицъ и упадка для государствъ... Изученія, произведенныя нами во многихъ сельскихъ округахъ, часто давали намъ возможность оцѣнить выгоды, полученныя при помощи вліянія новыхъ гражданскихъ законовъ, содѣйствовавшихъ переходу помѣстій, находившихся прежде въ мертвой рукѣ и подъ вліяніемъ субституцій; но они также показали намъ, что нерѣдко послѣ достиженія этой цѣли, законы эти приводятъ къ другой крайности. Раздробивъ съ пользою большія помѣстья, они продолжаютъ роковымъ образомъ дѣйствовать въ одномъ и томъ же направленіи и дробятъ, въ свою очередь, скромныя существованія, которыя стремились организовать. Послѣ смерти собственника они въ большей части случаевъ приводятъ къ раздробленію земледѣльческой единицы, образованіе которой было дѣломъ цѣлой жизни, полной труда и бережливости. Въ этомъ отношеніи французскіе законы о наслѣдствѣ переходятъ предѣлы, начертанныя европейскимъ преданіемъ: они дѣлаютъ насиліе чувству, называемому владѣніемъ землею; при всякой новой передачѣ поземельной собственности, они производятъ огромную потерю производительной силы и такимъ образомъ дѣйствуютъ во вредъ мелкой собственности. Предусмотрительный земледѣлецъ, который въ теченіи всей своей жизни, по-

льной труда и обдуманности, соединилъ все необходимыя для существованія семьи элементы: жилище, огородъ, виноградникъ, конопляникъ, пахатную землю и луга, который обогатилъ все оградами и плантаціями, и посредствомъ разумныхъ заботъ удвоилъ производительную силу земли, не можетъ допустить мысли, что это дѣло непрерывныхъ улучшеній, вмѣсто того, чтобы быть продолжаемо однимъ изъ его дѣтей, будетъ разрушено послѣ его смерти. Еслибъ его не поддерживала надежда, еслибы не было средствъ избѣжать закона и еслибъ онъ понялъ, что все его усилія эфемерны, то онъ пересталъ бы заботиться и не распространялъ бы своихъ усилій за предѣлы своей жизни. Его отчаяніе проявилось бы въ особенности въ отсутствіи этихъ плантацій, этихъ живыхъ оградъ, этихъ разсѣянныхъ жилищъ, которымъ путешественникъ дивился уже до революціи во многихъ мѣстахъ Беарна, которыя придаютъ столько прелести нѣкоторымъ округамъ Ломбардіи, Швейцаріи, Германіи, Голландіи, Швеціи и Норвегіи и вообще всемъ мѣстностямъ, гдѣ господствуетъ начало нераздѣльной передачи наслѣдствъ».

Подобныя же явленія замѣчаетъ онъ, говоря объ Испаніи: «Невыгоды, которыя начинаютъ проявляться, не позволяютъ видѣть въ новомъ устройствѣ окончательной организаціи. Принудительный раздѣлъ наслѣдствъ безъ ограниченія, наложенный на всехъ наслѣдниковъ, вызываетъ во многихъ сельскихъ округахъ дробленіе почвы далѣе границъ, требуемыхъ удобствами земледѣлія и въ особенности интересами собственниковъ. Соединяясь съ обыкновенными послѣдствіями личной непредусмотрительности, это новое устройство не замедлитъ произвести и здѣсь въ многочисленныхъ семьяхъ типъ уже общій во Франціи и Германіи бѣдняковъ собственниковъ». «Здѣсь, точно также, какъ во Франціи, прибавляетъ онъ, законъ этотъ относительно наслѣдствъ явно повлекъ умень-

шеніе отцовской власти и забвеніе обязанностей относительно родителей».

Такимъ образомъ несомнѣнно, что законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, доведенный до такой крайности, противорѣчитъ свободѣ, справедливости и общественной пользѣ. Но утверждая подобную вещь, нельзя не признать за нимъ нѣкоторой исторической необходимости, объясняемой извѣстною эпохою и извѣстнымъ стеченіемъ условій. Французскій законъ о наслѣдствѣ былъ изданъ при исключительныхъ обстоятельствахъ съ цѣлью уничтожить основаніе феодальной аристократіи, оказавшейся столь вредною для Франціи. Извѣстно, что вся система предшествовавшая французской революціи, была основана на искусственномъ сосредоточіи поземельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ, вслѣдствіе различныхъ историческихъ обстоятельствъ, майоратовъ, фидеикомисовъ, субституцій и т. д. Слѣдствіемъ этого было самое несправедливое и гибельное распредѣленіе поземельной собственности, вредное какъ для народнаго производства, такъ и для народнаго благосостоянія. Огромныя пространства земель оставались необработанными въ рукахъ большихъ землевладѣльцевъ и производили только дичь, причинявшую потерю для сосѣднихъ полей. Англійскій земледѣлецъ Ар. Юнгъ, посѣтившій въ эту эпоху различныя французскія провинціи, съ особенною силою рисуетъ гибельныя послѣдствія совокупнаго дѣйствія абсентеизма и сосредоточенія поземельной собственности. Не удивительно, что подъ вліяніемъ подобнаго положенія, возникла мысль о необходимости раздробить землю. Мысль эта, приложенная въ абсолютной формѣ, отличавшей эту эпоху, сдѣлалась любимою темою правительства, науки и литературы. Въ земледѣльцѣ, обрабатывающемъ свое поле, держащемся вдали отъ богатства и бѣдности, подъ скромною крышею котораго на ряду съ трудомъ и трезвостью господствуютъ гражданскія доблести, гдѣ

воспитывается суровая семья, доставляющая добрых граждан и защитников отечеству, видѣли типъ національности, плодотворный корень, изъ котораго постоянно почерпаются новыя силы государства. Подъ вліяніемъ подобной мысли, справедливой въ своей основѣ, прибѣгли ко всеѣмъ средствамъ раздробленія почвы и, между прочимъ, къ закону о равномъ обязательномъ раздѣлѣ наслѣдствъ, чтобы при помощи его раздробить тѣ громадныя помѣстья, которыя порвоначально образовались при помощи завоеванія и насилія и сохранялись потомъ въ теченіе болѣе нежели тысячелѣтія при помощи искусственныхъ мѣръ. Разсматривая этотъ законъ съ этой точки зрѣнія, нельзя не признать за нимъ весьма важныхъ благотѣльных послѣдствій. Но очевидно, что законъ пригодный при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не можетъ служить постояннымъ руководствомъ для народно-хозяйственной политики и не замедлитъ сдѣлаться отяготительнымъ и вреднымъ при перемѣнѣ условій. Къ такому состоянію, пришла въ настоящее время и Франція. Законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, дѣйствовавшій въ теченіе болѣе полувѣка, вполне достигъ своего временнаго назначенія. Нынѣ все привилегіи и монополіи поземельной собственности уничтожены; поземельная собственность сдѣлалась доступною каждому и является уже не слѣдствіемъ привилегій и другихъ незаконныхъ и несправедливыхъ мѣръ, а какъ плодъ труда и бережливости; она достаточно раздробилась, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздробленіе пошло далѣе, чѣмъ нужно. Очевидно, что равный раздѣлъ наслѣдствъ по закону, не обусловливаемый уже необходимостью, продолжая оказывать свое дробительное вліяніе, нерѣдко можетъ оказаться губительнымъ и привести къ дробленію, вредному для народнаго производства и благосостоянія. Разумѣется, болѣе разумныя земледѣльцы всегда успѣютъ обойти его и достигнуть благосостоянія вопреки ему, но не все равно, нахо-

дѣть ли народонаселеніе въ законѣ поощреніе для своей дѣятельности, или, напротивъ, должно бороться съ нимъ.

Такимъ образомъ очевидно, что обязательный законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ, находящій себѣ оправданіе въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, никоимъ образомъ не можетъ служить общимъ правиломъ, достойнымъ подражанія. При нормальномъ состояніи общества, онъ можетъ быть гибельнымъ для народнаго хозяйства, противнымъ справедливости, нарушающимъ свободу распоряженія своимъ имуществомъ; наконецъ, вреднымъ въ нравственномъ отношеніи, потому что имѣетъ свойство ослаблять узы, связывающія дѣтей съ родителями. Чтобы осуществить полную свободу относительно поземельной собственности, необходимо предоставить каждому владѣльцу недвижимой собственности, пріобрѣтенной трудомъ, дѣйствительную свободу не только относительно распоряженія во время жизни, но и свободу завѣщанія при смерти, съ тѣмъ только, чтобы его свобода не нарушала свободы другихъ. Въ такомъ только случаѣ будетъ существовать также равный раздѣлъ наслѣдствъ, и въ этомъ ручаются намъ тѣ естественныя чувства любви и справедливости, которыя одушевляютъ каждаго отца семейства; но онъ будетъ существовать не насильственно, не по закону, а по чувству любви и справедливости, по разумному сознанію частной и общественной пользы; ибо несомнѣнно, что при такомъ устройствѣ, дѣйствительно соотвѣтствующемъ требованіямъ справедливости, онъ никогда не можетъ привести къ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которыя иногда вызываютъ справедливыя упреки со стороны противниковъ свободы поземельнаго устройства. Но, снова повторяемъ, что для осуществленія подобнаго желательнаго порядка вещей, необходимо, чтобы поземельная собственность пришла въ нормальное состояніе, соотвѣтственное требованіямъ справедливости и основывалась не на привилегіяхъ, а

на экономическомъ принципѣ труда. Если же поземельная собственность сосредоточена вслѣдствіе предшествовавшихъ историческихъ условій, то законъ равнаго раздѣла наслѣдствъ является необходимымъ условіемъ для болѣе правильнаго распредѣленія поземельной собственности. И только вслѣдъ за этимъ періодомъ, когда земля достаточно раздробится, причемъ, безъ сомнѣнія, не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ вредныхъ крайностей, можетъ наступить періодъ дѣйствительно полной свободы относительно распредѣленія поземельной собственности. Въ этомъ заключается задача будущаго, и все предвѣщаетъ, что оно не замедлитъ осуществить ее въ непродолжительномъ времени.

Итакъ, разсматривая причины, которыя главнымъ образомъ породили чрезмѣрное дробленіе въ различныхъ государствахъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что это зло обусловливается не свободою поземельной собственности, а совершенно иными причинами, именно: предшествовавшими системами хозяйства и пользованія землею, быстротою перехода отъ средне-вѣковой системы замкнутости и недѣлимости къ полной свободѣ, недостаточнымъ проведеніемъ принципа свободы во всѣхъ отрасляхъ народной дѣятельности; наконецъ, нѣкоторыми законодательными мѣрами, преимущественно же обязательнымъ закономъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдствъ. Но каковы бы ни были причины, несомнѣнно что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно во Франціи и Германіи, примѣры чрезмѣрнаго раздробленія существуютъ. Поэтому рождается вопросъ, какимъ образомъ должно дѣйствовать государство въ виду подобныхъ фактовъ? Должно ли оно оставаться равнодушнымъ зрителемъ, или принять нѣкоторыя мѣры для прекращенія зла? Вопросъ этотъ въ теоріи и практикѣ рѣшался различно. Во многихъ государствахъ приняты различныя мѣры для ограниченія чрезмѣрнаго дробленія. Особенно богато подобными мѣ-

рами законодательство различныхъ германскихъ государствъ. Оно представляетъ цѣлый рядъ попытокъ облегчить постепенный переходъ отъ замкнутости поземельной собственности къ свободѣ, и съ другой стороны, цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ противъ чрезмѣрнаго раздробленія земли.

Такъ, въ Баденѣ, Нассау, Гессенѣ, Пфальцѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ отчужденіе земли предоставлено свободѣ, но въ то же время закономъ опредѣленъ минимумъ, далѣе котораго дробленіе не можетъ идти ¹⁾.

Мѣра эта, препятствуя въ нѣкоторыхъ случаяхъ чрезмѣрному дробленію, появленію множества бесполезныхъ бороздъ и полевыхъ дорогъ, можетъ принести нѣкоторую пользу; но при ближайшемъ разсмотрѣніи легко убѣдиться, что осуществленіе ея представляетъ бездну неразрѣшимыхъ трудностей и

¹⁾ Нассаускій законъ 1700 года полагалъ необходимымъ для пропитанія семьи шесть морг. пахатной и четыре съ половиною морг. пастбищной земли. По распоряженію 1777 года пахатная земля и луга не могли дробиться ниже половины моргена; огородная же земля ниже четверти. По министерскимъ постановленіямъ 1829, 1837. и 1839 годовъ минимумъ, далѣе котораго не можетъ идти дробленіе, для пахатной земли опредѣленъ въ 50 кв. рутеновъ, для луговъ въ 25, для огородовъ въ 20. Sparre «Die Lebensfragen im Staate in Beziehung auf das Grundeigenthum», 1842 ч. I, стр. 212.—Баденскими распоряженіями 1760 и 1771 годовъ и шпейерскими 1753 и 1772 г. запрещено дробить пахатныя поля и огороды ниже четверти морг. (при особенно хорошемъ качествѣ почвы ниже восьмой части), виноградники же ниже восьмой части морг. Roscher «System der Volkswirtschaft», т. 2, стр. 388. — Подобный же законъ въ Гессенѣ 18 окт. 1834 г. Pioget стр. 141. — По Ганноверскому закону 9 мая 1823 г. для графства Лингенъ дробленіе не можетъ идти далѣе 40 каленб. (41 прус.) моргеновъ. Rau «Grundsätze der Volkswirtschaftspolitik» I. § 81 с.—Дармштадскій законъ 8 дек. 1834 полагаетъ минимумъ для плохихъ полей въ 400 квад. клафтеровъ, для хорошихъ въ 200, для луговъ въ 100, для виноградниковъ и огородовъ въ 50, для садовъ въ 20. — Roscher «System der Volkswirtschaft», ч. 2, стр. 388.

порождаетъ, быть можетъ, еще болѣе вреда, нежели пользы. Одна общая граница дробимости неприложима къ имѣніямъ всѣхъ величинъ. Если вообще законное ограниченіе считается необходимымъ, то нужно различать, по крайней мѣрѣ, два класса, и предписать, чтобы имѣнія, обрабатываемыя скотомъ, не должны быть уменьшаемы ниже размѣровъ, необходимыхъ для содержанія плуга; меньшія же, которыя не допускаютъ обработки скотомъ, не должны быть дробимы ниже размѣровъ, необходимыхъ для содержанія семьи. Притомъ, если желаютъ избѣжать бесполезной строгости, то часто необходимо бываетъ допустить дальнѣйшее дробленіе относительно тѣхъ участковъ, которые служатъ поддержкою работникамъ, занимающимся побочными занятіями. Но даже и для cadaго упомянутого класса нельзя принять одной общей границы для цѣлой страны или для нѣскольکو значительнаго округа. Не говоря уже объ измѣнчивыхъ личныхъ свойствахъ земледѣльцевъ, различіи семей, искусства, образованія, прилежанія, очевидно, что какъ участки, обрабатываемыя скотомъ, такъ и обрабатываемыя посредствомъ лопаты, въ высшей степени могутъ быть различны по климату, плодородію почвы, наклоненію ея, большей или меньшей плотности, большему или меньшему удобству сбыта, отдаленію отъ рынка и т. далѣе. Поэтому весьма легко одинъ и тотъ же минимумъ въ одной мѣстности можетъ давать двойной и даже тройной доходъ, противъ подобнаго участка въ другой мѣстности.

Ко всему этому нужно прибавить ничтожность значенія подобнаго минимума, если принять во вниманіе всю страну. Такъ, въ 1808 году во Франціи также было желаніе создать подобный законъ, запрещающій дробленіе земли на участки менѣе восьмой части гектара, съ цѣлью воспрепятствовать дробленію земли на участки, поземельный налогъ которыхъ былъ бы менѣе 5 фр. Положимъ, что этотъ законъ былъ бы приведенъ

въ дѣйствіе: каковы были бы его послѣдствія? Такъ какъ въ настоящее время во Франціи считается около шести милліоновъ подобныхъ частицъ, то этотъ законъ распространялся бы на пространство въ 750,000 гектаровъ, между тѣмъ какъ поверхность Франціи равняется 53 милліонамъ гектаровъ, изъ коихъ только 50 милліоновъ платятъ поземельный налогъ. Такъ какъ земля, находящаяся подъ постройками, дворами, огородами, равняется половинѣ этихъ шести милліоновъ участковъ, то законъ запрещающій дробленіе ниже восьмой части гектара распространялся бы едва на одну сто сороковую часть поверхности Франціи, между тѣмъ какъ послѣдствія его, какъ относительно благосостоянія, такъ и относительно наиболѣе выгоднаго пользованія землею, были бы чрезвычайно вредны для народнаго хозяйства.

Очевидно, что всѣ подобныя мѣры для опредѣленія границы, далѣе которой не можетъ идти дробленіе, представляютъ неразрѣшимыя трудности и не только не содѣйствуютъ общественному благосостоянію, но скорѣе вредны для него, оказывая наиболѣе гибельное вліяніе именно относительно того класса лицъ, для улучшенія участи котораго онѣ главнымъ образомъ предпринимаются.

Тоже можно сказать и о другихъ мѣрахъ, принятыхъ въ Германіи для ограниченія излишняго дробленія земли. Такъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ, не желая препятствовать свободному обращенію земель, дозволено отчуждать землю, но до извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ размѣровъ. Въ королевствѣ Саксонскомъ, напр., закономъ 1843 года опредѣлено, что владѣльцы недѣлимыхъ прежде имуществъ могутъ отчуждать только треть своего помѣстья, считая не по пространству, но по количеству уплачиваемаго налога; остальные же двѣ трети должны оставаться нераздѣльными. Это ограниченіе впрочемъ относится только къ сельскимъ участкамъ и не распростра-

няется на участки, лежащіе внутри городов¹⁾. Очевидно, что эта мѣра, несмотря на всѣ исключенія, еще менѣе раціональна, нежели предшествующая. Во многихъ мѣстахъ можетъ быть выгодно только экстензивное хозяйство, и потому уменьшеніе существующей величины участка вредно; въ другихъ же мѣстахъ участокъ можетъ дать наибольшій доходъ только при интенсивномъ хозяйствѣ, но при этомъ отчужденіе трети слишкомъ мало. Притомъ условія хозяйства измѣняются такъ, что отъ времени до времени дѣлаются необходимыми новыя отчужденія, а между тѣмъ законъ не допускаетъ ихъ. Очевидно, что подобная мѣра еще болѣе вредна для правильнаго распредѣленія поземельной собственности и для успѣховъ хозяйства.

Но еще хуже всякаго общаго закона, та система, которая принята въ Ганноверѣ, Австріи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, по которой вопросъ о раздробленіи въ каждомъ данномъ случаѣ должны рѣшать чиновники. Какъ ни разумна подобная мѣра при предположеніи идеальныхъ чиновниковъ, столь же мало разумна въ дѣйствительности. Это согласіе чиновниковъ тѣмъ болѣе пагубно, что имъ нельзя дать никакой инструкціи, которая во всякомъ случаѣ была бы непрактична и неприменима. А безъ закона и инструкціи, подобный чиновническій надзоръ не замедлитъ превратиться или въ полный произволъ, гибельный для благосостоянія и промышленности, противный справедливости и свободѣ, или въ пустую форму; потому что рѣдкіе чиновники могутъ хорошо понимать это дѣло, и слѣдовательно не могутъ воспрепятствовать чрезмѣрному дробленію. Притомъ подобная система ведетъ къ несправедливостямъ и къ возбужденію ненависти, если чиновникъ въ одномъ мѣстѣ поз-

¹⁾ Helfferich «Tübinger Zeitschrift» 1853 стр. 242. — Roscher «System der Volkswirtschaft», т. 2, стр. 391. — Rossbach «Geschichte der polit. Oekonomie», стр. 264.

воляетъ раздробленіе, въ другомъ запрещаетъ. Если бы къ этому согласію захотѣли присоединить согласіе общины, то результатъ былъ бы еще неблагопріятнѣе, потому что рѣшеніе зависѣло бы отъ воли господствующей партіи, и тогда уже нужно было бы опасаться не столько чрезмѣрнаго раздробленія, сколько мелкой сельской аристократіи, которая тѣмъ тягостнѣе, чѣмъ ближе предметъ зависти.

Такимъ образомъ, очевидно, что всѣ эти мѣры, а также другія подобныя имъ, направленныя противъ чрезмѣрнаго раздробленія участковъ, несостоятельны. Онѣ тѣмъ болѣе излишни, что направлены не противъ причинъ, но противъ симптомовъ зла, а потому очевидно не могутъ искоренить его. Если въ народѣ существуетъ хозяйственный смыслъ, если народъ достаточно развитъ и образованъ для сознанія своей собственной пользы, то подобныя мѣры совершенно излишни. Если же этотъ смыслъ уменьшился и исчезъ, и раздробленіе земли дошло до крайности и привело къ земледѣльческому пролетаріату, то подобныя мѣры не только не могутъ помочь, но, напротивъ, могутъ повредить дѣлу и ухудшить положеніе; потому что если можно запретить распродажу мелкихъ частей, то никоимъ образомъ нельзя запретить отдачу мелкими частями въ аренду, какъ это случается на большихъ помѣстьяхъ южной Германіи и Рейнской области, а также въ церковныхъ имѣніяхъ Бадена. Подобныя же мелкія аренды составляютъ несравненно большее бѣдствіе, нежели мелкія крестьянскія хозяйства, обрабатываемыя самими соотечественниками; потому что владѣніе поземельною собственностью, каковы бы ни были ея размѣры, возвышаетъ семью надъ обычнымъ положеніемъ пролетарія, способствуетъ сбереженіямъ и вообще благопріятно дѣйствуетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Притомъ при покупкѣ участковъ не легко могутъ господствовать столь безумныя цѣны, какъ при мелкой арендѣ; потому что конкуренція лицъ,

имѣющихъ средства къ покупкѣ ограниченнѣе, и собственникъ, который обращаетъ свое имущество на покупку земли, будетъ стараться всякимъ образомъ улучшить ее и сдѣлать болѣе доходною; между тѣмъ какъ для мелкихъ арендъ не нужно почти никакихъ средствъ, слѣдовательно существуетъ болѣшій запросъ, откупная цѣна чрезмѣрно возвышается и вслѣдствіе истощительнаго способа производства земля бѣднѣетъ и лишается своего плодородія. Притомъ мелкія аренды дѣйствуютъ гибельнымъ образомъ на быстрое развитіе пролетаріата еще тѣмъ, что при господствѣ ихъ заключаются болѣе легкомысленные браки, такъ какъ каждый пріобрѣтеніемъ аренды надѣется имѣть достаточныя по своему состоянію средства для содержанія семьи, между тѣмъ какъ при господствѣ мелкихъ хозяйствъ крестьянъ-собственниковъ для женитьбы необходимымъ полагается владѣніе поземельнымъ участкомъ.

Но, если правительство не можетъ оказать благодѣтельнаго и полезнаго вліянія посредствомъ подобныхъ мѣръ, запрещающихъ раздробленіе поземельной собственности, то оно можетъ принести значительную пользу народному хозяйству инаго рода распоряженіями, направленными противъ чрезмѣрной черезполосности.

Мы уже указали на невыгоды, проистекающія отъ раздробленія участковъ, принадлежащихъ одному и тому же собственнику. Съ цѣлью уничтоженія этихъ неудобствъ въ различныхъ государствахъ съ значительнымъ успѣхомъ предприняты законодательныя мѣры для побужденія владѣльцевъ къ соединенію слишкомъ разбросанныхъ участковъ. Мѣры эти извѣстны подъ названіемъ: *Inclosure*, *Zusammenlegung der Grundstücke*, *Consolidation*, *Arrondirung*, въ Австріи — *Commassation*, въ Баваріи — *Vereinödung*, въ сѣверной Германіи, Нижней Саксоніи и Вестфаліи — *Verkoppelung*, въ Пруссіи же, гдѣ совокупленіе участковъ производилось одновременно съ раздѣ-

ломъ общинныхъ имуществъ — Separation и Gemeinheits-theilung ¹⁾).

Эта операція совокудленія, округленія и обмѣна участковъ состоитъ въ томъ, что сначала точно измѣряется пространство и опредѣляется цѣнность всѣхъ участковъ, слѣдовательно цѣнность собственности всякаго владѣльца общины; потомъ всѣ участки совокупаются въ одну общую массу и по уничтоженіи существующихъ, часто дурно проложенныхъ, недостаточныхъ или слишкомъ многочисленныхъ дорогъ и по проложеніи новыхъ, каждому собственнику по возможности отводится одинъ или нѣсколько большихъ округленныхъ участковъ, равныхъ по цѣнности суммѣ раздробленныхъ и разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ, причемъ иногда переносится самое жилище, что называется Vereinödung.

Нѣтъ сомнѣнія, что это составляетъ наиболѣе возможное рѣшеніе вопроса, рѣшеніе, которое было принято, какъ благодѣяніе въ большей части странъ, гдѣ опытъ слишкомъ очевиднымъ образомъ доказалъ неудобства чрезвычайной разбросанности и черезполосности участковъ. Подобныя мѣры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приняты были уже въ давнее время. Такъ, въ Бернскомъ кантонѣ приступлено къ соединенію участковъ съ 1591 года; потомъ мѣра эта была принята въ нѣкоторыхъ другихъ кантонахъ. Въ 1695 году Шотландскій парламентъ издалъ билль, по которому разъ навсегда каждому владѣльцу дозволялось требовать отъ всѣхъ прочихъ владѣльцевъ округа новаго передѣла земель, болѣе благопріятнаго для обработки. Въ Даніи законъ 1758 года по поводу уничтоженія общиннаго

¹⁾ Hanssen «Ueber den Flurzwang und dessen Aufhebung», Archiv der pol. Oek. von Rau. 1844, ч. 2.—Das Staats-Lexikon von Rotteck und Welcker, art. Consolidation.—Wilh. Selig «Die Zusammenlegung der Grundstücke in besonderer Beziehung auf die Gesetzgebung in Hannover, etc.—Bülau «Der Staat und der Landbau».

владѣнія также предписалъ соединеніе участковъ. Въ Швеціи законъ 1765 года дозволилъ владѣльцамъ черезполосныхъ участковъ требовать новаго передѣла земель. Во Франціи также представляется нѣсколько подобныхъ примѣровъ полюбовнаго раздѣла, произведенныхъ при помощи инициативы нѣкоторыхъ богатыхъ собственниковъ, которые не затруднялись пожертвованіями, чтобы добиться согласія другихъ собственниковъ общины. Первый опытъ, по словамъ Франсуа Невшато, былъ сдѣланъ въ бургундской общинѣ Руврѣ въ 1705 году, примѣру которой послѣдовали другія общины въ Бургундіи и Лотарингіи ¹⁾ По словамъ Бонмера, эта операція совершалась во Франціи шесть разъ до революціи. Въ Ровиллѣ и Невиллѣ, двухъ общинахъ, изъявившихъ согласіе на такой передѣлъ, исполненіе его было весьма облегчено, благодаря безкорыстію интенданта провинціи де ла Галезьера, который, будучи самъ богатымъ собственникомъ въ одной изъ этихъ общинъ, предоставилъ всѣмъ другимъ владѣльцамъ право выбирать себѣ участки прежде него, объявивъ, что онъ будетъ довольствоваться тѣми землями, которыхъ не возьмутъ другіе ²⁾. Въ 1808 году комиссія департаментовъ Дижона, Нанси, Безансона, Брюсселя и Лиможа въ своемъ мнѣніи о проектѣ сельскаго кодекса выразилась также въ пользу обязательнаго соединенія участковъ ³⁾. 16 іюня 1824 года былъ изданъ законъ, который, желая благопріятствовать обмѣну черезполосныхъ участковъ, облегчалъ пошлину относительно сдѣлокъ подобнаго рода; но въ 1834 году законъ этотъ былъ снова уничтоженъ подъ предлогомъ, что онъ предпринятъ съ цѣлью возстановленія аристократическаго принципа посредствомъ

¹⁾ De Lavergne «Economie rurale de la France», стр. 118.

²⁾ Bonnemere «Le morcellement du sol et l'association», Journal des Econ. 1858, № 1.

³⁾ Piogey «Du morcellement du sol en France», стр. 147.

соединенія большихъ помѣстій ¹⁾). Но особенно замѣчательны мѣры принятыя съ этою цѣлью въ послѣднее время въ различныхъ германскихъ государствахъ. Первый примѣръ подала Пруссія, которая вскорѣ вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостнаго права, именно въ 1821 году, приняла рѣшительныя мѣры для общаго передѣла полей съ цѣлью уничтоженія общиннаго пользованія, а также череполосности, не воспрещая дробленія на будущее время. Примѣру ея въ 1834 году послѣдовала Саксонія, а въ 1842 Ганноверъ. Но особенно дѣятельно принялись за распространеніе этой мѣры съ 1848 года. Въ этомъ году законъ добровольнаго передѣла былъ изданъ въ Саксенъ-Веймарѣ, въ 1850 году въ Ангальтъ-Дессау и Ангальтъ-Кетенѣ, въ 1853 въ Готѣ, Кобургѣ и Ганноверѣ, въ 1855 въ Саксенъ-Мейнингенѣ, въ 1856 въ Баденѣ въ Шварцбургъ-Рудольштатѣ и Зондергаузенѣ, въ 1857 въ Альтенбургѣ, въ 1858 въ герцогствѣ Гессенскомъ, въ 1861 въ Баваріи ²⁾).

Относительно благотѣльности послѣдствій этой мѣры соединенія участковъ, между всѣми экономистами и агрономами существуетъ полное согласіе. Дѣйствительно нельзя не признать, что подобная консолидація участковъ имѣетъ самое благотворное вліяніе во всѣхъ отношеніяхъ. Посредствомъ этой мѣры устраняются почти всѣ вышеизчисленные нами вредныя послѣдствія череполосности: сберегается потеря времени и потеря земли, облегчается надзоръ за работами, дѣлаются возможными усовершенствованія, опыты и правильные сѣвообороты, способствующіе возвышенію дохода, а слѣдовательно и гѣнности помѣстій. Земледѣлецъ становится вполне независимымъ отъ своихъ сосѣдей; ему развязываются руки, и для зе-

¹⁾ Troplong «Code Civile. Échange», Préface. стр. III.

²⁾ Etudes sur l'économie rurale de l'Allemagne. Revue german. 1861. — Das Staats-Lexicon von Rotteckund Welcker, art. Consolidation.

мледѣлія начинается новая эра. Притомъ округленный участокъ, свободный отъ всѣхъ ограниченій не только возвышается въ цѣнности, но представляетъ менѣе случаевъ и побужденій къ раздробленію и продажѣ, нежели какъ это обыкновенно бываетъ при разбросанности участковъ, затрудняющихъ надзоръ и обработку, порождающихъ разнообразныя столкновения съ многочисленными сосѣдями, являющихся источникомъ тяжбъ, споровъ и потерь. Самое чувство чести крестьянина получаетъ отъ этого особенное побужденіе, потому что по положенію его хозяйства можно судить о степени его дѣятельности и тотчасъ, по общему виду, различить лѣниваго отъ прилежнаго; между тѣмъ какъ при черезполосности крестьяне часто дѣлаются небрежными, потому что пара лѣнивыхъ сосѣдей можетъ вредно дѣйствовать на всѣхъ пограничныхъ владѣльцевъ. Цѣнность подобной округленной собственности возвышается въ значительной мѣрѣ, потому что увеличивается производство, и существуетъ не мало примѣровъ, что подобная собственность, единственно вслѣдствіе округленія, продавалась отъ пятидесяти до ста процентовъ дороже ¹⁾).

Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что эта мѣра въ высшей степени благотворна. Но при этомъ рождается вопросъ, какимъ образомъ производить ее. Дѣйствовать ли въ этомъ случаѣ насильственно путемъ закона, или же предоставить это дѣло свободному соглашенію самихъ владѣльцевъ, облегчивъ только способы для производства подобной операціи?

Вопросъ этотъ рѣшаютъ различно. Французскіе писатели Бонмеръ, Піоже, Тролонъ считаютъ вообще насильственное принужденіе несправедливымъ и нѣсколько опаснымъ для Франціи. Принудить поземельныхъ собственниковъ противъ

¹⁾ Huhn • Handbuch der Volkswirthschaftslehre und Volkswirthschaftspolitik » 1863. 2-е отд. ч. 1, стр. 75.

ихъ воли къ соединенію участковъ и новому передѣлу земель, говорятъ они, значило бы посягнуть на самыя дорогіе интересы, что можетъ породить весьма важныя затрудненія и быть источникомъ процессовъ и общественныхъ безпорядковъ. При этомъ въ особенности указываютъ на подозрительный духъ французскаго сельскаго народонаселенія относительно всякой мѣры, касающейся поземельной собственности, духъ, который не разъ уже проявлялся по поводу поземельной оцѣнки, производимой правительствомъ съ цѣлью облегчить уплату поземельнаго налога. Эта оцѣнка, предпринятая въ интересъ народонаселенія, производила паническій страхъ, который въ нѣкоторыхъ общинахъ сопровождался важными безпорядками. Поэтому правительство, сознавая выгоду соединенія разсѣянныхъ участковъ съ точки личнаго и общественнаго интереса, должно, по мнѣнію ихъ, ограничиваться нѣкоторыми косвенными мѣрами, содѣйствующими этой операціи. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые совѣтуютъ поступить такъ же, какъ поступлено во Франціи относительно дренажа по закону 17 іюля 1856 года. Хотя въ большинствѣ случаевъ дренажъ возможенъ, выгоденъ и менѣе дорогъ только при образованіи товариществъ владѣльцевъ, соединяющихся для производства работъ, тѣмъ не менѣе французскій законъ 1856 года отвергъ принципъ насильственнаго дренажа, но признавъ неоспоримо выгоднымъ содѣйствовать образованію добровольныхъ товариществъ для производства совокупными силами дренажа, не пренебрегъ никакимъ средствомъ для облегченія его ¹⁾).

¹⁾ Въ этомъ отношеніи французскій законъ не послѣдовалъ примѣру англійскихъ законовъ 5 августа 1842 и 5 марта 1856 годовъ, по которымъ дренажъ можетъ быть произведенъ на извѣстной совокупности помѣстій даже противъ воли собственниковъ всякій разъ, какъ скоро производства этой операціи потребуетъ одинъ изъ владѣльцевъ извѣстнаго округа или жюри, засѣдающій въ ассизахъ графства.

Иначе вопросъ рѣшенъ въ Германіи. Большая часть нѣмецкихъ писателей придерживается того мнѣнія, что для приведенія въ исполненіе этой общепользной мѣры, можетъ быть употреблено даже нѣкоторое принужденіе. Хотя это сильно противорѣчитъ праву собственности, хотя, повидимому, весьма жестоко принуждать владѣльцевъ къ отчужденію ихъ неоспоримаго владѣнія, хотя этимъ нарушаются многіе обычаи, чувство привязанности къ тяжело пріобрѣтенному и въ потѣ лица обрабатываемому полю, тѣмъ не менѣе, по ихъ мнѣнію, подобная мѣра необходима въ видахъ общественной пользы. Этою мѣрою, говорятъ они, нисколько не отнимается собственность, не нарушаются никакіе интересы, повелѣвается только обмѣнъ выгодный для всѣхъ. Только эгоизмъ можетъ противиться этому, и если государство въ маловажныхъ вещахъ, гдѣ дѣло не идетъ объ удобствахъ и улучшеніяхъ, изъ уваженія къ свободѣ, должно щадить даже эгоизмъ гражданъ, то оно должно также умѣть побѣждать его, гдѣ онъ является противнымъ общимъ государственнымъ цѣлямъ и враждебно выступаетъ противъ народнаго благосостоянія. Въ подобныхъ случаяхъ всѣ приписываютъ государству право отчужденія собственности отдѣльныхъ лицъ въ пользу общества за определенное и законное вознагражденіе.

Руководимыя подобными воззрѣніями, нѣмецкія правительства большею частью рѣшили въ пользу обязательнаго передѣла, совершаемаго по требованію большинства, именно: прусское законодательство 1821 года предоставило право провокаціи каждому заинтересованному лицу; саксонскій законъ 1834 года требуетъ двухъ третей голосовъ по числу и величинѣ участковъ, баденскій законъ 1856 года двухъ третей и согласія министерства, альтенбургскій трети голосовъ, готскій, шварцбургъ-рудолштадскій и зондергаузенскій только четверти, саксенъ-мейнингенскій 1855 года половины голо-

совъ. Подобныя мѣры, какъ всякое нарушеніе собственности, разумѣется не могутъ вполнѣ избѣгнуть справедливыхъ упрековъ. Онѣ могутъ бытъ вполнѣ справедливы только тогда, когда дѣйствительно выгодны для всѣхъ; но, очевидно, что рѣшеніе четверти, трети и даже двухъ третей голосовъ, не всегда можетъ служить вѣрнымъ ручательствомъ подобной выгоды. Весьма легко можетъ случиться, что при подобной мѣрѣ нѣкоторые пріобрѣтутъ значительныя выгоды, между тѣмъ какъ другіе не только не получаютъ выгодъ взамѣнъ неоспоримаго нарушенія спокойнаго владѣнія, но теряютъ. Поэтому необходимо иногда принимать во вниманіе и мнѣніе меньшинства, если оно руководится не однимъ упрямствомъ и предразсудками. Нѣкоторые писатели предлагаютъ по этому поводу предоставлять окончательное рѣшеніе споровъ между большинствомъ и меньшинствомъ разбору добросовѣстныхъ экспертовъ, съ тѣмъ чтобы неправая сторона отвѣчала за издержки подобнаго разбора въ случаѣ, если судьи признаютъ, что она руководила ь неразумными побужденіями.

Но, какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что подобная мѣра, приведенная въ исполненіе при соблюденіи тщательныхъ предосторожностей, освобождая крестьянъ отъ потери времени, труда, потери земли, процессовъ, споровъ, тяжбъ, возвышая доходъ и цѣнность земли, доставляя возможность болѣе выгоднаго хозяйства, имѣетъ на своей сторонѣ множество преимуществъ, и въ большинствѣ случаевъ, даже при обязательномъ передѣлѣ, въ высшей степени полезна и благотворительна. Она составляетъ необходимый и окончательный шагъ перехода отъ прежней несвободной организаціи собственности къ полной свободѣ ея.

Единственное возраженіе противъ нея состоитъ въ томъ, что если земледѣльцамъ не будетъ запрещено дробить такимъ образомъ устроенныхъ и округленныхъ участковъ, то по ис-

теченіи нѣсколькихъ лѣтъ снова возвратятся къ прежнему безпорядку и по прошествіи каждаго пятидесяти лѣтъ снова придется предпринимать передѣлы съ цѣлью новаго совокупленія участковъ. Но мы, съ своей стороны, полагаемъ, что этого дѣйствительно можно опасаться только при существованіи принудительнаго закона равнаго раздѣла наслѣдствъ; но что опасенія далеко не имѣютъ того основанія при существованіи полной завѣщательной свободы относительно передачи наслѣдствъ, потому что въ подобномъ случаѣ, если участокъ будетъ составлять округленное цѣлое, то каждый заботливый отецъ приметъ всѣ мѣры, чтобы онъ сохранился въ цѣлости, поддерживая имя и уваженіе семьи, чего онъ легко можетъ достигнуть, надѣлая дѣтей своихъ деньгами или давая имъ образованіе и обезпечивая ихъ другими занятіями и промыслами.

Такимъ образомъ, какъ естественныя требованія справедливости и общаго блага, такъ и разсмотрѣніе различныхъ законодательныхъ мѣръ приводятъ къ одному и тому же результату, именно: что нѣтъ болѣе дѣйствительнаго и лучшаго средства къ достиженію возможно выгоднаго и справедливаго распредѣленія поземельной собственности, какъ предоставить это дѣло свободному движенію личныхъ интересовъ. Только въ такомъ случаѣ государство можетъ избѣгнуть справедливыхъ нареканій; ибо общество, само распоряжаясь распредѣленіемъ собственности, будетъ употреблять всѣ усилія для достиженія наиболѣе выгоднаго распредѣленія, потому что само воспользуется всѣми благодѣтельными послѣдствіями успѣшнаго рѣшенія этого дѣла, точно такъ же какъ на себѣ понесетъ всю тяжесть совершенныхъ ошибокъ.

Но если государство не можетъ оказывать благодѣтельнаго вліянія прямымъ вмѣшательствомъ въ распредѣленіе поземельной собственности, то тѣмъ не менѣе, оно можетъ дѣй-

ствовать въ высшей степени благодѣтельно общимъ направленіемъ своей дѣятельности: распространеніемъ нравственности и образованія, охраненіемъ священныхъ правъ собственности, соблюденіемъ строгаго правосудія, упроченіемъ и облегченіемъ кредита, улучшеніемъ путей сообщенія и вообще мѣрами, дѣйствующими на возвышеніе народнаго самосознанія, а также устраняющими преграды и препятствія, мѣшающія проявленію великаго принципа свободы во всемъ его величіи.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>стр.</i>
Введеніе.	1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I. — Общій характеръ обработки крестьянами-соб-	
ственниковъ	21
Глава II. — О крестьянахъ-собственникахъ въ древности .	28
Глава III. — О крестьянахъ-собственникахъ во Франціи .	62
Глава IV. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Англіи .	109
Глава V. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Испаніи .	169
Глава VI. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Италіи .	185
Глава VII. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Германіи .	208
Глава VIII. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Швейцаріи .	268
Глава IX. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Бельгіи .	281
Глава X. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Швеціи и	
Норвегіи	297
Глава XI. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Даніи .	317
Глава XII. — О крестьянахъ-собственникахъ въ Россіи .	326

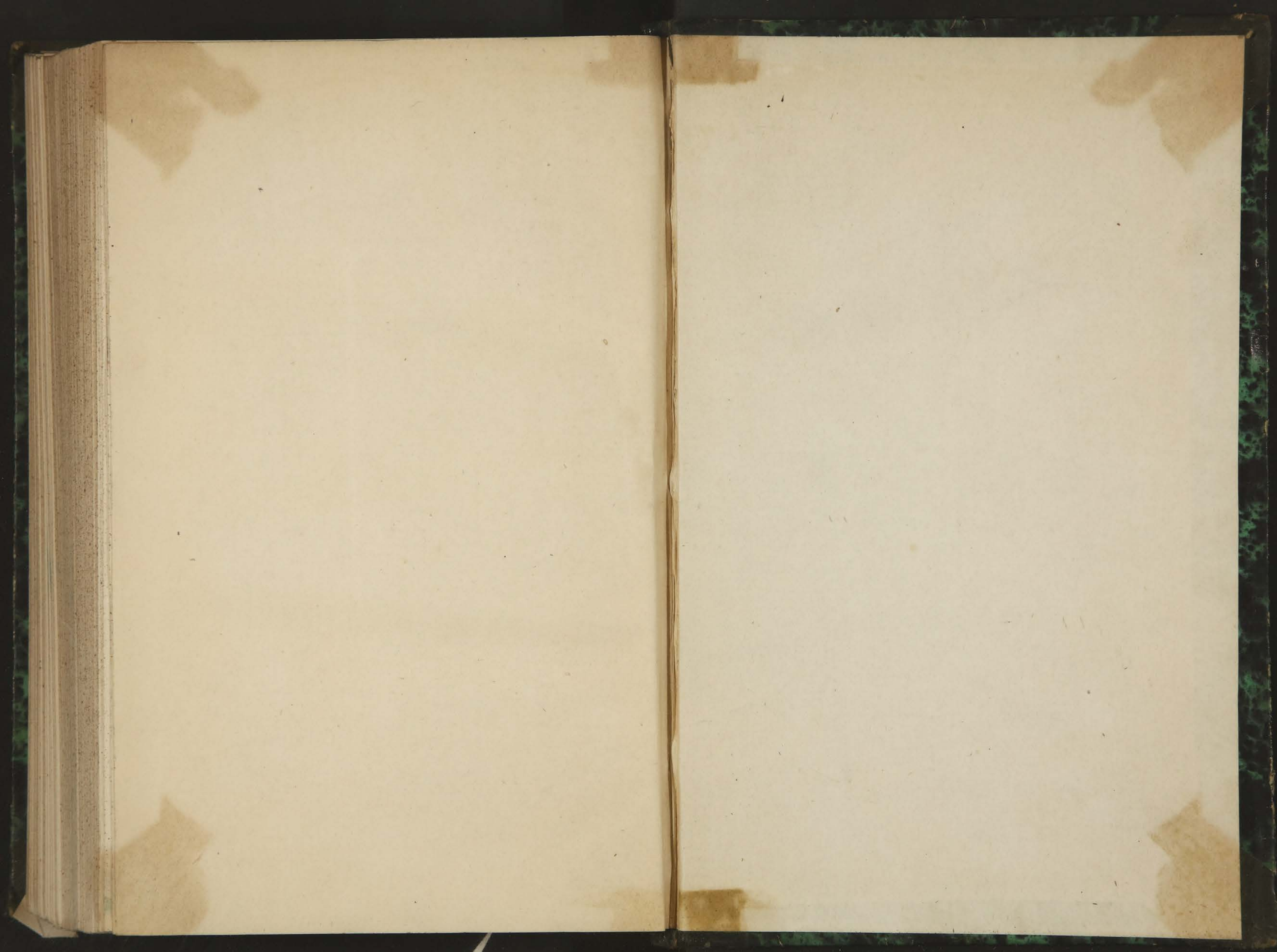
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

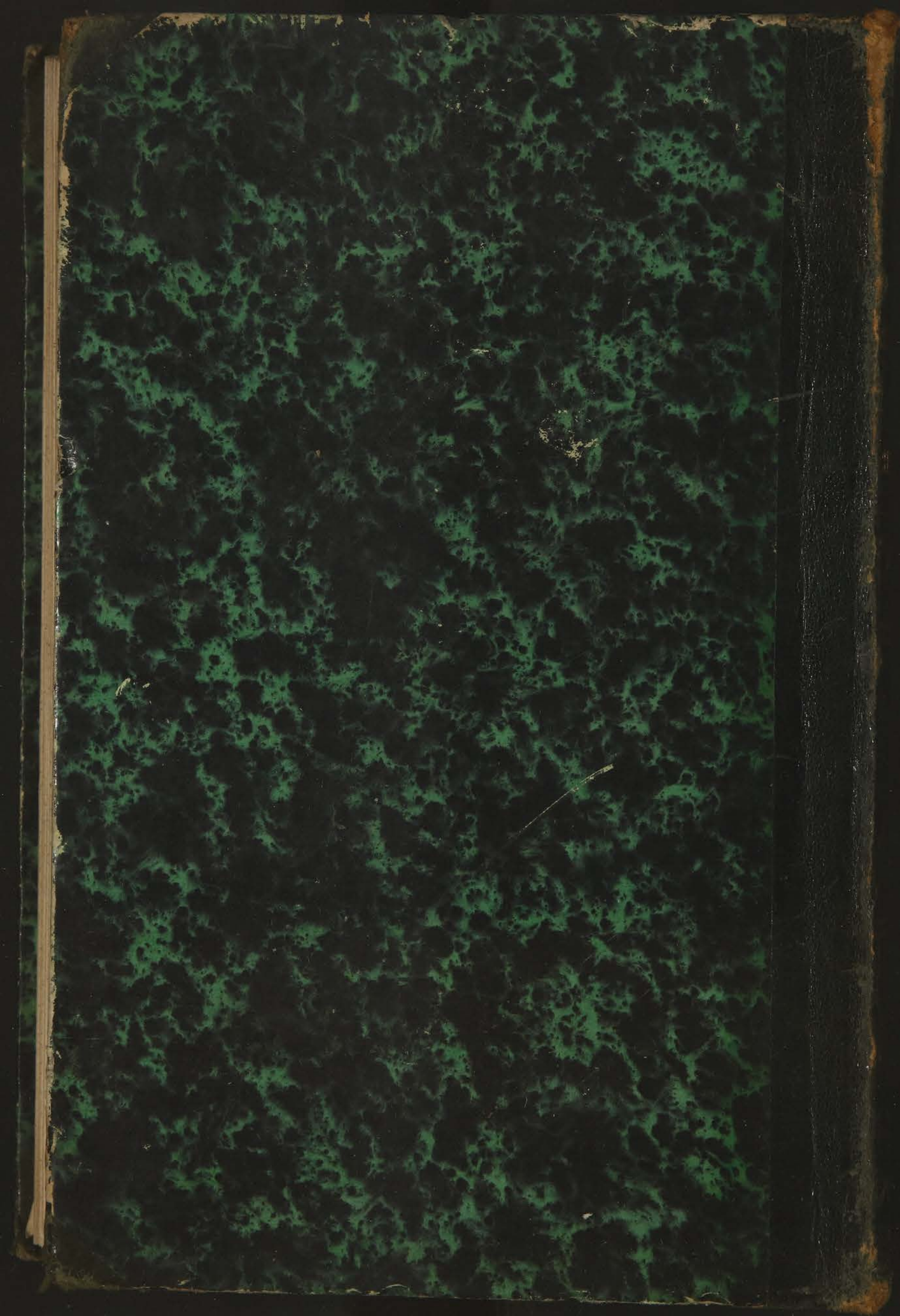
Глава I. — Вліяніе обработки крестьянами-собственниками	
на земледѣліе	343
Глава II. — Вліяніе обработки крестьянами-собственниками	
на валовой и чистый доходъ	400

Глава III. — Вліяніе обработки крестьянами-собственниками на матеріальное, нравственное и умственное развитіе на- рода.	462
Глава IV. — Вліяніе обработки крестьянами-собственниками на развитіе народонаселенія.	502
Глава V. — Вліяніе обработки крестьянами-собственниками на распредѣленіе народонаселенія по занятіямъ	527
Глава VI. — Вліяніе обработки крестьянами-собственниками на гражданское и государственное устройство общества .	548
Глава VII. — Вліяніе государства на обработку крестьянами- собственниками	577

ПОГРѢШНОСТИ.

<i>стр.</i>	<i>стр.</i>	<i>напечатано:</i>	<i>должно читать:</i>
38	22	136	366
42	2	509	595
42	28	Nitzch «Die Grachen	Nitzsch «Die Gracchen
87	13	36,034,364	36,039,364
90	10	53,268	53,208
90	24	102,481,000	102,981,000
108	21	1784 года	1789 года
125	30	bevind-hand	behind-hand
165	8	9,155	9,175
165	9	2,945	2,446
182	6	8,091,180	8,091,080
182	7	403,407	404,408
182	10	677,368	677,168
183	31	euvropéens	européens
184	21	Алментейо	Алентейо
204	15	1,85	—1,85
239	6	37,6051	386,051
240	9	23,87	32,87
241	32	564,579	564,759
261	27	17,600	17,100
264	5	905	995
282	21	103,509	103,519
282	22	74,849	74,847
322	23	7 ⁰ / ₀	70 ⁰ / ₀
333	3	1805	1803
355	26	другимъ	другими
391	29	бъясняется	объясняется
442	7	80	75
442	16	Департамента	Департаментъ
442	27	100	110

3877

ВОЛЬСКІЙ

ЗНАЧЕНІЕ ОБРАБОТКИ

КРЕСТЬЯНАМИ

СОВСТВЕННИКАМИ